Колдовской мир
Паутина Колдовского мира
Трое против Колдовского мира

АНДРЕ НОРТОН

Колдовской мир
Паутина Колдовского мира
Трое против Колдовского мира

ЗОЛОТАЯ СЕРИЯ ФЭНТЕЗИ

АНДРЕ НОРТОН

ЗОЛОТАЯ СЕРИЯ ФЭНТЕЗИ

ANDRE

NORTON

Witch World

Web of the Witch World

Three Against the Witch World

АНДРЭ НОРТОН

Колдовской мир

Паутина Колдовского мира

Трое против Колдовского мира

ИЗДАТЕЛЬСТВО
Москва
1999

ББК 84 (7США)
Н82

Серия основана в 1999 году

Andre Norton

WITCH WORLD
WEB OF WITCH WORLD
THREE AGAINST THE WITCH WORLD

Серийное оформление и компьютерный дизайн А. Кудрявцева
Перевод с английского А. Грузберга, О. Колесникова
Иллюстрации и оформление В. Мартыненко
Макет подготовлен О. Колесниковым

Исключительные права на публикацию книги
на русском языке принадлежат издательству АСТ.
Любое использование материала данной книги,
полностью или частично, без разрешения
правообладателя запрещается.

Нортон А.
Н82 Колдовской мир. Паутина Колдовского мира. Трое против Колдовского мира: Романы / Пер. с англ. – М.: ООО "Фирма "Издательство АСТ", 1999. – 544 с. – (Золотая серия фэнтези).

ISBN 5-237-03206-0

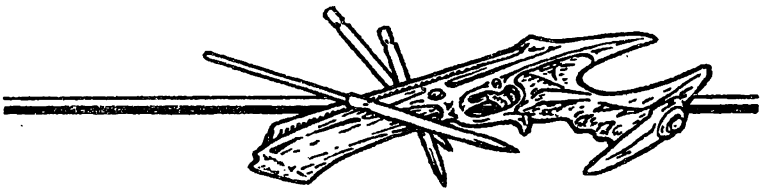
Андрэ Нортон — одна из самых популярных писательниц за всю историю мировой фантастики, более того, один из тех редких авторов, таланту которых в равной степени подвластны как жанр научной фантастики, так и жанр фэнтези, первая и пока единственная женщина, удостоенная Американской ассоциацией писателей - фантастов высокого титула Великого Мастера.

Однако в ряды классиков фантастической литературы нашего столетия Нортон вошла именно благодаря фэнтези — благодаря своей знаменитой эпической саге о Колдовском мире, мире могучих героев и могущественных волшебников, уникальном, бесконечно оригинальном мире, полюбившемся миллионам читателей...

© Andre Norton, Ltd., 1963, 1964, 1965
© Перевод. А. Грузберг, О. Колесников
© ООО "Фирма "Издательство АСТ", 1999

Колдовской мир

I. САЛКАРКИП

1. Камень

Дождь косым занавесом закрывал грязные улицы, смывая копоть с городских стен; вкус этой копоти ощущал высокий худощавый человек, большими шагами шедший вдоль зданий, напряженно всматриваясь в подъезды и переулки.

Два часа назад — а может, три? — Саймон Трегарт вышел из вокзала. У него больше не было причин следить за временем. Время потеряло всякое значение, а он — цель. Как преследуемый, бегущий, скрывающийся... Впрочем, он не скрывался. Он шел открыто, настороженный, готовый ко всему, расправив плечи, высоко подняв голову.

В первые дни бегства, когда перед ним забрезжила надежда, когда он использовал звериную хитрость, каждый трюк, которому успел научиться, когда петлял и плутал, им правили часы и минуты. Теперь он шел не торопясь и будет идти, пока смерть, таящаяся в одном из этих подъездов, в засаде в какомнибудь переулке, не встанет перед ним. И даже тогда он пустит в ход свои клыки. Сунув правую руку в карман влажного пальто, Саймон нащупал эти клыки — гладкое, ровное, смертоносное оружие, так легко улегшееся в его руке, будто оно было частью его тела.

Безвкусные красно-желтые неоновые огни реклам отражались в залитом водой тротуаре; знакомство Саймона с этим городом ограничивалось одним-двумя отелями в центре, несколькими ресторанами, магазинами — всем тем, что обычный путешественник узнает за два посещения, разделенные дюжи-

ной лет. Саймон держался открытых мест: он был убежден, что конец охоты наступит вечером или завтра рано утром.

Саймон понял, что устал. Он давно не спал, подгоняемый необходимостью все время идти.

Трегарт замедлил шаг перед освещенным входом, прочел надпись на витрине. Швейцар распахнул дверь, и человек под дождем принял это молчаливое приглашение, почувствовав тепло и запах пищи.

Должно быть, плохая погода обескуражила хозяев. Поэтому швейцар и впустил его так быстро. А может, покрой дорогого костюма, непромокаемого пальто, едва заметное высокомерие, свойственное человеку, привыкшему командовать и встречать подчинение, — все это обеспечило ему хороший столик и быстро подошедшего официанта.

Саймон сухо улыбнулся, пробегая глазами по строчкам меню. Обреченный получит хороший ужин. Его отражение, искаженное полированным боком сахарницы, улыбнулось ему в ответ. Длинное лицо с правильными чертами, с морщинками у глаз и губ, загорелое обветренное лицо человека без возраста. Он может быть таким и в двадцать пять, и в шестьдесят лет.

Трегарт ел медленно, наслаждаясь каждым глотком, впитывая тепло и комфорт, расслабив если не мозг и нервы, то тело. Но расслабленность объяснялась не ложной храбростью. Наступал конец, и Саймон хорошо понимал это.

— Простите...

Вилка с куском мяса, которую он подносил к губам, не остановилась. Но, несмотря на полное самообладание, Саймон почувствовал, как дрогнули его веки. Он прожевал и ответил ровным голосом:

— Да?

Человек, вежливо ожидавший у стола, мог быть маклером, адвокатом, врачом. В нем чувствовалось профессиональное умение вызывать доверие собеседника. Саймон ожидал совсем не этого: такой человек слишком респектабелен, вежлив и правилен, чтобы оказаться... смертью. Хотя у организации много слуг в самых разных сферах.

— Полковник Саймон Трегарт?

Саймон разломил булочку.

— Саймон Трегарт, но не полковник, — поправил он и добавил: — как вам отлично известно.

Собеседник казался несколько удивленным: он улыбнулся вежливой, спокойной, профессиональной улыбкой.

— Как бестактно с моей стороны! Но позвольте сразу заметить — я не член организации. Наоборот, я ваш друг — если вы этого пожелаете, конечно. Позвольте представиться. Доктор Джордж Петрониус. Могу добавить — к вашим услугам.

Саймон моргнул. Он считал, что будущее хорошо ему известно, но на такую встречу не рассчитывал. Впервые за последние тяжелые дни в нем шевельнулось нечто похожее на надежду.

Ему не пришло в голову усомниться в личности этого маленького человека, смотревшего на него сквозь сильные очки в такой необычно тяжелой и широкой пластиковой оправе, что она напоминала маску XVIII века. Доктор Джордж Петрониус был хорошо известен в том полускрытом мире, в котором Саймон провел последние несколько лет. Если ты «сгорел» и если у тебя, к счастью, достаточно монет, иди к Петрониусу. Тех, кто так поступил, никогда не находил ни закон, ни жаждавшие отомстить коллеги.

— Сэмми в городе, — продолжал четкий, с легким акцентом голос.

Саймон с видом знатока глотнул вина.

— Сэмми? — в его голосе звучала та же бесстрастность, что и у собеседника. — Я польщен.

— О, у вас есть определенная репутация, Трегарт. За вами организация пустила своих лучших псов. После того, как вы управились с Кочевым и Лэмпсоном, остается только Сэмми. Но Сэмми отличается от других. А вы — простите мне вмешательство в ваши личные дела — уже довольно давно скрываетесь. В такой ситуации ваша рука не становится крепче.

Саймон рассмеялся. Он наслаждался едой, питьем, даже легкими уколами доктора Петрониуса. Но настороженность не оставляла его.

— Итак, моя рука нуждается в подкреплении. Что же вы порекомендуете, доктор, в качестве лекарства?

— Мою помощь.

Саймон поставил бокал. Красная капля сползла по нему и впиталась в скатерть.

— Мне говорили, что ваши услуги обходятся дорого, Петрониус.

Маленький человек рассмеялся.

— Естественно. Но взамен я гарантирую полное спасение. Доверившиеся мне получают вполне достаточно за свои доллары. Жалоб не поступало.

— К сожалению, я не могу воспользоваться вашими услугами.

— Истратили за последнее время свои запасы? Конечно. Но ведь из Сан-Педро вы уехали с двадцатью тысячами. Такую сумму невозможно истратить за короткое время. А если вы встретитесь с Сэмми, все оставшееся вернется к Хансону.

Саймон сжал губы. На мгновение он стал выглядеть таким грозным, как будто перед ним стоял Сэмми.

— Почему вы следите за мной... и как?

— Почему? — Петрониус пожал плечами. — Узнаете позже. Я в каком-то смысле ученый, исследователь, экспериментатор. А насчет того, как я узнал, что вы в городе и нуждаетесь в моих услугах... Трегарт, вы не представляете себе, как распространяются слухи. Вы меченый человек, к тому же опасный. За вашим появлением следят. Жаль, что вы честны.

Саймон сжал кулаки.

— После моих действий за последние семь лет вы навешиваете на меня такой ярлык?

На этот раз рассмеялся Петрониус, захихикал, приглашая собеседника оценить юмор ситуации.

— Честность имеет мало общего с требованиями закона, Трегарт. Если бы вы не были честны, если бы у вас не было идеалов, вы не столкнулись бы с Хансоном. Я хорошо вас изучил и знаю, что вы созрели. Пойдемте со мной?

Саймон обнаружил, что, оплатив счет, следует за доктором Джорджем Петрониусом. У обочины ждала машина, но доктор не назвал шоферу адрес, когда машина двинулась в ночь и дождь.

— Саймон Трегарт, — голос Петрониуса был бесстрастен, как будто он цитировал запись, интересную только для него. — Происхождения из Корнуолла. 10 марта 1939 года поступил в армию США. Продвинулся по службе от сержанта до полковника. Служил в оккупационных войсках. Отстранен от должности, лишен звания и заключен в тюрьму за... за что, полковник? Ах, да, за связь с черным рынком. Только, к несчастью, храбрый полковник очень долго не подозревал об этих своих преступных связях. Именно это поставило вас по другую сторону закона, не так ли, Трегарт? Потеряв имя, вы решили, что можно продолжить ту же игру.

После Берлина вы участвовали в нескольких сомнительных предприятиях, пока не оказались настолько неразумны, что столкнулись с Хансоном. Вы невезучий человек, Трегарт. Будем надеяться, что сегодня ваша судьба изменится.

— Куда мы направляемся? В порт?

Снова он услышал хихиканье.

— В нижнюю часть города, но не к гавани. Мои клиенты уезжают, но не по морю, воздуху или земле. Много ли вы знаете о традициях своих предков, Трегарт?

— Я никогда не слышал о традициях в Матачеме, штат Пенсильвания...

— Меня не интересует шахтерский городишко на этом континенте. Я говорю о Корнуолле, который гораздо старше...

— Мои предки из Корнуолла. Но я о них ничего не знаю.

— У вас чистокровная семья, а Корнуолл стар, очень стар. В легендах он объединяется с Уэльсом. Здесь известен Артур, и римляне в Британии теснились в его пределах, когда их рубили топоры саксов. А до римлян здесь жили другие... многие народы, обладавшие странными знаниями. Вы доставите мне большое удовольствие, Трегарт. — Последовала пауза. Доктор как будто ждал вопроса. Когда его не последовало, он продолжал.

— Я хочу познакомить вас с одной вашей древней традицией, полковник. Очень интересный эксперимент. А, вот мы и приехали!

Машина остановилась перед входом в темную аллею. Петрониус открыл дверцу.

— В этом единственное неудобство моего дома, Трегарт. Аллея слишком узка для машины. Придется идти.

Саймон смотрел на темный вход, гадая, не привез ли его доктор к месту убийства. Ждет ли здесь Сэмми? Но Петрониус включил фонарик и водил его лучом, приглашая идти.

— Всего несколько метров, уверяю вас. Идите за мной.

Аллея действительно оказалась короткой. Между высокими зданиями стоял маленький домик.

— Анахронизм, Трегарт. — Доктор достал ключ. — Ферма восемнадцатого столетия в сердце большого города. Входите, пожалуйста. Здесь всегда присутствуют призраки прошлого.

Позже, сидя перед открытым огнем, держа в руке приготовленный хозяином коктейль, Саймон решил, что упоминание о призраках очень соответствует действительности. Доктору не хватало лишь заостренного колпака на голове и меча на боку, чтобы завершить иллюзию переноса во времени.

— Куда я отсюда отправлюсь? — спросил Саймон.

Петрониус пошевелил дрова кочергой.

— Вы уйдете на рассвете, полковник, свободный, как я и обещал. А вот куда, — он улыбнулся, — это мы посмотрим.

— Зачем ждать рассвета?

Как бы вынужденный сказать больше, чем собирался, Петрониус поставил кочергу, вытер руки платком и посмотрел прямо в глаза Саймону.

— Потому что ваша дверь откроется только на рассвете — именно ваша. Вероятно, вы будете смеяться над моим рассказом, Трегарт, пока собственными глазами не увидите доказательства. Что вы знаете о менгирах?

Странно, но Саймон чувствовал себя довольным тем, что может ответить на вопрос. Доктор явно не ожидал этого.

— Это камни. Доисторические люди поставили их кругом. В Стоунхендже.

— Поставили кругом. Но эти камни использовались и по-другому. — Теперь Петрониус говорил серьезно и требовал от слушателя внимания. — В старых легендах упоминаются камни, обладающие большой силой. Лиа Фейл из Туата де Даманн в Ирландии. Когда подлинный король ступал на него, камень издавал громкий крик в его честь. Это был коронационный камень древней расы, одно из трех ее великих сокровищ. А разве до сих пор английские короли не держат под своим троном Скунский камень?

Но в Корнуолле был еще один камень власти — Сидж Перилос, сиденье риска. Говорили, что этот камень способен оценить человека, определить его качества и предоставить его судьбе. Артур при помощи Мерлина открыл силу этого камня и поместил его среди сидений Круглого стола. Шесть рыцарей пытались сесть на него — и исчезали. Потом пришли двое, знавшие его тайну. Они остались — Персифаль и Галахад.

— Послушайте. — Саймон был жестоко разочарован, и особенно потому, что у него было появилась надежда. Петрониус свихнулся, выхода нет. — Артур и Круглый стол — сказки для детей. Вы говорите так, будто...

— Будто это подлинная история? — подхватил Петрониус. — Но кто скажет, что подлинная история, а что нет? Каждое слово из прошлого доходит до нас, окрашенное и искаженное обучением, предрассудками, даже физическим состоянием летописца, записавшего его для будущих поколений. Традицию создает история, но разве традиция совпадает с историей? Как может быть искажена истина даже за одно поколение? Вы сами исказили всю свою жизнь ложными показаниями. Но эти показания теперь стали историей, хотя они и неверны. История записывается человеком и обременена всеми его ошибками. Как можно утверждать, что этот факт вымышлен, а этот правдив, и знать, что ты не ошибаешься? В легендах много правды, а в истории немало лжи. Я знаю это, потому что Сидж Перилос существует!

Существуют теории, чуждые здравому смыслу, но мы о них знаем. Слыхали ли вы об альтернативных мирах, расщепляющихся после определенного момента? В одном из таких миров, полковник, вы, возможно, не отвели взгляда в ту ночь в Берлине. В другом вы не встретились со мной несколько часов назад, а отправились прямо на свидание с Сэмми.

Доктор раскачивался на пятках, как будто под действием собственных слов и веры. И Саймон поневоле почувствовал прилив энтузиазма.

— Какую же из этих теорий вы хотите применить к моему случаю, доктор?

Петрониус снова облегченно рассмеялся.

— Немного терпения. Выслушайте меня, не считая сумасшедшим, и я объясню. — Он перевел взгляд с наручных часов на настенные. — У нас есть несколько часов. Итак...

И маленький человек начал рассказ, звучавший как бессмыслица. Саймон послушно молчал. Тепло, выпивка, возможность отдохнуть — этого вполне достаточно. Позже все равно придется встретиться с Сэмми, но пока он отодвинул эту мысль в глубь мозга и сосредоточился на словах Петрониуса.

Послышался мелодичный звук старинных часов. Еще три раза звонили они, прежде чем доктор кончил. Саймон вздохнул, подчинившись этому потоку слов. Если бы только это было правдой... Но у Петрониуса есть репутация. Саймон расстегнул куртку и достал бумажник.

— Я знаю, что с тех пор, как Сакарси и Волверстайн встретились с вами, о них никто не слышал, — согласился он.

— Конечно, потому что они ушли в свою дверь. Они нашли тот мир, который всю жизнь подсознательно искали. Я уже говорил вам. Когда садишься на камень, перед тобой открывается мир, в котором ты дома. И ты отправляешься туда искать счастья.

— Почему же вы не попытались сами? — Саймону это казалось самым слабым местом в рассказе. Если Петрониус обладал ключом к такой двери, почему он не использовал его сам?

— Почему? — Доктор взглянул на свои пухлые руки, лежавшие на коленях. — Потому что возврата нет. Только человек в отчаянном положении выбирает этот выход. В этом мире мы считаем, что контролируем сами свои поступки, определяем решение. Этот выбор не может быть изменен. Я много говорю, но все же не могу подобрать слова, чтобы выразить все, что я чувствую. Было много хранителей этого камня, лишь немногие использовали его для себя. Может быть... однажды... но у меня не хватает храбрости.

— И вы продаете свои услуги преследуемым? Что ж, это тоже способ зарабатывать на жизнь. Список ваших клиентов интересно было бы прочитать.

— Верно. Моей помощью пользовалось немало известных людей. Особенно в конце войны. Вы не поверите, кто обращался ко мне, после того как от них отвернулось счастье.

Саймон кивнул.

— Много известных военных преступников так и не найдено, — заметил он. — И странные, должно быть, миры открывает ваш камень, если, конечно, все это правда. — Он встал и потянулся. Потом подошел к столу и пересчитал деньги. Старые, грязные, как будто на них перешла часть грязи от дел, в которых они побывали. В руке у него осталась одна монета. Саймон подбросил ее в воздух, и она, звеня и подпрыгивая, покатилась по полированному дереву. Вверху оказался выгравированный орел. Саймон взглянул на него и сказал:

— Возьму с собой.

— Принесет счастье? — Доктор тщательно пересчитывал банкноты, укладывая их в пачку. — Не очень полагайтесь на него: у человека не может быть слишком много счастья. А теперь, хоть мне и не хочется торопить уважаемого гостя, но власть камня ограничена. Важнее всего нужный момент. Сюда, пожалуйста.

Саймон подумал, что доктор с таким видом мог бы пригласить его в кабинет дантиста или на встречу с сенатором. Как глупо, что он идет за ним.

Дождь прекратился, но в каменном ящике за старым домом было по-прежнему темно. Петрониус щелкнул выключателем, и из двери блеснул свет. Три серых камня образовывали арку выше головы Саймона всего на несколько дюймов. А перед аркой лежал четвертый камень, неполированный, в форме грубого параллелепипеда. За аркой виднелась деревянная изгородь, непокрашенная, прогнившая от времени, выпачканная городской грязью. Фут или два голой земли и ничего больше.

Саймон стоял, внутренне смеясь над собой за то, что на мгновение поверил в эту ерунду. Пора появиться Сэмми, а Петрониусу — получить свою истинную плату.

Доктор указал на камень.

— Это Сидж Перилос. Садитесь, полковник. Время.

Саймон угрюмо, без улыбки, подчеркивая собственную глупость, подошел к камню и остановился под аркой. Потом сел. Круглые углубления в камне соответствовали ногам. С каким-то предчувствием Саймон опустил руки. Так и есть — два меньших углубления для ладоней.

Ничего не случилось. Оставались деревянная изгородь, полоска грязной земли. Он уже собирался встать, когда...

— Сейчас! — голос Петрониуса звучал напряженно.

За аркой все завертелось, растаяло.

Саймон смотрел на болотистую местность под серым рассветным небом. Свежий ветер, несущий странный бодрящий запах, шевельнул его волосы. Что-то в нем распрямилось.

— Ваш мир, полковник. Желаю вам всего наилучшего!

Саймон отсутствующе кивнул, больше не интересуясь маленьким человеком. Может, это иллюзия, но она влекла его больше всего в жизни. Не говоря ни слова, он встал и прошел под аркой.

На мгновение Трегарт почувствовал страх. Он даже представить себе не мог, что такой страх возможен. Он причинил физическую боль. Как будто вселенная раскололась и превратила его в ничто. И тут же Саймон растянулся на земле, уткнувшись лицом в жесткую траву.

2. Охота на болотах

Рассвет не означал восхода солнца, потому что в воздухе висел густой туман. Саймон встал и оглянулся. Два грубых столба из красноватого камня, но за ними не городской двор, а все то же серо-зеленое болото, уходящее в туман. Петрониус прав: этот мир ему неизвестен.

Саймон дрожал в своем теплом пальто. У него не было шляпы, волосы промокли, и вода стекала с них за шиворот. Нужно убежище — хоть какая-то цель. Саймон медленно обернулся. До самого горизонта ни одного здания. Пожав плечами, он пошел прямо от каменных столбов: это направление ничем не хуже других.

Он шел по влажной почве, а небо светлело, туман рассеивался, и характер местности постепенно менялся. Виднелось больше крупных красноватых камней, появились подъемы и спуски. На горизонте показалась ломаная линия, означавшая приближение гор. Впрочем, далеко ли до них, Саймон не мог определить. Прошло уже много часов с тех пор, как он поел в последний раз. Трегарт на ходу сорвал лист с куста, пожевал, ощутив острый, но приятный аромат. И тут же услышал шум охоты.

Несколько раз прозвучал рог, ему ответил лай и одинокий приглушенный крик. Саймон пошел быстрее. Оказавшись на краю оврага, он понял, что шум доносится с другой его стороны, и пошел в этом направлении. С осторожностью, выработанной годами службы в отрядах коммандос, он выглянул меж двух камней.

Первой из зарослей кустарников на противоположном краю оврага показалась женщина. Она бежала ровно, как опытный бегун, пробежавший большое расстояние и знающий, что еще много предстоит пробежать. На краю узкой долины она оглянулась.

На фоне серо-зеленой растительности ее стройное тело, едва прикрытое обрывками одежды, казалось пятнистым от

лучей рассвета. Нетерпеливым жестом она отбросила назад пряди черных волос, провела руками по лицу. Потом начала осторожно спускаться, отыскивая тропу вниз.

Снова зазвучал рог, ему ответил лай. Женщина вздрогнула, и Саймон привстал, неожиданно поняв, что в этой охоте она является добычей.

Он снова опустился на одно колено, когда женщина дернулась, отцепляя платье от ветки. От толчка она потеряла равновесие и упала через край оврага. Даже сейчас она не закричала, но ухватилась руками за ветви куста. Ветви выдержали. И когда она снова попыталась ногами нащупать опору, появились собаки.

Это были тощие белые животные; их долговязые тела казались лишенными костей, когда они, изгибаясь, остановились на краю оврага. Устремив морды вниз, они победно завыли.

Женщина поворачивалась, отчаянно пытаясь нащупать опору, чтобы удержаться и спуститься вниз, на дно оврага; ей удалось бы это, если бы не охотники.

Они ехали верхом; тот, у которого на шнурке висел рог, остался в седле, а другой спешился и быстро подошел к краю, отпихивая со своей дороги собак. Увидев женщину, он положил руку на кобуру, висевшую на поясе.

В свою очередь увидев его, женщина оставила попытки найти опору и, вися на кусте, подняла вверх спокойное, лишенное выражения лицо. Охотник улыбнулся, доставая оружие, очевидно, наслаждаясь беспомощностью жертвы.

И тут же пуля из пистолета Саймона ударила его в грудь. Он с криком упал в овраг.

Прежде чем замерло эхо выстрела и крика, второй всадник укрылся, и Саймон понял, какой противник ему достался. Собаки бешено скакали, наполняя воздух громким лаем.

Женщина сделала последнее усилие и нашла опору в стене оврага. Она принялась быстро спускаться, прячась за кустами и скалами. Саймон уловил мгновенное движение. В двух дюймах от того места, где он лежал, вонзившись острием в землю, дрожала маленькая стрела. Второй охотник принял бой.

Десять лет назад Саймон почти ежедневно играл в такие игры, наслаждаясь ими. И он обнаружил, что навыки, полученные мышцами и телом, не утрачиваются. Трегарт плотнее вжался в траву. Собаки устали, некоторые легли на землю, тяжело дыша. Теперь дело в терпении, а его у Саймона в избытке. Он заметил движение в кустарнике и выстрелил. В ответ послышался крик.

Немного спустя, встревоженный треском ветвей, он подполз к краю оврага и лицом к лицу столкнулся с женщиной. Темные глаза с вызывающей косинкой на треугольном лице смотрели на него с таким острым интересом, что он был несколько обескуражен. Схватив ее за плечо, он помог ей выбраться наверх. И тут же ощутил опасность, отчаянную необходимость уходить по болоту. Безопасность лишь за краем болота, в направлении, противоположном тому, откуда он пришел.

Это впечатление было настолько сильным, что Саймон прополз между кустами и побежал рядом с женщиной, примериваясь к ее ровному бегу. Лай собак постепенно затихал за ними.

Хотя она, должно быть, пробежала много миль, держаться за ней оказалось нелегко. Наконец болото начало уступать место небольшим прудам, окруженным тростником. Женщина рассмеялась, взглянув на Саймона, как бы приглашая его тоже посмеяться какой-то шутке. Она указала вперед, на полосу прудов; жест ее свидетельствовал, что там безопасность.

Примерно в четверти мили перед ними поперек дороги клубился туман. Саймон всматривался в него. Может быть, там безопасно, но так же возможно там и погибнуть. Странно, но туман как будто вытекал из одного источника.

Женщина подняла правую руку. Из широкого металлического браслета блеснул свет, направленный на туман. Другой рукой она приказала Саймону не двигаться. Трегарт всматривался в туманный занавес, почти уверенный, что видит какие-то движущиеся фигуры.

Спереди послышался крик, слова непонятны, но по тону ясно, что это вопрос. Спутница Саймона ответила несколькими словами. Услышав ответ, она пошатнулась. Потом овладела

собой и взглянула на Саймона. Он взял ее за протянутую руку, догадываясь, что им отказано в помощи.

— Что теперь? — спросил он. Слова, конечно, были ей незнакомы, но он был уверен, что она поняла вопрос.

Женщина облизала кончик пальца и подняла руку, подставив ее ветру. Ветер сдувал с ее лица темные локоны. Стал виден кровоподтек на щеке. Все еще держа Саймона за руку, она потянула влево; они побрели через дурно пахнущие лужи; тина, расступаясь перед ними, липла к ее ногам и его промокшим брюкам. Так добрались они до края болота, а туман двигался параллельно, закрывая их стеной. Саймон все сильнее ощущал голод, мокрые башмаки терли ноги. Но звуки рога больше не слышались. Должно быть, собаки сбились со следа.

Пробившись сквозь заросли тростника, они оказались на краю более возвышенной местности. Перед ними была дорога, почти тропа. Идти по ней стало гораздо легче.

Должно быть, было уже далеко за полдень, когда дорога начала подниматься, хотя в этом сером свете трудно было определить время. Впереди виднелась каменная стена. Красноватый камень поднимался почти вертикально и походил на искусственное укрепление. В стене оказалась брешь. В нее уходила дорога.

Они почти добрались до этой стены, когда счастье отвернулось от них. Из травы рядом с дорогой выбежало маленькое черное животное, пробежало рядом с женщиной. Та потеряла равновесие и упала на утоптанную глину. Она испустила болезненный крик и схватилась за правую лодыжку. Саймон отвел ее руки и осмотрел ногу. Женщина закусила губу; ясно было, что она не может идти. И тут снова послышался рог.

Саймон подбежал к щели в стене. За ней расстилалась равнина, спускающаяся к реке. Ни одного укрытия. Кроме этого каменного выроста на много миль не видно ничего выступающего на ровной местности. Саймон повернулся к стене и внимательно осмотрел ее. Сбросил пальто и поискал опоры. Не-

сколько секунд спустя он поднялся на карниз, еле заметный снизу. Можно попытаться отсидеться здесь.

Пока Саймон спускался, женщина на четвереньках подползла к нему. Объединив отчаянные усилия, они забрались на карниз и прижались друг к другу. Саймон ощутил на лице горячее дыхание женщины. Повернувшись, он посмотрел на тропу, по которой они прошли.

Под ударами ветра полуобнаженное тело женщины дрожало. Саймон подобрал свое пальто и укутал ее. Та улыбнулась, и Саймон увидел, что ее губы рассечены недавним ударом. Он решил, что она некрасива — слишком худа и бледна. Хотя почти все ее тело было обнажено, он не чувствовал к ней никакого влечения. И тут же Саймону стало ясно, что женщина каким-то образом поняла его мысль, которая ее позабавила.

Она подползла к краю карниза; теперь они лежали плечом к плечу. Отбросив рукав пальто, женщина обнажила браслет. Время от времени она проводила пальцами по овальному камню, украшавшему браслет.

Сквозь шум ветра они слышали звуки рога и собачий лай. Саймон достал пистолет. Его спутница слегка коснулась оружия, как бы удивляясь его природе. Затем кивнула. На дороге показались белые точки — собаки. За ними следовали четыре всадника. Саймон разглядывал их.

Всадники приближались открыто, явно не ожидая опасности. Возможно, они не знали о судьбе двух своих товарищей, считая, что преследуют только женщину. Саймон надеялся на это.

Металлические шлемы с неровными гребнями защищали их головы, верхнюю половину лица скрывало забрало. Одежда состояла из куртки, зашнурованной от талии до горла. На поясах в добрых двадцать дюймов ширины висела кобура с оружием, нож в ножнах и различные приспособления, которые Саймону были неизвестны. Облегающие брюки, сапоги с высокими голенищами и острыми носками. Создавалось впечатление, что всадники в мундирах, так как цвет одежды был одинаковый, сине-зеленый, а на груди каждого всадника виднелся один и тот же символ.

Тощие змеевидные собаки подбежали к каменной стене, они вставали на задние лапы, цепляясь передними. Саймон, помня о бесшумной стреле, выстрелил первым.

С хрипом передний всадник упал, зацепившись за стремена, и лошадь потащила по дороге его тело. Саймон выстрелил вторично. Послышался крик. Второй всадник схватился за руку. Лошадь, по-прежнему таща мертвеца, проскакала через брешь в стене и понеслась к реке.

Собаки замолчали. Тяжело дыша, лежали они у подножия стены. Глаза их горели, как угли. Саймон с растущим беспокойством рассматривал их. Он хорошо знал собак, знал, как их используют в лагерях. Это были большие животные, убийцы. Саймон мог их перестрелять одну за другой, но не хотел тратить патроны.

День подходил к концу. Саймон знал, что ночью, в полной темноте, им придется туго. Ночь быстро приближалась. Ветер с болот пронизывал их холодом.

Трегарт шевельнулся, и одна из собак насторожилась, оперлась лапами о скалу и испустила вой. Крепкие пальцы ухватили Саймона за запястье и вернули в прежнее положение. И снова он получил известие. Как ни безнадежно их положение, женщина не отчаивалась. Он понял, что она чего-то ждет.

Неужели она надеется подняться на вершину стены? Во тьме он уловил отрицательное движение ее головы, как будто она прочла его мысли.

Снова собаки успокоились; лежа у подножия стены, они следили за добычей вверху. Где-то — Саймон напряженно всматривался в темноту — собрались их хозяева, готовясь покончить с беглецами.

Саймон напряженно сжимал оружие, вслушиваясь в малейшие звуки. Женщина шевельнулась, испустила приглушенное восклицание, вздох. Саймону не понадобилось ее прикосновение. Он и так смотрел на нее.

В темноте что-то двигалось по карнизу. Женщина, застав его врасплох, перехватила пистолет и ударила рукоятью по крадущемуся существу.

Злобный писк оборвался. Саймон отобрал оружие и только тогда взглянул на извивающееся существо с переломленной спиной. Зубы — иглы, белая плоская голова, тело, заросшее шерстью, красные глаза, больше всего поразившие Саймона, — в них светился разум. Существо умирало, но все еще пыталось дотянуться до женщины, испуская злобное шипение.

Саймон с отвращением пнул маленького зверька, и тот упал с карниза прямо на ждущих собак.

Те отскочили и залаяли. Сквозь их лай Саймон уловил ободряющий звук. Женщина смеялась. Глаза ее светились торжеством. Она кивнула и снова рассмеялась, когда он наклонился, рассматривая темноту у подножия стены.

Неужели это существо тоже было спущено на них преследователями? Однако беспокойство собак, их быстрое отступление говорили обратное. Значит, их встреча с маленьким существом была случайной. Приняв это как еще одну загадку, Саймон приготовился провести ночь на страже. Если нападение маленького животного было частью плана охотников, за ним могут последовать новые попытки.

Но тьма сгущалась, а снизу не доносилось ни звука, который означал бы нападение. Собаки снова легли полукругом у подножия стены, заметные благодаря своей белой шерсти. Саймон снова подумал о вершине стены. Если бы не нога женщины, они могли бы подняться туда.

Когда окончательно стемнело, женщина шевельнулась. Пальцы ее задержались на запястье Саймона и скользнули по его ладони. В мозгу у него мелькнула картина. Нож! Ей нужен нож. Он отпустил ее руку и достал перочинный нож. Она с живостью схватила его.

Саймон не понял последующего, но у него хватило здравого смысла не вмешиваться. Туманный кристалл на запястье женщины слабо засветился. При этом свете Трегарт увидел, как женщина вонзила лезвие в палец. Капля крови упала на кристалл, и на мгновение густая жидкость закрыла свет.

Затем из этого овала брызнул поток пламени. Женщина удовлетворенно рассмеялась. Через несколько секунд кристалл

снова помутнел. Женщина опять взяла Саймона за руку, и он снова получил сообщение. В оружии больше нет необходимости, помощь приближается.

Болотный ветер с гнилым запахом выл между скал. Женщина дрожала, и Саймон прижал ее к себе, чтобы объединить тепло их тел. В небе блеснула изогнутая сабля молнии.

3. Саймон поступает на службу

Еще одна яркая молния разорвала небо как раз над стеной. Она послужила началом такой дикой битвы в небе и на земле, такого ветра и бури, каких Саймон никогда не видел. Ему приходилось испытывать огненные ужасы войны, но это было гораздо хуже, может быть потому, что он знал: эти удары, вспышки, огни не поддаются никакому контролю.

Скала дрожала под ударами, и путники жались друг к другу, как испуганные маленькие дети, закрывая глаза при каждой новой вспышке. Слышался постоянный рев, не обычные раскаты грома, а удары гигантского барабана. Ритм этих ударов отражался в биении сердца, от него кружилась голова. Женщина прижалась к груди Саймона лицом, Саймон обнял ее дрожащие плечи, как будто был единственным обещанием безопасности в непрочном мире.

Удары, гром, блеск вспышек, ветер — все это продолжалось, но дождя не было. Скала под ними начала дрожать в такт раскатам грома.

От последней яростной вспышки Саймон на какое-то время ослеп и оглох. Прошло несколько минут. Ударов больше не было, даже ветер стихал, как будто от усталости. Саймон поднял голову.

В воздухе стоял чад от горелого мяса. Поблизости дрожащим пламенем горел кустарник. Но благословенная тишина продолжалась, женщина зашевелилась в руках Саймона, высвободилась. Он вновь уловил ее уверенность, смешанную с торжеством. Какая-то игра подходила к победоносному концу.

Саймон хотел осмотреть сцену внизу. Пережили ли охотники и собаки бурю? При свете горящих кустов он увидел у подножия скалы клубок белых тел. На дороге лежала мертвая лошадь, из-за нее виднелась рука всадника.

Женщина подползла к краю карниза, осматривая местность. Потом, прежде чем Саймон смог остановить ее, спустилась с карниза. Саймон последовал за ней, ожидая нападения. Но вокруг виднелись лишь неподвижные тела.

Тепло огня донеслось до них. Хорошо! Спутница Саймона протянула обе руки к огню. Трегарт пробирался между обожженными телами собак. Он направился к мертвой лошади, собираясь использовать оружие всадника. И тут заметил, что пальцы всадника пошевелились.

Охотник был смертельно ранен, и Саймон не испытывал к нему сочувствия после этой жестокой охоты на болотах. Но он не мог и оставить беспомощного человека в ловушке. Налегая изо всех сил, он приподнял мертвую лошадь и вытянул изувеченное тело. И принялся при свете пожара рассматривать раненого.

В искаженных, залитых кровью чертах лица не было ни признака жизни, но разбитая грудь с трудом поднималась и опускалась. Время от времени слышался стон. Саймон не смог бы назвать расу всадника. Коротко остриженные волосы, очень красивые, почти серебристо-белые. Нос крючком между широкими скулами — странное сочетание. Саймон предположил, что раненый молод, хотя в этом бледном лице мало что осталось от несформировавшегося юноши.

Через плечо у него по-прежнему висел рог. Богатая одежда, украшенная жемчугом брошь на груди свидетельствовали о том, что это не простой солдат. Саймон, не способный помочь ему, обратил внимание на широкий пояс всадника и оружие.

Нож он засунул себе за пояс. Странный самострел извлек из кобуры и внимательно осмотрел. У оружия был ствол и приспособление, которое могло служить только курком. Но ручка оружия непривычна, целиться трудно. Саймон сунул самострел за пазуху.

Он отцеплял следующий предмет — узкий цилиндр, когда из-за его спины протянулась белая рука и взяла цилиндр.

При этом прикосновении раненый шевельнулся. Он открыл глаза. И в его затуманенных смертью зрачках появилось такое выражение, что Саймон отшатнулся.

Он встречался с опасными людьми, желавшими его смерти, и справлялся с ними. Он стоял лицом к лицу с людьми, ненавидевшими его, и сам ненавидел их. Но никогда он не видел такого выражения, которое застыло в блестящих зеленоватых глазах охотника.

И тут же Саймон понял, что эти глаза обращены не к нему. Раненый смотрел на женщину, которая стояла, слегка согнувшись, щадя раненую ногу, поворачивая в руках жезл, который сняла с пояса охотника. Саймон ожидал увидеть на ее лице объяснение того горящего разъедающего гнева, с которым на нее смотрел раненый.

Женщина спокойно, без следа эмоций, глядела на охотника. Его губы изогнулись. С мучительным усилием он приподнял голову и плюнул в женщину. Затем его затылок ударился о землю, и он затих, как будто последнее выражение отвращения отняло у него всю энергию. В свете угасающего огня лицо его расслабилось, рот приоткрылся. Саймону не нужно было прислушиваться к стуку сердца: он знал, что охотник мертв.

— Ализон, — женщина тщательно выговорила это слово, переводя взгляд с Саймона на мертвеца. Наклонившись, она указала на эмблему на груди всадника и повторила: — Ализон.

— Ализон, — сказал Саймон, вставая. У него больше не было желания осматривать вещи мертвого.

Женщина повернулась лицом к отверстию в стене, через которое уходила к реке дорога.

— Эсткарп... — снова тщательное произношение. Пальцем она указывала на речную долину. — Эсткарп, — повторила она, указывая на себя.

И как будто в ответ на ее слова, из-за стены послышался резкий трубный звук. Не вызывающий зов рога, а скорее свист, какой издает сквозь зубы человек, ожидая действия. Женщина

в ответ прокричала несколько слов, ветер подхватил их, они эхом отдались от скальной стены.

Саймон услышал топот копыт, лязг металла о металл. Но поскольку спутница с радостным ожиданием смотрела на проход, он решил ждать, не прибегая к действиям. Лишь рука его сомкнулась на автоматическом пистолете в кармане. Он направил ствол оружия на щель в стене.

Они появлялись по одному, эти всадники. Двое, держа оружие наготове, протиснулись в проход. Увидев женщину, они радостно вскрикнули; это явно были друзья. Четвертый всадник поехал прямо к ожидавшим Саймону и женщине. У него была высокая мощная лошадь, выбранная как будто для того, чтобы нести большую тяжесть. Но всадник был настолько мал ростом, что пока он не спешился, Саймон принимал его за мальчика.

В свете огня тело всадника блестело, искры вспыхивали на шлеме, поясе, горле, запястьях. Хоть он был и мал ростом, плечи у него оказались необыкновенно широкие, а руки и грудь могли принадлежать человеку втрое большего размера. Одежда напоминала кольчугу, но облегала тело так плотно, будто была сделана из ткани. Шлем увенчивался фигурой птицы с распростертыми крыльями. А может, это была настоящая птица, каким-то образом замершая в неестественной неподвижности? Глаза на горделиво воздетой голове, казалось, следили за Саймоном с молчаливой яростью. Гладкая металлическая шапка, на которой сидела птица, оканчивалась чем-то вроде кольчужного шарфа, обернутого вокруг горла всадника. Идя вперед, всадник нетерпеливо потянул за этот шарф, открывая лицо. И Саймон увидел, что не так уж ошибся в своей первоначальной оценке. Воин в шлеме с птицей был молод.

Молод, да, но и силен. Внимание его разделилось между женщиной и Саймоном, он задал ей вопрос, враждебно осматривая Трегарта. Она ответила потоком слов, рука ее начертила в воздухе какой-то знак между Саймоном и воином. Увидев это, воин коснулся шлема жестом, который мог быть только приветствием чужеземцу. Но распоряжалась в этой ситуации женщина.

Указывая на воина, она продолжила урок языка: «Корис».

Саймон быстро решил, что это может быть лишь личным именем. Он ткнул пальцем себе в грудь.

— Трегарт, Саймон Трегарт. — И подождал, пока она назовет себя.

Но она лишь повторила его слова, как бы запоминая:

— Трегарт, Саймон Трегарт.

Тогда Саймон решил спросить прямо:

— Кто? — он указал прямо на нее.

Воин Корис потянулся за оружием. Женщина нахмурилась, лицо ее приобрело холодное выражение. Саймон понял, что совершил большую ошибку.

— Прошу прощения. — Он развел руки, надеясь, что она воспримет этот жест как извинение. Он каким-то образом оскорбил ее, но из-за своего невежества. И женщина, должно быть, поняла это, потому что принялась что-то объяснять молодому офицеру. Впрочем, тот в последующие часы не стал более дружелюбным по отношению к Саймону.

Корис с почтительным видом, не соответствующим разорванной одежде женщины, посадил ее за собой на спину большой черной лошади. Саймон ехал с другим воином, держась руками за пояс всадника.

... Спустя долгое время Саймон неподвижно лежал в постели и невидящими глазами смотрел на резной деревянный верх полога. Он мог показаться глубоко спящим, если бы не эти открытые глаза. Но старая способность мгновенного перехода от сна к полному сознанию не оставила его в новом мире. И сейчас он напряженно классифицировал сведения, стараясь из разрозненных фактов нарисовать картину того, что находилось за каменными стенами этой комнаты.

Эскарп оказался не только речной долиной; это была серия мощных крепостей вдоль дороги, означавшей границу. В этих крепостях они меняли лошадей, ели и снова скакали, подгоняемые необходимостью, которую Саймон не понимал. Наконец они оказались в городе круглых башен, серо-зеленых, как почва, на которой они стояли. В этом окруженном стеной

городе жила раса высоких людей с гордой походкой, темными глазами и волосами такими же черными, как у Саймона. Чувствовалось, что эта расе очень древняя.

Но к тому времени, как они прибыли в город, Саймон так устал, у него так болело тело, что в памяти его сохранились лишь отдельные картины. И ощущение возраста, глубокой древности башен и стен. Башни и стены города могли быть частью гор этого мира. Трегарт бывал в старых городах Европы, видел дороги, по которым проходили еще легионы Рима. Однако здесь ореол возраста, покрывший все, был гораздо сильнее, и Саймон боролся с ним, обдумывая факты.

Его поселили в центральной башне города — массивном каменном сооружении, в котором была и торжественность храма, и безопасность крепости. Саймон с трудом мог вспомнить, как приземистый офицер — Корис — привел его в эту комнату, указал на постель. А затем — ничего.

Или было еще что-то?

Саймон нахмурился, слегка сдвинув брови. Корис, комната, постель... Но теперь, когда он глядел на узоры резьбы над головой, она показалась ему странно знакомой, как будто вырезанные там символы имели какое-то значение, когда-то известное ему.

Эсткарп — и древняя страна, и город, и образ жизни. Саймон напрягся. Откуда он это знает? Однако это правда, такая же реальная, как кровать, на которой отдыхало его измученное тело, как резьба над кроватью. Женщина, за которой шла охота, принадлежала к расе Эсткарпа, в то время как мертвый охотник за стеной — к иному и враждебному народу.

Воины в крепостях все были высокими, смуглыми, гордыми и замкнутыми. Лишь Корис с его изуродованным телом отличался от предводительствуемых им людей. Однако приказы Кориса исполнялись; только женщина, ехавшая за ним, обладала, по-видимому, большей властью.

Саймон мигнул, руки его задвигались под одеялом, он сел, устремив взгляд на полог. Он уловил легкий звук приближающихся шагов и поэтому не удивился, когда кольца занавеса

звякнули, толстая синяя ткань разделилась и появился тот самый человек, о котором Саймон только что думал.

Без кольчуги Корис представлял еще более странное зрелище. Широкоплечий, со свисающими, непропорционально длинными руками, он был невысок, и его тонкая талия и стройные ноги были необыкновенно малы сравнительно с верхней частью тела. Но на этих широких плечах сидела голова мужчины, каким был бы Корис, если бы судьба не сыграла с ним жестокую шутку. Под густой шапкой светлых волос находилось лицо лишь недавно возмужавшего юноши. Необычайно красивое лицо, резко контрастирующее с изуродованным телом, голова героя на туловище обезьяны!

Саймон опустил ноги с высокой кровати и встал, сожалея, что вынужден будет смотреть на вошедшего сверху вниз. Но Корис тут же отскочил, с быстротой кошки, на широкий каменный карниз, шедший под узким окном, так что его голова оказалась на уровне головы Трегарта. Грациозным жестом, странным для такой длинной руки, он указал на груду одежды.

Саймон кивнул. Это была не та одежда, которую он сбросил, ложась в постель. Но кое-что давало ему возможность понять, в каком статусе он здесь находится. Пистолет и все содержимое карманов аккуратно разложено рядом с новой одеждой. Значит, он не пленник.

Он натянул брюки из мягкой кожи, такие же, как те, что были сейчас на Корисе. Тонкая, как перчаточная, кожа была темно-синего цвета. Тут же оказались сапоги с высокими голенищами из серо-серебряного материала, похожего на шкуру ящерицы. Одевшись, Саймон обернулся к офицеру и жестом показал, что хочет умыться.

Впервые на прекрасных губах воина появилась улыбка, и он указал на альков. Саймон понял, что хоть обстановка в крепостях Эсткарпа кажется средневековой, их обитатели понимают, что такое санитария. После поворота ручки из трубы потекла теплая вода, тут же оказался кувшин с ароматной пеной, которая сняла щетину с лица. В то же время продолжался урок

языка: Корис терпеливо произносил слова, пока Саймон не повторял их верно.

Офицер держался нейтрально. Он не делал дружеских жестов и не отвечал на попытки Саймона установить более личные отношения. Когда Трегарт натягивал нечто среднее между курткой и рубашкой, Корис отвернулся, глядя в окно.

Саймон взвесил в руке пистолет. Эсткарпскому офицеру, по-видимому, было все равно, пойдет ли он вооруженным или нет. Наконец Саймон затянул пояс и сделал знак, что готов.

Они вышли в коридор и через несколько шагов начали спускаться по лестнице. Впечатление древности подтверждалось выбитым в каменных ступенях углублением, канавкой вдоль левой стены, там, где много столетий ее касались пальцы идущих. Бледный свет лился из шаров, размещенных в корзинах над головами, но природа этого света оставалась загадкой.

У подножия лестницы располагался большой зал. В нем находилось несколько вооруженных воинов, но большинство присутствующих было одето в такую же, как у Саймона, одежду. Кориса приветствовали, а Саймона разглядывали с любопытством, но никто с ним не заговорил. Корис коснулся руки Саймона, указывая на занавешенную дверь. Отведя занавес, он пропустил Трегарта вперед.

За дверью оказался еще один зал. Но здесь голые каменные стены были увешаны завесами с изображением того же символа, который Саймон обнаружил на пологе кровати. Символ этот показался ему странно знакомым. В дальнем конце зала стоял часовой, опираясь подбородком на рукоять своего меча. Корис отвел второй занавес.

Помещение за ним казалось больше, чем было на самом деле, из-за сводчатого потолка, уходившего высоко вверх. Здесь свет шаров был сильнее и позволял разглядеть собравшихся.

Саймона ждали две женщины, одна сидела, другая стояла, положив руку на спинку кресла. Ему пришлось приглядеться, чтобы узнать в стоящей ту самую, которая спасалась от охотников из Ализона. Волосы, свисавшие тогда мокрыми прядя-

ми, теперь были убраны в серебристую сеточку, вся она с ног до головы была одета в платье из серебристой туманной ткани. Единственным украшением был овал из такого же кристалла, какой Саймон видел у нее на браслете. На этот раз кристалл висел на цепочке между маленькими возвышениями грудей.

— Саймон Трегарт! — Это произнесла сидящая женщина, поэтому взгляд Саймона переместился на нее, и он тут же понял, что уже не может отвести взор.

У нее было такое же треугольное лицо, такие же внимательные глаза и черные волосы. Но из глаз ее излучалась сила, действовавшая как удар. Саймон не мог определить ее возраст, но ему показалось, что она вполне могла бы видеть, как укладывались первые камни Эсткарпа. И в то же время она показалась ему лишенной возраста. Руки ее взметнулись, и она бросила Саймону шар из того же туманного хрусталя, как и украшение, которое было на груди у нее и ее помощницы.

Саймон поймал шар, который оказался не холодным, как он ожидал, а теплым. В то же время обе женщины взяли в руки свои украшения.

Все последующее Трегарт так никогда и не мог объяснить даже себе.

В мозгу Саймона одна за другой начали возникать картины того, как он попал в мир Эсткарпа, и он понимал, что женщины видят эти картины. Когда он кончил, к нему хлынул молчаливый поток информации.

Он находился в главной крепости страны, которой угрожала смертельная опасность. Древней земле Эсткарпа угрожали с севера, с юга и с моря на западе. Смуглые жители равнин и городов Эсткарпа пока противостояли давлению лишь потому, что унаследовали древние знания. Возможно, они обречены, но сдадутся лишь с последним ударом последнего оставшегося в живых воина.

То же чувство, которое заставило Саймона шагнуть под грубую арку во дворе дома Петрониуса, снова ожило в нём. Гордые люди этой земли ни о чем не просили его. Но он при-

сягнул в верности расспрашивавшей его женщине, мгновенно, с юношеским энтузиазмом, сделал выбор. Не произнеся ни слова, Саймон поступил на службу Эсткарпа.

4. Призыв из Салкаркипа

Саймон поднес к губам тяжелый кубок. Через край сосуда он внимательно следил за происходящим. При первом знакомстве он решил, что люди Эсткарпа мрачны, отягощены грузом лет, что они последние представители умирающей расы, забывшие обо всем, кроме снов о прошлом. Но за прошедшие недели он понял, насколько поверхностно было его суждение. Теперь, в гвардейской столовой, он переводил взгляд с одного лица на другое, рассматривая не в первый раз людей, с которыми делит дневные обязанности и досуг.

Конечно, их оружие было ему незнакомо. Ему приходилось учиться обращаться с мечом в схватке, меньшее беспокойство вызывали у него их самострелы, похожие на автоматический пистолет. Саймон никогда не мог сравниться с Корисом, его уважение к воинскому искусству молодого офицера было безгранично. Но Трегарт был знаком с тактикой иных армий, иных войн и был способен сделать предложение, с которым считался любой офицер.

Саймон удивлялся, почему его приняли в гвардию: в конце концов, эти люди оборонялись против превосходящих сил противника, и любой незнакомец мог оказаться врагом, брешью в оборонительной стене. Но он не был знаком с обычаями Эсткарпа. Среди всех наций континента только в Эсткарпе могли поверить в такой дикий рассказ, как его. Потому что сила Эсткарпа основывалась на магии.

Трегарт подержал во рту вино, прежде чем проглотить его, в то же время думая о магии. Это слово могло означать искусные фокусы и трюки, могло скрывать суеверную чепуху, но могло говорить и о чем-то более могучем. Воля, воображение и вера были оружием, использовавшимся магией Эсткарпа. Конечно,

у этих людей были определенные способы усиления воли, воображения и веры. А конечный результат — открытость их мозга для того, что не видно и не воспринимается органами чувств.

Ненависть и страх соседей определялись той же самой основой — магией. Для Ализона на севере, для Карстена на юге власть колдуний Эсткарпа была злой.

Владычицы Эсткарпа обладали силой, неподвластной пониманию человека, и когда необходимо, безжалостно пользовались этой силой. Саймон помог спастись колдунье, которая была глазами и ушами своего народа в Ализоне.

Колдунья, волшебница... Саймон отпил вина. Не каждая женщина в Эсткарпе обладала Властью. Эта способность передавалась в отдельных семьях от поколения к поколению. Тех, у кого она обнаруживалась в детстве, отправляли в главный город страны, там их учили и определяли им дальнейшую судьбу. Имена девушек забывались, потому что имя — это часть личности, сообщить свое имя — значит вручить другому человеку власть над собой. Теперь Саймон понимал, насколько неосторожно он поступил, спрашивая имя волшебницы, с которой бежал по болотам.

Власть не была постоянной. После определенного момента использовать ее для волшебницы становилось затруднительно. Да и не всегда ее можно было вызвать по своей воле. Иногда в самые критические моменты она отказывала. Поэтому, кроме волшебниц и их науки, Эсткарп располагал и вооруженной гвардией и линией крепостей вдоль границ.

— Жарко для этого времени года. — Стул рядом с Саймоном скрипнул под тяжестью новоприбывшего. На стол опустился со звоном шлем, длинная рука потянулась за кубком вина.

Ястреб на шлеме смотрел на Саймона стеклянными глазами, в его металлическое, прекрасной работы тело были вложены настоящие перья. Корис пил вино, а со всех сторон на него сыпались вопросы. В войсках Эсткарпа поддерживалась дисциплина, но вне службы все были равны, а собравшиеся в столовой хотели услышать новости. Командир гвардии с силой опустил на стол кубок и ответил:

— Вы слышали рог за час до закрытия ворот. Это просил допуска Магнис Осберик. И с ним свита в полном вооружении. Мне кажется, Горм угрожает бедой.

После его слов наступила тишина. Все, включая теперь и Саймона, знали, что означает Горм для капитана гвардии. По праву власть над Гормом должна была находиться в мощных руках Кориса. Его личная трагедия началась не там, но закончилась на этом острове, когда он, израненный и одинокий, отплыл от его берега в дырявой рыбачьей лодке.

Хильдер, лорд-протектор Горма, в бурю заблудился в болотах между Ализоном и равнинами Эскарпа. Отбившись от свиты, он упал с испуганной лошади и сломал руку. Полуживой от боли и лихорадки, он забрел в землю торов, загадочной расы, жившей в болотах и не позволявшей никому проникать в свои земли.

До сих пор остается загадкой, почему Хильдера не убили или не прогнали от границ. Несколько месяцев спустя, излечившийся, он вернулся в Горм и привез с собой жену. Жители Горма, особенно женщины, возмущались этим браком, говоря, что он был навязан их повелителю взамен обещания сохранить жизнь. Его жена, с изуродованным телом, с необычным строем мышления, принадлежала к расе торов. В должный срок она родила Кориса и исчезла. Может, умерла, а может, вернулась в свое племя. Хильдер, вероятно, знал об этом, но никогда не говорил, и Горм был рад избавиться от своей леди, не задавая никаких вопросов.

Остался Корис с головой благородного повелителя Горма и телом жителя болот. И ему никогда не позволяли забывать об этом. Когда Хильдер женился вторично на Орне, дочери известного повелителя морей, из семьи моряков, Горм принял этот брак с радостью и надеждой. Второй сын Хильдера Урьян стал всеобщим любимцем, потому что в венах его стройного юного тела не было ни капли чужой крови.

Хильдер умер. Но умирал он долго, и у противников Кориса было время подготовиться. Те, кто собирался использовать Орну и Урьяна в своих целях, ошиблись. Леди Орна, умная и

способная женщина, не хотела быть игрушкой в чужих руках. Урьян был еще ребенком, и она становилась регентшей. Не все с этим хотели смириться, но леди Орна продемонстрировала свою силу.

Орна натравливала одного лорда на другого, тем самым ослабляя их. Но она совершила непоправимую ошибку, когда обратилась за помощью к чужеземцам. Именно Орна обрекла Горм на гибель, когда тайно обратилась за помощью к колдерам.

Колдер находился за морем, но лишь один моряк из десяти тысяч мог приблизительно указать, где именно. Моряки старались держаться в стороне от его угрюмых гаваней. Было общеизвестно, что колдеры не похожи на других людей, что связь с ними приносит гибель.

За днем смерти Хильдера последовала ночь красного ужаса. Лишь только сверхчеловеческая сила Кориса помогла ему вырваться из ловушки. И осталась только смерть: когда пришел Колдер, Горм перестал существовать. Те, кто еще помнил жизнь при Хильдере, потеряли всякую надежду. Потому что Горм превратился в Колдер, и не только остров Горм. Меньше чем за год на побережье поднялись мощные башни и возник город, названный Айль. Ни один житель Эсткарпа не приходил в Айль — добровольно.

Айль, как грязное пятно, лежал между Эсткарпом и его единственным сильным союзником на западе — морскими бродягами из Салкаркипа. Эти торговцы-воины, знавшие самые отдаленные и дикие местности, построили свою крепость с разрешения Эсткарпа на конце полуострова, глубоко вдавшегося в море — дорогу этих моряков в самые дальние края. Жители Салкаркипа были опытными торговцами, но и не менее опытными солдатами и безбоязненно посещали тысячи портов. Ни один воин Ализона или щитоносец Карстена не смел говорить с салкарами вызывающим тоном. Гвардейцы Эсткарпа считали салкаров своими братьями по оружию.

— Магнис Осберик не из тех, кто легко обращается с просьбой о помощи, — заметил Танстон, один из старейших

офицеров Эсткарпа. — Нужно проверить снаряжение. Когда Салкаркип просит о помощи, мы обнажаем мечи.

Корис лишь кивнул в ответ. Обмочив палец в вине, он проводил линии на столе, в то же время жуя с отсутствующим видом кусок хлеба. Саймон, заглянув через широкое плечо, уловил смысл в обоих линиях: они повторяли карту, которую ему пришлось видеть в зале крепости.

Полуостров, на конце которого находился Салкаркип, образовывал одну из дуг, окружавших обширный морской залив. На противоположной дуге располагался Ализ — главный порт Ализона. Впрочем, эти города разделяло много миль. В глубине залива лежал остров Горм. На нем Корис поставил точку. Она означала Сиппар, главный город Горма.

Айль был расположен не на внутренней стороне полуострова, а на самом материке, на южном берегу, и смотрел прямо в открытое море. Дальше берег представлял собой крутую стену, где не мог пристать ни один корабль. Тут находилось герцогство Карстен. Залив непосредственно рядом с Гормом издавна служил выходом Эсткарпа в западный океан.

Капитан гвардии несколько мгновений изучал свою работу, затем с нетерпеливым восклицанием стер рукой линии.

— В Салкаркип ведет только одна дорога? — спросил Саймон. С Айлем на юге и Гормом на севере отряды Колдера без особых затруднений могли перерезать дорогу, ведущую на полуостров.

Корис рассмеялся.

— Дорога лишь одна, древняя, как вечность. Наши предки не предвидели появления колдеров в Горме, да и кто в здравом уме мог это предвидеть? Чтобы обезопасить дорогу, — он положил палец на точку, обозначавшую Сиппар, и нажал, как будто раздавил насекомое, — мы должны быть здесь. Чтобы избавиться от болезни, нужно лечить ее источник, а не лихорадку. Лихорадка — это только признак болезни тела. Но у нас нет сведений, которые помогли бы справиться с ней. — Он мрачно взглянул на Трегарта.

— Шпион... — начал тот.

Офицер гвардии снова рассмеялся.

— Двадцать человек ушли из Эсткарпа в Горм. Эти люди изменяли свою внешность, не зная, сумеют ли когда-нибудь взглянуть на свое лицо в зеркало. Но они с радостью шли на это. Они были вооружены всеми известными здесь заклинаниями. И ни один не вернулся из Сиппара! Колдеры не похожи на других людей, и мы ничего не знаем об их средствах обнаружения. Знаем лишь, что эти средства непогрешимы. Наконец Властительницы запретили такие попытки, потому что затрачивается слишком большая сила, а результата никакого. Я сам пытался уйти туда, но они наложили на границу заклятье, которое я не могу преодолеть. Появление в Горме означает для меня смерть, а я могу лучше послужить Эсткарпу живым. Нет, лучше не трогать эту рану.

— Но если Салкаркип под угрозой?

Корис потянулся за своим шлемом.

— Тогда, друг Саймон, мы выступаем. Ибо в этом главная загадка Колдера — когда он сражается на своей земле и на своих кораблях, победа всегда за ним. Но когда колдеры появляются на территории, куда еще не падала их тень, тогда есть шанс скрестить с ними мечи.

— Я отправляюсь с вами. — Это было утверждение, а не вопрос. Саймон готов был ждать и учиться. Он относился к учению с терпением, выработанным за последние семь лет, зная, что пока не овладеет местным военным искусством, означавшим жизнь или смерть, не обретет независимости. Раз или два во время ночей своего дежурства он спрашивал себя, уж не применили ли к нему хваленую Силу Эсткарпа, чтобы он смирился со *status quo*, не задавая вопросов и не возмущаясь. Если так, то действие чар кончилось. Он решительно настроился увидеть в этом мире больше, чем один-единственный город, и знал, то если не поедет с гвардией, то отправится один.

Капитан посмотрел на него.

— Это не быстрый набег.

Саймон остался сидеть, зная, что Корис не любит, когда на него смотрят сверху.

— Разве я похож на любителя легких побед?

— В таком случае, используй самострел. Как мечник ты еще не опаснее конюха из Карстена.

Саймон не рассердился на это замечание. Он знал, что оно справедливо. В стрельбе из самострела он мог помериться с лучшими бойцами. Борьба без оружия, в которой он применял приемы дзюдо, создала ему известность, дошедшую до всех крепостей Эсткарпа. Но в искусстве владения мечом он был не лучше неуклюжего новобранца, юноши, только начавшего соскребать пушок со щек. А булава, которую с легкостью швырял Корис, казалась ему невероятно тяжелой.

— Пусть будет самострел, — с готовностью ответил Саймон. — Но я поеду.

— Да будет так. Но сначала посмотрим, состоится ли вообще выступление.

Решение принималось на совете, где присутствовали офицеры во главе с Корисом и дежурные волшебницы. Хотя Саймон формально не принадлежал к офицерам, он пошел вслед за Корисом. Ему не помешали войти, и он устроился у окна, рассматривая собравшихся.

Возглавляла совет Властительница, правившая крепостью и всем Эсткарпом, та самая женщина без имени, которая расспрашивала его в самом начале. За ее креслом стояла та, с которой они спасались от охотников Ализона. Присутствовало еще пять волшебниц, без возраста, в некотором смысле бесполых, все с проницательным взглядом. Саймон решил, что он предпочел бы иметь их на своей стороне, чем сражаться против. Никогда раньше не видел он таких сильных личностей.

Лицом к ним стоял мужчина, перед которым все окружающие казались гномами. В любом другом обществе он господствовал бы над всеми. Люди Эсткарпа, стройные и высокие, казались подростками рядом с этим бронзовым колоссом. Из брони, прикрывавшей его грудь, можно было бы изготовить два щита для гвардейцев, руки и плечи у него были такие же, как у Кориса, но все тело им соответствовало.

Подбородок у него был выбрит, но на широкой верхней губе щетинились усы, касаясь обветренных щек. Брови образовывали вторую полоску волос на верхней половине лица. Шлем увенчивался искусно сделанной головой медведя, зловеще разинувшего пасть. Плащом ему служила огромная медвежья шкура, отделанная шафрановой тканью. Под подбородком этот плащ застегивался пряжкой в виде двух золотых лап.

— Мы в Салкаркипе хранили торговый мир. — Он старался приглушить свой голос, сделать более подходящим для небольшого помещения, но без особого успеха. — И если возникает необходимость, мы поддерживаем мир мечами. Но что может сделать добрая сталь против колдунов ночи? Я не спорю со старой наукой. — Он обращался непосредственно к Властительнице, как будто они стояли по разные стороны прилавка. — Каждому его боги и его вера, Эсткарп никогда не навязывал свои верования другим. Но Колдер — другое дело. При его прикосновении противник гибнет. Говорю вам, леди, наш мир погибнет, если мы не объединим наши усилия. Нужно остановить прилив.

— Видели ли вы, мастер-торговец, человека, рожденного женщиной, который сумел бы управлять приливом? — спросила женщина.

— Управлять — нет, но плыть по нему — да! В этом моя магия. — Он ударил себя в грудь. Жест этот показался бы театральным, если бы не был так искренен. — Но с Колдером это не пройдет. Пусть глупцы из Ализона предпочитают оставаться в стороне. Наступит и их черед. Салкаркип будет сражаться! И когда падет наш порт, прибой будет рядом с вами, леди. Говорят, у вас есть власть над ветром и бурей, есть заклинания, изменяющие внешность человека. Сможет ли ваша магия противостоять Колдеру?

Властительница погладила кристалл на груди.

— Скажу вам правду, Магнис Осберик. Не знаю. Колдер нам неведом, мы не сумели пробить брешь в его стенах. Со всем остальным я согласна. Пришло время борьбы. Капитан, — позвала она Кориса, — что вы об этом думаете?

Мрачное выражение сошло с прекрасного лица Кориса, но глаза его горели.

— Если можно пустить в ход мечи, сделаем это! С вашего разрешения, Эсткарп вступится за Салкаркип.

— Если таково ваше решение, Эсткарп выступает. Вы искусны во владении оружием, капитан. Но с вами будет и другая могучая Сила.

Она не сделала никакого жеста, но волшебница, шпионившая в Ализоне, вышла из-за ее кресла и встала по правую руку от Властительницы. Ее раскосые глаза обежали собравшихся и остановились на сидевшем в стороне Саймоне. Тень улыбки промелькнула на ее губах. Саймон, сам не понимая почему, был уверен, что между ними установилась связь.

Когда после полудня они выступили из города, Саймон обнаружил, что его конь идет рядом с конем волшебницы. Как и на всех гвардейцах, на ней была кольчуга и шлем с металлическим шарфом. Внешне она ничем не отличалась от остальных. Вооружена она была мечом и таким же самострелом, как и Саймон.

— Итак, воин из другого мира, — она говорила негромко, и Саймон понял, что она не хочет, чтобы их слышали, — мы снова едем вместе.

Что-то в ее спокойствии раздражало его.

— Будем надеяться, что на этот раз мы охотники, а не дичь.

— Все в свой срок. В Ализоне меня предали, и я была безоружна.

— А теперь у вас меч и самострел.

Она взглянула на свое оружие и улыбнулась.

— Да, Саймон Трегарт, меч и самострел... и еще кое-что. Но вы правы: нам предстоят мрачные встречи.

— Предсказание, леди? — В этот момент он верил только в сталь.

— Предсказание, Саймон. — Она по-прежнему смотрела на него с легкой улыбкой. — Я не накладываю на вас заклятья, человек из другого мира, но знаю: нити наших жизней лежат рядом в руке Верховного Правителя. То, чего мы хотим, и то,

что будет на самом деле, возможно, совершенно различно. Слова мои относятся ко всему отряду: берегитесь места, где скалы высоки и звучат крики морских орлов!

Саймон принужденно улыбнулся в ответ.

— Поверьте, леди, на этой земле я бдителен так, будто у меня глаза кольцом вокруг головы. Для меня это не первый военный поход.

— Это нам известно. Иначе вы не отправились бы с Ястребом. — Она указала на Кориса. — Корис прирожденный воин и предводитель. Удача для Эсткарпа!

— И вы предвидите опасность в Салкаркипе? — настаивал Саймон.

Она покачала головой.

— Вы знаете, как обстоит дело с Даром. Нам даны обрывки, части, и никогда вся картина в целом. Но у меня в мысленной картине нет городских стен. Держите наготове оружие и ваши прославленные кулаки, Саймон. — Она снова забавлялась, но ее смех звучал невесело. Скорее это был добродушный смех товарища. И Саймон понял, что должен принимать ее дружбу на ее условиях.

5. Дьявольская битва

Войско Эсткарпа продвигалось вперед быстро, но ему оставался еще день пути, когда оно миновало последнюю пограничную крепость и двинулось вдоль изогнутого морского берега. Гвардейцы постоянно меняли в крепостях лошадей и поэтому буквально пожирали мили.

Хотя салкары не привыкли к езде верхом, они угрюмо сидели в седлах, казавшихся слишком маленькими для их могучих тел — Магнис Осберик не был исключением по внешности, — и не отставали. Они ехали с упорством людей, для которых главным врагом было время.

Однако утро стояло яркое, а масса пурпурных цветов на кустарнике вдоль дороги отражала блеск солнца. Воздух при-

носил в себе обещание соленых волн впереди, и Саймон испытывал возбуждение, которого давно не знал. Он не осознавал, что напевает, пока его не окликнули знакомым хрипловатым голосом.

— Птички поют перед ударом ястреба.

Он добродушно воспринял насмешку.

— Не хочу слышать злое карканье: слишком хороший день.

Волшебница потянула за металлический шарф, закрывавший ее плечи и горло.

— Море — оно здесь в ветре... — Взгляд ее устремился вперед, к горизонту, куда уходила дорога. — У нас море в крови. Поэтому кровь салкаров может смешиваться с нашей. И так бывает часто. Когда-нибудь я уплыву в море. Волны, убегая от берега, тянут меня за собой.

Голос ее звучал музыкой, но Саймон внезапно встревожился, ощутив, как у него пересохло в горле. Может, у него и не было Дара эсткарпских волшебниц, но что-то в нем зашевелилось, ожило, и он, не отдавая себе отчета, поднял руку, давая сигнал остановиться.

— Да! — Рука волшебницы повторила его жест. Корис обернулся. Он отдал приказ, и весь отряд остановился.

Капитан передал руководство Танстону и отъехал назад. Обвинить его в недостатке бдительности было нельзя: далеко по флангам рассыпались разведчики.

— Что случилось?

— Мы к чему-то приближаемся. — Саймон всматривался в местность впереди, такую спокойную под лучами солнца. Ничего не двигалось, только высоко в небе кружила птица. Ветер затих, не шевелился ни один листок. Но Саймон готов был поручиться всем своим опытом, что впереди ждет засада.

Удивление Кориса кончилось. Он перевел взгляд с Саймона на волшебницу. Она наклонилась вперед в седле, ноздри ее раздувались, она глубоко дышала. Женщина прислушивалась, как это делает собака. Пальцы ее двинулись, изображая какие-то знаки. Она резко и убежденно кивнула.

— Он прав. Впереди пустое пространство, в которое я не могу проникнуть. Силовой барьер. За ним может скрываться засада.

— Но как он мог... у него ведь нет Дара. — Корис быстро взглянул на Саймона, в его взгляде не было доверия. Затем отдал несколько приказов и сам выехал вперед, туда, где дорога уходила за очередной поворот.

Саймон достал свой самострел. Откуда он знает, что впереди опасность? У него бывали такие озарения и в прошлом — например, в тот вечер, когда он встретил Петрониуса, — но никогда это предвидение не было таким острым и ясным. Ощущение тревоги все усиливалось.

Волшебница держалась за ним, как раз за линией гвардейцев. Из-под кольчуги она извлекла туманный кристалл, который служил ей оружием. Она подняла камень над головой и выкрикнула несколько слов на непонятном для Саймона языке.

Впереди показалось естественное скальное образование, напоминавшее клыки огромной челюсти. Дорога ныряла под своеобразную арку, образованную такими двумя скалами-клыками. У подножия скал рос густой кустарник, образуя непроницаемый заслон.

Из кристалла ударил луч, направленный на более высокую скалу. В месте его соприкосновения с камнем поднялся густой туман, закрывая скалы и кусты.

И оттуда, из этого серо-белого тумана, показались нападающие. В полном вооружении они бежали вперед, сохраняя абсолютное молчание. Заостренные шлемы с забралами придавали им вид хищных птиц. Необычная тишина их нападения добавлялась к его неожиданности.

— Сал... сал... сал! — Морские бродяги обнажили мечи навстречу приближающейся линии атаки. Во главе салкаров стоял Магнис Осберик.

Гвардейцы не издали ни звука, Корис не отдавал приказов. Но стрелки выбрали цель и выстрелили, а меченосцы проехали вперед, держа оружие наготове. Они ехали верхом, а молчащие враги бежали пешие.

Саймон изучил вооружение Эскарпа и знал, где находится незащищенное место на теле воина. Справедливо ли то же для брони колдера, он не мог знать. Но он прицелился в одного из бегущих впереди противников и выстрелил. Колдер повернулся и упал, его заостренный шлем воткнулся в землю.

— Сал... сал... сал! — гремел боевой клич салкаров. Сражающиеся сошлись в ожесточенной рукопашной. В первые несколько мгновений схватки Саймон думал лишь о своем участии в ней, о необходимости найти цель. Затем он начал замечать необычность нападавших.

Солдаты Колдера не делали попыток к самосохранению. Воин за воином гибли, не защищаясь, не уклоняясь от оружия противника. Они не поднимали щиты, не парировали удары своими мечами. Пешие солдаты сражались яростно, но в этой ярости было что-то механическое. Заводные игрушки, подумал Саймон. Кто-то завел их и пустил в ход.

Но ведь они считались искуснейшими бойцами этого мира. А теперь гибли с легкостью, как будто ребенок толкнул ряд оловянных солдатиков.

Саймон опустил самострел. Что-то в нем восставало против слепого убийства. Он вовремя увидел, как одна из голов в заостренном шлеме повернулась в его направлении. Колдер быстро приближался. Но набросился он совсем не на Трегарта, а на его соседку.

Лишь мастерство владения лошадью спасло ее от этого яростного нападения. Она опустила меч. Забрало шлема отразило удар.

Противник был искусен в фехтовании. Сверкнуло его лезвие, и меч вылетел из рук волшебницы. Колдер отбросил собственное оружие, схватил всадницу за пояс и потащил ее из седла с легкостью, которая удивила бы Кориса.

Волшебница отчаянно билась в тисках колдера, и Саймон не решался применить меч. Вытащив ногу из стремени, он подъехал ближе и изо всех сил пнул солдата.

Удар пришелся в заднюю часть шлема, и нога Саймона почти онемела. Солдат потерял равновесие и упал вперед, ув-

лекая за собой волшебницу. Саймон выпрыгнул из седла, опасаясь, что онемевшая нога подогнется под ним. Руки скользили по металлическим плечам колдера, но Саймон смог оторвать его от женщины и бросить на спину. Солдат лежал на спине, как жук, руки и ноги его слабо двигались.

Отбросив перчатки, женщина наклонилась над колдером, развязывая его шлем. Саймон схватил ее за плечо.

— В седло! — приказал он, подводя свою лошадь.

Она покачала головой, продолжая свое занятие. Саймон не знал, что увидит. Воображение нарисовало несколько картин чуждых существ, но они оказались совершенно не похожими на лицо воина.

— Херлвин!

Увенчанный ястребом шлем Кориса появился между Саймоном и этим лицом. Капитан гвардии склонился рядом с волшебницей, он схватил солдата за плечи, как будто обнимая близкого друга.

Глаза, сине-зеленые, как у Кориса, на таком же прекрасном лице, открылись, но не сосредоточились ни на одном из наклонившихся людей. Волшебница разжала руки Кориса. Она взяла солдата за подбородок и всмотрелась в невидящие глаза. Затем оттолкнула его голову и принялась вытирать руки о жесткую траву. Корис следил за ней.

— Херлвин? — Этот вопрос скорее адресовался волшебнице, а не поверженному знакомому Кориса.

— Убить! — приказала она сквозь сжатые зубы. Корис потянулся за мечом, лежавшем на траве.

— Не нужно! — возразил Саймон. Ведь воин сейчас безвреден, удар лишил его сознания. Нельзя убивать так хладнокровно. Ледяной взгляд женщины скрестился с его взглядом. Она указала на качающуюся голову.

— Взгляни, человек из другого мира!

Со странным нежеланием Саймон взял в ладони голову солдата. И чуть не подскочил от этого прикосновения. В этом теле не было человеческой теплоты, не было в нем и холода металла или камня. Казалось, он коснулся чего-то грязного,

вялого, прочного лишь внешне. Посмотрев в эти невидящие глаза, он увидел абсолютную пустоту, которая не могла быть результатом сильного удара. За этой пустотой лежало нечто такое, с чем Саймон никогда не встречался: безумный человек все еще сохраняет в себе что-то человеческое, он может вызвать жалость. Здесь же лежало отрицание всего, нечто настолько отвратительное, что Саймон не мог представить себе его живым, видящим солнце и ходящим по земле.

Как и волшебница, он принялся тереть руки о траву, как бы стирая с них грязь. Встав, он отвернулся от Кориса, который обнажил свой меч. Тот, кого ударил капитан, был уже мертв, давно мертв и проклят.

Остались лишь мертвые солдаты Колдера. Погибли два гвардейца и один салкар. Нападение было таким неуместным, что Саймон удивлялся, зачем оно вообще было организовано. Он пошел рядом с капитаном, который тоже, по-видимому, хотел узнать нечто.

— Снимите с них шлемы! — этот приказ переходил от одной группы гвардейцев к другой. И под каждым шлемом они находили все те же бледные лица, светловолосые головы — все, что так похоже было на Кориса.

— Мидир! — Корис остановился у одного тела. Рука его дернулась. — Убить! — Приказ капитана прозвучал бесстрастно и был немедленно выполнен.

Корис осмотрел всех и еще трижды приказал нанести смертельный удар. Угол рта его дергался. Обойдя тела, он вернулся к Магнису и волшебнице.

— Они все из Горма!

— Были из Горма, — поправила волшебница. — Горм умер, когда открыл свои ворота Колдеру. Лежащие здесь — это не те люди, которых вы помните, Корис. Они уже давно, очень давно не люди. Это руки и ноги, машины, которые служат своим хозяевам. У них нет настоящей жизни. Когда Сила вытащила их из укрытия, они смогли повиноваться единственному полученному ими приказу — убивать. Колдер использовал их, чтобы истощить силы противника, прежде чем нанести главный удар.

Губы капитана изогнулись, но не в улыбке.

— Они выдают собственную слабость. Неужели им не хватает людей? — Но тут же поправился, всовывая меч в ножны: — Кто знает, чего ожидать от Колдера? Нас могут ждать и другие сюрпризы.

Саймон находился в авангарде, когда они отъехали от того места, где встретились с силами Колдера. Он не мог помочь воинам в их последнем деле и не мог заставить себя не думать об оставшихся сзади безголовых телах. Трудно поверить, что все это правда.

— Мертвый не сражается! — Он не сознавал, что говорит вслух, пока не отозвался Корис.

— Херлвин был рожден для моря. Я видел, как он с одним ножом ходил на меч-рыбу. Мидир — новичок в гвардии. Он еще занимался в строю, когда объявили о приходе колдеров в Горм. Я их обоих хорошо знал. Но те существа, что остались позади, это не Херлвин и Мидир.

— Человек един в трех составляющих. — Это произнесла волшебница. — Тело действует, мозг мыслит, душа чувствует. Может, в вашем мире человек устроен иначе, Саймон? Я так не думаю: вы тоже действуете, мыслите и чувствуете. Убейте тело, и вы освободите душу. Убейте мозг, и тело будет продолжать жить, вызывая сочувствие окружающих. Но убейте душу и позвольте телу, а может, и мозгу жить... — голос ее дрогнул... — это грех, тяжелее которого невозможно представить себе. Именно это произошло с людьми Горма. То, что двигалось в их облике, не должно существовать на земле. Только нечестивое использование запретного может породить такую смерть.

— То, что произошло в Горме, может прийти и в Салкаркип. — Мастер-торговец поравнялся с ними на своем могучем коне. — Здесь мы взяли над ними верх, но что, если у них легионы таких полумертвых, готовые напасть на наши стены? В крепости немного мужчин: сейчас торговый сезон и девяносто наших кораблей вышло в море. Придется расставить людей вдоль всех стен. Воля наша сильна, но руки могут устать. И

враг может подавить нас простой численностью. Враги не боятся за себя и будут идти вперед не задумываясь.

Ни у Кориса, ни у волшебницы не нашлось на это ответа. Лишь когда несколько часов спустя Саймон впервые увидел стены крепости, он почувствовал некоторую уверенность. Хотя салкары были прежде всего моряками, они оказались хорошими строителями и использовали все преимущества места, выбранного ими для строительства крепости. Снаружи были видны лишь стены со сторожевыми башнями и узкими бойницами. И лишь когда Магнис Осберик провел их внутрь, они поняли всю силу этой крепости.

Из моря выступали две скалы — раскрытая клешня краба, между ними находилась гавань. Каждая из сторон этой клешни была искусно укреплена и соединена с главной крепостью лабиринтом подземных ходов. Стены уходили прямо в волны, и на них не за что было уцепиться.

— Похоже, что строители Салкаркипа думали о войне, — заметил Саймон.

Магнис Осберик коротко рассмеялся.

— Мастер Трегарт, мы в мире с Эсткарпом, так же как и с Ализоном и Карстеном. Но во всем остальном мире мы показываем не только свои товары, но и мечи, а это сердце нашего государства. В этих складах наша жизнь — наши товары. Все пираты мира мечтают ограбить Салкаркип. Может, колдеры и отродье дьявола, но они не презирают хорошие вещи. Им тоже хочется запустить сюда лапы. Но у нас есть здесь последнее средство. Если Салкаркип падет, его завоеватели не получат выгоды. — Он с силой опустил кулак на парапет. — Салкаркип построен в дни моего прапрадеда, чтобы у расы было убежище на время бури — не только бури ветра и волн, но и войны. И, похоже, мы теперь очень нуждаемся в этом.

— В гавани три корабля, — сказал Корис. — Грузовой и два военных.

— Грузовой из Карстена. Он под флагом герцога, и поэтому его экипаж не нуждается в оружии, — заметил Осберик. — Говорят, герцог женится. Но на корабле плывет драгоценное

ожерелье для белой шеи Алдис. Может, Ивьян и собирается надеть браслет на чье-то запястье, но прежние связи рвать не будет.

Волшебница пожала плечами, а Корис больше интересовался кораблями, чем сплетнями о соседних дворах.

— А военные? — спросил он.

— Патрульные. Нужно знать, что приближается с моря.

Бомбардировщик мог бы уничтожить Салкаркип в один-два захода; тяжелая артиллерия за несколько часов пробила бы его массивные стены, решил Саймон, продолжая осмотр крепости. В скале было выбито множество помещений и переходов, многие за прочными дверьми. Если у Колдера нет оружия, невиданного в этом мире, торговцы как будто излишне нервничают. Но так можно думать, пока не вспомнишь пустые глаза воинов Горма.

Саймон подметил также, что хотя в казармах есть множество оружия на стеллажах и в специальных пирамидах, людей в крепости мало. Салкаркип способен вооружить и разместить тысячи воинов, но в нем была едва ли сотня.

Втроем: Корис, волшебница, Саймон — они поднялись на башню, обращенную к морю, где вечерний ветер ударил в их кольчуги.

— Я не смею оголять Эсткарп, чтобы собрать здесь все наши силы, — гневно сказал Корис, как бы в ответ на какое-то замечание в споре. — Такая глупость послужила бы откровенным приглашением для Ализона или герцогства вторгнуться с севера и юга. У Осберика раковина, которую, как мне кажется, не раскусят даже челюсти Колдера, но в этой раковине нет тела. Он слишком долго ждал. Если бы все его люди были здесь, он смог бы удержаться. Но с этой горстью — я сомневаюсь.

— Вы сомневаетесь, Корис, но вы будете сражаться, — заметила женщина. В ее тоне не было ни одобрения, ни осуждения. — Потому что так нужно. И, может, в этой крепости мы сломаем челюсти Колдера. Но колдеры придут — это Магнис предсказал верно.

Капитан взглянул на нее.

— У вас есть предсказания для нас, леди?

Она покачала головой.

— Не ожидайте от меня, капитан, большего, чем я могу дать. Когда мы столкнулись с засадой, я ничего не смогла разглядеть, только пустое место. По этому отрицательному признаку я узнала Колдер. Большего я не могу. А вы, Саймон?

Он вздрогнул.

— Я? Но я не претендую на вашу Силу... — начал он и добавил более честно: — Ничего не могу сказать. Как солдат, я вижу, что это неприступная крепость, и в то же время чувствую себя в ней как в ловушке. — Он сказал это, не задумываясь, но знал, что говорит правду.

— Не будем говорить это Осберику, — решил Корис. Вместе они продолжили смотреть на гавань. Садилось солнце, и город за ним все больше и больше напоминал пещеру.

6. Туманный рок

Это началось вскоре после полуночи — на море появилась линия, поглощающая звезды и волны; перед ней катился пронизывающий холод, который не был ни ветром, ни дождем, но который коварно пробирал людей до самих костей; на кольчугах появились маслянистые капли с солоноватым вкусом.

Вот уже дошло до линии фонарей, следовавших за изгибами крепостных стен. Одно за другим светлые пятна мутнели, накрытые желтоватой гущей. Дюйм за дюймом, фут за футом туман поглощал мир.

Саймон ходил взад и вперед по маленькой караульной платформе центральной сторожевой башни. Половина укреплений уже была поглощена. Один из стройных боевых кораблей разрезан надвое этим занавесом. Эта муть не походила ни на обычный туман, ни на индустриальный смог родного города Саймона. Туман приближался сплошной завесой, как экран, за которым могли скрываться нападающие.

Замерзший и оцепеневший, Саймон услышал тревожный звон колоколов на стенах. Нападение! Он подошел к двери башни и столкнулся с волшебницей.

— Они нападают?

— Еще нет. Это звучат колокола бури; они помогают кораблям, застигнутым штормом, попасть в порт.

— Кораблям Колдера!

— Может, и им. Но нельзя за час уничтожить традицию столетий. В тумане колокола Салкаркипа спасают моряков. Только приказ Осберика может заглушить их.

— Значит, такой туман известен морякам?

— Вообще туманы известны. Но такой — другое дело.

Она подошла к парапету и посмотрела на море, на быстро исчезающую гавань.

— Мы, владеющие Силой, можем до некоторых пределов управлять природными явлениями, хотя и здесь результаты могут оказаться неожиданными. Любая из моих сестер может вызвать туман, который не только затмит глаза врагу, но и смутит его разум — на время. Но этот туман — совсем другое дело.

— Он естественный? — настаивал Саймон, уверенный, что это не так. Хотя откуда у него такая уверенность, он не мог сказать.

— Когда гончар изготовляет вазу, он кладет глину на круг и придает ей искусными руками форму в соответствии со своим замыслом. Глина — естественный продукт, но разум и обучение придают ему определенную форму. Мне кажется, что кто-то — или что-то — собрал то, что есть в море и воздухе и придал ему другую форму для своих целей.

— И что вы сделаете в ответ, леди? — За ними стоял Корис. Он подошел к парапету и ударил по нему ладонями. — Мы теперь словно слепы.

Волшебница отвела взгляд от тумана, у нее был вид ученого, принимающего участие в решающем эксперименте.

— Возможно, они хотят ослепить нас, но это можно сделать двумя способами. Если они воспользуются иллюзией — пусть встретятся с такой же хитростью.

— Бороться с туманом туманом же?

— Нельзя против хитрости использовать ту же хитрость. Они призвали воздух и воду. Поэтому мы тоже должны призвать воду и воздух, но по-другому. Да, можно использовать кое-что, — пробормотала она и обернулась. — Нужно спуститься к гавани. Попросите у Магниса дерева, лучше всего сухих щепок. Если их нет, пусть срежут ветви с деревьев. Нужна также ткань. Пусть все это принесут к гавани.

Когда маленькая группа салкаров и гвардейцев вышла на берег, по-прежнему слышался звон тревожных колоколов. Принесли груду досок, и волшебница выбрала из них самые маленькие. Непривычно держа в руках нож, она вырезала грубое подобие лодки, заострила нос, закруглила корму. Саймон взял у нее игрушку и принялся снимать кору, остальные последовали его примеру.

Они сделали около тридцати деревянных лодочек размером с ладонь, снабдили каждую маленькой мачтой с парусом. Лодочки поставили в ряд, и волшебница, наклонившись, подула в каждый парус.

— Ветер и вода, ветер и вода, — нараспев произнесла она. — Вода понесет, ветер подгонит, туман скроет!

Руки ее быстро двигались. Один за другим отправляла она маленькие кораблики в воду. Туман уже почти накрыл их, но он был еще недостаточно плотен, чтобы скрыть от Саймона удивительное зрелище. Лодочки выстроились клином и двинулись навстречу туману. И когда первая нырнула в туманный занавес, она уже не была небрежно изготовленной игрушкой, но могучим кораблем, более прекрасным, чем боевые корабли, которые с гордостью показывал Осберик.

Волшебница с помощью Саймона выпрямилась.

— Не верь всему, что видишь, человек из другого мира. Мы, обладающие Силой, часто пользуемся иллюзиями. Будем надеяться, что эта иллюзия не менее эффективна, чем их туман, и отпугнет тех, кто готовится напасть.

— Они не могут быть настоящими! — Саймон упорно противился очевидному.

— Мы слишком полагаемся на наши чувства. Если можно обмануть глаза, пальцы, нос, то почему бы магии не обмануть их сразу все? Скажи мне, Саймон, если бы, готовясь напасть, ты неожиданно увидел в гавани мощный флот, разве ты не призадумался бы, прежде чем нападать? Я пытаюсь лишь выиграть время: иллюзия разрушается, когда ее подвергают испытанию. Корабль колдеров, который сблизится с таким кораблем и попытается взять его на абордаж, тут же обнаружит, что это такое.

По-видимому, она оказалась права. Если враг и собирался использовать туманную завесу для прикрытия нападения, он не сделал этого. Тревоги не было, хотя до самого рассвета туман не рассеивался.

Команды кораблей, стоявших в гавани, ждали приказа Осберика, а он мог только ждать, пока поднимется туман. Саймон вместе с Корисом обходил посты гвардейцев на стенах, и часто им приходилось цепляться друг за друга, чтобы не заблудиться. Был отдан приказ бить в колокола, не для того, чтобы помочь заблудившимся кораблям, а чтобы посты слышали друг друга. Всех охватило напряжение, при малейшем шуме обнажалось оружие, и любой, кто опоздал произнести пароль, рисковал получить удар мечом.

— Скоро им и не понадобится нападать, — заметил Трегарт, едва увернувшись от удара какого-то салкара, с которым он столкнулся на стене. — Мы начинаем нападать друг на друга. Кому-нибудь покажется в тумане, что у встречного заостренный шлем, и тому тотчас отрубят голову.

— Я думал об этом, — медленно ответил капитан. — Они тоже используют иллюзии, рожденные нашими нервами и страхом. Но чем мы можем ответить им?

— Нетрудно подслушать наш пароль, — Саймон считал, что нужно знать худшее. — Часть стены, пост за постом, может оказаться в их руках.

— Разве мы можем быть уверены, что это уже не нападение? — с горечью спросил Корис. — Человек из иного мира, если ты можешь отдавать лучшие приказы, делай это, и я с радостью подчинюсь. Я военный человек и думал, что хорошо

знаю способы ведения войны. Мне казалось, что я знаю и колдовство — такое, какое используют в Эсткарпе. Но это что-то совсем другое.

— А я никогда не сталкивался с таким способом войны, — с готовностью подхватил Саймон. — Хоть кто окажется в тупике. Но все же я думаю, что они не нападут с моря.

— Потому что мы ждем их оттуда? — подхватил на лету Корис. — Но на крепость невозможно напасть с земли. Эти морские бродяги знали, как строить. Потребуются осадные машины и много недель времени.

— Море и земля — что остается?

— Подземные ходы и воздух — ответил Корис. — Подземелья!

— Но нам не хватит людей, чтобы охранять все подземные переходы.

Зеленоватые глаза Кориса вспыхнули тем же огнем, что видел в них Саймон при первой их встрече.

— Есть способ охранять их без людей. Идем к Магнису. — Он побежал. Острие его меча со звоном задевало за камень стен при крутых поворотах.

На столе выстроили ряд сосудов различных размеров и форм, сделанных из меди. Они были связаны с медными шарами, висевшими над подземными выходами. Теперь любая попытка открыть подземную дверь отразилась бы в сосуде на столе.

Подземелья до некоторой степени в безопасности. Остается воздух. Саймон напряженно прислушивался. Может, потому, что он был знаком с войнами в воздухе? Но ведь цивилизация, основанная на сравнительно примитивных самострелах, мечах, щитах и кольчуге, не может организовать нападение с воздуха.

Благодаря выдумке Кориса они узнали о первом ударе Колдера за несколько мгновений. Со всех мест, где были установлены шары, сигнал тревоги донесся одновременно. Залы,

ведущие к подземным ходам, были подготовлены заранее. Мешки с шерстью, пропитанной маслом и смолой — этой смолой промазывали корпуса кораблей, — были уложены в груды вместе с кипами тканей, мешками зерна, ящиками бутылок с маслом и вином.

Когда прозвучал сигнал тревоги, в эти груды швырнули факелы, а затем наглухо закрыли двери, ведущие в заполнившиеся пламенем залы.

— Пусть суют туда свои холодные собачьи носы! — Магнис Осберик возбужденно ударил боевым топором по столу в центральном зале главной башни. Впервые с того времени, как враг осадил его город, мастер-торговец, казалось, перестал беспокоиться. Как морской бродяга, он ненавидел туман и боялся его, но как только дело дошло до прямых действий, он вновь был полон сил и энергии.

— Аххх! — Как удар меча, этот крик разрезал общий гул. Не только физическая боль, а какой-то сверхъестественный ужас мог извлечь его из человеческой глотки.

Магнис, слегка склонивший бычью голову, Корис, пригнувшийся к земле, как будто его тело гнома получало от нее энергию, остальные воины в зале — все на долгое мгновение оцепенели.

Может быть потому, что он подсознательно все время ожидал этого, Саймон первым определил, откуда исходит звук, и побежал к лестнице, которая тремя этажами выше выводила к сторожевому посту на крыше.

Он не добежал доверху. Крики и лязг металла о металл послужили достаточным предупреждением. Саймон пошел медленнее, доставая оружие. И хорошо поступил, потому что на середине второго этажа мимо него пролетело тело, едва не задев его. Это был салкар, из его разорванного горла лилась кровь, брызгая на стены и ступеньки. Вверху царила страшная суматоха.

На следующем этаже еще сражались два гвардейца и трое морских бродяг, прижавшись спинами к стене. Противник нападал на них с той же слепой яростью, что и в засаде на дороге.

А сверху катилась волна остроклювых шлемов. Саймон догадался, что враг каким-то образом пришел по воздуху и теперь захватил верхний этаж.

Не время было размышлять, каким образом враги проникли туда: они прорвались, и этого было достаточно. Пали еще двое салкаров и гвардеец. Мертвые и раненые, друзья и враги поглощались морем остроклювых шлемов. Тела скользили по лестнице, сметая все на своем пути. Вместе с ними падали обломки мебели.

Саймон ухватился за перила. Салкары строили прочно: перила выстояли. Собрав все силы, Трегарт стал пробираться к выходу.

Перед ним оказалась клювастая голова, перед лицом мелькнуло острие меча. Саймон схватил стул и ударил по шлему.

— Сал! Сал!

Саймона оттеснили в сторону, он увидел страшное лицо Магниса, сопротивляющегося первой волне вторжения.

Прицелиться, выстрелить, снова прицелиться. Отбросить пустой колчан, снова подготовиться к стрельбе. Оттащить в сторону стонущего раненного гвардейца, там ему окажут помощь. Снова прицелиться. Стрелять! Стрелять!

Каким-то образом Саймон снова оказался в зале, затем отряд, в котором он находился, снова сражался на другой лестнице, дорогой ценой отдавая каждую ступеньку. По лестнице тянулся тонкий дымок — щупальца тумана? Нет, дым забивался в горло, заставлял кашлять. Саймон стрелял, снимая колчаны с тел павших гвардейцев.

Ступени остались позади. Люди хрипло закричали, дым стал еще гуще. Саймон смахнул рукой выступившие слезы и плотнее затянул металлический шарф. Он тяжело дышал.

Вслепую двигался он за товарищами. За ними закрывались двери пятидюймовой толщины. Одна, две, три... четыре таких преграды. И вот они в помещении, где находится странное устройство. Сложное и большое, оно было выше огромного человека, стоящего перед ним с отчаянными глазами. Гвардейцы и

моряки расступились, оставив в центре помещения странную машину наедине с хозяином города.

Магнис Осберик потерял шлем, плащ его был изорван и свисал с одного плеча. Топор лежал на крышке машины, с его лезвия на каменный пол капала кровь. Лицо Магниса побледнело и осунулось. Широко раскрытыми глазами смотрел он на людей, не видя их. Саймон подумал, что Магнис в состоянии шока.

— Уходите! — Магнис схватил топор и взмахнул им. — Крылатые демоны с воздуха! Человек не может сражаться с демонами! — Он рассмеялся, радостно, как мужчина, обнимающий любимую. — Но у нас есть ответ и для демонов. Салкаркип не будет служить дьявольскому отродью!

Он повернул бычью голову, рассматривая людей Эсткарпа и своих сограждан.

— Вы хорошо сражались. Но теперь ваша судьба не здесь. Я высвобождаю энергию, питавшую город. Уходите подальше, а я заберу с собой как можно больше этих летающих колдунов. Уходите, люди-волшебники, и оставьте Салкаркип его судьбе!

Его глаза и голос давили с такой физической силой, что уцелевшие гвардейцы отшатнулись. Корис был с ними, ястреб на его шлеме потерял одно крыло. Волшебница с печальным лицом, но спокойная. И еще двадцать человек с Саймоном.

Как один человек, гвардейцы обнажили мечи, салютуя остающимся. Магнис улыбнулся.

— Хорошо, хорошо, волшебники! Но сейчас не время для парадов. Уходите!

Они вышли в указанную им маленькую дверь, которую Корис тут же закрыл. Побежали по подземному ходу. К счастью, пол был ровный, а через большие интервалы горели шары.

Все сильнее слышался гул прибоя, и вот они оказались в пещере, где покачивались на воде маленькие лодки.

— Вниз! — Саймон вместе с другими забрался в лодку, а Корис ударил его ладонью по спине, заставляя лечь на качающееся дно. Захлопнулась еще одна дверь. Свет исчез. Саймон лежал неподвижно, не зная, что произойдет дальше.

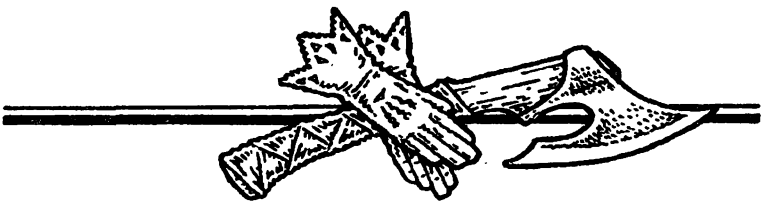
Лодка двигалась, тела людей перекатывались, Саймон закрыл лицо руками. Качка усилилась, и Саймон почувствовал, что его начинает тошнить. Он никогда не был хорошим моряком. Занятый борьбой с тошнотой, он не был подготовлен к взрыву, который, казалось, уничтожил весь мир.

Они по-прежнему качались на волнах, но подняв голову, Саймон вдохнул свежий воздух. Он зашевелился, не обращая внимания на протесты товарищей. Больше нет тумана — была его первая мысль. А потом — наступил день! Небо, море вокруг, берег — все было чистым и ясным.

Но когда же взошло солнце? Саймон был оглушен взрывом, но не ослеп. Они направлялись в море, оставляя сзади источник жара и света.

Одна... две... три маленькие лодки насчитал он. Парусов не было, но, очевидно, лодки имели какой-то двигатель. На корме их лодки сидел человек. По ширине плеч Саймон узнал Кориса. Капитан гвардии держал руль. Они свободны от ада, который воцарился на месте Салкаркипа, но куда же они направляются?

Туман исчез, а пламя на берегу давало им свет. Но волны не были порождены морем. Должно быть, взрыв передался океану. Поднимался ветер, и люди в лодках начали понимать, что они еще не спаслись, а получили лишь небольшую передышку.

II. ВЕРЛЕЙН

1. Брачный договор на топоре

Море было тусклым и серым, цвета лезвия топора, которое, несмотря на полировку, не блестит, или стального зеркала, покрытого влагой. И небо над ним такого же цвета, так что трудно различить, где кончается воздух и начинается вода.

Лойз съежилась на скамье под узким окном. Она боялась высоты, а эта башня, выдававшаяся из стены, нависала непосредственно над острыми, окруженными пеной скалами береговой линии. Но ее постоянно влекло к этому месту, потому что, глядя в глубокую пустоту, лишь изредка нарушавшуюся ныряющей птицей, она видела свободу.

Прижимая узкие ладони с длинными пальцами к камню, она заставляла себя выглянуть, заставляла глядеть на то, чего она боялась, как ей много раз приходилось заставлять себя делать то, от чего отшатывались ее тело и мозг. Будучи дочерью Фалька, ей пришлось надеть броню из льда и железа, которую не мог пробить никакой удар. И вот уже больше половины своей короткой жизни она провела в этой внутренней цитадели.

В Верлейне было множество женщин, потому что Фальк отличался похотливостью. С раннего детства Лойз видела, как они приходят и уходят, смотрела на них холодным взглядом и сравнивала себя с ними. Ни на одной из них Фальк не женился, и ни одна из них не принесла ему потомства — к величайшему неудовольствию Фалька и к некоторому временному выигрышу для Лойз. Потому что Верлейн принадлежал Фальку не по

наследству, а единственно из-за его брака с матерью Лойз, и только пока жила Лойз, Фальк продолжал владеть Верлейном и всеми его богатейшими возможностями для грабежа и мародерства на море и на берегу. Если бы она умерла, в Карстене нашлось бы немало родственников ее матери, которые тут же предъявили бы свои права на владение Верлейном.

Но если бы хоть одна из этих женщин, что — вольно или невольно — ложились на огромную кровать в спальне Фалька, принесла ему сына, он мог бы спокойно претендовать на владение Верлейном не только в течение своей жизни, но и для новой мужской линии, согласно новоизданным законам герцога. По старым обычаям право наследования сохранялось за материнской линией, теперь же наследовали потомки отца, и лишь в тех случаях, когда не было потомков мужского пола, действовал старый закон.

Лойз цеплялась за эту единственную ниточку, дававшую ей временную безопасность. Если Фальк погибнет в одном из грабительских рейдов, если его убьет представитель какой-нибудь ограбленной семьи, она и Верлейн будут свободны! Вот тогда увидят, на что способна женщина! Поймут, что она не вытирала слезы все эти годы в укрытии.

Она оттолкнулась от стены, прошла по комнате. В ней было холодно и тускло. Но Лойз привыкла к холоду и полумраку. Они стали частью ее жизни.

За пологом, скрывавшим кровать, она подошла к зеркалу. Это было не изящное стекло, а щит, тщательно отполированный в течение многих часов, пока он не стал давать слегка искаженное отражение. Для Лойз стало привычным стоять так, глядя на свое отражение, слушая, что оно говорит ей.

Она небольшого роста, но это единственная черта, которая объединяла ее с теми женщинами, которые удовлетворяли людей ее отца или его самого. Тело ее стройно и прямо, как у мальчика, и лишь намек на округлость говорил о том, что это не юноша. Густые волосы падали локонами на плечи и спускались до талии. Цвет у них светло-желтый, такой бледный, что они казались седыми, а брови и ресницы того же цвета прида-

вали лицу пустое, лишенное разума выражение. Кожа плотно облегала лицевые кости и была почти лишена румянца. Даже губы тоже были бледными. Унылое дитя мрака, она все же сосредоточивала в себе огромную жизненную силу; она была крепка, как гибкое лезвие, которое опытный боец предпочтет громоздкому, но непрочному оружию.

Неожиданно она свела руки, сжала их, потом развела и опустила, но под свисающими рукавами руки ее были сжаты в кулаки, ногти почти впились в тело. Лойз не повернулась к двери, ничем не показала, что слышит скрип щеколды. Она знала, как далеко может зайти в своей обороне против Фалька, и никогда этих границ не переступала. Иногда она в отчаянии думала, что отец и не подозревает об ее истинном настроении.

Дверь распахнулась. Повелитель Верлейна любую преграду воспринимал как вражескую крепость. Он вошел с видом человека, только что получившего ключи от сданного противником города.

Если Лойз была бесцветным созданием тьмы, Фальк казался повелителем солнца и яркого цвета. На его большом теле уже появились некоторые следы распутной жизни, но лицо оставалось прекрасным, свою красно-золотую голову он нес с высокомерием принца, благородные черты лица лишь слегка расплылись. Большинство верлейнцев восхищались своим повелителем. В хорошем настроении он бывал щедр и великодушен, а его пороки были понятны подданным.

Лойз видела в зеркале его яркое отражение, отбрасывающее ее еще глубже во мрак. Но не обернулась.

— Приветствую лорда Фалька. — Голос ее был лишен выражения.

— Лорда Фалька? Разве так нужно говорить с отцом, девка? Растопи лед в своих жилах.

Рука его опустилась на ее плечо под локонами, он повернул ее, сжав с такой силой, что теперь целую неделю не сойдет синяк. Она знала, что он сделал это сознательно, но не подала виду.

— Я пришел с известием, которое любую другую девушку заставило бы прыгать от радости, а на твоем холодном рыбьем

лице я не вижу и следа удовольствия, — пожаловался он. Но в глазах его не было веселья.

— Вы еще не сообщили этого известия, мой лорд.

Пальцы его сильнее сжали ее плечо, как будто он хотел сломать ей кость.

— Конечно, нет! Но эта новость заставит биться сердце любой девицы. Свадьба и постель, моя девочка, свадьба и постель!

Лойз, чувствуя такой страх, какого никогда не испытывала раньше, решила обмануть себя.

— Вы избрали леди Верлейна, мой лорд? Судьба посылает вам на такой случай красавицу.

Он не ослабил своей хватки, наоборот, встряхнул девушку как бы шутя, но причиняя боль.

— Может, в тебе нет женских качеств, но ума у тебя хватает: меня ты не одурачишь, как других. В твоем возрасте ты уже зрелая женщина. Во всяком случае, пора доказать это. И советую тебе не пробовать свои штучки на будущем твоем повелителе. Он любит послушных в постели!

То, чего она боялась, произошло. На мгновение сила духа оставила ее.

— Брак нуждается в добровольном согласии... — Она остановилась, устыдившись мгновенной слабости.

Он расхохотался, довольный тем, что вырвал у нее этот невольный протест. Руки его сжали ее шею с такой силой, что на мгновение у нее перехватило дыхание. Потом, как безжизненную куклу, он повернул ее лицом к зеркальному щиту и держал так, избивая словами, которые, как он думал, причиняют большую боль, чем любые удары.

— Взгляни на это застывшее ничто, которое ты называешь лицом. Думаешь, мужчина может прижать к нему губы, не закрывая глаза и не желая быть в другом месте? Будь довольна, девка, что можешь прельстить чем-нибудь помимо этого лица и костлявого тела. Ты дашь согласие любому, кто захочет тебя. И будь благодарна отцу за то, что он подыскал для тебя такого человека. Да, девка, лучше на коленях благодари любых богов за то, что отец заботится о тебе.

Слова его звучали громогласно; она не видела в зеркале отражения, только ужасы своего воображения. Неужели ее бросят в постель одного из грубых приближенных Фалька — ради какой-то выгоды лорда?

— Сам Карстен... — в голосе Фалька прозвучало невольное удивление. — Сам Карстен, подумать только, просит о согласии этого непропеченного теста! Ты сошла с ума! — Он отпустил ее неожиданно, и она ударилась о щит так, что металл зазвенел. Удержав равновесие, она повернулась к отцу лицом.

— Герцог! — Она не могла поверить в это. Зачем правителю герцогства свататься к дочери незначительного барона, пусть даже у этой дочери славная родословная со стороны матери?

— Да, герцог! — Фальк сел на кровать, размахивая ногами в сапогах. — Хвала судьбе! Добрая фея присутствовала при твоем рождении, девочка. Сегодня утром прибыл вестник Карстена с предложением брака на топоре.

— Зачем?

Ноги Фалька замерли. Теперь он не улыбался.

— У него для этого немало причин. — Фальк принялся загибать пальцы.

— Итак. Герцог, несмотря на свое теперешнее могущество, был простым наемником, прежде чем укрепился в Карстене, и я сомневаюсь, чтобы он смог назвать свою мать, не говоря уже об отце. Он сокрушил противостоящих ему лордов. Но это было добрых десять лет назад, и он больше не хочет разъезжать в кольчуге и выкуривать непокорных из замков. Завоевав герцогство, он стремится насладиться захваченным. Жена, взятая из рядов тех, с кем он воевал, будет для него залогом мира. И хотя Верлейн — не самая богатая крепость Карстена, в жилах его повелителей течет благородная кровь — разве мне не дали это ясно понять, когда я сватался? А ведь у меня не щит без девиза, я младший сын Фартома из Северных холмов. — Губы его дрогнули при воспоминании о прошлых унижениях.

— А поскольку ты наследница Верлейна, ты очень подходишь для герцога.

Лойз рассмеялась.

— Неужели я единственная девушка из благородных семей Карстена?

— Конечно, он может взять любую. Но как я уже упоминал, у тебя есть еще некоторые преимущества. Верлейн — береговая крепость с древними правами, а честолюбие герцога теперь связывается не только с завоеваниями. Что ты скажешь, Лойз, если здесь будет порт для торговли с севером?

— А что будет делать Салкаркип, когда возникнет такой порт? Те, кто клянется именем Сала, ревниво относятся к своим правам.

— Те, кто клянется именем Сала, скоро совсем не смогут клясться, — со спокойной уверенностью заявил Фальк. — У Салкаркипа появились беспокойные соседи, и тревоги его растут. А Эсткарп, куда Салкаркип может обратиться за помощью, теперь пустая раковина, выеденная колдовством его жителей. Один удар — и вся эта страна рассыплется в пыль.

— Итак, из-за моего происхождения и возможности основать порт Ивьян предлагает брак, — настаивала Лойз, неспособная поверить в то, что это правда. — Но разве могучий лорд свободен посылать рукоять своего топора с предложением брака? Я девушка, уединенно живущая в крепости вдали от Карса, но я слышала о некоей леди Алдис, которая отдает приказы, и им беспрекословно подчиняются все, кто носит знаки герцога.

— У Ивьяна может быть Алдис и еще полсотни таких же, и это тебя совершенно не касается, девочка. Дай ему сына — если твое тощее тело способно выносить мальчика, в чем я глубоко сомневаюсь! — дай ему сына и сиди рядом с ним за высоким столом, но не требуй от него ничего, кроме обычной вежливости. Будь рада оказанной тебе чести, и если будешь мудрой, то сумеешь повелевать и Алдис, и всеми остальными. Но помни: у Ивьяна мало терпения, и он нелегко прощает ошибки. — Фальк встал, собираясь уходить. Но прежде он снял с цепочки на поясе маленький ключ и швырнул дочери.

— Хоть у тебя и лицо привидения, ты не пойдешь на брак без украшений и свадебного платья. Я пошлю к тебе Бетрис;

она поможет тебе выбрать одежду. И вуаль для лица, она тебе понадобится! Присматривай за Бетрис, не позволяй ей уносить больше, чем помещается в двух руках.

Лойз с такой готовностью поймала ключ, что он рассмеялся.

— Ты все-таки женщина: не меньше других любишь побрякушки. Одна-две бури — и мы пополним то, что ты унесешь из сокровищницы.

Он вышел, оставив дверь широко раскрытой. Закрывая дверь, Лойз гладила рукой ключ. Месяцы и годы думала она, как получить этот кусок металла. Теперь она имеет на него полное право, и никто не помешает ей взять из сокровищниц Верлейна то, что ей действительно нужно.

Права на грабеж на море и на берегу! С тех пор, как между двумя предательскими мысами на берегу был построен Верлейн, море приносило его лордам богатый урожай. В башне крепости имелась настоящая сокровищница, которая открывалась только по приказу лорда. Фальк, должно быть, очень хотел ее брака с Ивьяном, если позволил ей заглянуть туда. А общества Бетрис она не боялась. Очередная любовница Фалька была столь же жадна, сколь и прекрасна, и если ей дать возможность поживиться самой, она и не посмотрит, что возьмет себе Лойз.

Лойз перебросила ключ из правой руки в левую, и впервые слабая улыбка появилась на ее губах. Как удивился бы Фальк, узнав, что выбрала она из сокровищ Верлейна! И если бы узнал, что ей известно об этих стенах, которые кажутся ему такими безопасными. Взгляд Лойз скользнул по стене, на которой висел зеркальный щит.

Послышался торопливый стук в дверь. Лойз снова улыбнулась, на этот раз презрительно. Быстро же повинуется Бетрис приказам Фалька. Но по крайней мере эта женщина не осмеливается без разрешения войти в комнату дочери своего любовника. Лойз подошла к двери.

— Лорд Фальк... — начала стоявшая в двери кричаще красивая яркая женщина.

Лойз подняла ключ.

— Вот он. — Она не назвала собеседницу по имени, не указала ее титула. Спокойно смотрела на роскошные плечи Бетрис, едва прикрытые платьем, на остальные полуобнаженные выпуклости ее тела. За Бетрис стояли двое слуг. Они держали сундук. Лойз подняла брови. Бетрис нервно рассмеялась.

— Лорд Фальк хочет, чтобы вы выбрали себе брачный наряд, леди. Он сказал, что не нужно скромничать в сокровищнице.

— Лорд Фальк щедр, — сдержанно ответила Лойз. — Идем?

Женщины миновали большой зал и спустились по крутой лестнице, потому что сокровищница находилась в основании башни, в которой помещались личные комнаты семьи повелителей. Лойз была рада этому: ей можно было держаться в стороне от жизни двора ее отца. Когда они наконец подошли к двери сокровищницы, Лойз была довольна: лишь одна Бетрис осмелилась вместе с ней переступить порог. Слуги втолкнули за ними сундук и исчезли.

Три шара в потолке освещали сундуки и ящики, тюки и корзины. Бетрис жестом рыночной торговки погладила себя по бедрам. Темные глаза ее бегали по сторонам, и Лойз, сунув ключ в карман на поясе, подлила масла в пламя ее алчности.

— Я думаю, лорд Фальк не откажет вам в праве выбрать для себя что-нибудь. В сущности, он сказал мне, что позволяет это. Но будьте благоразумны и не очень жадничайте.

Пухлые руки переместились с бедер на едва прикрытую грудь. Лойз подошла к столу в центре комнаты и открыла крышку стоявшей на столе шкатулки. Даже ее ослепило сверкание драгоценностей. Она до сих пор не осознавала, какие огромные богатства накопились в Верлейне за долгие годы грабежа. Из клубка цепочек и ожерелий она высвободила большую брошь, усыпанную рубинами, — игрушка не по ее вкусу, но вполне соответствующая пышной миловидности ее спутницы.

— Что-то вроде этого, — сказала она, протягивая брошь.

Бетрис жадно протянула руки и тут же опустила их. Облизывая пересохшие губы, она переводила взгляд с Лойз на брошь и обратно. Преодолевая отвращение, девушка поднесла

брошь к глубокому вырезу в платье Бетрис, едва не отдернув руку, когда почувствовала мягкое тело женщины.

— Вам идет, возьмите! — Вопреки желанию, слова Лойз прозвучали резким приказом. Но наживка была проглочена. Видя только драгоценности, женщина подошла к столу, и Лойз на время оказалась свободна.

Она знала, что нужно искать, но не представляла, где оно может находиться. Девушка медленно пошла между грудами разного добра. Некоторые предметы были покрыты отложениями морской соли, от других исходили слабые экзотические запахи. Отгородившись от Бетрис баррикадой ящиков, девушка обнаружила сундук, выглядевший обещающе.

Хрупкая внешность Лойз была обманчива. Так же, как дисциплинировала она свои чувства и мозг, тренировала она и свое тело. Крышка сундука оказалась тяжелой, но девушка справилась с ней. И, уловив запах смазки, поняла, что она на верном пути. Лойз отбросила лежавшую сверху одежду. Кольчуга. Слишком велика. Может, ей и не удастся найти ничего подходящего по размеру.

Она продолжала углубляться. Вторая кольчуга, третья... должно быть, перевозили товары какого-то кузнеца. На дне оказалась кольчуга, вероятно, изготовленная для юного сына какого-то лорда. Лойз она была почти впору. Она затолкала остальные кольчуги в ящик, а свою свернула как можно плотнее.

Бетрис была увлечена шкатулкой с драгоценностями, и Лойз была уверена, что не один предмет из этой шкатулки уже спрятан под платьем женщины. Но это давало Лойз возможность почти открыто продолжать свои поиски, прикрыв найденное шелком, бархатом и мехами.

Чтобы усыпить подозрения Бетрис, Лойз выбрала для себя кое-что из украшений, а потом позвала слуг и приказала отнести сундук в свою комнату. Она боялась, что Бетрис захочет вместе с ней осматривать выбранное, но наживка подействовала хорошо: женщина горела от нетерпения остаться в одиночестве, чтобы полюбоваться своими приобретениями.

Быстро, но осторожно Лойз принялась за работу. Ткани, вышивка, кружева грудой были брошены на постель. Опустившись на колени, Лойз опустошила сумку. Кое-что она подготовила заранее. Но нужно еще многое. Все свое приданое, которое Лойз хотела унести из Верлейна, она должна разместить в заплечном мешке и седельных сумках.

Кольчуга, кожаная куртка и брюки, оружие, шлем, золотые торговые знаки, пригоршня драгоценных камней. Поверх этого она снова сложила собственное платье, разгладила его. Она слегка запыхалась, но успела все расставить на места, прежде чем услышала шаги — возвращался за ключом Фальк.

Лойз быстро набросила себе на голову вуаль и в последний раз взглянула в зеркальный щит.

2. Кораблекрушение

Обстоятельства, которые она надеялась использовать в свою пользу, действовали против нее в течение следующих нескольких дней. Хотя Ивьян сам не приехал в Верлейн, чтобы осмотреть невесту и поторговаться из-за приданого и прав наследования, он прислал за нею почетную делегацию. И ей пришлось демонстрировать себя, скрывая нетерпение и растущее отчаяние.

Наконец она отложила свои надежды на время брачного пира, потому что тогда головы обитателей крепости затуманятся. Фальк хотел поразить посланников герцога гостеприимством. Он раскроет двери своих винных подвалов, и тогда ей представится возможность осуществить свои планы.

Но сначала ударила буря, подул ветер такой силы, что Лойз, с детства жившая на берегу и знакомая с морем, не видела ничего подобного. Поднялись такие волны, что пена долетала до окна ее комнаты наверху башни. Бетрис и женщина, посланная Фальком, чтобы помочь в шитье свадебного наряда, вздрагивали при каждом ударе ветра и волн.

Бетрис встала, по полу покатилась волна прекрасного зеленого шелка, глаза женщины тревожно расширились. Она

сложила пальцы в священный знак своего забытого деревенского детства.

— Колдовская буря. — Голос ее едва доносился сквозь рев шторма.

— Но здесь не Эсткарп. — Лойз приложила полоску кружев к сатину и начала делать ровные стежки. — У нас нет власти над ветром и водой. А Эсткарп не выходит за свои границы. Это просто буря. И если не хотите разгневать лорда Фалька, не трепещите перед бурей: жители Верлейна их хорошо знают. Откуда же еще наши богатства? — Она помолчала и вдела новую нитку в иглу.

Бетрис повернулась к ней, губы напряженно изогнулись над маленькими острыми зубами в лисьей усмешке.

— Я сама родилась на берегу. И видела немало бурь. И потом собирала обломки. Больше, чем вы, леди! Но за всю свою жизнь я не видела такой бури! В ней зло, говорю вам, большое зло!

— Зло для тех, кто должен довериться волнам. — Лойз отложила шитье. Она подошла к окну, но сквозь кружево пены ничего нельзя было разглядеть.

Служанка не делала даже вида, что работает. Она жалась к очагу, где горели дрова, раскачиваясь взад и вперед, прижимая руки к груди, как будто у нее здесь болело. Лойз подошла к ней. Она не жалела многочисленных женщин замка — от бесчисленных предшественниц Бетрис до служанок на кухне — и не интересовалась ими. Но теперь, вопреки собственным намерениям, она спросила:

— Ты больна?

Девушка была чище других служанок. Возможно, ей велели помыться, прежде чем идти сюда. Ее лицо привлекло внимание дочери Фалька. Это была не деревенская девушка, не крестьяночка, привезенная в замок для удовольствия солдат, а затем отправленная на кухню. Лицо ее было маской страха; страх этот так долго составлял часть ее существа, что изменил лицо, как гончар изменяет форму глиняного кувшина. Но под страхом чувствовалось что-то иное.

Бетрис легко рассмеялась.

— У нее ничего не болит, это только воспоминания. Она сама испытала кораблекрушение. Разве не так, дрянь? — И концом мягкого сапожка она пнула служанку в бок, чуть не опрокинув ее в огонь.

— Оставьте ее! — Впервые Лойз дала волю гневу. Раньше она всегда держалась в стороне от жертв кораблекрушения — ничего не могла сделать для них и не могла забыть увиденного.

Бетрис притворно улыбнулась. С Лойз она чувствовала себя неуверенно и потому не приняла вызов.

— Отошлите эту хнычущую дуру. Во время бури от нее все равно не добьешься работы. Жаль, она умеет шить, иначе давно бы уже пошла на корм рыбам.

Лойз подошла к постели, на которой были разбросаны предметы одежды, взяла большую шаль и набросила на дрожащую девушку. Не обращая внимания на удивление Бетрис, Лойз опустилась на колени, взяла девушку за руки и посмотрела ей в лицо.

Бетрис потянула ее за рукав.

— Как вы смеете? — вспыхнула Лойз.

На полных губах женщины мелькнула хитрая усмешка.

— Уже поздно, леди. Лорду Фальку не понравится, что вы возитесь с этой дрянью, пока он подписывает контракт с посланниками герцога. Сказать ему, почему вы не идете?

Лойз спокойно посмотрела на нее.

— В этом, как и во всем остальном, я послушна желаниям лорда. И не вздумайте учить меня!

Она неохотно отвела руки, сказав:

— Оставайся здесь. Никто тебя не тронет. Понимаешь, никто!

Поняла ли девушка? Она раскачивалась, мучаясь старой болью, которая оставалась в душе, хотя шрамы сошли с тела.

— Я не нуждаюсь в ваших услугах, — Лойз повернулась к Бетрис. Та вспыхнула. Она не могла бросить вызов юной леди и знала это.

— Вам следовало бы поинтересоваться тем колдовством, которое доступно каждой женщине, — резко бросила Бетрис. — Я могу научить вас, леди, как привлекать внимание мужчин. Немного темной краски на брови и ресницы, немного помады на губы... — раздражение было забыто, женские инстинкты победили. Она критически и отвлеченно осматривала Лойз, и та обнаружила, что прислушивается, несмотря на презрение к Бетрис. — Да, леди, если вы послушаетесь меня, вам, может быть, удастся оторвать взгляд лорда от этой Алдис. Есть и другие способы, чтобы очаровать мужчину. — Она облизала губы кончиком языка. — Я многому могу научить вас, леди. Вы получите хорошее оружие. — Она придвинулась ближе, в глазах ее горел огонь.

— Ивьян берет меня такой, какая я есть, — ответила Лойз, отказываясь от предложения Бетрис, — и должен быть доволен тем, что берет! — И про себя добавила: «Бетрис и не подозревает, насколько это верно».

Женщина пожала плечами.

— Как угодно, леди. Но вам придется убедиться, что не все пойдет так, как вам хочется.

— А разве раньше было по-другому? — спокойно спросила Лойз. — Идите. Как вы сказали, уже поздно, а мне еще многое нужно сделать.

Со своим обычным холодным терпением она выдержала церемонию заключения контракта. Герцог послал за своей невестой трех совершенно различных людей, и Лойз было интересно рассматривать их.

Гунольд был старым товарищем Ивьяна еще со времен наемничества. Его репутация солдата достигла даже такого захолустья, как Верлейн. Странно, но его внешность не соответствовала ни его занятию, ни репутации. Она ожидала увидеть человека, похожего на сенешаля отца, может, несколько более отшлифованного, а перед ней был одетый в шелка щеголь, с манерным произношением, вежливый — как будто он никогда не испытывал на своих плечах веса кольчуги. Круглый подбородок, глаза с длинными ресницами, гладкие щеки делали его

моложе. И Лойз, пытаясь сопоставить увиденное с тем, что она слышала об этом человеке, чувствовала себя смущенной и немного испуганной.

Сирик представлял Храм Судьбы, и завтра, когда ее рука будет лежать на рукояти топора, произнесет за Ивьяна должные слова, — этот Сирик был стар. У него красное лицо, а посреди низкого лба надувается голубая вена. Слушая или негромко говоря что-нибудь, он непрерывно жевал кусочки сухих сладких конфет; слуга с коробкой этих конфет находился постоянно поблизости. Желтая ряса священника обтягивала тучный живот.

Лорд Дуарт представлял древние благородные семейства. Но и он не соответствовал своей роли. Маленького роста, худой, с постоянно дергающейся нижней губой, он производил впечатление человека, занятого крайне неприятной работой. Отвечал он только на прямые вопросы. И единственный из всех троих уделял хоть какое-то внимание Лойз. Она заметила, что он задумчиво смотрит на нее, но в его манерах ничего не свидетельствовало о жалости и не обещало поддержки. Скорее, она была для него препятствием, которое он хотел бы убрать со своего пути.

Лойз благодарила обычай, который позволял ей избежать ночного пира. Завтра она должна будет сидеть на свадебном пиру, а когда все достаточно выпьют, тогда... Цепляясь за эту мысль, она заторопилась в свою комнату.

Она совсем забыла о служанке и с удивлением увидела ее фигуру на фоне окна. Ветер затихал, буря как будто кончалась. Но слышался другой звук, отдаленный и неясный. Соленый воздух ударил в лицо Лойз из открытого окна.

Разгневанная собственными тревогами, раздраженная ожиданием предстоящего, Лойз захлопнула окно. Хотя ветер затих, тучи по-прежнему озарялись молниями. И в момент такой вспышки Лойз увидела то, за чем уже давно следила служанка.

Прямо на ждущие клыки скал шли корабли — два... три больших корабля. Корабли несло предательское течение, которое прокляло и обогатило Верлейн. Должно быть, это часть гордого флота могучего морского владыки. В коротких вспыш-

ках молнии Лойз не видела никакой деятельности на борту, никаких попыток предотвратить судьбу. Призрачные корабли двигались навстречу гибели, и это, по-видимому, нисколько не заботило экипаж. На берегу появились огни. Много людей выходило из ворот Верлейна. Все хотели поживиться, хотя Фальк накладывал свою тяжелую руку на любую добычу. Люди несли сети, чтобы вытаскивать обломки, и готовились к давно знакомой работе. Лойз оттащила девушку от окна и завесила его.

Но, к ее удивлению, обращенное к ней лицо девушки не было больше искажено страхом. В глубине темных глаз светился разум, возбуждение, нарастающая сила.

Девушка слегка склонила голову, как будто прислушиваясь к звукам бури. Все яснее становилось, что где бы она ни жила до того, как кораблекрушение привело ее в Верлейн, она была не просто солдатской девкой.

— Та, что долго прожила в этой башне. — Голос служанки звучал как бы издалека. — Выбери правильно. В эту ночь решается судьба людей и стран.

— Кто ты? — спросила Лойз, а служанка продолжала меняться у нее на глазах. Она не была чудовищем, которое по своему желанию может принимать облик зверя или птицы, как утверждали слухи о колдуньях Эсткарпа. Но то, что скрытое лежало в ней, замученное, почти убитое, теперь вновь ожило, показалось сквозь израненное тело.

— Кто я? Никто... ничто... Но приближается та, что собрала в себе то, чем я когда-то обладала. Выберешь хорошо, Лойз Верлейнская, — и живи. Выберешь плохо — и умри, как умерла я, умирала по частям, день за днем.

— Этот флот... — Лойз полуобернулась к окну. Неужели приближается завоеватель, настолько безжалостный, чтобы пожертвовать своими кораблями для захвата плацдарма на берегу? Безумная мысль. Корабли обречены, мало кто из их экипажа выйдет на берег живым, и тут их будут ждать люди Верлейна.

— Флот? — повторила служанка. — Флота нет — только жизнь — или смерть. В тебе есть что-то от нас, Лойз. Докажи это — и выиграешь!

— Что-то от вас? Но кто ты?

— Я никто и ничто. Спроси лучше, кем я была, Лойз Верлейнская, прежде чем ваши люди вытащили меня из моря.

— Кем же ты была? — послушно спросила Лойз, как ребенок, повинующийся приказу старшего.

— Я из Эсткарпа, женщина с морского берега. Понимаешь? Да, я обладала Силой — пока она не вытекла из меня в зале внизу под смех и крики мужчин. Дар принадлежит нам, женщинам, пока тела наши не тронуты насилием. Для Верлейна я была лишь женщиной, и ничем больше. Так я утратила все, что составляло мою жизнь, утратила себя. Понимаешь ли ты, что это значит — потерять себя? — она изучала Лойз. — Да, понимаешь, судя по тому, что ты собираешься делать сейчас. Мой Дар исчез, раздавленный, как последний уголек костра, но пепел остался. Поэтому я и знаю, что буря приносит к нам более великую, чем я когда-либо надеялась стать. Именно она определит наше будущее, и не только наше!

— Колдунья! — Лойз не отпрянула; наоборот, ее охватило возбуждение. Сила эсткарпских женщин была легендарной. Лойз жадно прислушивалась к рассказам об этой силе, доходившим до Верлейна. И теперь горько сожалела — почему она не знала об этой женщине раньше?

— Да, колдунья. Так нас называют, когда немного начинают понимать. Но не думай, Лойз, что сможешь что-нибудь получить от меня сейчас. Я лишь обгоревшая головешка, когда-то во мне пылал огонь. Напряги свою волю и разум, чтобы помочь той, что приближается.

— Волю и разум! — Лойз хрипло рассмеялась. — У меня есть и воля, и разум, но нет власти. Ни один солдат не подчинится мне, не пошевелит пальцем по моей просьбе. Лучше обратиться к Бетрис. Когда отец доволен ею, она пользуется некоторым влиянием на людей.

— Тебе нужно будет лишь использовать предоставившуюся возможность. — Женщина сняла шаль, аккуратно свернула ее и, направляясь к двери, положила на кровать. — Восполь-

зуйся возможностью, Лойз Верлейнская. И спи сегодня спокойно — твой час еще не пришел.

И прежде чем Лойз успела остановить ее, она выскользнула за дверь. Комната опустела, как будто женщина унесла с собой всю жизнь, пульсирующую в скрытых тенью углах.

Лойз медленно сняла свой торжественный наряд, расплела наощупь волосы, не заглядывая в зеркало. Ей казалось, что кто-то тайно подглядывает за ней. Много подлых и грязных поступков совершилось в большом зале внизу с тех пор, как хозяином Верлейна стал Фальк. Но сейчас Лойз подумала, что один из этих поступков, связанный с женщиной из Эсткарпа, будет отомщен.

И так задумалась она, что забыла: ведь у нее канун брачного пира. Впервые за все время она не доставала вооружение со дна сундука и не радовалась тем возможностям, которые оно давало.

На берегу выл ветер, хотя он и не поднимал пену так высоко, как раньше. Люди на берегу, прячась, ждали, пока волны принесут им добычу. С берега флот выглядел еще внушительней, чем из башни Лойз.

Гунольд, плотнее запахнув плащ, всматривался в полумглу. Корабли не карстенские, и, следовательно, крушение выгодно герцогству. Гунольд считал, что они являются свидетелями последних минут вражеского набега. И вдвойне хорошо, что он может присмотреть в таких обстоятельствах за Фальком. Ходят слухи об огромных богатствах Верлейна, полученных морскими грабежами. А поскольку герцог берет в жены это бледное ничтожество, он потребует точных сведений о богатствах своей жены. Да, судьба улыбнулась, послав Гунольда в этот вечер на берег, чтобы он мог наблюдать, собирать сведения и готовить доклад для герцога.

Убедившись, что обреченные корабли уже не смогут отвернуть от берега, верлейнцы с фонарями в руках высыпали из укрытий. Может, дураки на кораблях примут эти фонари за бакены. Тем лучше. Они лишь сберегут время грабителей.

И вот лучи фонарей, протянувшись над вздымающимися волнами, коснулись раскачивающегося носа первого корабля. Нос корабля высоко вздымался на волнах; наблюдатели кричали, заключались торопливые пари насчет того, где произойдет крушение. Корабль поднялся высоко и устремился вперед, прямо на скалы. И вдруг — исчез!

Люди на берегу столкнулись с невозможным. Вначале некоторые особо впечатлительные решили, что корабль перевернулся, и забросили сети. Но в сетях ничего не было. Ни корабля, ни обломков.

Никто не шевельнулся. В первое мгновение никто не поверил своим глазам. Приближался второй гордый корабль. Он двигался прямо на скалу, на которой стояли Гунольд с Фальком, как будто направляемый невидимым рулевым. Ни одного человека, ни одного живого существа не было видно на его палубе.

Снова волны подняли корабль, чтобы бросить его на зубы скал. На этот раз корабль был так близок к берегу, что Гунольд подумал: с того места, где он стоит, можно перепрыгнуть на пустынную палубу. Все выше и выше вздымался нос, фантастическая фигура на нем скалила в небо зубы. Потом внизу, в потоке воды.

И корабль исчез!

Гунольд схватился рукой за Фалька и увидел на его лице то же выражение — невероятный ужас. А когда к рифу устремился третий корабль, люди Верлейна побежали с криками страха. Брошенные фонари озаряли берег и пустые сети.

Позже чья-то рука схватилась за такую сеть и сжала ее в последнем отчаянном усилии. Тело перекатывалось в прибое, но сеть выдержала, а рука не разжалась. Ползком по берегу, и вот уже полумертвый пловец навзничь лег на песок и уснул.

3. Пленная волшебница

Жители Верлейна единодушно решили, что исчезнувший флот был иллюзией, вызванной демонами. На следующее утро Фальк не мог отправить на берег никого из своих людей. Да

он и не пытался проверить таким образом, насколько сильна его власть.

Но брак следовало завершить, прежде чем хоть один намек на случившееся достигнет Карса и даст герцогу законный повод отказаться от наследницы Верлейна. Чтобы преодолеть суеверные страхи, которые могли появиться у посланцев герцога, Фальк неохотно отвел их в сокровищницу и сделал ценные подарки, отложив в сторону меч с украшенной жемчугом рукоятью как знак восхищения воинской доблестью герцога. Но под своим роскошным нарядом Фальк покрывался потом и боролся с желанием отдать приказ проверить все темные углы.

Он заметил также, что никто из его гостей не упоминал о происшествии на скалах, и размышлял, хорошо это или плохо. Только когда за час до венчания они оказались в кабинете Фалька, Гунольд извлек из своего мехового плаща маленький предмет и осторожно поставил в полосу солнечного света, падавшего из окна.

Сирик, придерживая живот, запыхтел, с любопытством разглядывая этот предмет.

— Что это, лорд-командующий? Вы отобрали у деревенского мальчишки его игрушку?

Гунольд взвесил находку на ладони. Хоть и неуклюже вырезанный, деревянный предмет имел явно форму корабля. А мачтой служила обломанная палочка.

— Это, о благочестивый голос, — мягко ответил Гунольд, — могучий корабль, один из тех могучих кораблей, которые мы видели прошлым вечером. Да, это игрушка, но мы такими не играем. И ради безопасности Карстена я обязан спросить: какие дела у вас, лорд Фальк, с порождением тьмы — колдуньями из Эсткарпа?

Фальк напряженно смотрел на игрушечный кораблик. Лицо его побледнело, потом покраснело от прилива крови. Яростными усилиями он сдерживал вспышку гнева. Если сейчас он ошибется, то может проиграть все.

— Разве я послал бы людей на берег, готовясь захватить добычу с кораблей? — Он придал своему голосу оттенок тор-

жественности. — Я полагаю, вы сегодня утром выловили эту игрушку в воде, лорд-командующий? Но почему вы считаете, что это часть эсткарпской магии и что корабли, которые мы видели, рождены этим колдовством?

— Да, я подобрал это утром на песке, — согласился Гунольд. — И я кое-что знаю о колдовских иллюзиях. К тому же мы, я и мои люди, нашли еще кое-что на берегу утром — нашли сокровище, которое может соперничать с теми, что вы показывали нам. Марк, Джотен! — Вошли два герцогских щитоносца, ведя на веревке пленника.

— Передаю вам часть флота, — Гунольд бросил кораблик Фальку. — А теперь, лорд Фальк, если не ошибаюсь, я могу вам показать того, кто сделал этот флот. Не думаю, чтобы я ошибся.

Фальк привык к полумертвым пленникам, которых море выбрасывало на берег, и знал, как обращаться с ними. Причем его обращение оканчивалось обычно одинаково. До сих пор он благополучно решал такие проблемы. Гунольд несколько обеспокоил его, но теперь к Фальку вернулась обычная самоуверенность.

— Итак, — он откинулся в кресле, улыбаясь в предвкушении развлечения, — вы считаете, что захватили колдунью. — Фальк в упор разглядывал женщину. Худая, но видно, что сильная — хорошая предстоит забава. Может, Гунольд сам захочет приручить ее. Эти колдуньи не отличаются красотой, а эта так отмыта, будто целый месяц провела в волнах. Он внимательней вгляделся в обрывки одежды, почти не скрывавшей тело.

Одежда кожаная — такую носят под кольчугой! Значит, женщина была вооружена. Фальк шевельнулся. Одетая в кольчугу колдунья и иллюзорный флот! Неужели Эсткарп выступил, и цель выступления — Верлейн? У Эсткарпа немало оснований быть недовольным Верлейном, хотя до сих пор никаких враждебных действий с его стороны не было. Обдумаем позже, сейчас все внимание Гунольду и тому, как удержать Карстен в качестве союзника.

Фальк тщательно избегал встречи со взглядом пленницы.

— Разве в Карсе не общеизвестно, лорд-командующий, что эти колдуньи силой взгляда могут подчинить человека своей воле? Ваши щитоносцы не приняли никаких мер предосторожности.

— Похоже, вы кое-что знаете об этих колдуньях.

Осторожно, подумал Фальк. Этот Гунольд стал правой рукой Ивьяна не только из-за силы своего меча. Надо показать ему, что Верлейн не предатель, но и не болван.

— Эсткарп уже платил дань нашим берегам. — Фальк улыбнулся.

Гунольд, видя его улыбку, отдал приказ:

— Марк, набрось твой плащ ей на голову!

Женщина не шевельнулась и не издала ни звука с тех пор, как ее ввели. Может, она до сих пор находилась в полубессознательном состоянии от долгого пребывания в воде или от удара о скалу. Но ни один из людей Верлейна не ослабил бы своей бдительности только потому, что пленник не кричит, не умоляет, не отбивается бесполезно и отчаянно. Лишь когда на голову женщины был наброшен плащ, Фальк склонился вперед и заговорил. Слова его были адресованы скорее женщине, чем мужчинам. Он хотел по ее реакции проверить, в каком она состоянии.

— Разве вам неизвестно, лорд-командующий, как разоружить колдунью? Это очень просто... и довольно приятно. — И он пустился в непристойные подробности.

Сирик рассмеялся, поддерживая руками колышущийся живот. Гунольд улыбнулся.

— Да, вы в Верлейне из всего умеете извлекать удовольствие, — согласился он.

Лишь лорд Дуарт оставался спокойным. Он сидел, положив руки на колени. Постепенно на его щеках выступила краска.

Полузакрытая фигура не шевельнулась, не издала ни звука.

— Уведите ее, — приказал Фальк. — Отведите к сенешалю, он сохранит ее для нашего удовольствия. Для каждого удовольствия свое время. — Сейчас это был вежливый хозяин, за-

нимающий прочное положение. — А теперь доставим удовольствие лорду-герцогу — дадим ему жену.

Фальк ждал. Никто не знал, с каким огромным напряжением он вслушивался в ответ Гунольда. Пока Лойз стоит в алтаре редко использующейся церкви, держа руки на рукояти топора, а Сирик произносит нужные слова обряда, Гунольд именем своего повелителя может прекратить венчание. Но как только Лойз станет герцогиней Карстена, пусть лишь по названию, Фальк может свободно двигаться по пути, который он давно рассчитал.

— Да, да. — Сирик с пыхтением встал, расправляя складки плаща. — Венчание. Не нужно заставлять леди ждать, лорд Дуарт... Молодая кровь, нетерпеливая кровь. Идемте, лорды... Венчание! — Это был его час, и этот выскочка-солдат не сможет помешать ему. Гораздо приличнее, если топор понесет и будет замещать своего повелителя благородный лорд Дуарт. Это предложил он, Сирик, и Ивьян тепло поблагодарил его перед их выездом из Карса. Да, Ивьян поймет... уже понял, что с поддержкой Храма Братства и таких благородных семей он больше не должен слушать разбойников типа Гунольда. После венчания солнце Гунольда должно закатиться.

Было холодно. Лойз металась по балкону большого зала — сердца крепости. Она терпеливо стояла, пока произносились тосты, но не собиралась делать и вида, что верит в их пышные слова и испытывает счастье. Лойз не понимала такого счастья. Она хотела только свободы.

Захлопнув за собой дверь и закрыв ее на три запора, которые выдержали бы даже удар тарана, она принялась за работу. Драгоценности сняты с шеи, головы, ушей, пальцев и небрежно брошены. Длинное платье откинуто в сторону. И вот наконец Лойз стоит перед зеркальным щитом, слишком возбужденная, чтобы чувствовать холод, идущий от каменных стен; расплетенные волосы тяжело лежат у нее на плечах, опускаются до обнаженных бедер.

Прядь за прядью безжалостно отрезала она их ножницами, длинные локоны падали на пол. Вначале быстро, затем медлен-

но и осторожно, пока голова не приобрела такую форму, что можно носить шлем. Те хитрости, которые Лойз презирала в изложении Бетрис, теперь пригодились. Она осторожно натерла брови и ресницы смесью сажи. Занятая этим делом, она почти не смотрела в зеркало. И вот, немного отступив, критически осмотрела свое отражение, слегка удивленная увиденным.

Настроение ее поднялось, она была почти уверена, что сможет незаметной пройти через большой зал, и даже сам Фальк не узнает ее. Девушка подбежала к кровати и начала надевать подготовленную одежду. Одевшись и застегнув оружейный пояс, она потянулась за седельными сумками. Но рука ее двигалась медленно. Почему ей вдруг так не хочется покидать Верлейн? Она выдержала брачные церемонии, скрывая свою цель. И знает, что пир — лучшее время для осуществления ее замысла. Лойз сомневалась, чтобы хоть один из часовых в замке или вне его соблюдал бы сегодня бдительность. К тому же она знала потайной ход.

Но что-то удерживало ее; она ждала, теряя драгоценное время. Испытывая сильнейшее желание вернуться на нависающий над залом балкон, она бессознательно двинулась к двери.

Что сказала служанка? Кто-то приближается на крыльях бури, правильно используй эту возможность, Лойз Верлейнская! Что ж, вот ее возможность, и она готова использовать ее со всем умом и хитростью, которые развила у нее жизнь в доме Фалька.

Но двинулась она не к потайным ходам, о которых Фальк и его люди ничего не знали, а к двери. И пока она боролась с этим безрассудным желанием, руки ее как бы сами собой открывали запоры, и вот она уже в зале, каблуки ее сапог стучат по ступеням лестницы, ведущей к балкону.

Точно так же, как огонь в очаге не согревал верх зала, шум снизу доходил сюда приглушенно, трудно было различить отдельные слова. Мужчины пили и ели, скоро они начнут думать о развлечениях. Лойз вздрогнула, но осталась на балконе. Взгляд ее не отрывался от главного стола, как будто ей важно было следить за движениями отца и его гостей.

Сирик, который в церкви приобрел даже некоторое достоинство, теперь стал «сплошным животом». Он швырял в рот содержимое бесчисленных тарелок и подносов, хотя соседи по столу давно уже только пили вино.

Бетрис, которая не имела права находиться за столом, пока в зале оставалась Лойз — Фальк настаивал на соблюдении некоторых приличий, — сейчас пользовалась возможностью. Сверкая роскошной брошью из сокровищницы, она перегнулась через резную ручку кресла своего любовника, стараясь привлечь его внимание. Но Лойз заметила — она оставалась только наблюдателем, и чувства ее обострились, — что время от времени Бетрис искоса многообещающе поглядывала на лорда-командующего Гунольда. В то же время она искусно представляла на обозрение свои круглые белые плечи, выступавшие из платья.

Лорд Дуарт сидел, занимая лишь треть сидения своего кресла, задумчиво глядя в кубок, как будто читал в его глубине какое-то сообщение, которое предпочел бы не знать. Строгие линии одежды, мрачное лицо были неуместны на этом веселом собрании. Он не выглядел человеком, наслаждающимся пиром.

Она должна идти — немедленно! В кожаной одежде и кольчуге, поверх которой наброшен плащ, она стала смутной тенью среди множества теней в затуманенных винными парами глазах. Ее никто не заметит. И уже началась весна. Лойз сделала шаг, другой, но тут бессловесный приказ, который привел ее сюда, вернул к перилам балкона.

Гунольд, наклонившись вперед, разговаривал с ее отцом. Красивый мужчина, интереса Бетрис к нему следовало ожидать.

Гунольд сделал какой-то жест, и Фальк расхохотался, отзвуки его смеха долетели до ушей Лойз.

На лице Бетрис появилось выражение сильного отвращения. Она схватила Фалька за рукав, губы ее двигались, но слов Лойз не могла разобрать. Фальк даже не повернул к ней головы. Он оттолкнул ее с такой силой, что Бетрис упала на пыльный пол.

Лорд Дуарт встал, поставив свой кубок. Тонкими белыми руками с вздутыми синими венами он плотно запахнул на шее воротник мехового плаща, как будто один среди всех собравшихся ощутил холод, от которого оцепенела Лойз. Он медленно заговорил. Ясно было, что он против чего-то протестует. По тому, как он отвернулся от стола, ясно было, что он не ожидает вежливого ответа или согласия.

Гунольд засмеялся, а Фальк забарабанил кулаком по столу, подавая сигнал слугам. Старейший из посланников герцога, лавируя между столами, направился к лестнице, ведущей в его комнату.

Движение у двери, ведущей в зал. Там появились воины в полном вооружении и построились, образуя проход к помосту, на котором стоял главный стол. Шум слегка стих, когда ввели пленника. Лойз показалось, что это мужчина со связанными за спиной руками. Но она не могла понять, зачем на голову пленника одели мешок, так, что он шел, спотыкаясь.

Фальк вытянул руку, указывая на место между собой и Гунольдом. При этом он столкнул кубок Дуарта, все содержимое которого вылилось на рясу Сирика. Горячих протестов священника никто не заметил. Из кармана лорд Верлейна извлек два торговых диска, подбросил в воздух, они покатились по столу и упали так, что стали видны надписи. Фальк придвинул диски к Гунольду, давая ему право первого броска.

Лорд-командующий подобрал монеты, рассмотрел их, отпустив какое-то смешное замечание, и бросил. Мужчины наклонили головы. Затем бросил Фальк. Бетрис, несмотря на грубый отпор, подползла поближе, не отрывая взгляда от монет. Когда монеты легли, Бетрис снова ухватилась за рукоять кресла Фалька, как будто результат придал ей храбрости. Фальк рассмеялся и сделал шутовской жест в сторону гостя.

Гунольд встал и двинулся к концу стола. Стоявшие около пленника расступились, и лорд-командующий остановился перед ним. Он не стал снимать мешка с головы пленника, а принялся развязывать ремешки, удерживающие кожаную куртку. Рывком он сдернул одежду до талии, и все вскрикнули.

Под улыбки мужчин лорд-командующий схватил женщину за плечо. Проявив удивительную для своей хрупкой фигуры силу, он поднял пленницу на плечи и двинулся к лестнице. Не один Фальк выразил неудовольствие: намеченное развлечение ускользало. Но Гунольд покачал головой и продолжал свой путь.

Пойдет ли Фальк за ним? Лойз не стала дожидаться. Как она может справиться с Фальком? Или даже только с Гунольдом? И почему она должна помогать этой жертве Фалька, одной из многих? И хотя она понимала, что не следует делать этого, ноги сами несли ее, она продолжала действовать вопреки рассудку.

Лойз торопливо вернулась в свою комнату, обнаружив, что в новом наряде гораздо легче бегать. Снова на место легли массивные запоры. Девушка шагнула к щиту, не обращая внимания на отражение юноши в кольчуге. И вот щит отошел, превратившись в дверь.

За дверью было темно. Лойз придется опираться на память, на результаты многочисленных походов, которые она предпринимала с тех пор, как три года назад случайно наткнулась на эту дверь. По-видимому, теперь в Верлейне никто не подозревал о существовании этой разветвленной системы подземных ходов.

Ступеньки; спускаясь, она считала их вслух. Внизу проход, затем резкий поворот. Лойз держалась рукой за стену, стараясь определить кратчайший путь к цели.

Еще ступеньки, на этот раз вверх. Светлое отверстие в стене — один из глазков для подглядывания. Должно быть, жилая комната. Лойз, приподнимаясь на цыпочках, заглянула. Да, одна из спален.

Лорд Дуарт, выглядевший еще более сморщенным и старым без верхнего плаща с пышной меховой опушкой, стоял у очага, протягивая к огню руки. Рот его шевелился, как будто он не мог выговорить какое-то горькое слово.

Лойз заторопилась дальше. Следующее отверстие было темным; оно, несомненно, вело в комнату Сирика. Дальше

виднелся еще один кружок золотого света. Лойз была так уверена в себе, что, не заглядывая в отверстие, направилась к потайному входу.

Приглушенные звуки, вскрик. Лойз изо всех сил нажала на скрытую пружину. Но механизм давно не смазывали: не было причин держать его в рабочем состоянии. Дверь не поддавалась. Лойз уперлась спиной в стену и налегла всем весом. Дверь внезапно подалась, и Лойз едва избежала падения, ухватившись за косяк.

Она повернулась, выхватывая меч с быстротой, какую дала ей долгая тайная практика. На нее с постели, где лорд-командующий пытался удержать свою жертву, смотрело удивленное лицо Гунольда. С быстротой и гибкостью кошки он скользнул на противоположную сторону, оставив женщину и потянувшись за оружейным поясом, который лежал на стуле.

4. Потайные ходы

Лойз забыла о своей новой внешности и о том, что Гунольд увидел в ней мужчину, пришедшего отобрать у него добычу. У нее в руке был меч, но, вопреки обычаю, Гунольд схватил самострел. Однако внимание его разделялось между вновь вошедшим и женщиной, которая, несмотря на связанные руки, ползла к нему по сбитым простыням.

Повинуясь скорее инстинкту, чем разуму, Лойз схватила верхнюю одежду, сброшенную Гунольдом, и бросила в него. Тем самым она спасла себе жизнь. Прицел был сбит, и стрела дрожала в стене, а не в груди девушки.

С проклятием Гунольд отшвырнул одежду и устремился к женщине. Но та не пыталась спастись. Напротив, она стояла неподвижно, со странным спокойствием глядя в лицо Гунольду. Ее губы приоткрылись, и оттуда выскользнул овальный предмет. Он повис на короткой цепочке, которую женщина удерживала в зубах.

Лорд-командующий не двигался. Глаза его под опущенными веками не отрывались от раскачивающейся тусклой драгоценности.

Лойз застыла при виде сцены, которая могла произойти только в кошмарном сне. Женщина повернулась, и Гунольд, не отрывая взгляда от камня, двинулся за ней. Она протянула к Лойз связанные руки, частично закрыв своим телом Гунольда от девушки.

Глаза Гунольда двигались слева направо и обратно, а когда камень остановился, Гунольд тоже застыл. Рот его безвольно раскрылся. На лбу выступили капли пота.

Лойз по-прежнему чувствовала на себе волю, приведшую ее сюда. Она разрезала веревку, грубо стягивавшую руки женщины.

Руки тяжело упали, как будто женщина не владела ими.

Гунольд наконец двинулся. Его руки, державшие самострел, начали поворачивать его, но медленно, как будто преодолевая сильное сопротивление. Кожа Гунольда блестела от пота, изо рта показалась струйка слюны.

Глаза его жили, полные ненависти и усиливающегося ужаса. Руки продолжали поворачивать оружие, а он не в силах был оторвать взгляд от жемчужины. Плечи его задрожали. Лойз чувствовала, как он отчаянно, но бесполезно борется. Он уже не хотел убивать, он хотел только бежать. Но для лорда-командующего Карстена спасения не было.

Ствол самострела уперся в его горло. Гунольд застонал, негромко, как пойманное животное. Щелкнул курок.

С фонтаном крови, освобожденный от воли, которая привела его к смерти, Гунольд упал вперед. Женщина гибко отстранилась, потянув за собой Лойз. Гунольд упал на кровать, голова и плечи его свесились, колени стояли на полу, как будто он молился. Руки дергались в агонии.

Впервые женщина взглянула прямо на Лойз. С усилием она попыталась поднести распухшую руку ко рту, удерживая стон, затем снова взяла камень в рот и повелительно указала на отверстие в стене.

Лойз всю жизнь слышала о магии Эсткарпа. Но все это были сказки о далеких событиях, и от слушателя никогда не требовалась полная вера. Исчезновение флота на рифах в предыдущий вечер описала ей Бетрис, помогая одеваться для венчания. Но Лойз тогда так была поглощена собственными надеждами и страхами, что почти не обратила внимания на ее рассказ.

То, что она увидела сейчас, превосходило все ее представления, и она отшатнулась от прикосновения колдуньи, углубившись в путаницу переходов, желая только вывести пленницу и оказаться отделенной от нее безопасными стенами. Женщина шла за ней с готовностью, свидетельствовавшей, что она сохранила немало энергии, вопреки жестокому обращению.

Лойз не хотела задерживаться у тела Гунольда. Она к тому же боялась, что Фальк, лишенный любимого развлечения, может ворваться в любую минуту. И все же она с большой неохотой захлопнула потайную дверь. Дрожь пробежала по телу девушки, когда колдунья в темноте схватила ее за руку. Лойз сама взялась за пояс волшебницы и потянула ее за собой.

Они направились в комнату девушки. Оставалось очень мало времени. Если Фальк последует за лордом-командующим если в комнату случайно войдет слуга Гунольда, если отец вздумает искать ее... До рассвета Лойз должна быть за пределами Верлейна! И приняв такое решение, она повела незнакомку по темным переходам.

Но, оказавшись на свету, Лойз не могла быть такой черствой, как советовал ей рассудок. Она отыскала мягкую ткань и перевязала раны на руках волшебницы. И выбрала из своей одежды необходимое для колдуньи.

Наконец волшебница настолько овладела своим телом, что смогла поднести сложенные руки ко рту. Камень скользнул изо рта. Волшебница не позволила Лойз коснуться камня, да девушка и не хотела этого.

— Мне на шею. — Это были ее первые слова.

Лойз подхватила цепочку и одела на шею женщины, как раз под концами волос, торопливо обрезанных, может быть, по той же причине, что и у нее.

— Спасибо, леди Верлейна. Теперь, — голос ее звучал хрипло, — глоток воды.

Лойз поднесла к ее рту чашку.

— Вряд ли нужно благодарить меня, — ответила она, собрав всю храбрость. — Похоже, вы владеете оружием, не менее могущественным, чем сталь.

Над краем чашки глаза волшебницы улыбались. Лойз, встретившись с этим взглядом, утратила часть своего страха. Но она по-прежнему чувствовала себя такой юной, неуклюжей и неуверенной в себе.

— Я не могла использовать это оружие, пока вы не отвлекли внимание моего предполагаемого компаньона по постели, благородного лорда-командующего. Я не могла рисковать этим оружием. Даже ради спасения собственной жизни его нельзя отдавать в чужие руки. Довольно об этом... — Она подняла руки, осматривая рубцы на запястьях. Потом огляделa комнату, заметила шаль на полу, кучку остриженных волос, седельные сумки.

— Похоже, вы не собираетесь в свадебное путешествие, госпожа герцогиня?

Не тон, а власть, звучавшая в этом голосе, заставили Лойз ответить правдиво.

— Я не герцогиня Карстена, леди. Да, надо мной произнесли должные слова перед лордами Ивьяна, а потом воздали мне почести коленопреклоненно. — Она слабо улыбнулась, вспомнив, каким испытанием это было для Сирика. — Я не выбирала Ивьяна. Я согласилась на брак, только чтобы скрыть свое бегство.

— Но вы помогли мне. — Волшебница смотрела на Лойз своими большими темными глазами, которые, казалось, проникали в самую глубину ее души.

— Я не могла поступить иначе! — вспыхнула девушка. — Что-то заставило меня. Ваше колдовство, леди?

— Возможно, возможно. Я обратилась по-своему ко всем в этих стенах, кто может услышать меня. Похоже, нас объединяет нечто большее, чем общая опасность, леди Верлейна, или, —

она открыто улыбнулась, — учитывая изменение вашей внешности, лорд Верлейна.

— Зовите меня Брайантом, наемником со щитом без герба, — выпалила Лойз подготовленное заранее имя.

— И куда вы направляетесь, Брайант? Наниматься в Карс? Или на север? На севере нужны наемники.

— Эсткарп воюет?

— Скорее, его вынуждают воевать. Но это другой вопрос. — Она встала. — Мы можем обсудить его, когда выберемся за эти стены. Я уверена: вы знаете выход.

Лойз взвалила седельные сумки на плечо, набросила на шлем капюшон плаща. Когда она собиралась погасить свет, волшебница указала на шаль и кучку остриженных волос. Сердясь на собственную забывчивость, Лойз собрала пряди волос и бросила их в огонь.

— Хорошо сделано, — заметила колдунья. — Не оставляй ничего, что может притянуть тебя назад. Волосы обладают этой властью. — Она посмотрела на среднее окно.

— Оно выходит к морю?

— Да.

— Оставим ложный след, Брайант. Пусть Лойз Верлейнская умрет, скрывая побег.

Несколько мгновений потребовалось на то, чтобы открыть окно и бросить вниз свадебное платье. Волшебница велела также привязать к каменному подоконнику полосу простыни.

— Увидев это, — сказала она, — они вряд ли будут искать другие выходы из комнаты.

Они снова прошли через зеркальную дверь и направились вниз, во тьму. Лойз сказала, что нужно придерживаться правой стены и опускаться осторожно. Стена под их руками становилась влажной, в воздухе чувствовался запах моря, смешанный с запахом гниения. Вниз, вниз. Скоро стал различим гул волн. Лойз считала ступени.

— Вот! Этот проход ведет к странному месту.

— Странное место?

— Да. Я не люблю здесь задерживаться, но у нас нет выбора. Придется подождать рассвета, иначе нам не выбраться.

Она двинулась вперед, преодолевая нежелание и тревогу. Трижды приходила она этим путем в прошлом и каждый раз ощущала таящуюся во тьме угрозу. И сейчас она пробиралась, таща за пояс волшебницу.

Во тьме Лойз услышала, как колдунья затаила дыхание. И вдруг она заговорила шепотом:

— Это место Власти.

— Это странное место, — упрямо возразила Лойз. — Мне оно не нравится, но оно стережет ворота Верлейна.

Хотя было по-прежнему темно, они почувствовали, что проход расширился. Лойз увидела лучик света — в щель над головой виднелась звезда.

Но вот показался другой свет, который становился все ярче, как будто отдернули какой-то занавес. Пятно света двигалось над поверхностью земли, в воздухе, — круглое, яркое пятнышко. Послышались странные напевные слова. И Лойз поняла, что это светится камень волшебницы.

По коже Лойз пробежали мурашки, воздух как будто был насыщен энергией. Лойз испытывала странное чувство, похожее на голод. Она не могла сказать, чего ей хочется. В прежние посещения этого места она боялась и заставляла себя преодолевать страх, теперь же страх остался позади, и ее охватило новое чувство, которое она не сумела бы назвать.

Волшебница, видная в свете, лившемся от камня на ее груди, раскачивалась из стороны в сторону, у нее было восхищенно-напряженное лицо. Поток слов продолжал литься из ее уст — просьбы, защитные заклинания, убеждения — Лойз не могла сказать, что именно. Но девушка знала, что они обе пойманы в сети какой-то энергетической субстанции, исходившей от скалы под ногами, от стен. Проснулось что-то, спавшее столетия.

Почему? Что? Лойз медленно обернулась, вглядываясь в полутьму. Что скрывалось за тем слабым светом, что давал камень?

— Мы должны идти! — Это властно произнесла волшебница. Ее темные глаза были широко раскрыты, рука неуклюже двинулась к Лойз. — Я не могу контролировать силы, большие, чем моя собственная! Это место древнее, оно не человеческое и превосходит наши знания. Здесь некогда поклонялись богам. Богам, чьи алтари не воздвигались уже много тысяч лет. Просыпаются остатки их прежнего могущества! Где выход? Мы должны попытаться уйти, пока это еще возможно.

— Свет вашего камня... — Лойз закрыла глаза, вспоминая, куда идти дальше. — Сюда, — она снова открыла глаза и указала вперед.

Шаг за шагом колдунья уходила в этом направлении, и свет уходил за ней, как и надеялась Лойз. Широкие, грубо вырубленные ступени, закругленные временем, возвышались справа от них. Лойз знала, что они ведут к плоской каменной площадке под крышей. По этой площадке они проползли к дальней стене. При свете камня виден был спуск. Во тьме рискованно было спускаться по этому лабиринту скал и глины, но на Лойз подействовала тревога волшебницы.

Спуск оказался трудным, как и опасалась Лойз. Хотя ее спутница не жаловалась, Лойз знала, какое мучение та испытывает, пользуясь своими распухшими руками. Где могла, девушка помогала ей. И вот они преодолели спуск и лежат на жесткой траве, а вокруг них соленый воздух и сероватое небо, которое говорит о том, что рассвет близок.

— По морю или по земле? — спросила волшебница. — Будем искать лодку на берегу или направимся в холмы?

Лойз села.

— Ни то, ни другое, — хрипло ответила она. — Мы на пастбище, которое отделяет крепость от моря. В это время года лошадей отпускают свободно пастись. А в хижине у ворот есть сбруя. Но ее могут охранять.

Волшебница рассмеялась.

— Один стражник? Слишком мало, чтобы остановить двух решительных женщин. Покажи мне эту хижину, и я избавлю ее от охраны.

Они пошли по пастбищу. Лойз знала, что лошади держатся поближе к хижине, их привлекает соль, которую принесли сюда за два дня до бури. Камень после выхода из подземелья перестал светиться, и им приходилось осторожно выбирать путь.

Над дверью хижины горел фонарь, и в его свете Лойз увидела лошадей. Тяжелые боевые кони, выращенные, чтобы нести вооруженных воинов в битву, не интересовали ее. Но тут были и меньшего роста лошади с грубой шерстью, их использовали для охоты в холмах. Эти лошади выносливее и быстрее дорогих рысаков, которых подбирал для себя Фальк.

В круге света виднелись как раз два таких пони — как будто явились по ее тайному зову. Лошади, казалось, беспокоились, они мотали головами, трясли гривами. Лойз положила на землю сумки и негромко свистнула. К ее облегчению, лошади подошли, принюхиваясь друг к другу. Пряди гривы спускались им на глаза.

Только бы они оказались послушны под сбруей! Лойз медленно обошла их и приблизилась к хижине. Охраны не видно. Неужели стражник покинул свой пост ради пира? Это может стоить ему жизни, если Фальк узнает.

Лойз толкнула дверь, та заскрипела. И вот она вглядывается в помещение, пахнущее лошадьми и промасленной кожей, да, и еще тем крепким напитком, который гонят из меда и трав. После третьего кубка этого напитка даже Фальк отправляется спать. Нога Лойз задела за кувшин, который откатился в сторону. Из его горлышка бил винный запах. Охранник лежал на соломенном матрасе и громко храпел.

Два седла, два набора сбруи, используемой охотниками и гонцами. И вот Лойз снова в поле, дверь закрылась за ней.

Лошади послушно позволили оседлать себя. И когда женщины направились верхом к дороге — единственному пути из Верлейна, волшебница вторично спросила:

— Куда же вы направляетесь, щит без девиза?

— В горы. — Лойз продумала в подробностях лишь план бегства из Верлейна. Теперь, верхом на лошади, вооруженная, она не могла заглядывать дальше. Свобода, бегство из Верлей-

на — это казалось такой трудной, такой невозможной задачей, что все силы были направлены на ее решение, и девушка не задумывалась, что будет делать дальше.

— Вы говорите, Эсткарп воюет? — Она никогда всерьез не думала о поездке через дикие земли между Верлейном и южными границами Эсткарпа, но с волшебницей в качестве попутчицы, возможно, это лучше всего.

— Да, Эсткарп воюет, щит без девиза. Но не задумывались ли вы о Карсе, леди герцогиня? Не хотите ли тайно взглянуть на свое государство и посмотреть, какое будущее вы так храбро отвергли?

Лойз, изумленная, дернула поводья так, что лошадь чуть не упала на колени.

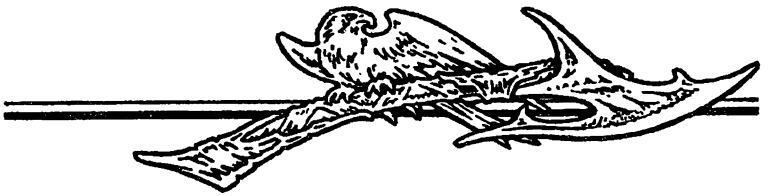
— Карс? — повторила она.

Что-то зашевелилось в ее мозгу. Да, она не собиралась становиться леди герцогиней Ивьяна. Но, с другой стороны, Карс — центр южных земель, и там она сможет найти родственников, если будет нуждаться в помощи. В таком большом городе легко затеряться. А если Фальк вздумает отыскивать ее, он не догадается проверить Карс.

— Эсткарп может подождать, — между тем говорила волшебница. — В этой земле что-то готовится. И я должна больше узнать об этом и о тех, кто готовит. Карс — ключевой пункт.

Колдунья принуждала Лойз. Девушка знала это, но не испытывала гнева. Ей показалось, что она наконец нашла давно утерянный конец нити. Если она осмелится идти, эта нить приведет ее туда, куда она всегда стремилась.

— Едем в Карс, — спокойно согласилась Лойз.

III. КАРСТЕН

1. Священный склеп

Пять человек лежали на песчаном берегу небольшой бухточки; один из них, с разбитой головой, был мертв. День жаркий, и солнечные лучи обжигали обнаженные тела. Запах моря соединялся с гнилыми испарениями разлагающихся в тропической духоте водорослей.

Саймон закашлялся, приподнялся на локтях. Тело его представляло сплошной кровоподтек, его измучила тошнота. Он медленно отполз от воды и изверг то, что еще оставалось в желудке. Спазмы вернули ему полное сознание, и, справившись с головокружением, он сел.

Он мог припомнить лишь отрывки ближайшего прошлого. Бегство из Салкаркипа началось кошмаром. Магнис Осберик взорвал генератор, сердце города, дававшее ему энергию, свет и тепло, и тем самым не только уничтожил город, но и добавил силы буре. И в этой буре небольшой отряд выживших гвардейцев на спасательных лодках оказался разбросанным без всякой надежды на соединение.

Из порта вышли три лодки, но после взрыва они не видели друг друга. Начался сплошной кошмар, лодку бросало, переворачивало, дергало и наконец швырнуло на береговые скалы, и невозможно было сказать, сколько это продолжалось — часы или минуты.

Саймон потер лицо руками. Ресницы его покрылись налетом соли и склеились, трудно стало открывать глаза. Четверо

мужчин... Тут он разглядел расколотый череп — трое живых и один, должно быть, мертвый.

С одной стороны море, теперь сравнительно спокойное; волны выносили на берег спутанные клубки водорослей. За песчаной полоской берега возвышался утес. Присмотревшись, Саймон решил, что по нему можно подняться. Но у него не было ни малейшего желания делать это и вообще двигаться. Так хорошо просто сидеть, а теплое солнце изгоняло из тела жгучий холод бури и воды.

— Сааа...

Одна из фигур на песке шевельнулась. Длинная рука отбросила путаницу водорослей. Человек закашлялся, изо рта его полилась вода, он поднял голову и слепо огляделся. Капитан Эскарпа увидел Саймона, некоторое время тупо смотрел на него, потом углы его рта изогнулись в подобие улыбки.

Корис на четвереньках отполз на ровное место.

— В Горме говорят, — голос его звучал хрипло, — что тот, кто рожден для топора палача, не утонет. Мне часто казалось, что моя судьба — такой топор. И снова это подтвердилось!

Он с трудом подполз к одному из лежавших и перевернул вялое тело, показалось бледно-серое лицо. Грудь гвардейца поднималась и опускалась, никаких ран не было видно.

— Йивин, — назвал его Корис, — великолепный наездник. — Последнее он добавил задумчиво, и Саймон обнаружил, что смеется, прижимая кулаки к отчаянно болевшим мышцам живота.

— Естественно, — сказал он в перерывах между приступами истерического хохота, — это его качество сейчас самое ценное!

Но Корис уже перешел к следующему телу.

— Танстон!

Саймон обрадовался. За короткий период пребывания в Эскарпе у него установились дружеские отношения с этим младшим офицером. Заставляя себя двигаться, он помог Корису оттащить двух еще не пришедших в сознание гвардейцев от линии прибоя. Потом, держась за скалу, встал.

— Воды!... — Радостное чувство, которое он испытал в короткое мгновение после пробуждения, исчезло. Саймон хотел пить, все тело его испытывало жажду. Он хотел пить и смыть жгучую соль с тела. Корис осматривал стену. Из бухты можно выбраться двумя путями. Вернуться в море и попробовать проплыть мимо груды скал — или подняться на утес. Каждый нерв в Саймоне восставал против плавания, против возвращения в воду, откуда он чудом спасся.

— Подъем не слишком труден, — сказал Корис. Он слегка нахмурился. — Здесь и здесь есть опора для рук. — Он встал на цыпочки, прижавшись к скале, вытянул длинные руки над головой, и пальцы его углубились в небольшие щели в ее поверхности. Мышцы на плечах напряглись; он поднял ногу, цепляясь за трещину, и начал взбираться.

Бросив последний взгляд на берег и двух людей, теперь лежавших далеко от воды, Саймон последовал за ним. Он обнаружил, что капитан прав. В поверхности скалы были углубления, подходившие для рук и для ног, сделанные природой или человеком. И вскоре Саймон оказался рядом с Корисом на выступе в десяти футах над песком.

Не было сомнения в искусственном происхождении этого выступа: видны следы инструментов, вырубавших его. Выступ вел наклонно, как рампа, хотя и круто, к вершине утеса. Нелегкая дорога для человека, у которого кружится голова и дрожат от слабости ноги, но намного лучшая, чем он смел надеяться.

Корис снова заговорил.

— Сможешь взобраться один? Я посмотрю, нельзя ли поднять остальных.

Саймон кивнул и тут же пожалел, что избрал такую форму согласия. Он ухватился за стену и подождал, пока мир прекратит вращаться. Стиснув зубы, он пошел вверх. Большую часть пути Трегарт проделал на четвереньках, пока не добрался до пустоты в скале. Подув на израненные руки, он всмотрелся в углубление. Пещера! Другого выхода отсюда нет. Нужно надеяться, что у пещеры есть выход наверху.

— Саймон! — Крик снизу звучал беспокойно, тревожно.

Саймон заставил себя подползти к краю выступа и посмотреть вниз.

Внизу стоял Корис, задрав голову и глядя вверх. Танстон тоже стоял, поддерживая Йивина. В ответ на слабый взмах руки Саймона они начали действовать, каким-то образом умудрившись поднять Йивина до выступа.

Саймон оставался на месте. У него не было желания в одиночку входить в пещеру. Воля, казалось, покинула его, как сила ушла из тела. Но мужество вернулось, когда Корис появился рядом с ним, поддерживая Йивина.

— Здесь какое-то колдовство, — заявил капитан. — Я не видел тебя, пока ты не махнул рукой. Кому-то очень нужно было скрыть вход в пещеру.

— Ты считаешь это очень важным? — Саймон указал в сторону пещеры. — Даже если это сокровищница древних королей, она не интересует меня. Разве что там есть вода!

— Воды! — слабо подхватил Йивин. — Воды, капитан, — настойчиво просил он у Кориса.

— Подожди, товарищ. Еще немного.

Они обнаружили, что открытый Саймоном способ перемещения на четвереньках необходим при входе в пещеру. А Корис едва протиснулся, обдирая кожу на плечах и руках.

Проход оказался сзади, но света было так мало, что они двигались, держась за стены руками.

— Тупик! — Вытянутая рука Саймона упиралась в скалу. Но он вынес приговор слишком быстро: справа показался слабый свет, и Саймон обнаружил, что проход поворачивает направо.

Здесь стало светлее, и они смогли двигаться быстрее. Но в конце прохода их ждало разочарование. Свет не усиливался, и когда они вышли на открытое пространство, здесь были сумерки, а не яркое солнце дня.

Источник света привлек внимание Саймона и заставил его забыть о боли. Вдоль стены шла прямая линия абсолютно круглых отверстий, похожих на корабельные иллюминаторы. Он не мог понять, как они не увидели эти отверстия с

берега: они явно выходили в сторону моря. Отверстия были забраны каким-то материалом, пропускавшим свет туманными лучами.

Света, впрочем, было достаточно, чтобы осветить единственного обитателя каменного зала. Этот обитатель спокойно сидел в каменном кресле, вырубленном из той же скалы, что и вся пещера, руки его лежали на широких подлокотниках кресла, голова опустилась на грудь, как во сне.

Лишь когда Йивин перевел дыхание со звуком, похожим на рыдание, Саймон понял, что они стоят в склепе. И пыльная тишина зала сомкнулась над ним, как будто их закрыли в гробу без всякой надежды на спасение.

Чувствуя благоговейный страх и тревогу, Саймон приблизился к двум каменным блокам, на которых стояло кресло, глядя в лицо сидящего. Кресло и сидящего покрывал толстый слой пыли. Но Трегарту было видно, что этот человек — вождь, жрец или король — не принадлежал к расе Эсткарпа или Горма.

Его пергаментная кожа была смуглой и гладкой, как будто искусство бальзамировщика превратило ее в дерево. Черты полускрытого лица свидетельствовали о могучей воле и душевной силе, орлиный нос преобладал над остальными чертами. Подбородок маленький, заостренный, закрытые глаза посажены глубоко. Как будто далеким предком этого человека был не примат, а птица.

К тому же его одежда под слоем пыли была сделана из материала, похожего на перья. Стройную талию охватывал пояс, а на коленях лежал топор такого размера, что Саймон усомнился, мог ли мертвец поднимать его.

На голове сидящего была усыпанная драгоценностями корона. На пальцах, сжимавших рукоять топора, блестели кольца. И на всем этом лежала печать такой чуждости, что Саймон остановился, не доходя двух шагов до помоста.

— Вольт! — возглас Йивина походил на вопль. Он заговорил что-то на непонятном языке; Саймону показалось, что это молитва.

— Подумать только, легенда оказалась правдой! — Корис стоял рядом с Трегартом. Глаза его ярко горели, как ночью, когда они уходили из Салкаркипа.

— Вольт? Неужели? — повторил Саймон, и человек из Горма ответил нетерпеливо:

— Вольт-Топор! Вольт, гремевший громами! Вольт, которым и теперь пугают детей по вечерам! Эсткарп древен, его знания восходят к доисторическим временам. Но Вольт старше Эсткарпа! Он из тех, кто жил до человека, каким человек стал сегодня. Род его вымер до того, как человек вооружился дубиной и камнем против зверей. Но Вольт пережил свой род и знал первых людей, и они знали его — и его топор! Вольт в своем одиночестве пожалел людей и топором прорубил дорогу к знаниям и величию, прежде чем тоже ушел от них. В некоторых местах Вольта вспоминают с благодарностью, хотя и боятся его, как всего непонятного. А в других — ненавидят великой ненавистью, потому что мудрость Вольта боролась с их глубочайшими желаниями. И мы вспоминаем Вольта с молитвами и проклятиями, он и бог, и демон. И вот мы убеждаемся, что он был живым существом и в чем-то похожим на нас. Впрочем, может, с другими способностями, свойственными его расе.

— Вольт! — Длинная рука Кориса взметнулась в салюте. — Я, Корис, капитан Эсткарпа и его гвардии, приветствую тебя и сообщаю, что люди не очень изменились с тех пор, как ты ушел от них. Мы по-прежнему воюем, и мир у нас редок. А сейчас, возможно, наступает окончательная ночь. Она идет из Колдера. И поскольку море лишило меня оружия, прошу тебя отдать мне твое! И если нам удастся снова встать лицом к лицу с колдерами, я докажу, что взял топор не напрасно!

Он поднялся на ступеньку и протянул руку. Саймон услышал приглушенное восклицание Йивина, шумное дыхание Танстона. Но Корис с улыбкой взялся за рукоять топора и осторожно потянул его к себе. Сидящая фигура казалась такой живой, что Саймон невольно подумал: вот-вот она сожмет руки и потянет оружие назад. Но топор подался легко, как будто тот, кто много поколений держал его, отдавал охотно.

Саймон ожидал, что рукоять рассыплется в руках Кориса. Но капитан взмахнул топором и опустил его, остановив лишь в дюйме от каменного помоста. В его руках оружие ожило, стало податливым и прекрасным.

— Спасибо, Вольт! — воскликнул Корис. — С ним я одержу немало побед, никогда раньше руки мои не держали такое оружие. Я Корис из Горма, Корис-безобразный, Корис-злополучный. Но с твоими добрыми пожеланиями, о Вольт, я стану Корисом-завоевателем, и твое имя снова прозвучит по всей земле!

Возможно, звук его голоса поколебал столетиями неподвижный воздух; это было единственное рациональное объяснение, которое Саймон смог дать последующему происшествию. Сидящий человек, казалось, кивнул, один раз, второй, как бы соглашаясь со словами Кориса. Затем тело, которое лишь секунду назад казалось таким прочным, на их глазах начало распадаться.

Йивин закрыл лицо руками, Саймон подавил восклицание. Вольт — если это был Вольт — исчез. Лишь пыль на кресле и топор в руках Кориса остались от него. Танстон, этот невозмутимый человек, заговорил первым, обращаясь к своему командиру:

— Его долг выполнен, капитан. Теперь начинается ваш. Хорошо, что вы взяли оружие. И я думаю, оно принесет нам счастье.

Корис еще раз взмахнул топором, искусно повернув в воздухе лезвие. Саймон отвернулся от пустого кресла. С самого своего появления в этом мире он был свидетелем волшебства его обитателей и принимал его как должное. Принял он и последнее событие. Но даже обладание знаменитым топором Вольта не принесло им ни воды, ни пищи, и он сказал об этом.

— Верно, — согласился Танстон. — Если другого выхода отсюда нет, придется вернуться к берегу и попробовать что-нибудь иное.

Но выход был. За креслом в стене виднелся арочный проход, забитый землей и обломками камня. Они принялись рабо-

тать, используя ножи в качестве орудия. Даже для отдохнувших людей это была тяжелая работа. И лишь недавний ужас перед морем удерживал Саймона. В конце концов они расчистили небольшой проход и оказались перед дверью.

Дверь была сделана, должно быть, из местной, очень прочной древесины. Она казалась не тронутой гниением. Наоборот, какой-то естественный химический процесс превратил ее в камень. Корис жестом велел всем отойти.

— Это мое дело.

Снова взлетел топор Вольта. Саймон едва не закричал, боясь увидеть, как прекрасное лезвие раскалывается при ударе о камень. Послышался звон, топор снова взмыл в воздух и обрушился со всей силой мощных рук капитана.

Дверь раскололась, часть ее упала вперед. Корис отошел, а трое оставшихся очистили проход. В лицо им ударил яркий дневной свет, свежий ветер разгонял затхлый воздух склепа.

Убрав остатки дверей и пройдя сквозь стену из сухих ветвей, спутанной паутины и высохших насекомых, они оказались на вершине утеса. Прямо перед ними начинался спуск к ручью. Ни слова не говоря, Саймон устремился вперед, надеясь промыть высохшее горло, облегчить мучения просоленной кожи.

Чуть позже, приподняв от воды мокрую голову и плечи, он обнаружил, что Корис исчез. Но Саймон был уверен, что капитан вместе с ними покинул склеп Вольта.

— Где Корис? — спросил он Танстона. Тот протирал лицо пригоршней влажной травы, вздыхая от удовольствия. Йивин лежал на спине возле ручья, закрыв глаза.

— Он делает необходимое для воина внизу, — ответил Танстон. — Гвардеец не должен оставаться открытым ветру и воде, если его офицер может о нем позаботиться.

Саймон вспыхнул. Он совсем забыл об этом искалеченном теле на берегу. Хотя он по своей воле вступил в гвардию Эсткарпа, но еще не чувствовал себя ее частью. Эсткарп слишком древен, его жители и волшебницы — слишком чужды. Но что обещал ему Петрониус, предлагая бегство? Что человек, воспользовавшийся его услугами, будет перенесен в тот мир, ко-

торого жаждет его душа. Саймон солдат, и вот он в мире постоянной войны. Но это не его способ воевать, и он по-прежнему чувствует себя бездомным.

Он вспомнил женщину, с которой бежал по болотам, не зная, что она волшебница из Эсткарпа. Во время бегства были моменты, когда они испытывали друг к другу чувство истинного товарищества. Но впоследствии оно исчезло.

Она была в одной из лодок, когда они бежали из Салкаркипа. Неужели ее ждало то же безжалостное море? Он шевельнулся, испытывая какое-то странное чувство, которое не сумел бы назвать. Перевернувшись в траве, он положил голову на согнутую руку, расслабившись, как научился уже давно, и уснул.

Проснулся он вскоре, потому что солнце еще ярко светило. В воздухе пахло едой. В расщелине скалы горел небольшой костер, Танстон жарил на нем рыбу, надетую на прут. Корис спал, подложив топор под голову, его мальчишеское лицо казалось уставшим. Йивин лежал на животе, опустив руки в ручей. Он доказал, что является не только отличным наездником, извлекая рыб из воды одну за другой.

Когда Саймон подошел, Танстон поднял брови.

— Возьми свою порцию, — он указал на рыбу.

Саймон уже собрался взять кусок, как вдруг заметил напряженный взгляд Танстона и сам посмотрел в ту сторону. Над их головами описывала широкий круг птица с черным оперением. На груди у нее виднелось белое V-образное пятно.

— Сокол, — Танстон выдохнул это слово, как будто оно означало опасность, не меньшую, чем засада колдеров.

2. Соколиное гнездо

Птица, с искусством, известным этим хищникам, повисла над ними, расправив крылья. Увидев свисавшие с ее лап яркие ленты, Саймон догадался, что птица ручная.

— Капитан! — Танстон тряс Кориса; тот сел, жестом ребенка протирая глаза кулаками.

Корис резко задрал голову, потом встал, заслоняя глаза от солнца, и стал смотреть на медленно кружащую птицу. Он свистнул, в свисте его звучала чистая мелодия. Ленивое кружение прекратилось, и Саймон увидел чудо скорости и точности — удар сокола. Сокол упал с неба и сел на рукоять топора, лежавшего в траве. Он раскрыл клюв и издал хриплый крик.

Капитан склонился к птице. Осторожно поднял одну из лент. На солнце сверкнуло металлическое кольцо. Корис внимательно рассматривал его.

— Налин. Это один из его часовых. Лети, крылатый воин, — Корис обращался к птице. — Мы одного племени с твоим хозяином, и между нами мир.

— Жаль, капитан, что ваши слова не дойдут до ушей этого самого Налина, — заметил Танстон. — Фальконеры сначала убеждаются в безопасности своих границ, а потом уже задают вопросы. Если только нарушитель после этого способен отвечать на вопросы.

— Именно так, бродяга!

Слова прозвучали совсем рядом. Гвардейцы обернулись, но вокруг была только трава и скалы. Неужели говорила птица? Йивин с сомнением смотрел на сокола, но Саймон отказывался воспринимать это колдовство или иллюзию. Он нащупал свое единственное оружие — нож, который был у него за поясом, когда он выбрался на берег.

Корис и Танстон не обнаружили удивления. Очевидно, что-то подобное они ожидали. Капитан заговорил отчетливо и медленно, как будто убеждая невидимого слушателя.

— Я Корис, капитан Эсткарпа, прибит к этому берегу бурей. А это гвардейцы Эсткарпа: Танстон, офицер Большого Форта, Йивин и Саймон Трегарт, пришедший из чужого мира и вступивший в гвардию. Клятвой Меча и Щита, Крови и Хлеба я прошу убежища. Между нами нет войны, но над нами равно занесено разящее лезвие!

Слабое эхо его слов прокатилось вокруг них и затихло. Птица еще раз испустила хриплый крик и взлетела. Танстон сухо улыбнулся.

— Теперь остается ждать либо проводника, либо стрелу в спину.

— От невидимого врага? — спросил Саймон.

Корис пожал плечами.

— У каждого командира свои тайны. У фальконеров их в избытке. Если они пришлют проводника, нам действительно повезет. — Он принюхался. — А тем временем нет надобности ждать голодными.

Саймон ел рыбу, в то же время осматривая небольшой луг у ручья. Товарищи его, по-видимому, философски относились к будущему. А он понятия не имел, откуда же доносился этот голос. Но Саймон уже научился использовать Кориса как измерительный инструмент в новых ситуациях. Если капитан гвардии спокойно ждет, значит, по-видимому, сражение им не предстоит. С другой стороны, он хотел бы побольше узнать о предполагаемых хозяевах.

— Кто такие фальконеры?

— Подобно Вольту, — Корис провел по ручке топора, как бы лаская ее, — они тоже легендарны, хотя и не такие древние. Вначале они были наемниками и прибыли на кораблях салкаров из земли, которую потеряли из-за нашествия иноземцев. Некоторое время они служили вместе с салкарами как проводники и моряки. До сих пор в юности они иногда поднимаются на корабли. Но большинство сейчас уже не думает о море; они любят горы, потому что родились на них. И вот они пришли к Властительнице Эсткарпа и предложили заключить договор: они защищают наши южные границы в обмен на право поселиться в горах.

— Это было мудрое предложение! — вмешался Танстон. — Жаль, что Властительница не могла согласиться.

— Почему?

Корис угрюмо улыбнулся.

— Разве ты недостаточно прожил в Эсткарпе, Саймон, чтобы понять, что такое матриархат? Из-за Силы, которая охраняет безопасность Эсткарпа и сосредоточена не в мечах мужчин, а в руках женщин. И все Властительницы Эсткарпа —

женщины. А у фальконеров свои собственные обычаи, они им так же дороги, как нравы Эсткарпа волшебницам. Фальконеры — это мужские боевые отряды. Дважды в год молодые воины отправляются в особые женские поселения, чтобы зачать новые поколения, как жеребцов пускают пастись к кобылам. Но среди фальконеров нет и понятия о страсти, о любви между мужчиной и женщиной. И женщины для них существуют лишь как матери их сыновей.

Таким образом, их нравы цивилизованному Эсткарпу показались варварскими, и Властительница заявила, что если они поселятся в пределах страны, Сила, таящаяся в женщинах, исчезнет. И им было сказано, что Властительница не разрешает им селиться в пределах Эсткарпа. Но им разрешили пройти по территории страны и получить все необходимое. Если они расположат свои жилища за пределами Эсткарпа, волшебницы пожелают им добра и не поднимут против них мечи. Так обстоят дела уже свыше ста лет.

— И они сумели основать свое жилище?

— И такое прочное, — ответил на вопрос Саймона Танстон, — что сумели трижды отбить нападения герцогов Карстена. Сама земля, которую они выбрали, сражается на их стороне.

— Ты сказал, что Эсткарп не предложил им дружбы, — заметил Саймон. — Но что это за клятва Меча и Щита, Крови и Хлеба? Похоже, у вас имеется какое-то взаимопонимание.

Корис с сосредоточенным видом занялся костями рыбы. Потом улыбнулся, а Танстон открыто рассмеялся. Только Йивин выглядел слегка смущенным, как будто речь шла о вещах, о которых он не имел представления.

— Фальконеры — мужчины...

— А гвардейцы Эсткарпа — тоже мужчины, — продолжил Саймон.

Корис широко улыбнулся.

— Не пойми нас превратно, Саймон. Мы преклоняемся перед женщинами Власти. Но они по самой своей природе отделены от нас и от того, что нам близко. Ты ведь знаешь, что Сила уходит от волшебницы, которая становится истинной

женщиной. Поэтому они вдвойне ревностно относятся к своей Силе, отдавая часть жизни на то, чтобы удержать ее. И они гордятся тем, что они женщины. Для них обычаи фальконеров, которые отрицают их гордость и силу, признают в них лишь женское тело без разума и личности, неприемлемы.

Мы можем не соглашаться с обычаями сокольничих, но, как бойцы, уважаем их, и между нами нет вражды. Гвардия Эсткарпа и фальконеры не ссорятся. И, — он отбросил в сторону кость, сняв с нее последний кусок мяса, — скоро может наступить день, когда нам понадобится их помощь.

— Это верно! — горячо заговорил Танстон. — Карстен враждебен им. И хотят этого Властительницы или нет, фальконеры стоят между Карстеном и Эсткарпом. Но мы хорошо это знаем, да и Властительница смотрела сквозь пальцы, когда выпал Большой Снег, и зерно и скот посылались в поселки фальконеров.

— В этих поселках голодали женщины и дети, — заметил Йивин.

— Да. Запасы подоспели вовремя.

— Сокол! — Йивин указал вверх, и они увидели плывущую над ними черно-белую птицу. Она на этот раз оказалась предвестником большого отряда. Всадники подъехали и остановились, глядя на гвардейцев.

Их лошади походили на пони, это были грубошерстные животные, проворные, сильные, пригодные для езды по горным тропам. Седлами служили простые подушечки. Каждый всадник имел раздвоенный рог, на котором сидел сокол. Сокол-проводник подлетел к предводителю и сел на его рог.

Как и гвардейцы и салкары, фальконеры были вооружены небольшими щитами и одеты в кольчуги. Шлемы их походили на головы птиц, которых они приручили. И хотя Саймон знал, что в прорези этих шлемов на него смотрят человеческие глаза, он почувствовал себя неуютно под их взглядом.

— Я Корис, служу Эсткарпу.

Корис, опустив большой топор, стоял перед четырьмя всадниками.

Человек, сокол которого вернулся на свой насест, поднял правую руку в жесте, универсальном и старом, как время.

— Налин, с гор, — голос его глухо звучал в шлеме-маске.

— Между нами мир, — слова Кориса звучали полувопросом, полуутверждением.

— Между нами мир. Повелитель Крыльев приглашает капитана Эсткарпа в Орлиное Гнездо.

Саймон сомневался, выдержат ли пони двойную тяжесть. Но когда он сел верхом за одним из фальконеров, то обнаружил, что маленькое животное не менее выносливо, чем ослик, и даже как будто не замечает дополнительного веса.

Тропа, ведущая на территорию фальконеров, была явно не рассчитана на обычного путника. Саймон лишь силой воли заставлял себя не закрывать глаза, когда они двигались по самому краю и ноги его свисали над бездонной пропастью.

Время от времени птицы поднимались в воздух и улетали вперед, над глубокими долинами, а затем возвращались к хозяевам. Саймону очень хотелось расспросить об этом странном союзе человека и птицы: ему казалось, что крикливые разведчики о чем-то докладывают своим хозяевам.

Отряд спустился со склона на более широкую дорогу. Но они лишь пересекли ее и снова углубились в бездорожную местность. Саймон решился заговорить с человеком, за спиной которого сидел.

— Я новичок в этой южной местности. Разве нет дороги через горы?

— Есть торговые дороги. Мы держим их открытыми, это выгодно. Значит, ты и есть тот выходец из чужого мира, который поступил на службу Эсткарпа?

Да.

— Похоже, вас изрядно потрепало море.

— Человек не может командовать бурей, — уклончиво ответил Саймон. — Мы живы... и за это спасибо.

— Поблагодарите и за то, что вас не унесло дальше к югу. Грабители Верлейна многое извлекают из моря. Но они не заботятся о живых людях. Настанет день, — голос всадника

зазвучал угрожающе, — и Верлейн поймет, что степи и рифы — недостаточная защита. Там, куда ступит герцог, уже не будет места для костра грабителей, скорее уж разгорится целый пожар.

— Верлейн принадлежит Карстену? — спросил Саймон. Он везде, где можно, собирал факты, добавляя штрих за штрихом к картине мира.

— Дочь Верлейна должна была выйти замуж за герцога. Эти иноземцы считают, что право наследования переходит к женщине! И поэтому герцог мог бы претендовать на Верлейн ради его богатств, извлеченных из моря, а главное — ради того, что Верлейн дает возможность захватить всю береговую линию. Издавна мы отдавали свои мечи торговцам, хотя море — это не наше поле битвы. Может, нам и придется вмешаться, если понадобится.

— Вы оказывали помощь и людям Салкаркипа?

Птичья голова на шлеме резко кивнула.

— На кораблях салкаров мы пришли из-за моря, гвардеец! И салкары имеют право ожидать нашей помощи.

— Увы, ее они уже не ждут! — Саймон не знал, почему сказал это, и тут же пожалел о своей несдержанности.

— Вы несете новости, гвардеец? Наши соколы летают далеко, но все же не до северных пещер. Что случилось с Салкаркипом?

Саймон колебался, не зная, что ответить. В это время над ними повис сокол. Он хрипло крикнул.

— Отцепись и спрыгни! — резко приказал всадник. Саймон повиновался, и четверо гвардейцев остались на тропе, а фальконеры осторожно двинулись вперед. Корис подозвал к себе остальных.

— Засада. — Он побежал за всадниками, вскинув на плечо топор; стройные ноги быстро несли его, и лишь Саймон смог двигаться с ним рядом.

Впереди послышались крики и звон металла о металл.

— Силы Карстена? — выдохнул Саймон, поравнявшись с капитаном.

— Не думаю. В этой пустыне живут стоящие вне закона, и Налин говорит, что они становятся смелее. По моему мнению, это лишь часть общей схемы. Ализон угрожает с севера, Колдер шевелится на западе, ожили разбойничьи банды, и пришел в движение Карстен. Давно уже волки и ночные птицы мечтают вонзить когти в Эсткарп. Хотя они непрерывно ссорятся между собой из-за добычи. Некоторые люди переживают вечер и уходят во тьму, защищая остатки того, что они уважают.

— И это вечер Эсткарпа? — решился спросить Саймон.

— Кто может сказать? Ага, вот они!

Они смотрели вниз, на торговую дорогу. Там кипела битва. Всадники в птичьих шлемах спешились, потому что дорога была слишком узка для действий кавалерии. Они теснили разбойников. Но на склонах прятались снайперы, и немало их стрел нашли свою цель среди фальконеров.

Корис прыгнул в углубление, в котором скрывались два таких стрелка. Саймон, подобрав камень, обрушил его на противника, готовившегося вступить в схватку. Лишь мгновение понадобилось ему, чтобы снять с тела самострел и другое вооружение и направить против товарищей прежнего владельца.

С криками летали соколы, клюя лица и глаза, раздирая тело жесткими когтями. Саймон выстрелил, прицелился, снова выстрелил, с угрюмым удовлетворением встретив свой успех. Часть горечи от поражения в Салкаркипе рассеялась.

Послышался резкий сигнал рога. Над долиной яростно заметался разорванный флаг, и те разбойники, которые еще сопротивлялись, побежали и скрылись в скалах, где их не могли преследовать всадники. День быстро склонялся к вечеру, и все вокруг заполнилось тенями.

Скрыться от людей можно, но спрятаться от соколов гораздо труднее. Птицы камнем падали вниз, и часто взрыв криков боли свидетельствовал о том, что они настигали добычу. Саймон увидел на дороге Кориса. Тот держал в руке топор, лезвие которого было выпачкано чем-то темным. Он что-то говорил фальконеру. Остальные сокольничие ходили меж телами, время от времени наклоняясь и нанося короткий удар мечом.

Саймон занялся подгонкой снаряжения, стараясь не смотреть на их действия.

В ответ на свистки своих хозяев возвращались соколы под аркой вечернего неба. Два тела в птичьих шлемах положили на спины нервно вздрагивающих пони, некоторые фальконеры ехали в повязках, поддерживаемые товарищами. Но потери разбойников были гораздо тяжелее.

Саймон снова сидел за фальконером, но на этот раз за другим. Этот всадник не хотел разговаривать. Он дотрагивался до раны на груди и негромко бранился при каждом толчке.

Ночь быстро опустилась на горы, вершины еще отражали солнечные лучи, а внизу уже спустилась тьма. Дорога, по которой они теперь двигались, была гораздо шире и ровнее предыдущей. Она привела их к крутому подъему — здесь изгнанники-фальконеры устроили свой новый дом. Их крепость вызвала у Саймона возглас удивления.

Его по-настоящему поразили древние стены Эсткарпа, казалось, созданные из костей земли в момент ее рождения. И Салкаркип, хотя и закрытый неестественным туманом, производил впечатление могучей крепости. Но эта крепость была частью самого утеса, частью горы. Саймон решил, что строителям удалось найти утес, изрытый сетью пещер, которые были расширены и обработаны. Потому что Орлиное Гнездо было не замком, а горой, превращенной в крепость.

Они прошли по спускаемому мосту, переброшенному над пропастью, которую, к счастью, скрывала тьма. Мост был настолько узок, что двигаться по нему можно было только гуськом. Саймон перевел дыхание только когда пони, миновав столбы, оказались в пещере. Он помог раненому фальконеру спешиться и оглянулся в поисках гвардейцев. Первым ему бросилось в глаза темное лицо Танстона.

Корис пробивался к ним, за ним шел Йивин. На какое-то время хозяева их, казалось, забыли. Лошадей увели, перед уходом в коридор каждый фальконер посадил своего сокола на кожаную перчатку. Наконец один из птичьих шлемов повернулся в их направлении, приблизился офицер.

— Повелитель крыльев будет говорить с вами, гвардейцы. Кровь и Хлеб, Меч и Щит к вашим услугам!

Корис взметнул топор, поймал его и повернул лезвие в сторону в знак приветствия.

— Меч и Щит, Кровь и Хлеб, хозяин соколов!

3. Волшебница в Карсе

Саймон сидел на узкой койке, зажав руками больную голову. Он видел сон, яркий и пугающий, а теперь мог вспомнить только ощущение ужаса. Проснувшись, он обнаружил себя в келье — скальном помещении в крепости фальконеров. Отчаянно болела голова. Но более важным, чем головная боль, казалась ему настоятельная необходимость повиноваться какому-то приказу — или просьбе?

Боль ослабла, но тревога не позволяла оставаться в постели. Саймон надел кожаную одежду, которую ему дали хозяева, и вышел, решив, что скоро утро.

Они уже пять дней находились в Орлином Гнезде, и Саймон собирался вскоре пробиваться на север, к Эсткарпу, через районы, занятые разбойниками. Он знал, что капитан хочет склонить фальконеров к защите северного соседа. В столице Эсткарпа он употребит все свое влияние, чтобы победить предрассудки волшебниц, и тогда бойцы с птичьими шлемами смогут участвовать в борьбе Эсткарпа.

Падение Салкаркипа всколыхнуло суровых людей гор, и в их крепостях шла подготовка к войне. В нижних этажах необычной крепости кузнецы и оружейники напряженно трудились над вооружением, а небольшая группа техников готовила те крошечные устройства, при помощи которых кружащая птица докладывала своему хозяину. Это была наиболее охраняемая тайна сокольничих, и Саймон мог лишь догадываться, что это какое-то техническое устройство.

Трегарт часто ошибался в оценке людей этого странного мира. Те, кто вооружен мечами и щитами, могут производить

сложные коммуникационные устройства. Эти странные несоответствия в знаниях и оборудовании сбивали с толку. Саймон гораздо легче воспринимал «магию» волшебниц, чем голоса птиц.

Магия волшебниц... Саймон, взобравшись по каменным ступеням, поднялся на наблюдательный пункт. Туман не скрывал горные цепи, видные в свете раннего утра. Благодаря какой-то инженерной хитрости Саймон мог видеть далеко сквозь горы в том направлении, где, как он знал, находится Карстен.

Карстен! Он так задумался над проблемой этого герцогства, что не заметил часового, пока тот не заговорил:

— У тебя сообщение, гвардеец?

Сообщение? Это слово спустило какой-то невидимый рычаг в мозгу Саймона. На мгновение он снова ощутил боль и убеждение, что необходимо что-то сделать. Предчувствие, но не такое, как на пути в Салкаркип. Его не предупреждали, а вызывали. Корис и гвардейцы пусть едут на север, если хотят, а он должен двигаться на юг. Саймон отказался от всех преград, позволив чему-то незаметному поглотить себя.

— Приходили какие-нибудь сообщения с юга? — спросил он у часового.

— Спроси Повелителя Крыльев, гвардеец. — Часовой смотрел на него с подозрением. Саймон направился к лестнице.

— Спрошу!

Но прежде чем идти к командиру фальконеров, он разыскал капитана. Корис занимался подготовкой к походу. Он поднял взгляд от седла, руки его прекратили проверять прочность кожи.

— Что случилось?

— Смейся, если хочешь, — коротко ответил Саймон. — Моя дорога лежит на юг.

Корис сел на край стола и свесил ноги в сапогах.

— Почему тебя влечет Карстен?

— Именно влечет! — Саймон пытался выразить в словах свое ощущение. Он никогда не был красноречив, и сейчас ему было трудно. — Меня притягивает...

Раскачивание ноги прекратилось. На прекрасном лице застыло непроницаемое выражение.

— С каких пор... и как это случилось с тобой? — Вопрос быстрый и резкий, как приказ командира подчиненному.

Саймон сказал правду.

— Я видел сон, потом проснулся. А поглядев в сторону Карстена, понял, что моя дорога лежит туда.

— А сон?

— В нем была опасность, больше я ничего не могу вспомнить.

Корис ударил кулаком в ладонь.

— Да будет так! Я хотел бы, чтобы ты обладал большей силой. Но если у тебя был сон, мы едем на юг.

— Мы?

— Танстон и Йивин отвезут известие в Эсткарп. Колдер пока не может прорваться сквозь барьер Власти. И Танстон сможет временно командовать гвардией. Послушай, Саймон, я из Горма, а ведь Горм сражался против гвардии, пусть даже этот Горм мертв и заселен демонами. Я служил всеми своими силами Эсткарпу с тех пор, как Властительница дала мне приют, и буду продолжать служить. Но теперь я могу принести пользу за границами Эсткарпа. Откуда мне знать... — Кориса замолчал. Под его усталыми, затянутыми какой-то пеленой глазами появились темные пятна, — откуда мне знать, может, через меня — ведь я тоже из Горма — опасность ударит в самое сердца Эсткарпа. Мы видели, что сделал Колдер с людьми, которых я хорошо знал. Как может человек сказать, на что еще способны эти дьяволы? Они прилетели по воздуху и захватили Салкаркип.

— Но, может, это не плод волшебства, — прервал его Саймон. — В моем мире полеты в воздухе — самый обычный способ передвижения. Хотел бы я взглянуть на то, как они летают! Это о многом сказало бы нам.

Корис сухо рассмеялся.

— Несомненно, у нас будет немало возможностей наблюдать за их методами. Говорю тебе, Саймон, если тебя тянет на

юг, для этого должна быть важная цель. А два меча или, скорее, — с легкой улыбкой поправился он, — один топор и один самострел лучше, чем только один самострел. Сам факт этого призыва — хорошее предзнаменование. Значит, та, что ехала с нами в Салкаркип, жива и действует.

— Но откуда ты знаешь, что это она? — У Саймона тоже возникло такое подозрение, теперь его подкрепила уверенность Кориса.

— Откуда? Владеющие Силой могут направлять ее по определенным линиям мозга, как эти фальконеры обращаются к птицам в воздухе. Мне кажется, что та, кого ты спас от погони в Ализоне, обращается к тебе, потому что хорошо тебя знает. Ты не плоть от нашей плоти, Саймон Трегарт, и похоже, в твоем мире Сила принадлежит не только женщинам. Разве ты не почувствовал засаду на береговой дороге, как настоящая волшебница? Да, я поеду с тобой на юг, Саймон, и мне не нужно других доказательств. Кроме того, я сражался рядом с тобой. Дай мне только отдать приказания Танстону, и мы отправимся ловить крупную рыбу в беспокойных водах.

Они отправились на юг, хорошо вооружившись, одетые в кольчуги, со щитом без герба, указывавшим на то, что они наемники, готовые поступить на службу. Фальконеры проводили их до края гор и вывели на торговую дорогу, ведущую в Карс.

Руководствуясь неуловимым чувством в качестве проводника, Саймон размышлял об опрометчивости их решения. Но тяга оставалась с ним и днем и ночью, хотя кошмары ему больше не снились, и каждое утро он испытывал нетерпеливое желание двинуться в путь.

В Карстене оказалось много поселков, становившихся все больше и богаче по мере того, как путники углублялись в плодородные равнинные земли вдоль широких рек. Много раз в небольших феодальных поместьях путникам с севера предлагали службу. Но в ответ на предлагаемое жалованье Корис насмешливо улыбался, и это лишь увеличивало уважение, с которым поглядывали на его топор. Саймон говорил мало и держался осторожно, запоминая местность, обычаи и законы

Карстена. Когда они ехали в одиночестве, он обращался к капитану за объяснениями.

Некогда на территории герцогства жил народ, родственный жителям Эсткарпа. И сейчас время от времени гордая темноволосая голова, бледное лицо с чеканными чертами напоминали Саймону о людях севера.

— Проклятие Силы прикончило их здесь, — заметил Корис, когда Саймон поделился с ним своими наблюдениями.

— Проклятие?

Капитан пожал плечами.

— Оно происходит от сущности Силы. Тот, кто владеет ею, не имеет потомства. С каждым годом число женщин, выходящих замуж и рожающих детей, становится все меньше. Достигая брачного возраста, девушка в Эсткарпе может делать выбор среди десяти мужчин, а скоро будет — среди двадцати. К тому же есть множество бездетных семей.

Так было и здесь. И вот, когда сильные варвары появились из-за моря и поселились на берегу, они не встретили особого сопротивления. Все больше и больше земель попадало в их руки. Старые роды отступали в отдаленную местность. С течением времени среди вновь прибывших появились завоеватели. Так пришли герцоги, а этот последний герцог — простой наемник, который занял свое положение благодаря уму и силе меча.

— Это же ждет и Эсткарп?

— Возможно. Но в Эсткарпе кровь смешалась с кровью салкаров, которые одни, по-видимому, могут заключать брак и иметь потомство от женщин Эсткарпа. Поэтому на севере влилась новая кровь. Привлекает ли тебя этот город, Саймон? Это Картхолм на реке, дальше лежит только Карс.

— Значит, мы едем в Карс, — осторожно ответил Саймон спустя несколько долгих мгновений. — Тяжесть решения по-прежнему на мне.

Брови Кориса поднялись.

— Значит, нужно идти осторожно и поглядывать по сторонам. Хоть герцог и невысок по рождению, но в отсутствии

ума его нельзя обвинить. В Карсе немало глаз и ушей следуют за каждым чужеземцем и задается немало вопросов. Особенно если мы не поступим немедленно под его знамена.

Саймон задумчиво смотрел на речные баржи, раскачивающиеся на якорях у городской пристани.

— Но вряд ли ему понадобится раненый солдат. К тому же разве не в Карсе лучшие доктора, которые смогут лечить изувеченного в сражении? Допустим, воина, у которого от удара по голове пропало зрение?

— И верный товарищ привез его к врачам Карса? — рассмеялся Корис. — Да, прекрасная выдумка, Саймон. И кто же у нас раненый воин?

— Я думаю, это моя роль. Она прикроет ошибки, которые смог бы заметить наблюдатель герцога.

Корис кивнул.

— Продадим здесь пони. Они слишком явно показывают, что мы с гор, а в Карсе к горам относятся подозрительно. Заплатим за проезд в одной из речных лодок. Хороший план.

Капитан вел переговоры о продаже пони; присоединившись к Саймону на барже, он все еще дёржал в руках странной формы куски металла, которые служили в герцогстве деньгами. Корис улыбнулся, ссыпая их себе в карман.

— У меня кровь торговца, и сегодня я доказал это, — сказал он. — Хватит на то, чтобы сунуть в чью-нибудь жадную руку в Карсе, если понадобится. Да и на продовольствие тоже. — Он опустил на борт мешок и топор, с которым не расставался с тех пор, как взял его из рук Вольта.

Два дня прошли в ленивом движении по реке. Незадолго до второго заката, когда впереди показались стены и башни Карса, Саймон снова сжал руками голову. Боль вернулась и подействовала, как удар. Но тут же исчезла, оставив яркую картину плохо вымощенного переулка, стены и глубоко сидящей в ней двери. Это их цель, и находится она в Карсе.

— Это оно, Саймон? — Рука капитана опустилась на плечо Саймона.

— Да. — Саймон закрыл глаза. Где-то в городе он должен найти этот переулок, эту стену и эту дверь и встретиться с той, которая ждет. — Узкий переулок, стена, дверь...

Корис понял.

— Немного, — заметил он. Взгляд его устремился к городу, как будто он хотел силой воли сократить расстояние, разделявшее баржу и гавань.

Вскоре они приплыли в гавань под арку городской стены. Саймон медленно передвигался, стараясь идти с неловкостью человека, который не доверяет своему зрению. И хотя нервы его были напряжены, он был уверен, что сумеет отыскать в городе нужный переулок. Нить, которая вела его через все герцогство, превратилась в прочную веревку.

Корис поведал у ворот трогательную историю Саймона, и этот рассказ, а также щедрый дар стражнику позволили им пройти в город. Капитан фыркнул, когда они повернули за угол.

— Если бы он служил в Эсткарпе, то оказался бы на дороге, ведущей из крепости, раньше, чем сумел произнести свое имя! Говорили, что герцог изменился, начав править, но чтобы настолько распустить своих людей?

— Говорят, каждый человек имеет цену, — заметил Саймон.

— Верно. Но мудрый командир знает цену своих людей и использует их соответственно. А этих наемников можно купить дешево. Хотя, может, они будут храбро сражаться за того, кто им платит. Что это?

Он задал этот вопрос, потому что Саймон остановился и полуобернулся.

— Мы идем не туда. Нужно на восток.

Корис изучал улицу впереди.

— Через четыре двери поворот. Ты уверен?

— Уверен.

На случай, если сержант у ворот окажется проницательней, чем они думают, они шли медленно, и Корис вел Саймона. Поворот на восток привел их к новым улицам. Саймон скрывался в подъезде, пока Корис проверял, не следят ли за ними. Не-

смотря на свою запоминающуюся внешность, капитан знал, как скрываться. Вскоре он вернулся.

— Если за нами пустили пса, он лучше, чем наши в Эскарпе. Но я в это не верю. Идем, пока нас не заметили и не запомнили. На восток?

Тупая боль в голове Саймона плыла, и казалось, он мог использовать ее как проводника — «горячо» и «холодно». Затем особенно сильный приступ привел его к изогнутой улочке, и он вошел в нее. Она была ограничена задними стенами зданий; немногие окна темны и завешены.

Они ускорили шаг, и Саймон бросал взгляд на каждое окно, опасаясь увидеть там чье-нибудь лицо. И вот она — дверь из его видения! Он дышал с трудом, остановившись перед этой дверью, не от усталости, скорее от внутреннего напряжения. Поднял кулак и постучал.

Не получив ответа, он почувствовал странное разочарование. Толкнув дверь, обнаружил, что она закрыта изнутри.

— Ты уверен? — снова спросил Корис.

— Да! — То, что привело его сюда, ждало по ту сторону двери.

Корис отступил на шаг, измеряя взглядом высоту стены.

— Когда стемнеет, мы сможем перелезть. Но нас не должны видеть.

Саймон отбросил осторожность и забарабанил по двери. Корис схватил его за руку.

— Ты хочешь собрать сюда все войско герцога? Посидим в таверне до вечера.

— Не нужно.

Корис поднял топор, рука Саймона легла на самострел. Дверь приоткрылась и оттуда послышался голос.

В щели был виден юноша. Гораздо ниже Саймона, даже ниже Кориса и очень стройный. Верхнюю часть его лица скрывало забрало боевого шлема, на кольчуге — никаких знаков.

От Саймона он перевел взгляд на капитана, вид Кориса почему-то успокоил его, потому что он отступил и сделал знак войти. Они вошли в сад с цветами на высоких стеблях на акку-

ратных клумбах, миновали высохший фонтан, на котором каменная птица с обломанным клювом все еще искала свое больше не существующее отражение в воде.

Еще одна дверь — в дом, а оттуда — поток света, как знак приветствия. Юноша задержался у калитки, закрывая ее. Но их ждали у входа в дом.

Саймон видел эту женщину в рваном платье, когда она бежала от своры охотничьих псов. Видел он ее и в совете, в строгой одежде, соответствовавшей ее рангу. Он ехал рядом с ней, когда на ней была кольчуга гвардии. Теперь она была в алом и золотом, с алмазами на пальцах и жемчужной сеткой в волосах.

— Саймон! — Она не протянула руки, никак не приветствовала их, только имя, но он почувствовал теплоту и спокойствие. — И Корис. Вы пришли по просьбе мудрой женщины Карса?

Корис опустил топор, положил на пол седельные сумки, которые нес с собой.

— Скорее, по вашей просьбе. И будем делать то, что вы скажете. Хорошо знать, что вы в безопасности, леди.

Саймон только кивнул. Снова он не мог найти слов, чтобы выразить свои чувства.

4. Приворотное зелье

Корис со вздохом опустил свой кубок.

— Вначале постель, какой не может похвастаться ни одна казарма, затем две такие трапезы. С приезда в Эсткарп я не пробовал такого вина. И не пировал в такой прекрасной компании.

Волшебница слегка хлопнула в ладоши.

— Какой льстец! И Корис и Саймон терпеливы. Ни один из вас не спросил, что мы делаем в Карсе, хотя вы провели под этой крышей ночь и часть дня.

— Под этой крышей, — задумчиво повторил Саймон. — Это случайно не посольство Эсткарпа?

Она улыбнулась.

— Вы умны, Саймон. Но мы здесь неофициально. В Карсе есть посольство Эсткарпа, где живет лорд с безупречным происхождением, и рядом с ним ни намека на колдовство. Он обедает с герцогом во время празднеств и является блестящим воплощением респектабельности. Его дом помещается совсем в другом районе. А мы здесь делаем...

Она замолчала, и Корис сказал:

— Я думаю, наша помощь необходима, иначе у Саймона не болела бы так голова. Нужно ли нам для вашего удовольствия захватить Ивьяна или просто потребуется разбить две-три головы?

Юноша, который двигался легко, говорил мало, но всегда находился здесь, кого волшебница назвала Брайантом и не объяснила гвардейцам, кто он такой, — этот юноша протянул руку к блюду с пирожными. Без кольчуги и шлема он выглядел очень хрупким и юным, слишком юным, чтобы хорошо владеть оружием, которое носил. Но что-то в решительной посадке его головы, в плотно сжатых губах и подбородке говорило, что волшебница Эсткарпа мудро выбрала себе помощника.

— Как, Брайант, — обратилась она к нему, — привести им Ивьяна сюда? — Что-то необычное звучало в ее вопросе.

Юноша пожал плечами и занялся пирожным.

— Если вы хотите его видеть. Я не хочу. — Ни один из мужчин не заметил этого слабого ударения на «я».

— Нет, не герцогом собираемся мы заняться. Другим членом его семьи — леди Алдис.

Корис присвистнул.

— Алдис! Я не думаю...

— Что у нас какое-то дело к любовнице герцога? А, это ошибка, свойственная вашему полу, Корис. Есть причина, по которой я хочу больше знать об Алдис. Мне необходимо, чтобы она пришла сюда.

— Эта женщина? — вмешался Саймон.

— Ее власть внутри герцогства основана только на благоволении Ивьяна. Пока она держит его у своей постели, ей

больше всего нужно влияние, а не наряды и драгоценности. Мужчины, добивающиеся осуществления своих планов, ищут через Алдис доступа к герцогу, даже если они не принадлежат к знатному роду. А что касается высокородных женщин — Алдис жестоко отплатила за старое пренебрежение. Когда она впервые привлекла внимание Ивьяна, ей было достаточно нарядов и украшений, но с течением времени власть ее усилилась. Без нее она лишь шлюха в портовой таверне, и она это хорошо знает.

— А что, Ивьян стал своенравнее? — поинтересовался Корис.

— Ивьян женился.

Саймон следил за рукой юноши, протянутой к блюду. Вдруг она изменила направление и ухватилась за кубок.

— Мы слышали в горах разговоры о его женитьбе на наследнице Верлейна.

— Брак на топоре, — объяснила волшебница. — Он еще не видел своей новой жены.

— И нынешняя леди боится соперничества. Неужели леди Верлейна так прекрасна? — небрежно спросил Саймон и уловил брошенный искоса взгляд Брайанта.

Ответил юноша.

— Нет! — Какая-то нотка в его горячем отрицании удивила Саймона и огорчила его. Кто такой Брайант и где отыскала его волшебница? Может, мальчишка влюблен в наследницу Верлейна и теперь разочарован своей потерей?

Волшебница рассмеялась.

— Это тоже вопрос вкуса. Но, да, Саймон, я думаю, Алдис беспокойно вертится по ночам, гадая, долго ли Ивьян еще будет держать ее рядом с собой. В таком настроении она созрела для наших целей.

— Я понимаю, почему леди ищет помощи, — согласился Саймон, — но почему именно вашей помощи?

Она укоризненно ответила:

— Хотя я и не ношу свои истинные цвета женщины Власти Эсткарпа, у меня в этом городе уже есть некоторая репутация. Я здесь не в первый раз. Мужчины и женщины, особенно жен-

щины, часто стремятся узнать свое будущее. За последние три дня сюда приходили две служанки Алдис, под вымышленными именами и с ложными историями. Когда я сказала им, кто они и кое-что о них рассказала, они с испуганными лицами отправились к своей хозяйке. Она скоро придет.

— Но зачем она вам? Если ее влияние на Ивьяна кончается... — Корис покачал головой. — Я никогда не претендовал на понимание женщин, а сейчас вообще запутался. Наш враг Горм, а не Карстен — пока, во всяком случае.

— Горм! — Какое-то чувство отразилось на ее спокойном лице. — И здесь Горм может отыскать свои истоки.

— Что? — Руки Кориса тяжело опустились на стол. — Как Горм мог добраться до герцогства?

— Есть и другой путь. Карстен обращается к Горму, по крайней мере, шлет часть своих войск. — Волшебница, опустив подбородок на сложенные руки, живо заговорила:

— Мы видели в Салкаркипе, что силы Колдера сделали с людьми Горма, используя их как свое оружие. Но Горм лишь небольшой остров, и во время завоевания многие его воины погибли в битве, прежде чем их смогли... преобразовать.

— Правда! — Голос Кориса звучал сурово. — Они не смогли захватить слишком много пленных.

— Именно так. А когда пал Салкаркип, Магнис Осберик прихватил с собой бóльшую часть нападающих. Этим он послужил своему народу. Бóльшая часть торгового флота была в море, а по обычаю салкаров они берут с собой в долгое путешествие семьи. Их гавань на континенте погибла, но народ жив и может построить новую. Но может ли Колдер так легко восстановить свои утраченные силы?

— Должно быть, им не хватает живой силы, — полуспросил Саймон, напряженно размышляя над различными возможностями.

— Это может быть правдой. По какой-то причине они не хотят или не могут выступать открыто. Мы очень мало знаем о колдерах, даже сейчас, когда они стучатся в наши двери. Теперь они покупают людей.

— Но из рабов получаются плохие бойцы, — заметил Саймон. — Дайте им оружие, и они восстанут.

— Саймон, Саймон, разве вы забыли о засаде на морском берегу? Готовы ли эти люди к восстанию? Нет, те, кто марширует под военные барабаны Колдера, не имеет собственной воли. Замечено вот что: за последние шесть месяцев в гавань Карса приходят корабли, и на них перевозят заключенных из тюрем Карстена. Иногда захватывают людей на улицах и в доках, людей без друзей, тех, кого не ищут. Такие события нельзя долго хранить в тайне. Слово там, намек здесь — кусочек за кусочком мы составляем общую картину. Людей продают в Колдер. А если это происходит в Карстене, то почему не может произойти и в Ализоне? Теперь я лучше понимаю, почему моя миссия там не удалась и каким образом меня быстро раскрыли. Если Колдер обладает определенной властью — а мы считаем, что это так, — он мог выследить меня, как псы шли за мной по запаху в болотах.

Мы считаем теперь, что Колдер в Горме собирает силы для вторжения на материк. Возможно, вскоре Карстен и Ализон обнаружат, что создавали оружие для собственного поражения. Поэтому мне и нужна Алдис. Мы должны больше узнать об этой грязной торговле с Гормом, а она не может происходить без ведома и согласия герцога.

Корис неловко пошевелился.

— Солдаты тоже любят поболтать, леди. Если наемник с чистым щитом обойдет кабачки, он может принести немало новостей.

Она с сомнением посмотрела на него.

— Ивьян далеко не глуп. У него повсюду глаза и уши. Достаточно кому-нибудь узнать вас в таверне, и герцог тотчас будет знать об этом.

Корис не казался обеспокоенным.

— Разве наемник Корис из Горма не потерял своих людей и репутацию в Салкаркипе? Не сомневайтесь, у меня будет подготовлена хорошая история для тех, кто станет расспрашивать. Тебе, — он кивнул Саймону, — лучше затаиться здесь,

если наш рассказ у ворот разошелся по городу. А как насчет молодого человека? — Он улыбнулся Брайанту.

К удивлению Саймона, юноша робко улыбнулся в ответ. Потом взглянул на волшебницу, как бы ожидая позволения. И, к еще большему удивлению Саймона, волшебница дала это разрешение с каким-то затаенным чувством.

— Брайант не знаком с казармами, Корис. Но он достаточно долго здесь находится. И не нужно недооценивать его искусство владения мечом. Я уверена, он еще сумеет удивить вас — и не однажды.

Корис рассмеялся.

— Не сомневаюсь, леди, раз вы говорите это. — Он потянулся за топором.

— Лучше оставить эту игрушку здесь, — предупредила она. — Ее-то уж точно приметят. — Она положила руку на рукоять.

Пальцы ее как будто примерзли. Впервые с момента их прибытия Саймон увидел, что спокойствие покинуло ее.

— Что вы носите, Корис? — голос ее звучал резко.

— Вы не знаете, леди? Оно пришло ко мне по доброй воле от того, о ком сложили легенды. И я защитил им свою жизнь.

Она отдернула руку, как будто обожглась.

— Пришло по доброй воле?

Корис вспыхнул от этого сомнения.

— О таких вещах я говорю только правду. Оружие пришло ко мне и будет служить только мне.

— Тогда тем более не следует брать его на улицы Карса. — Это был наполовину приказ, наполовину просьба.

— В таком случае покажите безопасное место, где я могу оставить топор, — с явным неудовольствием сказал Корис.

Она немного подумала, потерла пальцем нижнюю губу.

— Да будет так. Но позже вы мне все расскажете подробно, капитан. Пойдемте, я покажу вам самое безопасное место в этом доме.

Саймон и Корис прошли за ней в следующую комнату, где стены были увешаны такими древними гобеленами, что на них

виднелись лишь следы изображения. Отогнув один из гобеленов, волшебница обнажила стену, на которой были нарисованы сказочные звери. В стене находился шкаф, туда Корис и поставил свой топор.

Точно так же, как Саймон ощущал прошедшие столетия в городе Эсткарпе, точно так же, как он знал о присутствии нечеловеческого в склепе Вольта, ощутил он и какое-то излучение от стен. От этого смутного ощущения у него по коже поползли мурашки.

Но Корис поставил оружие, и волшебница закрыла шкаф, как будто это была простая метла. Брайант со своим обычным невозмутимым видом задержался у входа. Почему Саймон ощутил это странное чувство? Когда остальные вышли, он задержался в странной комнате.

Мебели в ней почти не было. Только стул черного дерева с высокой спинкой, оказавшийся здесь из какого-то зала для аудиенций. И против него скромный табурет. На полу между ними коллекция странных предметов. Саймон принялся разглядывать их, надеясь найти разгадку.

Вначале его внимание привлекла маленькая глиняная жаровня, в которой можно сжечь разве пригоршню углей. Она стояла на гладко отполированной доске. Глиняная чашка с каким-то серо-белым веществом, квадратная бутылка — вот и все. Два сидения и это странное собрание предметов.

Он не слышал, как вернулась волшебница, и вздрогнул, когда раздался ее голос.

— Кто вы, Саймон?

Их взгляды встретились.

— Вы знаете. Я сказал вам правду в Эсткарпе. И у вас есть свои способы отличить правду от вымысла.

— Есть. Вы действительно сказали правду. И все же я снова должна спросить вас: кто вы? На прибрежной дороге вы почувствовали засаду раньше, чем Сила предупредила меня. Но ведь вы мужчина! — Впервые самообладание покинуло ее. — Вы знаете, что делается здесь, вы чувствуете это!

— Нет. Я только знаю, что здесь присутствует что-то невидимое. Но оно существует.

— Вот оно! — Она свела кулаки. — Вы не можете это чувствовать, однако чувствуете! Я здесь использую свою Силу. Не всегда я использую ее, чтобы узнавать, что лежит в сердцах моих посетителей, чего они желают. Три четверти моего дара — иллюзия. Я не вызываю демонов, не призываю заклинаниями другие миры. Но Сила все же есть, и иногда она приходит на мой призыв. Тогда я могу действительно творить чудеса. Я могу вызвать разрушение, хотя не всегда знаю, какую форму оно примет. Я могу делать это, могу на самом деле! Клянусь в этом своей жизнью!

— Я верю, — ответил Саймон. — И в моем мире происходят события, которые нельзя объяснить только логикой.

— И ваши женщины делают это?

— Нет, у нас это не зависит от пола. У меня под началом были мужчины, которые могли угадывать смерть, свою или чужую. Я знавал и дома, старые дома, в которых скрывалось что-то невидимое. Его нельзя ощутить, и все же оно там.

Она с удивлением смотрела на него. Потом рука ее начертила в воздухе какой-то знак. Он на мгновение вспыхнул огнем.

— Вы видели? — Было ли это обвинением или радостным признанием? Он не имел времени на размышление: снаружи прозвучал гонг.

— Алдис! И с нею охрана! — Волшебница пересекла комнату и отдернула гобелен, за которым Корис спрятал топор. — Туда! — приказала она. — Они обыщут дом, как всегда делают. Не нужно, чтобы они обнаружили ваше присутствие.

Она не дала ему времени на возражения, и Саймон обнаружил, что находится в слишком тесном для него месте. Но тут же он понял, что это скорее не шкаф, а укрытие для шпиона. В резьбе находились отверстия как для доступа воздуха, так и для осмотра комнаты.

Все произошло так быстро, что он не успел опомниться. Трегарт уже собрался выйти, когда обнаружил, что изнутри нет щеколды. Его закрыли вместе с топором Вольта.

С нарастающим раздражением Саймон прижался лбом к резной стене, чтобы получше видеть комнату. И затаил дыхание. Вошла женщина. Вместе с ней — два солдата, которые тут же начали заглядывать во все углы и за занавеси.

Волшебница рассмеялась, глядя на них. Потом через плечо бросила кому-то, оставшемуся по ту сторону двери:

— Похоже, что одного слова в Карсе недостаточно. Но когда этот дом и живущие в нем обвинялись в злых делах? Ваши псы могут найти немного пыли и паутину — признаю, что я не очень хорошая хозяйка. Но они своими поисками напрасно тратят ваше время, леди.

В ее словах звучала еле слышная насмешка. Саймон оценил ее словесное искусство. Она говорила как взрослый о детских шалостях, как будто испытывала нетерпение заняться другими, более важными делами. И приглашала невидимую собеседницу присоединиться к ее взрослости.

— Хальсфрик! Доннар!

Воины вытянулись.

— Ищите в других частях дома, если хотите, но оставьте нас наедине.

Воины встали по сторонам двери, и вошла другая женщина. Потом солдаты вышли, волшебница закрыла за ними дверь и повернулась к вошедшей. Та сбросила роскошный плащ, который образовал на полу алое озеро.

— Добро пожаловать, Алдис.

— Время тратится, женщина, как ты уже заметила. — Слова звучали хрипло и вместе с тем как-то бархатно. Такой голос мог свести с ума мужчину.

Фигурой любовница герцога вовсе не напоминала портовую шлюху, с которой сравнила ее волшебница, перезрелую и пышную. Это была юная девушка, еще не вполне уверенная в своих возможностях, со скромно прикрытыми маленькими высокими грудями. Женщина противоречий — резвая и спокойная одновременно. Разглядывая ее, Саймон понял, как она могла так долго и успешно удерживать такого развратника, как герцог.

— Ты сказала Фирте... — снова резкая нота, обернутая в бархат.

— Я сказала вашей Фирте, что могу делать и что необходимо делать, — волшебница была так же резка, как ее клиентка. — Устраивает вас это?

— Устроит, если ты докажешь свои способности, и не раньше. Дай мне то, что обеспечит мне безопасность в Карсе, и тогда требуй плату.

— У вас странный способ заключать сделки, леди. Все преимущества на вашей стороне.

Алдис улыбнулась.

— Но если ты обладаешь Властью, как утверждаешь, мудрая женщина, ты можешь не только помогать, но и заставлять. Я для тебя в таком случае легкая добыча. Говори, что я должна делать, и быстро: я могу доверять тем, снаружи, лишь пока держу их жизни в своих руках. Но в городе есть и другие глаза и уши!

— Дайте мне вашу руку. — Женщина Эсткарпа подняла с пола чашку. Алдис протянула украшенную кольцами руку, волшебница уколола ее иглой, взятой из платья, и капля крови упала в чашку. Колдунья долила туда жидкости из бутылки и смешала все, потом раздула огонь в жаровне.

— Садитесь. — Она указала на табуретку. Когда Алдис села, волшебница положила ей на колени доску, на которую поставила жаровню.

— Думайте о том, кто вам нужен, только о нем, леди.

Волшебница начала петь. То неуловимое, что встревожило в этой комнате Саймона, что вспыхнуло в тот момент, когда она начертила знак, теперь улетучилось из комнаты.

Однако в пении содержалось очарование, изменявшее мысленные образы, вызывавшее ответные изображения. Саймон прикусил губу. Подходящая магия для Алдис и ей подобных, но не подходящая для холодной чистоты Эсткарпа. И она начинало действовать и на Саймона. Он заткнул уши, чтобы не слышать, не ощущать поднимающегося в теле жара.

Трегарт отнял руки лишь тогда, когда увидел, что губы волшебницы перестали двигаться. Лицо Алдис порозовело, раздвинутые губы увлажнились, она смотрела невидящим взглядом, пока колдунья не сняла у нее с колен доску с жаровней.

— Добавьте щепотку этого в его пищу или питье, — вся жизнь ушла из голоса волшебницы; она говорила, преодолевая усталость.

Алдис взяла у нее сверток, сунула его за лиф платья.

— Будь уверена, я правильно использую ее! — Она подхватила свой плащ и направилась к двери. — Дам тебе знать о результатах.

— Я узнаю сама, леди.

Алдис вышла, а волшебница продолжала стоять, держась за спинку стула, как будто нуждаясь в опоре. На лице ее выражение усталого отвращения смешивалось со стыдом, словно она использовала дурные средства для достижения доброй цели.

5. Три звука рога

Руки Кориса равномерно двигались, полируя лезвие топора шелковой тканью. Он потребовал свое сокровище в минуту возвращения и теперь, усевшись на подоконник, держа топор на коленях, говорил.

— ...он рванулся так, будто сам Колдер гнался за ним по пятам, а сержант пролил половину вина, за которое я заплатил. Этот парень уцепился за стол и заорал. Ставлю недельное жалованье за то, что в его рассказе есть зерно правды, хоть в целом это ерунда.

Саймон смотрел на остальных в комнате. Он не ожидал, что волшебница удивится или как-то покажет, что уже слышала подобные истории. Однако юноша, появившийся при ней ниоткуда, был менее натренирован, и его поведение доказывало, что Саймон прав. Брайант слишком хорошо сдерживался. Тот, кто более опытен в науке утаивания, разыграл бы удивление.

— Мне кажется, эта история — ерунда, леди, — оборвал Саймон рассказ капитана. Осторожность стала привычной для его взаимоотношений с волшебницей с того часа, как он вынужден был защищаться от нее при встрече с Алдис. Она чувствовала его отношение, но не делала попыток что-либо изменить.

— Гунольд на самом деле мертв. — Слова ее звучали ровно. — И умер он в Верлейне. Леди Лойз действительно исчезла. Так что эта часть рассказа вашего человека, капитан, правдива. — Она обращалась скорее к Саймону, чем к Корису. — Ну, а то, что это результат набега Эсткарпа, это, конечно, ерунда.

— Это я знаю, леди. Не наша манера сражаться. Но что, если эта история прикрывает что-нибудь другое? Мы вас не расспрашивали, но какова судьба гвардейцев, оказавшихся у рифов Верлейна?

Она покачала головой.

— Насколько я знаю, капитан, вы и те, что были с вами, единственные спасшиеся из Салкаркипа.

— Но такие рассказы могут послужить поводом для нападения на Эсткарп. — Корис нахмурился. — Гунольд был приближенным Ивьяна. Не думаю, чтобы герцог спокойно воспринял его смерть, особенно если учесть окружающие ее чудеса.

— Фальк! — Это имя вырвалась у Брайанта, как стрела из самострела. — Это дело Фалька! — Теперь бледное лицо Брайанта стало достаточно выразительным. — Но ему придется считаться с Сириком и лордом Дуартом! Я думаю, сейчас Фальк очень занят. Этот щитоносец сообщил столько подробностей набега, что, должно быть, ознакомился с докладом.

— Посланник с моря недавно прибыл. Я слышал, как об этом говорили, — заметил Корис.

— С моря! — Волшебница встала, ее алое с золотом платье зашуршало. — Фалька нельзя считать простаком, но есть в развитии действия нечто такое, что не позволяет считать это только желанием Фалька оградиться от мести герцога!

Глаза ее были мрачны, когда она холодно разглядывала троих своих собеседников. Она, может быть, сравнивала их силы с силами врагов.

— Мне это не нравится. Конечно, следовало ожидать какого-нибудь сообщения из Верлейна: Фальку нужно было что-то рассказать герцогу в свое оправдание, иначе на него обрушатся камни его собственного замка. И он вполне способен привлечь на свою сторону Сирика и Дуарта, чтобы они подтвердили его рассказ. Но события развиваются слишком быстро, слишком все хорошо организовано! Я готова поклясться...

Она расхаживала по комнате, алая юбка колыхалась вокруг ее ног.

— Мы хозяйки иллюзий, но готова поклясться Силой Эсткарпа, что эта буря не была иллюзией. Если только Колдер не овладел и силами природы... — Теперь она стояла неподвижно, руки поднесла ко рту, как будто хотела поймать вылетевшие слова... — Если Колдер овладел... — она перешла на шепот. — Не могу поверить, что мы сюда явились по замыслу колдеров. Не смею верить в это! И все же... — Она резко повернулась и подошла к Саймону.

— Я знаю Брайанта, знаю, что он делает и почему. Знаю и Кориса, знаю его желания. Но вас, человека из туманов Тора, вас я не знаю. Если вы не то, чем кажетесь, значит, мы привели с собой свою судьбу.

Корис перестал полировать лезвие топора. Ткань упала на пол, руки его сомкнулись на рукояти.

— Он был принят Властительницей, — сказал он спокойно, но внимание его сосредоточилось на Саймоне, как у дуэлянта, ожидающего выпада противника.

— Да! — Женщина Эсткарпа согласилась с этим. — И невозможно думать, что то, что скрывает Колдер, нельзя обнаружить другими методами. Сама темнота прикрытия сделает его подозрительным! Есть еще одно испытание. — Она сунула руку за воротник платья и извлекла тусклый камень, который всегда носила с собой. Несколько мгновений она держала его в руках, глядя на него, затем сняла с шеи цепь и протянула Саймону. — Возьмите!

Корис вскрикнул и перехватил топор. Но Саймон взял камень в руки. При первом прикосновении он казался гладким и

холодным, как шлифованный жемчуг, затем начал согреваться, с каждой секундой становясь все теплее. Но жар его не обжигал. Только сам камень ожил, на его поверхности появились радужные вспышки.

— Я знала! — Ее хриплый полушепот заполнил комнату. — Нет, не колдер! Не колдер; колдер не смог бы удержать без вреда пламя Силы! Добро пожаловать, брат по Силе! — Она вновь начертила в воздухе символ, который засверкал так же ярко, как камень. Затем взяла у Саймона камень и вновь спрятала его под платье.

— Он мужчина! Изменение внешности не может так действовать, да и не смог бы он одурачить нас в казарме, — первым заговорил Корис. — Как может мужчина владеть Силой?

— Он мужчина, но из другого времени и пространства. Мы не можем знать, что происходит в других мирах. Я могу поклясться, что он не колдер. Может, именно он будет стоять перед Колдером в последней битве. А сейчас мы должны...

Но тут послышался сигнал у ворот. Встревоженные, Саймон и Корис посмотрели на волшебницу. Брайант достал самострел.

— Сигнал правильный, хотя и в неурочное время. Ответь, но будь осторожен.

Корис и Саймон поспешили за Брайантом к воротам. Снаружи они услышали гул города. Саймон чувствовал, что нечто подобное он уже слышал. Корис выглядел встревоженным.

— Это толпа! Крик взбешенной толпы!

И Саймон, вспомнив красный ужас своего прошлого, кивнул. Он приготовил самострел, чтобы встретить стоящего за дверью.

Невозможно было ошибиться в национальности вбежавшего. Кровоподтек не мог скрыть черт лица жителя Эсткарпа. Он упал, и Корис подхватил его на руки. Взрыв звуков почти сбил их с ног.

Человек, которого держал Корис, улыбнулся, пытаясь заговорить. Оглушенные, они ничего не слышали. Брайант закрыл дверь. Саймон и капитан помогли беглецу войти в дом.

К этому времени он настолько оправился, что смог приветствовать волшебницу. Она налила какую-то голубоватую жидкость в чашку и поднесла к его губам. Он выпил.

— Где лорд Вортимер?

Человек откинулся в кресле, которое подвинули к нему.

— Вы только что слышали, как он прошел, леди, — в громе и криках. С ним все наши, кто сумел добраться до посольства. За остальными охотятся на улицах. Ивьян приказал трижды трубить в рог против эскарпцев и представителей древних родов. Он сошел с ума!

— Их тоже? — Она прижала руки к вискам, как будто хотела облегчить невыносимую боль. — У нас совсем нет времени?

— Вортимер послал предупредить вас. Вы хотите последовать за ним, леди?

— Пока нет.

— Те, против кого звучал рог, могут быть убиты на месте любым без всяких вопросов. А в Карсе сегодня убивают не быстро и не легко, — бесстрастно добавил он. — Не знаю, можете ли вы рассчитывать на леди Алдис...

Волшебница рассмеялась.

— Я вообще не рассчитываю на Алдис, Вортгин. Нас пятеро... — Она вертела в руках чашку, глядя на Саймона. — От этого зависит нечто большее, чем наши жизни. Если вовремя предупредить представителей старых родов во всем Карстене, они смогут добраться до наших границ и пополнить наши ряды. Да и то, что мы узнаем здесь, нужно сообщить в Эскарп. Я не надеюсь на свои силы — вы должны будете помочь мне, брат!

— Но я не знаю, как... Я никогда не использовал Силу... — возразил Саймон.

— Вы можете поддержать меня. Это наша единственная надежда.

Корис отошел от окна, через которое всматривался в сад.

— Изменение внешности?

— Единственная возможность.

— И долго ли оно выдержит?

Она пожала плечами.

Вортгин провел языком по губам.

— Выведите меня из этого проклятого города, и я подниму всю округу. У меня там немало родственников.

— Пошли! — Волшебница направилась в магическую комнату с занавесями. Все двинулись за нею, но у входа Корис остановился.

— Я понесу с собой то, что было мне дано. Придайте мне внешность, в которой я могу владеть топором Вольта.

— Я назвала бы вас слабоумным, — выпалила волшебница, — если бы не знала цены этого лезвия. Но изменение внешности — лишь иллюзия. Можно попробовать. Подготовьтесь, быстрее.

Пока Саймон и Корис убирали стулья, она потянула в сторону ковер. Наклонившись, провела камнем несколько линий. Те вспыхнули, образовав пятиконечную звезду. Корис неохотно положил топор в середину звезды.

Волшебница заговорила, обращаясь к Саймону:

— Внешность на самом деле не меняется, это лишь иллюзия, которая должна сбить с толку тех, кто будет нас преследовать. Я буду опираться на вашу помощь, чтобы увеличить свою силу. — Она оглянулась, поставила рядом с топором жаровню и подула на угли. — Можно начинать. Приготовьтесь.

Корис схватил Саймона за руку.

— Раздевайтесь донага, иначе сила не подействует! — Он уже снимал собственную куртку. Саймон повиновался, затем они помогли раздеться Вортгину.

Дым поднимался от жаровни, заполняя комнату красноватым туманом, в котором еле виднелась приземистая фигура Кориса.

— Встаньте у концов лучей звезды, — послышался из полумглы приказ волшебницы. — Вы, Саймон, рядом со мной.

Он пошел на этот голос, потеряв в тумане Кориса и Вортгина. Из тумана показалась белая рука и притянула его на место. У себя под ногами Саймон видел слабое мерцание линий звезды.

Кто-то запел, где-то далеко. Саймон заблудился в тумане. В то же время что-то согревало его — не внешне, а изнутри. И эта теплота исходила из него, из его тела, плыла по правой руке. Саймон подумал, что мог бы увидеть этот поток — кроваво-красный, теплый. Но видел лишь серовато-красный туман и знал только, что его тело еще существует.

Пение становилось громче. Когда-то он уже слышал такое пение — тогда оно поднимало в нем вожделение, заставляло бороться с собой. Теперь оно действовало по-другому, и он не сопротивлялся.

Он закрыл глаза, чтобы не видеть бесконечного кружения тумана, и стоял, настроившись на пение; каждая клеточка в его теле дрожала в такт этому пению, и по-прежнему теплый поток шел из его тела.

Но вот рука его бессильно упала. Поток прекратился, пение смолкло. Саймон открыл глаза. В сплошном покрове тумана образовались просветы. В одном из просветов он увидел грубое лицо, жестокую карикатуру на человека. На этом лице блестели сардонические глаза Кориса. А немного дальше стоял другой человек с изъеденной язвами кожей и пустой глазницей.

Тот, у кого были глаза капитана, перевел взгляд с Саймона на своего соседа, широко улыбнулся, обнажив гнилые пожелтевшие зубы.

— Прекрасная компания получилась!

— Оденьтесь! — донесся приказ волшебницы из рассеивающегося мрака. — Сегодня вы вышли из притонов Карса, чтобы грабить и убивать. Такие, как вы, расцветают при звуках рога.

Они оделись в рваную одежду, а Корис поднял с пола — не топор Вольта, а ржавый металлический стержень с крючьями, назначение которого Саймон не мог угадать.

Зеркала, чтобы осмотреть свою новую внешность, у Саймона не было, но он догадывался, что стал не более привлекателен, чем его товарищи. Он ожидал, что внешность волшебницы и Брайанта тоже изменится, — но не настолько! Женщина Эсткарпа превратилась в старуху с грязными прядями седых

волос над согнутыми плечами, в чертах ее лица отражалась врожденная злобность. Юноша превратился в девушку. Саймон с удивлением смотрел на нее, одетую в кричащее алое и золотое платье.

Насколько Брайант был бледен и бесцветен, настолько девушка была красива; она не позаботилась завязать шнурки, стягивающие пышную грудь. Старуха ткнула пальцем в Саймона.

— Это ваша добыча, смельчак. Взвалите красотку на плечи, а если устанете, эти разбойники охотно помогут вам. Играйте свою роль хорошо. — Она толкнула мнимую девушку в спину, так что та влетела в объятия Саймона. Он подхватил ее, взвалил на плечо, волшебница осмотрела их взглядом режиссера, а затем еще больше расстегнула корсаж девушки и стянула платье с гладкого молодого плеча.

Про себя Саймон поразился совершенству иллюзии. Он думал, что она затронет только зрение, но теперь чувствовал, что держит женщину. И ему все время приходилось напоминать себе, что на самом деле это Брайант.

Карс грабило множество таких же банд, как и их группа. И то, что они видели, то, чему они не могли помочь, грызло их на всем пути до гавани. У ворот стояла стража. Они приблизились к воротам: Саймон нес стенающую жертву, сзади шли два других разбойника, а старуха ковыляла с мешком впереди. Она запнулась и упала, сверкающее содержимое мешка рассыпалось по земле.

Стражники ожили, офицер оттолкнул старуху с дороги. Но один из стражников сохранил сознание долга, а может, его больше привлекла добыча Саймона. Он опустил перед Трегартом копье и улыбнулся из-за этого барьера.

— Оставь здесь свой груз, оборванец. Слишком хороша для тебя. Пусть ее сначала отведает лучший человек!

Ржавая палка Кориса вытянулась вперед, зацепив крюком ногу солдата. Тот растянулся, а они выбежали в ворота и побежали к гавани, преследуемые другими стражниками.

— Туда! — Брайант вырвался из рук Саймона и прыгнул в воду, капитан последовал за ним и вынырнул рядом с ало-

золотым платьем. Вортгин бежал к воде, прихрамывая. Саймон оглянулся в поисках колдуньи.

В глубине гавани виднелся клубок фигур. С самострелом в руке Саймон побежал назад, остановившись трижды, чтобы выстрелить, каждый раз убивая или раня солдата. Саймон прибежал вовремя, чтобы увидеть лежащую на земле старуху и нацеленный на ее горло меч.

Трегарт выстрелил еще дважды. Потом его кулак ударил, кто-то закричал и побежал, Саймон подхватил волшебницу, обнаружив, что она весит больше Брайанта. Неся ее на плече, он побежал к ближайшей барже.

Женщина в его руках неожиданно ожила и начала вырываться, как будто он ее действительно похитил. Саймон потерял равновесие, и они оба упали, ударившись о поверхность воды с силой, какой он не ожидал. Саймон наглотался воды, закашлялся и забил руками.

Голова его появилась над поверхностью, он оглянулся в поисках волшебницы и увидел ее неподалеку. Она хорошо держалась на воде.

— Эй.

Этот возглас послышался с ближайшей плывущей вниз по течению баржи, оттуда выбросили веревку. Саймон и волшебница выбрались на палубу и увидели Кориса, который стоял у противоположного борта и яростно размахивал руками. Увидев их, он стал спускаться в реку.

Здесь в маленькой лодке сидел Вортгин, рядом, как жертва настоящего насилия, лежал Брайант. Когда они спустились, Корис оттолкнул лодку от баржи, используя свой шест с крючьями.

— Я думал, вы погибли у ворот!

Саймон ответил:

— Ну, здесь у нас передышка. Они посчитают, что мы скрываемся на барже. По крайней мере, мы должны на это надеяться. Но разумнее попытаться как можно скорее добраться до противоположного берега.

Все согласились с этим предложением. Брайант наконец выпрямился, но продолжал прятать лицо, как будто стыдился

своей внешности. Волшебница, сидя на носу лодки, напряженно всматривалась в противоположный берег.

Им повезло: приближалась ночь. И Вортгин хорошо знал окружающую местность. Он сможет провести их полем, минуя поселки, пока они не окажутся на достаточном удалении от Карса.

— Три звука рога — что ж, это действует в Карсе. Город принадлежит герцогу. Но у лордов древних семейств есть связи с нами, и они не любят Ивьяна. Они, может, и не помогут нам, но не помогут и людям герцога. Они просто закроют глаза и уши.

— Да, Карстен теперь закрыт для нас, — согласилась с Вортгином волшебница. — И я скажу старой расе, что она должна бежать к границам, пока не поздно. Возможно, им помогут фальконеры... Ну, вот, приближается ночь!

Но Саймон знал, что она имеет в виду не физическую ночь, смыкавшуюся над их маленьким отрядом.

6. Поддельный сокол

Саймон, Корис и Вортгин, закрывшись пучками влажной соломы, лежали в поле за стогом и наблюдали, что делается в деревушке у перекрестка дорог. Там виднелись яркие сине-зеленые мундиры солдат герцога. Их было четверо, хорошо вооруженных и подготовившихся к долгой поездке. Солдат окружало кольцо селян в тусклых одеждах. Предводитель маленького отряда торжественно подъехал к столбу объявлений и поднес к губам рог. Утреннее солнце горело на серебряном вооружении.

— Раз... два... три... — Корис вслух считал звуки рога. Они ясно слышали эти звуки, вся округа слышала их. Впрочем, то, что говорили люди герцога, доносилось до лежавших лишь отрывочно.

Корис взглянул на Вортгина.

— Быстро распространяют. Вам лучше отправиться, чтобы успеть предупредить хоть кого-нибудь из ваших родичей.

Вортгин вонзил в землю кинжал, как будто перед ним был сине-зеленый солдат.

— Мне понадобится лошадь.

— Верно. А вот и нужные нам лошади. — Корис ткнул пальцем в отряд герцогских солдат.

— За этим мостом дорога проходит через небольшой лес, — вслух подумал Саймон.

Псевдолицо Кориса выразило злобное восхищение.

— Они скоро отправятся в путь. Нам лучше двигаться.

Они отползли от своего наблюдательного пункта, вброд перешли речку и отыскали лесную дорогу. Дорога, ведущая на север, содержалась не очень хорошо. В этой местности власть герцога с недовольством воспринималась как древними семьями, так и простыми жителями. Все дороги, помимо главной, были всего лишь тропами.

По обе стороны дороги возвышались холмы, поросшие кустами и травой. Это было небезопасное место для любого путника, особенно в мундире герцогских солдат.

Саймон укрылся на одном возвышении, Корис выбрал себе позицию ближе к реке, чтобы перекрыть отступление. Вортгин лежал против Саймона. Им оставалось только ждать.

Предводитель вестников не был дураком. Один из его людей ехал впереди, внимательно вглядываясь в каждый куст, в каждый пучок подозрительно высокой травы. Он остановился между скрывшимися людьми, потом двинулся дальше. За ним двигался предводитель с рогом и еще один солдат, а четвертый замыкал порядок.

Саймон выстрелил, когда последний солдат поравнялся с ним. Но упал от точно нацеленного выстрела передовой.

Предводитель с искусством опытного всадника повернул лошадь и увидел, как падает, обливаясь кровью, замыкающий.

— Сал!.. Сал!.. Сал!.. — вновь резко прозвучал боевой клич, который Саймон слышал в обреченной морской крепости. Стрела разорвала одежду на плече Трегарта и оцарапала кожу: у предводителя было кошачье зрение.

Оставшийся солдат старался прикрыть командира, но Вортгин приподнялся из своего укрытия и бросил кинжал. Оружие, поворачиваясь, описало дугу и ударило солдата в затылок, он беззвучно упал.

Копыта пронеслись в воздухе над головой Саймона. Лошадь потеряла равновесие и опрокинулась, подмяв под себя всадника. Корис выпрыгнул из укрытия и ударил своим посохом слабо сопротивляющегося офицера.

Они быстро раздели всадников, успокоили лошадей. К счастью, упавшая лошадь поднялась на ноги, испуганная, но, по-видимому, не раненая. Тела оттащили в кусты, а кольчуги, шлемы и лишнее оружие привязали к седлам, после чего отвели лошадей в заброшенную овчарню, где скрывались беглецы.

Здесь мужчины услышали горячий спор. Высохшая старуха и черноглазая красотка в алом с золотом вызывающе смотрели друг на друга. Но когда в проломе изгороди появился Саймон, они немедленно замолчали. И молчали до тех пор, пока не привели коней с поклажей. Тут девушка в красном вскрикнула и ухватилась за сверток с кольчугой и кожаной одеждой.

— Я хочу свою истинную внешность — и немедленно! — выпалила она.

Саймон мог понять это. В возрасте Брайанта роль, навязанная ему, тяжелее рабства. Никто из них не хотел носить непривлекательную внешность, которую надела на них волшебница Эсткарпа.

— Прекрасно! — одобрил он слова Брайанта. — Можем ли мы измениться по своей — вернее, по вашей воле, леди? Или нужно еще выждать какое-то время?

Под путаницей седых косм волшебница нахмурилась.

— Зачем тратить время? И мы еще не удалились от людей Ивьяна, хотя вы, по-видимому, с некоторыми из них уже поговорили. — Она потянула один костюм, как бы собираясь примерить его к своей согбенной фигуре.

Брайант смотрел сердито, прижимая к себе кольчугу. Пухлые губы на девичьем лице были упрямо сжаты.

— Я ухожу отсюда в своем настоящем виде или вообще не ухожу! — заявил он, и Саймон поверил ему.

Волшебница сдалась. Из-за рваного корсажа она достала мешочек и бросила его Брайанту.

— Уходи к ручью. Вымойся, используя пригоршню этого как мыло. Но будь осторожен: этот порошок должен послужить вам всем.

Брайант схватил мешочек и, прижимая к себе узел с одеждой, побежал к ручью, как будто боялся, что его остановят.

— А как насчет нас? — спросил Саймон, готовый последовать за ушедшим.

Корис привязывал лошадей к ограде. Его разбойничье лицо было отвратительно, но он умудрился выразить в смехе живейшее веселье.

— Пусть малый спокойно избавится от своих тряпок, Саймон. Ведь раньше он не возражал. А эта юбка досаждала ему.

— Юбка? — удивленно повторил Вортгин. — Но...

— Саймон не принадлежит к древней расе, — волшебница скребла в голове длинными ногтями. — Он не знает наших обычаев и свойств изменения внешности. Вы правы, Корис, — она искоса взглянула на капитана, — Брайанту нужно позволить переодеться в одиночестве.

Одежда, снятая со злополучных вестников герцога, свисала с юного воина, когда он гораздо более бодрой походкой вернулся от ручья. Он с ненавистью швырнул в угол алый сверток.

Корис растирал ржавый шест, прежде чем окунуться, и продолжал держать топор Вольта, выходя из воды. Они выбрали себе одежду, а Корис надел кольчугу, принесенную из Карса: никакая другая кольчуга не подошла бы ему. Поверх кольчуги он надел куртку, то же проделали и его товарищи.

Когда они вернулись, Корис протянул волшебнице мешочек, та несколько мгновений держала его в руке, затем вернула его на прежнее место.

— Храбрая компания воинов. Я ваша пленница. В шлемах и капюшонах вы не похожи на эсткарпцев. Только в вас, Вортгин, видны черты древней расы. Но если меня увидят в истин-

ном обличье, я вас немедленно выдам. Придется мне еще походить в этой внешности.

Так они и отъехали от своего убежища — четверо воинов в цветах герцога, и старуха, сидящая за Брайантом. Лошади были свежи, но всадники не торопили их; они избегали открытых мест, пока не добрались до пункта, откуда Вортгин должен был повернуть на восток.

— На север по торговым дорогам, — волшебница наклонилась вперед из-за Брайанта. — Если мы сумеем предупредить фальконеров, они безопасно пропустят беглецов через горы. Скажите своим людям, чтобы они все бросили, взяли с собой лишь оружие и пищу, сколько может нести лошадь. И пусть Сила будет с вами, Вортгин. Те, кого вы приведете, станут кровью в жилах Эсткарпа.

Корис снял с плеча рог.

— Это будет ваш пропуск, если вы столкнетесь с отрядами герцога. Счастья вам, брат, и когда вернетесь, отыщите гвардию севера. У нас в арсенале найдется достойное вас оружие!

Вортгин отсалютовал и галопом помчался на восток.

— А теперь? — спросила волшебница у Кориса.

— Фальконеры.

Она захихикала.

— Вы забыли, капитан: хоть я стара и сморщена, сок жизни вытек из меня, но я все же женщина и крепости сокольничих закрыты для меня. Переведите нас с Брайантом через границу, а уж затем отправляйтесь на поиски ваших женоненавистников, птичьих людей. Поднимайте их, если сможете. Граница, ощетинившаяся мечами, заставит Ивьяна призадуматься. А если фальконеры дадут нашим братьям свободный проход, мы будем у них в большом долгу. Только, — она указала нашивки на плече Брайанта, — советую вам убрать это, иначе вы можете оказаться приколотыми к дереву где-нибудь в горах, прежде чем сможете сказать, кто вы на самом деле.

Саймон не удивился на этот раз, когда над ними закружил сокол и Корис обратился к птице, назвав их настоящие имена и объяснив, что привело их в холмы. Саймон ехал сзади, ка-

питан — впереди, а волшебница и Брайант в середине. В полдень они расстались с Вортгином, а сейчас уже был близок закат. За весь день они ели только то, что оказалось в седельных сумках всадников.

Корис натянул повод и подождал, пока остальные не присоединятся к нему. Говоря, капитан находился лицом к горам, и Саймону показалось, что он утратил немного из своей всегдашней самоуверенности.

— Мне это не нравится. Сообщение должно было быть передано по коммуникатору птицы, а передовой отряд фалконеров — находиться где-то поблизости. Он уже должен появиться.

Саймон беспокойно осматривал склоны впереди.

— Я не стал бы двигаться в такой местности в темноте без проводника. Если ты говоришь, капитан, что в их поведении что-то странное, то тем больше оснований оставаться на месте. Я бы разбил лагерь в первом же подходящем месте.

Но тут заговорил Брайант, внимательно следивший за кружащей птицей.

— Он летает неправильно! — Юноша, опустив поводья, руками изобразил движения крыльев птицы. — Настоящая птица делает так — и сокол тоже, я много раз наблюдал за ними. А этот, смотрите — хлоп, хлоп, хлоп, это неверно!

Теперь все смотрели на кружащую птицу. Для глаз Саймона это был такой же черно-белый пернатый часовой, как и тот, которого они увидели, выйдя из склепа Вольта. Но он первым согласился бы, что ничего не понимает в птицах.

— Можно позвать его? — спросил Саймон Кориса.

Капитан выпятил губы, и в воздухе послышался свист.

В тот же момент Саймон поднял самострел. Корис с криком ударил его по руке, но выстрел уже был сделан. Они увидели, как черная стрела попала точно в белое пятно на груди птицы. Но в полете птицы ничего не изменилось, не было никаких признаков, что она ранена.

— Я говорил вам, что это не птица! — воскликнул Брайант. Волшебство!

Все взглянули на волшебницу, ожидая объяснений, но ее внимание было приковано к птице. Та, с торчащей в груди стрелой, медленно летала над их головами по кругу.

— Это не Сила, — ответ прозвучал как бы против ее воли. — Я не знаю, что это. Но это не живое, насколько мы понимаем жизнь.

— Колдер! — Корис плюнул.

Волшебница медленно покачала головой.

— Если это и Колдер, то не изменение сущности живого, как было с людьми из Горма. Не знаю.

— Надо заставить его опуститься. Он теперь ниже; может, вес стрелы тянет его вниз, — сказал Саймон. — Дайте мне ваш плащ, — добавил он, обращаясь к волшебнице и спешиваясь.

Она протянула ему изорванный плащ, и, перебросив его через плечо, Саймон начал взбираться на холм, мимо которого шла дорога. Он надеялся, что птица останется на месте. К тому же с каждым кругом она все более снижалась.

Саймон ждал, сложив плащ. Он бросил его, и птица влетела прямо в середину импровизированной сети. Когда Саймон попытался притянуть ее к себе, та вырвалась и налетела прямо на скалу головой.

Трегарт спрыгнул к тому, что лежало не земле. Настоящие перья, но под ними! Он свистнул от удивления: под натянутой порванной кожей и разбитыми перьями виднелась сложная путаница мелких металлических деталей, крошечных колесиков и проводков, а также устройство, которое могло быть только мотором этой странной машины. Держа ее в руках, он вернулся к товарищам.

— Ты уверен, что фальконеры используют только настоящих соколов? — спросил он у капитана.

— Соколы для них священны. — Корис ткнул пальцем в путаницу деталей, лицо его выразило крайнее изумление. — Это не их выдумка.

— Но ведь кто-то пустил в воздух этих горных соколов, которые не выращены, а сделаны, — заметил Саймон.

Волшебница наклонилась и коснулась птицы пальцем, как это сделал Корис. Ее взгляд встретился со взглядом Саймона, в нем был вопрос и сосредоточенность.

— Из другого мира... — это прозвучало еле слышно. — Порождено не нашим волшебством, не нашим временем и пространством. Чужое, Саймон, чужое...

Брайант прервал ее возгласом. Он указывал на вторую черно-белую птицу, спускающуюся кругами. Саймон потянулся за самострелом, но юноша спрыгнул с седла и удержал его руку.

— Это настоящая птица!

Корис свистнул, и сокол послушно сел на скалу рядом с путниками.

— Корис из Эсткарпа, — заговорил капитан. — Пусть те, кто послал тебя, крылатый брат, придут быстро, потому что здесь большое зло, а может, большее еще впереди! — Он взмахнул рукой, и сокол тут же поднялся в воздух и направился к горам.

Саймон положил механическую птицу в седельную сумку. В Орлином Гнезде его заинтересовали коммуникационные устройства настоящих соколов. Техническое устройство, такое точное и миниатюрное, требовало огромных знаний и было неуместно в средневековой крепости, То же и относительно искусственного освещения и обогревательной системы Эсткарпа или зданий в Салкаркипе, того источника энергии, при помощи которого Осберик взорвал порт. Может, это остатки древней цивилизации? Или все это попало сюда из другого источника? Саймон невидящим взглядом смотрел в сторону, размышляя над этой проблемой.

Корис говорил о расе Вольта, предшествовавшей здесь человечеству. Может, это ее остатки? А может, фальконеры и моряки Салкаркипа узнали то, что им было нужно, из другого источника, где-нибудь за морем? Саймон хотел было получше рассмотреть поддельного сокола, определить, какой тип разума мог его создать.

Фальконеры появились как из-под земли. Они ждали приближения отряда из Карса, не уступая дороги и не приветствуя.

— Фальтер с южных ворот, — Корис узнал их предводителя. Он снял с головы шлем, чтобы открыть лицо. — Я Корис из Эсткарпа, со мной гвардеец Саймон.

— И еще женщина! — ответ был холоден, и сокол на насесте Фальтера захлопал крыльями и закричал.

— Леди Эсткарпа, которую я обязан благополучно доставить до границы, — поправил Корис таким же холодным и резким голосом. — Мы не просим у вас убежища, но у нас известия, которые должен услышать Повелитель Крыльев.

— Ты можешь идти через горы, гвардеец Эсткарпа. А новости можешь передать мне; до восхода луны я перескажу их Повелителю Крыльев. Но ты говорил о зле здесь и о большем зле, которое последует. Неужели Карстен выслал на нас своих солдат?

— Карстен трижды протрубил в рог всем представителям старой расы, и они бегут, спасая жизнь. Но есть кое-что еще. Саймон, покажи ему поддельного сокола.

Саймону не хотелось этого делать. Лучше бы раньше самому как следует рассмотреть его. Горец осмотрел разбитую птицу, погладил крылья, дотронулся до открытого глаза, оттянул кожу, чтобы взглянуть на металлические детали.

— Он летал? — спросил он наконец, как будто не мог поверить собственным глазам.

— Летал, как ваши птицы, и следил за нами, совсем как ваши вестники и посланцы.

Фальтер ласково провел пальцем по голове собственного сокола, как бы желая увериться, что это живое существо, а не подделка.

— Действительно, большое зло. Вы должны сами говорить с Повелителем Крыльев! — Очевидно, он разрывался между древним обычаем своего народа и необходимостью немедленных действий. — Если бы не эта женщина... леди, — с усилием поправил он себя, — но она не может входить в Орлиное Гнездо.

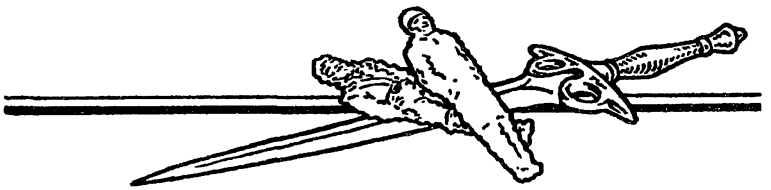
Заговорила волшебница.

— Я останусь с Брайантом, а вы поезжайте в Орлиное Гнездо, капитан. Но говорю вам, птичий человек: близок день,

когда нам придется отбросить многие обычаи, как в Эсткарпе, так и в горах. Лучше жить и сражаться, чем быть связанными цепями предрассудков и умереть! Над нашими землями нависла небывалая угроза. И все люди доброй воли должны быть заодно.

Фальтер не смотрел на нее и не ответил, но отдал салют с видом большой уступки. Затем его сокол с криками взлетел в воздух, а Фальтер заговорил, обращаясь к Корису:

— Лагерь будет устроен в безопасном месте. Поехали!

IV. ГОРМ

1. Прорыв границы

Столб дыма вздымался в воздух, время от времени разрываемый вспышками более горючих материалов. Саймон поднялся в стременах, оглядываясь на разбитое карстенское войско — еще одна победа его небольшого, хорошо обученного и снаряженного отряда. Долго ли им будет везти, никто не мог сказать. Но пока везло, и они нападали, давая возможность спастись темноволосым, со строгими чертами лица людям, которые приходили семьями, отрядами и израненными и истощенными одиночками. Вортгин проделал свою работу хорошо. Древняя раса, вернее, то, что от нее осталось, через открытые фальконерами границы уходила в Эсткарп.

Люди, не обремененные семьями, горящие желанием снова встретиться с силами Карстена, оставались в горах и пополняли отряды Кориса и Саймона. А потом одного Саймона, потому что капитана гвардии отозвали на север, в Эсткарп.

Это была партизанская война, которую так хорошо изучил Саймон в другое время и в другом мире, вдвойне эффективная, потому что его люди знали местность, а солдаты Карстена не знали. Трегарт обнаружил, что эти молчаливые люди, которые ехали теперь за ним, составляли странное единство не только с землей, но и со зверями и птицами. Возможно, звери и не служили им, как тренированные соколы фальконерам, но Саймон видел странные события: стадо оленей затаптывало следы лошадей, вороны выдавали карстенскую засаду.

Теперь перед каждым действием Саймон выслушивал своих сержантов и принимал во внимание их советы.

Древняя раса не была рождена для войны, хотя прекрасно владела оружием. Но для ее представителей это была тяжелая обязанность, которую нужно выполнить побыстрее и забыть. Они убивали с отвращением и не были способны на жестокость. А ведь с захваченными в плен беглецами карстенцы расправлялись очень жестоко.

Однажды, когда Саймон, бледный, силой воли подавляя тошноту, отвел взгляд от такого зрелища, его поразило замечание помощника, молодого человека с печальным лицом:

— Они делают это не по своей воле.

— Я видел такое и раньше, — ответил Саймон, — и все это делалось человеческими существами над людьми.

Собеседник, который оставил все и, спасая жизнь, бежал всего лишь тридцать дней назад, покачал головой.

— Ивьян — солдат, наемник. Война — его профессия. Но убивать таким образом, вызывать к себе жгучую ненависть! И Ивьян — повелитель своей земли; он слишком умен, чтобы уничтожать собственное добро. Он не мог дать приказ совершать такие злодеяния.

— Но мы не впервые видим это. Все это не может быть результатом приказа одного-двух садистов.

— Верно. Поэтому я и думаю, что мы сражаемся с одержимыми.

Одержимые! Саймон подумал о старом значении этого слова в его собственном мире — одержимые злым духом. Что ж, можно понять этого человека после того, что они видели. Одержимые злым духом — в памяти снова всплыло воспоминание о дороге на Салкаркип. Одержимые злым духом — и лишенные собственной души! Снова Колдер?

Отныне, хотя это ему и претило, Саймон вел записи о таких событиях. Впрочем, ему ни разу не удалось застать преступников за работой. Ему хотелось посоветоваться с волшебницей, но она ушла с Брайантом в первой волне беглецов.

Он потребовал от сети партизанских отрядов регулярной информации. И по вечерам, в очередной штаб-квартире, сравнивал, сводил вместе отдельные факты. Очень мало конкретного, но постепенно Саймон все более убеждался, что командиры карстенских отрядов действуют не в своей обычной манере, что в армию герцога проникло чье-то чужое влияние.

Чужаки! Несоответствие технических знаний устройству общества продолжало занимать Саймона. Беглецы, которых он расспрашивал, сказали, что энергетические машины, которые они всегда знали, пришли «из-за моря» несколько веков назад; машины салкарских моряков, заимствованные у них древней расой для освещения и отопления, — «из-за моря», фальконеры сами приплыли «из-за моря» и привезли с собой удивительные коммуникационные приспособления для своих соколов. А колдеры ведь тоже «за морем». Неясный термин. Похоже, источник всего находится там.

Свои сведения он передавал волшебницам в Эсткарп, запрашивая у них, в свою очередь, новостей. Единственное, в чем он был уверен: пока его пополнения приходят из древней расы, ему нечего бояться проникновения чужаков. Помимо способности общаться с землей и ее дикими обитателями, у этих людей была способность узнавать чужаков.

Еще трех поддельных соколов обнаружили в горах. Все были уничтожены при захвате, и Саймон мог рассматривать лишь разбитые обломки. Оставалось загадкой, откуда они прилетели и с какой целью.

Ингвальд, помощник Саймона, еще раз оглянулся на сцену уничтожения, которую они покидали.

— Главный отряд с добычей уже далеко в холмах, капитан. На этот раз мы захватили добычу с определенной целью, а из-за этого огня они даже не будут знать, сколько попало в наши руки! Там четыре ящика стрел и пища.

— Слишком много для легкого отряда. — Саймон нахмурился, мысли его вернулись к повседневным делам. — Похоже, Ивьян собирается устроить главную стоянку где-то поблизости

и здесь базировать свои отряды. Возможно, он собирается двинуть к границам большие силы.

— Я не понимаю этого, — медленно сказал Ингвальд. — Почему все это вдруг выскочило из ничего? Мы не были кровными братьями берегового народа. Они оттеснили нас вглубь, когда приплыли из-за моря. Но десять поколений мы жили с ними в мире, каждый шел своим путем и не мешал другому. Мы не склонны к войне, и нет никаких причин для внезапного нападения на нас. Но когда это началось, то шло так, будто давно готовилось.

— Но, возможно, не Ивьяном. — Саймон заставил свою лошадь идти рядом с лошадью Ингвальда. — Мне нужен пленник, Ингвальд, один из тех, кто забавлялся там, у фермы.

В темных глазах Ингвальда вспыхнула искра.

— Если такого возьмут, капитан, его приведут к вам.

— Живого и способного говорить! — предупредил Саймон.

— Живого и способного говорить, — согласился Ингвальд. — Мы тоже считаем, что у одного из них можно кое-что узнать. Но мы никогда их не находим, только их работу. И, думаю, они оставляют ее сознательно — как предупреждение и угрозу.

— Загадочно. — Саймон размышлял вслух, снова обдумывая занимавшую его проблему. — По-видимому, кто-то считает, что нас можно запугать жестокостью. Этот кто-то не понимает, что такими методами вызывает как раз противоположную реакцию. Или, — добавил он после недолгого молчания, — это делается нарочно, чтобы разъярить нас и направить нашу ярость против Ивьяна и Карстена, поджечь границу, втянуть Эсткарп в войну, а потом ударить в другом месте.

— Возможно, и то и другое, — предположил Ингвальд. — Я знаю, капитан, что вы ищете чье-то присутствие в войсках Карстена, слышал о том, что найдено в Салкаркипе, о продаже людей в Горм. Нам не грозит такая опасность: мы знаем, когда приходит ненастоящий человек, как всегда знали, что вы из другого мира.

Саймон удивленно обернулся и увидел, что собеседник спокойно улыбается.

— Да, пришелец из чужого мира, ваш рассказ стал известен, но уже после того, как мы поняли, что вы не наш. В то же время вы каким-то странным образом сродни нам. Нет, Колдер не может так легко говорить в наших советах. Не может враг жить и среди фальконеров: соколы почуют его присутствие.

— Как это?

— Птица или зверь скорее ощущают присутствие чужого, чем даже те, кто обладает Силой. И те, кто подобен людям из Горма, обратят против себя и птиц, и зверей. Так соколы Орлиного Гнезда служат своим хозяевам вдвойне и обеспечивают безопасность гор.

Но еще до конца дня Саймону довелось узнать, что хваленая безопасность границ не более прочна, чем хрупкое птичье тело. Они осматривали добычу, и Саймон велел отложить в сторону то, то предназначено для Орлиного Гнезда, когда услышал окрик часового и ответ фальконера. Радуясь возможности отправить сокольничим их долю и тем освободить своих людей, Саймон поехал вперед.

Всадник не последовал обычаю. Его птичий шлем был закрыт, как будто он находился среди врагов. И не только это заставило Саймона остановиться. Люди его отряда встревожились, собираясь в круг. Саймон тоже чувствовал зарождающееся подозрение.

Трегарт подъехал к молчаливому всаднику и, не вступая в объяснения, схватил его за оружейный пояс. Он испытал легкое удивление: сокол, сидевший на луке седла, не поднялся при нападении на его хозяина. Саймон захватил фальконера врасплох, и тот не успел даже извлечь оружие. Но он быстро пришел в себя, всем весом навалился на Саймона, увлекая его за собой на землю, где одетые в кольчужные рукавицы руки потянулись к горлу Трегарта.

Это было подобно борьбе со стальной машиной, и через несколько секунд Саймон знал, что пытается совершить невозможное: справиться голыми руками с тем, что находилось под

личиной фальконера, нельзя. Но он был не один: другие руки схватили его противника, прижали к земле, хотя незнакомец яростно отбивался.

Саймон, растирая горло, встал на колени.

— Снимите с него шлем! — Ингвальд занялся ремнями шлема, с трудом распутав их.

Они собрались вокруг прижатого к земле незнакомца, который не переставал отбиваться. У фальконеров были некоторые врожденные черты внешности: рыжеватые волосы и желто-карие глаза, как и у их пернатых слуг. Внешне пленник был настоящим фальконером. Но и Саймон, и все остальные собравшиеся знали, что он не подлинный житель горной страны.

— Крепко свяжите его! — приказал Саймон. — Я думаю, Ингвальд, мы нашли то, что искали. — Он подошел к лошади, которая принесла псевдосокольничего в их лагерь. Шкура животного блестела потом, клочья пены свисали с углов рта: лошадь, должно быть, выдержала изнурительную поездку. Глаза у нее были дикие. Но когда Саймон потянулся к узде, она не сделала попытки бежать, стоя с опущенной головой; крупная дрожь пробежала по всему ее телу.

Сокол оставался спокойным, не взмахивал крыльями, не нацеливался в Саймона клювом. Саймон снял птицу с насеста и в ту же минуту понял, что держит не живое существо.

Держа птицу в руке, он обернулся к своему лейтенанту.

— Ингвальд, отправьте Латора и Карна. — Он назвал двух лучших разведчиков своего отряда. — Пусть едут в Орлиное Гнездо. Мы должны знать, как далеко проникла зараза. Если они увидят, что там все нормально, пусть предупредят. А в доказательство пусть возьмут это. — Он наклонился и подобрал птичий шлем. — Я думаю, это подлинная работа фальконеров. — Он подошел к связанному человеку, на этот раз лежавшему неподвижно, но глядевшему на него с бешеной ненавистью. — Но я не могу поверить, что это один из них.

— А мы не возьмем его с собой? — спросил его Карн. — Или птицу?

— Нет, их нужно пока держать в безопасности.

— Пещера у водопада, капитан. — Это заговорил Уолдик, юноша из дома Ингвальда, ушедший в горы вместе с хозяином. — Один часовой у входа сможет стеречь его, и никто, кроме нас, не будет знать.

— Хорошо. Присмотрите за этим, Ингвальд.

— А вы, капитан?

— Я хочу взглянуть на его след. Возможно, он прибыл из Орлиного Гнезда. Если это так, то чем быстрее мы узнаем, тем лучше.

— Я так не думаю, капитан. Если даже он из Гнезда, то приехал окольным путем. Мы находимся к западу от крепости. А он появился со стороны моря. Санту, — обратился он к одному из тех, кто связывал пленника, — займи пост на этой тропе и пришли к нам Калуфа, который первым окликнул его.

Саймон одел седло на свою лошадь и добавил лишнюю сумку с продуктами. Сверху он положил поддельного сокола. Пока он не мог сказать, было ли это еще одно летающее устройство. Он закончил как раз тогда, когда подбежал Калуф.

— Вы уверены, что он подъехал с запада? — спросил Саймон.

— Поклянусь в этом на Камне Энгиса, если хотите, капитан. Сокольничие не держатся у моря, хотя временами и служат морякам. Я не знал, что они патрулируют морской берег. Но он появился как раз между двумя скалами, откуда дорога ведет к той бухточке, которую мы обнаружили пять дней назад. И двигался он так, будто хорошо знал эту дорогу.

Саймон встревожился. Бухточка — их недавнее открытие — давала надежду на установление лучших связей с севером. Здесь не было рифов и мелей, которые сопровождали всю береговую линию, и Саймон собирался использовать здесь небольшие суда, переправляя на север беглецов и привозя взамен продовольствие и оружие для охраны границ. Если бухточка в руках врага, он должен знать об этом, и немедленно.

Пока он ехал в сопровождении Калуфа и еще нескольких солдат, мозг Саймона работал в двух направлениях. Он отмечал детали местности, которые позже можно будет использовать в

наступательных и оборонительных действиях, но кроме постоянных мыслей о безопасности, пище, убежище, он продолжал думать о другом.

Некогда в тюрьме у него была возможность исследовать самого себя. И он углубился в такие отдаленные области души, которые никогда не открывались свету.

Страх он понимал. Но это было преходящее чувство, которое обычно побуждало его к действию. Некогда он поверил, что за вратами Петрониуса станет свободным человеком. Пока это не так. Ингвальд говорил об одержимых злым духом, но что, если человек не владеет собой?

Саймон как бы раздвоился. Он постоянно следил за собой, как за другим человеком. Чужак — люди чувствовали это в нем. Может, это еще одна странность этого мира, такая же, как машины, не соответствующие образу жизни, как загадка Колдера? Саймон чувствовал, что находится на грани какого-то открытия.

Но вот эти мысли были оставлены, когда Саймон увидел ветвь дерева, изогнутого горной бурей, лишенную листьев. Она черной линией выделялась на фоне неба, а то, что свисало с нее в петлях, было еще черней.

Саймон смотрел на три маленьких тела, раскачивающихся на ветру, на разинутые клювы, блестящие бусинки глаз, на изогнутые когти, на которых по прежнему виднелись алые ленты и серебряные кольца.

Три настоящих сокола со свернутыми шеями.

— Почему? — спросил Калуф.

— Должно быть, предупреждение. — Саймон спешился и передал повод Калуфу. — Подождите здесь. Если я не вернусь вскоре, возвращайтесь к Ингвальду и доложите о происшествии. Не ходите за мной, мы не можем зря терять людей.

Солдаты возражали, но Саймон решительно остановил их. Осмотрев кусты, он увидел следы множества людей, сломанные ветви, вырванную, вытоптанную траву, обрывок какой-то ткани. Он двигался ближе к берегу; стал слышен звук прибоя, доносившийся из бухточки.

Саймон дважды бывал на этой тропе и сейчас пытался мысленно представить себе картину местности. К несчастью, долина, выходившая к бухточке, была лишена всякой растительности. Утесы по обе стороны лысые. Придется все же испробовать один из этих утесов, хотя это трудно. Саймон упрямо двинулся вперед.

Как когда-то из склепа Вольта, пробирался он сейчас ползком, цепляясь за любую опору. Вот он подполз на животе к краю обрыва и заглянул в бухточку.

Он ожидал увидеть многое: голую полоску песка без следа чьего-либо присутствия, отряд Карстена, стоящий на якоре корабль. Но увидел совсем другое. Вначале он решил, что это одна из иллюзий Эсткарпа — то, что он видит, произведено его собственным мозгом, рождено каким-то воспоминанием. Но более пристальный взгляд на изогнутый металлический корпус показал, что хоть он и напоминает что-то знакомое, но все же отличается от всего, что он видел раньше, как поддельный сокол отличается от настоящего.

Очевидно, он смотрел на морской корабль, хотя никаких надстроек или мачт не было видно. Непонятно, что движет этим кораблем. Нос и корма резко заострены, весь корабль по форме напоминал торпеду. На плоской поверхности корпуса виднелось отверстие, рядом с ним стояли три человека. На головах у них были птичьи шлемы, но Саймон был уверен, что это не настоящие фальконеры.

Опять вечная загадка этой цивилизации: ведь корабли салкаров парусные, что характерно для немеханической культуры. Этот корабль как будто явился из будущего его собственного мира! Как могут существовать бок о бок два таких различных уровня цивилизации? И здесь Колдер? Чуждое, чуждое... Саймон чувствовал, что еще немного — и он поймет, догадается...

Он на мгновение утратил бдительность. Только прочный шлем, добытый в Карстене, спас его жизнь. Удар оглушил Саймона. Он вдохнул запах влажных перьев, чего-то еще, полуослепший, пытался встать, но получил еще один удар. На

этот раз он увидел вражеское крыло. Сокол, но подлинный или мнимый? Этот вопрос он унес в сомкнувшуюся вокруг тьму.

2. Проданные на Горм

Тупая боль заполняла голову, сотрясала тело. Вначале Саймон, неохотно возвращавшийся к сознанию, с трудом смог набрать сил, чтобы вынести эту боль. Он понял, что биение не только внутри, но и вне его. То, на чем он лежал, дрожало равномерной ритмичной дрожью. Он заключен в черном сердце тамтама.

Открыв глаза, он не увидел света; попытавшись двинуться, обнаружил, что руки и ноги у него связаны.

Ощущение того, что он закрыт в гробу, стало таким сильным, что Саймон прикусил губу, чтобы не закричать. Он так отчаянно сражался с неизвестным, что лишь спустя какое-то время обнаружил, что он не один.

Справа от него кто-то время от времени слабо стонал. Слева кого-то рвало, и от этого добавлялось зловония в душной атмосфере. Саймон, почувствовав странное спокойствие после этих двух звуков, позвал:

— Кто здесь? И где мы? Кто-нибудь знает?

Стон кончился коротким перерывом дыхания. Но человек слева не мог или не хотел справиться с собой.

— Кто вы? — Слабый шепот донесся справа.

— Я с гор. А вы? Это тюрьма Карстена?

— Лучше бы мы были там, человек с гор. Я бывал в подземельях Карстена. Да и в комнате допросов тоже. Но лучше быть там, чем здесь.

Саймон напряженно вспоминал последние события. Он взобрался на вершину утеса, чтобы заглянуть в бухточку. Там находился странный корабль, потом нападение птицы, которая, вероятно, вовсе не была птицей. Ответ может быть только один — он лежит в том самом корабле, на который смотрел сверху.

— Мы в руках тех, кто скупает людей для Горма? — спросил он.

— Именно так, горный человек. Вас не было с нами, когда дьяволы Ивьяна отдавали нас Колдеру. Значит, вы один из фальконеров, которых захватили позже?

— Фальконеры! Эй, люди крылатых! — Саймон возвысил голос, слыша, как эхо гулко возвращается от невидимых стен. — Сколько вас лежит здесь? Я, один из всадников, спрашиваю вас!

— Нас трое, всадник. Хотя Фальтера бросили сюда без чувств, и мы не знаем, жив ли он.

— Фальтер! Страж южных проходов! Как его захватили — и вас?

— Мы узнали о бухте, куда могут приставать корабли, а вскоре прибыл вестник из Эсткарпа. Он сообщил, что нам могут доставить припасы морем, если есть где высадиться. Поэтому Повелитель Крыльев приказал нам отыскать бухту. Нас сбили соколы. Хотя это не наши соколы. Очнулись мы на берегу, без кольчуг и оружия; нас втащили в корабль, подобного которому нет в мире. Это говорю я, Тандис, который пять лет служил моряком у салкаров. Много портов видел я и столько кораблей, что не пересчитать и за неделю, но такого нигде не было.

— Он рожден колдовством Колдера, — послышался слабый голос справа от Саймона. — Как может человек определить время, если он заключен в бесконечной тьме? Ночь сейчас или день, этот день или тот? Я сидел в тюрьме Карса, потому что дал убежище женщине и ребенку древней расы, когда прозвучал рог. Всех молодых взяли из тюрьмы и привели на остров в дельте. Здесь нас осмотрели.

— Кто осмотрел? — живо спросил Саймон. Неужели наконец кто-то видел загадочных колдеров?

— Не помню. — Голос звучал теперь еле слышно, и Саймон напрягал слух, чтобы уловить смысл. — У них какое-то колдовство, у этих людей из Горма: голова начинает кружиться, и все мысли из нее вылетают. Говорят, они демоны с края мира, и я верю в это.

— А ты, фальконер, видел ли тех, кто захватил тебя?

— Да, но это мало что даст вам, всадник. Нас притащили сюда люди Карстена — оболочка без разума, сильные руки и спины для их хозяев. А хозяева надели нашу одежду, чтобы лучше одурачить наших друзей.

— Мы поймали одного такого, — сказал Саймон. — Нужно быть благодарным и за это, сокольничий: может, хоть часть загадки удастся разгадать. — Только тут Саймон подумал, а не имеют ли эти стены уши, которые слушают разговоры беспомощных пленников. Но, может, в этом случае их похитители почувствуют беспокойство.

Во тьме обнаружилось десять карстенцев — все бывшие заключенные, арестованные за нарушение приказов герцога. К ним добавилось трое фальконеров, захваченных в бухте. Большинство пленников находилось в полубессознательном состоянии. Если они и могли вспомнить предшествующие события, то их воспоминания заканчивались прибытием на остров или появлением в бухте.

Саймон продолжал расспросы, и начало вырисовываться нечто общее во всех нарушителях воли герцога. Все они были предприимчивыми людьми, с определенной военной подготовкой, начиная от фальконеров, которые постоянно жили в казармах и чьим занятием была война, и кончая первым собеседником Саймона, мелким землевладельцем из Карса, который командовал отрядом милиции. Всем им было от двадцати до тридцати лет, и несмотря на грубое обращение в тюрьмах герцога, они были в неплохой физической форме. Двое принадлежали к обедневшему знатному роду и получили некоторое образование. Они были братьями, их захватили солдаты Ивьяна, обвинив в том же преступлении — помощи древней расе.

Никто из пленников не относился к древней расе, и все единодушно утверждали, что по всему герцогству мужчин, женщин и детей древней расы после пленения предают смерти.

Именно один из молодых братьев, выведенный терпеливыми расспросами Саймона из состояния оцепенения, сообщил ему первый важный факт.

— Солдат, который оглушил Корнита — пусть его вечно днем и ночью грызут крысы Пора! — сказал, что Ренстона не нужно уводить. Мы с Ренстоном были побратимами с того момента, как взяли в руки меч, и мы дали ему оружие и пищу, чтобы он смог добраться до границы. Солдаты выследили нас и захватили, хотя трое из них остались бездыханными, с дырами в груди. Когда один из них начал связывать и Ренстона, солдат сказал, что это бесполезно: покупатели людей не берут тех, у кого древняя кровь.

Тот начал убеждать, что Ренстон так же молод и силен, как и мы, и его можно продать. Но солдат герцога заявил, что старую расу можно сломать, но не согнуть, и пронзил Ренстона его собственным мечом.

— Сломать, но не согнуть, — медленно повторил Саймон.

— Древняя раса в родстве с эсткарпцами, — добавил молодой человек. — Эти дьяволы из Горма не могут справиться с нею так же легко, как с другими.

— Но почему Ивьян так обрушился на них? — спросил полушепотом кто-то. — Они нам не мешали. А те, кто подружился с ними, говорят, что они добрые, несмотря на их древние знания и странные обычаи. Неужели Ивьян действует по приказу? И кто отдал этот приказ и зачем? Может ли быть так, мои братья по несчастью, что присутствие древней расы среди нас мешало проникновению Горма, ставило преграду на пути зла?

Умно и близко к собственным мыслям Саймона. Трегарт продолжал бы свои расспросы, если бы сквозь стоны и нечленораздельные жалобы тех, кто все еще не пришел в себя, не услышал шипение, странно знакомое. Душная атмосфера скрывала новую опасность, а когда Саймон ее обнаружил, было уже слишком поздно: в помещение подали какой-то газ.

Люди давились и кашляли, пытались вдохнуть поглубже и затихали. Только одна мысль держалась в голове Саймона: враг не пошел бы на все эти сложности, если бы хотел только убить их. Поэтому Саймон один среди всех не сопротивлялся газу, он медленно вдыхал, вспоминая кресло дантиста в своем мире.

... бормотание... бормотание... бормотание... Слова, которые не были словами, только путаницей звуков... Они произносились высоким голосом и содержали в себе непреодолимый приказ. Саймон не шевелился. Возвращалось сознание окружающего, но врожденный инстинкт самосохранения удерживал его в неподвижности.

... бормотание... бормотание... бормотание...

Боль в голове стала тупой. Саймон был уверен, что он больше не на корабле; то, на чем он лежит, не дрожит, не движется. Он раздет, а в помещении холодно.

Тот, что говорил, уже отошел; бормотание осталось без ответа. Но Саймон продолжал лежать неподвижно.

Он дважды досчитал до ста, не услышав за это время ни звука. Потом приоткрыл глаза и тут же закрыл их от яркого света. Мало-помалу поле его зрения, хотя и ограниченное, прояснялось. То, что он увидел, было так же непонятно, как и первый взгляд на странный корабль.

Он был мало знаком с лабораториями, но, несомненно, ряды пробирок, бутылочек и мензурок на полках прямо перед ним можно было встретить только в лаборатории.

Один ли он? И с какой целью его принесли сюда? Дюйм за дюймом Саймон изучал то, что мог рассмотреть. Он явно лежал не на уровне пола. Поверхность под ним была твердой — он на столе?

Он начал медленно поворачивать голову, убежденный, что необходима осторожность. Теперь ему стала видна стена, голая, серая, с линией по краю поля зрения. Эта линия могла обозначать дверь.

Это одна сторона комнаты. Теперь другая. Саймон снова повернул голову и обнаружил новые чудеса. Еще пять тел, обнаженных, как он сам, лежали на столах. Все пятеро были либо мертвы, либо без сознания; он был склонен считать, что верно второе.

Однако был здесь и еще кто-то. Высокая худая фигура стояла лицом к Саймону, наклонившись над первым телом в ряду. Серое одеяние, стянутое на талии поясом, покрывало все

туловище стоящего, а шапка из такого же серого материала скрывала голову. Саймон не мог получить никакого представления о расе или типе человека, занятого какой-то работой.

Передвижной столик со множеством бутылочек и изогнутых трубок был придвинут к первому телу. Иглы от этих трубок были введены в вены, круглая металлическая шапка одета на голову. Саймон с острым приступом страха почувствовал, что видит смерть человека. Не смерть тела, но такая смерть, которая превращает тело в существо, подобное тем, что он видел по дороге в Салкаркип.

И его ждет такая же судьба! Он медленно шевельнул руками и ногами, проверяя их послушность. Ему повезло, что он последний в ряду. Теперь он полностью владел своими мышцами.

Серая фигура кончила работу над первым человеком. Новый передвижной столик придвинули ко второму. Саймон сел. Несколько мгновений голова его кружилась, и он ухватился за край стола, на котором лежал, радуясь, что стол не скрипнул и не сдвинулся.

Операция на другом конце комнаты выполнялась сложная и полностью поглощала внимание работника. Саймон спустил ноги на пол и перевел дыхание лишь тогда, когда прочно встал на гладкое холодное покрытие пола.

Он взглянул на своего соседа, надеясь, что тот тоже приходит в себя. Но юноша — это был еще совсем молодой человек — лежал неподвижно с закрытыми глазами, грудь его поднималась и опускалась с необычно долгими интервалами.

Саймон сделал шаг от стола к полкам. Только там сможет он найти оружие. Побег отсюда, если, конечно, дверь не заперта, слишком рискован, пока он больше не узнает об окружении. И он не мог оставить пятерых на смерть — на то, что хуже смерти.

Он выбрал оружие — бутылку, наполненную какой-то желтоватой жидкостью. Она казалась стеклянной, но была слишком тяжела для этого. Только горлышко позволяло удобно ухватиться, и Саймон легко двинулся вокруг столов туда, где работал лаборант.

Ноги его передвигались бесшумно, он подошел сзади к ничего не подозревающему работнику. Бутылка взлетела, Саймон вложил в удар всю силу своего гнева.

Серая фигура беззвучно упала, потащив за собой проволочную металлическую шапку, которую собиралась одеть на очередную жертву. Саймон ухватил упавшего за горло, но тут же увидел разбитый затылок, покрытый темной кровью. Он приподнял тело и втащил его в проход между столами, заглядывая в лицо тому, кто, несомненно, был колдером.

То, что он рисовал в своем воображении, было гораздо поразительней, чем на самом деле. Перед ним был человек, по крайней мере внешне подобный тысячам других людей. У него оказались мелкие черты лица, широкие щеки, очень маленький узкий подбородок, соответствовавший верхней половине лица. Но это был не демон по внешности, что бы ни скрывалось в его черепе.

Саймон нашел крепления серого одеяния и расцепил их. Хотя ему не хотелось дотрагиваться до разбитой головы, он снял и капюшон. В другой половине комнаты была раковина и кран с водой, Саймон отмыл здесь капюшон от крови. Под серой одеждой на человеке была плотно прилегающая одежда без пряжек и пуговиц; Саймон не смог ее снять, и ему пришлось удовлетвориться только верхним платьем.

Он ничего не смог сделать для двух человек, которых лаборант уже присоединил к трубкам, потому что не понимал устройство сложных приборов. По очереди подходил он к каждому из трех оставшихся, пытаясь поднять их, но вскоре обнаружил, что это тоже невозможно. Они производили впечатление наркоманов в трансе, и он еще меньше понимал, как ему удалось избежать участи остальных пленников на корабле.

Разочарованный, Саймон направился к двери. Он не обнаружил ни щеколды, ни ручки, но вскоре догадался, что дверь сдвигается вправо. И вот он уже выглядывает в коридор, стены, пол и потолок которого окрашены в те же серые тона, что и лаборатория. Насколько Саймон мог видеть, коридор был пуст,

хотя в него выходили и другие двери. Саймон двинулся к ближайшей из них.

Осторожно приоткрыв ее, он увидел людей, привезенных колдерами на Горм, если это, конечно, был Горм. Больше двадцати человек, еще одетые, лежали рядами. Саймон торопливо осмотрел их, но ни один не проявил признаков сознания. Может, те, в лаборатории, еще придут в себя. Надеясь на это, он вытащил троих из лаборатории и присоединил к товарищам.

В последний раз навестив лабораторию, Саймон нашел несколько хирургических ножей и взял себе самый длинный из них. Он срезал одежду с тела убитого им человека и положил его на один из столов так, чтобы разбитая голова не была видна от входа.

Заткнув за пояс украденной одежды нож, Саймон неохотно надел влажную шапку-капюшон. Несомненно, вокруг него в различных бутылках и тюбиках находились сотни смертоносных ядов, но он не мог отличить одно от другого. Придется полагаться на кулаки и нож.

Саймон вышел в коридор, закрыв за собой дверь. Долго ли не будут искать убитого им работника?

Две выходящие в коридор двери не подались под его нажатием. Но там, где коридор кончался, он нашел третью, слегка приоткрытую, и оказался в помещении, которое могло быть только жилым.

Мебель строгая, функциональная, но стулья и кровать оказались удобнее, чем выглядели. Его внимание привлек предмет, похожий на стол. Мозг Саймона отказывался связывать место, где он стоял, с миром Эсткарпа, Орлиного Гнезда, Карса. То было прошлым, это — будущим.

Саймон не мог открыть ящики стола, хотя в каждом имелось отверстие, куда можно было поместить палец.

В стенах тоже виднелись ящики с такими же отверстиями. И тоже закрытые. Упрямо сжав зубы, Саймон приготовился воспользоваться ножом, как рычагом.

Но тут же повернулся спиной к стене, глядя в пустую комнату со скудной меблировкой. Он услышал голос, произнося-

щий слова на незнакомом языке. Голос исходил как будто прямо из воздуха. Судя по интонации, это был вопрос, на который немедленно следовало дать ответ.

3. Серый храм

Находится ли он под наблюдением? Или просто слушает какое-то оповещение по общественной коммуникационной системе? Убедившись, что он один в комнате, Саймон начал внимательно вслушиваться в слова, значения которых не понимал и должен был ориентироваться только на интонацию. Звуки повторились, Саймон смог разобрать некоторые из них. Означает ли повторение, что его увидели?

Скоро ли невидимый говорящий начнет расследование? Немедленно, если не получит ответа? Ясно, что это предупреждение, но от чего? Саймон вернулся в коридор.

Поскольку этот конец коридора кончался тупиком, нужно исследовать противоположный, проверив другие двери. Но в них он нашел непроходимую серую поверхность. Вспоминая галлюцинации Эсткарпа, Саймон провел руками по гладкой поверхности, но не обнаружил никаких отверстий. Его убеждение в том, что колдеры представляют собой совсем другой народ, чем волшебницы Эсткарпа, и опираются скорее на знания, чем на колдовство, укрепилось.

Людям Эсткарпа большинство технических знаний его собственного мира показались бы волшебством. И, может, именно Саймон, единственный из всех гвардейцев, способен был хоть частично понять колдеров, использующих машины и науку, чего не может сделать ни одна волшебница.

Саймон продолжал идти по коридору, проводя рукой по ровной поверхности стены в поисках выхода. Может, выход находится в одной из комнат? Его везение, несомненно, скоро кончится.

Снова из воздуха над головой послышались слова на незнакомом языке; в них звучала настойчивость, которую нельзя

было игнорировать. Саймон, почувствовав опасность, замер на месте, ожидая, что в следующее мгновение окажется в какой-то скрытой ловушке. В тот же момент он обнаружил выход: дальше по коридору часть стены скользнула в сторону, открыв освещенное пространство. Саймон вытащил из-за пояса нож и приготовился к отражению нападения.

Тишина снова была нарушена бестелесным голосом. Саймон решил, что, по-видимому, его подлинная сущность еще не раскрыта хозяевами этого места. Возможно, если они и видели его, то одеяние и капюшон сделали его одним из них, только со странным поведением. Поэтому ему и приказывают что-то сделать.

Решив действовать соответственно этому предположению, Саймон с большей уверенностью направился к выходу. Однако чуть не впал в панику, когда дверь закрылась за ним и он оказался в тесном прямоугольном помещении. Только когда его прижало к одной из стен и он почувствовал дрожание пола, то догадался, что это лифт. Открытие странно подбодрило его. Все больше и больше крепло его убеждение, что колдеры представляют цивилизацию, близкую к его собственной. Было гораздо спокойнее подниматься или опускаться навстречу врагу в лифте, а не стоять, например, в заполненной туманом комнате и следить, как друг превращается в отвратительного незнакомца.

Но, несмотря на смутное чувство знакомства со всем окружающим, Саймон не мог избавиться от ощущения внутреннего холода. Он мог воспринимать изготовленное колдерами как нечто нормальное, однако вся атмосфера этого места говорила о чуждости. Но и об угрозе; каким-то странным образом это место противостояло ему и всему, что ему близко. Все это не чуждое, решил он, а нечеловеческое, в то время как волшебницы Эсткарпа все же люди.

Гудение в стене прекратилось. Саймон не знал, в какой стороне откроется дверь. Его уверенность в том, что дверь откроется, оправдалась.

На этот раз снаружи послышались звуки, смутное гудение, отдаленные голоса. Саймон осторожно вышел и оказался в не-

большом алькове, отделенном от основного помещения. Смутное узнавание вновь победило в нем ощущение чуждости. Обширная площадь одной из стен была занята картой. Извилистая, изрезанная береговая линия, горные районы, которые он так недавно видел. Тут и там на карте виднелись разноцветные огоньки. Расположенные на берегу в районе исчезнувшей крепости салкаров и в заливе, где лежал Горм, горели тусклым фиолетовым светом; те, что находились на равнинах Эсткарпа, были желтыми, в Карстене — зелеными, в Ализоне — красными.

Вдоль карты располагался стол, на котором через равные интервалы стояли машины и время от времени издавали треск или вспыхивали сигнальными огнями. Перед этими машинами, углубившись в наблюдение за ними, спиной к Саймону, сидели такие же люди в серых одеяниях и капюшонах, как и тот, в лаборатории.

Немного в стороне стоял второй стол, за которым находилось еще трое колдеров. Средний из них был одет в металлическую шапку, от которой путаница проводов шла к поверхности стола. Лицо его было лишено выражения, глаза закрыты. Однако он не спал, потому что время от времени пальцы его двигались, нажимая кнопки, переключая рычажки. С каждой секундой у Саймона крепло убеждение, что он находится в центральном пункте управления.

Слова, обращенные к нему, на этот раз прозвучали не из воздуха; их произнес человек рядом с центральной фигурой в шапке. Он смотрел на Саймона, на его плоском лице отразилось вначале нетерпение, а потом растущее убеждение, что Саймон не принадлежит к их числу.

Саймон прыгнул. Он не надеялся добраться до второго стола, но один из сидевших у машин оказался в пределах досягаемости. И Трегарт нанес ребром ладони удар, который мог переломить кость. Держа обвисшее тело как щит, Саймон попятился к стене, надеясь пробиться к выходу.

К его изумлению, человек, первым заметивший его появление, не сделал и попытки физически помешать ему. Он только медленно и четко повторил на языке континентальных жителей:

— Возвратись в свое помещение. Доложи контролеру своего помещения.

Саймон продолжал пятиться к выходу. Один из соседей его жертвы повернул изумленное лицо к Трегарту, затем с тем же удивлением взглянул на офицера у стола. Ясно, что он ожидал немедленного и беспрекословного подчинения со стороны Саймона.

— Возвратись в свое помещение! Немедленно!

Саймон рассмеялся. Результат был удивителен. Все колдеры, за исключением человека в шапке, который ничего не замечал, вскочили на ноги. Те, что стояли у длинного стола, смотрели на троих в центре, как бы ожидая приказа. И Саймон подумал, что если бы он закричал в агонии, они не удивились бы — его реакция на приказ поставила их в тупик.

Человек, отдавший приказ, положил руку на плечо своего товарища в шапке. Жест его выражал тревогу. Сидящий открыл глаза и нетерпеливо оглянулся. Он посмотрел на Саймона как на привидение.

То, что последовало, было не физическим нападением, а каким-то невидимым ударом. Этот удар прижал Саймона к стене, лишив дыхания.

Тело, которое он использовал как защиту, выскользнуло из его отяжелевших рук, даже дыхание стало непосильной работой. Если он останется стоять под этим невыносимым давлением, он погибнет. Знакомство с магией Эсткарпа обострило его разум. Он решил, что то, что удерживает его, рождено не телом, а мозгом, и ему можно сопротивляться только силой разума.

Он был недостаточно знаком с волшебством Эсткарпа и не мог его использовать. Но у него была могучая воля, и он всю ее сосредоточил, заставляя себя поднять руку.

Рука, прижатая невидимой тяжестью к стене, двинулась. Напрягая мышцы и волю, Саймон заставил себя двигаться к выходу. Неужели тень удивления показалась на широком лице под шапкой?

То, что сделал Саймон дальше, не было сознательным решением. И не его воля заставила Саймона передвинуть руку в

область сердца и начертить в воздухе знак между собой и фигурой в шапке.

В третий раз он видел этот знак. В предыдущие два раза его чертила рука волшебницы, и знак горел лишь короткое время.

Теперь он вспыхнул снова, но ослепительно белым светом. И в тот же момент Саймон получил возможность двигаться! Давление ослабло. Трегарт побежал к двери, надеясь скрыться от наблюдения.

Но сделать это ему не удалось. Навстречу показались вооруженные люди. Ошибиться в выражении их глаз было невозможно: это рабы Колдера, и только убив их, он сможет прорваться.

Они приближались молча, и само их молчание таило смертельную угрозу. Саймон быстро принял решение и двинулся им навстречу. Прыгнув вправо, он схватил ближайшего к стене человека за голень и бросил его на пол.

Гладкая поверхность пола оказала ему неожиданную помощь. Толчок заставил Саймона вместе со сбитым с ног человеком прокатиться по полу. Саймон ударил вверх ножом и почувствовал, как чье-то лезвие задело его кожу рядом с ребрами. Один из солдат упал, и Саймон выхватил у него из-за пояса самострел.

Он успел вовремя выстрелить, и удар меча, нацеленный в него, пришелся в раненого солдата. Это дало Саймону драгоценную секунду, чтобы справиться с третьим и последним противником.

Присоединив к своему вооружению еще два самострела, Саймон двинулся дальше. К счастью, коридор кончался не закрытой дверью, а каменной лестницей. Лестница спускалась вдоль каменной стены, камень стены и лестница составляли полную противоположность гладкой серой поверхности коридоров и комнат, через которые он прошел раньше.

Наверху лестницы он оказался в проходе, точно таком же, как и в крепости Эсткарпа. По-видимому, хотя начинка этого странного места принадлежала будущему, внешняя оболочка его была местной.

Саймон дважды укрывался, приготовив самострел, когда мимо проходили отряды измененных колдерами солдат. Он не мог решить, объявили ли общую тревогу или солдаты совершали обычный обход: они шли безостановочно и не заглядывали в углы.

В коридорах, с их искусственным освещением, утрачивалось ощущение времени. Саймон не знал, день сейчас или ночь, не знал, долго ли он находится в крепости колдеров. Но он остро ощущал опасность и жажду, холод, донимавший его под легкой верхней одеждой, боль в голых ногах — ведь он всегда ходил в обуви.

Если бы иметь хотя бы некоторое представление о плане того лабиринта, из которого он должен спастись. Где он? В том мифическом городе Айле, который колдеры основали на берегу? Или в какой-то тайной базе захватчиков? В том, что это важная база, он был уверен.

Желание найти убежище получше, а также отыскать еду и одежду, заставило его внимательнее осмотреть помещение верхнего уровня. Здесь не было такой мебели, которую он видел внизу. Резные деревянные сундуки, стулья, столы — все было местным. В некоторых помещениях видны были следы торопливых поисков или бегства; теперь все это было покрыто слоем пыли, как будто комнатами давно уже никто не пользовался.

В одной из темных комнат Саймон нашел подходящую одежду. Не хватало кольчуги, да и оружием служили лишь самострелы, отобранные у солдат внизу. Но больше всего ему нужна была еда, и он начал подумывать о возвращении на опасные нижние уровни.

Обдумывая необходимость спуска, Саймон продолжал осматривать все ответвления и лестницы, попадавшиеся ему на пути. Все окна в помещениях были наглухо забиты, так что лишь искусственный свет позволял видеть окружающее. Чем дальше он отходил от помещения колдеров, тем более тусклым становился этот свет.

Наконец, показался узкий лестничный пролет, которым, по-видимому, часто пользовались. Саймон подготовил само-

стрел, поднимаясь к двери вверху. Она легко подалась, и он увидел плоскую крышу. Над частью крыши был натянут тент, под ним стояли странные предметы, которые не удивили Саймона после всего виденного внизу. Несомненно, летательные аппараты. Крылья отогнуты назад, тупые носы задраны. Каждый может нести пилота и не более двух пассажиров. Решена загадка того, как враг оказался в Салкаркипе.

Если не будет другой возможности, придется воспользоваться этими машинами для бегства. Но бегства откуда? Продолжая осматривать импровизированный ангар на случай, если здесь есть охрана, Саймон подошел к ближайшему краю крыши, надеясь понять, где он находится.

На мгновение ему показалось, что он в восстановленном Салкаркипе. Под ним расстилалась гавань со стоящими на якоре кораблями, с рядами домов вдоль шедших к морю улиц. Но план города был иным, чем в крепости торговцев. Город больше; на том месте, где в Салкаркипе находились склады, здесь продолжались улицы. Судя по положению солнца, сейчас полдень, но на улицах не видно признаков жизни, дома кажутся необитаемыми. Но не видно и тех признаков разрушения, которые сопровождают вторжение природы в брошенный людьми город.

Поскольку архитектура, с небольшими отклонениями, напоминала эсткарпскую и карстенскую, это не мог быть построенный колдерами Айль. Значит, он на Горме — в Сиппаре — центре язвы, куда не могли проникнуть лазутчики Эсткарпа!

Если город действительно безжизнен, как кажется, нетрудно будет добраться до гавани и поискать средства для того, чтобы доплыть до континента. Но если доступ сюда закрыт, стоит получше осмотреться.

Крыша, на которой он стоял, принадлежала самому высокому зданию в городе; вероятно, это был древний замок, в котором правила семья Кориса. Если бы капитан был сейчас с ним, насколько упростилась бы задача! Саймон обошел крышу и обнаружил, что к ней не примыкают крыши других зданий, с каждой стороны здание выходило на улицу.

Саймон неохотно направился к навесу, под которым стояли летательные аппараты. Глупо доверяться машине, если не знаешь, как ею управлять. Но почему бы не осмотреть их? Саймон становился все храбрее, видя, что его так долго не могут обнаружить, но все же действовал осторожно. Он закрыл дверь, ведущую на крышу, и заклинил ее ножом.

Потом он вернулся к ближнему летательному аппарату. Повинуясь его толчкам, легкий летательный аппарат выдвинулся на открытое место. Саймон поднял капот на носу и осмотрел мотор. Он не походил на те, что Саймон видел раньше, а Саймон не был ни инженером, ни механиком. Но он достаточно видел, чтобы поверить: эта штука может летать, если он сумеет управлять ею.

Прежде чем продолжить изучение машины, Трегарт рукоятью самострела разбил моторы остальных. Если ему придется довериться воздуху, он не хотел становиться участником воздушного боя.

Когда он поднял импровизированный молоток для последнего удара, враг начал нападение. Но не стук в запертую дверь, не топот ног солдат. Снова молчаливый удар невидимой силы. На этот раз его не прижало к стене, а тащило назад, к источнику этой силы. Саймон ухватился за летательный аппарат. Но вместе с ним его продолжало тащить, он не мог остановиться.

И тащило его не к двери! С приступом паники Саймон осознал, что его ждет не сомнительное будущее на нижних уровнях, а быстрая смерть после падения с крыши.

Он напрягал всю силу воли, делая шаг, затем замирал, но продолжал внутреннюю борьбу. Снова попытался начертить в воздухе знак, который так помог ему раньше. Но на этот раз он не почувствовал облегчения, может быть, потому, что не видел перед собой врага.

Он мог замедлить продвижение, выиграть секунды, минуты, но неизбежный конец приближался. Попытка двинуться к двери не удалась: он надеялся на то, что невидимые враги примут это за желание сдаться. Но теперь Саймон знал, что они хотят только его смерти. Решение придется принимать немедленно.

Оставался летательный аппарат, который он собирался использовать в крайнем случае. Теперь другого выхода не оставалось. Летательный аппарат находился между ним и краем крыши, куда его толкала невидимая сила.

Шанс ничтожный, но других нет. Уступая давлению, Саймон сделал два быстрых шага. Силы его подходили к концу. Третий шаг, рука его легла на люк в помещение для пилота. Напрягая все силы в этой сверхъестественной схватке, он протиснулся внутрь.

Толчок отбросил его к дальней стене кабины. Саймон осмотрелся в поисках приборного щита. В конце узкой прорези виднелся рычаг. Это был единственный подвижный предмет. Мысленно обратившись к Силе Эскарпа, Саймон поднял отяжелевшую руку и потянул за рычаг.

4. Город мертвецов

Он по-детски ожидал, что взлетит вверх, но машина побежала вперед, набирая скорость. Нос ее ударился о парапет с силой, достаточной, чтобы перевернуть весь летательный аппарат. Саймон понял, что падает, не свободно, как рассчитывали его мучители, а в кабине летательного аппарата.

Потом пришло мгновенное осознание, что он падает не прямо, а под углом. Он в отчаянии ухватился за рычаг и снова потянул его.

Последовал удар, а затем — тьма.

Красная искорка, как уголек, смотрела на него из тьмы. К ней присоединился слабый повторяющийся звук — тиканье часов, капанье воды? И еще был запах. Именно запах заставил Саймона очнуться. Сладковатый запах разложения и смерти.

Саймон обнаружил, что сидит среди обломков крушения. Невидимая сила, прижимавшая его к месту, исчезла; он снова мог свободно двигаться — и думать.

Если не считать нескольких синяков, он благополучно перенес крушение. Машина смягчила удар при падении. А этот красный огонек горел на приборной панели. Капанье рядом.

Запах тоже. Саймон пошевелился на сидении и потянулся. Послышался скрип металла о металл, и большая часть кабины отвалилась. Саймон с трудом выполз. Наверху была крыша, в ней дыра, из которой торчали обломки досок. Пока он смотрел вверх, еще один кусок крыши обломился и упал чуть ли не на разбитую машину. Должно быть, летательный аппарат упал на крышу одного из соседних зданий и пробил ее. Приходилось только удивляться, как ему удалось при таком ударе остаться живым, с целыми руками и ногами.

Вероятно, он некоторое время лежал без сознания, потому что небо по-вечернему побледнело. Голод и жажда превратились в устойчивую боль. Он должен отыскать пищу и воду.

Почему враги до сих пор не нашли его? Несомненно, место его падения хорошо видно с высокой крыши. Разве только они не знают, что он пытался бежать на летательном аппарата... если они следили за ним каким-то особым путем, в уме. Тогда они знают только, что он упал за парапет, затем потерял сознание — может, они сочли это смертью. Если это так, тогда он действительно свободен и все еще находится в Сиппаре!

Прежде всего отыскать еду и воду, затем определиться, где он находится и в какой стороне порт.

Саймон обнаружил дверь, выходящую на лестницу. Он надеялся, что эта лестница выведет его на улицу. Воздух был затхлый, пропитанный запахом разложения. Саймон теперь точно знал, что это такое, и поэтому заколебался: запах исходил снизу.

Но вниз ведет единственный выход, поэтому придется спускаться. Окна не были закрыты, и свет их падал на каждую лестничную площадку. Здесь были и двери, но Саймон не открывал их: ему казалось, что за ними тошнотворный запах сильнее.

Еще один пролет вниз и выход в зал, который оканчивался широким порталом. Саймон надеялся, что дальше выход на улицу. Здесь он решил осмотреться и нашел сухари, составлявшие главный военный рацион в Эсткарпе, а также горшок с сухими фруктами, пригодными для еды. Сгнившие остатки другой пищи свидетельствовали, что здесь уже давно никто не

рылся. Из крана в водосток капала вода, и Саймон напился, а потом проглотил сухарь.

Несмотря на голод, есть было трудно из-за ужасного запаха. Хотя он побывал только в одном здании, кроме центрального, Саймон чувствовал, что его ужасное предположение оправдывается: кроме центрального здания с горстью обитателей, Сиппар был городом мертвецов. Колдеры безжалостно уничтожили тех, кто был им бесполезен. И не только убили, но и оставили лежать непогребенными в собственных домах. Как предупреждение против восстания немногих выживших? Или просто потому, что им было все равно? Похоже, что последнее более вероятно, и странное чувство родства, которое Саймон испытывал к плосколицым захватчикам, умерло навсегда.

Саймон захватил с собой все сухари, какие мог отыскать, и бутылку, наполненную водой. Любопытно: дверь, ведущая на улицу, была заперта изнутри. Неужели те, кто жил здесь когда-то, закрылись и совершили массовое самоубийство? Или здесь использовали для убийства ту же силу, которая стащила его с крыши?

Улица была такой же пустой, как он и видел сверху. Но Саймон держался ближе к одной стороне, внимательно следя за всеми дверьми и выходами из переулков. Все двери были закрыты; ничего не шевельнулось на его пути к гавани.

Он считал, что если попытаться открыть одну из этих дверей, она не поддастся: закрыта изнутри, а внутри — только мертвецы. Погибли ли они вскоре после того, как Горм приветствовал приглашенных Орной и ее сыном колдеров? Или смерть пришла позже, в те годы, когда Корис находился в Эсткарпе, а остров был отрезан от человечества? Сейчас это представляло интерес только для историка. Сиппар превратился в город мертвецов — мертвецов телом, а тех, кто остался в башне, — мертвецов духом. И лишь колдеры претендовали на жизнь.

На ходу Саймон запоминал дома и улицы. Он был уверен, что Горм можно освободить, лишь уничтожив центральную башню. Но ему показалось, что колдеры допустили ошибку, оставив вокруг своего логова эти пустые здания. Разве только у

них есть скрытые защитные средства и сигналы оповещения в стенах этих домов. Тогда это, возможно, ловушка для вероятного десанта.

Саймон вспомнил рассказы Кориса об эсткарпских разведчиках, которых несколько лет посылали на остров. И тот факт, что сам капитан не способен был вернуться из-за какого-то загадочного барьера. По опыту Саймон теперь знал, что только он сумел освободиться, вначале из центра управления, а потом при помощи летательного аппарата. Тот факт, что колдеры и не пытались преследовать его, свидетельствовал, что они не сомневаются в своих средствах.

Однако трудно было думать, что никто не живет в этом мертвом городе. Поэтому Саймон прятался, пока не добрался до гавани. Здесь стояли корабли, разбитые бурями, некоторые наполовину выброшенные на берег, их оснастка превратилась в гниющий клубок, борта пробиты, некоторые затонули, так что над водой виднелась лишь верхняя палуба. Ни один из этих кораблей не плавал уже месяцы, годы.

Между Саймоном и материком лежал широкий залив. Если он находится в Сиппаре — а у него не было оснований сомневаться в этом, — то смотрит на длинный полуостров, похожий на палец. В основании этого пальца колдеры построили загадочный Айль, а потом ему служил Салкаркип. После гибели крепости торговцев колдеры, весьма вероятно, контролируют весь залив.

Если бы удалось найти пригодный для плавания небольшой корабль, Саймон пустился бы в долгий путь на восток, вниз по бутылкообразному заливу до устья реки Эс и до Эсткарпа. И Саймона подгоняла мысль, что время не на его стороне.

Он нашел лодку, маленькую скорлупку, сохранившуюся в доке. Хотя Саймон не был моряком, он проверил, насколько пригодна лодка для плавания, и ждал до полной темноты, прежде чем взялся за весла. Стиснув зубы — очень болели ободранные руки — Саймон греб мимо гнилых остовов гормского флота.

Уже удалившись на достаточное расстояние и думая, не пора ли ставить мачту, он встретился с защитой колдеров. Он

не видел и не слышал ничего, когда падал на дно лодки, прижав руки к ушам, закрыв глаза, спасаясь от неслышимых звуков, от невидимого света, которые били из самого его мозга. Он думал, что достаточно знает технику колдеров, но это проникновение в мозг оказалось хуже всего.

Прошли ли минуты, или месяцы, или годы? Оцепеневший, оглушенный, Саймон не мог сказать этого. Он лежал в лодке, которая покачивалась на волнах, подгоняемая ветром. За ним лежал Горм, мертвый и темный при свете луны.

Перед рассветом Саймона подобрала береговая патрульная лодка в устье Эса; к тому времени он уже немного оправился, хотя и чувствовал себя совершенно разбитым. На перекладных он добрался до Эсткарпа.

В крепости, в той самой комнате, где впервые встретился с Властительницей, он рассказал о своих приключениях и встречах с колдерами Совету высших офицеров Эсткарпа и нескольким женщинам с непроницаемыми лицами. Говоря, он все время отыскивал одну среди присутствующих и не мог отыскать.

Во время рассказа о мертвом городе Корис сидел с каменным лицом, крепко стиснув зубы. Когда Саймон кончил, ему задали несколько вопросов. Затем Властительница подозвала к себе одну из женщин.

— А теперь, Саймон Трегарт, возьмите ее руки и думайте о том человеке в шапке, мысленно вспоминайте все детали его одежды и лица, — приказала она.

Саймон повиновался, хотя и не понимал, зачем это нужно. Он держал в своих руках холодные и сухие руки женщины и мысленно рисовал серое одеяние, странное лицо, в котором нижняя половина не соответствовала верхней, металлическую шапку и выражение властности, а затем замешательства, когда Саймон не подчинился приказу. Женские руки выскользнули из его рук, и Властительница снова заговорила:

— Ты видела, сестра? Сможешь сделать?

— Видела, — ответила женщина. — И смогу воспроизвести то, что видела. Он человек с сильной волей, и изображение было ясное. Хотя лучше, если бы лилась кровь.

Саймону ничего не объяснили и не дали времени на расспросы. Совет кончился, и Корис тут же увел его в казармы. Оказавшись в той же комнате, в которой он сидел перед походом в Салкаркип, Саймон спросил у капитана:

— Где леди? — Его раздражало то, что он не мог назвать ее имени. Но Корис понял его.

— Проверяет посты на границе.

— Она в безопасности?

Корис пожал плечами.

— Кто сейчас в безопасности, Саймон? Но будь уверен: женщины Силы не рискуют без необходимости. — Он отошел к западному окну, отвернулся. — Итак, Горм мертв. — Слова его звучали тяжело.

Саймон снял сапоги и растянулся на постели. Он устал до мозга костей.

— Я рассказал то, что видел, и только то, что видел. Жизнь есть в центральной крепости Сиппара. Больше я нигде ее не видел, но я ведь и не искал.

— Жизнь? Какая жизнь?

— Спроси у колдеров, а может, у волшебниц, — сонно ответил Саймон. — Может, они по-другому представляют себе жизнь.

Саймон смутно сознавал, что капитан отошел от окна; его широкие плечи закрыли дневной свет.

— Я думаю, Саймон Трегарт, что ты тоже другой. — Слова его по-прежнему звучали тяжело. — И, видя Горм, какой ты счел его жизнь — или смерть?

— Отвратительной, — пробормотал Саймон. — Но об этом можно будет судить в свое время. — И тут же уснул.

Он спал, просыпался, чтобы поесть, и снова спал. Никто не тревожил его, и он не обращал внимания на то, что происходит в крепости Эсткарпа. Так животное лежит в своей норе, накапливая жир для зимней спячки. Но вот однажды он проснулся,

оживленный, свежий, чувствуя во всем теле бодрость, какой не ощущал уже давно — с самого Берлина. Берлин — что это? Где Берлин? Воспоминания о далеком прошлом странно перемешивались с недавними.

И больше всего его преследовало воспоминание об уединенной комнате домика в Карсе, где гобелены закрывали стены, а женщина с вопросительным выражением на лице смотрела на него, и ее рука чертила в воздухе сверкающий знак. И другой момент, когда она стояла, опустошенная, истратив свой дар на магию для Алдис.

И вот, лежа и размышляя, чувствуя, что вся боль и усталость ушли из тела, Саймон поднял правую руку и положил ее на сердце. Но не почувствовал теплоты собственного тела.

Вскоре потребовалось его участие. Во время его сна Эсткарп собрал все свои силы. Маяки на холмах призвали вестников из гор, с Орлиного Гнезда, от всех, кто хочет противостоять Горму и той судьбе, которую он нес. Полдюжины салкарских кораблей, теперь бездомных, причалили в бухтах фальконеров, семьи экипажей остались в безопасности, а корабли вооружились и были готовы к действиям. Все согласились, что следует двинуться на Горм, прежде чем Горм принесет им войну.

В устье Эса разбили лагерь, палатки поставили на самом берегу океана. Из двери видна была тень на горизонте — это далеко в море вставал остров. А за руинами разрушенной крепости ждали корабли с экипажами из салкаров, фальконеров и пограничников.

Но вначале следовало преодолеть защиту Горма, и это должны были сделать те, кто владел Силой Эсткарпа. И вот, не зная, почему он оказался в этом обществе, Саймон обнаружил, что сидит за столом, который мог бы служить для игры. Но на столе не было разноцветных клеток, перед каждым сидением был изображен символ. И собравшаяся компания казалась странно смешанной, состоящей из представителей высшего правления.

Саймон увидел, что он сидит рядом с Властительницей, и символ относится к ним обоим. Это был коричневый сокол,

обрамленный золотым овалом, а над овалом была нарисована маленькая труба. Слева виднелось сине-зеленое изображение кулака, держащего топор. А дальше нарисован был крупный квадрат, а на нем — рогатая рыба.

Справа, за Властительницей, были нарисованы два символа, которые он не мог рассмотреть. Перед ними сидели две волшебницы, положив руки на стол. Слева кто-то пошевелился, Саймон повернул голову и почувствовал необычный прилив сил, встретив знакомый взгляд серых глаз. Она молчала, и он тоже не заговорил. Шестым и последним за столом сидел юноша Брайант, бледный, неподвижно устремив взгляд на изображение рыбы перед ним, как будто эта рыба была живой и он силой взгляда удерживал ее на алом море.

Женщина, которая держала его руки, когда Саймон думал о человеке с Горма, вошла в палатку, с ней еще две, каждая несла по небольшой глиняной жаровне, из которых шел сладковатый дым. Жаровни поставили на стол, а первая женщина опустила свою ношу — широкую корзину. Она сняла покрывавшую корзину ткань и открыла груду маленьких фигурок.

Достав первую фигурку, женщина остановилась перед Брайантом. Дважды пронесла фигурку через поднимающийся дым и остановила ее на уровне глаз сидящего юноши. Это был прекрасно изготовленный манекен с огненно-рыжими волосами и такой естественный, что Саймон решил: это изображение какого-то живого человека.

— Фальк. — Женщина произнесла это имя и опустила фигурку в центр алого квадрата, как раз на изображение рыбы. Брайант не мог побледнеть: он и так был очень бледен, но Саймон заметил, что он конвульсивно глотнул, прежде чем ответить:

— Фальк Верлейнский.

Женщина достала из корзины вторую фигурку и подошла к соседке Саймона. Теперь Саймон мог лучше оценить совершенство ее работы. Она держала в руках, окуная в столб дыма, совершенное изображение той, которая просила средство, чтобы удержать Ивьяна.

— Алдис.

— Алдис Карсская, — ответила его соседка, когда крошечные ножки опустились на кулак с зажатым топором.

— Сандар Ализонский. — Третья фигура заняла свое место справа от Саймона.

— Сирик. — Толстая фигурка в просторной рясе заняла еще один символ справа.

И вот женщина достала последний манекен, взглянула на него и окутала в дым. Поставив фигурку на изображение перед Саймоном и Властительницей, женщина не назвала никакого имени, но протянула фигурку Саймону, чтобы тот мог рассмотреть и узнать ее. Он смотрел на маленькую копию главы Горма. По его мнению, сходство было абсолютным.

— Горм! — Он признал это, хотя не мог дать колдеру лучшего имени. И женщина аккуратно поставила фигурку на коричнево-золотого сокола.

5. Игра Силы

Пять фигурок стояли на символах своих земель, пять совершенных изображений живых мужчин и женщин. Но почему и с какой целью? Саймон снова посмотрел направо. Крошечные ножки Алдис держала в руке волшебница, ноги фигуры Фалька — Брайант. Они напряженно всматривались в фигурки, причем в лице Брайанта было видно беспокойство.

Внимание Саймона вновь обратилось к стоявшей перед ним фигурке. Смутные воспоминания о старых сказках ожили в его мозгу. Неужели сейчас будут втыкать иглы в сердца фигурок, чтобы их оригиналы заболели и умерли?

Властительница крепко взяла его за руку; точно так же его брали за руку в Карсе при изменении внешности. Другая ее рука образовала полукруг около основания фигурки в шапке. Саймон повторил ее жест, и кончики их пальцев сомкнулись.

— Думайте о том, кто перед вами, с кем вы были связаны спором о власти или кровью. Выбросьте из сознания все остальное, оставьте только его. Вы должны согнуть его, подчинить се-

бе и использовать для нашей пользы. Либо мы выиграем игру Силы за этим столом в этот час — либо навсегда проиграем!

Взгляд Саймона был сосредоточен на фигуре в шапке. Саймон не знал, смог ли бы он оторвать взгляд, если бы захотел. Он решил, что его пригласили участвовать в этой странной процедуре только потому, что он единственный из всех видел офицера из Горма.

Крошечное лицо, полузакрытое металлической шапкой, росло, оживало. Через расстояние Саймон снова смотрел в него, как смотрел в той комнате в сердце Сиппара.

Вновь глаза этого человека были закрыты, он занимался своим загадочным делом. Саймон продолжал изучать его. Он знал, что вся его вражда к колдерам, вся ненависть, рожденная тем, что он видел в городе, их обращением с пленниками, собралась воедино в его мозгу, как человек собирает смертоносное оружие из мелких незначительных деталей.

Саймон больше не находился в этой палатке, где шумел морской ветер и шуршал песок на изображении сокола. Он стоял перед человеком в шапке в сердце Сиппара, приказывая ему открыть глаза, взглянуть на него, на Саймона Трегарта, вступить в сражение не мышц, а разумов, в сражение воли.

Глаза открылись, и Саймон заглянул в их темные зрачки, увидел веки, поднятые, будто в узнавании, в признании надвигающейся угрозы; Саймон как будто заглянул в котел, в котором кипели все ужасы и беды.

Глаза удерживали глаза. Постепенно уходили плоские черты лица, само лицо, металлическая шапка над ним, оставались только глаза. Саймон чувствовал, как из его руки и из руки Властительницы Эсткарпа льется поток силы, их силы объединились; Саймон почувствовал себя нацеленной стрелой.

Вначале колдер смотрел на него уверенно; вот он попытался освободиться от этой связи глаз, разумов, но слишком поздно понял, что оказался в ловушке. Он боролся, не желая в своем высокомерии признавать возможность поражения.

Саймон чувствовал нарастающее напряжение, в глазах колдера появилось выражение страха, оно сменилось ужасом, а

потом все выгорело. Саймон знал, что смотрит лишь на пустую оболочку, которая выполнит его приказ так же, как рабы Горма выполняли приказы своих хозяев.

Саймон отдал приказ. Сила Властительницы подкрепила его; Властительница ждала, готовая помочь, но не вмешивалась. Саймон был уверен в покорности врага. Тот, который распоряжался Гормом, приведен в негодность; барьер будет снят. Теперь у Эсткарпа был в крепости Горма послушный робот.

Саймон поднял голову, открыл глаза и увидел раскрашенную поверхность стола, на которой его пальцы сжимали руку Властительницы у ног маленькой фигурки. Но манекен больше не был совершенным. Под изображением металлической шапки голова представляла собой гладкий пузырь из расплавленного воска.

Властительница высвободила руку. Саймон посмотрел направо и увидел побледневшее лицо, темные глаза. Та, которая концентрировала свою силу на Алдис, откинулась без сил на спинку стула.

Фигурка Фалька Верлейнского лежала плашмя, а Брайант сгорбился над ней, закрыв лицо руками, его бесцветные волосы, влажные, прилипли к голове.

— Сделано. — Тишину нарушила Властительница. — То, что может Сила, сделано. И никогда она не действовала так мощно, как сегодня! Теперь огню и мечу, ветру и волне служить нам, если мы сумеем ими воспользоваться. — Голос ее звучал истощенно.

Корис ответил ей, взмахнув топором Вольта:

— Будьте уверены, леди, мы используем любое оружие, данное нам судьбой. Маяки горят, наша армия и корабли движутся.

Хотя земля под Саймоном качалась, он встал. Та, что сидела слева от него, быстро положила руку на стол, не коснувшись его руки. Не выразила она и в словах того отказа, который выражался в каждой линии ее тела.

— Война, которая начинается в соответствии с вашей Силой, — заговорил Саймон, обращаясь к ней, как будто они бы-

ли одни, — ведется по обычаям Эсткарпа. Но я не из Эсткарпа. И я знаю другие способы ведения войны. Я участвовал в вашей игре, леди; теперь сыграю в свою!

Он обошел стол и подошел к капитану, который встал и нерешительно положил руку на стол. Брайант смотрел на фигурку перед ним. Она лежала, но оставалась нетронутой.

— Я никогда не претендовал на обладание Силой, — сказал Брайант глухим, хотя и мягким голосом. — Похоже, я потерпел неудачу. Но, может, меч и щит послужат мне лучше.

Корис шевельнулся, как бы возражая. Но волшебница, которая была с ним в Карсе, быстро заговорила:

— Для тех, кто едет или плывет под эсткарпскими знаменами, существует свободный выбор. И никто не должен мешать этому выбору.

Властительница кивнула в знак согласия. Так втроем они и вышли из палатки: Корис, напряженный, живой, с прекрасной головой на гротескных плечах, с раздувающимися ноздрями, как будто он ощущал в воздухе нечто большее, чем запах соли; Саймон, двигающийся медленнее, чувствующий, как усталость охватывает его тело, но поддерживаемый желанием увидеть конец их приключений, и Брайант, надевший на голову шлем, обернувший вокруг шеи металлический шарф; глаза его смотрели прямо, как будто привлеченные или удерживаемые чем-то бóльшим, чем его воля.

Капитан обернулся, когда они достигли лодок, ждавших, чтобы перевезти людей на корабли.

— Поплывете со мной на передовом корабле. Ты, Саймон, будешь служить проводником, — а ты... — он посмотрел на Брайанта и заколебался. Но юноша, вздернув подбородок, вызывающе посмотрел ему в глаза. Саймон почувствовал, что между ними происходит что-то, касающееся только их двоих, и ждал, как встретит капитан вызов Брайанта.

— Ты, Брайант, пойдешь с моими щитоносцами и будешь находиться с ними!

— Я, — ответил юноша с вызовом, — буду стоять за вашей спиной, капитан Эсткарпа, когда понадобится. Но в этой

или любой другой битве я сам распоряжаюсь своим мечом и щитом!

Казалось, Корис собрался возражать, но их окликнули с лодок. И, пробиваясь сквозь прибой, Саймон заметил, что юноша постарался разместиться в маленькой лодке как можно дальше от своего командира.

Передовой корабль эсткарпского флота был небольшим рыбачьим судном, и гвардейцы стояли на нем почти плечом к плечу. Остальные корабли шли сзади.

Они были уже достаточно близко, чтобы видеть флот, гниющий в гавани Горма, когда послышался окрик, салкарские корабли с их смешанными экипажами из фальконеров, беглецов из Карстена и уцелевших салкаров вытянулись в линию.

Саймон понятия не имел, в каком именно месте он пересек барьер во время своего бегства из Горма. Быть может, он ведет корабли прямо к гибели. Им остается только надеяться, что игра Силы снимет или ослабит этот барьер.

Трегарт стоял на носу рыбацкого корабля, всматриваясь в мертвый город и ожидая первых признаков барьера. Или раньше на них нападет один из этих металлических кораблей?

Ветер заполнил их паруса, и перегруженные корабли резали волны. Корпус блудного корабля из гавани, у которого сохранилось достаточно оснастки, чтобы уловить ветер, двигался поперек их курса, и длинная лента зеленых водорослей замедляла его ход.

На палубе этого корабля не видно было никаких признаков жизни. С одного из салкарских кораблей взметнулся шар, неторопливо поднялся в воздух и обрушился на палубу блуждающего судна. Из проломленной в палубе дыры взметнулось пламя и начало жадно поглощать сухое дерево. Корабль, пылая, уплыл в океан.

Саймон, охваченный боевым возбуждением, улыбнулся Корису. Он чувствовал, что они миновали первую опасность.

— Мы миновали твой барьер?

— Да, если только они не передвинули его ближе к земле.

Корис положил подбородок на рукоять топора Вольта, осматривая то, что когда-то было цветущим городом. Он тоже улыбался, как волк, показывающий свои клыки перед схваткой.

— Похоже, что на этот раз Сила сработала, — заметил он. — Теперь пора и нам приниматься за дело.

— Не нужно недооценивать врага. Мы миновали только первый его барьер, может быть, самый слабый. — Первоначальное оживленно-радостное настроение Саймона исчезло так же быстро, как и появилось. Вокруг него были мечи, щиты, самострелы. А в сердце колдерской крепости их ждало оружие, созданное наукой, на столетия опередившей этот мир; в любой момент можно было ждать неожиданностей.

Они уже плыли по гавани, вынужденные отыскивать проходы между полуразрушенными кораблями, а в Сиппаре попрежнему не видно было никаких признаков жизни. Угрожающая тишина мертвого города окружила воинов, уменьшая их рвение, ослабляя чувство триумфа, вызванное благополучным преодолением барьера.

Корис почувствовал это. Пробившись через толпу воинов, ожидавших высадки, он разыскал капитана корабля и велел ускорить продвижение к берегу. Но тот возразил, что капитан гвардии распоряжается на земле, а на море командует тот, кто лучше его знает; капитан корабля не желает столкнуться с одним из гнилых корпусов в гавани.

Саймон продолжал осматривать береговую линию, вглядываясь в устья пустых улиц. Он не мог сказать, чего опасается, — нападения летательных аппаратов, появления на улицах целой армии. Труднее было встретиться с пустотой, чем с ордами рабов Колдера. Саймон не мог окончательно поверить в игру Силы; что-то в нем отказывалось поверить, что если он держал в руках маленькую фигурку с расплавленной головой, они смогут одолеть то, что скрывается в Горме.

Они без происшествий высадились; часть салкаров высаживалась в разных местах, чтобы отразить возможное нападение из других частей острова. Двинулись по пустым улицам, по которым несколько дней назад шел Саймон; проверяли закры-

тые двери, осматривали темные углы. Но пока не обнаруживали ничего живого.

Они уже были близко от центра города, когда встретились с первым сопротивлением: не с воздуха, не от какого-то невидимого удара; враги появились с оружием в руках и сражались так, как в этом мире сражались несколько поколений.

Неожиданно улицы оказались заполненными бойцами, передвигавшимися быстро, но беззвучно; враги не издавали воинственных криков, но надвигались молча, со смертоносной угрозой. Некоторые были в боевом наряде салкаров, другие одеты как карстенцы; Саймон увидел среди них несколько пернатых шлемов фальконеров.

Нападали не только опытные воины; враги не думали о самосохранении, как и те, на прибрежной дороге. Их первый натиск напоминал удар танка по пехоте. Саймон стрелял, а Корис работал топором Вольта, пробивая дорогу через ряды врагов.

Рабы Колдера были опытными воинами, но им недоставало сознательности, разума, чтобы перестроиться и лучше использовать свое численное преимущество. Они знали только, что должны нападать, пока живы, с настойчивостью безумцев. Началась настоящая бойня, от которой даже ветераны-гвардейцы ощутили тошноту.

Высоко взметнулся топор Вольта, уже не блестящий, а темный от крови, и гвардейцы двинулись вперед, оставляя позади улицу, уже не пустую, хотя по-прежнему безжизненную.

— Это чтобы нас задержать, — заметил Саймон капитану.

— Я тоже так думаю. Чего ожидать дальше? Смерти с воздуха, как в Салкаркипе? — Корис взглянул на небо и на крыши домов с беспокойством.

Именно эти крыши подсказали Саймону план.

— Не думаю, чтобы мы могли проникнуть в крепость с уровня земли, — начал он и услышал смех капитана.

— Конечно. Но я знаю такие ходы туда, каких ни один колдер не знает. Ведь некогда это был мой остров.

— Но у меня тоже есть план, — настаивал Саймон. — На кораблях достаточно веревок и абордажных крючьев. Пусть

один отряд идет по крышам, пока вы отыскиваете свои проходы, и, может, мы сомкнем челюсти над ними с двух сторон.

— Хорошо! — согласился Корис. — Отбери людей, но не больше двадцати.

Дважды еще на них молча нападали отряды живых мертвецов, и все больше и больше гвардейцев оставалось лежать. В конце концов последние рабы Колдера были уничтожены. Наконец силы Эсткарпа разделились. Саймон и двадцать гвардейцев взломали дверь и через густой трупный запах выбрались на крышу. Чувство направления не обмануло Трегарта: в соседней крыше виднелась рваная дыра — след его приземления на летательном аппарате.

Он стоял в стороне, пока моряки перебрасывали абордажные крючья через улицу. Солдаты привязали мечи, проверили прочность своих ружейных поясов и с решимостью смотрели на две тонкие веревки над пустотой. Саймон отобрал только тех, кто не боялся высоты. Но теперь, перед испытанием, у него было больше сомнений, чем надежд.

Он шел первым, цепляясь за веревку и ощущая давление второй веревки. Ему казалось, что он не выдержит и сорвется.

Но вот этот кошмар кончился. Саймон отвязал от пояса третью веревку и обвязал ее вокруг одного из столбов, поддерживающих крышу ангара.

Летательные аппараты, которые он вывел из строя, стояли на местах, но открытые капоты двигателей и разбросанные инструменты свидетельствовали о том, что здесь шла работа. Почему она не была закончена, оставалось еще одной загадкой. Саймон приказал четверым солдатам охранять крышу и веревочную дорогу, а с остальными начал вторжение в крепость.

Та же тишина, что господствовала в мертвом городе, окружала их и здесь. Они прошли по коридору, спустились по лестнице, миновали двери и слышали только биение собственных сердец. Неужели крепость покинута?

Они шли в самое сердце слепого, закрытого здания, ожидая каждую минуту нападения отряда одержимых. Свет становился ярче; в воздухе чувствовалось какое-то неуловимое из-

менение, которое свидетельствовало о том, что эти уровни покинуты.

Наконец отряд Саймона подошел к каменным ступеням, которые он так хорошо помнил. В конце лестницы начинается серое колдерское покрытие стен. Саймон наклонился, прислушиваясь. Далеко внизу он услышал звук, гудение, такое же ритмичное, как удары его сердца.

6. Очистка Горма

— Капитан, — к Саймону подошел Танстон, — что нас ждет внизу?

— Ты знаешь столько же, сколько и я, — с отсутствующим видом ответил Саймон: именно в этот момент он осознал, что не ощущает опасности, даже в таком смертоносном месте. Но внизу было что-то, иначе они не слышали бы звуков.

Он осторожно, но быстро начал спускаться по ступеням, подготовив самострел. Все двери внизу были закрыты и не поддавались их попыткам. Наконец отряд подошел к комнате с картой.

Здесь гудение, доносившееся из-за пола, стало громким и отдавалось ритмичной дрожью в телах солдат.

Огоньки на карте погасли. На длинном столе не было машин, хотя провода и металлические крепления показывали, где они раньше стояли. Не было и людей в серой одежде. Но перед меньшим столом по-прежнему виднелась фигура в шапке, с закрытыми глазами, неподвижная, точно в такой же позе, как и когда Саймон видел ее в первый раз.

Вначале Саймон подумал, что этот человек мертв. Он подошел к столу, с опаской поглядывая на сидящего колдера. Это был тот самый человек, чью внешность он пытался вспомнить для волшебниц Эскарпа. И теперь Саймон почувствовал мимолетное удовлетворение от точности своего воспоминания.

Только — Саймон остановился. Человек не был мертв, хотя глаза его оставались закрытыми, а тело неподвижным. Одна рука

лежала на контрольном щите, вделанном в поверхность стола, и Саймон заметил, как шевельнулся палец, нажимая кнопку.

Трегарт прыгнул. На мгновение он увидел открытые глаза, лицо под шапкой, искаженное гневом — и, возможно, страхом. Тут руки Саймона сомкнулись вокруг провода, который отходил от металлической шапки и углублялся в стену. Он рванул, порвав сразу несколько кабелей. Кто-то предупреждающе крикнул, и Саймон увидел, что какое-то бочкообразное оружие направлено прямо на него: колдер перешел к действиям.

Только потому, что шапка с ее проволочным хвостом стесняла действия колдера, Саймон остался жив. Он ударил самострелом по плоскому лицу с искривленным ртом, не произнесшим ни звука, с темными, полными ненависти глазами. Удар порвал кожу, из щеки и носа потекла кровь. Саймон перехватил руку противника и вывернул ее, так что тонкий луч ударил в потолок, а не ему в лицо.

Они повалились в кресло, с которого встал колдер. Послышался резкий щелчок, плечо и шею Саймона обожгло огнем. Крик, приглушенный и сдавленный, прозвучал в его ушах. Окровавленное лицо исказилось агонией, но колдер продолжал сопротивляться со страшной силой.

Глаза его, и так огромные, все увеличивались, заполняя зал, — Саймон падал в эти глаза. И вот это уже не глаза, а затянутое туманом окно в иной мир, может быть, в другое время. Между колоннами виднелась группа людей в ярких одеждах, они на странных машинах двигались ему навстречу. При этом они отстреливались, несомненно, от какой-то погони.

Они двигались узкой колонной, и Саймон ощутил такое охватившее их отчаяние и такой страх, какого никогда не испытывал и даже не подозревал, что его может вынести мозг и тело. Ворота, они должны добраться до ворот — это даст им время для восстановления, для того, чтобы снова стать такими, какими они хотят быть. Разбитая империя и разграбленный мир оставались за ними, а впереди — новый мир, свободный и богатый.

Окруженные беглецы отступили в сторону. Саймон снова увидел окровавленное лицо, по которому нанес удар. В воздухе

висел запах горелой ткани. Долго ли продолжалось это видение? Не больше доли секунды! Саймон продолжал бороться, прижимая противника к креслу. Он еще дважды ударил, только тогда пальцы разжались и лучевое ружье выпало из них.

Впервые колдер издал слабый звук. Секундное видение бегущих людей, мгновенная вспышка страха и ненависти, подействовавшая на невольного свидетеля как удар. Подбежавшие солдаты усадили колдера в кресло. В последний раз почувствовал Саймон какую-то невидимую связь с этим человеком и с тем далеким временем и пространством, откуда пришли колдеры. И все кончилось. Саймон отошел от обмягшего тела.

Танстон наклонился и попытался снять металлическую шапку. Они были поражены, обнаружив, что это вовсе не шапка, а, по-видимому, неотделимая часть тела.

— Оставьте его! — сказал Саймон. — И пусть никто не касается этих проводов.

И тут он понял, что ритмичное гудение, оживлявшее помещение, замолкло. Должно быть, колдер в шапке сам был сердцем, которое, перестав биться, убило крепость так же, как колдеры в свое время убили Сиппар.

Саймон направился к алькову, где был лифт. Если перестали работать все механизмы, можно ли добраться до нижних этажей? Но дверь в клетку лифта была открыта. Саймон передал командование Танстону и в сопровождении двух гвардейцев вошел в лифт, закрыв за собой дверь.

Бойцам Эсткарпа продолжало везти: закрытая дверь привела в действие механизм лифта. Саймон ожидал оказаться на уровне лаборатории, когда дверь снова открылась. Но увидел он нечто совсем иное и некоторое время смотрел недоуменно, в то время как сопровождавшие его гвардейцы изумленно вскрикнули.

Они находились на берегу подземной гавани. Сильно пахло морем и еще чем-то. Освещенный мостик уходил прямо в темную воду. На берегу лежали тела людей, таких же, как они, без серых одежд.

В то время как живые мертвецы, встретившие их на улицах, были вооружены и снаряжены, эти были обнажены и одеты в какие-то лохмотья.

Некоторые лежали около небольших экипажей, груженных ящиками и контейнерами. Другие — рядами, как будто выстроились перед тем, как упасть. Саймон прошел к ближайшему телу и наклонился, вглядываясь. Человек был мертв по крайней мере уже сутки.

Неохотно, избегая приближаться к телам, трое эсткарпцев направились к концу гавани. Среди мертвецов не было ни одного вооруженного. Никто из них не принадлежал к расе Эсткарпа. Если это и были рабы колдеров, то они все относились к другим расам.

— Капитан! — окликнул один из гвардейцев, остановившись возле тела и удивленно глядя на него. — Я никогда не видел таких людей! Взгляните на цвет его кожи, на его волосы: он не из наших земель!

Несчастный колдерский раб лежал на спине, как будто спал. Кожа его тела, полностью обнаженного, если не считать узкой полоски вокруг бедер, была красновато-коричневого цвета, волосы очень курчавыми. Ясно было, что колдеры расставляли свои сети на людей в самых далеких районах.

Не зная почему, Саймон пошел к концу гавани. Либо Горм был воздвигнут над огромной естественной пещерой, либо захватчики вырыли ее для своих целей, о которых Саймон мог только догадываться. Неужели это тайный док колдерского флота?

— Капитан! — Второй солдат шел немного впереди, не интересуясь телами. Он стоял на конце каменного мостика и манил Саймона.

Вода заволновалась, на мостик набежали волны, заставляя троих людей отступить. Даже в ограниченном свете было видно, как что-то поднимается к поверхности.

— Ложись! — приказал Саймон. У них не было времени вернуться к лифту; оставалось надежда спрятаться среди тел.

Они лежали рядом; Саймон подложил руку под голову и подготовил самострел. Из воды показался большой корпус, с него стекала вода. Виден был заостренный нос и такая же корма. Догадка Саймона оказалась верной: один из колдерских кораблей возвращался в гавань.

Саймон подумал: так ли громко звучит его дыхание, как и у лежащего рядом гвардейца. Они одеты; острый взгляд сможет различить блеск их кольчуг, а какое-нибудь колдерское оружие пригвоздит к месту прежде, чем они смогут пошевелиться.

Но корабль, поднявшись на поверхность, больше не двигался; он покачивался на волнах, как будто был так же мертв, как и тела рабов на берегу. Саймон следил за ним, когда лежавший рядом гвардеец что-то прошептал и тронул его за руку.

Саймона не нужно было предупреждать. Он тоже заметил волнение в воде. Волны прибили второй корабль к причалу. Ясно было, что он никак не управляется. Не в силах поверить, что корабли лишены экипажа, гвардейцы оставались в укрытии. Только когда поднялся третий корабль, а первые два продолжали беспомощно биться о причал, Саймон признал очевидное и встал на ноги. Корабли не управлялись. Два из них только что с грохотом столкнулись.

Ничто не открывалось на их палубах, не было никаких признаков присутствия экипажей или пассажиров. Гавань свидетельствовала, однако, о другом. Все в ней говорило о торопливой погрузке, о подготовке к нападению или отступлению с Горма. Но если бы целью было нападение, разве были бы убиты рабы?

Вступать без подготовки на борт одного из этих кораблей было бы глупо. Но все же приглядывать за ними необходимо. Трое направились к лифту. Один из кораблей ударился о причал.

— Останетесь здесь? — Саймон скорее спросил, чем отдал приказ. Гвардейцы Эсткарпа привыкли к странным зрелищам, но тут было место только для добровольцев.

— Эти корабли... нужно узнать их тайну, — ответил один из солдат. — Но не думаю, чтобы они отплыли отсюда снова, капитан.

Саймон принял этот невысказанный отказ. Вместе они покинули гавань, оставив ее брошенным кораблям и мертвецам. Прежде чем закрыться в лифте, Саймон осмотрелся в поисках управления. Он хотел добраться до одного из этажей, где можно встретиться с отрядом Кориса, а не возвращаться в помещение с картой.

Однако стены лифта оказались совершенно пустыми. Разочарованно они закрыли дверь и стали ждать подъема. Когда вибрация стен показала, что подъем начался, Саймон ясно представил себе коридор лаборатории и пожелал добраться туда.

Клеть остановилась, дверь скользнула в сторону, и трое гвардейцев увидели перед собой удивленные лица вооруженных людей. Только секундное изумление спасло оба отряда от губительной ошибки: кто-то окликнул Саймона, и он узнал Брайанта.

Потом фигура, в которой безошибочно можно было узнать Кориса, протиснулась сквозь ряды солдат.

— Откуда вы выпрыгнули? Из стены?

Саймон узнал коридор, где собрался эсткарпский отряд: именно об этом месте он думал. Но неужели лифт принес их сюда в ответ на его желание? Его желание!

— Вы нашли лабораторию?

— Мы нашли множество вещей, но мало что из них имеет смысл. Но ни одного колдера. А вы?

— Только одного, и он сейчас мертв. А может, и все мертвы. — Саймон подумал о кораблях внизу и о том, что может находиться у них внутри. — Не думаю, что нам нужно опасаться встречи с ними.

Как показали последующие часы, Саймон оказался истинным пророком. Кроме человека в металлической шапке, на Горме не оказалось ни одного представителя чужой расы. А те, что служили Колдеру, все были мертвы. Их находили группами, двойками, тройками в коридорах и комнатах крепости. Все лежали так, будто упали внезапно, когда ушло то, что поддерживало в них жизнь.

Гвардейцы отыскали пленников в помещении рядом с лабораторией, среди них и тех, кто делил заключение с Саймоном. Они с трудом просыпались от наркотического сна, неспособные вспомнить что-либо после поступления газа. Но все благодарили своих многочисленных богов за то, что попали на Горм слишком поздно для того, чтобы разделить печальную участь рабов Колдера.

Корис и Саймон отвели моряков-салкаров в подземную гавань и в маленькой лодке обследовали пещеру. Они обнаружили только скальные стены. Вход в гавань, должно быть, находился под поверхностью воды. Они решили, что теперь этот вход закрыт и корабли не смогли покинуть гавань.

— Если тот, в шапке, управлял всем, — рассуждал Корис, — тогда его смерть закрыла их. К тому же, так как вы победили его в игре Силы, он отдавал противоречивые приказания и вызвал тут путаницу.

— Возможно, — согласился Саймон. Он думал о том, что узнал за последние секунды жизни колдера. Если остальные колдеры действительно закрыты в кораблях, Эсткарп может торжествовать.

Они привязали веревку к одному из кораблей и потащили его к причалу. Но крепление люка не поддавалось, и Корис и Саймон, предоставив салкарам трудиться над этой загадкой, вернулись в крепость.

— Это еще одно их колдовство, — сказал Корис, когда дверь лифта закрылась за ними. — Но, видимо, человек в шапке не управлял им, иначе мы не могли бы пользоваться лифтом теперь.

— Ты можешь управлять им так же, как и он. — Саймон прислонился к стене, усталость навалилась на него. Их победа была не окончательной. Поверят ли в Эсткарпе его рассказу? — Думай о коридоре, где ты меня встретил, мысленно нарисуй его.

— Так? — Корис натянул шлем. Он прислонился к стене и сосредоточенно закрыл глаза.

Дверь открылась. Они увидели коридор лаборатории, и Корис рассмеялся, как ребенок, получивший игрушку.

— Я, Корис, тоже могу управлять этим волшебством. Похоже, у колдеров Сила принадлежит не только женщинам.

Саймон вновь закрыл дверь, мысленно представляя себе помещение с картой. Только когда они оказались там, он ответил на замечание товарища.

— Возможно, именно этого нам и следует опасаться, капитан. У колдеров своя сила, и ты видел, как они используют ее. Горм теперь — кладовая их знаний.

Корис бросил свой шлем на стол под картой и, опираясь на топор, посмотрел на Саймона.

— Ты хочешь, чтобы мы не трогали эту кладовую? — Он понимал с полуслова.

— Не знаю. — Саймон тяжело опустился в одно из кресел и, подперев голову кулаками, смотрел на поверхность, на которой лежали его локти. — Я не ученый, не мастер в их магии. Салкаров будут искушать корабли, эсткарпцев — то, что находится здесь.

— Искушать? — Кто-то повторил это слово, и оба подняли головы. Саймон вскочил, увидев садящуюся волшебницу. Рядом с ней, как оруженосец, стоял Брайант.

Она была в кольчуге и шлеме, но Саймон знал, что даже если бы она изменила свою внешность, он все равно узнал бы ее.

— Искушать, — снова повторила она. — Вы хорошо подобрали слово, Саймон. Да, нас будут искушать; поэтому я здесь. У лезвия две стороны, и мы можем не только поразить врага, но и пораниться сами, если не будем осторожны. Следует ли нам отвернуться от этих чуждых знаний, уничтожить все найденное здесь? Будем ли мы при этом в безопасности или откроем дорогу для нового нападения Колдера: невозможно защищаться, если не имеешь ясного представления об оружии нападающих.

— Колдеров здесь нечего опасаться. — Саймон говорил медленно, веско. — Их тут было совсем немного. Если кто-нибудь сбежал, их можно проследить до самого их источника, но он теперь закрыт.

— Закрыт? — Это спросил Корис.

— В последней схватке их предводитель открыл их тайну.

— Что они из другого мира?

Голова Саймона дернулась. Извлекла ли она это из его мозга или у нее была какая-то своя информация?

— Вы знали?

— Я не читаю мысли, Саймон. Но мы знаем это давно. Да, они пришли к нам, как и вы, но, я думаю, по другим причинам.

— Они беглецы, бежали от разрушения, которое вызвали сами. Их мир пылал за ними. Не думаю, чтобы они осмелились оставить свою дверь открытой за собой, но мы должны быть уверены в этом. Это сейчас самое важное.

— И вы думаете, что если мы воспримем их знания, нас может затронуть их зло. Не знаю. Эсткарп долго жил, охраняемый своей Силой.

— Леди, независимо от решения, которое мы примем, Эсткарп не останется прежним. Либо он начнет новую активную жизнь, либо окончательно погрузится в застой, который есть форма смерти.

Они говорили, как будто были наедине, а Корис и Брайант не принимали участия в обсуждении будущего Эсткарпа. Волшебница разговаривала с ним, как равная с равным; раньше он ничего подобного не встречал в женщинах.

— Вы говорите правду, Саймон. Вероятно, древнее единство моего народа должно кончиться. Будут такие, кто захочет жить в новом мире, и такие, кто отшатнется от изменений. Но это в будущем. И все — результат этой войны. Но как вы думаете, что нужно сделать с Гормом?

Он устало улыбнулся.

— Я человек действия. Пойду к воротам, которые использовали колдеры, и проверю, тщательно ли они закрыты. Отдайте приказ, леди, и он будет выполнен. А пока я бы закрыл это место — до принятия решения. Может быть предпринята попытка овладеть тем, что лежит здесь.

— Да, Карстен, Ализон — они рады были бы пограбить Сиппар. — Волшебница резко кивнула. Руки ее взметнулись к воротнику кольчуги. Показался ее камень.

— Вот знак моей власти, капитан. — Теперь она обращалась к Корису. — Пусть будет так, как сказал Саймон. Этот склад чуждых знаний должен быть закрыт, а в остальной части Горма оставлен гарнизон, пока мы не решим, что делать с тем, что находится здесь. — Она улыбнулась молодому офицеру. — Оставляю это вашей власти, лорд-протектор Горма.

7. Новое начало

Краска медленно заливала лицо Кориса, подступая к самым корням волос. Когда он ответил, у прекрасного рта обозначились горькие морщины, состарив его молодое лицо.

— Вы забыли, леди, — он со звоном опустил плашмя лезвие топора на стол, — что когда-то Корис был изгнан отсюда.

— А что случилось затем с Гормом и с теми, кто изгнал Кориса? — спокойно спросила она.

Рука его крепко сжала рукоять топора.

— Ищите другого лорда-протектора Горма, леди. Клянусь Норманом, я не вернусь сюда. Думаю, у Эскарпа нет причин жаловаться на своего капитана; к тому же я не верю, что война уже выиграна.

— Он прав, вы знаете, — поддержал Кориса Саймон. — Колдеров, может, и немного, большинство из них заперто в кораблях внизу. Но мы должны проследить их путь до самого выхода, чтобы быть уверенными, что они не явятся снова претендовать на господство. Как насчет Айля? И нет ли у них гарнизона в Салкаркипе? Глубоко ли вторглись они в Карстен и Ализон? Возможно, мы только в самом начале большой войны.

— Хорошо. — Волшебница перекатывала камень в руке. — Поскольку у вас такие определенные мысли, Саймон, становитесь здесь губернатором.

Корис быстро заговорил:

— Я согласен с этим планом. Владей Гормом с моего благословления, Саймон, и не думай, что я когда-нибудь предъявлю свои наследственные права.

Но Саймон покачал головой.

— Я солдат. И из другого мира. Каждому свое; мне нужно преследовать колдеров. — Он знал, что, закрыв глаза, увидит узкую долину и бегущих отстреливающихся людей.

— Вы хотите отправиться в Айль, Салкаркип и дальше? — первым нарушил молчание Брайант.

— И куда же ты поведешь нас теперь? — спросил Корис.

— В Карстен! — Если раньше Саймон и мог считать Брайанта спокойным и невозмутимым, то сейчас он усомнился в своей оценке.

— А почему Карстен так важен для нас сейчас? — Голос Кориса звучал почти добродушно. Но было еще что-то в его тоне, Саймон не мог уловить, что именно. Велась какая-то игра, а он не знал ее правила.

— Ивьян! — Это имя прозвучало как боевой вызов, и Брайант смотрел на Кориса, ожидая, что тот подхватит этот вызов. Как и раньше, во время разговора Саймона с волшебницей, сейчас Корис и Брайант говорили так, будто вокруг никого нет.

Второй раз щеки Кориса вспыхнули, потом побледнели, как будто капитан вел борьбу, от которой не хотел уклониться. Впервые он забыл о топоре Вольта, лежавшем на столе, и подошел к концу стола с кошачьей грацией, так не вязавшейся с его изуродованным телом.

Брайант, со смешанным выражением вызова и надежды, ждал его приближения. Руки капитана с силой упали ему на плечи.

— Ты хочешь этого? — Кориса как будто подвергали пытке.

И в этот момент Брайант попытался быть уклончивым.

— Я хочу свободы, — ответил он негромко.

Руки капитана упали. Корис рассмеялся с такой горечью, что Саймон внутренне запротестовал.

— Будь уверен, она твоя. — Капитан отошел бы, если бы на этот раз Брайант не схватил его за руку.

— Мне нужна свобода, только чтобы свободно сделать выбор. И этот выбор уже сделан — неужели вы сомневаетесь в этом? Или мне хватает того, чем обладает Алдис?

Алдис? Догадка сверкнула в голове Саймона.

Пальцы Кориса взяли под подбородок Брайанта и повернули юношеское лицо. На Брайанта капитан мог смотреть вниз, а не вверх, как на других.

— Ты веришь в клятву на мече? У Ивьяна есть Алдис, пусть будут довольны друг другом. Но, мне кажется, Ивьян сделал неудачный выбор. И если на одном топоре был заключен брак, почему бы не заключить его на другом?

— Брак только в бормотании Сирика, — вспыхнул Брайант, все еще немного вызывающе, но не пытаясь освободиться из рук капитана.

— Нужно ли говорить это мне, леди Верлейнская? — Корис улыбался.

— Лойз Верлейнская мертва! — повторил Брайант. — Придется вам иметь дело с ее наследницей, капитан.

Морщинка появилась на лбу Кориса.

— Не нужно говорить об этом. Мне не нужна жена с богатым приданым. И никогда больше не напоминай об этом.

Ее рука зажала ему рот, призывая к молчанию. В голосе ее звучал гнев, когда она ответила:

— Корис, капитан Эсткарпа, никогда не должен так говорить о себе, особенно мне, женщине без наследства, без земель и красоты!

Саймон шевельнулся, зная, что для этих двоих больше никого в комнате нет. Он коснулся плеча волшебницы и улыбнулся.

— Оставим их, — прошептал он.

Она молча рассмеялась.

— Этот разговор о том, кто чего стоит, скоро прекратится совсем.

— Значит, она и есть исчезнувшая наследница Верлейна, заочно вышедшая замуж за герцога Ивьяна?

— Да. Только благодаря ей я спаслась из Верлейна. Фальк не самый приятный собеседник.

Чуткий к оттенкам ее голоса, Саймон стал угрюмым.

— Я думаю, что Фальк и его грабители должны в самом близком будущем получить хороший урок, — заметил он. Сай-

мон хорошо знал ее склонность к преуменьшениям. Вполне достаточно признания, что она обязана спасением из Верлейна этой девушке в другом конце комнаты. Для женщин Силы такое признание свидетельствует о подлинной опасности. Он испытал внезапное желание взять один из салкарских кораблей, посадить туда воинов и плыть на юг.

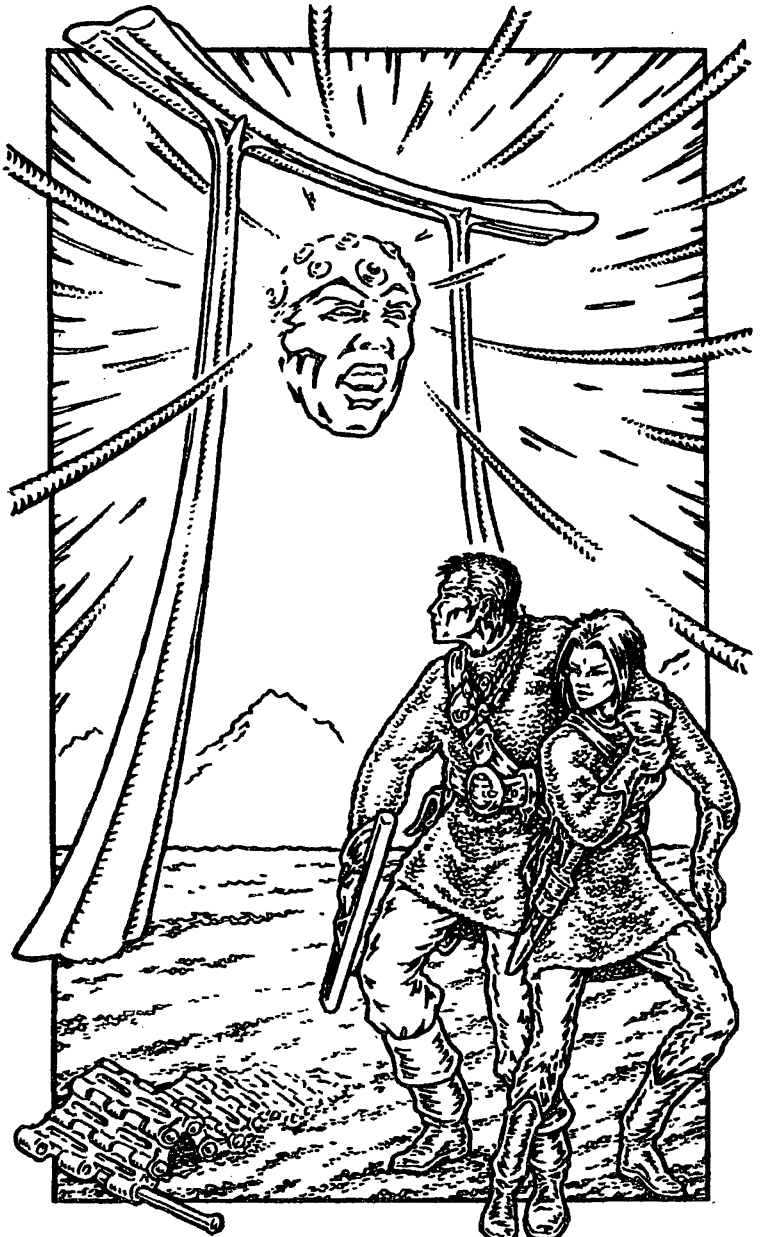
— Несомненно, он его получит, — со своим обычным спокойствием согласилась она. — Как вы сказали, мы лишь в середине войны и еще не победили в ней. Верлейну и Карстену придется уделить должное внимание. Саймон, меня зовут Джелит.

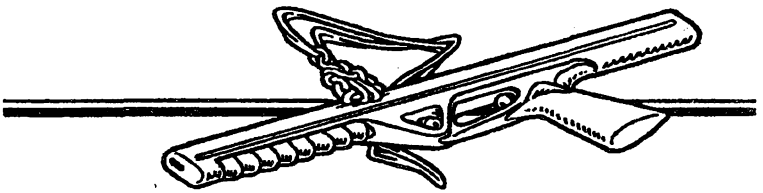
Это произошло так внезапно, что Саймон вначале не понял значения сказанного. Потом, вспомнив эсткарпские обычаи, он почувствовал крайнее удивление: ее имя, самое личное из владений обладательниц Силы; его нельзя отдавать никому.

Как топор Кориса, так и камень волшебницы остались лежать на столе. Саймон понял. Она сознательно обезоружила себя, отбросила все свое оружие и защиту, отдавая в его руки самое важное в ее жизни. Он мог только догадываться, что означала для нее такая сдача, но догадываться смутно. И он почувствовал благоговейный страх.

Он сделал шаг и привлек ее к себе. И отыскивая ее ждущие губы, Саймон понял, что и сам он изменился. Впервые он стал неотъемлемой частью этого мира. И так будет всегда, до конца его жизни.

Паутина Колдовского мира

1. Перчатка брошена

Ночью бушевала гроза, сердитые порывы ветра сотрясали древние стены, тугие капли бились в ставни. Но внутри Южного Форта завывания ветра казались отдаленным ворчанием. И Саймону Трегарту в этих звуках чудилось даже нечто успокаивающее.

Нет, то, что угнетало его, невозможно было объяснить — просто он ощущал какое-то гнетущее томительное беспокойство, которое грызло его в предрассветной мгле, и он лежал, напряженно вслушиваясь в темноту, словно часовой на посту.

Холодный пот струйками стекал у него из-под мышек, выступая бисеринками на щеках и массивном подбородке. В сероватой предрассветной мгле таяли тени, ни единый звук не нарушал тишину комнаты, где стояла их кровать, и все же...

Рука его непроизвольно потянулась вправо. Он не сразу понял зачем, но Саймон вдруг ощутил необъяснимую потребность в дружеской поддержке, помощи — против кого? Он не смог бы найти и названия тому странному чувству, которое вдруг охватило его.

Рука коснулась теплого тела, скользнула по шелковистой коже. Он повернул голову и в слабом свете пробуждающегося утра посмотрел на ту, что лежала рядом с ним. Настороженный взгляд открытых глаз бесстрашно встретился с его взором, но где-то в самой глубине зрачков Саймон уловил легкую тень, которая была точным отражением его все возрастающего беспокойства.

Джелит, та, которая была одной из волшебниц Эсткарпа, а теперь ставшая всего лишь его женой, вдруг резко поднялась с подушки и села на постели. Пушистая прядь черных волос нежно коснулась его щеки, а потом волосы плащом окутали ее плечи; Джелит стиснула руки под упругой маленькой грудью. Она больше не смотрела на него, а беспокойным взглядом обвела комнату; полог кровати, раздвинутый из-за жары, открывал ее взору весь их огромный покой.

Эта странная комната в который раз поразила Саймона. Ведь до сих пор временами настоящее казалось ему каким-то колдовским сном, особенно когда он вспоминал о прошлом. Иногда именно это прошлое казалось ему призрачным сном. Кто же он такой в сущности? Саймон Трегарт — разжалованный армейский офицер, преступник, бежавший от карающей руки закона, подобно тому, как скрывается от стаи провинившийся волк. Он, Саймон Трегарт, решился на единственный отчаянный шаг, который мог обеспечить ему надежное убежище. Джордж Петрониус открыл тогда ему тайну Врат в этот злой мир — древний камень, который переносил смельчака, решившего усесться на него, в новый мир, где он мог найти себе место в соответствии со своими возможностями и талантами. Вот кто такой был Саймон Трегарт, тот настоящий Саймон Трегарт.

А здесь находился совсем другой — в Южном Форте Эсткарпа сейчас лежал другой Саймон Трегарт, хранитель Южных Границ, присягнувший на верность Властительницам. И он взял себе в супруги одну из самых могущественных волшебниц, тех, кого так боялись все вокруг в этой древней земле Эсткарпа, история которой уходит в глубь времен. И в этот самый миг прошлое казалось Саймону навсегда сметенным настоящим — ибо, пересекая таинственную границу миров, он и не предполагал, что его союз с этим миром окажется вскоре столь тесным.

И тут же его кинжалом пронзила мысль о том, что же он все-таки делает здесь сейчас. Он сел в постели так же внезапно,

как и Джелит, плечи их соприкоснулись, в руке его уже был стиснут самострел. Но уже выхватывая его из-под подушки, Саймон знал, что ведет себя глупо. Ведь то, что его встревожило — вовсе не призыв к битве, а какое-то совсем иное беспокойство, и потому еще более устрашающее.

— Саймон... — неуверенно произнесла Джелит дрожащим голосом, звучавшим гораздо выше, чем обычно.

— Я знаю, — он уже соскользнул с широкого ложа, ноги его нащупали первую ступень лестницы, ведущей к возвышению, на котором оно стояло, а руки тянулись к одежде, оставленной вчера на стуле.

Где-то рядом, может быть, в самом Южном Форте, а возможно, поблизости от него, происходит что-то такое, в чем таится опасность! Он лихорадочно перебирал в памяти все возможные нападения. Нападение со стороны моря — из Карстена? Но он был уверен, что войска Герцога не могли бы незамеченными пробраться через горы, ведь там неусыпно несли стражу фальконеры и его собственные отряды пограничников. А может быть, это атакуют войска Ализона?.. Ведь уже несколько месяцев в той стороне идет глухая война. Или же...

Саймон лихорадочно зашнуровал пояс и натянул сапоги, он чувствовал, что, буквально, холодеет при мысли, что есть ведь и третья возможность — и самая худшая: а что если Колдер не сокрушен, и что зло, которое так же было чуждо этому миру, как и он сам, снова зашевелилось и приблизилось к ним.

С тех пор, как последние атаки безжалостного врага были отражены и пала его твердыня на острове Горм, а инспирированное ими восстание в Карстене подавлено, Колдер исчез. Все было тихо в мрачных краях Айля, хотя их армии не могли бы преодолеть полосы укреплений, воздвигнутых там на морской и сухопутной границах. Но Саймон не верил, что это поражение означает полный разгром Колдера. Он считал, что покончить с Колдером можно только после того, как будет сметено с лица земли само гнездо врага вместе со всеми его чудовищными обитателями. Однако до тех пор, пока на юге им по-

прежнему грозит Карстен, а с севера — Ализон, вряд ли они смогут что-либо предпринять для этого.

Он прислушался, не гудит ли на сторожевой башне набат — ведь не могли же стражи Южного Форта оказаться застигнутыми врасплох, они всегда были начеку. Но все было тихо.

— Саймон! — голос ее прозвучал так твердо и повелительно, что он снова схватился за оружие.

Лицо Джелит казалось в сумраке спальни белым пятном, но все же он видел крепко сжатые губы и огонек, зажегшийся в ее глазах. Она набросила на себя широкое красное одеяние, небрежно прихватив на груди его складки обеими руками, так что подол волочился по полу, когда она неуверенными шагами, словно во сне, подошла к ложу. Но она уже совсем проснулась, пришла в себя, и двигал ею вовсе не страх.

— Саймон! Я снова единое целое! — эти слова поразили его в самое сердце куда сильнее, чем сигнал опасности, прозвучавший в его мозгу. Значит, это все же значило для нее так много? То, что она как бы утратила часть своего «я» после того, что было между ними? Но тут же он постарался найти ей оправдание. Ведь волшебство играло такую роль в ее жизни! Как и все ее сестры по духу, она находила в нем высшую радость, она гордилась им. И все же Джелит с готовностью отказалась от того, что составляло саму ее жизнь, когда пришла к нему, ни на минуту не сомневаясь, что в соединении их тел утратит все то, что было ей так дорого!

Саймон протянул к ней руку, и их пальцы сплелись. Неожиданная радость, казалось, согревала Джелит изнутри, и этот Дар передался Саймону. Он почувствовал ответное горячее пожатие ее тонких пальцев.

— Откуда же... — начал было он, но она перебила его:

— Это все еще со мной, по-прежнему со мной! О, Саймон! Я не только женщина, я еще и волшебница!

Она отпустила одеяние, которое все еще придерживала одной рукой, и поднесла руку к груди, ища то, чего у нее не бы-

ло больше — волшебный драгоценный камень, который она отдала, рассталась навсегда накануне свадьбы.

И сразу же лицо ее снова чуть потускнело — ведь только через этот камень она могла пользоваться той энергией, которая — она ощущала это так ясно — по-прежнему в ней кипела. Но тут же она опустила руку и замерла, высоко подняв голову и словно прислушиваясь к чему-то.

— Тревоги не было, — сказал Саймон, наклоняясь, чтобы подобрать с пола упавшую одежду и закутать жену.

Джелит кивнула:

— Не думаю, что это было нападение. Но произошло что-то нехорошее, стряслась какая-то беда.

— Да, но только где и что именно?

Она все еще стояла, словно прислушиваясь, но на этот раз Саймон ясно видел, что она не слушает, а воспринимает какие-то волны, направленные прямо на ее мозг. И он тоже ощутил какое-то смутное беспокойство, которое быстро переходило в желание немедленно действовать.

— Лойз! — прошептала Джелит. Она круто повернулась и бросилась к своему сундуку. Она стала одеваться так же поспешно, как это раньше сделал Саймон, но только не в обычный домашний наряд, а в костюм из мягкой кожи, который надевался под кольчугу, когда они отправлялись верхом на вооруженную вылазку.

Лойз? Саймон не был в этом так уж уверен, хотя и не стал задавать вопросов. Их было четверо, бойцов за освобождение Эсткарпа и за собственное освобождение от того зла, которое Колдеру удалось так глубоко внедрить в этом мире, некогда бывшим столь справедливым. Саймон Трегарт — пришелец из другого мира, Джелит — волшебница Эсткарпа, Корис, бежавший из Горма после того, как остров погрузился во тьму, — капитан гвардии, а позднее — сенешаль и маршал Эсткарпа; и Лойз — наследная принцесса Верлейна, твердыни разбойных властителей Побережья. Лойз бежала из Верлейна из-под венца с Ивьяном из Карстена, с ней вместе бежала и Джелит. Они ук-

рылись в безопасном убежище, а потом долгое время тайно боролись в Карсе за свержение Ивьяна. Лойз, надев кольчугу, сражалась с мечом в руках в битве под Гормом, а после, в крепости Сиппар, поклялась в вечной верности Корису. Лойз, бледная, хрупкая девушка, по-настоящему мужественная и бесконечно храбрая! И сигнал был об опасности, грозящей именно ей.

— Но ведь она в Эс-Касле, — запротестовал Саймон, торопливо натягивая кольчугу, точную копию той, которая уже позванивала кольцами на плечах Джелит.

— Нет, — голос Джелит звучал твердо. — Здесь что-то такое, связанное с морем.

— Корис?

— Я не ощущаю его. Если бы только у меня был мой камень! — она натягивала сапоги. — У меня такое чувство, будто я пальцами пытаюсь поймать туман. Все в какой-то дымке, но я точно знаю, что Лойз в опасности, и эта опасность связана с морем.

— Неужели Колдер? — со страхом спросил Саймон.

— Нет. Я не вижу пустоты защитной стены Колдера. Но помощь необходима срочная! Мы должны скакать, Саймон, к юго-западу. — Она смотрела на стену, словно видела сквозь нее то, о чем рассказывала.

— Мы отправляемся!

Торопливо шагая к лестнице, ведущей вниз, они услышали привычные звуки смены караула, но в остальном в крепости было все спокойно. Саймон крикнул вниз:

— Трубите сбор!

Его возглас гулом раскатился под массивными сводами, и тотчас же снизу донеслось ответное восклицание. Они едва успели достигнуть середины лестницы, когда раздался сигнал трубы.

Гарнизон был хорошо подготовлен для внезапных набегов. Много раз и весной, и осенью по сигналу трубы вылетали за стены отряды пограничников. Те, кто входил в ударные силы,

находившиеся под командованием Саймона, были набраны главным образом из числа беглецов — потомков Древней расы. Изгнанные из Карстена кровавыми порядками Колдера, они имели более чем достаточно оснований ненавидеть насильников и убийц, завладевших их исконными землями, а теперь время от времени предпринимавших попытки разрушить и последнее прибежище этих бездомных — Эсткарп. Эти люди, темноволосые и темноглазые, сохранили многовековую мудрость Древней расы. В их жилах текла необычная кровь, их женщины владели тайнами волшебства, а мужчины были непревзойденными воинами.

Ингвальд, первый заместитель Саймона еще с тех старых времен, когда они сражались рядом, стремя к стремени, ожидал их во дворе.

— Мы поскачем к юго-западу, — коротко сказал Саймон в ответ на вопрошающий взгляд Ингвальда. — Там стряслась беда. Я забираю с собой половину отряда. Ты остаешься здесь командиром второй половины.

Ингвальд кивнул.

— С тобой поскачут люди Дуротана, — сообщил он. — Они все равно должны сегодня нести дозор на холмах, так что все в сборе.

— Годится.

К ним подбежала одна из служанок, с блюдом в руках. На нем лежали большие ломти свежеиспеченного хлеба, поверх которых дымились куски мяса. За ней спешил мальчик, неся доверху наполненный кувшин с вином.

Джелит и Саймон поели стоя, пока слуги снаряжали коней, приторачивая к седлам сумки с припасами, готовили оружие.

— Вестница! — Джелит рассмеялась коротким счастливым смешком. — Она уже знает! Если бы у меня снова был камень, мы бы могли и вовсе освободить ее от обязанности вестницы!

Саймон моргнул. Значит, Джелит все же сумела, даже без своего камня послать мысленную весть той молодой волшеб-

нице, которая должна была теперь служить им для связи с командованием армией Эсткарпа. И, возможно, сообщение теперь на пути к Совету.

Он стал вспоминать края, которые им нужно было пересечь по пути на юго-запад... Там были, главным образом, горы, заброшенные пастбища, а на западе — морское побережье. Одна или две деревушки, два торговых центра, несколько временных сторожевых пунктов.

Что может Лойз делать в тех местах? Почему она решила покинуть Эс-Касл и отправиться в те дикие края?

— Ее пленили хитростью, — Джелит снова прочитала его мысли. — Хотя какой именно хитростью, сказать не могу. Зато могу догадаться о причине... Это дело рук Ивьяна!

Собственно, это было единственное логичное объяснение любых действий против наследницы Верлейна. По законам Карстена она все еще была женой Ивьяна, через нее он мог претендовать на трон, хотя никогда не видел ее, как и она его. Достаточно ему заполучить ее в свои руки, и сделка, которую Фальк заключил за счет своей дочери, будет завершена. Карстен, по слухам, был охвачен волнениями... Ивьян, в прошлом он был всего лишь наемником, сумевший огнем и мечом добыть себе власть, оказался лицом к лицу с знатью из древних родов, пылавшей ненавистью к нему. И ему необходимо было разделаться с ними, иначе трон его рухнет.

А в жилах Лойз текла кровь старинного и благородного рода, она могла похвастаться родством, по крайней мере, с тремя из наиболее могущественных домов. Если Ивьян воспользуется Лойз, ему удастся поправить положение. Но ему необходимо было поторопиться. Хотя Саймон знал, что у Эсткарпа нет намерения вести войну за пределами своих границ — разве только что против Колдера — Ивьян, конечно, в это не поверит. Ему наверняка плохо спится при мысли о том, что кровавая резня, которой он подверг потомков Древней расы, непременно должна привести к тому, что волшебницы обратят против него свое волшебство, чтобы отомстить. И Лойз,

бесспорно, отличное орудие против этой угрозы, так что Ивьян был готов на все, чтобы ее захватить в плен.

Они выехали из крепости рысью. Джелит — за скакавшим во главе отряда Саймоном, позади следовали двадцать солдат Дуротана. Перед ними, на добрых четыре часа пути, расстилалась дорога, ведущая к побережью. Прежде это была центральная торговая артерия Эсткарпа, но когда во время вражеского набега был дотла разрушен и сожжен Салкаркип, крупный портовый центр, движение по этой дороге почти прекратилось, если не считать объездов патрулей, которые время от времени расчищали ее от упавших деревьев и обломков, принесенных штормом.

Кони процокали копытами по мостовой Ромсгарта, городка, где обычно проводились ярмарки окрестных ферм. Ранние прохожие с любопытством смотрели на кавалькаду, изредка обращаясь к проезжавшим с вопросами. Саймон заметил, как Дуротан сделал знак городскому стражу, — здесь они оставляют бдительную, всегда готовую к бою охрану на сторожевом посту. Карстен и Ализон прекрасно понимали, что потомки Древней расы даже в своем теперешнем положении не собираются сдаваться без боя, и при всяком удобном случае унесут с собой много вражеских жизней. И именно это удерживало оба государства от попытки напасть на Эсткарп.

В нескольких лигах от Ромсгарта Джелит сделала знак остановиться. Она ехала с непокрытой головой, ее шлем свешивался с седельного рожка. И сейчас она медленно поворачивала голову, словно пытаясь уловить запах следов. Но Саймон уже сам нашел их.

— Вон там!

Ощущение опасности, которое все это время ни на секунду не покидало его, стало необыкновенно острым. К югу от большой дороги виднелась тропа. Поперек нее лежало сваленное дерево, на нем виднелись свежие затесы. Один из верховых спешился, чтобы внимательно осмотреть тропу.

— Следы копыт... свежие...

— Рассеяться, — приказал Саймон.

Они рассыпались в разные стороны и, чтобы не ехать по тропе, стали прорубаться сквозь кустарник. Джелит надела шлём.

— Торопитесь!

Она пришпорила своего коня, перепрыгнула через дерево и поскакала вперед. Саймон помчался следом за ней. Любому наблюдателю показалось бы, что их всего двое — остальная часть отряда отстала.

В лицо бил пахнущий морем свежий ветер. Что было там, в бухте? Быть может, корабль, пришедший сюда, чтобы похитить Лойз и умчаться обратно в Карстен? Саймон пожалел, что с ними нет ни одного фальконера с их приученными птицами, которых можно было бы послать на разведку.

Саймон услышал торопливое цоканье копыт — их поспешно догоняли остальные спутники — ведь здесь опасно было находиться без защиты. Совершенно неожиданно они очутились на широкой, поросшей травой поляне, которая плавно спускалась к берегу. На ней паслись две лошади с пустыми седлами. А в отдалении покачивался на волнах корабль, и ветер туго надувал его разрисованные паруса. Он был вне пределов досягаемости.

Джелит спешилась и побежала к тому, что ярким пятном выделялось на белом песке прибрежной полосы. Саймон последовал за ней. Они остановились у тела, глядя на уже застывшие в мертвой неподвижности черты женского лица. Руки женщины были крепко стиснуты на груди, они вцепились в рукоять кинжала, пронзившего ее. Саймон не знал погибшую.

Джелит нахмурилась.

— Кто она? — спросил Саймон.

— Я видела ее когда-то. Она откуда-то из-за гор. Ее имя... — с торжествующим возгласом Джелит извлекла имя из тайников памяти. — Ее звали Бертора, и когда-то она жила в Карсе.

— О Боже!

Саймон посмотрел туда, куда указывал один из его людей. Там, у самой воды, среди гальки и песка, было воткнуто копье, которое лениво лизали зыбкие волны. И на нем была одета рукавица от кольчуги. Объяснений никому не требовалось. Здесь побывал Карстен, и он желал, чтобы о его появлении стало известно. Ивьян открыто вызывал на бой. Саймон сомкнул вокруг рукавицы пальцы и сдернул ее с копья.

2. Пограничный набег

Лучи солнца нестерпимо светили прямо в глаза, отражаясь от лежащего на столе предмета, словно от драгоценного камня. А на самом деле это была всего лишь перчатка от кольчуги, лежавшая вверх металлической частью, вниз кожаной ладонью.

— Лойз исчезла два дня назад, и никто не знает, куда и зачем она направилась, — тихим голосом сказал Корис из Горма. — Он стоял у края стола, наклонясь вперед и вцепившись в рукоятку своего топора так сильно, что выступили побелевшие костяшки. — И я только вчера вечером узнал об этом! Только вчера... Зачем, зачем она это сделала?

— Мы можем считать, что это работа Карстена, а о причинах можно только догадываться, — сказал Саймон, встретившись глазами с тревожным взглядом Джелит.

Если Корис так близко к сердцу воспринимает происшедшее, так сильно переживает это, то шаткое равновесие сил Эсткарпа против враждебных государств вполне может рухнуть. Ибо даже сила волшебства будет не в состоянии удержать молодого сенешаля от попытки разыскать Лойз. По крайней мере, пока он не будет в состоянии спокойно размышлять о случившемся. Разве, впрочем, и сам Саймон не вел бы себя точно так же, если бы этот корабль увез Джелит?

— Карс падет!

Эти слова были произнесены совершенно спокойно, даже безразлично.

— Это будет так просто? — возразил Саймон. — Ведь если Корис из Горма рванется через границу сейчас со своими небольшими силами, то большей глупости и не придумать. Карс, конечно, падет, — продолжал Саймон, — но только если мы все тщательно обдумаем, а не просто ринемся в атаку, очертя голову.

— Корис, — рука Джелит с длинными тонкими пальцами появилась в полосе света над перчаткой, — тебе не следует недооценивать Лойз!

— Недооценивать? — спросил Корис. Слова Джелит дошли до него, хотя слов Саймона он словно бы и не расслышал.

— Вспомни Брайанта. И не отделяй их друг от друга сейчас в своих мыслях.

Брайант и Лойз — она снова права, его жена-волшебница, — подумал Саймон. — Лойз и в самом деле под видом наемника Брайанта жила вместе с Джелит в Карсе, вела разведку в самом логове врага. Под этим же именем Лойз не только сумела вырваться из Верлейна, но еще и увезла с собой пленницу Джелит. И это как раз тогда, когда все в этой неприступной крепости — и сам лорд, и все его люди — были против нее. И Лойз, которая одновременно была Брайантом, вовсе не беззащитная девушка, она обладает умом, волей и решимостью.

— Она ведь принадлежит Ивьяну — по их проклятым законам! — Корис махнул своим топором, описав дугу над сверкающей перчаткой.

— Нет. Она принадлежит только самой себе, пока не решит иначе. Корис! Я не понимаю, каким образом им удалось выманить ее к себе, но только сомневаюсь, чтобы они смогли надолго удержать ее. Но подумай вот о чем, мой гордый капитан: стоит только тебе ворваться в Карс, как ты того хочешь, как Лойз немедленно станет орудием против тебя в руках Ивьяна. Неужели ты этого не понимаешь?

Корис повернул к ней голову и поднял глаза вверх, чтобы встретиться с Джелит взглядом — ему всегда приходилось делать так из-за его маленького роста. При слишком широких плечах он казался еще ниже, чем был на самом деле.

— Я не оставлю ее там...

— Мы тоже не оставим, — согласился с ним Саймон, — но суди сам: ведь они потому и увезли ее туда, что рассчитывали на то, что мы клюнем на эту приманку. И тогда ловушка сработает.

Корис прищурился:

— Так что же ты предлагаешь? Предоставить ей самой позаботиться о себе? У нее достаточно храбрости — у моей леди, но ведь она не волшебница. И не сможет одна сражаться против всех!

Но у Саймона ответ был наготове: в его распоряжении, к счастью, было несколько часов, прежде чем Корис со своим отрядом примчался в крепость, и он успел все обдумать. Он бросил на стол рядом с перчаткой карту, нанесенную на пергамент.

— Мы не помчимся прямо в Карс. Все равно не сможем захватить этот город без большой армии, да и тогда бы нам пришлось жестоко сражаться. Но наш авангард проникнет в город по приглашению самого Ивьяна.

— Изменить облик?.. — Корис постепенно начал успокаиваться.

— Вот именно, — кивнул Саймон. — Мы очутимся вот здесь...

В этом, конечно, был некоторый риск. Он обдумывал такую операцию уже давно, но до сих пор считал, что слишком много остается доводов против такого плана. Но сейчас ему надо было что-то противопоставить вылазке Карстена, и Саймон считал, что это единственный правильный выход.

Корис внимательно изучал карту.

— Верлейн! — Корис искоса посмотрел на Саймона.

— Ивьяну нужен Верлейн. Он издавна мечтает о нем. Он и на Лойз-то женился главным образом ради него. И дело тут не только в награбленных сокровищах, которые там хранятся, хотя наемная армия и обходится Ивьяну очень дорого. Гораздо больше его интересует сама крепость — ее так легко превратить в порт, откуда можно совершать разбойничьи набеги на

нас. А теперь, когда сокровища Древней расы уже разграблены, он особенно остро нуждается в Верлейне. Фальк вел себя более благоразумно, не осмеливаясь вторгнуться на территории Ивьяна. Но если все же он пошел бы на это...

— Предложить Верлейн в обмен на Лойз? Ты предлагаешь именно это?

Красивое лицо Кориса нахмурилось.

— Мы должны внушить Ивьяну, что он может получить Верлейн без лишних неприятностей.

Саймон впервые говорил вслух о том, что раньше хранил при себе. Слушая его, Корис постепенно перестал хмуриться, но внимательно вникал в план, ища в нем слабые места. Однако он не перебивал Саймона, который приводил все новые факты, добытые фальконерами и разведчиками, соединяя все, что ему удалось установить, и то, что ему было известно из прошлого опыта военачальника.

— Если они увидят перед замком корабль, то немедленно организуют вооруженную вылазку. И внутри крепости у них тоже надежная охрана. Но внутри крепостных стен и под покоями имеются старые ходы, о которых Фальку ничего не известно. Они, разумеется, не охраняются. Именно этими ходами пробралась Лойз, и они известны моей жене. Отряд, который спустится с гор, проникнет в эти ходы, и тогда — крепость наша! А потом мы разделаемся с теми, которые рыщут по побережью.

— Но ведь на это потребуется время, я думаю, и хорошая буря, и немалое везенье.

Но возражения Кориса были невесомее пуха, и Саймон это отлично понимал. Капитан непременно примет его план, а значит, угроза немедленной атаки вражеской территории отпала. По крайней мере, до тех пор, пока Корис занят Верлейном.

— Что же касается времени, — Саймон развернул карту снова, — то мы уже предприняли кое-какие шаги к нашей цели. Я послал сообщение фальконерам, и они рассеялись по вершинам. Разведчики пограничников отлично знают каждый уголок

в тех местах, а салкары должны привести в порядок одно из брошенных суденышек в нашей гавани Сиппар. На нем поставят новые паруса, и оно будет двигаться достаточно быстро, а балласт придаст ему достаточную осадку, как будто это обычное грузовое судно. На нем будет вымпел с торговыми знаками Ализона. Что же касается шторма...

Джелит рассмеялась.

— А, шторм! Неужели ты забыл, Саймон, что ветры и волны подвластны нам? Когда пробьет час, я позабочусь о ветре и волнах.

— Но ведь...

Корис снова взглянул на нее, на этот раз в его взгляде был ясно выраженный вопрос.

— Но ты считаешь, что я теперь не имею прежней Силы, Корис? Но это далеко не так — могу тебя в этом заверить! — В голосе ее звенела радость. — Едва я получу обратно мой волшебный камень, ты сам в этом убедишься! Итак, Саймон, пока ты отправишься к границе и раскинешь там свою сеть против Фалька, я поскачу в Эс-Касл за тем, что снова принадлежит мне по праву!

Он кивнул, но где-то в глубине души снова шевельнулось сожаление, почти боль. Ему казалось, что она отказалась ради него от этого камня с радостью и без сожалений. А теперь, когда выяснилось, что жертва вовсе и не была принесена, что она не утратила того, с чем, казалось бы, рассталась навеки, теперь она снова окутала тайной все то, что открыто было ему в ней. И снова странное отчуждение возникло между ними, ему вдруг стало холоднее. Что, если это отчуждение со временем превратится в стену, и она разделит их навеки? Но тут же Саймон отогнал от себя эти мысли — сейчас нужно думать только о Верлейне.

Саймон послал известие, но не с помощью сигнального огня, который могли заметить шпионы Карстена, а с помощью вестниц-волшебниц там, где это было возможно, а там, где такой возможности не было, приказ Саймона передавали верхо-

вые нарочные. Гарнизоны укреплений сокращались: где на пять, где на десять-двенадцать человек. Те, кого отбирали, должны были осторожно пробираться небольшими группами в горы под видом обычных патрулей и там дожидаться решающего приказа. Корис договорился с Аннером Осбериком, начальником отряда торговцев-рейдеров, которые поселились в Эс-Порте с тех пор, как их береговая крепость была захвачена врагом. Когда-то в Салкаркипе погиб отец Осберика, ненависть которого к колдерам и всему их клану была так же велика и грозна, как волны бушующего моря. Эта ненависть досталась по наследству его сыну, и потому Аннер Осберик всегда готов был выступить против общего врага.

План начал претворяться в жизнь, и все, о чем оставалось договориться, было только время выступления.

Саймон распластался на самом краю утеса. День был пасмурный, но тумана не было, и потому Саймон ясно видел две арки башен Верлейна; поднеся к глазам прозрачную кварцевую линзу — эсткарпский вариант земного бинокля — он внимательно оглядел высокие стены крепости. Вдали маячил когтеобразный риф, тот самый, что приносил добычу обитателям крепости, промышлявшим морским разбоем. Именно на этот риф и должен был высадить своих лже-торговцев Аннер. Таким образом, они окажутся достаточно далеко от крепости, чтобы выманить наружу гарнизон в надежде поживиться за счет очередной жертвы моря.

Серое небо и влажный воздух предвещали шторм. Однако им нужна была управляемая стихия, которая сработала бы на них. Саймон продолжал изучать местность через линзу, но его мысли были заняты совсем другим. Джелит уехала в Эс-Касл к Властительницам, полная радости и восторга перед своим открытием, что она не утратила колдовских способностей. Но с тех пор он не слышал от нее ни единого слова, не было между ними и той мысленной связи, которую Саймон ожидал. И теперь он уже почти был готов поверить, что те недели в Южном Форте были всего лишь сладким сном, что никогда не было в

его жизни столь полного свершения желаний, какое он испытал в тот миг, когда она слилась с ним воедино. Ведь тогда ему показалось, что теперь он точно знает, что такое блаженство, с которым не сравнится даже рай.

И снова его охватил холодный страх, и снова ему почудилось, что между ними вырастает стена. Нет, лучше всего гнать от себя прочь все мысли об этом, иначе он, подобно Корису, забудет свой долг и сломя голову кинется на поиски Джелит.

Времени было мало, очень мало. «Сегодня ночью, — подумал Саймон, убирая в карман кварцевую линзу, — сегодня ночью они выступают». Прежде, чем уехать, Джелит передала ему все сведения о подземных ходах Верлейна, и теперь они запечатлены навсегда в его мозгу. Прошлой ночью он с Ингвальдом и Дуротаном спустились в пещеру, где начинались эти ходы. Молча смотрели они на старинный алтарь, воздвигнутый в честь богов, обратившихся в прах вместе с теми, кто их почитал. Он ощутил нечто странное, что невозможно было определить, нечто висевшее в воздухе, от чего трудно становилось дышать. И это нечто оказало настолько сильное противодействие способности Саймона воспринимать происходящее сверхчутьем, что он едва совладал со своим телом, которое задрожало, словно в лихорадке. В этих подземных тайниках Древнего Мира, без сомнения, противоборствовали друг другу многие таинственные силы.

Саймон соскользнул с утеса, перебрался к расщелине, где притаились три разведчика пограничников и один фальконер.

Саймон спросил:

— Сообщения были?

«Глупый вопрос, — тут же подумал Саймон, — ведь он и сам бы в тот же миг узнал о ее прибытии, будь она здесь». Но юноша в кожаном костюме и кольчуге разведчика вскочил на ноги при виде Саймона.

— Есть сообщение от сенешаля, лорд. Капитан Осберик полностью подготовил судно. Он может спустить его на воду

по сигналу, но только не может поручиться, что ветер продержится достаточно долго.

Время... Саймон не обладал способностью управлять стихией, и потому, если Джелит не вернется вовремя, им придется рискнуть и положиться на волю наступающего шторма, не рассчитывая на помощь волшебства... И это должно быть сделано сегодня ночью, самое позднее — завтра.

Раздался резкий крик птицы, и черно-белый сокол, глаза и уши Ункара, камнем упал на подставленную руку хозяина.

— Сенешаль идет, — сообщил Ункар.

Саймон никогда не мог разобраться в той связи, которая существовала у птиц с человеком, но он давно убедился, что такие сообщения всегда точны, и что птичья служба фальконеров куда надежнее, чем любая разведка на этих высотах. Корис идет сюда, и он настроен выступить немедленно, и на этот раз Саймону придется уступить настояниям других. Но где же Джелит?

Несмотря на неуклюжее тело, Корис двигался с той расчетливой экономией энергии, которая отличает всякого опытного бойца. Огромный топор, который он вынул из руки легендарного Вольта в тайной гробнице птичьего бога, скрывался под складками плаща, но на сенешале был боевой шлем и оружие тоже при нем. Красивое лицо, так странно сочетавшееся с уродливым телом, светилось мрачной радостью.

— Мы выступаем этой ночью! Аннер говорит, что ветер и волны благоприятствуют нам. А позже он не может поручиться за это. — Он помолчал, потом тихо добавил: — С севера нет никаких сообщений.

— Пусть будет так! Подавайте сигнал, Уолдис. Мы выступаем в сумерках.

Юноша исчез среди скал с быстротой стрелы, выпущенной из лука. Худое лицо Ункара выглянуло из узкой щели шлема, сделанного в виде птичьей головы.

— Скоро пойдет дождь. Это будет весьма кстати. В сумерках, Хранитель Границ.

И он последовал за Уолдисом, чтобы собрать своих людей.

Заката в этот вечер не было — настолько тяжелы облака. А море бушевало все сильнее. Скоро Осберик пустит свое судно-приманку на волю волн. У морских грабителей было три наблюдательных пункта: два на рифе и один на центральной башне крепости; в плохую погоду на всех трех пунктах непременно стоят часовые. Охраны на рифах бояться не приходится, но подступы к крепости, по которым должны двигаться атакующие, находятся в поле обзора сторожей на центральной башне. И потому Саймон все же беспокоился, хотя было решено использовать все мало-мальски пригодные укрытия на этом пространстве. Теперь же им очень поможет приближающийся дождь.

Но штормовой ветер опередил дождь. И только сумерки скрывали теперь пограничников и сокольничих, которые цепочкой шли к нужной пещере и осторожно вползали в ее черное жерло. В темноте вдруг что-то вспыхнуло, и Саймон услышал тихое восклицание Кориса.

Лезвие топора Вольта тоже вспыхнуло огнем, и Саймон сразу же ощутил веяние какой-то силы от покосившегося алтаря, прилив какой-то непонятной мощной энергии, которую он не мог бы описать, но все же страшился.

— Свет сражения! — раздался безрадостный смех Кориса. — Благодарю тебя, Вольт, за эту новую милость.

— Шагай вперед! — поторопил его Саймон. — Кто может знать, что вызывает здесь к жизни лезвие?

Они быстро нашли начало подземного хода. По спине у Саймона бегали мурашки, волосы под тяжестью шлема шевелились — так велика была наэлектризованность атмосферы подземелья. По стенам полосами сползала слизь, мерцавшая в свете их факелов. Чем дальше они уходили, тем более спертым становился воздух, пропитанный сыростью и пахнущий плесенью. Почва под ногами вздрагивала от глухих ударов бушующего внизу моря.

Наконец перед ними возникла лестница, металлические поручни и ступени которой казались какими-то гигантскими

сплетениями паутины на фоне темных стен пещеры. Именно по этим лестницам Джелит бежала из крепости вместе с Лойз, и Саймону приходилось полагаться на эти сведения, проверить которые не было возможности. Оттуда, из этой комнаты, они могут попытаться застигнуть Фалька врасплох и захватить его, но это только при условии, что гарнизон будет занят мародерством за стенами крепости.

Ступеней было бесчисленное количество, и Саймон в конце концов сбился со счета. Они не заканчивались даже перед дверью, которую им указала Джелит — лестница уходила дальше вверх. К счастью, замок на двери оказался самым примитивным и без всякого хитроумного приспособления. Саймон немного повозился с запором, и пятифунтовый овал медленно отошел в сторону.

В комнате царила тьма, так что они не могли загасить факелы. Прямо перед ними был альков с кроватью, рядом с ней — красный сундук, еще один стоял под окном, за которым бушевал шторм.

— Сигнал!

Впрочем, Саймону незачем было отдавать приказ. Один солдат из охраны Кориса уже вскочил на стоявший под окном сундук, отодвинул ставень и просунул руку с факелом в отверстие. Несколько условных жестов рукой, в такт которым замигали и факелы остальных членов отряда, и Аннер Осберик примет условный сигнал — если, конечно, он уже на месте. И тогда он снимет с якоря свое судно. Теперь им оставалось только ждать, пока сигнал о приближении корабля поднимет гарнизон крепости.

Именно это ожидание и было для них хуже всего. Две небольшие группы — одна под началом Ингвальда, другая под руководством Ункара — осмотрели ближайшие помещения. Ункар сообщил, что за соседней дверью находится еще одна пустая спальня — запасной путь к отступлению.

Время тянулось нестерпимо медленно. Саймон мысленно перебирал все возможности провала их плана. Фальк, конечно,

должен быть настороже и всегда готов отразить нападение извне. У него были свои разведчики, как это выяснили люди Саймона. Но о потайных ходах в крепости не должен знать никто, так, по крайней мере, считала Лойз.

— А-а-а! — послышался рядом вздох облегчения, тут же потонувший во взорвавшемся над их головами отчаянном шуме и бряцании оружия.

— Вот оно! — Корис стиснул плечо Саймона и рванулся к двери комнаты. — Набатный колокол, возвещающий о крушении! Теперь-то уж эти крысы выползут из своих нор!

3. Черная ночь

Терпение! Терпению Лойз научилась давным-давно. И теперь ей снова придется им воспользоваться как оружием против страха и паники, которые стыли внутри нее, тисками схватывали горло, придавливая тяжелым грузом. Терпение... и ее собственный ум — вот что оставили ей.

В комнате, где ее так надолго оставили одну, царила мертвая тишина. Не было нужды пытаться проверить прочность ставен или двери: ведь они даже ободрали драпировки со столбов у постели. Чтобы она ничего не сделала с собой, так решила Лойз. Но до этого пока что не дошло, о, нет и нет! Губы Лойз сложились в подобие улыбки, но в глазах застыла горечь.

Она чувствовала себя очень плохо. Комната плыла и раскачивалась перед глазами, так что Лойз никак не могла собраться с мыслями. Еще на борту корабля ее стала мучить тошнота, и она не могла ничего есть. Сколько времени она не ела? Она стала по-детски загибать пальцы, подсчитывая дни. Три, четыре... пять дней? И все время перед ее мысленным взором стояло лицо той темноволосой женщины, которая однажды утром явилась в Эс-Касл и предстала перед ней с какой-то сказкой. Что она налгала?

Лойз изо всех сил напрягла память, стараясь вспомнить все подробности той встречи. И страх ее стал еще сильнее, когда она вдруг отдала себе отчет в том, что провал в памяти не имеет ничего общего с недомоганием и потрясением, которое она испытала. Нет, это была блокировка памяти, которая никак не могла быть связана ни с ее физическим состоянием, ни с эмоциями. Эта женщина... Бертора! Лойз испытала острую радость, когда все же сумела вспомнить имя женщины. Эта Бертора увезла ее из Эс-Касла, принеся ей какое-то сообщение. Но что это было за известие? И от кого? О, почему, почему она в такой глубокой тайне сохранила свой отъезд с Берторой из Эс-Касла? Какие-то отрывочные воспоминания у нее сохранились о дороге через лес, о шторме и о том, как они искали убежища от волн и ветра среди скал. А потом они спустились к самому морю и стали ждать.

Почему? Почему она так спокойно оставалась с Берторой, не испытывая ни беспокойства, ни подозрения? Быть может, ею двигала какая-то посторонняя сила? Нет, в это трудно поверить. В Эсткарпе у нее были только друзья, не враги. А вот теперь, соединяя воедино отрывочные воспоминания, Лойз начала понимать, что Бертора вела с ней себя так, словно бежала от врагов на чужой земле! Неужели и у Карстена также есть волшебницы?

Лойз сжала руками щеки, и те, и другие были холодны, как лед. Но ведь поверить в это — значит, усомниться в собственной же Родине. С тех пор, как потомки Древней расы были объявлены в Карстене вне закона — их убивали на месте по любому поводу — там не осталось волшебниц. И все-таки, она уже не сомневалась больше, что ей была навязана чужая воля, что ее, помимо ее собственного желания, кто-то принудил идти на юг, к морю, где ждал корабль.

И что-то еще там было... что-то, связанное с Берторой. Она должна вспомнить, ведь это так важно. Она стиснула судорожно кулачки, так что побелели костяшки пальцев.

Да, верно... Бертора что-то кричала им.

Лойз не могла вспомнить, что именно Бертора кричала, но помнила интонации: они были сначала молящие, потом отчаянные. И один из тех, кто прибыл на корабле, прекратил эти крики, спокойно, почти небрежно проткнув женщину кинжалом. Бертора пала навзничь, руки ее вцепились в рукоять клинка так сильно, что владелец оружия не смог выдернуть его из груди женщины. Потом раздался короткий приказ, другой из прибывших наклонился над Берторой, пошарил в складках ее туники и извлек оттуда какой-то предмет, который зажал в кулаке — что именно? Лойз не сумела увидеть.

Бертора отдала ее в руки Карстена, и за это ей заплатили смертью. Но помощь Берторе в этом деле оказало какое-то оружие, неизвестное Лойз.

Впрочем, неважно, как это было сделано. Теперь она в Карсе, в руках Ивьяна. Даже если ее сейчас ищут в Эсткарпе, то все равно они могут строить только догадки о том, куда она исчезла. К тому же... если даже они догадаются... ведь им понадобится целая армия, чтобы выручить ее из Карса. А такую армию Эсткарп не может выставить в данный момент. Лойз достаточно часто присутствовала на военных советах, чтобы отдавать себе отчет, как непрочно сейчас положение Древнего Королевства. Стоит только им отправить армию против Карстена, и Ализон немедленно нападет на них с севера.

Когда-то в Верлейне она была одна против могущества, против всей власти Фалька, и не было у нее ни одного друга в стенах этой морской твердыни. И снова она оказалась одинокой против могущественного врага, если бы только не эта ужасная тошнота, если бы только не кружилась так голова, она бы тогда могла мыслить более ясно. Но стоило ей лишь пошевельнуться, как пыльный пол начинал уходить у нее из-под ног...

Внезапно отворилась дверь, темноту комнаты разрезал узкий луч света лампы, ослепивший ее на мгновение. Когда она открыла глаза, перед ней стояло трое: двое мужчин в ливреях герцогских слуг, один из них держал лампу, другой — поднос,

уставленный тарелками, а третий не был мужчиной, судя по изящной фигуре и шарфу, накинутому на голову...

Поставив лампу и поднос на столик, слуги удалились, и только тогда женщина подошла к Лойз и откинула густую вуаль.

Она была выше ростом, чем наследница Верлейна, отлично сложена и держалась с непринужденной грацией и изяществом, каким не могла похвастаться Лойз. Светлые густые волосы были уложены в замысловатую прическу и убраны под золотую сетку, украшенную драгоценными камнями. Такие же драгоценности сверкали на шее, на рукавах и на подоле тяжелого платья, ее тонкие запястья украшали браслеты. Можно было подумать, что, готовясь к встрече, эта женщина специально украсила себя со всей пышностью и великолепием, какие были ей доступны. Но увидев спокойные глаза, серьезное лицо, Лойз подумала, что эта женщина вряд ли нуждается в такой поддержке, как вся эта мишура.

Женщина протянула сверкающую драгоценностями руку, взяла лампу со столика и подняла ее повыше, глядя прямо в лицо Лойз оценивающим взглядом, который мог бы вызвать у нее краску смущения, но девушка даже не дрогнула. Она не могла, разумеется, соперничать с такой красотой. Взамен золотой копны у Лойз была гладкая прическа из бесцветных прядей; взамен изысканной грации движений, не заученной, а природной, Лойз отличалась неловкой угловатостью. Что же касается ума, то и здесь Лойз не превосходила эту женщину, ибо леди Алдис славилась своим умением искусно плавать в мутных волнах двора Ивьяна.

— Должно быть, в вас есть что-то такое, чего сразу не увидишь, — первой нарушила молчание леди Алдис. — Но только уж очень глубоко это, видимо, скрыто у вас, милая герцогиня.

Голос ее звучал шутливо, но в словах таилась дерзкая насмешка.

Все еще не выпуская из рук лампу, Алдис отвесила поклон, и ее юбки грациозно взметнулись с непревзойденным изяществом, не доступным ни одной женщине, кроме нее.

— Милая герцогиня, не хотите ли перекусить? Ведь, я думаю, вы должны были проголодаться за долгую дорогу?!

Она поставила лампу на стол, подвинула поближе к Лойз стул, все это с преувеличенной услужливостью, в которой сквозило явное пренебрежение. Лойз не пошевельнулась и ничего не ответила. Алдис озадаченно поднесла к губам палец, потом улыбнулась:

— А... я ведь еще не представилась Вашей Светлости! Меня зовут Алдис, и я очень рада приветствовать вас в вашем городе Карсе, где вас так давно ждут. Ну, теперь, быть может, вы изволите пообедать?

— Разве Карс это не ваш город? — спросила Лойз так бесхитростно, как мог спросить ребенок.

Она еще не знала пока, какую роль ей лучше всего играть, но на всякий случай решила, что имеет смысл держаться так, чтобы любовница Ивьяна недооценивала ее.

Улыбка Алдис стала еще шире и яснее.

— Все это — лживые сплетни. Им бы вовсе не следовало касаться ваших ушей, миледи герцогиня. Когда во дворе нет настоящей госпожи, кто-то ведь должен позаботиться о том, чтобы все шло как подобает и как угодно нашему лорду герцогу. Я льщу себя надеждой, что вы не захотите ничего изменить в налаженном порядке.

Что это? Угроза или предупреждение? Во всяком случае, сказано это было самым небрежным легким тоном. Лойз считала, что Алдис никогда не согласится уступить свое место, свою власть, которой она здесь обладала, жене, на которой женились только по государственным соображениям.

— Известие о вашей смерти было большим ударом для нашего милорда герцога, — продолжала Алдис. — Он ведь был готов приветствовать свою супругу, а вместо этого ему сообщили о том, что окно башни открыто и что за ним болтается разорванная веревка, а внизу бушует море — как будто эти волны жаднее его объятий! Немало огорчений принесло это нашему милорду герцогу! Зато каким большим облегче-

нием было для него известие о том, что Лойз из Верлейна жива! Правда, ее околдовали эти собаки с севера и держат у себя в качестве заложницы. Но теперь-то все в порядке, не так ли? Вы в Карсе, и сотня мечей образует надежный заслон между вами и вашими врагами! Так что поешьте, миледи, а потом отдыхайте! Недалек тот час, когда вы будете должны во всей своей красе предстать перед взором своего супруга!

Насмешка больше не была легкой — на сей раз Алдис выпустила коготки и вонзила их поглубже.

Она сбросила салфетки со стоявших на подносе блюд, и запах пищи снова вызвал у Лойз приступ тошноты. Сейчас не время для проявления гордости, не время бросать вызов врагу.

Лойз закрыла лицо руками, словно ребенок, который устал от рыданий, и с трудом поднялась на ноги, держась за спинку кровати. Ее качнуло к столику, и она с трудом двинулась к стулу и почти упала на него.

— Бедное дитя! Вы и в самом деле измучены, — но Алдис не подошла, чтобы помочь ей, и Лойз была искренне благодарна ей за это.

Лойз пришлось взять бокал двумя руками, чтобы поднести его ко рту, до такой степени она ослабла. Ей было неприятно, что Алдис видит, как у нее дрожат руки, она не хотела, чтобы та догадывалась о ее слабости.

Впрочем, особого значения это сейчас не имело. Зато очень важно было то, что силы постепенно возвращались к ней, и прояснялись мысли. То, что Алдис пришла сюда, это, конечно, неспроста. Но пока еще Лойз не знала, сможет ли она извлечь какую-нибудь пользу из этого визита.

По телу разлилось приятное тепло: тот страх, который грыз ее все время, понемногу начал ослабевать. Лойз поставила кубок на столик, пододвинула тарелку с супом и стала есть, с удовольствием вдыхая аромат навара. У герцога Ивьяна отличный повар. Против своей воли Лойз расслабилась, наслаждаясь вкусной едой.

— Говядина в красном вине, — весело прокомментировала Алдис. — Это блюдо вам будут подавать теперь часто, ведь наш милорд герцог обожает его. Джаппон, наш шеф-повар, особенно славится этим блюдом. Милорд герцог желает, чтобы мы все учитывали его вкусы и всячески угождали ему.

Лойз отпила еще немного вина.

— Отменно выдержанное вино, — сказала она, стараясь, чтобы ее голос звучал так же весело и непринужденно, как и той... другой. — Похоже, что ваш милорд герцог — тонкий ценитель напитков. Правда, мне-то казалось, что его небо больше привыкло к грубому вину таверн...

Алдис улыбнулась еще слаще.

— Наш милорд герцог не любит, когда намекают на... Как бы это сказать?.. На не совсем обычное начало его карьеры. То, что он завоевал Карстен силой своего оружия...

— И при поддержке наемников, — холодно перебила ее Лойз.

— И с помощью своих сторонников, — согласилась Алдис. — Он гордится этим и часто рассказывает об этом в кругу друзей.

— Тот, кто забирается на самую вершину, должен всегда помнить о том, что внизу, — Лойз отломила корочку орехового хлебца и разломила ее пополам.

— Тот, кто поднимается к вершинам, всегда позаботится о том, чтобы внизу все было гладко и спокойно, — возразила Алдис. — Он научен не доверяться случаю, ибо фортуна слишком капризна.

— А мудрость уравновешивает силу оружия, — ответила Лойз пословицей жителей холмов.

Поев, она уже не чувствовала себя так отчаянно плохо. Но не следовало переоценивать себя. Ивьян далеко не глуп, он не привык попусту размахивать мечом и его нелегко провести. И он-то завоевал Карстен не только силой оружия, но и остротой ума. А уж эта Алдис... Тише, тише, Лойз, будь внимательна, ступай осторожно, чтобы ни один лист не шелохнулся...

— Наш милорд герцог — непревзойденный искусник во многих вещах: и в обращении с мечом, и в совещательной комнате... Да и в постели тоже. Да и тело у него не искалечено, он отлично сложен...

Лойз надеялась, что Алдис не заметила, как она похолодела при этих словах, но на это было мало надежды. И следующее замечание Алдис подтвердило опасения Лойз.

— Говорят, что на севере замышляются какие-то великие дела, и во главе всего этого стоит какой-то несчастный карлик, который изо всех сил размахивает у кого-то украденным топором...

— Да? — Лойз открыто зевнула, потом еще раз и еще. Ее усталость вовсе не была наигранной. — Слухи всегда преувеличены и мало похожи на правду. Я уже поела, можно мне теперь поспать?

— Но, миледи герцогиня, вы говорите так, как будто считаете себя пленницей! А ведь вы — могущественная повелительница Карса и Карстена.

— Я это буду иметь в виду. Но все же эта мысль, как бы отрадна она ни была, приносит мне меньше радости, чем принес бы отдых. А поэтому, пожелаю вам всего доброго, миледи Алдис!

Еще одна улыбка, легкий смешок, и она исчезла. И Лойз тут же услышала звук, который и ожидала услышать — скрежет ключа в замке. Какой бы могущественной повелительницей Карса она ни была, во всяком случае, на эту ночь она — пленница, запертая в этой комнате, и ключ от замка не в ее руках. Лойз больно закусила губу при самой мысли о том, что именно это может означать.

Она внимательно осмотрела комнату. Кровать без полога, который непременно полагался в таких покоях, стояла на возвышении, к которому вели две ступеньки. И когда она отодвинула ставни на одном из двух окон, рука еще нашарила прочную металлическую сетку, через ячейки которой проходила только первая фаланга ее указательного пальца, но не больше.

У дальней стены стоял комод, в его ящиках лежала какая-то одежда, но Лойз не стала ее рассматривать. Она чувствовала страшную усталость, все ее тело ныло от желания растянуться на постели. Но ей нужно было еще кое-что сделать перед тем, как лечь. И когда задача была выполнена, Лойз почувствовала, что лишилась последних сил и вся дрожит в изнеможении. Сейчас она ляжет и уснет, но теперь никто не застигнет ее врасплох, потому что к самой двери был придвинут тяжелый стол.

Несмотря на свинцовую усталость, сковывавшую все ее члены, Лойз долго лежала без сна. Она не загасила лампу, так что даже самые дальние углы комнаты были освещены.

Ее томило мучительное беспокойство — когда-то она уже испытывала подобное... И оно было таким же сильным сейчас, как в тот миг, когда она пробиралась по подземелью, мимо забытого алтаря забытого народа, прежде, чем выйти под ясное небо. Подземелья Верлейна... Она на мгновение будто снова ощутила их гнетущую атмосферу и страшную наэлектризованность воздуха...

Волшебство! Если когда-то хоть раз сталкивался с ним, то безошибочно определяешь снова и снова... В конце концов, ей вовсе неизвестны все тайны Эсткарпа, ведь было же когда-то время, когда они с Джелит провели много дней в самом сердце Карса под личиной воинов-пасмников, собирая информацию, столь необходимую делу Севера. И вот сейчас здесь тоже могут быть агенты Властительниц.

Она вцепилась руками в покрывало. Ах, если бы она только обладала такой Силой, если бы только могла послать сообщение, которое мог бы принять дружественный мозг-приемник! Она страстно желала этого, слезы струились по ее щекам — ей нужна была не только помощь, а хотя бы поддержка, участие, сознание того, что она не одинока. Когда-то она была совсем одна, но потом появились Джелит и Саймон, этот высокий чужестранец, которому она сразу поверила, и вместе с ним — Корис! Слабый румянец выступил на ее щеках при воспоминании о насмешке Алдис. Несчастный карлик. Ка-

кая нелепость, какая ерунда! В нем была смешанная кровь, это правда, кровь матери из рода торов, с их приземистыми могучими телами, и кровь отца из благородного семейства из Горма, из людей, отличавшихся редкой красотой. Но все равно лишь его одного выбрало ее сердце из всех мужчин с того самого дня, когда она увидела его рядом с Саймоном. Они ждали ее у ворот Карса, переодетые наемниками, вызванные мысленным сообщением Джелит.

Вызванные мысленным сообщением! Но ведь она не может послать такое сообщение! Лойз еще раз попыталась разобраться, что за барьер возник в ее мозгу, стараясь преодолеть его. Нет, здесь определенно было какое-то волшебство! Она совершенно уверена в этом!

Лойз соскользнула с кровати на пол и, сама того не сознавая, принялась отодвигать стол от двери, словно выполняла приказ неведомой силы. Все внутри ее протестовало против этого, и все же через минуту стол был отодвинут.

И почти сразу послышался звук поворачиваемого ключа в дверном замке, тяжелая ручка повернулась. Снова Алдис! На мгновение Лойз расслабилась, потом посмотрела вошедшей в лицо. Оно было точно такое же, как и раньше — красивое, спокойное... и все же не совсем такое!

Что-то неуловимо изменилось в ее лице, Лойз не смогла бы даже сказать, что именно. Как будто та же самая легкая улыбка, то же ясное лицо. И все же всем своим существом Лойз чувствовала, что это — не та Алдис, которую она видела раньше.

— Вы боитесь, — сказала Алдис, и ее голос звучал почти так же, как раньше — почти, но не совсем так! — У вас есть основания бояться, миледи герцогиня! Наш милорд герцог не любит, когда ему идут наперекор. А вы несколько раз обставляли его! Он должен вас сделать своей верной женой — вы ведь знаете, иначе ему не достигнуть своей цели. Но не надейтесь, что вы найдете в нем нежного возлюбленного! Отнюдь нет! И поскольку вы в какой-то мере мешаете и мне, я решила дать вам один шанс, миледи герцогиня.

Что-то сверкнуло в воздухе и упало на край постели — маленький кинжал, из тех, которые когда-то приходилось Лойз носить на поясе, но все же настоящее оружие.

— Это подарок для тебя, — сказала Алдис (и не Алдис) таким тихим голосом, что Лойз едва разбирала, что она бормочет. — Интересно, как вы решите им воспользоваться, миледи герцогиня, Лойз из Верлейна? Каким именно образом — так или иначе?

И она исчезла. Лойз уставилась на тяжелую дверь, недоумевая, как Алдис так быстро исчезла. Словно вообще была лишь призраком — без плоти и крови — иллюзией и только.

Иллюзия? Оружие и защита волшебниц. А была ли здесь Алдис на самом деле? Быть может, это всего лишь уловка со стороны какого-то агента Эсткарпа, который хотел хоть так помочь пленнице из Верлейна? Но нет, ей не следует питать таких призрачных надежд.

Лойз бросила взгляд на постель, словно ожидая, что кинжал тоже исчез, как призрачное видение. Но он лежал там по-прежнему, и в руках у нее он был холодным и гладким на ощупь, а его тонкое лезвие остро отточено.

Что ж, значит, она должна им воспользоваться. Только против кого же, интересно? Против Ивьяна? Или против себя самой? По-видимому, для Алдис — или для призрака Алдис — особой разницы в том не было.

4. Фальк и... Фальк!

Саймон стоял на лестнице, прислушиваясь. Снизу доносились звуки битвы. Гремел боевой клич салкаров: «Сал! Сал!». Но Саймон прислушивался совсем к другим звукам, которые должны были послышаться сверху. Он не мог ошибиться. Где-то на верхних площадках этой лестницы должен быть Фальк.

Вот оно! Скрежет металла по камню. Какую еще ловушку приготовил Фальк для своих преследователей? И все же, преж-

де всего, именно Фальк был им необходим для осуществления задуманного плана. А время работало против них, оно было союзником Фалька.

Правда, пока что все шло, как они и рассчитывали. Судно, выброшенное на риф, открыло перед ними ворота крепости, выманило гарнизон за стены, привлекло к себе всеобщее внимание. Так что нападавшие уже проникли в крепость, прежде, чем люди Фалька успели опомниться.

Но это не означало, что они готовы сдаться, наоборот, они сражались отчаянно, как люди, у которых нет пути к отступлению. Только потому, что в разгаре сражения Саймон оказался отброшенным вражеским ударом далеко в сторону, он успел заметить, как правитель Верлейна, высокий человек с огненно-рыжей гривой волос — шлем с него свалился, — побежал. Саймону приходилось слышать много легенд о том, как Фальк бросается в атаку впереди своих людей, но на этот раз властитель Верлейна повел себя почему-то совсем иначе. Вместо того, чтобы повести своих воинов в яростный бой против пограничников, Фальк метнулся в сторону и помчался к одной из внутренних лестниц. И Саймон, в голове которого все еще гудело от страшного удара, последовал за ним. Снова послышалось звяканье металла о камень. Быть может, там готовится оружие, более грозное, чем сабля или топор? Оттуда, где он стоял, Саймону была видна только верхняя площадка лестницы. И там вдруг стал разгораться бледный свет.

Свет мигнул, Саймон задержал дыхание. Мерцание продолжалось несколько минут. Наконец Саймон не выдержал и сделал шаг наверх, потом еще один... Следующий шаг привел его на площадку, где его ожидало неведомое... Саймон считал колебания света. Он знал, что шаровые лампы, освещающие стены коридора, разгораются сильнее, если постучать по стене. Их никогда не меняли, секрет их был давно утерян. Теперь лампы стали тускнеть. Если они погаснут...

Саймон двинулся вперед, прижимаясь спиной к стене, держа самострел наготове. Четыре ступени, шесть, осторожная

перебежка по узкому коридору... Саймон очутился перед баррикадой — сваленный в кучу всякий хлам, стащенный второпях из соседних комнат. Быть может, Фальк лежит где-то рядом с оружием наготове, целясь в того, кто первым намерен разнести это нагромождение столов и стульев?

Саймон почувствовал смутное беспокойство. Поступки Фалька странным образом не совпадали с тем, что ему было известно о береговом властителе. Он вел себя как человек, стремящийся выиграть время. Для чего? Все силы Фалька были брошены в бой, кипевший внизу. Он не мог надеяться на подкрепление. Нет, он пытается спастись в одиночку! Саймон и сам не понимал, откуда у него такая уверенность, но был убежден в этом.

Может быть, Фальку был известен какой-то потайной ход, и он теперь его ищет?

Снизу больше не доносился шум битвы, вероятно, в живых осталось лишь несколько бойцов Фалька.

Лампы еще сильнее замигали, и тут же Саймон услышал наконец какой-то слабый звук, инстинкт бойца заставил его отступить. Белое пламя взрыва! Ослепленный сиянием, Саймон закрыл глаза руками. Но шума от взрыва он не услышал. Что бы это ни было, для Саймона оно было новостью. Теперь поплыли клубы дыма, горло стало немилосердно жечь. Саймон закашлялся, еще раз протер глаза, но ничего не смог увидеть.

— Саймон! В чем дело?..

— Фальк! — ответил Саймон Корису. — Будь осторожен... Он там, наверху...

— Фальк! — Корис твердой рукой поддержал Саймона. — Что он там делает?

— Чинит любое зло, какое только сумеет, лорд, — раздался позади них голос Ингвальда.

— Осторожно, — сказал Саймон. Зрение к нему вернулось. Он скользнул вверх по лестнице, опережая Кориса. Дымовая завеса рассеялась, на стене виднелись обугленные участки дерева, в воздухе носились хлопья золы.

Ни звука не доносилось на площадку, куда выходили двери. Саймон продвигался вперед шаг за шагом. Из-за одной двери послышался громкий шорох, и, прежде чем Саймон успел сделать движение, огромный топор Вольта обрушился на створку двери. Дверь разлетелась, и они увидели комнату, прямо перед ними было широко распахнутое окно, из которого свисал обрывок веревки, прикрепленный к сундуку.

Корис положил топор на пол и вцепился в веревку. Напрягая могучие мышцы, он стал тянуть веревку вверх. Саймон и Ингвальд подбежали к окну. Ночь была темная, но все равно все происходящее внизу было достаточно ясно видно. Фальк собирался с помощью этой веревки спуститься на следующую, более низкую, крышу. Но сейчас веревка медленно и неуклонно ползла вверх — дальше и дальше от того места, где Фальк мог безопасно спрыгнуть вниз.

Саймон увидел белое пятно лица Фалька, обращенное вверх. Дергаясь на конце веревки, словно марионетка, властитель Верлейна поднимался все выше — туда, где они его ждали. И тогда он разжал руки и с глухим стуком упал вниз на соседнюю крышу. И падая, он издал отчаянный крик, словно то, что он сделал, свершилось помимо его воли. Неужели он и в самом деле до самой последней секунды надеялся спастись подобным образом? Теперь он неподвижно лежал на крыше, одна его рука судорожно дернулась вверх и тут же замерла.

— Он еще жив, — Саймон потянул к себе веревку. Он и сам не мог бы объяснить, почему ему было так необходимо заглянуть в лицо Фальку. — Я должен спуститься туда, — он поспешно привязывал веревку к поясу.

— Ты думаешь, что за этим что-то кроется? — спросил Корис.

— Думаю, да.

— Тогда спускайся. Только будь осторожен. Даже с вырванным жалом змея опасна. А у Фалька нет оснований оставлять в живых своих врагов.

Саймон выбрался через окно, и они стали осторожно спускать его вниз. Наконец ноги его коснулись крыши, он сбросил веревку и двинулся к неподвижной фигуре.

Поднеся фонарь к распростертому телу, Саймон опустился на колени и сразу же убедился, что несмотря на страшные увечья, Фальк еще жив. Отчаянным усилием властитель Верлейна повернул голову, и взгляды их встретились.

Саймон хрипло вздохнул, едва подавив вырвавшийся было крик. Ибо то, что он увидел в этих тускнеющих глазах, было поистине страшно. В них была ненависть и боль. И что-то еще, совершенно отличное от ненависти и боли — и это нечто было несравнимо ни с какими человеческими эмоциями.

— Колдер! — громко сказал Саймон.

Это был на самом деле колдер, зловещая угроза на лице умирающего человека. И все же Фальк не был одним из тех одержимых, которых Колдер использовал в своих битвах, похищая у них душу и заставляя принимать в свое тело некую неведомую силу, от которой бежало прочь все человеческое. Нет, Саймону приходилось видеть таких одержимых. А здесь было что-то совсем иное. Ибо личность Фалька не была уничтожена — ведь боль и ненависть становились в глазах Фалька все сильнее, а то, что было колдером, постепенно исчезало.

— Фальк! — Корис тоже прыгнул на крышу и подошел к Саймону, волоча за собой веревку.

— Это я, Корис.

Фальк с трудом скривил рот.

— Я умираю... но и ты умрешь... болотный червь!

— Как и все люди, — пожал плечами Корис.

Саймон наклонился к Фальку.

— И как те, кто не является людьми!

Он не был уверен, что то, что осталось от колдера, поняло его слова. Губы Фалька снова зашевелились, на этот раз на них лишь выступила кровь. Он попытался было приподнять голову, но она упала, и его глаза остекленели.

Саймон посмотрел на Кориса.

— Он был колдером, — спокойно сказал он.

— Но ведь он не был одержимым!

— Нет, и все же он был колдером!

— Ты уверен в этом?

— Как в самом себе. Он оставался Фальком и в то же время был колдером.

— Что же, в таком случае, мы здесь открыли?

Корис был ошеломлен тем, что узнал, предвидя ужасные последствия.

— Если у них есть среди нас еще и другие слуги, кроме одержимых...

— Именно так, — мрачно ответил Саймон. — Я считаю, что Властительницы должны немедленно узнать об этом, и притом, как можно скорее!

— Но ведь Колдер не может воспользоваться телом потомка Древней расы, — заметил Корис.

— Будем и впредь надеяться на это. Но Колдер был здесь, значит, может находиться и в любом другом месте. Пленники...

— Их совсем немного, — пожал плечами Корис. — Человек десять-двенадцать. И главным образом, простые воины. Зачем понадобилось бы Колдеру воспользоваться кем-то из них? Фальк — другое дело. Он мог быть крупной фигурой в их игре. Впрочем, посмотри на них сам, может быть, ты увидишь то, чего мы не заметили...

Солнце заливало стол ярким светом. Саймон отчаянно боролся с желанием уснуть и черпал силы во все растущем глухом раздражении. Он хорошо знал эту женщину в сером платье, с суровым лицом и гладко зачесанными назад седыми волосами. На ее груди переливался дымчатый драгоценный камень — символ ее ремесла и грозное орудие власти, руки были сложены на коленях. Да, Саймон хорошо знал ее, хотя и не мог бы назвать по имени — ибо имена волшебниц Эсткарпа никому не были известны и никогда не произносились вслух,

ведь это была величайшая тайна каждой из них, которую нельзя было отдать в руки толпы, чтобы ею не завладели враги.

— Значит, это ваше последнее слово, — он не пытался смягчить резкого тона, задавая этот вопрос.

Она не улыбнулась, только тень промелькнула в спокойных глазах.

— Не мое слово, Хранитель Границ, и не наше слово. Это закон, по которому мы живем. Джелит... — Саймону показалось, что в ее тоне звучит неодобрение. — Джелит сама сделала свой выбор. Возврата нет.

— Но если ее волшебная Сила осталась с ней, что тогда? Ведь вы же не можете оспаривать это?

Она не пожала плечами, но Саймон понял, что его речь и гнев нисколько не тронули ее.

— Если обладаешь какой-то вещью, пользуешься ею и притом долгое время, то ее тень может еще некоторое время оставаться с тобой, даже если этой вещи больше нет. Возможно, ей еще доступно то, что остается лишь бледной тенью ее прежних возможностей. Но она не может требовать обратно камень и снова стать одной из нас. Но я надеюсь, Хранитель Границ, что вы не для того вызвали сюда волшебницу, чтобы обсуждать со мной этот вопрос и возражать против такого решения — ведь оно вас совершенно не касается.

Вот он, снова этот барьер между волшебницами и простыми смертными. Саймон постарался обуздать свой гнев, ибо сейчас и в самом деле не время бороться за дело Джелит. Сейчас нужно думать только об осуществлении задуманного плана.

Он коротко объяснил, что нужно сделать.

Волшебница кивнула:

— Кто именно из вас изменит облик?

— Я, Ингвальд, Корис и еще десять человек из отряда пограничников.

— Я должна видеть тех, чей облик вы хотите принять, — она поднялась со стула. — А они наготове?

— Их тела...

Она не изменилась в лице при этом сообщении, а спокойно стояла, ожидая, чтобы ей указали дорогу. Они положили тела в дальнем углу зала — десять воинов, выбранных среди убитых в последней схватке, и среди них один офицер, судя по знакам на мундире — покрытый шрамами и с перебитым носом. Фальк лежал поодаль.

Волшебница постояла немного возле каждого тела, пристально вглядываясь в черты лица каждого. Многие ее сестры по ремеслу могли совершить временное превращение, но только она одна обладала Силой производить полное превращение одного человека в другого, до самых мельчайших черточек лица.

Подойдя к Фальку, она остановилась, наклонилась над ним и долго рассматривала его лицо. Наконец она повернулась к Саймону:

— Вы совершенно правы, лорд. В этом человеке есть нечто большее, чем его собственный разум, душа и мысли. Колдер... — это последнее слово она произнесла хриплым шепотом. — И, зная об этом, вы все же пытаетесь занять его место?

— Наш план зависит от появления Фалька в Карсе, — ответил Саймон. — И я не колдер...

— Что с легкостью установит первый же колдер... — предупредила она.

— Мне придется рискнуть.

— Пусть будет так. Приведите сюда тех, кто должен пройти превращение. Сначала семь человек, потом еще троих. Отошлите остальных из зала, никто не должен мешать нам.

Он кивнул. Ему приходилось и раньше подвергаться превращению, но это делалось наспех, ненадолго, только чтобы скрыться из Карса. Теперь же он должен стать Фальком, это совсем другое дело.

Пока Саймон собирал своих добровольцев, волшебница занялась приготовлениями. Нарисовав на полу две пятиконечные звезды, которые частично накладывались одна на другую, она поместила в центре каждой звезды небольшую жаровню, извлеченную из ящика, который несли за ней вслед прислуж-

ники, сопровождавшие ее. Затем она стала отмерять и взвешивать различные снадобья из множества колбочек и пиал, а потом смешала их в две кучки на специальных квадратиках тонкого шелка, затканного причудливым узором.

Они не могли воспользоваться одеждой убитых, слишком она была окровавленной и грязной, но в комодах, стоявших в зале, нашлось все необходимое, к тому же, в их распоряжении находились пояса и оружие погибших.

Волшебница бросила свернутые квадратики шелка со снадобьем в жаровни и начала нараспев произносить заклинания. От жаровен поднялся густой дым, который скрыл стоявших в зале обнаженных мужчин — каждый из них стоял на одном из лучей, нарисованных на полу звезд. Теперь тем, кто стоял под этой пеленой тумана, трудно было поверить, что существует мир за пределами этого сизого дымка, который окутывал их все плотнее и плотнее. Слова заклинаний медленно и гулко отдавались в их ушах, и все вокруг качалось и плыло в тумане.

Туман рассеялся так же медленно, как и возник, воздух наполнился приятным ароматом, и Саймон ощутил, что постепенно возвращается в реальный мир. Ему стало холодно, он бросил взгляд вниз и увидел странное незнакомое начинающее полнеть тело с курчавыми рыжими волосами, покрывающими кожу. Он стал Фальком.

Корис — или, по крайней мере, человек, который сошел с того луча звезды, где до этого стоял Корис — был немного ниже — они постарались подобрать себе прототипов более или менее похожих на них — но зато у него не было непомерно широких плеч сенешаля и длинных болтающихся рук. Старый шрам вздернул его губу на манер волчьего оскала. Ингвальд утратил свою молодость, в его волосах пробивалась седина, морщинистое лицо носило на себе печать долгой и беспутной разбойничьей жизни.

Они подобрали себе одежду, надели кольца, шейные цепочки, разобрали оружие погибших.

— Лорд! — окликнул Саймона один из его людей. — Вон там позади вас лежит что-то. Выпало из пояса Фалька.

Это был странной формы кусочек металла: ни серебро, ни золото — с зеленым оттенком и по виду напоминал сложно завязанный узел, состоявший из множества хитросплетений. Саймон нашел на поясе Фалька крючок, на котором, по-видимому, раньше был прикреплен этот странный предмет, и водворил его на место. Нельзя было упускать даже такую мелочь в обличье Фалька.

Волшебница оглядела Саймона критическим взглядом, как художник — свое творение.

— Желаю удачи, Хранитель Границ, — сказала она. — Сила волшебства будет с вами в полной мере.

— Благодарим вас за добрые пожелания, леди, — сказал Саймон. — Мне кажется, нам очень потребуется помощь этой Силы.

— Прилив заканчивается, Саймон, — крикнул от двери Корис, — нам пора отплывать.

5. Красное утро

— Сигнальные флаги! — Один из стоявших на носу судна, входившего в воды золотистой реки на рассвете ясного утра, кивнул на полоскавшиеся на ветру разноцветные полосы, укрепленные на шесте на первой верфи Карса.

Другой, мужчина одетый в богато украшенный плащ, склонил голову и положил руку на рукоять кинжала.

— То, что и ждали? — вопрос прозвучал настойчиво и выжидательно.

— Как и положено для тех, за кого мы себя выдаем, — улыбнулся первый. — Теперь остается только выяснить, собирается ли Ивьян приветствовать своего тестя как дорогого гостя или саблей. Мы идем прямо в пасть змее, и она может захлопнуться прежде, чем прибудет подкрепление.

Третий тихонько рассмеялся.

— Любая змея, Ингвальд, которой вздумается сомкнуть челюсти, чтобы проглотить нас, наткнется на несколько футов хорошо отточенной стали! К тому же, от наемников ему тоже хорошего ждать не приходится — они всегда становятся на сторону того, кто им лучше заплатит. Сначала нам надо разделаться с Ивьяном, а тогда уж Карс будет наш!

Саймон-Фальк беспокоился из-за самонадеянности Кориса. Он отнюдь не умалял его достоинств военного руководителя, но ему очень не нравилось то лихорадочное возбуждение, которое снедало сенешаля на всем пути к Карсу. Команда их состояла из салкаров, которые не раз в качестве торговцев совершали этот переход и отлично знали все течения и излучины реки.

Тем временем основные силы Эсткарпа совершали пеший переход, готовясь атаковать Карс, как только поступит сигнал...

Саймон-Фальк бросил взгляд на большую плетеную сетку-корзину, на которую было наброшено легкое покрывало. Это был вклад сокольничьих в экспедицию. В клетке находился один из соколов, но не из тех черно-белых, служивших воинственным горцам разведчиками и товарищами в сражениях. Это была птица, в которой нелегко было признать союзника Эсткарпа.

Она была крупнее, чем те соколы, которые обычно сидели на луках седел сокольничьих-фальконеров, с сизо-серым оперением, переходившим в белое на голове и у хвоста. Сокольничьи, плававшие на судах салкаров, отыскали где-то за морями пять таких птиц и уже из них вывели породу новых соколов. Они были тяжелее, чем их собратья, и поэтому не могли служить в качестве боевых соколов, зато у них был гораздо сильнее развит инстинкт родного гнезда, и поэтому они были отличными посланцами-вестниками, особенно если учесть их умение постоять за себя в воздухе.

Для целей Саймона-Фалька такая птица была незаменима. Ведь он не мог бы взять с собой обычного сокола: они были известными союзниками Эсткарпа, а эта новая разновидность

была на редкость красива, и поэтому птица вполне могла сойти за подарок, если учесть, что она умела охотиться.

Итак, десять человек, птица — и целый город против них. На первый взгляд, их экспедиция была безумной затеей. Но ведь когда-то их было только четверо против этих стен, и они выстояли и спасли не только свои жизни, но и многие другие. Четверо! Рука Саймона скользнула к поясу Фалька. А теперь их трое: он сам, Корис и где-то упрятанная в глубине этого города Лойз. А четвертая? Но нет, о ней сейчас не надо думать. И все же, почему она не вернулась, почему допустила, чтобы он случайно узнал от волшебницы, прибывшей в Верлейн, что ее миссия не удалась? Где она теперь? Переживет ли эту обиду? Но ведь она сама согласилась уплатить такой ценой за их брак, она сама пришла к нему! Почему же?..

— Нас встречают, милорд! — окликнул Саймона Ингвальд.

Группа воинов со знаками отличия Ивьяна и в самом деле ожидала их на пристани. Саймон невольно сомкнул пальцы вокруг приклада самострела, но плащ, к счастью, скрыл его движение. Однако, повинуясь отрывистому приказу офицера, стоявшие на пристани сложили ладонь к ладони и высоко подняли их вверх — это было дружественное приветствие. Карс говорил им: «Добро пожаловать!»

У ворот крепости их ожидала такая же группа воинов, которые приветствовали их тем же жестом. Насколько они могли судить, проходя по улицам, все в Карсе шло как обычно, не было никаких видимых признаков беспокойства.

Однако когда их с подобающей церемонностью придворного этикета проводили в отведенные им покои, Саймон сделал знак Ингвальду и Корису отойти с ним к окну.

— Почему нас всех собрали в одном месте? — спросил он.

— Чтобы легче было обезопасить нас, — сказал Ингвальд. — И, по-видимому, их нисколько не волнует, что мы можем об этом догадаться. И потом — где Ивьян или хотя бы главнокомандующий? Нас ведь встречал младший офицер и не

больше того. Быть может, они и встретили нас как гостей, но не слишком-то вежливо и любезно.

— И в этом кроется не только оскорбление Фальку, — Саймон снял шлем погибшего, и легкий ветерок, пробивавшийся в окно, разбросал буйные рыжие пряди, украшавшие голову Саймона с момента перевоплощения. — Собрать нас всех вместе — это понятно по соображениям безопасности. Ивьян не питает уж такое почтение к Фальку. Но здесь кроется что-то еще...

Он закрыл глаза, чтобы дать возможность таинственному шестому чувству сообщить ему предупреждение об опасности, которое становилось все сильнее с тех пор, как он сделал первый шаг по вражеской земле.

— Сообщение! Ты получил сообщение? — нетерпеливо спросил Корис.

Саймон открыл глаза. Нет, это было не сообщение, ничего похожего на ту горячую волну, которая когда-то схватила его тут, в Карсе и заставила, словно в трансе, идти вперед, вперед — туда, где находились тогда Джелит и Лойз. На этот раз у него возникло какое-то странное ощущение, что-то вроде предчувствия, которое возникает, когда собираешься сделать непоправимый шаг. И это предчувствие было связано не совсем с ним лично. Словно бы он собирался совершить какой-то поступок, последствия которого не понимал.

— Нет, не сообщение, — запоздало ответил он. — Что-то здесь должно произойти...

Корис поднял свой топор — он никогда не выпускал дар Вольта из рук. Только теперь, на время пребывания в Карсе, топор замаскировали фольгой и разукрасили в цвета Фалька.

— Топор шевелится, — сказал Корис. — Вольт ведет нас вперед! — Он понизил голос до шепота. — Мы сейчас в центральном блоке. — Саймон понял, что Корис мысленным взором видит план крепости. — Личные покои Ивьяна находятся в Северной башне. В верхних коридорах, наверное, не больше двух часовых в дальнем конце. — Он двинулся к двери.

— Ну, так как? — Ингвальд посмотрел на Саймона. — Будем ждать или начнем?

По плану они должны были выждать некоторое время, но тревожное ощущение у Саймона становилось все сильнее...

— Уолдис! — Один из мужчин в форме Верлейна быстро поднял голову. — На судне мы забыли мешок с птичьим кормом. Пошли за ним сейчас же, он нам очень нужен.

Саймон отдернул покрывало с клетки птицы. На него смотрели темные глаза, в которых светился разум — пусть не человеческий, но все же разум. Голова птицы была повернута к двери, она словно прислушивалась к чему-то, чего не слышало человеческое ухо. Потом кривой клюв раскрылся, и птица издала пронзительный крик тревоги. В тот же миг Саймон ощутил толчок: опасность вокруг них!

Корис уставился на дар Вольта. Тонкая фольга не смогла скрыть мерцания лезвия, оно словно горело огнем, и это было не отражение солнечного света, а пламя, что вспыхнуло внутри самого топора. И столь же внезапно этот огонь погас.

Белые перья птицы растопырились, и она крикнула во второй раз. Саймон открыл дверцу клетки, подставил руку, и птица очутилась на этом живом мостике. Она была тяжелой, но вес ее подействовал успокаивающе на Саймона. Широко взмахнув крыльями, птица перелетела на спинку стула.

Один из пограничников распахнул дверь, и вошел Уолдис. Он тяжело дышал, в руке у него было обнаженное оружие с обагренным кровью лезвием.

— Они все сошли с ума! — прокричал он. — Они гоняются друг за другом по всем залам и кромсают друг друга в клочья!

Это не могли быть силы Эскарпа, ведь сигнал еще не подан! Неужели случилось непоправимое? Ингвальд схватил юношу за плечо:

— Кто гоняется? Кого кромсают? — спросил он хрипло.

— Не знаю. У них у всех знаки людей герцога. Один из них, я слышал, кричал, что нужно позвать герцога: он, мол, со своей супругой...

— Я думаю, пора начинать, — сказал Корис отрывисто, дыхание со свистом вырывалось из его груди.

— Отворите окно, — приказал Саймон ближайшему к нему пограничнику.

Сейчас самое правильное воспользоваться начавшейся внутри крепости суматохой, хотя Саймон и не знал ее причины. Он сделал знак соколу, и тот вылетел в окно, держа уверенный курс к тем, кто ожидал его появления. Тогда Саймон повернулся к двери и бросился вслед за Корисом.

В конце площадки лежал лицом вверх убитый — судя по одежде, он принадлежал к числу высших чиновников двора. На лице его застыло удивленное выражение, словно он не ожидал, что ему нанесут смертельный удар. Но не это привлекло внимание Саймона — в глаза ему бросился широкий пояс, перехватывающий талию убитого. На нем было три розетки с красным драгоценным камнем посредине. Там же, где положено быть по орнаменту четвертой розетке, Саймон увидел совсем другое изображение — сложный узел из перекрученных и переплетенных линий, точно такой же, какой висел на поясе Фалька, надетом сейчас на самом Саймоне. Это новомодное украшение или...

Корис несся прыжками по лестнице, ведущей на другой этаж, где находились покои Ивьяна. Туда, где была Лойз — если, конечно, им повезет. Сейчас некогда было раздумывать о поясах и орнаментах.

Теперь им ясно слышались звуки боя, бряцание оружия. Саймон и Корис одновременно бросились к перилам лестницы и поглядели в ту сторону, откуда доносились крики и отчаянный грохот. В дальнем конце площадки несколько человек пытались высадить крепко запертую дверь, остальные стояли с оружием наготове.

— Я-а-а-а! — гигантским прыжком Корис покрыл разделявшее их расстояние, двое из карстенцев услышали его крик и повернулись ему навстречу. Саймон выстрелил, и оба врага упали, пораженные его стрелами. Саймон был не очень хорош

в сабельном бою, но в меткости стрельбы из самострела ему не было равных ни среди пограничников, ни среди воинов Эсткарпа.

— Я-а-а-а! — Корис перепрыгнул через трупы и обрушился всей тяжестью тела на дверь. Топор Вольта сверкнул в воздухе — дверь затрещала и распахнулась. Пограничники рванулись вслед за Корисом, сметая по пути оставшихся врагов.

Корис был уже посредине зала, рванул занавес, за которым открывался проход — наверх вела узкая лестница. Корис действовал так уверенно, что Саймон без слов последовал за ним. Еще один зал, на полу — желтое пятно. Корис поддал его топором, и это оказался мужской дорожный плащ. Отшвырнув его в сторону, Корис с разбега остановился еще перед одной запертой дверью.

Она не была заперта, и поэтому распахнулась настежь при легком толчке. Они очутились в спальне, где стояла кровать без полога. Покрывало на кровати было разодрано в клочья, обрывки его валялись на полу. Ничком на постели лежал человек, кулаки его судорожно сжимали остатки покрывала. Ноги его едва заметно дергались, словно он пытался подняться. Корис подошел к кровати, взял человека за плечо и повернул его на спину.

Саймон никогда не видел Ивьяна из Карстена, но сейчас он безошибочно узнал этот твердый подбородок, песочного цвета кустистые брови, нависшие над орлиным носом. Жизнь еще теплилась в могучем теле бывшего насмника, который огнем и мечом завоевал свое герцогство.

На нем был простой халат, который свалился с его плеч, когда Корис схватил его, и теперь обнажилось могучее тело, все покрытое старыми шрамами. Грудь была обтянута широкой повязкой, мокрой и красной. Дыхание со свистом вырвалось сквозь стиснутые зубы, полоса становилась все краснее и шире на его груди.

Корис опустился на колени, стараясь заглянуть в глаза герцогу:

— Где она? — спросил он ровным голосом и тоном, не терпящим умолчания.

Саймон усомнился, что до сознания Ивьяна дошли сейчас какие-нибудь слова.

— Где она? — повторил Корис. Под его рукой шевельнулся топор Вольта, бросив отблеск на лицо Ивьяна.

— Вольт... — губы Ивьяна зашевелились, точно он видел лишь этот топор и не слышал, о чем спрашивает его Корис.

— Да, это топор Вольта, а я — тот, кто носит его, Корис из Горма, — сказал Корис, заметив, что Ивьян перевел взгляд с топора на его лицо.

Слабая усмешка появилась на лице Ивьяна, и губы его снова с трудом скривились, выдавливая слова:

— Из Горма? Ну, значит, ты знаешь своих хозяев. Будь ты проклят.

Последним усилием Ивьян оторвал руку от остатков покрывала, сложил ее в кулак и ударил, стремясь попасть Корису в лицо. Но тут же его рука упала, он дернулся и затих навсегда.

В соседней комнате, как и в этой, и в других, кроме Ивьяна они никого не нашли. Корис, который все время шел впереди в этих отчаянных поисках, остановился посреди комнаты, широко открыв глаза:

— Она была здесь!

Саймон был согласен с ним. Но думал он сейчас о последних словах умирающего Ивьяна. Почему герцог сказал о «хозяевах» Горма? Ведь об Эсткарпе было бы правильнее сказать «хозяек», ибо всему Карстену было известно, что на севере правит Совет Волшебниц. Но в Горме... в Горме были зловещие хозяева — Колдеры! Кто-то начал здесь свару между людьми — и это не было делом рук Эсткарпа. Ивьяна смертельно ранили.

Но у них не было времени на дальнейшие поиски. Охрана герцога искала своего повелителя, и пограничникам было необходимо срочно пробиться на свободу...

Наступил вечер. Саймон, сгорбившись сидел на стуле и жуя жесткое мясо, слушал рапорты, пытаясь решить: что же им делать дальше?

— Мы не можем дольше удерживать Карс, — сказал сокольничий Гутторм, наливая вино в чашу дрожащей от усталости рукой. Десять часов понадобилось ему, чтобы со своим авангардом пробиться от северных ворот крепости к тому месту, где он сейчас находился.

— Это и не входило в наши планы, — сказал Саймон. — Мы пробились сюда, чтобы сделать...

— То, что не сделано! — Топор Вольта с гневным стуком упал на пол. — Ее нет в городе, разве только они спрятали ее так, что даже волшебница не чувствует ее присутствия. А в это я не верю!

Ингвальд с гримасой боли погладил свою раненную руку:

— Я тоже. Но волшебница говорит, что здесь нет даже ее следов. Словно ее здесь никогда и не было...

Саймон зашевелился:

— А есть только один способ скрыть человека так, что никакая Сила его не обнаружит.

— Колдер, — ровным тоном сказал Корис.

— Колдер, — согласился Саймон. — Вот что мы узнали от пленных. На рассвете офицеры получили приказания, якобы от герцога, тихонько собрать своих людей в одном из залов, а потом наброситься друг на друга. Каждому командиру было сообщено, что кто-то из его товарищей — предатель. Могло ли что-нибудь иное вызвать такой переполох? Ну а потом они не смогли найти Ивьяна, хотя и понимали, что что-то неладно с этими приказами. И паника стала еще сильнее, когда прошел слух, что Ивьяна убили.

— Это было сделано для прикрытия, но не нами, — заявил Гутторм, — в схватке участвовали только люди Ивьяна.

— Прикрытие, — кивнул Саймон, — и единственное событие, которое стоило прикрывать таким образом, является

смерть Ивьяна. При таком состоянии его охраны некому было охотиться за убийцей...

— Быть может, не только Ивьяна, — вмешался Корис, — но и Лойз тоже!

— Но зачем кому-то могла понадобиться Лойз? — утомленный мозг Саймона работал медленнее обычного, но все же он тут же сообразил: она могла понадобиться колдерам в качестве приманки!

— Не знаю зачем, но я это намерен выяснить! — и снова топор Вольта энергично стукнул по полу.

6. Герцогини Карстена

Лойз сидела на широкой постели, поджав ноги, обхватив колени руками и не сводя глаз с лежавшего перед ней кинжала. Какую цель преследовала Алдис? Ведь она же не могла бояться утраты своей власти над Ивьяном, она прекрасно знала, что герцог желает иметь рядом с собой Лойз только по политическим соображениям.

Когда много месяцев назад Джелит жила в Карсе, Алдис однажды тайно явилась к ней с просьбой продать ей секрет заклинаний, которые могли бы навсегда привязать к ней Ивьяна. Она, безусловно, не сомневалась, что такое заклятие ей необходимо, иначе она не пришла бы к Джелит. А позже, когда пришло время противоборства духов — когда Властительницы прибегали к самым сильным внушениям, которые только были в их власти — Алдис, вернее, ее изображение стало объектом воздействия Джелит. Ее всячески склоняли к действиям в пользу Эсткарпа — и она пользовалась своей властью над Ивьяном, сама того не ведая, чтобы исполнить пожелания волшебниц.

А вот теперешнюю Алдис Лойз просто не могла представить в подобной роли. Эта Алдис никогда не обратилась бы за помощью к Джелит, разве что тайно желая вступить в противоборство с волей волшебницы. Однако тогда Алдис искала по-

мощи совершенно искренне, иначе Джелит немедленно выяснила бы обратное. И той, прежней Алдис, на самом деле была навязана воля волшебниц безо всякого ее ведома — ведь если бы попытка оказалась неудачной, то Джелит тотчас бы узнала об этом.

Лойз прикусила нижнюю губу. Нет, Алдис, которую она встретила здесь, совсем не похожа на ту, ранее знакомую ей, Алдис. Она ведет какую-то свою игру, и в этой игре Лойз отводилась роль пешки, которую Алдис будет передвигать по своему желанию. Лойз постаралась подавить все сильнее поднимавшийся в ней гнев и спокойно обдумывать свое положение. Несомненно, ее увезли из Эсткарпа сюда потому, что она является женой Ивьяна, добытой мечом. Но что получил Ивьян, привезя ее сюда? Во-первых, то, чего жаждал с самого начала: Верлейн с его морскими сокровищами, низко расположенной гаванью и опытными морскими грабителями — это все вместе обеспечит ему опорный пункт для набегов на Эсткарп.

Во-вторых, она, Лойз, ведь родом из старинной знати, и их супружество может принести Ивьяну поддержку многих могущественных домов. Ведь ходят же слухи, что он решил порвать свои прежние связи и укрепить герцогский трон, объединившись с главами старинных родов.

В-третьих, — Лойз крепче стиснула руками колени — ее бегство из-под венца, ее союз с врагами Ивьяна в Эсткарпе, вызвали у него наверняка немалую ненависть к ней, а тут еще ее обет верности Корису, этому отщепенцу из Горма, которого она предпочла герцогу Карстена... Она презрительно усмехнулась: как будто этих двоих можно хоть на мгновение поставить рядом! Корис! Это все, о чем она когда-либо в своей жизни мечтала!

Итак, у Ивьяна было целых три причины привезти ее сюда, и все же за ними крылось что-то еще, о чем она могла только смутно догадываться. Лойз ломала голову, мучительно пытаясь найти разгадку. Она была почему-то совершенно уверена, что дело здесь не только в Ивьяне, но и в Алдис. Какая же причина

могла быть у Алдис видеть здесь Лойз? Зачем понадобилось ей заманить сюда наследницу Верлейна, почему она старалась запугать Лойз тем, что ждет ее со стороны Ивьяна, зачем понадобилось ей вложить в руки Лойз смертоносное оружие? Чтобы девушка обратила его против себя самой? На первый взгляд, это основательная причина. Но не слишком убедительная. Если же от Лойз ожидали, что она вонзит кинжал в грудь Ивьяну, когда он захочет взять ее силой, то ведь Ивьян — единственный источник власти над Алдис, настоящей повелительницы герцогства! Значит, к этому дару Алдис следует отнестись осторожно.

Лойз соскользнула с кровати, подошла к окну, распахнула ставень. Свежий ветер с гор ворвался в комнату, освежил ее пылающее лицо, принес с собой прохладу и покой. Где-то там, за много лиг отсюда, ее друзья не сидят сложа руки. Корис, Саймон, Джелит — Лойз не сомневалась, что они ищут ее повсюду. «Но вряд ли они смогут добраться до Карса», — подумала она. Нет — и на этот раз ее будущее зависело только от ее ума, находчивости и мужества. Она вернулась к кровати, подобрала кинжал. Возможно, дар Алдис — на самом деле ловушка, но Лойз почувствовала странное облегчение, когда ее пальцы сомкнулись на холодной рукоятке кинжала.

Веки ее отяжелели, она упала на постель без сил... Спать... она должна уснуть. Снова придвинуть стол к двери? У нее не было сил даже пошевельнуться. Свежий ветерок навевал такую сладкую дремоту... И она уснула.

Быть может, многие месяцы кочевой жизни в горах и на границе, которые приучили ее быть начеку даже во сне, помогли Лойз развить ту необыкновенную настороженность, столь часто выручавшую ее. Где-то в глубине ее затуманенного сном сознания прозвучал сторожевой сигнал. Она проснулась мгновенно, и хотя не открыла глаз, стала настороженно прислушиваться, замирая от страха.

Тихонько скрипнули железные петли — и дверь стала медленно приотворяться. Лойз рывком села на постели среди

сбитых в сторону простынь. Утренний свет лился в комнату сквозь открытые ставни, но дальний угол все еще был погружен в полумрак. Лойз тихонько подползла к краю кровати и быстро нырнула вниз, забившись в угол между каменной стеной и ступеньками возвышения, ведущего к постели. Вошедший в комнату мужчина повернулся к ней спиной, неторопливо закрывая дверь, на сей раз изнутри.

Он был высок ростом — как Саймон — и даже просторный халат не скрывал ширины его могучих плеч. Такой же сильный, как Корис, он был могучим бойцом. Когда он повернулся к Лойз, она заметила, что он улыбается небрежной, чуть презрительной улыбкой, но в ней девушка увидела жестокость и злобу.

Что-то в нем напоминало ей отца, Фалька из Верлейна, только черты лица его были еще жестче, волосы были не рыжие, а выцветшие, похожие по цвету на песок, безобразный шрам пересекал щеку. Вот он каков — Ивьян — наемный вояка, Ивьян-непобедимый!

Неторопливо пересек он комнату, направляясь к кровати, не сводя с девушки глаз. Его улыбка становилась все шире. Остановившись рядом с Лойз, он отвесил ей насмешливый поклон, как это сделала раньше Алдис.

— Вот мы наконец и встретились, миледи. Немало воды утекло и слишком долго эта встреча откладывалась — по крайней мере, мне так казалось.

Он рассматривал ее с тем же легким презрением, какое она когда-то замечала и в глазах Фалька, своего отца.

— Ну и заморыш же ты, в самом деле, — с удовлетворением кивнул он. — Пожалуй, тебе и действительно нечем хвастаться, моя госпожа.

Лойз молчала, она не знала, как ей себя вести, боясь, что если она заговорит сейчас, он начнет действовать. Пока он сам говорит, у нее остается время собраться с духом.

— Да, ни один мужчина не прельстился бы твоим лицом, Лойз из Верлейна. — Он коротко рассмеялся. — Только госу-

дарственные соображения... Только они могут заставить мужчину сделать то, от чего у него начинаются спазмы в желудке. И потому я и женился на тебе, а теперь вот ложусь с тобой в постель, леди из Верлейна...

Он не набросился на нее, как она опасалась, а медленно подходил, шаг за шагом. И Лойз, которая все теснее прижималась к шершавому камню стены, прочла объяснение в его глазах. Охота и победа — неизбежная победа — вот что принесет ему наибольшее наслаждение. Она поняла, что он продлит это удовольствие, наслаждаясь ее страхом, отчаянием и ужасом. Охота будет продолжаться, пока ему не надоест — а потом... потом, наконец... на его условиях, и когда ему вздумается.

Что же, она постарается доставить ему удовольствие. С неожиданной легкостью, которой она научилась у пограничников, Лойз сделала отчаянный прыжок, но не к запертой двери, как мог ожидать Ивьян. Она пала плашмя на кровать, и прыжок ее был таким неожиданным, что Ивьян не успел поймать ее. А Лойз тут же вскочила на ноги, подпрыгнула — пружины матраса послужили ей трамплином — и, ухватившись руками за столбики, на которых должен был висеть полог герцогской кровати, в мгновение ока очутилась на самом верху шеста, торчавшего в изножье. Теперь Ивьян не мог ее достать, стоя на полу. Он молча уставился на нее, на лице его не было больше улыбки, глаза злобно сощурились.

Лойз сомневалась, что он решится взобраться вслед за ней на шест — ведь весит он вдвое больше, а шест уже и так раскачивался и трещал, рассеивая клубы пыли. Долгая минута потребовалась Ивьяну, чтобы осознать это. Тогда его ручищи обхватили шест, он принялся его отчаянно трясти. Скрипело дерево, клубилась пыль в воздухе, дыхание со свистом вырывалось из груди Ивьяна. Спокойная жизнь размягчила его мышцы, но он все еще оставался могучим бойцом, который победил не одного противника в кулачном бою.

Постепенно шест расшатывался, Ивьян медленными толчками выдергивал его из гнезда. Лойз впилась в верхушку побе-

левшими пальцами. Наконец шест рухнул, сбив Ивьяна с ног, так что он упал на спину. Лойз свалилась на пол, больно ударившись плечом о столбик кровати. Кошачьим прыжком Ивьян вскочил на ноги и теперь глядел на нее, распростертую на полу, и презрительная ухмылка снова расползлась на его лице.

Но у Лойз в руках уже был подарок Алдис и, превозмогая отчаянную боль в плече, она изо всей силы полоснула по протянувшейся к ней лапище. Ивьян взревел и, выбросив вперед ногу, выбил кинжал из ее рук. Но пола его халата зацепилась за обломок шеста, свисающий с кровати, и на какую-то долю секунды он замешкался, прежде, чем снова кинуться на Лойз. Этой секунды было достаточно, чтобы девушка отпрыгнула за кровать.

Ивьян рванул полу халата, глаза его побелели от бешенства, на губах показалась пена... Лойз уже держала кинжал на уровне груди острием вперед. Благодаря судьбе, на ней был костюм для верховой езды, в котором она была подвижна и легка, словно мальчишка. И все же, против нее был огромный мужчина, опытный воин, для которого не было тайн в любой схватке.

Сорвав с постели разодранную простыню, он скрутил ее жгутом и этим импровизированным грубым хлыстом изо всей силы ударил Лойз. Удар пришелся прямо по щеке, и Лойз застонала от жгучей боли. Она отступила на несколько шагов, но не выпустила кинжала. И снова Ивьян, яростно хлестнув ее, бросился вперед, широко разведя руки в стороны и намереваясь схватить девушку.

На этот раз ее спас стол: она ухитрилась проскользнуть мимо его края, а Ивьян налетел на массивное сооружение всей своей тяжестью, запутавшись в широких полах своего же собственного халата.

С проклятиями он собирался отшвырнуть в сторону стол, как вдруг замер: глаза его широко раскрылись и он уставился на что-то за спиной Лойз. Неужели он настолько глуп, что думает купить меня столь древним трюком, подумала презрительно Лойз и приготовилась отразить натиск Ивьяна из последних сил. Но вдруг кто-то железной хваткой стиснул ее за-

несенную вверх руку, отшвырнул в сторону. Лойз обдало сильным запахом мускуса, шелковое платье коснулось ее тела. Кто-то легко вытащил кинжал из руки Лойз, словно в ней вовсе не было силы.

— Значит, у тебя не хватило мужества убить, — раздался голос Алдис. — Что ж, дай возможность сделать это тому, у кого есть такое мужество!

Изумление на лице Ивьяна сменилось жуткой гримасой гнева. Он оторвался от стола и сделал быстрый шаг вперед. И тут же остановился, словно наткнулся на что-то, а потом снова медленно двинулся прямо на Лойз, хотя в груди у него уже торчал кинжал, а по халату медленно расползалось красное пятно. Отчаянным усилием Лойз оттолкнула его, и он пошатнулся от этого толчка и рухнул на кровать, цепляясь за покрывало.

— Зачем, зачем? — Только это слово и могла выдавить из себя Лойз, в то время, как Алдис, подойдя к кровати, склонилась над Ивьяном, пристально вглядываясь в него, словно желая вызвать последнее сопротивление.

Затем Алдис выпрямилась, подошла к полуоткрытой двери. Она не обращала внимания на Лойз. Молча прислушалась, потом быстро отошла от порога и снова схватила девушку за запястье, но на этот раз не для того, чтобы обезоружить, а чтобы увлечь за собой.

— Идем!

— Зачем? — Лойз попыталась освободиться.

— Дура! — Алдис приблизила свое лицо к лицу Лойз. — Неужели ты не слышишь — ведь сюда ломятся телохранители Ивьяна. Ты хочешь, чтобы они нашли тебя здесь — с ним вместе?

Теперь и Лойз слышала доносившийся снизу странный грохот. Она была потрясена: Алдис метнула кинжал, который поразил герцога в самое сердце, а охрана Ивьяна ломится в его покои. Почему? Зачем? Она ничего не могла понять и поэтому больше не сопротивлялась Алдис, тащившей ее к двери. Было

заметно, что Алдис сама чего-то боится, что им нужно торопиться, и вся эта неразбериха вызвала в душе Лойз еще больший ужас и смятение.

Они очутились в небольшом зале, шум же снизу стал еще громче. Алдис подтащила ее к окну — этот зал тянулся вдоль фасада крепости. Окна выходили на балкон, куда они выскочили. Здесь на соседнюю крышу была перекинута узкая балка. Алдис подтолкнула Лойз к перилам балкона.

— Иди! — коротко приказала она.

— Я не могу! — воскликнула Лойз.

Балка висела над пустотой и казалась такой узенькой, что при одном взгляде на нее у Лойз закружилась голова.

Алдис с минуту смотрела на девушку, потом поднесла руку к броши, сверкавшей у нее на груди. Сжав в кулаке брошь, она снова приказала:

— Поднимайся и иди туда!

И на этот раз Лойз, словно Алдис с помощью своей броши подчинила ее волю своей, беспрекословно повиновалась приказу. Она больше не владела своим телом, как это было тогда, когда за ней явилась Бертора. Словно со стороны наблюдала Лойз за тем, как ее тело послушно шагнуло на балку и перешло над пропастью на другой балкон. Там Лойз послушно подождала, пока Алдис последовала за ней. Карстенка столкнула хрупкий мостик вниз, балка раскололась на куски, и никто не мог теперь преследовать беглянок.

Алдис больше не прикасалась к Лойз, так как в этом не было необходимости. Девушка не могла сбросить с себя узы, приковавшие ее к Алдис. Они прошли с балкона в комнату, оттуда перешли в другую, побольше. Почти сразу же они наткнулись на раненного воина, который полз на четвереньках и оставлял за собой кровавый след, но он их даже не заметил. Также незамеченными проскользнули они и мимо других раненых, и даже среди сражающихся воинов: никто не обратил на них никакого внимания. Что здесь происходило? Кто сражался? Эсткарп? Корис и Саймон — может быть, это они явились за

ней? Но все, кто сражался друг с другом, носили знаки Карстена, словно началась гражданская война.

Они прошли мимо огромных кухонь, покинутых поварами, хотя на вертелах шипело мясо, в котлах перекипал бульон, от сковородок шел удушливый чад подгоревшей еды. Они вышли в сад, где деревья ломились под тяжестью фруктов. Алдис подобрала подол своих пышных юбок, чтобы они не мешали бежать. Один раз она остановилась, потому что ветка дерева вцепилась в драгоценную сетку, прикрывавшую ее волосы. Она сломала ветку, и обломок остался торчать в прическе. Лойз была уверена, что Алдис руководствуется определенной целью, но не могла понять, какой именно, до тех пор, пока они не очутились возле узкой речушки. На легких волнах покачивался маленький челнок.

— Влезай туда и ложись! — указала Алдис на челнок.

Лойз оставалось только подчиниться, и вода тотчас же насквозь промочила ее одежду. Алдис тоже забралась в челнок, который сразу же накренился под двойной тяжестью, и устроилась рядом с ней. Несколько мгновений спустя Лойз ощутила, что челнок движется по течению, унося их вперед, вероятно, в большую реку, разделявшую герцогство на две части.

Лойз лежала ничком, задыхаясь от запаха тины и стоячей воды, ей нестерпимо хотелось поднять голову и вдохнуть свежего воздуха, но она по-прежнему повиновалась приказу Алдис. Куда все-таки направляется Алдис? Лойз почувствовала, что Алдис накинула на них сплетенную из травы циновку, и дышать стало еще труднее. Девушка отчаянно стиснула зубы, задыхаясь от сознания собственной беспомощности. Когда она последовала за Берторой, у нее не было такого состояния, как сейчас. Она принимала все происходящее, как само собой разумеющееся, она ничего не боялась и сама не понимала, что делает. Но на этот раз она отчетливо сознавала, что находится под действием какой-то силы, которая принуждает поступать ее именно так, как того желает Алдис. Но почему произошло с ней все это?

— Зачем? — Раздался над ухом тихий голос Алдис. — Неужели ты еще не догадалась, моя госпожа? Ведь ты же теперь герцогиня, и весь этот город, вся эта страна — в твоей власти! Понимаешь ли ты, что это значит, мое маленькое ничтожество ниоткуда?

Лойз попыталась сообразить, она изо всех сил хотела понять, в чем тут дело, но так и не сумела.

Раздался звук рожка, и Алдис, сбросив циновку, села в лодке. Свежий речной ветерок пахнул им в лица. Прямо перед ними возвышался нос какого-то судна, и Алдис уже тянулась к веревке, спущенной с судна для них.

7. Высокие стены Айля

Саймон сидел у стрельчатого окна, спиной ко всем находившимся в комнате, но отчетливо слышал все происходящее за его спиной: рысьи шаги Кориса, рапорты воинов и короткие приказания, приход и уход офицеров. Они по-прежнему находились в самом сердце Карса — и это было величайшей глупостью, но убедить в этом капитана было невозможно. Корис был в таком состоянии, что мог бы сейчас разнести цитадель по кирпичику, если бы это приблизило его к цели, к которой он столь отчаянно стремился.

Мог ли он винить Кориса за то, что тот думал лишь об одной единственной женщине, и эта навязчивая мысль грозила погубить их общее дело? Объективно говоря, да. Полгода назад Саймон не понял бы той муки, той пытки, которая терзала Кориса. Но с тех пор, как он, Саймон, и сам попал во власть того же дьявола... И хотя он не метался, как Корис, муки его от этого не были менее горькими. К тому же, в их положении все же была некоторая разница — Корис лишился самого дорогого на свете благодаря вражескому вероломству, а Джелит ушла от Саймона по доброй воле, ушла и не вернулась. Быть может, когда она ощутила, что прежняя Сила осталась с ней, она поняла, как до-

рого было ей все то, чем она пожертвовала ради их любви, и теперь она просто не в силах навсегда расстаться с этим.

Саймон сделал над собой усилие, чтобы отогнать мысли о Джелит и вернуться к событиям, столь важным для дела Эсткарпа: к смерти Ивьяна, к тому, что они захватили цитадель Карса и исчезновению Лойз: тайну, которую не смог раскрыть ни один из захваченных пленных.

Эсткарп и Карс — вот две самые важные проблемы в настоящее время, но Корис не способен трезво мыслить в таком ужасном состоянии. Саймон отошел от окна, шагнул к нетерпеливо шагающему по комнате Корису и крепко схватил его за руку.

— Ее здесь нет, значит, нам следует искать ее в другом месте. Но мы ни в коем случае не должны терять голову...

Саймон говорил таким резким тоном намеренно, рассчитывая, что это приведет Кориса в чувство, как пощечина действует на человека, впавшего в истерику.

Корис сощурился, сбросил руку Саймона торопливым движением плеча, но остановился и стал слушать.

— Если она убежала... — начал он.

— Тогда, наверное, кто-нибудь увидел бы ее, — сказал Саймон. — Давай лучше подумаем, зачем ее захватили. Мы прибыли сюда и обнаружили, что люди Ивьяна заняты междоусобной резней. Это было сделано, чтобы скрыть какое-то событие. И это могло быть либо смертью Ивьяна, либо еще чем-то...

— Либо еще чем-то, — услышали они позади мелодичный голос и, обернувшись, увидели волшебницу, прибывшую с пограничниками. — Неужели вы не понимаете, милорды, что со смертью герцога Ивьяна его супруга герцогиня становится полновластной госпожой Карса и Карстена. Особенно если учесть, что Лойз принадлежит к старинной аристократии и ее притязания никто не станет оспаривать. Они воспользуются ею, чтобы превратить ее в послушную пешку, прикрыть ею свои действия, свою силу. Все это было сделано с особой целью, но

вот что это за цель? И чья именно цель? Кого недостает среди убитых и пленных? Лучше бы выяснить, не кто убит и почему, а кто исчез, кто скрылся и по какой причине.

Саймон кивнул. Вполне основательная причина — привезти Лойз в Карс, утвердить в качестве герцогини, супруги герцога Ивьяна, следовательно, и его наследницы причем, Ивьян, вероятно, знал только часть плана и был полностью уверен, что действует по собственной воле. А потом, избавившись от Ивьяна, воспользоваться Лойз, как марионеткой, чтобы прикрыть установление в Карсе другой власти. Но у кого из властителей мог оказаться столь изощренный ум, столь совершенная и могущественная организация, чтобы осуществить такой план? Как было известно разведке пограничников, — а это была очень серьезная организация, Саймон знал это наверняка — никто из глав пяти-шести самых могущественных фамилий не обладал ни мужеством, ни энергией, ни необходимыми людьми для осуществления подобного плана. Да и сам Ивьян никогда бы не доверился никому из представителей старинной знати, чтобы так или иначе допустить их в эту крепость, где они должны были действовать совершенно свободно. Саймон так и сказал волшебнице.

— Фальк был не просто Фальком, — ответила та. — И здесь тоже могут найтись такие, которые на самом деле окажутся не теми, кем они выглядят.

— Колдер! — Корис ударил кулаком по ладони другой руки. — Повсюду Колдер!

— Да, — устало сказал Саймон. — Ведь мы не могли надеяться, что они откажутся от борьбы, потерпев поражение под Сиппаром, не так ли? Разве мы не знали давным-давно то, что главная слабость колдеров — отсутствие достаточно мощной армии? Вполне вероятно, что после сражения при Горме, когда мы сильно потрепали их, они больше не могут полагаться на силу своего оружия и поэтому решили компенсировать количество возможным качеством — подбирают себе в помощники, пусть невольных, людей, занимающих ключевые посты...

— И среди них есть женщины! — перебил его Корис. — Мы ведь здесь до сих пор не видели ту, которую непременно должны были встретить — Алдис!

Волшебница нахмурилась:

— Алдис ведь откликнулась на наше послание в Битве Духов перед атакой на Горм. Возможно, после этого в Карсе ей не было места!

— Есть лишь один способ выяснить это!

Саймон торопливо подошел к столу, за которым сидел Ингвальд, записывая последние данные на портативной фономашине, оставленной сокольничьими, — усовершенствованный вариант аппарата, которым сокольничьи снабжали своих разведчиков-птиц.

— Что говорят здесь о леди Алдис? — поинтересовалась волшебница.

— Очень мало, — едва улыбнулся Ингвальд. Он пояснил. — Три раза приказания, заставляющие этих волков вцепляться в глотки друг другу, исходили от леди. И поскольку она, как им было известно, находилась в тесной близости с Ивьяном, то слова ее принимались за чистую монету. И какая бы там не плелась сеть, она к этому наверняка приложила руку, и весьма основательно.

Волшебница прошла на середину комнаты и тихонько потерла в ладонях драгоценный камень — символ своего Дара.

— Я хочу взглянуть на комнату этой женщины. Скорее, — сказала она коротко.

Они пошли все вместе: волшебница, Саймон, Корис и Ингвальд.

Роскошные апартаменты выходили в тот же зал, что и покои, где они нашли умирающего Ивьяна. В дальнем конце комнаты высокие окна выходили на большой балкон, свежий ветерок шевелил полог кровати и играл кончиком кружевного шарфа, свисающего из ящика комода. Резкий запах мускуса наполнял комнату. Саймону стало от него дурно, и он подошел к открытому окну.

Волшебница, по-прежнему крепко сжимая в ладонях волшебный камень, прошлась по комнате, держа пред собой руки на уровне груди. Саймон не догадывался, что именно она делает, но понимал, что все это серьезно и важно. Волшебница провела руками по воздуху над кроватью, над обоими комодами, над туалетным столиком с целым набором коробочек и чаш, вырезанных из драгоценных камней. Где-то на полпути руки волшебницы вдруг замерли в своем плавном движении и беспомощно упали, словно ударившись обо что-то, невидимое Саймону.

Она обернулась к мужчинам:

— Здесь находился какой-то талисман — символ Силы, которым пользовались много раз. Но Сила эта — не наша. Колдер! — Она с отвращением сплюнула. — Это связано с превращением.

— Изменение облика! — воскликнул Корис. — Значит, та, которую принимали за Алдис, — вовсе и не была ею!

— Не совсем так, лорды! — покачала головой волшебница. — Это не изменение облика, к которому мы так давно прибегаем. Это внутреннее превращение, а не внешнее. Разве не вы сказали мне, что Фальк не был прежним Фальком, хотя он и не был полностью одержимым? Ведь он вел себя в битве совсем иначе, чем раньше. Он не стал сражаться вместе со своими воинами до конца, а сделал попытку скрыться. Потом же предпочел разбиться насмерть, чтобы утаить от нас то, что было его частью. И точно так же обстоит дело с этой женщиной. Ибо я твердо уверена в том, что у нее внутри так же находится нечто, принадлежащее колдерам.

— Колдер, — процедил сквозь зубы Корис.

Потом глаза его широко открылись, и он повторил, на этот раз совершенно другим тоном:

— Колдер!

— Что?.. — начал было Саймон, но Корис перебил его:

— Где же находится последняя твердыня этих проклятых похитителей? Айль! Говорю вам: та, которая была когда-то леди Алдис, сейчас похитила Лойз, и они отправились в Айль.

— Это всего лишь догадки, — возразил Саймон. — К тому же, даже если ты и прав, Айль очень далеко отсюда, и мы еще вполне можем догнать их...

И мысленно добавил: «Любой повод хорош, если он только уведет тебя, наконец, из Карса, пока все не погибли...»

— Айль? — Волшебница задумалась.

Саймон молча ожидал ее решения. Волшебницы Эсткарпа были отличными стратегами, и если она внесет какое-то предложение, то, безусловно, его стоит выслушать. Но она молчала. Саймон знал, что задавать вопросы в такой ситуации совершенно бесполезно.

В том, что Корис, возможно, прав, они убедились еще до наступления ночи. Не желая оставаться в Карсе, рейдеры отступили к стоявшим в гавани кораблям, которые должны были увезти их на запад. Угрюмые матросы молча повиновались распоряжениям капитанов-салкаров, работая под наблюдением охраны солдат из Эсткарпа.

Ингвальд одним из последних поднялся на палубу торгового судна и присоединился к Саймону, который молча наблюдал за набережной, где бушевал ветер, вызванный волшебницей, чтобы помочь их отплытию.

— Мы оставляем позади себя бурлящий котел, — сказал пограничник.

— Ты ведь сам из Карстена, так, может быть, тебе все же хочется остаться в этом котле? — спросил Саймон.

Ингвальд рассмеялся неприятным резким смехом:

— Когда убийцы Ивьяна подожгли мой дом и застрелили отца и брата, я поклялся, что эта земля больше не моя! Мы ведь не новое поколение Карса, и поэтому нам всем лучше присоединиться к тем потомкам Древней расы, которые живут в Эсткарпе, мы с ними одной крови. Нет уж, пусть в этом котле варится теперь тот, кто сам пожелает! Я присоединяюсь к Властительницам. Они считают, что Эсткарпу не нужно ни чужих стран, ни чужих народов, над которыми можно властвовать. Посмотри сам: разве ты стремишься сделать Карс нашим? Ведь

тогда нам пришлось бы организовать не меньше сотни очагов восстаний и пожаров по всей границе герцогства. И при этом нам пришлось бы сильно ослабить наши северные укрепления. Ализон только этого и ждет... Мы избавили этот город от Ивьяна, сильного правителя, который удерживал в повиновении многих врагов. Зато теперь начнется грызня между шестью береговыми правителями за власть. Они будут заняты этим слишком важным для них делом и перестанут быть нам угрозой на севере. Так что анархия сослужит нам службу даже лучшую, чем временная оккупация.

— Лорд! — Саймон обернулся на зов капитана-салкара. — У меня тут есть один матрос, он кое-что знает. Возможно, его история представит для вас интерес.

Он подтолкнул мужчину в грубой, запачканной матросской робе, который быстро преклонил колени перед победителями Ивьяна.

— Ну? — спросил Саймон.

— Вот как было дело, лорд. Эта самая-то шхуна... она стояла в доке два дня, может больше, но команда вела себя странно, никто не сходил на берег. И груза они тоже не разгружали, да и по осадке не видно было, чтобы она груженая. Ну, вот мы и стали приглядываться к этой посудине, уж больно чудным нам все это показалось... Но мы с приятелем так ничего и не заметили, ничегошеньки. Когда в городе началась драка, только тогда они там и оживились. Матросы взялись за весла и стали грести. Ну, так же поступили и другие суда, так что мы не удивились. Только остальные-то суда так и отплыли, а вот эта посудина...

— Не отплыла? — Саймон пока не видел причины, зачем ему выслушивать этот рассказ, но, вполне доверяя опыту капитана, решил дослушать до конца.

— Они только поднялись вверх по течению реки, — матрос кивнул на устье реки, почтительно не отрывая глаз от палубы. — Там они оставили свои весла и стали чего-то ждать. И тут появился этот челнок. Он просто плыл вверх по течению,

словно оторвался где-то на реке от привязи. Вот тогда они снова заработали веслами и подплыли к челноку, загородив его от наших глаз. А после снова быстро заработали веслами и стали спускаться вниз по течению. А челнок куда-то исчез.

— Они кого-то подобрали с челнока, — довольно уверенно сказал Ингвальд.

— По-видимому, так, — согласился Саймон. — Но только кого именно? Кого-то из своих офицеров?

— Ты никого не заметил в этом челноке? — вмешался в разговор капитан-салкар.

— Вот в этом-то и вся штука, лорд, — проговорил матрос. — Там никого не было. У нас, конечно, не было подзорной линзы, да только мы ясно разглядели, что там валялась тростниковая циновка и все. Никто там не греб, и вообще никого не было... Если же там кто и был, то лежал на дне, под этой самой циновкой.

— Быть может, это какой-нибудь раненый? — вслух подумал Ингвальд.

— Или кто-то прятался. Значит, судно потом пошло вниз по течению, к берегу?

— Да, лорд. И шло оно тоже как-то странно. Вообще-то там сидели ребята на веслах, да только они словно притворялись и не гребли по-настоящему. Словно бы под килем у них такое сильное течение, что оно само их несет, и грести не требуется. Вообще-то, там и на самом деле есть течение, но совсем не такое сильное. Обязательно надо налегать изо всех сил на весла, если нет попутного ветра и хочешь идти быстро. А именно так и было — безветренно, но шли они очень быстро.

Капитан бросил на Саймона взгляд поверх склоненной головы матроса:

— Я не знаю других способов передвижения по реке, кроме попутного ветра и весел. Если корабль движется как-то иначе, то мне никогда не доводилось видеть такие суда — ни мне, ни моим собратьям: нам известны только ветер и весла, а все остальное — волшебство.

— Но только неизвестное Эскарпу, — ответил Саймон. — Капитан, дайте сигнал судну сенешаля. Затем переправьте меня туда вместе с этим человеком.

— Ну капитан Осберик, — обратился Корис к командующему флотом салкаров, выслушав историю, рассказанную моряком, — как по-вашему, все это почерпнуто из бочонка с вином или же это правда?

— Нам неизвестны такие суда, что описывает этот человек, но я верю, что он его видел. Ведь существуют же суда, принадлежащие не нам.

— Это не была подводная лодка? — спросил Саймон.

— По-видимому, нет, раз они скопировали внешний вид наших судов. Во всяком случае, они сделали все, чтобы их не опознали, эти колдеры! И если бы не то, что на берегу поднялась суматоха и появились наши люди, они бы себя ничем не выдали. Только когда им стала грозить опасность, они решили пренебречь безопасностью и выдали себя, чтобы использовать преимущество во времени.

Корис подбросил в руке топор Вольта.

— Вниз по реке к морю, а потом и в Айль.

Он уже принял решение:

— Осберик, приготовьте нам самый быстроходный корабль. Посадите на весла, если потребуется, наших людей. Мы отплываем.

Если только это судно и в самом деле идет туда, куда они думают, то оно их здорово опередило. К вечеру, когда поднявшийся ветер наполнил паруса, Осберик дал сигнал к отправлению. Шхуна помчалась под ветром вперед с такой скоростью, что не надо было налегать на весла. Позади на берег высаживались те, кто участвовал в налете на Карс: они отправлялись к границе. Только судно Осберика и еще два других, выбранных для сопровождения, продолжали свой путь по реке.

Саймон поспал несколько часов, завернувшись в плащ, все еще не сняв кольчуги Фалька. Они снова обрели свой привычный облик, но одежда и оружие у них оставались прежние.

Спал он беспокойно, его терзали сновидения, и каждый раз он просыпался, не в силах связать канву сна воедино и мучаясь от мысли, что это очень важно. Наконец он окончательно проснулся и лежал без сна, разглядывая звезды и прислушиваясь к свисту ветра. На расстоянии вытянутой руки от него лежал Корис, и Саймон надеялся, что усталость сморила сенешаля и он забылся сном.

Айль и Колдер. Теперь уже никаких сил не хватит удержать Кориса от нападения на Айль — разве только заковать в цепи. Да, они должны взять Айль. Но разве уже много месяцев до этого они не пытались разгрызть этот орешек? Они победили в битве при Горме только потому, что по воле случая Саймон оказался там пленником и смог выведать уязвимые места в броне Колдера. Но ведь тогда колдеры относились к противнику со слишком большим пренебрежением, тем самым подставляя себя под удар. А поражение под Сиппаром наверняка послужило им хорошим уроком. Взять хотя бы то, что теперь Айль окружен невидимым барьером на море и на суше, и этот барьер не в состоянии преодолеть ни одна сила — даже Сила волшебниц. В течение уже многих месяцев Айль остается совершенно недоступным, огражденным от внешнего мира. Если оттуда появляются солдаты и если они туда возвращаются, то только морем, и притом — не по его поверхности, а под водой. Корабли колдеров — субмарины, подобные тем, которые они захватили в Горме. Но...

На Саймона вновь нахлынули сомнения, как и много месяцев назад, когда он стоял перед Советом Властительниц и высказывал им свое мнение: нужно оставить все, захваченное у врагов в Горме, так как есть. Приказ: ни к чему не прикасаться, чтобы не рисковать — ведь во всем может таиться опасность, о которой они и представления не имеют. Был ли он тогда прав? Теперь он сомневался в этом, но все же внутренний голос говорил ему, что он не заблуждался тогда, и что воспользоваться оружием колдеров — так или иначе оказаться во власти врагов.

Саймону было известно, что волшебницы неторопливо и внимательно изучали находки, сделанные в Горме. Но знал он и то, что их Сила была барьером между ними и могуществом колдеров, который те не могли преодолеть. Но отдавать эти машины в руки простых воинов...

И все же сейчас им совершенно необходимо найти способ проникнуть в Айль. Саймон и раньше думал об этом, но никогда, даже с Джелит, не делился этими своими мыслями.

Очень возможно, что только он, Саймон, в состоянии пробить брешь в броне колдеров, как это однажды уже случилось. И не с помощью субмарин — ибо таких знаний у него не было, а они до сих пор не узнали, какая же сила движет эти суда, если только не мысленная энергия командира — колдера, который умер вслед за своими воинами, не сняв с головы металлический шлем. Нет, Саймон может ворваться в Айль не морем, а только по воздуху. Ибо те летательные аппараты, которые рядами стояли на крыше, возвышавшейся над ныне покинутым Сиппаром, вполне могут быть ключом к Айлю. Но посвятить в это Кориса сейчас было бы величайшей глупостью.

8. Под властью колдеров

— Заперто прочно... — Красное лезвие топора Вольта сверкнуло в воздухе и вонзилось в мох с такой силой, словно Корис метнул топор во врага. Они стояли на холме, оглядывая подступы к Айлю.

Горм был освобожден от людей этого мира и времени. Но здесь, в Айле, колдеры были у себя дома. «Можно было ожидать, — подумал Саймон, — что они прибегнут к помощи металла и станут сооружать причудливые башни и здания.

Но колдеры воспользовались тем же камнем, из которого строились здания в Эсткарпе, только с той разницей, что дома и строения в стране волшебниц были древними. Такими древни-

ми, что казались рожденными из плоти и крови той земли, на которой стояли, а не созданными руками человека.

Айль, несмотря на древний строительный материал, выглядел новеньким, как с иголочки. И не только новым, но и странно чужеродным на этой каменистой почве — Саймон ясно ощущал это, хотя и не мог объяснить словами. Ему казалось, что даже если бы он и не знал, что Айль — твердыня колдеров, то все равно понял бы, что этот город не имеет ничего общего ни с Эсткарпом, ни с одним из соседних с ним государств.

— Там раньше был вход, — Корис указал топором на казавшуюся совершенно гладкой стену. — Теперь даже дверь эта исчезла. И никто туда не сможет пробраться ближе, чем вон тот ручей в долине.

Барьер, подобный тому, который ограждал в свое время Горм, держал их на почтительном расстоянии от Айля, не давая возможности произвести разведку. Саймон беспокойно шевельнулся. Одна и та же мысль не давала ему покоя, сверлила его мозг с того самого дня, как они покинули Карс, и ему приходилось все время бороться с собой.

— Они покидают город и возвращаются в него под водой, должно быть, как это было в Горме, — сказал он.

— Значит, нам остается только отступить и признать свое поражение. Колдер победил? Но я никогда не соглашусь с этим, пока легкие мои полны воздуха, а в руке достаточно силы, чтобы удержать вот это! — топор снова вонзился в мох. — Есть же какой-то путь туда, он должен быть!

Что заставило произнести Саймона эти проклятые слова, которые он поклялся самому себе никогда не произносить? И все же они сами сорвались с его уст:

— Может быть, туда и есть один путь...

Корис резко повернулся, его тело странно напряглось, словно он встал перед противником на дуэли.

— По морю? Но как мы сумеем...

Саймон медленно покачал головой:

— Вспомни, как пала твердыня салкаров, — начал было он, но Корис живо перебил его:

— По воздуху! Летающие корабли! Но ведь мы не можем воспользоваться ими, не зная их секретов. — Его сверкающие глаза сверлили Саймона. — Или ты знаешь их секрет, брат? Ты рассказывал когда-то, что такие машины использовали во время войны в мире, откуда ты пришел к нам. А-а-а! Обратить такое оружие против хозяев этого исчадия зла! Вот это был бы недурной сюрприз! Ай-и-и-и! — Он подбросил огромный топор в воздух, поймал его за топорище, высоко поднял голову навстречу солнечным лучам. — В таком случае, немедленно в Горм, за этими летающими кораблями!

— Погоди! — Саймон схватил Кориса за руку. — Я ведь даже не уверен, что смогу вести такой корабль! Не уверен, что сможем полететь на них!

— Если только они помогут нам сокрушить берлогу этого зверя, то мы сумеем все на свете! — Ноздри Кориса раздувались, рот застыл в суровой усмешке. — Я понимаю, что вражеским оружием пользоваться рискованно, но бывают минуты, когда приходится за любую возможность хвататься обеими руками. Говорю тебе, мы должны отправиться в Сиппар и воспользоваться тем, что нам необходимо!

Саймон уже много месяцев не видел такого ужаса и хаоса, каким стал когда-то главный город Горма. У него даже не возникло никакого желания принять участие в работе тех отрядов, которые прочесывали здания, освобождая их от трупов погибших островитян, столь охотно призвавших Колдер на помощь в борьбе двух династий. С него хватало Горма и Сиппара в битве, которая изгнала колдеров из этого уютного гнезда.

Сегодня он понял, что была еще и другая причина, помимо этих старых ужасов, которая вызывала в нем ненависть к Салкару. Он снова стоял в просторном зале — своего рода центре управления сложными механизмами, — где когда-то сидели за

своими столами облаченные в серое офицеры Колдера, непрерывно колдуя над пультами управления. Ими руководил старый офицер с металлической каской на голове. Именно его-то приказы — Саймон был в этом уверен — направляли всю жизнь внутри осажденной цитадели. И тогда Саймон будто подключился к мыслям старого офицера и узнал о том, что эти люди Колдера были пришельцами, подобно ему самому, что они так же проникли в этот мир сквозь какую-то дверь в пространстве и времени, ища прибежища, спасаясь от преследования. Да, в тот день он проник в мысли этого офицера, и сейчас, вновь стоя в этом зале, он опять ощутил, что так ярко вспоминает все пережитое им в эти минуты, словно его мозг и мозг того офицера стали единым целым, хотя и прошло много месяцев с тех пор, как тот, второй, мертв.

И все же, в этом зале Саймон ощутил себя не только в какой-то мере единомышленником колдеров.

Ведь именно здесь, в этом зале, волшебница Эсткарпа, с которой делил он многие тяготы и приключения, отложила в сторону свой волшебный камень — символ Силы и власти — и отдала в его руки свою жизнь, всю себя. Именно здесь произнесла она вслух свое имя — святая святых, которое ей не следовало доверять никому на свете, чтобы тот, другой, не стал ее властелином. И сделала она это ради него, Саймона. Джелит...

Неужели Джелит теперь так возненавидела его, что не хочет даже мысленно связаться с ним? И уж совершенно не в силах увидеться с ним?

«Колдер! Сейчас нужно думать только о Колдере», — мысленно одернул себя Саймон.

— Саймон! — окликнул его с порога Корис. — Воздушные корабли в точно таком же виде, как мы их оставили.

Корабли для нападения на Айль. Почему он всегда опасался пользоваться вражеским оружием? Почему боялся сесть за руль воздушной машины? Разумеется, Корис абсолютно прав в этом вопросе.

Они взобрались на крышу, где стояли летательные аппараты. Два из них, как видно, ремонтировались, когда началось сражение: рядом с машинами лежали инструменты и запасные части. Саймон подошел к ближайшему летательному аппарату. Да это совсем просто! Оказывается, ничего не стоит привести механизмы в действие: надо поставить эту деталь вот сюда, подкрутить эту гайку... Саймон работал быстро и споро, с такой уверенностью, словно всю жизнь занимался этим. Он поставил на место последнюю гайку, завинтил ее потуже, забрался в кабину на водительское место, нажал кнопку стартера и ощутил вибрацию... Все было в порядке, можно подниматься.

Снизу раздался громкий крик, постепенно стихавший по мере того, как летательный аппарат набирал высоту. Саймон проверил приборы. Айль... он направлялся к Айлю, ему предстояло важнейшее задание. Заградительный барьер продержится недолго, слишком уж велик расход энергии. Раньше или позже эти варвары его прорвут. И тогда магия этих проклятых колдуний потрясет стены Айля, сметет их с лица земли.

Проклятых колдуний?.. Да, вероломные, злобные существа! Выйти замуж за человека, а потом сбежать от него, даже не простившись, видно, считая его слишком глупым, чтобы иметь с ним дело... Ведьма! Ведьма!

Саймон нараспев кричал это слово, пролетая над волнами залива. Горм... Они потеряли Горм. Быть может, они сейчас потеряют и Айль, но только на время. Потому что план их все равно осуществляется. И пусть только откроются ворота, и тогда эти тупые дикари, эти ведьмы узнают, почем фунт лиха! Падение Салкаркипа покажется сущей ерундой перед тем, что произойдет в Эсе... Нажать там, дернуть тут, привести дикарей в действие, заставить колдуний беспокойно зашевелиться. Нужно только выиграть время — и тогда план будет осуществлен.

Значит, если потребуется, сдадим временно Айль — это все равно ничего не изменит. Пусть эти дикари верят, что и на сей раз они победили, что Колдер изгнан. Но Колдер только

скроется на время, чтобы окончательно собраться с силами, окрепнуть, а затем ударить с новой силой в Эс!

Саймон зажмурился. Помимо его собственной воли в нем крепла уверенность и сознание того, что он все сделает, как надо. И в то же время его все сильнее охватывало беспокойство — словно в нем противоборствовали две силы, и каждая стремилась к победе. А впереди его ждет Айль. Они все знают, они дали ему приказ, они ждут его!

Его руки уверенно двигали рычаги, нажимали кнопки, хотя он даже не сознавал, что делает. Внизу мелькали огни — армия этих дикарей. Губы его скривились в улыбке. Ладно, пусть уж пока что торжествуют! К тому времени, когда они наконец соберутся с силами с помощью своих колдуний, от их армии все равно ничего не останется. Ну, а теперь вниз, он должен сесть вон на ту крышу.

Саймон с минуту ошеломленно смотрел вниз — да ведь это действительно Айль! Как же он добрался сюда? Корис, армия... Он обернулся... Нет, это не сон. Он сидит один в колдеровском летательном аппарате, взятом в Сиппаре. Голова страшно болит, к горлу поднимается горький комок. Рука его невольно оторвалась от кнопок управления, пальцы бессознательно потянулись к поясу Фалька, коснулись его металлической бляхи, пробежали по завитушкам и изгибам.

Да, это Айль, и задание его только начинается. Вот они идут, те, кого он должен увезти отсюда, прежде, чем город падет перед дикарями. В крыше — отверстие, квадратный люк, снизу поднялась платформа, на которой стояли две женщины. Одна та, что будет давать ему приказы — она раньше так успешно потрудилась для выполнения их плана в Карсе. А вторая послушно подчиняется ей. Это так, она служит приманкой.

Саймон открыл дверцу летательного аппарата и стал ждать женщин. Лойз широко раскрыла глаза, увидев его, но не издала ни звука, ведь она была полностью под властью чужой силы. Она послушно устроилась на сидении позади него, как ей приказали. Теперь уселась и вторая — Алдис. Алдис?

— К морю!

Саймон почувствовал глухое раздражение. Ему не требуется никаких указаний. Он сам знает, куда ему лететь. Он взмыл вверх.

Странно. Вокруг них густой туман. Алдис напряженно наклонилась вперед, тревожно вглядываясь в окутавшее летательный аппарат облако — она словно боялась его. Ну конечно, ведь это не просто облако, ведь это дьявольское наваждение, проклятая уловка этих колдуний. Но с машиной им все равно не сладить. Он должен только внимательно наблюдать за белым колышущимся предметом, легкой тенью скользящим впереди летательного аппарата — это и есть его ориентир. А туман становился все гуще, сделав слежение за белым пятном почти невозможным, но Саймон по-прежнему не сводил с него глаз. Туман искажает представление о направлении и о времени... Это все их проклятая «магия». А они и в самом деле ловко умеют дурачить, эти чертовы колдуньи! Но он все равно летит туда, вперед и вперед!

— Что вы делаете? — Алдис наклонилась к нему, не сводя взгляда с приборной доски, где светились указатели. — Куда вы летите?

Голос ее звучал резко и пронзительно.

— Куда приказано...

Саймона раздражала необходимость объясняться с ней. Эта женщина в самом деле неплохо справилась со своим заданием, но это не значит, что она имеет право допрашивать его, сомневаться в его действиях.

— Но ведь это не тот курс!

Разумеется, тот. Он выполняет приказ, в точности следуя за ориентиром. Как она смеет заявлять такое!

— Тихо! — приказал он женщине.

Но та вцепилась в его руку:

— Это не тот курс! — она кричит так пронзительно, что у него начинает звенеть в ушах. Ему трудно повернуться, но он все же с силой отталкивает ее правой рукой. Но она не успо-

каивается и снова тянется к нему, на этот раз вцепляется ногтями в руку, так что он чуть ли не теряет курс, и белое пятно скрывается в тумане... Саймон снова отталкивает ее, и все его внимание опять приковано к белому ориентиру.

И только теперь он видит ориентир вполне отчетливо, правда, всего лишь на мгновение. Это птица! Большая белая птица! Он знал таких птиц раньше — и тут туман в его голове рассеивается. Белый сокол, тот самый тренированный посланец-сокол, которого они возили с собой в Карс. В Карс?..

Саймон издал сдавленный крик. Колдер! Колдер влиял на него, он направлял его все это время... Саймон озадаченно посмотрел на свои руки: он совершенно не понимает, что должен делать, как разобраться с этими кнопками и рычагами. Его охватила паника, рот наполнился горечью. Им каким-то образом воспользовались... Левая рука Саймона непроизвольно потянулась к поясу Фалька, скользнула по металлической бляшке, отливающей зеленью.

Собрав всю свою волю, Саймон медленно оторвал руку от бляшки — от этого отчаянного усилия он покрылся потом. Он повернул голову: Алдис поднесла руку к груди, крепко прижала ее к чему-то. В глазах ее, обращенных к Саймону, — темная ненависть и что-то еще — страх?

Саймон схватил ее за тонкое запястье, с трудом оторвал руку от того, что она пыталась скрыть от него. На какое-то мгновение, прежде, чем ее вторая рука отчаянно стиснула грудь, он успел разглядеть брошь, отливающую металлической зеленью — точную копию бляшки на поясе Фалька.

Летательный аппарат ходил ходуном, нырял в туман. Саймон понимал, что если он не вернет руку на пояс Фалька, то не сможет больше вести летательный аппарат. Но если он это сделает, то снова попадет во власть уз, соединявших его с Колдером. Если же они разобьются, то погибнут безо всякой пользы. Согласиться снова на то, чтобы попасть под чары колдеров, значит, хотя бы отсрочить свою гибель, выиграть время. Сай-

мон больше не сопротивлялся. Пальцы его нащупали талисман на поясе Фалька.

Где он — что с ним случилось? Опять эти колдовские штучки — они его заморочили. Ну, нет, хватит!

Раздался отчаянный крик — не человеческий, нет, он вырвался из горла птицы. И прямо на стекло пилотской кабины кинулась птица, словно целясь своим страшным клювом в лицо Саймона. Он вцепился в рычаги, стараясь предотвратить последствия неожиданного нападения. Туман вдруг стал зловеще красным, летательный аппарат отшвырнул прочь зловещую красную тень, машина дернулась в сторону. Алдис отчаянно закричала. Саймон ругался, нащупывая рычаги. Они все еще были в воздухе, но набрать высоту Саймон больше не мог. Рано или поздно они вынуждены будут приземлиться, и все, что ему оставалось, — это постараться сесть благополучно.

Летательный аппарат отчаянно тряхнуло. Саймон ударился головой о стенку кабины и едва не потерял сознание. Когда он пришел в себя, их машина уже находилась на земле, зарывшись носом в почву. Дверца кабины была распахнута и сквозь нее тянуло запахом болота, стоячей воды и гниющих водорослей. Алдис приподнялась на заднем сиденье, огляделась, глубоко вдохнула зловонный воздух. Голова ее дернулась, словно реакция на оклик, рука потянулась к талисману колдеров.

Она наклонилась вперед. Летательный аппарат сильно качнуло, Саймон ударился головой снова, на этот раз о приборную доску, и потерял сознание. Алдис протянула руку, стащила с головы Саймона шлем. Вцепившись в его густые волосы, она откинула его голову на спинку сиденья. Глаза Саймона были плотно закрыты, по виску стекали струйки крови. Но Алдис не обратила на это никакого внимания. Она подтащила его голову как можно ближе к своим губам и вдруг заговорила ему прямо в ухо. Но не на языке Карстена, не на древнем языке Эсткарпа — звуки, которые она издавала, были больше похожи на звяканье металла о металл, чем на человеческую речь.

Саймон не открыл глаза, но голова его дернулась. Он сделал слабое усилие, чтобы освободиться, но она крепко держала его за волосы. Алдис второй раз повторила приказание на ухо Саймону, но он не шевельнулся. Тогда она отпустила его волосы, и голова Саймона упала на грудь.

Женщина с раздражением что-то выкрикнула и высунулась из кабины, осматриваясь. Искореженные деревья, пучки серого мха, зеленоватая ряска на поверхности пруда, серое небо — безрадостная картина предстала перед ее взором. И вдруг что-то зашуршало почти у самой дверцы летательного аппарата. Безобразное существо, напоминающее ящерицу и все покрытое пятнами, с отвратительной чешуйчатой кожей и огромными острыми зубами, торчавшими из полураскрытой пасти, медленно ползло к их машине.

Алдис судорожно прижала руку ко рту. Где же они, лихорадочно размышляла она... Ни ей самой, ни тем, кому она служила, не была известна эта страна. Но тут же она повернула голову вправо: здесь был кто-то из них или кто-то из тех, кто им служит. Значит, помощь близка. Она стиснула руками талисман и, собрав все свои силы, послала вызов.

9. Земля торов

Саймон открыл глаза. Голова нестерпимо болела, все плыло и кружилось перед глазами. Он пошевельнулся, и сразу же шаткое сидение под ним зловеще качнулось. И даже при том, что сознание его не совсем прояснилось, Саймон понял, какая ему грозит опасность. Он поднял глаза и увидел кошмарное зрелище. Только прозрачное стекло кабины отделяло его от зубастого чудовища. Его когти скребли по фюзеляжу машины, оно пыталось подползти к открытой дверце. Саймон молча наблюдал за его неторопливым продвижением. Чудовище напоминало огромную ящерицу, но только, в отличие от милых юрких зверушек, хорошо знакомых Саймону в его прежнем мире,

у него была покрытая язвами и бородавками омерзительная серая кожа, словно какая-то страшная болезнь поразила его. В огромных белесых глазах сверкала лютая злоба, так что не приходилось сомневаться, какую цель преследует его медленное продвижение.

Саймон осторожно повернул голову. Дверца кабины была открыта. Еще несколько футов, и чудище достигнет цели. Саймон осторожно, дюйм за дюймом, потянулся к самострелу. Потом он вспомнил о женщинах. Со всей осторожностью, на какую он был способен, Саймон переменил положение, и летательный аппарат сразу же закачался... Чудище злобно плюнуло, зашипев, мутная жидкость попала на стекло и стала медленно растекаться струйками.

Саймон не видел Лойз, которая сидела позади него. Но Алдис сидела с закрытыми глазами и ее руки сжимали колдовской талисман. Видно было, что она вся поглощена чем-то.

Саймон не решился потянуться к двери, чтобы закрыть ее. Летательный аппарат балансировал на какой-то одной точке и с каждым толчком все глубже зарывался в почву.

— Алдис! — резко произнес Саймон, стараясь пробиться сквозь отрешенность женщины. — Алдис!

Она даже не пошевельнулась, но позади раздался тяжелый вздох.

— Она разговаривает с ними, — послышался голос Лойз, тихий шелест, слабый и едва слышный.

Саймон встрепенулся от мелькнувшей надежды:

— Дверь. Ты можешь до нее дотянуться?

Лойз сделала легкое движение, и летательный аппарат сразу же угрожающе закачался.

— Сиди тихо! — вскрикнул Саймон и тут же убедился, что толчок хоть в одном помог им: омерзительное чудище, которое уже начало карабкаться на нос корабля, соскользнуло вниз. Издав отвратительный хриплый крик, оно вновь поползло к открытой двери, на этот раз по земле, если можно было считать землей болото.

— Лойз, — быстро сказал Саймон, — отодвинься как можно дальше...

— Да!

Летательный аппарат опять качнулся, но на этот раз Саймон уже был уверен, что нос медленно поднимается.

— Ну же!

Краешком глаза Саймон заметил, что Лойз, раскачиваясь на сидении, вцепилась в плечи Алдис и рванула ее к себе, чтобы сделать толчок сильнее. Саймон изловчился и дотянулся до открытой дверцы, но захлопнуть ее у него все же не хватило сил.

Алдис билась в руках Лойз, и с каждым ее движением летательный аппарат раскачивался все сильнее. Саймон размахнулся и ударил Алдис, она сразу обвисла на руках у Лойз.

— Она умерла? — со страхом спросила Лойз и отодвинула от себя Алдис.

— Нет. Но на некоторое время она не будет мешать нам.

Вместе они оттолкнули Алдис назад, и сразу же положение летательного аппарата изменилось таким образом, что больше он не раскачивался под ними, если они двигались осторожно. Только теперь Саймон мог внимательно осмотреть местность, хотя краем глаза он все время косился на дверь, держа самострел наготове.

Полузатопленный мертвый лес, затянутые ряской водоемы и хилая растительность — ничего подобного раньше ему не приходилось видеть. Он понятия не имел, ни где именно они находились, ни как сюда попали. Зловоние болота само по себе производило удручающее впечатление, от него было трудно дышать и стучало в висках.

— Что это за место? — первой нарушила молчание Лойз.

— Не знаю.

Но где-то в глубинах памяти Саймона смутно зашевелилось воспоминание. Болото... Что знал он о болоте? Тростники... Ветер шевелит седые нити мха... Что-то знакомое чудилось Саймону в этом. У него заболела голова от напряжения — он

силился припомнить. Откуда он помнит это? Из своего мира и времени? Нет...

А! На какой-то миг он стал прежним Саймоном Трегартом и вспомнил все отчетливо. Ведь он бежал вместе с волшебницей Эсткарпа, спасаясь от охотничьих псов Ализона, несшихся за ними по пятам. И они остановились в точно таком же месте, и волшебница взмолилась к обитателям этой страны, прося их о помощи, но не дождалась ответа.

Болота торов! Тор, запретная страна, куда ни один человек — кроме одного-единственного — еще не проникал и не возвращался обратно! А тот единственный стал потом отцом Кориса из Горма. Он увез из этого края девушку и сделал ее своей женой. Правда, его народ очень боялся и этого брака, и такого кровосмешения, и потому в наследство сыну, родившемуся от этой женщины, отец оставил только печаль и горечь.

— Тор... Болота Тора, — эхом откликнулась за спиной Саймона Лойз.

Она протянула руку. — Но ведь Алдис вызывает помощь, а люди Тора не имеют дела с пришельцами из других стран.

— Что мы знаем о тайне Болот торов? — возразил Саймон. — Колдер проник даже в Карстен, и я готов поклясться, что точно так же проникли колдеры и в другие страны. Только потомки Древней расы не принимают колдеров и распознают их мгновенно. Потому-то колдеры так и ненавидят Древнюю расу. И очень возможно, что в Болотах Тора нет такой преграды к смешению с колдерами.

— Она вызывает их! Они опять нас найдут! — крикнула Лойз.

Возможно, идти в неизвестность — величайшая глупость, но каждая клеточка в Саймоне протестовала против того, чтобы оставаться на месте и быть захваченными теми, кого вызывала Алдис.

— Не знаю, — запоздало ответил он. — Подальше отсюда, и как можно скорее!

— Да! О, да! — Она осторожно перебралась через Алдис к открытой дверце. — А с ней что будет? — кивнула Лойз на женщину.

— Она останется здесь...

Машина приземлилась на крошечный островок твердой земли, трава вокруг была примята, так что можно было, пожалуй, ступать без опасения. Ползучее чудище куда-то исчезло, по крайней мере, поблизости его не было видно.

Саймон спрыгнул вниз, сапоги его погрузились в мягкую почву, но вода не выступила. Протянув Лойз руки, он помог ей выбраться из летательного аппарата и подтолкнул к хвосту машины. Потом изо всей силы дернул за дверцу и захлопнул ее так сильно, что ее заклинило и открыть теперь было невозможно. Алдис оказалась запертой внутри, к тому же он не мог оставить женщину — пусть даже агента Колдера — на съедение здешним тварям.

Кругом простиралась болотистая топь, поросшая мхом и подернутая ряской. Саймон не видел другого пути, как только по стволам упавших деревьев. Он оставил себе самострел и протянул Лойз кинжал.

— Не ступай на ствол, пока я не проверю его, — приказал он. — Быть может, мы увязнем в этом болоте, но не думаю, чтобы нам стоило двигаться по воде.

— Разумеется, — быстро и твердо согласилась она. — Будь осторожен,

Саймон!

Он выдавил усталую улыбку, от которой стало больно разбитому лицу.

— Будь уверена, этим советом я воспользуюсь в полной мере!

Саймон ухватился за ветку поваленного дерева и сделал первый шаг вперед. Источенный временем ствол прогнулся, но не слишком сильно, выдавив из воды пузырьки, а вместе с ним такое зловоние, что Саймон закашлялся. Захлебываясь кашлем, он пробирался по сплетенным сучьям и корням. Идти было не-

трудно, но тело ныло от страшного напряжения. Нащупывать ногой дорогу, перебираться через корневища — это отнимало все силы. Саймон остановился передохнуть, поджидая Лойз, которая двигалась по проверенному им пути. Лицо ее было бледным, губы решительно сжаты. Сколько времени они вот так ползут по этим стволам и корням? Саймон дважды оглядывался, но каждый раз убеждался, что летательный аппарат по-прежнему совсем близко.

Но все же, наконец, он совершил последний прыжок и очутился на другом травянистом островке. Протянул руки Лойз — и вот они уже сидели рядом, дрожа от усталости и растирая ноющие икры.

— Саймон... — он посмотрел на девушку. Она провела языком по пересохшим губам. — Эта вода... ее нельзя пить... — В ее голосе звучала слабая надежда, что он рассеет ее опасения.

Саймона тоже мучила жажда, он думал о том, сколько они еще смогут продержаться, прежде чем жажда вынудит их испробовать то, что вполне могло оказаться ядом.

— Она грязная, — ответил он. — Может, мы найдем какие-нибудь ягоды или дальше встретим родник...

Очень слабая надежда, но она поможет преодолеть искушение.

— Саймон... — Лойз решительно отвела взгляд от затянутой ряской лужицы и смотрела теперь на ту дорогу, которая привела их сюда. — Эти деревья... Они ведь росли не беспорядочно, — голос ее зазвучал не так слабо, как раньше. — Даже те, которые упали... Они раньше были посажены линиями.

Он проследил направление, куда указывал ее палец. Лойз была права — когда деревья стояли на корню, они были высажены рядами. Вероятно, это была заброшенная дорога. Но интерес Саймона тут же угас, ибо этот путь все равно заканчивался на том островке, где они сидели.

— Дорога, Саймон? Старая дорога? Но ведь она должна вести куда-то? — Лойз поднялась на ноги и стала осматриваться.

Саймон понимал, что надежды очень мало, но все же нужно было воспользоваться любой возможностью уйти подальше от этого гиблого места. И несколько минут спустя Саймон убедился в правильности их догадки. Трава, покрывавшая островок, росла не сплошным ковром, а кустиками, пробиваясь в расселинах между каменными плитами. Плиты были гладко отполированы и тщательно пригнаны друг к другу — это была мостовая! Лойз топнула сапогом и рассмеялась:

— Вот она, дорога! И она выведет нас отсюда! Вот увидишь, Саймон!

«Но у каждой дороги два конца, — подумал Саймон, — и если она уведет нас вглубь страны торов...»

Им потребовалось немного времени, чтобы пересечь более возвышенный участок суши, и вновь перед ними было болото. Но на его противоположном берегу стояла каменная колонна, замшелая, словно выросшая из самой земли. Она была не слишком высока, и верхушка ее была увенчана виноградной лозой, побеги которой змеями вились вокруг каменного лица.

Горбатый нос, торчащий подбородок, черты лица, непривычные для человеческого глаза.

— Вольт!

Именно такой предстала на несколько мгновений перед ними та мумия, на которую они тогда наткнулись в тайной пещере запечатанного для всех утеса, когда Корис взмолился, принес клятву и принял из рук мумии — вернее, высохших когтей — огромный топор. Что сказал тогда сенешаль? Что Вольт — это легенда, полубожество-полудьявол, последний представитель вымершей расы, который еще долго продолжал жить во времена расы человеческой и иногда делился своими знаниями с пришельцами из сострадания и своего одиночества. И вот сейчас они оказались в стране, где Вольт был настолько хорошо известен, что на большой дороге воздвигли его монумент.

Лойз улыбнулась при виде колонны:

— Ты видел Вольта? Корис рассказывал о той встрече, когда он попросил у Древнего его топор и не встретил отказа. И

теперь я уверена, что эта статуя — добрый знак для нас. К тому же, этот камень указывает, куда идет дорога.

Но впереди по-прежнему поблескивала вода. Найдя среди разбросанного гнилья достаточно прочную ветку, Саймон опустил ее в воду, чтобы нащупать дно. Оказалось, что глубина воды всего несколько дюймов, ветка почти сразу уперлась в твердый камень. Дорога лежала под топкой зыбью. Но Саймон не торопился, осторожно шагая вперед, и только потом сделал знак Лойз следовать за ним.

Перед самым столбом с головой Вольта дорога снова стала подниматься, и постепенно полоса твердого покрова расширялась. Саймон догадался, что на этот раз перед ними не островок, а солидный кусок суши. Значит, тут они смогут как-то устроиться на время, не опасаясь того, что их обнаружат торы.

— Здесь кто-то жил раньше, — сказала ему Лойз, указывая на то, что осталось от каменных стен.

Что было здесь? Всего лишь одно здание? Или это — руины целого города? Саймона больше устраивали густые заросли, скрывающие их. Он считал, что никакая живая тварь, кроме разве мелкой ящерицы, не сможет пробраться к ним сквозь густую поросль. А ему отсюда будет виден любой, кто пожелает на них напасть со стороны древней дороги.

Дорога, которая до сих пор шла прямо, вдруг повернула направо, и Саймон схватил Лойз за руку, чтобы она остановилась. Каменные плиты, раньше разбросанные в траве, здесь были аккуратно выложены, образуя каменную ограду. А за ней что-то росло аккуратными рядами, по всему было видно, что за этой растительностью тщательно ухаживают — здесь не было сорняков, высокие стебли — подвязаны к колышкам. Солнце светило здесь ярче, чем на болоте, и в его бледных лучах яркими пятнами вспыхивали красные и малиновые цветы, над которыми деловито жужжали насекомые.

— Локус, — определила Лойз название растения, служившего основным сырьем для ткачей Эсткарпа. Эти пурпурные

цветы становились в свое время коробочками, наполненными шелковыми нитями, которые собирали и пряли.

— Погляди-ка! — добавила она, быстро шагнув к стене и указывая на четырехугольную нишу, в которой стояла грубая деревянная фигурка с уже знакомым орлиным носом. Ошибиться было невозможно: хозяева поля, кем бы они не были, поставили здесь Вольта, чтобы он охранял их урожай.

Но Саймон уже заметил и еще кое-что: отлично утрамбованную дорожку, которая вовсе не была продолжением старой дороги, а убегала направо, огибая поле.

— Уйдем отсюда! — теперь Саймон был уверен, что дорога привела их не к границе, а в глубь страны. Но ведь и возвращаться им было нельзя: у летательного аппарата их, несомненно, дожидаются враги.

Лойз тоже все поняла:

— Дорога ведет дальше.

Она произнесла это полушепотом. Дорога впереди выглядела достаточно заброшенной, чтобы быть уверенными, что торы больше ею не пользуются.

Им больше не попадались ухоженные поля, исчезли даже каменные руины, и только то, что они время от времени натыкались на каменные плиты, пригнанные друг к другу, убеждало их, что они все еще идут по древней дороге.

Жажда мучила их все сильнее, во рту горел огонь. Саймон видел, что Лойз едва бредет. Он обнял ее за плечи, чтобы помочь. Когда они достигли конца дороги — каменного столбика, за которым начинались непроходимые топи, — они шатались от усталости уже оба. Лойз пронзительно вскрикнула, когда Саймон последним рывком остановился перед зловонной трясиной.

10. Джелит нашлась

— Я не могу идти дальше...

Саймон с трудом поддерживал Лойз, не давая ей упасть. Она так шаталась, что ему еле удавалось удержать ее. При виде

топи, в которую обрывалась дорога, ее покинули последние силы. И сам Саймон едва держался на ногах. Но он упорно продолжал стоять, поддерживая Лойз, так как боялся, что стоит им присесть, и у них не будет сил подняться на ноги. Он был в таком состоянии, что не сразу заметил, как к его ногам стали падать какие-то странные мячики, которые лопались, рассеивая вокруг себя белую пудру. Только после третьего мяча Саймон очнулся и отступил назад, увлекая за собой Лойз. Однако мячики продолжали падать совсем близко, словно замыкая их в тесный круг. Саймон привлек к себе Лойз и приготовил самострел, в нем был полный заряд трехдюймовых игл. Но ведь не будешь же стрелять в облако мучнистой пыли, которое двигалось все ближе и ближе к ним! Частицы пыли вдруг начали плясать вокруг них с такой бешеной скоростью, что вскоре перед глазами Саймона и Лойз повис плотный белый туман, за пределами которого ничего не было видно.

— Саймон, мне кажется, они идут! — Лойз схватилась за свой кинжал.

— И я так думаю!

Но защищаться у них не было возможности. Еще один глухой шлепок, и прямо у их ног лопнул очередной мяч размером побольше. А отступать было некуда — они были замкнуты в кольце белого тумана. Они упали навзничь, закрыв лица руками. Саймон ясно ощущал, что он очутился в каком-то тесном ящике, и воздух медленно выходит из его легких. Он не мог дышать... не мог дышать! Тело его корчилось от отчаянных усилий вздохнуть. Задыхаясь и хрипя, Саймон открыл глаза, пытаясь отмахнуться от белой муки, безжалостно засыпавшей его сверху. Он отчаянно бился, чтобы покончить с этой пыткой. Почувствовал, что теряет последние силы... и тут же понял, что снова может дышать и зрение тоже вернулось к нему.

Слабый тусклый свет лился с каменного потолка, а от стен помещения, где он лежал, несло могильной сыростью и холодом. Кто-то держал над его головой сосуд, из которого вились клубы дыма. Саймон с усилием поднял голову и взглянул на

державшего сосуд. В сумрачном свете он сумел разглядеть, хотя и не слишком отчетливо, что это был юноша. Он сидел на табурете перед лежавшим на постели Саймоном. Невысокого роста, чересчур широкоплечий, со слишком длинными руками и слишком короткими ногами, юноша казался поразительно уродливым. Тем более странным выглядело его лицо с необыкновенно правильными чертами. Оно было красиво какой-то своеобразной и непривычной для глаза красотой. Однако чувства, отражавшиеся на нем, были не понятны Саймону.

Тор поднялся. Он был еще очень молод, совсем мальчик, как показалось Саймону. В бриджах привычного для Эсткарпа покроя, но поверх них была надета кольчуга из металлических бляшек шириной в ладонь.

Бросив еще один взгляд на Саймона, мальчик пересек комнату, двигаясь с той кошачьей грацией, которая так поражала Саймона в квадратном и неуклюжем с виду Корисе.

Мальчик что-то произнес — больше всего эти звуки напоминали голоса болотных птиц — и вышел, вернее сказать, исчез из поля зрения Саймона.

Комната плыла перед его глазами, но он все же собрал все силы и сел на постель. Рука его скользнула по шелковистому одеялу. Кроме его кровати и табурета, на котором сидел юный тор, в комнате больше ничего не было. Низкий потолок нависал над каменными стенами. По нему были рассеяны светильники, точнее, они были сгруппированы по несколько штук в разных местах. И вдруг на глазах у Саймона один источник света медленно оторвался от своей группы и пополз туда, где был всего один светильник.

Хотя стены были сырыми и холодными, в помещении не ощущался затхлый запах. Саймон с трудом поднялся на ноги. В тусклом свете перемещающихся светильников он оглядел все четыре стены: ни в одной из них не было никаких отверстий. Как же ушел молодой тор?

Он все еще ломал себе голову над этим, как вдруг позади него послышался тихий звук. Саймон так резко обернулся,

что чуть не потерял равновесия. В ногах его постели стояла какая-то фигура, более хрупкая, с немного менее нарушенными пропорциями, чем у мальчика, но без сомнения — той же расы.

На ней было длинное платье, переливающееся огоньками, и эти блестки не были вышиты или приколоты — они являлись как бы частью самой ткани. Пушистое облачко, не похожее на волосы, — такое же облачко Саймон заметил и у мальчика — окружало ее (его) голову легким пухом, достигавшим до плеч. У мальчика же оно плотно прилегало к голове. Только на висках пух был перехвачен серебряными пряжками.

В руках у женщины был поднос, она поставила его на край постели и только тогда подняла глаза на Саймона.

— Ешьте! — это был приказ, а не приглашение.

Саймон сел, придвинул к себе поднос, но смотрел больше на женщину, нежели на еду. В тусклом обманчивом свете ему все же показалось, что она немолода. И дело было не в признаках возраста — они вообще отсутствовали, а в том неуловимом, что исходило от нее: зрелость, мудрость и... властность! Несомненно, эта женщина занимала высокое положение.

Саймон взял обеими руками кубок и поднес к губам: сосуд был, как ему показалось, из дерева, но шелковистая и тщательно отделанная поверхность и красивая полировка делали его произведением искусства.

В кубке была вода, в которую что-то подмешали: не эль и не вино, а какой-то настой из трав. На вкус питье слегка отдавало горечью, но после первого глотка Саймон нашел его восхитительным и освежающим. Такой же вкус имела и еда: разложенные на деревянном подносе твердые кубики, по виду напоминающие сыр, сначала чуть горьковатые, потом восхитительные и аппетитные. Пока Саймон ел, женщина стояла перед ним, не спуская с него глаз. Но вся ее поза выражала такую отчужденность, словно она исполняла свой долг, принося пищу кому-то, кого она находит для себя совершенно неприемлемым. Саймон почувствовал себя от этого неуютно.

Он покончил с едой и сразу же почувствовал, что к нему вернулись силы. Он поднялся на ноги и отвесил своей посетительнице такой же церемонный поклон, которым приветствовал обычно Властительницу.

— Благодарю вас, леди.

Она не стала забирать поднос, но сделала шаг вперед, и теперь Саймон мог видеть ее более ясно в свете двигающихся огней, которые, как Саймон теперь убедился, ползали по потолку, собираясь группами.

— Вы из Эсткарпа? — Это было почти утверждением и вопросом одновременно, словно женщина, взглянув на него, усомнилась в своей догадке.

— Я служу Властительницам. Но я не принадлежу к Древней расе.

— Из Эсткарпа... Скажите мне, воин волшебниц, кто командует армией в Эсткарпе? Вы?

— Корис из Горма, маршал и сенешаль Эсткарпа. А я — Хранитель Южных Границ.

— А что это за человек — Корис из Горма?

— Великий воин, добрый друг, человек, который всегда держит слово и тот, кто несчастен от рождения.

Откуда взялись у Саймона все эти слова? Он никогда не говорил так. Но тем не менее, эта речь в точности соответствовала тому, что он думал о Корисе.

— А как же стал владелец Горма служить волшебницам?

— Потому что он никогда не был настоящим повелителем Горма. Когда его отец умер, мачеха призвала колдеров, чтобы они помогли установить власть ее собственного сына. И Корис, спасаясь от колдеров, прибыл в Эсткарп. Ему не нужен Горм, потому что Горм по милости колдеров погиб, а он сам все равно никогда не был там счастлив.

— Не был счастлив... Почему же? Ведь его отец был добрым и хорошим человеком.

— Но те, кто наследовал ему, никогда не давали возможности Корису забыть, что он... чужой.

Саймон запнулся, не зная, как лучше выразить свою мысль. Ведь мать Кориса была из рода торов, и эта женщина вполне могла оказаться ее родственницей.

— Да... — Больше она ничего не сказала и спросила совсем другим тоном. — Эта девушка, которая пришла сюда с вами — кем она вам приходится?

— Она — мой друг... Мы вместе сражались на поле боя. И она помолвлена с Корисом, который сейчас разыскивает ее...

Если можно извлечь хоть какую-то пользу из отношений Лойз с сенешалем, Саймон должен предоставить Лойз такую возможность.

— Да... Говорят, что она — герцогиня в Карстене. А ведь между волшебницами и Карстеном идет война...

Похоже было, что в Болота торов, несмотря на изолированность от внешнего мира, проникают все новости извне.

— Это долгая история...

— Времени хватит, — сказала она кратко, — и я готова выслушать эту историю.

В ее тоне был приказ. Саймон начал свой рассказ, опуская детали, но подробно рассказав о той вынужденной свадьбе, к которой принудили Лойз в Верлейне, и обо всем том, что случилось дальше. Когда Саймон дошел в своем рассказе до того места, как они с Корисом очутились в заброшенной гробнице Вольта, как Корис храбро вынул топор из рук мумии, женщина резко велела ему остановиться и стала расспрашивать обо всех мельчайших подробностях этого события.

— Топор Вольта... Значит, сейчас он носит топор Вольта! — сказала она наконец. — И об этом следует подумать.

Саймон едва не задохнулся от изумления — женщина вдруг исчезла, словно испарилась, словно ее вовсе не было здесь. Саймон, растерянный шагнул вперед, но ее не было!

Неужели это галлюцинация? Но ведь раньше и мальчик-тор исчез с его глаз точно таким же способом.

Саймон вернулся к кровати: поднос с кувшином и тарелками по-прежнему стоял там. К тому же, его голод и жажда

прошли бесследно — и это не было галлюцинацией. Его захватили в плен и заточили в темницу. Но в то же время его накормили, и пока что ему ничего не угрожает. Его самострел исчез, но в этом ничего необычного не было. Чего хотят эти обитатели болот? Они с Лойз случайно попали на их землю. Саймон знал, что торы не терпят вторжения в свои земли, но неужели они настолько фанатичны, что и такое вынужденное появление считают вторжением? Для всех ли в равной мере закрыты их границы? Ведь Алдис вызывала на помощь колдеров и, значит, они уже должны быть где-то здесь, в стране торов, словно тот отвратительный гад, который полз к их летательному аппарату.

Колдеры! Для волшебниц Колдер никогда не бывает тайной, они ощущают его по странной пустоте, доступной только их пониманию. Раньше и сам Саймон умел распознавать колдеров — не по пустоте, а по ощущению угрозы, опасности. Может быть, это и теперь ему удастся?

Саймон оставил поднос на табурете, бросился на кровать, закрыл глаза и расслабился. У него всегда был этот странный дар предвидения, дар, который не поддавался никакому реальному объяснению, но служивший ему еще в прежней жизни. А со временем его появления в Эсткарпе этот дар усилился, стал более действенным. Джелит... при этой мысли у Саймона, как и раньше, защемило сердце. Джелит дважды пользовалась его даром, чтобы послать ему известие, и оба раза ее послания находили у Саймона отклик.

И сейчас, когда он пытался сосредоточиться на мысли о Колдере, ему почему-то приходила мысль о Джелит... Он вспоминал ее, какой она была, когда скакала рядом с ним в кольчуге и доспехах в сражении за Салкаркип. Джелит, стоящая на коленях и произносящая шепотом слова заклятия, чтобы ветер дул в паруса на море, чтобы они могли обрушиться на вражеский флот... Джелит в обличье гадалки и ворожеи, торговки приворотным зельем в Карсе — ведь это она тогда послала ему мысленный вызов, просьбу придти к ней на помощь. Джелит в

Горме, где она впервые объяснила ему, на свой лад, что отныне ее путь — рядом с ним. Джелит в его объятиях, слитая с ним воедино, и то упоительное ощущение, которого не приносила ему больше ни одна женщина в мире. Джелит взволнованная и с широко распахнутыми глазами в то утро, когда она поверила, что Дар волшебства не покинул ее навеки, и что она снова та, какой была до супружества. Джелит, которая ушла от него, исчезла, словно ей известна тайная магия торов.

Джелит! Саймон не выкрикнул ее имя вслух, но все внутри него мучительно сжалось, и словно безмолвный вопль тоски прозвучал в его душе. Джелит!

— Саймон!

Глаза его широко открылись, он уставился во мрак, едва освещенный тусклыми огоньками на потолке.

— Джелит?

— Саймон! — твердый, уверенный тон, какой он привык слышать раньше Но это не был реальный, настоящий голос, это звучало у него в мозгу. Глубоко вздохнув, он снова закрыл глаза.

— Ты здесь? — он мысленно произнес эту фразу, неуверенно, словно человек, произносящий фразы на иностранном языке.

— Нет — не телом...

— Но ты ведь здесь! — сказал он с убеждением, которого и сам не понимал.

— В некотором роде, Саймон. Только потому, что ты там. Скажи мне, Саймон, где ты?

— Где-то в глубине Болот торов.

— Это нам уже известно, потому что твой летательный аппарат опустился именно в тех краях. Но ты больше не находишься во власти колдеров...

— Пояс Фалька... Одна из брошек на нем — их устройство.

— Да. Оно-то и открыло им дорогу. Но ты не настолько принадлежал им, чтобы мы оказались не в состоянии изменить их заклятие. Потому-то ты и не полетел к морю по их приказу, а полетел внутрь страны... Болота торов... там у нас нет союз-

ников... Но, может быть, мы все же сумеем с ними договориться скорее, чем с колдерами.

— Колдеры есть и здесь тоже. Алдис призывала их на помощь.

— А!

— Джелит! — исчезновение испугало его.

— Я слышу. Но если Колдер с тобой...

— Я как раз пытался это выяснить...

— Что ж, может быть, вдвоем нам это удастся лучше, мой дорогой. Сосредоточься на мысли об Алдис, если она вызвала помощь, тебе, может быть, удастся это установить.

Саймон попытался представить себе Алдис, какой он видел ее в последний раз — лежащую без сознания в летательном аппарате, когда он захлопнул дверцу. Но почему-то эта картина не воскресла в памяти, вместо нее ему виделось другое: Алдис сидит, наклонясь вперед, и что-то торопливо говорит в пустоту. А потом все исчезло.

— Колдеры! — Джелит сказала это торопливо, открытие было внезапным. — И они не бездействуют, как я понимаю. Слушай меня, Саймон, внимательно. Властительницы говорят, что моя теперешняя Сила — только отголосок прежней, и со временем она совсем исчезнет, так что теперь мне нет места в Совете Эса. Но я говорю тебе, что между нами возникло что-то такое, чего я пока не знаю. Во всяком случае, я обладаю каким-то Даром, который сама не слишком хорошо понимаю, кроме того, что он проявляется только в общении с тобой. Возможно, мы с тобой оба вместе — вместилище новой Силы. Иногда эта Сила бушует во мне с такой яростью, что я начинаю бояться, что мне ее не сдержать. Но у нас слишком мало времени, чтобы выяснять, что же это такое на самом деле. Колдер собирается нанести удар и, возможно, нам не удастся вызволить тебя из Тора прежде, чем этот удар будет нанесен...

— У меня больше нет их талисмана, но они могут снова захватить меня, — предупредил Саймон. — Сможешь ли уберечься ты, чтобы они не добрались к тебе через меня?

— Не знаю. Я так мало узнала об этом! У меня такое чувство, словно я пытаюсь голыми руками удержать огонь! Но вот что мы можем сделать...

Мелькнула вспышка еще более резкая, чем та, что образовала связь между ними и Алдис в летательном аппарате.

— Джелит! — беззвучно выкрикнул Саймон, но на этот раз ответа не было.

11. Один из колдеров

Саймон лежал, обливаясь потом, и тело его было сковано неподвижностью по чьей-то чужой воле. И вот женщина снова появилась в ногах постели, в ее глазах нельзя было прочесть ничего — была ли она врагом или другом, или ей все было безразлично.

— Они пришли, — сказала она. — Они пришли в ответ на приказ той женщины.

— Колдер! — Саймон обнаружил, что язык и губы повинуются ему.

— Те мертвые, которые служат ему, — ответила женщина. — Слушайте, человек, который служит Эсткарпу, мы никогда не ссорились с волшебницами. Мы с ними не в дружбе, но и не в вражде. Мы уже были на этой земле, когда появилась Древняя раса и построила Эс и другие города. Мы существуем с незапамятных времен и еще помним ту пору, когда люди не только не были хозяевами земли, но и вообще их было очень мало. Мы из тех, кого выбрал Вольт и с кем поделился своей мудростью. И мы не хотим иметь дела с теми, кто живет за болотами. Вы же явились сюда и принесли с собой войну, которая нас не касается. И потому, чем раньше вы от нас уйдете, тем будет лучше для нас.

— Но если вы не хотите союза с волшебницами, то почему вы благосклонны к колдерам? Колдеры ведь стремятся захватить власть над всеми людьми, в том числе, и над народом Тора, — возразил Саймон.

— Мы вовсе не благосклонны к ним, мы только хотим, чтобы в нашем собственном мире нам дали возможность спокойно жить. Но те, кого вы называете колдерами, показали нам, что произойдет, если мы не выдадим вас им. И потому было решено, что вы должны уйти...

— Но Эсткарп защитит вас от колдеров, — начал было Саймон, но она холодно улыбнулась в ответ.

— Неужели они и впрямь это сделают, Хранитель Границ? Между нами нет войны, но они боятся Болот — боятся их древних тайн и странных людей. Неужели они станут драться, чтобы защитить нас? Думаю, что нет. К тому же, у них нет сейчас людей, которые могли бы вступить в сражение.

— Почему же?

Она сказала так уверенно, что Саймон даже вздрогнул от испуга:

— Ализон поднялся. Эсткарпу придется бросить все свои силы на север, чтобы там защищать свои границы. Нет, мы должны заключить сделку, более выгодную для нас.

— Значит, меня отдадут колдерам? — Саймон постарался придать своему голосу спокойствие и твердость. — А как насчет Лойз? Неужели и ее вы передадите в руки самого страшного врага человеческого?

— Самого страшного? — воскликнула женщина. — Мы видели, как поднимались и исчезали многие нации, и в каждом поколении всегда есть один враг более могущественный, чем другие. Что же касается девушки, то она входит в условия сделки.

— Но ведь она принадлежит Корису, и, я думаю, что вы убедитесь, какое это имеет значение. По крайней мере, я был свидетелем того, какую цену заплатил за нее Верлейн и Карс. Ваши болота не остановят того, кто крепко держит в руках топор Вольта.

— Сделка уже заключена, — сказала она отчужденно и сделала в воздухе знак рукой, полный таинственного смысла. — Так значит, эта бледнолицая девушка так много значит для Ко-

риса, что он, как вы считаете, непременно явится сюда, чтобы отомстить?

— Именно так. И те, кто причинит ей зло, должны бояться возмездия.

— Но сейчас он слишком занят войной с Ализоном, и пройдет немало дней, пока он сможет просто подумать о чем-то другом. К тому же, кто знает, быть может, он обретет на полях Ализона тот вечный покой, когда уже не смущают никакие вопросы...

— И все же, я предупреждаю вас, леди, что топор Вольта обрушится на эти топи, если вы сделаете это!

— Если я это сделаю! Но я ничего не решаю в такого рода вопросах, лорд.

— Неужели? — Саймон постарался вложить в это слово весь сарказм, на какой был способен. — А мне кажется, что вы не из последних лиц в стране торов.

Она долго не отвечала, не сводя с него пристального взгляда.

— Возможно, когда-то я и была таковой. Но теперь я не имею права голоса ни на одном Совете. Я не желаю вам зла, Хранитель Границ. И думаю, что вы не желаете зла ни мне, ни кому-то из нас. Но когда вынуждает необходимость, приходится покориться. Одно только я могу сделать для вас: я пошлю сообщение в Эс, чтобы они знали, где вы и куда направляетесь. Возможно, они сумеют вам помочь, и все тогда закончится не так уж плохо. Я поклялась не делать ничего, кроме этого, и больше ничем не могу вам помочь.

— Колдеры уже прибыли за нами?

— Они прибыли на корабле по внутренней реке.

— Но ведь нет реки, соединяющей Болота торов с морем.

— Внешней нет. Но есть подземная, она течет по болотам. Они нашли к нам этот путь, и уже навещали нас однажды.

«Субмарина прошла по подземной реке, — подумал Саймон. — Даже если послание достигнет Эсткарпа вовремя, чтобы можно было послать на помощь небольшой отряд, все

равно они никогда не найдут пленников и не смогут им помочь».

— Если вы и вправду хотите мне помочь, как сказали, то пошлите сообщение не в Эс, а леди Джелит.

— Если это ваша супруга, то она больше не волшебница и ничем не сможет вам помочь.

— Все равно, пошлите сообщение именно ей.

— Я обещала, пусть будет по-вашему. И леди Джелит получит сообщение. Ну, а теперь вам пора. И если вы все же уцелеете и избежите плена, то помните, Хранитель Границ, что Болота торов — древняя страна, которую непросто смести с лица земли.

— Лучше скажите об этом тому, кто носит дар Вольта. Из рук колдеров мало кому удается спастись. Но Корис жив, он на свободе... и он полон ненависти...

— Пусть он ненавидит и покажет свой топор Ализону, там нужнее его сила. Странно то, Хранитель Границ, что вы говорите так, будто уже покорились судьбе, но я этому не верю. А теперь... — Она снова сделала в воздухе тот же знак. Ворота открыты, и вам пора идти.

Саймон не мог бы описать, что произошло с ним в следующий миг. Просто исчезли потолок и стены, исчезли невидимые путы, и он стоял на пустынном берегу озера, вода в котором была темной и густой.

Откуда-то доносились звуки голосов, он оглянулся и увидел позади себя группу торов — мужчин и женщин. Немного поодаль находились те, среди который против воли очутился и он сам, Саймон.

Алдис стояла с видом полной уверенности в себе и неторопливого ожидания. Лойз держалась так прямо, что Саймон понял, что она во власти чар. Кроме того, здесь были еще два тора и еще шестой член группы — пришелец из-за границы Болот. Это не был колдер. По крайней мере, он не походил на тех, кого Саймон видел в Горме. Среднего роста, круглолицый и смуглокожий, в плотно прилегающем костюме, подоб-

ный тем, которые носили все колдеры, но без шлема, хотя волосы были схвачены металлическими пластинами.

Он был безоружен, на груди у него красовался такой же знак из зеленоватого металла, какой был на поясе Фалька и на груди у Алдис.

Слыша позади себя бормотание торов, Саймон на мгновение усомнился, что решение выдать их колдерам было столь единодушным, как сказала женщина. Но тут же один из торов поднял руку и резко взмахнул ею в воздухе. Раздался мелодичный перезвон невидимых колокольчиков — единственный приятный звук, услышанный Саймоном за все время пребывания у торов — и тут же на той стороне, где стояли торы, стало пустынно и тихо.

И почти сразу же из темной глубины воды поднялся тупой нос подводной лодки, иссеченной и изъеденной морем. Без единого всплеска лодка подплыла к берегу, в ней открылось отверстие, и появился трап, который соединил лодку с берегом, и Алдис с улыбкой пошла по нему. За ней последовала Лойз, держась все так же напряженно, словно их с Алдис связывала невидимая нить. Затем наступила очередь Саймона — и тело вдруг перестало ему повиноваться. Только разум, замкнутый в этой, ставшей вдруг чужой оболочке, бился, возмущенный столь полным порабощением чужой воле.

Он пошел к люку в корпусе корабля колдеров, подчиняясь чьей-то чужой воле, точно механическая кукла, взялся за поручни лестницы и начал спускаться в чрево лодки. Вслед за Лойз он вошел в маленькую каюту, в которой не было мебели. Дверь позади них захлопнулась. И только тогда их тела словно расслабились, и они почувствовали, что снова владеют собой.

Лойз с тихим стоном покачнулась, и Саймон едва успел подхватить ее. Он бережно опустил девушку на металлический пол и почти сразу почувствовал, что корабль вибрирует — значит, какая бы сила не приводила его в движение, он уже тронулся в путь.

— Саймон, — Лойз повернула голову, едва сдерживая рыдания, — куда нас везут?

Сейчас правильнее всего было бы сказать ей правду.

— Туда, куда мы и сами стремились — хотя и не при таких обстоятельствах. Я думаю, что на базу колдеров.

— Но, — голос ее дрогнул и она была вынуждена помолчать, — ведь это где-то за морем. — Теперь она говорила более спокойно.

— И мы совершаем путешествие под водой.

Саймон прислонился спиной к стене. В каюте не было мебели, и они были безоружны. К тому же, колдеры в любую минуту могли снова полностью завладеть им, так что вся надежда на сопротивление отсутствовала. Впрочем, может быть, кое-что еще им осталось...

— Они никогда не узнают, где мы. Корис не сможет... — Лойз думала о своем.

— Сейчас Корис занят, они об этом позаботились, — Саймон рассказал ей о нападении Ализона. — Они решили натравить на Эскарп всех своих псов, чтобы страна была вынуждена по мелочам расточать силы. Ни один из таких ударов не будет роковым, но военная мощь страны будет подточена, ресурсы истощаться...

— Обычная тактика колдеров — заставлять других сражаться за них, — горько сказала Лойз.

— У них и относительно нас есть планы, — сказал Саймон, кивнув. — Ты ведь теперь по праву брака герцогиня Карстена, и потому стала важной фигурой в их дьявольской игре. Я же — Хранитель Границ. Они могут использовать меня как заложника или же... — Ему тяжело было произнести вслух те слова, которые объяснили бы наиболее логичную причину того, зачем он понадобился колдерам.

— Или же они рассчитывают сделать из тебя одного из своих или превратить тебя в предателя, который станет служить их целям в Эскарпе! — сказала за него Лойз. — В таком случае, нам все же остается один выход, чтобы не допустить этого: мы можем умереть.

— В крайнем случае, — ответил Саймон резко, — но не раньше.

Саймон размышлял над их положением. Расположение базы колдеров — они давно уже хотели установить его. Они ведь мечтали не только отрубить лапы чудовища, но и обезглавить его. Но мир огромен, и у Эсткарпа не было ни малейших догадок о том, где может находиться эта база. То, что колдеры пользуются подводными лодками, делает невозможным даже для салкаров, которые считают море родным домом, выследить их. А если колдеров все же можно выследить?.. Ведь салкары — отличные моряки, хотя неважные воины на суше. Если бы их флот можно было направить на базу колдеров, то команды судов могли бы застать врага врасплох на его же собственной территории и вполне в состоянии продержаться, пока основные силы Эсткарпа доберутся до места и нанесут колдерам сокрушительный удар.

— У тебя есть какой-то план?

Страх, искажавший черты Лойз, постепенно исчезал.

— Не совсем план. Только маленькая надежда. Но...

Вот это-то «но» и было сейчас самым важным, субмарину колдеров необходимо выследить. Можно ли это сделать с помощью того контакта, который ему удалось установить с Джелит во время пребывания в Болотах торов? Или тот же барьер, который колдеры так надежно устанавливают между собой и магией волшебниц Эсткарпа, окажется непроницаемым для такого двухстороннего контакта? Так много «если» и «но», и только ничтожная крупица надежды вместо ответа на все вопросы.

— Слушай же... — И Саймон больше для себя самого, нежели для Лойз, обрисовал в общих чертах, на что он надеется. Она ухватилась за его план со всей силой отчаяния.

— Попытайся, Саймон! Попытайся, сейчас же связаться с Джелит! Прежде, чем они увезут нас так далеко, что ни одна мысль не достигнет нас! Сейчас же!

Она могла вполне оказаться правой. Саймон закрыл глаза, откинул голову назад и снова ощутил горячее желание связать-

ся с Джелит. У него не было никакого представления, как это сделать, только вся его воля, вся собранная в кулак мысленная энергия.

— Я слышу...

Сердце Саймона отчаянно подпрыгнуло при этом ответе.

— Нас увозят... на корабле колдеров... на их базу, вероятно... Ты сможешь следить за нами?

Ответ последовал не сразу.

— Не знаю, но если это возможно, то мне надо сделать это!

Снова молчание, но чувство их близости не покинуло Саймона. И тут лодку так сильно тряхнуло, что он соскользнул по стене кабины, и Лойз упала на него сверху.

— Что такое? — голос девушки стал снова тихий и дрожащий.

За первым толчком последовал еще один, а затем корпус лодки начал сильно вибрировать, словно отчаянно борясь с какой-то силой. Саймон вспомнил о страшных шрамах и бороздах, которые он заметил на корпусе лодки. Видимо, плавание по подземной реке было вовсе не так уж комфортно. Они вполне могли сесть на мель. Он так и сказал Лойз.

— Смогут ли они снять лодку с мели? — с ужасом спросила Лойз, и Саймон увидел, как глаза ее наполнились страхом.

— Я думаю, что капитан лодки должен иметь опыт в таких делах, — сказал он в ответ. — Ведь они не впервые идут вот этим путем, как мне сообщили в Болотах торов.

Впрочем, несчастье всегда случается когда-то впервые. Никогда Саймон не подумал бы, что будет так страстно желать достигнуть базы колдеров по доброй воле. Их по-прежнему бросало из угла в угол, лодка дрожала, как раненный загнанный зверь. Наконец вибрация прекратилась, они ощутили сильный толчок, за которым последовал ровный гул механизмов, сопровождавший обычный ход лодки.

— Интересно, далеко ли мы от моря?

Саймон и сам думал об этом. Он не знал, где находится Джелит и сколько времени ей понадобится, чтобы связаться с

каким-нибудь судном салкаров и пуститься по их следу. Но Джелит сама непременно должна оказаться на этом корабле, чтобы поддерживать с ним постоянный контакт. Но ведь они не смогут так быстро собрать целый флот, а один-единственный корабль очень легко обнаружить, особенно колдерам! Невероятная глупость с его стороны, что он предложил Джелит следовать за ними! Он не должен больше пытаться связаться с ней.

Джелит-колдер... Неужели он настолько сошел с ума, что вовлек ее в осуществление этого безумного плана?

— Это вовсе не глупость, Саймон! Мы пока что не знаем пределов того, что возникло между нами, чего мы можем добиться с помощью этой Силы...

На этот раз он не пытался связаться с ней, но она все равно прочитала его мысли и проникла в его опасения.

— Помни, я следую за тобой! Найди это паучье гнездо — и мы его очистим!

Доверие. Она верила в него от всего сердца. Но Саймон видел перед собой только острые камни, и неведомо ему было, как проскользнуть между ними невредимым.

12. Та, которая не хотела ждать

Комната была длинная и узкая, темная, если не считать скудного света, проникавшего сквозь полуоткрытый ставень. Женщина, которая сидела за столом, сохраняла лишь внешнее спокойствие: внутри у нее все бушевало, словно волны, которые плескались за открытыми ставнями.

Она была в кожаном костюме и кольчуге, на голове был такой же крылатый шлем, подвязанный шарфом, как и у всех пограничников. Слева от нее стояла клетка, в которой молчаливо сидел белый сокол, такой же настороженный, как и она. Женщина теребила в руках кусок свернутой в трубочку коры.

Волшебница? Капитан одного из салкаровских крейсеров пытался догадаться, кто она такая, идя к ней от двери. За ним

послали в таверну, где он проводил время перед отплытием. За ним пришел пограничник, но зачем его ищут, он не мог сообщить.

Однако когда женщина подняла на него глаза, он решил, что она не волшебница: у нее на груди не было волшебного камня. И все же она не была обычной женщиной, это он понял сразу, поэтому на всякий случай отсалютовал ей, как приветствовал бы собрата по профессии рангом не ниже себя.

— Я — Койтой Стимкр, с вашего позволения. Явился по вашему вызову, Мудрая...

Он намеренно обратился к ней так, ожидая ответа.

— А я — Джелит Трегарт, — ответила она без промедления. — Скажите, капитан, вы собираетесь патрулировать в море?

— Отправляюсь в береговой рейд к Ализону.

Сокол шевельнулся на своем насесте, как бы проявляя интерес разумного существа к их беседе. Капитану стало не по себе от внимательного взгляда его блестящих глаз.

— Береговой рейд, — повторила она. — Но я хочу предложить вам нечто другое. И хотя то, что я предлагаю, не обязательно принесет вам добычу и может оказаться намного опаснее, чем рейд к Ализону...

Джелит внимательно посмотрела в лицо капитану. Как и все представители своей расы, он был светловолос, высок и широкоплеч. И хотя он был совсем молод, он держался твердо и уверенно, что говорило об успехах в прошлом и о надеждах на будущее. У нее был не слишком богатый выбор, но то, что она слышала о Стимкре, заставило ее остановиться именно на его кандидатуре из всех капитанов, находившихся сейчас в порту устья Эса.

Была в характере салкаров одна примечательная черта: страсть к приключениям и авантюрам иногда пересиливала в них стремление к собственной выгоде, к добыче. И именно эта черта и делала их такими отважными мореплавателями, первопроходцами морей. На эту-то страсть она и рассчитывала, обратившись к Стимкру.

— И что же вы хотите предложить мне, леди?

— Шанс найти базу колдеров, — смело сказала она. Сейчас не время было прибегать к уловкам: у нее было слишком мало времени для объяснений.

Он долго думал и, наконец, произнес:

— Мы долгие годы ищем эту базу, леди. А как же попали эти сведения к вам, что вы так уверенно говорите об этом? Быть может, у вас есть карта?

— Карты нет, но есть способ найти базу. Но только время не терпит, а все зависит именно от времени. И расстояния, — добавила она.

Быть может, Саймон уже на таком расстоянии от них, что никакой контакт невозможен...

Она теребила трубочку, которую ей доставили из Болот торов, она-то и была ее основным доводом в беседе с Властительницами.

Ее волнение передалось и соколу, потому что он беспокойно завозился в клетке и даже издал боевой крик.

— Вы понимаете, что говорите, леди?! База колдеров! — Он помолчал, потом поднял на нее глаза. — Среди моряков ходят рассказы, что колдеры умеют принимать любое обличье и могут даже заставить наших лучших друзей, товарищей по застольям, выполнять их приказания.

Джелит кивнула.

— Это в самом деле так, капитан, и хорошо, что вы подумали об этом. Но только я принадлежу к Древней расе, а раньше была волшебницей. А вам известно, что над такими, как я, колдеры власти не имеют.

— Была волшебницей... — он уловил только это.

— Почему же я «была», хотите вы спросить? — она собралась с мужеством, хотя ей нелегко было отвечать на такой вопрос. — Теперь я стала женой того, кто является Хранителем Эсткарпа. Вам не приходилось слышать о пришельце из другого мира, что помогал нам в битве за Сиппар — о Саймоне Трегарте?

— Он? — теперь в голосе капитана звучало удивление. — Ну, о нем-то мы слышали. Это, значит, вы, леди, сражались в Салкаркипе во время последней битвы! Ну, значит, вы уже встречали колдеров и знаете их! Расскажите мне, что вы замыслили?

Джелит начала свой рассказ. Когда она закончила, любопытство капитана было наконец разбужено.

— И вы думаете, что мы сможем это сделать, леди?

— Я сама отправлюсь с вами.

— Найти базу колдеров и навести на нее наш флот! О, это подвиг, о котором барды будут слагать песни многие сотни лет! Великое дело задумали вы, леди! Но где же наш флот?

— Флот последует за нами, но впереди должен идти только один корабль. Мы ведь не знаем, каким образом защищаются колдеры, какими они располагают приборами. Быть может, они в состоянии легко обнаружить флот на поверхности моря. Но если впереди будет только один корабль, и не слишком близко — то они не смогут его найти, так я думаю.

— Верно, леди, — кивнул капитан Стимкр. — И в таком случае, как мы вызовем флот на подмогу?

Джелит указала на клетку:

— С помощью этой птицы. Сокольничьи обучили ее возвращаться туда, откуда она и прибыла, неся с собой сообщение. Я уже договорилась с теми, кто распоряжается флотом. Флот будет собран в гавани и ждать сообщения. Но все дело во времени. Если подводный корабль уйдет слишком далеко из подземной реки, то я не уверена, что мы сможем связаться с Саймоном, который захвачен в плен колдерами и находится на этой лодке.

— Река, текущая из Болот торов... — Капитан, очевидно, пытался представить себе, какие пункты минует подводный корабль. — Я думаю, что это будет к северу от Ункара. Так что мы могли бы отправиться в намеченный рейд к Ализону, а уже оттуда, не вызывая никаких подозрений, отправиться дальше к северу.

— И мы можем скоро отплыть?

— Как только пожелаете, леди. Все припасы уже на борту. Правда, их мало для столь дальнего похода, но если вы облечены полномочиями, то можно пополнить запасы немедленно. В порту находится «Невеста Севера» с полным запасом продовольствия для армии; мы можем взять у них все, что нам необходимо.

— У меня есть такие полномочия. Давайте не будем медлить.

Властительницы, хотя и не верили, что к ней вернулись способности, которые она должна была утратить, все же обеспечили ей полную поддержку. К тому же, она сумела доказать, что то, что возникло между ней и Саймоном — нечто весьма важное, чем нельзя пренебрегать: ведь только благодаря ей удалось вырвать Саймона с его летательным аппаратом из власти колдеров. И если теперь им вдвоем с Саймоном удастся выследить базу колдеров, то Властительницы во всем их поддержат.

Капитан Стимкр не подвел. За несколько часов до наступления ночи «Быстрый» уже вышел из гавани, направляясь в открытое море. Джелит решила, что ее выбор оказался даже удачнее, чем она думала, когда убедилась, что небольшой парусник Стимкра очень быстроходен. Это был скорее крейсер, нежели торговое судно.

— Вы, наверное, один из открывателей морских путей? — спросила она, стоя рядом со Стимкром на корме судна.

— Да, леди. Я как раз собирался отправиться подальше на север, когда началась война с колдерами. Там есть деревушка, в которой я уже однажды побывал. В ней живут странные люди — маленького роста, смуглые и говорят на таком странном цокающем наречии, которому очень трудно подражать. Но у них такие меха, каких мне нигде больше встречать не доводилось: серебристые, с длинным ворсом, исключительно мягкие. Когда мы их спросили, откуда берутся эти меха, они нам объяснили, что раз в год к ним прибывает караван диких людей откуда-то с

севера. У них бывают и другие товары. Вот, взгляните. — Он снял с запястья металлический браслет и протянул его Джелит.

«Странный металл, чем-то похожий на золото, только много бледнее», — подумала Джелит. Это была старинная вещь, и рисунок на ней почти весь стерся — оставались только линии и выбоинки. Но это явно было произведение искусства, и очень древнего, к тому же.

— Это я выменял два года назад в той самой деревушке. Все, что я узнал у них, так это то, что и этот браслет привезли с собой дикари с севера. Но вы посмотрите вот сюда. Здесь изображена звезда. Она полустерта, но это безусловно звезда. А на очень-очень древних вещах моего народа всегда стоит этот символ. И в наших старинных песнях говорится о том, что пришли мы из какого-то места, где было очень холодно, много снега и много чудовищ, с которыми приходилось сражаться.

Джелит вспомнила о том, что Саймон пришел в их мир из своего через какие-то ворота в пространстве и времени, точно так же, как и колдеры. Что ж, салкары всегда были одержимы жаждой путешествий, недаром в мирное время они брали с собой на корабли всех своих домочадцев, словно отправлялись куда-то, откуда и не предполагали вернуться. Только в дни войны судна салкаров не напоминали плавучие деревни. Видно, их снедало смутное беспокойство, и быть может, и они когда-то явились в этот мир из другого, и ими руководил подспудный инстинкт, побуждавший искать утраченную родину? Джелит вернула браслет Стимкру.

— Ценная вещь, капитан. Быть может, у каждого из нас есть такой заветный талисман, к которому мы будем стремиться все долгие годы нашей жизни.

— Хорошо сказано, леди. Мы приближаемся к устью Энкора. Но хотите ли попытаться установить более точные координаты субмарины колдеров?

— Да.

Она растянулась на рундуке в маленькой каюте, куда проводил ее капитан. Здесь было жарко и душно, кольчуга стесня-

ла ей грудь, но Джелит усилием воли отогнала от себя все посторонние мысли и напрягла все свои способности, чтобы представить себе Саймона.

— Саймон! — послала она мысленный призыв.

Но ответа не было. Она была так уверена в мгновенном контакте, что даже ощутила физическую боль. Джелит открыла глаза: потолок каюты дрожал и качался — «Быстрый» несся с такой скоростью, что это быстрое движение, возможно, и не давало возможности ей сосредоточиться по-настоящему.

— Саймон! — на этот раз она звала его настойчиво, отчаянно. Она много лет проходила тренировку, ее долго обучали концентрировать и направлять свою энергию на выбранную цель, но только с помощью волшебного камня, который был символом и орудием ее ремесла. Быть может, сейчас ее усилия напрасны именно потому, что у нее отобрали этот камень?

Но ведь в то утро она услышала призыв Лойз и с такой уверенностью помчалась в Эс, надеясь снова стать одной из Властительниц — и лишь для того, чтобы убедиться, что эти двери для нее навсегда закрыты! И тогда она уединилась, чтобы выяснить, что же с ней произошло — так требовали обычаи ее ремесла. Когда она услышала о том, что Саймон поступает против своей натуры, она сразу же поняла, что он находится во власти колдеров. И тогда она прибегла к помощи своей новой Силы, хотя так мало о ней знала. И ей удалось отстоять Саймона, который только благодаря ей приземлился в Болотах торов. А затем она предприняла еще одну попытку... И все же, неужели Властительницы правы, и ее новая Сила — только отголосок прежней, и рано или поздно она совсем в ней угаснет?

Саймон! Джелит снова стала думать о нем, на этот раз вне всякой связи со своей прежней целью. И снова заглянула в глубь самой себя. Она пожертвовала своей волшебной Силой ради Саймона, когда вышла за него замуж, купив такой ценой возможность их союза. Тогда она думала, что супружество с ним — все, чем она дорожит на свете. Но почему же в таком случае она так отчаянно ухватилась за призрачную надежду,

что ее Дар останется с ней, и что эта жертва — не жертва вовсе? Она ведь все же поехала в Эс убеждать Властительниц, что она по-прежнему волшебница и ее Дар остался с ней. А когда у нее ничего не вышло, она не вернулась к Саймону, а предпочла остаться наедине с собой, а после решила сделать все, что в ее силах, чтобы доказать Властительницам, что они заблуждаются! Словно Саймон больше ничего для нее не значил! Всегда только эта Сила! Только этот Дар! Неужели то, что разбудил в ней Саймон, оказалось лишь мимолетной тенью, и на самом деле вовсе не затронуло ее по-настоящему? Саймон...

Но вдруг ее охватил мучительный страх, которого она никогда раньше, до того, как перестала быть волшебницей, не испытывала.

— Саймон! — этот был не просто призыв, это был крик, полный отчаяния, боли и страха.

— Джелит... — слабый, далекий, но все же отклик, сразу же подбодрил ее, но не принес ответа на терзавшие ее сомнения.

— Мы приближаемся... — она коротко, как могла, сообщила ему, что нужно делать дальше, чтобы осуществить их план.

— Я не знаю, где мы, — ответил он. — И я едва ли смогу отвечать тебе.

В этом таилась вся опасность. Их связь может нарушиться. Если бы они нашли способ укрепить ее!.. В волшебном ритуале изменение внешности волшебницы пользовались силой общего желания, оно и способствовало изменения внешнего вида. Общее желание... но ведь их только двое... Впрочем, нет. Ведь есть еще Лойз, и ее желание может соединиться с их желаниями. Правда, девушка из Верлейна не была волшебницей, но изменить облик могли и те, кто не относился к Древней расе, и Лойз однажды уже испытала такое превращение. Она, конечно, не в состоянии сама вызвать энергию, но воздействовать на нее могла. Не предупредив Саймона, Джелит разорвала их связь и вызвала в своем воображение образ Лойз. Лойз! Перед мысленным взором Джелит мелькнула стена, кусок пола, две скрюченные фигуры. Одна из них — Лойз. В этот краткий миг она

увидела Лойз глазами. Но ей нужно было совсем другое — не владение личностью Лойз, а контакт между ними. Это удалось не сразу, но все же Джелит добилась этого. Контакт возник, сначала робкий, неопределенный, потом все более прочный, и вот, наконец, она надежно связалась с Лойз. Теперь Саймон...

Нащупала контакт, закрепила его. Саймон, Лойз — связь становилась все более прочной, и она установила то, что ей было нужно. Она нашла направление! То, что им нужно было с самого начала — направление! Оно найдено!

Джелит спрыгнула с рундука, поспешно поднялась наверх по трапу, цепляясь за поручни. Ветер надувал паруса, корма судна ныряла в бушующих волнах. Небо нахмурилось, горизонт перерезали красные отсветы заходящего солнца. Прическа Джелит растрепалась, и волосы развевались по ветру, когда она подошла к стоявшему на борту капитану.

— Курс, — сказала она и покачнулась от неожиданного толчка, едва успев удержаться на ногах. — Надо идти этим курсом.

Он внимательно посмотрел на нее, кивнул и отдал команде распоряжения.

Где-то под бушующими волнами шла подводная лодка, и «Быстрый» начал стремительно разворачиваться влево, ложась на нужный курс. Джелит совершенно не сомневалась в правильности курса. Она знала, что информация будет точной до тех пор, пока ей удастся поддерживать трехстороннюю связь.

Брызги соленой воды окатывали ее с ног до головы, волосы мокрыми прядями облепили лицо, свисали на плечи. Из виду исчезла последняя полоска береговой линии Эсткарпа. Она так мало знала о море. Быть может, этот свирепый ветер заставит их свернуть, и они потеряют с таким трудом найденный курс?

Джелит высказала эти сомнения капитану.

— Шторм, — до нее еле слышно донесся его ответ. — Но нам приходилось видеть непогоду и похлеще, но мы все же не теряли курса. Мы сделаем все, что в наших силах. Что же до

остального, то все во власти Старой Дамы! — и он суеверно сплюнул через плечо, как того требовал морской обычай.

Но Джелит не нашла в себе сил снова спуститься вниз. Она все стояла на корме, вглядываясь вдаль так пристально, словно этот взгляд мог помочь укрепить ей возникшую связь.

13. Гнездо колдеров

Трудно было иметь представление о времени, находясь в каюте подводной лодки. Саймон лежал, расслабившись, на рундуке, все еще сохраняя нить связи, которая включала не только Джелит, но и Лойз, хотя и в меньшей степени. Девушки больше не было с ним, но она присутствовала в его мыслях.

До сих пор Саймон не видел еще никого из тех, кто захватил его.

Вскоре после начала их путешествия появилась Алдис и увела с собой Лойз. Когда он вторично осмотрел каюту, то заметил, что со стены откидывается узкая койка, а на другой стороне откидывается столик, на котором время от времени появлялась скудная пища и питье. Ее было достаточно, чтобы голод и жажда не слишком сильно его донимали. В остальном, время тянулось мучительно уныло и однообразно. Он немного поспал, передав Лойз контакт с Джелит. Он знал, что Лойз теперь делит каюту с Алдис, но та оставила девушку в покое, радуясь, что Лойз так пассивна и ко всему безразлична.

Пища появлялась за это время восемь раз, но Саймон все равно не мог составить представление о времени — он не знал, сколько дней и ночей провел в этой каюте. Его кормили, возможно, два раза в день, а возможно, только один — он не знал этого. И всего мучительнее было бесконечное и томительное ожидание: Саймон был человеком действия, и это ожидание превратилось для него в настоящую пытку. Только раз в своей жизни он испытывал подобное — тот год, что провел в тюрьме, пылая ненавистью к тем, по чьей милости он терпел такую му-

ку, и вынашивал планы мщения. Но теперь он думал о будущем с полным неведением того, кто же такие его враги: ведь все, что он знал о колдерах — это картина, возникшая в мозгу умирающего главаря при осаде Горма — она передалась тогда Саймону: узкая долина, по которой мчатся странного вида экипажи, а по ним стреляют люди из других таких же экипажей. Значит, колдеры — пришельцы из какого-то иного мира, где дела их шли негладко. Каким-то образом они тоже открыли временные и пространственные Врата в другой мир, где цивилизация Древней расы Эсткарпа находилась на исходе, пыль древних веков уже начинала засыпать и древний Эс, и такие же древние города и деревни. А на побережье варварские государства — Ализон и Карстен — постепенно набирали силу, оттесняя в сторону Древнюю расу, хотя они все еще страшились легендарных волшебниц и поэтому не осмеливались бросить им открытый вызов. До тех пор, пока не появились колдеры. И если сейчас не вырвать с корнем Колдер, то и Ализон, и Карстен тоже попадут под их чудовищную власть, как это уже случилось с Гормом. В Эсткарпе всегда были твердо убеждены в том, что колдеры сами по себе очень малочисленны и поэтому им необходимо захватывать пленников — «одержимых». И теперь, когда Горм пал, а Айль эвакуирован...

Айль эвакуирован! Глаза Саймона широко открылись, он уставился в потолок. Откуда ему стало известно, что Айль эвакуирован, что единственная твердыня колдеров на побережье — всего лишь пустая оболочка? И все же он теперь был в этом уверен.

Быть может, колдеры стягивают сейчас силы, чтобы защитить свою основную базу? Ведь при осаде Горма они нашли всего пять мертвых колдеров... только пять, и все они погибли не от меча или стрелы нападающих, а словно бы расстались с жизнью по своей воле, будто погасла искра, обогревающая их тело! Но было-то их всего пятеро! Неужели потеря пятерых человек могла так ослабить военную мощь Колдера, что им приходится стягивать все силы в одно место? Сотни «одержи-

мых» погибли в Горме, а кроме них были еще агенты в Карстене — Фальк и другие, подобные Алдис, которые еще живы и заняты своим делом. Это и не настоящие колдеры, а местные жители, которые стали служить врагу — и не как лишенные собственного разума «одержимые», но как вполне сознательные помощники. Но никто из потомков Древней расы не мог попасть в подобные сети, потому-то колдеры и решили, что Древняя раса должна исчезнуть!

И снова Саймон подивился тому, откуда у него такая твердая уверенность. Они давно уже знали, что колдеры никогда не использовали потомков Древней расы в качестве своих помощников или «одержимых». Но никогда им не приходило в голову, что причина столь очевидна, а теперь это стало ему так ясно, как будто он услышал объяснение из уст самих колдеров.

Услышал? Неужели у колдеров есть свои средства общения, подобно связи, возникшей между ним и Джелит? Эта мысль потрясла его. Саймон мгновенно послал мысленное сообщение той, которая следовала за ними и услышала его, ответив, причем в ее ответе тоже ощущалось беспокойство.

— Мы теперь совершенно уверены в курсе, Саймон, — сказала она. — Отключайся. И не вызывай меня снова, если не будет большой необходимости.

Большая необходимость... Эти слова эхом отдались у него в мозгу, и почти сразу же Саймон ощутил, что вибрация, слегка сотрясающая стены его каюты, прекратилась, а гул моторов утих, превратившись в ровное гудение, означавшее, что лодка замедляла ход. Неужели они уже достигли порта?

Саймон сел на койке лицом к двери. Оружия на нем не было, но он имел опыт рукопашных схваток. Но как только открылась дверь каюты, он сразу же понял, что снова больше не владеет своим телом, как и перед посадкой в лодку. Им опять распоряжались колдеры. По чужой воле он медленно поднялся и вышел в узкий коридор.

Здесь стояли двое мужчин и, взглянув на них, Саймон не смог подавить невольной дрожи. Это были «одержимые» —

мертвецы, которых колдеры использовали в качестве рабов, хотя на самом деле они оставались живыми. Один, судя по его волосам, росту и стати, был салкаром, другой принадлежал к тому изжелта-смуглому народу, как и тот офицер, который сопровождал Саймона при посадке на лодку.

Они не дотронулись до него, молча стояли и ждали, устремив на него безжизненные глаза. Потом один из них повернулся и пошел к выходу, другой прижался к стене, пропуская Саймона, а затем двинулся вслед за ним. Вот так, идя между ними, он подошел к трапу и поднялся на поверхность субмарины.

Он опустился в скалистом гроте. Вода тихо билась о причал. Саймон сразу же обратил внимание на сходство этой гавани с гаванью Сиппара. Все еще повинуясь чужой воле, Саймон спустился на берег по узенькому трапу.

На пристани молча работали люди, полураздетые, угрюмые, они не разговаривали между собой, только ворочали какие-то тяжелые ящики, освобождая место. Казалось, каждый точно знал, что именно он должен делать и как это делать быстрее всего. Пристань была довольно большая и, идя деревянной походкой между своими сопровождающими, Саймон заметил еще две субмарины. Именно их и разгружали угрюмые рабочие. Перед ними открылись два выхода из грота, слева Саймон увидел тоннель и ведущую наверх лестницу. Тот, который шел впереди, выбрал именно эту дорогу. Пять ступенек вверх, и они очутились перед кабиной подъемника. Как только они вошли внутрь, кабина медленно поползла вверх — это был лифт, такой же, как и в Сиппаре. Поднимались очень долго, дверь кабины отодвинулась влево, и они очутились в узком коридоре. Скользкие серые стены с металлическим отблеском, ряд закрытых дверей. Они прошли мимо шести дверей, по три с каждой стороны, и только тогда увидели распахнутую дверь. Саймон когда-то побывал в жизненном центре Сиппара и ожидал увидеть нечто подобное и здесь: сидящий на стуле перед пультом управления колдер с металлическим шлемом на голове.

Но эта комната была намного меньше того зала. Резкий луч света бил прямо в середину комнаты с потолка — источником его были расположенные рядами светильники — и они образовывали правильный геометрический рисунок. Ковров на полу не было, но тем не менее, он пружинил у Саймона под ногами. Три стула с изогнутыми спинками, плавно переходящими в сидения, и в центре комнаты — настоящий колдер.

Охранники Саймона не вошли вслед за ним, но та же самая силы, которая заставляла его двигаться все это время, вынудила его сделать несколько шагов и остановиться перед колдеровским офицером. Серый костюм чужеземца был такого же цвета, что и потолок, и стены, и стулья в этой комнате. Эту унылую гамму нарушали только мертвенно бледная физиономия колдера да резкий луч света. Голову колдера прикрывала шапочка и, насколько Саймон сумел разглядеть, волос у него совсем не было.

— Наконец-то вы здесь!

Звуки чужой речи, но Саймон почему-то все понял. Смысл сказанного удивил его — можно было подумать, что разговаривают не тюремщик и заключенный, а два человека, заключившие договор, и им осталось только встретиться, чтобы придти к общему согласию. Из осторожности Саймон решил молчать — пусть лучше говорит колдер.

— Вас прислали торы? — колдер продолжал рассматривать Саймона. — Но ведь вы не из их мира? — Недоверие, сначала появившееся во взгляде колдера, сменилось неприкрытой враждебностью. — Кто вы такой?

— Саймон Трегарт.

Колдер продолжал смотреть на него, сощурив глаза.

— Вы не из туземцев! — Это было утверждение, а не вопрос.

— Нет.

— Значит, вы пришли извне. Но вы не из внешнего мира и уж, конечно, не настоящей крови. Я спрашиваю вас: кто вы такой?

— Человек из другого мира, возможно, из другого времени...

Саймон не видел причин скрывать правду, возможно, это вызовет интерес у колдера.

— Из какого мира и какого времени?

Саймон не мог ни покачать головой, ни пожать плечами.

— Я из своего мира и своего времени. Я не знаю, в каком отношении они стоят к этому миру и времени. Просто мне открылся путь сюда, и я прошел по нему.

— Зачем вы это сделали?

— Чтобы скрыться от своих врагов... Точно так же, как и вы и вам подобные, — он добавил это мысленно.

— Была война?

— До этого была война. А я солдат, и никому не нужен в мирное время. У меня были личные враги...

— Солдат... — колдер снова смерил Саймона взглядом. — А теперь вы сражаетесь на стороне этих колдуний?

— Сражаться — это моя профессия. Я поступил к ним на службу.

— Но ведь они туземцы-варвары, а вы — цивилизованный человек. О, не удивляйтесь понапрасну. Разве трудно узнать себе подобного? Мы тоже солдаты, и наша война принесла нам поражение. Правда, в конце концов победа осталась за нами, раз мы очутились в этом мире и обладаем всем, что необходимо для того, чтобы этот мир принадлежал только нам. Подумайте об этом, пришелец! Целый мир будет у нас в руках. — Он протянул руку, и пальцы его хищно сжались в кулак. — И он будет к нашим услугам скоро! Эти туземцы не могут бороться с тем, что есть у нас. И... — Он помолчал и добавил, подчеркивая каждое слово. — Мы должны использовать такого человека, как вы.

— Потому-то я пленен и доставлен сюда? — сказал Саймон.

— Да. Но вы будете не пленником, если пожелаете. Саймон Трегарт, Хранитель Границ Юга. А! Мы знаем вас всех — всех «великих» Эсткарпа! — Выражение его лица не изменилось, но в голосе послышалась насмешка. — И где же теперь ваша супруга, Хранитель Границ? Вернулась к своим дьяволи-

цам? Немного же времени ей понадобилось, чтобы убедиться, что вы ей совершенно не нужны, а? О, все, что происходит в Эсткарпе, Карстене и Ализоне, известно нам до мельчайших подробностей. Мы могли бы превратить вас в «одержимого», если бы захотели. Но мы предоставим вам выбор, Саймон Трегарт. Вы ведь ничем не обязаны этим дьяволицам из Эсткарпа и тем безмозглым дикарям, которыми они распоряжаются благодаря своей магии. Разве ваша волшебница не доказала вам, что они не способны на верность и преданность? И поэтому мы предлагаем вам присоединиться к нам, помочь нам осуществить Великий План. И тогда Эсткарп будет у ваших ног, вы сможете делать там все, что захотите. А пока что, возвращайтесь обратно, будьте Хранителем Границ и ждите нашего сигнала.

— А если я не соглашусь?

— Было бы жаль потерять человека с вашими возможностями. Но те, кто не с нами, те — против нас. Вы уже испытали на себе нашу силу — тело не повинуется вам, вы и шага не в состоянии сделать по собственной воле. А ведь мы можем сделать так, что и дышать вы будете по нашей воле. Не хотите ли попробовать?

И тут же грудь Саймона словно стиснуло обручем, он судорожно попытался вздохнуть, и его охватил смертельный ужас. Это длилось не более секунды, но даже когда все кончилось, страх не покинул его. Он нисколько не сомневался, что колдер выполнит свою угрозу, если решит, что Саймон им не нужен. Лишит его легкие воздуха.

— Зачем же вам эта сделка? — едва прохрипел Саймон.

— Потому что мы нуждаемся в агентах, действующих не по принуждению. Если человека нужно постоянно проверять и контролировать, то он не сможет выполнить задачу, как нужно. Дайте свое добровольное согласие сотрудничать с нами, и вы немедленно получите свободу.

— Только в пределах, установленных вами?

— Вот именно. В определенных пределах. А поэтому не надейтесь, что можете согласиться только для вида. В вас про-

изойдет перемена, хотя вы и сохраните свой внешний облик, свой разум и свою личность, те желания и намерения, которые не идут вразрез с нашими планами. Вы будете не просто телом, которое послушно выполняет наши приказания, как те, которых вы по-своему называете «одержимыми», и вы не умрете.

— Я должен сделать выбор прямо сейчас?

Колдер с минуту помолчал, потом коротко ответил, и в голосе его была угроза:

— Нет... не сразу.

Он сделал какой-то знак, который Саймон не смог уловить, и Саймон послушно пошел к выходу. На этот раз никто не охранял его, словно в охране не было нужды. Да и в самом деле, Саймон был словно в невидимых оковах, которые ни за что не смог бы скинуть.

Он прошел по коридору, снова вошел в лифт. Лифт пополз вверх, остановился, Саймон вышел и очутился перед раскрытой дверью. Он вошел в комнату и тут же почувствовал, что снова владеет своим телом. Он быстро повернулся, но дверь уже закрылась, и он сразу же понял, что пытаться ее открыть бессмысленно.

Здесь не было резкого искусственного освещения, как в нижней комнате. Два окна открывались на скалистый берег, до Саймона доносился резкий запах водорослей. Саймон подошел к окну и выглянул: насколько он мог судить, глядя из своей комнаты, здание напоминало строения Айля. Оконный же проем был слишком узок, чтобы попытаться сквозь него выбраться наружу. Стена круто обрывалась к громоздившимся на берегу острым скалам. Никакой растительности — только камни, да лижущее их море.

Послышался какой-то звук, словно двигалась машина. Саймон высунулся из окна насколько мог и убедился, что внизу ползет автомобиль, но не похожий на те грузовики, которые он знал в своем прежнем мире. У этого автомобиля вместо колес были гусеницы, и двигался он не быстрее пешехода. Под гусеницами машины виднелась глубокая колея — значит, это был

не первый вездеход, прошедший здесь. Он был тяжело нагружен, на подножках стояло четверо мужчин, тела которых были едва прикрыты — рабы, подобные тем, которых Саймон видел в гавани. Саймон проводил вездеход взглядом, пока тот совсем не скрылся за скалой. Только тогда он повернулся и стал рассматривать свое новое обиталище.

Унылые цвета стен и потолка, узкая откидная койка, покрытая пушистой тканью. По стенам — шкафы и буфеты с закрытыми дверцами. Постепенно Саймон нашел стол, умывальник, туалет — точно такой же, как и на подводной лодке. Все было уныло в этой комнате и наводило тоску. Возможно, это входило в планы тюремщиков, решил Саймон.

Однако в одном он был совершенно уверен — это на самом деле база колдеров. И весьма вероятно, что они держат его под наблюдением. Очень может быть, что контроль над его телом снят только потому, что они хотят видеть, что именно он станет делать дальше, как использует свою относительную свободу. Что, если они заподозрили, что между ним и Джелит существует связь, и теперь хотят сделать из него приманку?

Чем готовы колдеры пожертвовать ради того, чтобы заполучить в свои руки одну из волшебниц? Саймон считал, что они готовы ради этого на все. Что, если все происшедшее с ним с самого начала, когда он пришел в себя на Болотах торов и вновь обрел Джелит, что, если все это было специально подстроено колдерами? Саймон не был уверен в обратном.

Что же ему сейчас делать? Вызывать Джелит или нет? Он ведь обещал ей дать знать, когда доберется до базы колдеров. Ведь ей необходимо получить информацию, чтобы вызвать флот Эсткарпа. Но сколько на это потребуется времени? И сумеют ли стрелы и мечи, и даже эсткарпские чары противостоять оружию колдеров, всему тому, что собрано здесь. Ведь наверняка здесь есть многое такое, чего они даже не видели в Горме и Айле! Вызывать Джелит или не вызывать?

Снова звуки за окном: вездеход ползет обратно. Вероятно, это уже другой, потому что пустой, а разгрузить его так быстро

не могли. Вызывать или нет? Медлить больше нельзя... Саймон подошел к койке, лег и сосредоточился. Риск, конечно, был, и очень большой, но приходилось на это идти. Ибо, если он может послать это сообщение, то больше откладывать нельзя.

14. Оружие волшебниц

Джелит и раньше приходилось путешествовать на кораблях салкаров, но никогда она еще не бывала в открытом океане. Пустынные волны дышали таким величием, спокойствием и безразличием ко всему, что Джелит становилось не по себе, и она ощущала, как вера в ее собственные силы временми покидает ее. Единственной поддержкой было сознание того, что волшебная Сила не покинула ее. Волшебницы славились своей властью над стихиями, но то было на суше, а здесь, в открытом море, которое само по себе было грозной силой, Джелит чувствовала себя все менее уверенно.

Как ни странно, но опасения Саймона, что они вызовут подозрения у колдеров, не пугали ее, а поддерживали. С людьми, пусть даже и с такими, как колдеры, она умела управляться куда лучше, чем с этими огромными волнами.

— Ни на одной карте не отмечена в этих водах земля, — сказал капитан Стимкр, разворачивая карты.

— Неужели ни одно из ваших судов раньше не достигало этих широт? — спросила Джелит, находя странным его замешательство. Капитан внимательно рассматривал карту, водя по ней пальцем. Потом бросил через плечо:

— Вызовите Джокуля.

На вызов явился маленький, согбенный годами, человек со сморщенным лицом, продубленным морским ветром. Он прихрамывал и раскачивался на ходу, Джелит заметила, что левая нога у него короче правой и не гнется.

— Джокуль, — сказал капитан, хлопнув по карте ручищей, — где мы сейчас находимся?

Человек стащил с головы вязаный колпак, и ветер сразу же начал трепать пряди его выцветших волос.

— На заброшенном пути, кэп.

Стимкр нахмурился еще сильнее, он устремил взгляд на выгнутые паруса, бившиеся над их головами, словно они предвещали беду. Джокуль втянул ноздрями огромного носа свежий ветер и указал на море:

— Водоросли...

Красновато-коричневые нити колыхались в зеленых волнах совсем рядом с кораблем. Джокуль перевел взгляд туда, где на горизонте виднелась целая полоса такого же цвета. Лицо капитана настолько изменилось, что Джелит нарушила молчание:

— В чем дело?

Он стукнул кулаком по карте.

— Вот оно что! — лицо его разгладилось. — Водоросли — и заброшенный путь! — Он повернулся к Джелит. — Если курс, который вы нам дали, лежит вон туда, то... — Он безнадежно махнул рукой.

— Что стряслось? — спросила она снова.

— Водоросли. Они живут в океане, качаются на воде в этих теплых широтах. Мы их давно знаем и привыкли к этому. Иногда их можно найти даже на берегу, их выбрасывает шторм. Но вот в чем штука — их становится все больше и больше, и теперь некоторые из них убивают...

— Каким же образом?

Стимкр покачал головой:

— Мы сами не знаем, леди. Стоит только дотронуться до этих водорослей, и руки начинает жечь, как огнем. Потом на коже появляются красные пятна, они разливаются по всему телу, и человек словно сгорает в огне, погибает. В этих водорослях какой-то яд. И там, где они плавают, не ходят наши суда.

— Но ведь водоросли в воде, а вы на корабле, что же тут для вас опасного?

— Как только корабль коснется этих водорослей, так они начинают расти со страшной быстротой, опутывают весь корабль

и выползают на борт! — вмешался Джокуль. — Раньше такого не было, это случилось всего несколько лет назад, леди. И поэтому мы теперь избегаем тех коротких путей, где они водятся.

— Только недавно! — повторила Джелит. — С тех пор, как колдеры так осмелели?

— Колдеры? — Стимкр ошеломленно уставился на красноватые нити. — Колдеры и водоросли. Причем они здесь?

— Колдеровские корабли ходят под водой, — сказала Джелит. — Как же лучше они могли защитить себя и свой путь, как не посеяв беду на том пути, по которому должны будут преследовать их враги?

Капитан повернулся к Джокулю:

— Куда ведет заброшенный путь?

— Не туда, куда нам хотелось бы приплыть, — быстро ответил моряк. — Несколько пустынных островов, там нет ни людей, ни воды, ни пищи. Даже морские птицы встречаются там редко.

— Пустынные острова? И на вашей карте их нет, капитан?

Он снова провел рукой по карте:

— Их нет, миледи. Но если это на самом деле заброшенный путь, то мы не сможем идти дальше. Ибо эти водоросли сначала образуют отдельные островки, потом целые полосы, а дальше уже они собираются в такую плотную массу, что судну сквозь нее не пробиться. Раньше так не было — водоросли не были такими плотными, и опасности в себе они не таили. Теперь они даже по виду напоминают кровь и наводят на мысль о смерти!

— Откуда же стало известно про эти острова, если никто не может проникнуть за водоросли?

— Сначала об опасности и не подозревали, а однажды из этих водорослей выплыл корабль с умирающей командой на борту. И те, кто пытался помочь им, тоже погибли. Вот так мы и узнали обо всем, леди. Если колдеры и в самом деле устроили себе такие заграждения, то мы не сможем с ними справиться, если что-нибудь не придумаем.

Плавучие водоросли... Джелит приходилось верить морякам на слово, что они опасны. Ведь салкары отлично знали свое дело. Джелит стиснула голову руками, она больше не видела волн, не замечала водорослей. Саймон! Саймон на базе колдеров, за этими водорослями, он вызывает ее...

— Саймон, — взволнованно ответила она. — Между нами — опасность.

— Остановись! Не рискуй!

Между ними внезапно возникла преграда... Глухая стена, сквозь которую она не могла пробиться, несмотря на отчаянные усилия... Занавес колдеров. Знают ли они об их контакте, или это обычная предосторожность?

— Саймон!

Джелит мысленно выкрикнула его имя и, открыв глаза, удивилась, что никто на палубе ее не услыхал.

— То, что мы ищем, находится за этими водорослями, — сказала она, мрачно указывая на горизонт. — И, возможно, они уже знают, что мы идем по их следу...

— Капитан, водоросли!

Это крикнул не Джокуль, а марсовый, не спускавший глаз с моря.

На волнах уже качалось с десяток-другой красных нитей. Они медленно ползли к кораблю, словно намереваясь охватить его кольцом. Стимкр закричал, приказывая дать задний ход. Джелит бросилась к большой клетке, стоящей на палубе. Белый сокол приветствовал ее радостным клекотом. Она подставила ему руку, и птица тяжело вылетела из клетки. Джелит постаралась унять колотившую ее дрожь и осторожно нащупала на ноге птицы крохотный стерженек, в который был вмонтирован запоминающий аппарат — последнее изобретение фальконеров, их великая гордость и тайна. Птица без труда могла нести на себе это устройство во время дальних перелетов, а оно регистрировало курс пути, совершаемого соколом. Джелит затаила дыхание, нажала ногтем большого пальца едва заметный выступ на стерженьке, кодируя сооб-

щение о кровавых водорослях — сокольничьи потом расшифруют ее сообщение.

Необходимо было предупредить флот о грозящей ему опасности. Сделав это, Джелит поднесла птицу к борту, все время тихонько с ней разговаривая. Джелит не знала секретов ремесла фальконеров — они скрывали их даже от своих союзников — и потому не могла бы сказать уверенно, что птица понимает слова... Ведь неизвестно было, на самом ли деле эти птицы так разумны или же просто отлично выдрессированы... Но во всяком случае, это был единственный шанс сообщить об опасности.

— Лети вперед, лети быстро, крылатый! — Она провела пальцами по голове птицы. — Твой час настал!

Сокол с криком взмыл в поднебесье, сделал круг над кораблем и помчался, как стрела, к давно исчезнувшей из вида земле. Джелит снова бросила взгляд на море. Водоросли подбирались все ближе к кораблю и угрожающе смыкались кольцом. Без сомнения, в этом было что-то неестественное. Сами по себе водоросли не могли так себя вести, в этом Джелит была совершенно уверена! О, если бы только у нее был при себе ее волшебный камень! С помощью этого магического кристалла иногда удавалось совершать многие даже недоступные простому воображению вещи. Но у нее не было камня, а то, чем она собиралась воспользоваться, совсем иная сила, нежели та, к которой она привыкла. И вряд ли оно ей сейчас поможет. Джелит судорожно зашептала слова самого простого заклинания, которому ее учили в раннем детстве:

— Воздух и суша, вода и огонь...

Огонь — антипод воды. Огонь сушит воду, и вода гасит огонь. Огонь... словно слово билось в ее мозгу, ища выхода на свободу. И Джелит ощутила знакомое биение, как в прежние времена, знака, которого с нетерпением ждет каждая волшебница... Огонь!

— Капитан! — она повернулась к Стимкру. — Морское масло... есть у вас на корабле морское масло?

Выражение его лица изменилось, словно он увидел перед собой сумасшедшую. Но она не обратила на это внимания.

— Водоросли... Они будут гореть!

— Гореть? На воде? — Протесты замерли у него на губах, словно его поразила какая-то мысль. — Морское масло — огонь! — Мозг его работал быстро, как у всех, кто привык принимать мгновенные решения. — Нет, леди, я не знаю, будут ли они гореть, но можно попробовать! Алавин, Джокуль, тащите сюда кожаные мешки, три мешка с маслом!

На палубу вынесли три мешка с густым маслом, отжатым из глубоководных растений — им пользовались, чтобы влиять на волны во время штормов. Капитан собственноручно сделал надрезы на мешках, их спустили за борт, и за быстрым судном сразу же потянулся масляный след.

Масляное пятно становилось все больше по мере того, как распоротые мешки подпрыгивали и раскачивались на волнах. Капитан сделал знак одному из матросов, тот выступил вперед. В руках у него был самострел, заряженный самовоспламеняющимися шариками — таким оружием пользовались когда хотели поджечь паруса вражеских кораблей.

Они с нетерпением смотрели на водоросли. Горящее масло быстро приближалось к полосе водорослей, и вдруг вспыхнул яркий, слепящий белый огонь, который стал жадно пожирать нити водорослей. Стрелок продолжал выпускать один за другим свои шарики, масло загоралось и ползло к водорослям. Поднялся удушливый черный дым, и ветер нес его прямо на стоявших на палубе людей, заставляя их кашлять. Пламя вздымалось все выше и выше. Стимкр засмеялся:

— Горят! Водоросли горят!

Но будут ли гореть и остальные водоросли, или же только те, которые пропитаны маслом. Ведь если сгорит только часть водорослей, они лишь чуть-чуть выиграют время, и не больше того!

Если бы только у нее был волшебный камень, Джелит терзалась своим бессилием... Губы ее беззвучно шевелились, паль-

цы двигались, словно ощупывая камень, который она так привыкла держать в руках с ранних лет. Она начала тихонько напевать слова заклинания.

Никто из волшебниц не знал тайны, связанной с действием волшебных камней. Если когда-то их секрет и был известен людям, то он давно утрачен и затерялся в сумраке веков. Они лишь умеют шлифовать эти камни, умеют настраивать их и приводить в соответствие с личностью той, которая должна была носить его всю свою жизнь, но на том все и заканчивалось. С ранних лет волшебниц обучали тому, как пользоваться камнем, но никто не смог бы объяснить, как и почему этот камень действует...

Сами по себе слова старинного заклинания сейчас ничего не значили. Джелит знала только одно: эти слова помогут ей сконцентрировать всю энергию, направить ее в одну точку, заставить ее изливаться из Джелит туда, куда она ее направит. И хотя в ладонях у нее не было волшебного камня, все же происходило то, что должно было произойти. Джелит не видела ни капитана, ни его команду, она потеряла всякое ощущение пространства и времени. Вся воля, вся ее энергия, собранная в теле, все то, что было заключено в ней все эти долгие дни с тех пор, как она отдала свой волшебный камень — все это было сейчас обращено к огню, словно в руках у нее было копье, острие которого нацелено на языки пламени, что пожирали водоросли. А оно поднималось все выше и выше, потом концы языков изогнулись и потянулись прочь от корабля, в самую гущу водорослей. Все дальше и дальше, все глубже вонзались огненные мечи в плотную массу. Заклинание Джелит превратилось в монотонное бормотание. Капитан и его команда стояли у борта, изумленно вглядываясь в бушующий посреди волн пожар.

Раздался резкий звон, потом сильный грохот. Джелит окаменела, голос ее дрогнул, но только на миг. Это гибли устройства колдеров! Там, в самой гуще водорослей, Джелит ясно ощущала пустоту, связанную для волшебниц с присутствием колдеров. И быть может, подводные корабли отправляют-

ся на бой? Но огонь по-прежнему был покорен ей. Взрывы становились все сильнее. Казалось, пламенем охвачен весь горизонт. Нестерпимый жар достигал стоявших на палубе людей: они задыхались и кашляли от удушья. Джелит по-прежнему пела заклинания, собрав воедино всю свою волю, всю энергию и желая, чтобы водоросли погибли. И они погибли, только пепел качался теперь на волнах. Безумная радость охватила Джелит, ощущение безмерного торжества захлестнуло ее.

На воде больше не было красных нитей — пламя сожрало их дотла. И теперь оно стремительно двигалось к дальней полосе водорослей, маячившей на горизонте.

День сменился вечером, но по-прежнему огненное зарево полыхало в небе. Джелит обессиленно повисла на поручнях, она хрипела. Стимкр поддерживал ее, чтобы она не упала, и приказал принести чашу вина. Корабельным вином оказалась кислая и слабая жидкость, но она живительной влагой струилась по губам Джелит, освежала саднящее горло. Она пила и пила, пока не почувствовала, что силы возвращаются к ней.

— Я думаю, пламя уничтожит водоросли окончательно, — шепотом сказала она, улыбаясь капитану.

— Это было великое колдовство, леди.

В голосе салкара чувствовалось то глубокое уважение, которым отдавали дань победителям в великих войнах.

— Вы даже не представляете, капитан, каким оно было великим. Масло и шарики вызвали его к жизни, но форму оно обрело только благодаря моей воле... И... — она высоко подняла руки и удивленно посмотрела на них. — У меня ведь даже не было моего камня. Его не было у меня! — Она оторвалась от поручня и неверными шагами пошла вперед, словно встав с постели после тяжелой болезни.

Капитан поддерживал ее, так что она почти висела у него на руках, помог ей добраться до каюты и улечься на койку. Она вся дрожала от чудовищного напряжения и усталости. Никогда еще, с самых первых дней обучения, она не ощущала ничего

подобного. Но прежде, чем погрузиться в забытье, она схватила Стимкра за руку:

— Теперь мы плывем вперед?

Он внимательно посмотрел на нее.

— Быть может, это только первая ловушка на пути к их логову. Но после того, что я видел... Да, леди, мы плывем вперед!

— Если будет нужно, разбудите меня...

На губах его появилась улыбка.

— Не беспокойтесь, леди. Будьте уверены, ни один мужчина не станет колебаться, если у него под рукой есть такое могучее оружие. К тому же, у нас есть еще несколько мешков с маслом.

Он вышел, и она опустила голову на подушку со вздохом облегчения. Она сейчас была не в силах анализировать то, что с ней произошло. До сих пор она думала, что та новая Сила, которая возникла в ней — это только связь с Саймоном. А оказалось — это нечто неизмеримо большее. Но она разберется во всем позже... Джелит сладко потянулась, расправила затекшие члены и уснула с улыбкой на губах.

15. Магия и магия

Саймон стоял у выходившего на морской берег окна своей комнаты-камеры. На горизонте больше не было ночи — там висела сплошная стена огня, она достигала самого неба, словно само море и все, в нем живущее, питало этот огонь! Каждой своей жилкой Саймон жаждал действия. Он знал, что за этой стеной огня, где-то там — Джелит. Но между ними не было контакта. Последнее из того, что он услышал, — это ее призыв, словно крик о помощи. Видимо, какой-то новый трюк колдеров. Ни одно деревянное судно не рискнет пробиться сквозь эту огненную стену.

Однако внизу, среди утесов началась какая-то суматоха: видимо те, кто служил колдерам, собрались на берегу и наблю-

дали за стеной пламени. Саймон был уверен, что там был по меньшей мере один настоящий колдер — он заметил серый костюм, шлем на голове, белое пятно лица. Похоже было на то, что происходящее на море настолько важно, что хозяин решил сам удостовериться, не полагаясь на донесения слуг.

Откуда-то выползли на берег вездеходы, теперь они были с зажженными фарами, освещавшими дорогу среди скал. Саймон был уверен, что где-то далеко, за скалами, виден яркий свет, происхождение которого было ему непонятно.

Колдеры явно торопились. Но ведь еще не прибыла армада Эсткарпа. К тому же, этот странный пожар на море задержит любые корабли. Но тогда в чем же дело? С тех пор, как Саймон очутился в этой комнате, никто к нему не приходил. Ему оставалось только наблюдать и ждать. Вся эта суета и возня колдеров наводила на мысль о том, что они заняты чем-то очень для них важным. Быть может, они возятся со своими Вратами в пространстве и времени? Может быть, они собираются возвратиться в свой мир? Нет, вряд ли, они ведь стремятся к власти в этом мире. Значит, скорее всего, они сейчас заняты переброской своего оружия или подвозом новобранцев, ведь их так мало, самих колдеров. И скорее всего, они заняты именно этим, так как вряд ли могут вернуться в свой мир, который их изгнал когда-то.

Саймон прислонился головой к прохладной стене и попытался сосредоточиться, чтобы вызвать Джелит. Но он ощутил только непроницаемую стену защиты колдеров.

Лойз! А где сейчас находится Лойз? С тех пор, как они прибыли, он не видел девушку и не знал, где она. Саймон сосредоточился на мысли о Лойз... он вызвал ее:

— Я здесь... — ответ был тихим и слабым.

Саймон отчаянно напрягся, испытывая почти физическую боль.

— Где ты находишься?

— Комната... скалы... — слабо донеслось до него.

— Джелит? — с надеждой спросил он.

— Она приближается! — На этот раз ответ был твердый, уверенный.

Саймон был поражен. Откуда же Лойз может знать это, да еще утверждать с такой уверенностью? Он снова попытался связаться с Джелит, но барьер не исчез.

— Откуда ты знаешь? — резко спросил он Лойз.

— Алдис знает...

— Алдис! — Саймон больше не сомневался, что колдеры устроили ловушку для Джелит.

— Да, — подтвердила Лойз.

— Каким же образом?

— Ты... я... — ответ едва донесся до него, и сколько он ни бился, контакт с Лойз был потерян.

Саймон отошел от окна и в который раз оглядел комнату. Он прекрасно знал, что выхода отсюда нет, но он должен что-то непременно предпринять — иначе он сойдет с ума! Должен же быть какой-то выход. Можно же как-то помешать колдерам!

Саймон напряг память и постарался припомнить убранство того зала в Сиппаре, где он нашел мертвого колдера в шлеме, соединявшимся проводами с многочисленными машинами. Саймон уже тогда понял, что колдеры заставляют действовать машины силой своей мысли. В этом мнении его утвердил лифт в Сиппаре — сначала им страшились пользоваться, а потом поняли, что лифт повинуется мысленным приказам. Стоит только подумать о нужном этаже, и лифт туда доставит.

Итак, колдеры действуют силой своей мысли, заставляя работать механизмы.

Но ведь Сила волшебниц Эсткарпа — это тоже сила мысли, но только те оказывают прямое воздействие на стихии без тех посредников-механизмов, которыми пользуются колдеры. А это значит, что Сила волшебниц вполне может оказаться более могучей, чем сила колдеров!

Саймон сжал кулаки. Он не мог идти против колдеров с голыми руками, у него не было никакого оружия... кроме собственного разума. Но он никогда еще не пытался сражаться си-

лой мысли. Джелит, а кроме того, и Властительницы тоже, соглашались, что он обладает Даром, никогда не проявлявшемся ни у одного мужчины в этом мире. Но этот Дар был всего лишь бледной тенью могучего Дара волшебниц, которые, к тому же, специально обучались пользованию им. А он никогда этому не учился, не тренировал своих способностей...

Саймон перевел взгляд со своих рук на запертые дверцы столиков и стоящих по стенам шкафов. Он непременно должен сделать что-нибудь, пусть даже разум его не выдержит такого напряжения. Он должен, должен!

И он напряг всю свою волю, желание вырваться из темницы стало таким сильным, что затопило все остальные чувства. Он пожелал, чтобы дверь перед ним открылась. Саймон представил себе в мельчайших подробностях замок, каким он был в его родном мире, потом стал подробно представлять себе картину открывания замка. Вполне возможно, этот чужой механизм, сильно отличается от того, к которому он привык и все его усилия окажутся тщетными. Но Саймон не сдавался, он разжигал в себе желание открыть замок, и это желание было таким жгучим, что силы покинули его. Он едва добрел до койки и рухнул на нее. Но все время от не отводил взгляда с дверцы одного из шкафов. Замок должен покориться его воле!

Он весь дрожал от отчаянных усилий, когда дверца шкафа распахнулась, и он увидел содержимое. С минуту Саймон неподвижно сидел на койке, сам себе не веря. Но это не было галлюцинацией, не было обманом — он на самом деле сделал это!

Потом он подошел к шкафу и опустился на колени. То, что лежало внутри него, не давало ему никаких средств к побегу: груда коробочек, внутри которых находились узкие металлические полоски, свернутые в тугие спирали, на них были выдавлены какие-то знаки. Саймон решил, что это своего рода записи. Но сейчас его интересовало только устройство замка. Он лег на пол и наполовину ощупью, наполовину зрительно несколько минут изучал механизм. Затем встал, подошел к другому шкафу. Открыть его теперь было делом нескольких ми-

нут. Внутри Саймон нашел то, что могло послужить ему пропуском внутри здания: прозрачные мешки с одеждой колдеров. К сожалению тот, кому эта одежда принадлежала, был не таким крупным, как Саймон, но выбирать не приходилось.

Брюки были чуть ниже колен, а пиджак трещал на плечах Саймона. Но, в конце концов, сойдет и так. Теперь замок на двери. Если только он действует по тому же принципу, что и замки шкафов, то...

Саймон представил себе замок в мельчайших подробностях. Отопрись!

Отопрись!

Раздался щелчок, но дверь не отошла в сторону, как дверцы шкафов, и поэтому Саймону пришлось толкнуть ее рукой. Он выглянул в коридор с некоторой опаской, потому что помнил, что в Сиппаре, когда кто-то шел по коридору, откуда-то сверху голос предупреждал, что заметно каждое движение. Здесь могла быть такая же система, и поэтому приходилось рисковать. Он двинулся по коридору, внимательно прислушиваясь.

Если он воспользуется лифтом, то может попасть вниз, но как раз там сейчас полно людей. Ему же необходимо получить свободу действий. Лойз! Саймон нахмурился. Лойз и Алдис — ловушка для Джелит. Где же может быть в этом сооружении девушка? Он не осмеливался снова вступать в контакт.

В этом же коридоре еще четыре двери: колдеры, возможно, помещают пленных поближе друг к другу. Что Лойз сказала: «Комната и скалы...»? Очень может быть, что окна ее комнаты выходят на скалы. Те комнаты, двери которых находились слева от него, как раз и должны выходить на скалы.

Саймон толкнул дверь первой комнаты, она сразу же поддалась под его рукой. Он быстро отошел к соседней двери — эта дверь была заперта. Правда, Лойз не обязательно была за этой дверью, но приходилось рисковать. Саймон сосредоточился на замке. Теперь все было гораздо легче, раз он уже представлял механизм замка.

Он ощутил уверенность в себе, внутри этой крепости колдеров он больше не пленник. Правда, оставалось то оцепенение, которым они сковали его тело. Сможет ли он при необходимости так же успешно справиться с ним — Саймон этого не знал и не стремился проверить.

Дверь открылась со второй попытки. Саймон осторожно отодвинул ее и заглянул в комнату. Лойз стояла спиной к нему, облокотившись на подоконник, глядя в ночь. Она казалась такой маленькой и беззащитной.

Как показалось Саймону, она была одна, но твердой уверенности в этом не было. И тогда он снова прибегнул к своей новой способности: пожелал, чтобы она повернулась. Она чуть слышно вскрикнула, увидев его, потом отшатнулась и закрыла лицо руками. Саймон понял, что она приняла его за одного из колдеров.

— Лойз... — произнес он шепотом и стащил с головы плотно прилегавший колдеровский шлем.

Ее била дрожь, но услышав его шепот, она опустила руки и уставилась на него. Страх на ее лице сменился удивлением. Она ничего не сказала, но, оторвавшись от стены, кинулась к нему. Она вцепилась пальцами в его серый костюм, глаза ее были широко открыты, губы побелели, она едва сдерживала крик.

— Пошли! — Саймон крепко обхватил ее за плечи и вывел в коридор. Понадобилось одно мгновение, чтобы закрыть дверь, и они двинулись в путь.

Но все, что Саймону было известно — это два коридора. Тот, в котором они сейчас находились, и другой, ведущий в комнату, где Саймон разговаривал с колдером. На нижних этажах наверняка полно этих крыс, занятых разгрузкой припасов и высадке людей. Его колдеровская одежда не выдержит внимательного взгляда. Но ведь эти рабы внизу — одержимые, они не станут к нему присматриваться. Когда они высаживались с подводной лодки никто даже глазом не повел в их сторону! Может быть, и сейчас его появлению вместе с Лойз они не придадут значения.

— Алдис, — Лойз вцепилась в его руку.

— Что с ней? — они уже были в лифте, но он мог доставить их в руки врага.

— Она узнает, что я ушла!

— Каким образом?

Лойз покачала головой.

— Колдовской талисман. Он как-то узнает о каждом моем шаге. Поэтому она и узнала о моем контакте с Джелит. Она была со мной, когда мы связались. И она прочитала мои мысли!

Саймон не мог оспаривать заявления Лойз, особенно учитывая собственный опыт. Но он не представлял себе, куда направить лифт. Разве только в одно-единственное место — правда, приходилось отчаянно рисковать. Но ведь если Лойз права, и охота за ними вот-вот начнется, то лучшего поля сражения все равно не придумаешь.

Саймон подтолкнул девушку вперед. Он представил себе коридор, ведущий к комнате, где был колдеровский офицер, и дверца лифта закрылась за ними.

— Ты не ощущаешь Джелит? Не знаешь, где она сейчас находится? — обратился он к Лойз.

— Нет, не знаю, — покачала она головой. — Им нужна Джелит-волшебница. Когда они узнали, что она следует за нами, они весьма заволновались. Они знали, что она плывет на корабле, но это им не страшно. А потом что-то случилось с их системой защиты, и они составили новый план. Алдис была очень довольна. Она сказала, что все работает на них. Но только я не понимаю, отчего они так беспокоятся... Ведь Джелит больше не волшебница.

— Не такая, как прежде, — сказал Саймон. — И все же она могла бы вступить с нами в контакт только при наличии у нее старого волшебства. Есть магия и магия, Лойз.

Но сможет ли его магия и магия Джелит противостоять мощи Колдера?

Слабый шелест, и дверь отворилась. Перед ними был коридор. Они сделали всего несколько шагов вперед, когда зна-

комое оцепенение охватило их. И теперь, уже совершенно беспомощные, они продолжали свой путь в зал, где сидел офицер, похожие на живых кукол.

— Беспомощные? — спросил себя Саймон. Если бы не его опыт с дверями, дерзкая мысль не пришла бы ему в голову. Он был во власти Колдера. Но почему бы не попробовать разорвать и эти путы, как он прежде открывал двери?

Дверь была открыта: шагая рядом с Лойз, Саймон очутился в комнате, где их ждали двое колдеров. Один из них — тот офицер, с которым Саймон уже разговаривал, а другой — с металлическим шлемом на голове — сидел откинув голову на высокую спинку стула. Его глаза были закрыты, и по всему было видно, что он полностью поглощен своими мыслями и совершенно отрешился от происходящего в зале. В зале находилось еще двое одержимых с оружием в руках; в стороне стояла Алдис, она была взволнована: глаза у нее сверкали, а губы полураскрылись.

Первым заговорил колдеровский офицер:

— Похоже, что от вас можно ждать большего, чем ожидаешь, Хранитель Границ. Вы обладаете некоторыми неожиданными для нас способностями. Может, это и хуже для вас. Но сейчас вам придется помочь нам. Ибо оказывается, ваша супруга-волшебница не предоставила вас своей судьбе, а поспешила на помощь, как и подобает преданной жене. А Джелит из Эсткарпа для нас очень важна — настолько важна, что мы не можем позволить себе хоть что-то упустить в наших планах относительно нее. Итак, приступим к выполнению плана.

Тело Саймона подчинилось чужой воле. Он повернулся к двери, оба стража встали по бокам от него. Сзади шли Алдис и, как понял Саймон, один из колдеров. Человек в металлическом шлеме остался в зале.

Они подошли к лифту и стали спускаться вниз. Но Саймон все это время осторожно испытывал свою волю, свою силу. И к тому времени, когда они спустились до уровня моря, он уже готов был действовать, почти уверенный в успехе.

Набережная была пуста. Четыре подводные лодки неподвижно стояли у причалов. Все люди куда-то исчезли. Но те, кто сопровождал Саймона, повели его с Лойз к проему в скале, где были вырублены ступени. Они стали взбираться по ним, пока в лицо им не пахнул свежий морской ветер.

Саймон шел впереди. За ним — Лойз и Алдис, замыкал шествие колдеровский офицер. Огонь, красной полоской пылавший на горизонте, погас, хотя вдали еще поднимался к звездам дым. Они стояли на пустынном берегу, усеянном камнями. По-видимому, эта и была цель их путешествия. Саймон и Лойз переглянулись, охранников рядом не было, но Саймон ощущал их присутствие.

— Ну, а теперь, — резко приказал колдер Алдис, — принимайтесь за девчонку!

Саймон услышал, как Лойз вскрикнула от страха и боли, и сразу же услышал прозвучавший в его мозгу приказ. Но в этот момент он уже нанес свой удар. И удар был направлен не на то, чтобы обрести физическую свободу, возможность распоряжаться своим телом, нет. Саймон нацелил все свои силы, всю свою мысленную энергию, которую он копил с той минуты, как они вышли из зала, на того колдера в металлическом шлеме, который оставался в зале... Ибо, если его догадка была правильна, именно там был жизненный центр. Он, как и ожидал, ощутил сопротивление. Но удар, нанесенный Саймоном, был таким неожиданным, что ответная реакция запоздала... Саймон успел проскочить барьер. Он еще раз напряг все силы. Ответная же атака Колдера уже не достигла цели. Неожиданно оковы рухнули, и Саймон стоял в ожидании, не меняя неловкой позы...

16. Врата колдеров

Лодка двигалась почти бесшумно, разрезая волны носом, вода с тихим плеском скатывалась с весел. Саймон уже видел, что в лодке трое — и одна из них была Джелит.

Рядом с ним зашевелилась Лойз, она неловко шагнула вперед, словно механическая кукла, и приготовилась приветствовать прибывших. Саймон отлично понимал, что здесь подготовлена ловушка для Джелит.

— Сал! — он издал в полный голос боевой клич, который так часто раздавался в битвах, и бросился на стоявшего рядом с ним колдера.

Чужеземец свалился с полупридушенным криком, и тут же Саймон получил возможность убедиться, что если колдеры и прибегают к помощи машин в сражениях, то, когда нужно спасти собственную шкуру, они неплохо сражаются и голыми руками. Неожиданное нападение Саймона давало ему небольшое преимущество, которое он постарался использовать в полной мере. Он не знал, что происходит на берегу, все его внимание было поглощено борьбой с колдером... Наконец тело колдера обмякло, Саймон еще держал его несколько минут за горло, боясь, что враг очнется.

— Саймон!

В ушах у него шумело от страшного напряжения, но все же он услышал этот голос.

— Я здесь! — крикнул он, повернувшись в ту сторону, откуда послышался зов.

Джелит шла к нему по камням, позади нее двигались остальные. Она подошла к нему и положила руки на плечи. Саймон сразу же ощутил, что никогда не будет между ними большей близости, чем в этот миг.

— Он мертв, — сказала Джелит, и Саймон тут же поднялся с колен, отпустив бездыханное тело. И схватил ее в объятия, и стиснул изо всех сил, словно пытаясь убедиться, что это не сон. А она рассмеялась таким счастливым смехом, как смеялась раньше.

— У меня есть господин, великий воин! — она сказала это тихим шепотом, чтобы никто, кроме них, этого не услышал.

— А у меня есть госпожа, волшебница, и Сила ее немалая! — он вложил в эти слова всю гордость, которая переполняла его.

— Ну, а теперь, отдав друг другу должное, — сказала она весело, — вернемся к действительности. Что это такое? На самом деле база колдеров, Саймон?

— Сколько с тобой людей? — Саймон не стал отвечать на вопрос, а сразу перешел к делу.

— Армии нет, Хранитель Границ, лишь два салкара, которые должны были доставить меня на берег, да и тех я обещала отослать обратно на корабль.

— Двое! — Саймон был поражен. — А команда корабля...

— На них мы не можем положиться, пока не прибудет флот. Что нужно сделать здесь сейчас? — Она спросила это таким тоном, словно командовала целым отрядом.

— Совсем немного. Здесь всего-навсего крепость колдеров и их Врата... врата в другой мир...

— Леди! — это был негромкий, но тревожный крик с берега.

И, прежде чем они успели откликнуться, на берегу вспыхнул ослепительный свет. Словно кнут, он хлестал по воде и берегу, и там, куда он падал, вода начинала кипеть, от нее поднимался пар, а камни на берегу задымились.

— Назад! — Саймон схватил Джелит за руку и потащил под защиту скал. Найдя расщелину, он подтолкнул волшебницу так, что она упала на колени, и коротко приказал: — Оставайся тут!

И помчался на берег.

Лодка по-прежнему стояла на песке, около нее лежал мертвый колдер.

— Быстро в укрытие! — крикнул Саймон на берегу. — Где Лойз?

— Я здесь, Саймон, — ответила она откуда-то из тьмы. — Что это такое?

— Колдеровская дьявольщина! Скорее!

Он схватил Лойз и потащил за собой. Салкары, отчаянно ругаясь, побежали за ними.

Когда они добрались до расщелины, где, скорчившись, сидела Джелит, Саймон обнаружил, что их шестеро: салкары

притащили с собой еще кого-то. Все, как по команде, повернулись к берегу. Луч света метался по узкой прибрежной полосе, словно зловещее оружие, нацеливаясь на малейшие предметы, чтобы ничего живого не осталось на берегу. Легкий челнок, на котором приплыла Джелит, пылал, словно облитый маслом. Саймон снова услышал, как стоявшие рядом с ним салкары изрыгают проклятия... И почти сразу же Джелит сказала ему на ухо:

— Они уже идут...

Он и сам почувствовал приближение врага. Нужно было как можно быстрее уходить отсюда, но как сориентироваться в этом нагромождении камней и скал? Пока что нужно немедленно отойти от крепости колдеров. Саймон так и сказал всем.

— Ясно! — откликнулся один из салкаров. — Куда идти, лорд?

Саймон распахнул колдеровский мундир, снял с себя пояс и протянул один конец салкару.

— Надо связать наши пояса и держаться за них, чтобы не потеряться в темноте... Какое у вас при себе оружие?

— Самострелы и кортики — мы ведь всего лишь моряки, лорд.

Саймон едва не рассмеялся: холодное оружие против тех аппаратов, которыми владеют колдеры! Разве только неровная местность да темнота могут помочь беглецам.

Они двинулись вперед: Джелит в паре с ним, Лойз с одним из салкаров, а второй салкар вел с собой молчавшую Алдис — это ее они притащили в укрытие. Джелит настояла, чтобы они взяли с собой Алдис, считая, что та будет им полезной.

Они не могли двигаться быстро, но к тому времени, когда на берегу замелькали огни, означавшие, что их ищут, беглецы были уже довольно далеко от своего первоначального укрытия. Саймон все время старался держаться в тени скал, и вскоре выяснилось, что эта предосторожность не была излишней: прямо над их головами с двух сторон загорелись ослепительные лучи беспощадного света.

Они бросились ничком на землю под защиту нависавшей скалы, и только это укрытие спасло их от участи быть заживо сожженными. Луч висел над ними довольно долго, но когда он наконец погас, Саймон еще долго не подавал знака продолжать путь. Только убедившись, что колдеры, очевидно, считают их сгоревшими, Саймон решил, что можно идти дальше. Но двигаться можно было только в одном направлении — в сторону той дюны, за которой скрылась машина, замеченная Саймоном из окна комнаты. Видимо, там лежало нечто такое, на что колдеры не решаться обрушить свой смертоносный луч. Если они направятся туда, то у них будет какой-то шанс на спасение.

Саймон сказал об этом своим спутникам.

— Эти Врата... их Врата... ты думаешь, они именно там? — спросила Джелит.

— Это только догадка, но мне она кажется правильной. Либо они готовятся проникнуть за эти Врата, либо уже проникли. Им почему-то необходимо связаться со своим прежним миром.

— Именно там мы натолкнемся на большинство их воинов, — сказал один салкар.

— У нас нет выбора: или идти туда, или снова попасть в крепость. И, говоря по чести, я предпочитаю находиться под открытым небом, чем в этой колдеровской норе.

Салкар пробормотал что-то, означавшее согласие.

— Лучше быть на открытом воздухе, — сказал он. — Что ж, Инглин готов поразмяться, порубить саблей.

— А сабля Сигрода всегда наготове, — добавил второй салкар. — Лорд, эту женщину мы возьмем с собой?

— Да, — ответила Джелит. — Она еще будет нам полезна. Пока я не знаю, как именно, но будет.

Саймон был готов довериться интуиции жены, но его беспокоила мысль о талисмане, который был в руках Алдис.

— Может быть, забрать у нее талисман колдеров?.. — начал он.

— Нет, — возразила Джелит. — Каким-то образом он послужит ключом, чтобы открыть перед нами двери. Не думаю,

что он может сыграть свою роль, если будет в руках не Алдис. Если она пустит его в ход, то я буду об этом тотчас же знать! Тотчас же!

Саймон не стал больше спорить, полностью доверяя жене.

И снова побрели они вперед гуськом, держась друг за друга, не пренебрегая малейшим укрытием. Саймон шел впереди, осторожно ощупывая ногой камни и песок. Двигались они мучительно медленно. По временам они отдыхали, и тогда особенно начинали болеть спины, синяки и ссадины. Рассвет застал их совсем обессиленными, измученными и грязными. И вместе с рассветом пришли звуки...

Распластавшись на скалистом склоне, они наблюдали за тем, как внизу полз вездеход. Его фары ярко освещали все вокруг. Саймон облегченно вздохнул. Больше всего он боялся, что они все время шли не в том направлении, заблудившись среди скал. Теперь же он убедился, что они уже должны быть совсем близко от цели.

Машина возвращалась в крепость, уже разгруженной. Припасы, вода и пища — в этом пустынном место все находилось в руках колдеров. А жажда уже терзала и Саймона, и его спутников. Их всего пятеро и одна пленница, а против них — вся колдеровская мощь. Может быть, проще всего было ринуться в крепость?

— Проще, но не лучше! — это произнесла, находясь рядом с ним, Джелит, и он вздрогнул, только сейчас отдавая себе отчет, что эти слова произнес не он сам.

Он бросил взгляд на жену: на ней все еще была кольчуга, в которой он видел ее в последний раз, шарф, собранный из металлических колечек, наполовину прикрывал лицо, но глаза её твердо встретили его взгляд.

— Нет, я не прочитала твои мысли, — снова ответила она на его невысказанный вопрос. — Просто мы одновременно думаем об одном и том же. Ведь сейчас речь идет не только о нашей безопасности. Речь идет о гораздо большем!

— Врата!

— Врата, — подтвердила она. — Ты ведь считаешь, что колдеры должны получить из своего мира помощь в том, что они замыслили против нас. Теперь я тоже в это верю. И, значит, мы не должны допустить этого.

— Все зависит от устройства Врат в их мире...

Те Врата, которые открыли путь Саймону в этот мир, были очень просты. Грубый камень, покоившийся между двумя колоннами из того же грубо обтесанного материала... Нужно было сесть на этот камень — там были углубления для ног и кистей рук, так что положение строго фиксировалось. Саймон так тогда и сделал и стал дожидаться рассвета, а на рассвете Врата открылись перед ним. Хранитель этих Врат в долгие ночные часы, которые Саймон провел в ожидании рассвета, рассказывал ему старинные легенды. В них говорилось, что камень этот лежит со времен короля Артура, что он волшебный и читает в душах людей. А потом переносит каждого, кто сядет на него, в тот мир, который этому человеку более всего подходит.

Но Врата колдеров, несомненно, не были похожи на этот камень. И какими бы они ни были, Саймон совершенно не представлял себе, как они впятером сумеют их закрыть. Но Джелит совершенно права — сделать это необходимо. Один из моряков взял на себя охрану, а остальные прилегли прямо на камнях, чтобы немного отдохнуть. Только Алдис сидела, уставясь в пространство невидящим взглядом и вцепившись обеими связанными руками в талисман колдеров на своей груди.

Она была на редкость красивой женщиной, но прямо на глазах у них сейчас стала стариться: щеки провалились, глаза глубоко запали в глазницы. Спутанные золотистые волосы казались теперь такими неуместными, словно девичий парик на голове старухи. За все время путешествия она даже ни разу не посмотрела на своих спутников, производя впечатление одержимой, но Саймон считал, что она просто ушла в себя и очнется, когда потребуется. А потому за ней приходилось все время наблюдать, а может быть, следовало даже бояться. Роль охран-

ницы Алдис взяла на себя Лойз, и Саймон видел, что она находит большое удовольствие смене ролей со своей бывшей тюремщицей.

Саймон лежал, закрыв глаза, но уснуть не мог. Энергия, которую он так щедро изливал в крепости колдеров, по-прежнему бурлила в нем. У него было такое чувство, словно разгадка всех тайн Колдера где-то совсем близко и что он вот-вот нащупает ее. Он открыл глаза и встретил взгляд Джелит, которая полулежала рядом, прислонившись к скале. Она улыбнулась ему.

И впервые за все это время он задумался над тем, как странна эта их последняя встреча. Тот барьер, который, как он считал, возник между ними и становился все прочнее, словно рухнул и исчез навсегда. И теперь Саймон сомневался, существовал ли он вообще или это просто плод его воображения. Во всяком случае, ничего подобного больше не было.

Она не дотронулась до него, но его сразу же захлестнула волна такого тепла, и такой нежности, каких он не знал всю свою жизнь. И купаясь в этих сладостных волнах, он позволил себе расслабиться.

Послышалось легкое звяканье — и Саймон сразу же вскочил на ноги и увидел Сигрода, который вернулся с разведки. Лицо моряка раскраснелось, по лицу ручьями тек пот, он задыхался от быстрого бега и подъема.

— Они вон там, справа, у них целый лагерь. И там у них стоит какая-то штука. — Он нахмурился, пытаясь подобрать этому определение, чтобы описать поточнее то, что видел. — Там такие колонны. — Он провел по воздуху черту указательным пальцем. — А между ними — перекладина, вот такая. — Снова он сделал жест рукой. — И все это сделано из металла, по крайней мере, я так думаю, — такого металлического, зеленоватого цвета.

Лойз зашевелилась. Наклонившись, она с силой отвела от груди Алдис ее сцепленные руки, открыв талисман колдеров.

— Вот такая?

Сигрод наклонился вперед, внимательно рассматривая талисман.

— Да, такая, только очень большая. Через нее одновременно могут пройти четыре-пять человек.

— Или же один из их вездеходов? — спросил Саймон.

— Да, пройдет. Но только сооружение это стоит в совершенно пустынном месте, и там больше ничего нет.

— Словно этого места следует избегать, — прокомментировала Джелит. — Да, они имеют дело со странными силами. И опасными, к тому же, если они решились открыть такой проход.

Саймон принял решение.

— Вы остаетесь здесь с леди Лойз, — сказал он морякам. — Если мы не вернемся до конца дня, пробирайтесь к берегу, может быть, вам удастся каким-то образом добраться до судна и спастись...

Никто не стал с ним спорить, словно молча склонились перед его авторитетом. Джелит поднялась, улыбаясь ему, и дотронулась до плеча Алдис. И хотя никто не указывал ей направления, она молча поднялась и пошла к выходу из ущелья. Саймон обернулся и отсалютовал оставшимся, но слова его были обращены к Лойз:

— Ты выполнила свою часть работы. Оставайся с миром, удачи тебе.

Та молча кивнула, в глазах ее были боль и протест, но она только произнесла:

— И тебе удачи...

И они ушли, не оглядываясь. Им предстояло подойти к лагерю колдеров с юга, а это был неблизкий путь. Солнце уже припекало, наверняка скоро здесь все будет раскалено, еще раньше, чем они выберутся отсюда. Выберутся куда? Спрячутся около Врат колдеров, или?..

Почему-то Саймон был уверен, что достичь Врат — не единственная предстоящая им задача.

17. Взорванный мир

Солнце стояло высоко и, как предвидел Саймон, стало так жарко, что даже легкая рубашка нестерпимым грузом давила на плечи. Вместо шлема он обмотал себе голову своим колдеровским мундиром на манер тюрбана, но все равно было очень жарко, когда они добрались до Врат. Саймон долго их рассматривал, но, как и в тот далекий день, когда он впервые увидел старинное сооружение в саду у Петрониуса, он позади Врат не заметил ничего, кроме той же скалистой пустыни, что была вокруг. И эти Врата, быть может, действовали лишь в определенное время суток? Он решил, что строительство Врат завершено, так как возле них никого не было, хотя в лагере там и сям лежали люди, словно свалившись в изнеможении.

— Саймон!

Джелит и Алдис устроились под козырьком скалы, и это было единственное возможное укрытие от солнца. Алдис поднялась на ноги, глядя на своих спутников, а потом туда, где стояли в мерцающем воздухе Врата. Руки ее сжимали талисман, лицо оживилось, на нем теперь было такое выражение, словно она видит перед собой то, к чему стремилась. Она двинулась вперед, сначала неторопливо, а затем все убыстряя шаг. Саймон хотел было остановить ее, но Джелит подняла руку предупреждающим жестом. Алдис бежала под палящими лучами солнца, не обращая на них никакого внимания, ее изодранное платье волочилось по камням.

— Скорей! — крикнула Джелит, кидаясь за нею вслед, и Саймон бросился бежать за ними.

Беглецы были ближе к Вратам, чем те, что в лагере, и враги заметили их не сразу, потому что некоторое время они укрывались позади застывших в неподвижности вездеходов и наваленных рядом с ними ящиков.

Алдис бежала к Вратам, и хотя на всем пути до этого места она все время спотыкалась и падала, сейчас от ее усталости не

осталось и следа. Она бежала с невероятной, нечеловеческой скоростью впереди своих преследователей.

В лагере раздался крик, но Саймон не осмелился даже повернуть голову, ибо нужно было следить за Алдис, которая выбежала на ровное место и неслась, как птица. Джелит не слишком от нее отставала, а Саймон бежал позади женщин.

Джелит сделала отчаянный рывок и сумела ухватиться за подол платья Алдис. Материя затрещала, но Джелит не выпустила платья Алдис, которая изо всех сил рвалась к Вратам, волоча за собой Джелит. Саймон подбежал к женщинам, тяжело дыша и задыхаясь от бега. И почти сразу же что-то просвистело у них над головами, и спас их только очередной отчаянный рывок Алдис. Их начали обстреливать из лагеря. Но Саймон сделал то единственное, что могло вывести их из поля огня. Всей своей тяжестью он навалился на борющихся женщин, рванулся, и все трое оказались на поперечине Врат.

И сразу же их словно поглотила ночь после сияющего дня. Ощущение того, что он вторгается туда, где нет места ему подобным, охватило Саймона с такой силой, что эти несколько мгновений показались ему вечностью. А потом он провалился в мрак, и косые струи дождя хлестали его тело.

Сверкнула молния, и раздался оглушительный раскат грома. Джелит, лежавшая в его объятиях, всем телом прижалась к нему.

Дождь бил им прямо в лицо. Саймон задыхался и отплевывался, но упорно продолжал пробираться вперед, волоча за собой Джелит. Она что-то крикнула ему, но он не услышал за свистом ветра, и только при свете вспыхнувшей молнии увидел лежащую ничком Алдис. Вода хлестала ее неподвижное тело. Саймон наклонился и взвалил себе на плечи бесчувственную женщину: ее глаза были закрыты, голова беспомощно болталась.

Они находились в долине между двумя каменными стенами, и вода быстро заполняла эту впадину. Саймон добрался до стены и осмотрел ее, ища точку опоры. Подъем на нее оказался

изнурительным, особенно из-за Алдис, но в конце концов они выбрались наверх и рухнули рядом на камни. Саймон лежал спиной к ветру, прикрыв голову рукой.

Когда он собрался с силами и сел, чтобы оглядеться, обе женщины даже не пошевелились. Небо было темным, дождь лил по-прежнему. Неподалеку Саймон увидел какую-то темную массу и решил, что там они найдут убежище от непогоды.

Он легонько встряхнул Джелит, но она едва нашла в себе силы открыть глаза, потом с трудом встала на четвереньки, и Саймону удалось поставить ее на ноги. Он довел ее до укрытия и пошел за Алдис.

Только вернувшись обратно, Саймон заметил, что укрылись они не под нависшей скалой и не в расщелине, а в развалинах какого-то здания. Стены комнаты, в которой они очутились, полуобвалились, в крыше зияли отверстия. Между плитками пола там и сям пробивалась трава — значит, развалинам было несколько веков. И, несмотря на свежесть гулявшего по развалинам ветра, здесь воняло тлением и гнилью.

На полу валялись камни, обломки чего-то непонятного, но Саймон решил осмотреть комнату. Спотыкаясь и едва не падая, он пошел в дальний угол, где стены обвалились сильнее всего. И почти сразу же он наткнулся на какой-то предмет, затрещавший от толчка. Саймон протянул руку и нащупал шелковистую ткань, сразу же разорвавшуюся под его руками, затем — металлический стержень. Саймон взял прут и вернулся обратно к двери, где мрак, казалось, начинал понемногу рассеиваться.

То, что было у него в руках, вполне могло сойти за оружие и чем-то смутно напоминало ружья его мира. Во всяком случае, здесь были ствол и барабан, но весило все это поразительно мало.

Джелит положила руку на лоб Алдис.

— Она умерла? — спросил Саймон.

— Нет, она, вероятно, ушиблась, когда падала. Это и есть тот самый мир, из которого пришли колдеры? — в голосе у нее не было страха, только интерес.

— Похоже на то...

В одном он был уверен: им не следует удаляться от этого места, где они проникли через Врата. Если они заблудятся, то вряд ли сумеют вернуться обратно в свой мир.

— Интересно, есть ли с этой стороны какой-нибудь след Врат? — Джелит, как всегда, прочитала его мысли. — Ведь должны же они иметь ориентир, если хотят проходить сквозь Врата туда и обратно!

Постепенно буря утихала. Темнота ночи, встретившая их, когда они прошли через Врата, сменилась серым светом приближающегося рассвета. Саймон стал с интересом рассматривать окрестности. Это была пустыня, как и по ту сторону Врат: было видно, что некогда здесь обитали люди. То, что он поначалу принял за обломки скал, оказалось многочисленными развалинами домов.

Некогда ему приходилось видеть подобные картины: когда армия с боями проходила через Францию и Германию. И там тоже все выглядело примерно так же: последствия войны или, по крайней мере, великого бедствия. И точно так же там стояли здания в руинах, и сквозь плитки пола пробивалась трава.

Солнце так и не появилось, но уже наступил день. И теперь Саймон разглядел, что земля в руинах местами запеклась, напоминая черный шлак. И перед ним снова воочию возник кошмар его родного мира. Атомная война? Радиоактивная земля? Но ведь атомная бомба не могла бы вот так снести половину здания, оставив вторую половину в целости и сохранности. Значит, какое-то другое оружие.

— Саймон!

Он и сам заметил какое-то движение за разрушенной стеной. Что-то живое, такое огромное, что внушало ужас, двигалось в направлении их убежища. Саймон бросил взгляд на оружие, которое нашел на полу. Джелит потянулась к ножу, висевшему на поясе. Саймон вновь подивился сходству этого стержня с земным ружьем. Но его озадачило слишком узкое выходное отверстие — через него не проникла бы даже иголь-

чатая стрела эсткарпских самострелов... Чем же могла служить такая тонкая трубочка? Ведь тут не было курка, только какая-то крохотная кнопочка. И, не ожидая никакого результата, Саймон нажал на эту кнопку.

Куст, на который он направил чужеземное оружие, вздрогнул, роняя капли воды, потом его побеги склонились до самой земли, листья стали сворачиваться в трубочки. Саймон не верил своим глазам: растение дрожало и гнулось все ниже и ниже. Рядом тихонько вскрикнула Джелит. Они оба, замерев, уставились на серый комочек, тихо упавший на землю — все, что осталось от цветущего куста. И все это произошло без единого звука, без всякого видимого движения... они увидели только результат действия чужого оружия.

— Саймон! Что-то приближается...

Он и сам почувствовал то же самое: ничего не было видно, но он ясно чувствовал, что сейчас должно что-то произойти. Он ясно ощущал опасность.

— Будь наготове...

Слова едва сорвались с губ Джелит, это было больше похоже на тихий вздох. Она сжала его руку. Напряжение Саймона достигло крайнего предела. И вот...

Они появились с трех сторон и молча бежали к их укрытию. Один выскочил из-за стены, другой — из густых зарослей, последний — из полуразрушенного здания. Это были люди, вернее, поправил себя Саймон, имели их облик. Лохмотья одежды еще кое-как прикрывали их тела, но это только производило жуткое впечатление и не прибавляло им человеческого вида. Ибо тела их были невообразимо тощи, руки и ноги — костлявы, настолько что кости едва не прорывали туго натянутую кожу. Головы на вытянутых тонких шеях больше всего напоминали высохшие черепа. Словно в этих руинах вдруг ожили мертвецы, встали на ноги и двинулись вперед.

Саймон обратил свое ружье против этой троицы, повел им из стороны в сторону. Долгую секунду ему казалось, что в ружье больше нет заряда, ибо некоторое время они еще бежали

вперед. Потом вдруг остановились, как вкопанные, и тела их обратились в пепел, как тот куст, в который Саймон стрелял раньше.

Но перед смертью они вдруг закричали высокими странными голосами, и заплясали, и задрожали на месте, словно в странном танце. Только потом они рухнули, и на месте их тел осталась кучка пепла. Саймон ощутил приступ тошноты, рот наполнился горечью. Джелит вскрикнула и вцепилась ему в руку.

— Вот как...

Они оба вздрогнули, услышав позади себя голос. Алдис стояла у них за спиной, придерживаясь рукой за стену. Улыбка на ее лице, которая появилась при виде того, что осталось от живых мертвецов, вызвала у Саймона новый прилив тошноты.

— Значит, они все еще живы — последний гарнизон? — Она не обращала внимания на Саймона и Джелит, словно их не было вовсе. — Что ж, их вахта все равно должна была закончиться.

Джелит отпустила руку Саймона.

— Кто это такие? — спросила она.

Алдис даже не обернулась. Все еще улыбаясь, она рассматривала останки.

— Гарнизон... Они были оставлены, чтобы защитить последний барьер. Они не знали, разумеется, что их единственная обязанность — продержаться до тех пор, пока Командиры не окажутся в безопасности. Они считали, бедные дурачки, что им вот-вот придут на помощь. Но у Командиров были совсем другие проблемы. — Она рассмеялась, потом продолжила. — Во всяком случае, это неожиданность для хозяев, потому что эти продержались дольше, чем можно было ожидать.

Откуда ей все это было известно? Алдис ведь не была колдером по рождению. Насколько известно, среди колдеров вообще не было женщин. Но почему-то Саймон не сомневался, что все обстояло именно так, как она говорит. Джелит снова сделала предупреждающий жест.

— Там есть еще...

И на этот раз Саймон не нуждался в предупреждении, ибо чувство опасности не уменьшилось. Но никакого движения впереди он не заметил. Джелит повернулась в ту сторону, откуда они пришли.

— Они собираются, но не против нас...

Алдис издала короткий смешок, в котором была нечеловеческая злоба.

— О, они ждут, — подтвердила она. — Ведь они ждали долго, очень долго. А теперь они вышли на охоту, и охота будет отчаянной... — она снова засмеялась горьким смехом, похожим на крик боли.

В том, что она говорила, не было ничего неожиданного. Колдеры непременно пойдут во Врата, охотясь за тремя беглецами. А эти существа — они наверняка собираются у Врат, чтобы встретить тех, кто сейчас должен явиться. Знали ли колдеры, кто ждет их?

Саймон бросил короткий взгляд на край утеса, по которому они взобрались. Из укрытия выйти, конечно, очень опасно, но ведь только так они смогут увидеть Врата в действии. И поэтому не приходится считаться с тем гнетущим страхом, который мучил его все это время.

Если встать спиной вон к тому каменному остову, то можно будет наблюдать за Вратами. Стиснув в руке ружье, Саймон схватил Алдис за руку и потащил ее вперед. Джелит следовала за ними.

То, что ночью Саймон принял за ложе ручья, на самом деле оказалось остатками каменной мостовой, заваленной обломками камней, упавших сверху. Но в середине той впадины бежал ручей. Немного вправо от того места, где они сейчас стояли, через дорогу виднелись колонны из зеленоватого металла.

— Врата! — сказала Джелит.

— И их защитники, — добавил Саймон.

Теперь уже ясно были видны фигуры, движущиеся по дороге. И хотя вид у них был совершенно жуткий, хотя в них не

было совершенно ничего человеческого, действовали они как разумные существа или, по крайней мере, как существа, разум в которых еще не совсем угас. У некоторых из них Саймон заметил в руках трубки, подобные той, которая была у него.

— Они проходят через Врата!

Металлические колонны нисколько не изменились, словно никто ими не пользовался. Но внезапно, словно из воздуха, перед ними стали появляться люди...

Одержимые воины из мира Джелит двигались с осторожностью, и те, что притаились в укрытии, поджидая их, не показывались... И солдаты колдеров начали двигаться вперед. Через Врата уже прошел большой отряд, вслед за ним показался бампер одного из вездеходов, за ним двигались остальные. Один из одержимых вел вездеход, но рядом с ним сидел колдеровский агент.

Саймон ощутил, что вокруг них в воздухе что-то реет, он явственно ощущал, как тяжело давит атмосфера.

— Они ненавидят... — прошептала Джелит. — Как они ненавидят!

— Ненавидят! — передразнила ее Алдис. — Но пока что они ждут. Они ведь научились ждать, потому что жили только ради этого.

Из пустоты появился второй вездеход. К тому времени пешие силы захватчиков прошли уже добрую часть дороги. Кабина второго вездехода была намного больше, купол у нее был прозрачным. Внутри сидели два настоящих колдера, один из них — в металлическом шлеме.

Облака носящейся в воздухе ненависти так сгустились, что Саймону казалось — сейчас все вокруг задымится. Но по-прежнему те, что ждали, тихо сидели в засаде. Группа одержимых все так же шла вперед по дороге.

— Вот оно!

Низкий звук, словно отдаленный раскат грома, полный звериной ненависти, в котором не было ничего человеческого. Ярость, которую так долго сдерживали, выплеснулась наружу!

Одержимые содрогались, тряслись, словно в лихорадке, складывались пополам, падали один за другим.

Вездеходам негде было развернуться на узкой дороге. Тот, в котором сидели колдеры, дал задний ход, безжалостно давя шедших за ним одержимых. Но вот водитель тоже вздрогнул, затрясся и упал на пол кабины. Вездеход еще некоторое время продолжал двигаться, затем ударился об обломок скалы и замер. Гусеницы его беспомощно вращались, тщетно пытаясь вернуть машине подвижность.

Колдер в шлеме даже не пошевельнулся, не открыл глаз. Возможно, он пытался усилием воли заставить вездеход двигаться, а может быть, это именно его воля спасала обоих колдеров от участи, постигшей тех, кто был вокруг них.

Его спутник все время вертел головой, рассматривая дорогу, но лицо его ничего не выражало.

— Они получили то, чего хотели, — сказала Алдис с тем же смешком. — Они поймали хозяина, который даст им ключ от Врат.

Наконец живые скелеты показались из укрытий — колдеры были в западне, и бояться было больше нечего. Некоторые шли с голыми руками. Через минуту эти привидения облепили вездеход и стали лезть на стеклянный колпак.

И сразу же раздались дикие крики, и половина нападающих свалилась на землю: обугленные тела с отчаянно дергавшимися в судорогах ногами. Но остальные не отступили. Несколько человек отошли и сразу же вернулись со стальным тросом. Трижды они забрасывали металлическую петлю, пока она наконец не обвилась вокруг стеклянного колпака вездехода. Потом по тросу побежала огненная полоса, и когда петлю убрали, дело было сделано. Верхушка колпака отвалилась, и те, что сидели внутри, теперь были во власти нападавших.

Джелит закрыла лицо руками: ей приходилось видеть, как грабили города и издевались над потомками Древней расы, но то, что происходило сейчас, было ни с чем не сравнимо. Она не могла смотреть на это.

— Только одного... — поперхнулась смехом Алдис, — одного надо сохранить — им ведь нужен ключ!

Колдер в металлическом шлеме бился в руках нападающих, глаза его все еще были закрыты. Живые скелеты сгрудились вокруг вездехода; теперь те, у кого не было такого ружья, как у Саймона, подобрали оружие одержимых. И ненависть их все еще была отчаянной и жаркой. Подхватив колдера, они двинулись вперед, словно на марше, как будто в них ожила былая привычка. К Вратам...

Саймон вздрогнул от ужаса. Сначала — колдеры, теперь — вот эти... Какое еще зло будет развязано теперь в том мире, который он привык считать своим?

— О, да! О, да! — воскликнула Джелит. — Сначала ветер, потом гроза, а теперь еще и буря!

18. Осада Колдера

Только мертвые остались на дороге, когда Врата поглотили всю эту орду. Сколько же их прошло через Врата? Пятьдесят или сто? Саймон не мог сосчитать, но надеялся, что не больше сотни. А что могут они поделать против той огромной мощи, что таится позади Врат? Однако колдеры все же будут теперь слишком заняты, чтобы помнить о беглецах, так что сейчас было самое время возвращаться, держась позади беснующейся орды.

— Мы возвращаемся обратно...

Алдис снова издала злобный смешок. Она отошла от них и стояла сейчас на краю оврага, поглядывая на них с лукавой усмешкой на тонких губах. Последние следы былой красоты исчезли с ее лица.

— И как же вы пойдете? — крикнула она. — Эта дверь без ключа, вы не сможете ее открыть! Как насчет этого, великий воин и леди волшебница?

Она бросилась бежать зигзагами обратно к провалу.

— За ней! — воскликнула Джелит. — Разве ты не понимаешь? Этот талисман — это же ключ для нее! И для нас!

Если она права... Саймон бросился за Алдис. Чужое ружье, хотя и легкое, мешало ему бежать, но он не мог его бросить. Он мчался вперед, замечая на бегу, что эти развалины — это все, что осталось от огромного города — так обширны они были. И спрятаться здесь было проще простого. Саймон и Джелит выбежали на открытое пространство, но Алдис нигде не было видно.

— Где она? — Он заметил, что во взгляде Джелит не было обычного понимания. — Она должна быть где-то поблизости, но где же именно?

Джелит прикрыла глаза руками и с минуту постояла неподвижно. Она стояла молча, а Саймон ждал, полагаясь на нее. Наконец она опустила руки и повернулась к нему.

— Вон туда!

— Откуда...

— Откуда я знаю! Там колдеровский барьер, пустота, а у нее талисман колдеров.

Слабая ниточка, но единственная, других у них не было. Саймон кивнул и пошел за Джелит. Она повела его по узенькой тропинке между развалинами. Саймон старался оставлять заметки на камнях, пригибать ветки, чтобы можно было найти дорогу обратно.

Они вышли на открытое место, где вокруг мощеной площадки стояли менее разрушенные здания. В них проскальзывало что-то знакомое: они напоминали суровую архитектуру колдеровской твердыни. Как видно, красота и грация, которые были известны миру Саймона и Джелит, были совершенно чужды тем, кто строил эти здания. И в любом уголке этих развалин Алдис могла надежно укрыться.

— Где же она? — спросил Саймон.

Джелит положила руку на остатки невысокой стены, за которой открывалось свободное пространство. Она тяжело дышала, глаза ее были обведены темными кругами, и хотя они

вдоволь напились дождевой воды, но не ели уже много часов. Саймон сомневался, что они смогут продержаться здесь долгое время. А Джелит медленно покачала головой:

— Я не знаю... я ничего не ощущаю...

Она готова была разрыдаться. Саймон обнял ее и привлек к себе, и она с благодарностью прижалась к нему, словно черпая в его утешении и поддержке силу.

— Послушай, — мягко сказал он, — ведь мы могли бы, наверное, заставить ее выйти на открытое пространство?

— Мы должны непременно это сделать! — голос ее звучал хриплым шепотом, и в нем слышались истерические нотки.

— И мы можем это сделать... Припомни-ка, ведь во время осады Карса, когда было срочно нужно вызвать превращение, ты сказала, что воспользуешься моей волей, чтобы ускорить церемонию превращения. И теперь будет то же самое: мы соединим наши воли, и ты сделаешь то, что нужно.

Она повернулась, не отрываясь от него, так, чтобы стоять лицом к открытому пространству. Пальцы ее стиснули его руку и впивались в нее все сильнее, по мере того, как она собирала все свои силы. И тихонько запела ту самую песню, которую Саймон впервые услышал во время осады Карса. Песня начиналась с низких нот и поднималась все выше и выше, и с каждым звуком Саймон ощущал все сильнее растекающиеся по его телу горячие волны. Вскоре напряжение достигло такого предела, что Саймону приходилось напрягать всю волю, чтобы только устоять на ногах. Ничего не было в мире кроме той песни-заклинания, ничего... ничего... Исчезло время, не стало пространства, только эти звуки... только они...

А потом вдруг все вокруг затихло, и он очнулся посреди развалин покинутого города. Только теперь среди обломков что-то двигалось. Существо ползком выбиралось на открытое пространство. Алдис... Она не стала подниматься на ноги, а вдруг упала на землю вниз лицом и затихла. Джелит отпустила руку Саймона.

— Она мертва...

Саймон бросился к телу и перевернул его. Руки его сразу же обагрились кровью, и тут же она потекла широкой струей. Лицо Алдис не пострадало, но на груди... Там зияла страшная рана, на том самом месте, где Алдис носила талисман колдеров. Джелит вскрикнула. Но Саймон схватил руку Алдис и стал с усилием отгибать стиснутые уже окостеневшие пальцы. И вот на ее ладони он увидел то, ради чего Алдис рассталась с жизнью — талисман колдеров.

— Пошли.

Саймон встал и оглядел развалины, стараясь увидеть того, с кем встретилась Алдис.

Джелит наклонилась и набросила на лицо Алдис лоскут изодранного платья, прикрыв глаза и рану на груди.

Они шли обратно к Вратам как можно быстрее. Саймон все время оглядывался назад, боясь, что их настигнет то существо, которое лишило жизни Алдис. Быть может, обладание талисманом само по себе таило опасность? Саймон почему-то считал, что талисман может навлечь на них беду.

Они снова спустились на дорогу и остановились перед Вратами. Саймон поднял руку с зажатым в ней талисманом, Джелит положила руки ему на плечи. Саймон шагнул вперед, под перекладину Врат. Он не знал, чего ему ждать, но не удивился, ощутив, что предмет, зажатый в его руке, становится все холоднее и холоднее, ибо все это уж очень напоминало заслон колдеров против контакта разумов. Но ведь и Алдис тоже не была колдером по крови, а талисман подчинялся ей.

Еще один шаг, и они оказались точно между колоннами. И сразу же их охватила дрожь и они почувствовали, что проваливаются в страшную пустоту, враждебную им. Саймон рванулся вперед... И ощутил себя стоящим на четвереньках на скале, еще теплой от солнца. Джелит была рядом.

Хотя солнце почти село, все же тьма не скрыла следов того, что здесь недавно закончилось сражение. Но картина совсем не была похожа на ту, что они застали по другую сторону Врат. Скала не только была раскалена солнцем, на ней там и тут вид-

нелись выжжённые черные полосы, такие же полосы были и вокруг Врат, а кругом лежали трупы...

Саймон с трудом поднялся на ноги, помог встать Джелит. То, что он сейчас решил сделать, быть может, было ошибкой, но это казалось ему единственным возможным и правильным в борьбе за освобождение этого мира от Колдера и от того, что колдеры принесли сюда с собой.

Он поднял ружье и выпустил из него всю энергию в основание ближайшей колонны. С минуту ему казалось, что заряда в ружье вовсе нет, но потом сооружение задрожало, и это мерцание распространялось все дальше, пока не добралось до верхней перекладины, потом до второй колонны. Потом мерцание расцвело целым снопом искр, и Саймон отчаянно вскрикнул:

— Рука!

Он все еще сжимал в руке колдеровский талисман, когда стрелял во Врата, и вот теперь этот таинственный предмет выпал из его пальцев, оставив на руке обугленную горящую рану. Талисман покатился к Вратам и обратился там в искристое мерцание. А потом раздался взрыв, взметнулось зеленое пламя — и талисман исчез. Но вместе с ним исчезли и Врата. Саймон и Джелит теперь видели перед собой ровную площадку.

Неверными шагами, поддерживая друг друга, они двинулись вперед. Они направлялись к колдеровскому лагерю, благодаря судьбу за то, что уже достаточно стемнело и никто их не заметит. Саймон опустился на землю возле одного из застывших в неподвижности вездеходов, прижал больную руку к груди так бережно, как Алдис прижимала когда-то талисман. И тут же его охватила страшная, невыносимая боль. Он ощутил невероятную слабость, а боль становилась все сильнее и сильнее, он просто не в силах был ее перенести, он даже не мог вздохнуть как следует, он задыхался от жгучей боли...

Боль немного успокоилась, и он притерпелся к ней. Саймон почувствовал во рту влагу, потом что-то жесткое и твердое, и чей-то голос уговаривал его поесть. Так сколько же времени

он пробыл в царстве боли? Саймон не знал этого. Но голова его работала сейчас вполне ясно, и он чувствовал, что сейчас темная и холодная ночь. Голова его лежала на коленях у Джелит, и женщина пыталась привести его в чувство, но слова ее не сразу дошли до его сознания.

— ...должны идти. Мы не можем оставаться здесь...

Как приятно было лежать вот так, рука теперь только ныла, а не болела так невыносимо, как раньше. Саймон попытался пошевелить пальцами и увидел, что на руке повязка. «К счастью, рука левая», — сонно подумал он.

— Прошу тебя, Саймон!

Эта была не только мольба, но и приказ. Джелит нежно гладила его щеки, тормошила, потом подсунула руку под его плечи и попыталась приподнять.

Саймон запротестовал.

— Но мы должны идти! — она наклонилась к нему. — Пожалуйста, Саймон, сюда кто-то приближается.

Память постепенно возвратилась к нему, он сел. Тень, окружавшая их, стала совсем черной, наступала ночь. Он ни о чем не стал больше спрашивать, поднялся на ноги, с минуту размышляя, не стоит ли им воспользоваться вездеходом, но тут же решил, что не стоит, ведь он не знал, как им управлять. Выпрямившись, Саймон, как ни странно, почувствовал, что стоит на ногах довольно твердо. Они двинулись вперед, спотыкаясь о рытвины, оставленные гусеницами вездехода.

— Кто приближается? Колдеры?

— Думаю, что нет...

— Те, другие?

— Может быть. Ты разве ничего не ощущаешь?

Саймон ничего не ощущал в этой ночи, он так и сказал ей. Впервые за долгие часы Саймон вспомнил о тех, кто оставался здесь.

— Лойз... салкары... Где они?

— Я пыталась найти их. Но здесь развязаны какие-то новые силы, Саймон, что-то уж такое, чего я не могу понять. То

возникает барьер, сквозь который мне не пробиться, то внезапно исчезает и появляется в другом месте. Мне кажется, что это Колдер борется за свою жизнь, что все они прибегли к полному арсеналу своего оружия — причем такого, какое нам даже и не представить. К тому же, то, что прорвалось из-за этих Врат, все еще живо, и оно ненавидит, и оно охотится за колдерами. И если мы не хотим, чтобы нас тоже втянули в эту войну, нам необходимо держаться в стороне. Ибо колдеры сражаются с колдерами, или с теми, что пришли в этот мир с ними вместе. Наш мир еще не видел подобной войны.

Постепенно к Саймону возвращались силы. Джелит стащила из лагеря еду и питье и сообщила ему об этом совершенно спокойно. Но он понял, как было страшно то, что она там увидела, и привлек ее к себе. Они пошли вперед, поддерживая друг друга, и Саймон был счастлив, что наконец-то они стали едины душой и телом.

Они как раз огибали скалу в том месте, где расстались с салкарами и Лойз, когда сверху упал довольно большой камень. Саймон мгновенно прикрыл собой Джелит. Ружье, уже бесполезное, он бросил около Врат, но Джелит отдала ему свой нож. Он прислушался, готовый отразить нападение.

— Сал... — это не был боевой клич, а лишь громкий шепот в ночной тишине.

— Сал! — ответил Саймон.

Сверху упало еще несколько камней, вниз скользнула какая-то тень.

— Сигрод, — назвал себя человек. — Мы видели, как вы оба появились откуда-то из пустоты, лорд. Но только тут все кишит какими-то исчадьями ада, и они уничтожают все вокруг, поэтому мы и не осмелились присоединиться к вам.

— Что здесь произошло?

Сигрод рассмеялся:

— Легче ответить, чего не произошло! Эти самые колдеры прошли во Врата и тут же исчезли, словно растворились у нас на глазах. А потом... ох, потом словно распахнулись врата ада.

Из Врат вышли те, другие. Они маршировали колонной, словно армия оживших мертвецов, которые поднялись из гроба, чтобы вступить в схватку за дело, такое гиблое, как они сами! Они направились прямо в лагерь колдеров — я говорю вам чистую правду, клянусь водами Аспера! Стоило им только взглянуть на человека, как он весь съеживался и умирал! Это было волшебство, леди, но такого я никогда не видал в Эсткарпе. Они бросились прямо в лагерь, а там их встретил такой же луч, как тот, что охотился за нами на берегу, и многие из демонов обратились в прах. Но на смену им сразу же появлялись другие, а потом появилась еще одна группа, они тащили с собой одного колдера и направлялись к морю. И с тех пор там на берегу происходит что-то странное. Только сейчас со скалы я смог разглядеть кое-что. Леди, ваше сообщение принято — на море появились паруса!

В Саймоне сразу же проснулся боевой офицер.

— Но ведь, если флот попадет под этот страшный луч... Как же им послать предупреждение? А может, колдеры сейчас слишком заняты войной с ожившими скелетами, чтобы отвлечь свои силы на корабли? А сами скелеты — возможно, им все равно, с кем воевать: с колдерами или с новыми врагами? Необходимо поточнее узнать, что там происходит...

Когда они втроем добрались до укрытия, где находились Лойз и Инглин, они устроили совет.

— У нас есть возможность без особых усилий добраться до берега, — сообщил им Инглин. — А я, например, чувствую себя намного безопаснее, когда я ближе к воде. Этот остров чересчур хорошо приспособлен для игры в охоту, причем, у преследуемого и охотника шансы равны. Уже некоторое время на берегу не видно никаких вспышек. И скелетов тоже становится все меньше и меньше. Но у них не такой вид, как у тех, кто боится чего-то или спасается от врага.

— Может быть, они осадили колдеров в их крепости, — вслух размышлял Саймон. — И если это так, то, направляясь к морю, мы непременно наткнемся на них.

Саймон пытался взвесить все возможности. Салкары были опытными и осторожными моряками. Вряд ли они повели бы свой флот прямо в логово врага, зная, какие хитрости и ловушки тот может им расставить.

Саймон считал, что сейчас настал момент, когда зло может быть вырвано с корнем. Он не верил, что колдерам удастся быстро соорудить другие Врата. Особенно если учесть панику, которую должно было вызвать это появление выходцев с того света. Значит, отступления для колдеров нет. И, следовательно, их можно подвергнуть осаде... Однако все это были лишь догадки и предположения. Чтобы они превратились в уверенность, необходимо было отправиться на берег и все увидеть своими глазами.

— Мы должны идти на берег все вместе. Только море даст ответы на все вопросы, — произнесла вдруг Джелит.

Саймон кивнул. Она прочитала его мысли.

Идти было трудно, а в темноте опасность увеличивалась вдвое. Но ночь еще не наступила окончательно, и они спешили изо всех сил. Еще до прихода Саймона и Джелит салкары побывали в лагере колдеров и обзавелись хотя и скудными, но все же достаточными запасами пищи и воды. Они подкрепились и почувствовали себя значительно лучше.

Саймон несколько раз забирался повыше на скалу и старался разглядеть корабли, но это ему не удавалось. Когда он сказал об этом Сигроду, тот усмехнулся:

— Ну, значит, они уже высаживаются. Это обычная уловка рейдеров. Флот разделяется на две части, а обе половины еще раз делятся: одни плывут к северу в поисках стоянки, другие — к югу.

Саймон просиял. Это звучало очень обнадеживающе. Если они сумеют связаться хотя бы с одной половиной кораблей... Во всяком случае, те, которые ищут стоянку на юге, вполне могут связаться с ними, оказавшись в пределах досягаемости, и им только нужно подать условный сигнал с берега.

Инглин вызвался попытать счастья. Саймон согласно кивнул и тоже отправился в путь — к крепости колдеров.

19. Скрестите сабли... вверх щиты!

— Чтобы вытряхнуть их оттуда, лорд, вам потребуется больше, чем один флот. Такие стены не сокрушить так просто, одним усилием воли...

Сигрод лежал на животе на скалистом пике рядом с Саймоном, рассматривая таинственную крепость колдеров — тайну за семью печатями.

Внизу чувствовалось оживление. Очевидно, те, кто прошел через Врата, собрались перед этими непробиваемыми, не поддающимися даже измерению, стенами, готовые ждать столько, сколько потребуется. Саймон считал, что в случае осады все преимущества будут на стороне колдеров. Осаждающие не имели никаких припасов, а вокруг них была пустынная земля. Быть может, они рассчитывали в случае неудачи вернуться обратно? Сколько времени им потребуется, чтобы выяснить, что отступление невозможно?

Сокрушить стены усилием воли — эти слова Сигрода гвоздем засели в мозгу Саймона. За все время, что он провел здесь, он видел всего-навсего четырех колдеров — двоих в крепости, двоих в вездеходе, проникшем за стену. А те двое — мертвы. Сейчас Саймон думал о том колдере в металлическом шлеме, с которым он вступил в единоборство и победил. Его он мог бы сейчас использовать, чтобы осуществить задуманное. Если, конечно, этот колдер еще жив...

Саймон дал сигнал Сигроду, что пора возвращаться туда, где их ждут Лойз и Джелит. Он изложил свой план, когда они снова были вместе.

— Эти, в металлических шлемах, они что — контролируют остальных, руководят ими? — спросил Сигрод.

— По крайней мере, они отдают приказы и управляют всеми установками, я в этом совершенно уверен. Пришельцы

привели с собой одного такого колдера, они воспользовались им, чтобы пройти через Врата.

— Но они не смогли с его помощью попасть в крепость, — сказала Джелит. — Иначе, они сейчас не толпились бы у стен.

— Быть может, его убили во время нападения на лагерь? — высказала предположение Лойз.

— Значит, ты считаешь, что смог бы воздействовать на волю того колдера, с которым уже однажды сражался? — спросила Джелит.

— Мы вдвоем смогли бы, — поправил ее Саймон.

— Значит, открыть ворота этим демонам, — сказал Сигрод. — Но ведь если даже они и проникнут внутрь, то все равно орешек для нас останется не расколотым, а они ведь той же породы, что и колдеры, не так ли? Так не получится ли, что мы сменим одних колдеров на других?

— Вот для этого нам и нужен флот. И поэтому будем надеяться, что Инглину удастся привести нам помощь. Подождем.

Саймон привык к такому ожиданию: ведь жизнь каждого военного полна вечного «поспешай не торопясь». Он перевернулся на спину, глядя в темное ночное небо.

— Я покараулю первым, лорд, — сказал Сигрод, спускаясь по склону. Саймон пробормотал слова благодарности и продолжал обдумывать свой план.

Больше всего ему не нравилось то, что многое в плане зависело от случая — как и большая часть того, что произошло с ним после выезда из Южного Форта. Можно ли причинить кому-то вред, если сильно пожелаешь? Мысли его потекли в другом направлении. Правдивы ли были старинные волшебные сказки его родного мира, в которых рассказывалось, что обратить зло против своего заклятого врага не труднее, чем выпустить стрелу?

Он почувствовал, как прохладная рука коснулась его горячего лба, нежно погладила мокрые от пота пряди волос, прилипшие ко лбу.

— Саймон... — Она всегда произносила его имя так, словно в нем была музыка. — Саймон, только это... больше ничего.

Он поймал рукой прохладные пальцы, прижал к пересохшему рту. Им теперь не нужны были слова. Любовь их всегда была нелегкой. Но теперь Саймон считал, что от этого она становилась только сильнее. А теперь рухнул и последний барьер, разделявший их. Он понял, что временами ей просто необходимо уйти в себя, отгородиться от всех молчанием, и что от этого он ничуть не становиться ей менее дорог. Значит, это было частью ее, и Саймон был готов принять все как есть. Ведь не бывает так, чтобы один человек занимал абсолютно все мысли и чувства другого. И в нем есть что-то, что будет навсегда закрыто от нее. Но принимать безо всяких вопросов и сомнений все, что она может дать, и возвращать ей свое чувство, без вопросов и ревности — вот это и был их настоящий и прочный союз.

— Отдохни.

Ее рука снова легла ему на лоб. Саймон знал, что она вторит его мыслям слово в слово. Глаза его закрылись, и он уснул.

Утром перед ними была все та же твердыня колдеров, столь же недоступная, что и Айль. С высоты им было видно только, что привидения из другого мира по-прежнему стоят у стен крепости.

— Они не воспользовались своим огненным лучом, — сказал Сигрод.

— Вероятно, не осмеливаются в такой близости от собственных стен, — возразил Саймон.

— Или же он иссяк...

— На это мы не можем рассчитывать.

— Они потеряли слишком много одержимых. Возможно, поэтому они не пытаются отбить атаку. Интересно, сколько эти еще будут выжидать?

Саймон пожал плечами. Очень может быть, что колдеры в состоянии долгое время находиться без пищи и воды, неделями стоять у вражеских стен...

— Саймон? — Лицо Джелит было обращено к нему, когда он оглянулся.

— Сообщение, Саймон. Наши приближаются!

Он бросил взгляд на море, но там не было парусов. Джелит стояла лицом к южному берегу моря, высоко подняв голову. Лойз смотрела на нее, как на олицетворение надежды.

— Сигрод!

— Да, лорд?

— Отправляйтесь к югу, чтобы встретить тех, кто идет. Пусть они обойдут кругом и присоединятся к нам, только пусть подойдут сзади, вот так... — Саймон пояснил свою мысль жестом.

— Слушаюсь.

Салкар исчез за скалой.

Лойз вцепилась в рукав кольчуги Джелит.

— Корис? — Она едва выдохнула это имя.

— Этого я не могу сказать наверняка, сестренка. Топор Кориса еще не раз поднимется, чтобы защитить тебя. Но будет ли это именно здесь — не могу сказать.

И снова ожидание. Они выпили немного воды, поделили между собой горсточку сухого порошка, который был все же пищей, а тем временем день разгорался. Солнце было закрыто облаками. Саймон не покидал наблюдательного поста, но внизу все оставалось по-прежнему: крепость молчала, осаждающие терпеливо ждали.

Сигрод появился только к полудню, ведя с собой группу воинов. Главным образом, это были салкары, но среди них виднелись крылатые шлемы сокольничьих, и еще несколько человек со смуглой кожей, сразу же подбежавших к Саймону. Это были его пограничники.

— Лорд! — Ингвальд отсалютовал ему саблей. — На этой местности нам будет удобно драться.

— Будем надеяться, — сказал Саймон.

Они провели военный совет: четверо капитанов салкаров, старшие офицеры их команд, командиры отрядов пограничников и сокольничьих, которые чувствовали себя среди этих скал, словно в родных горах. И Саймон изложил им тот единствен-

ный план, который, как он считал, может открыть перед ними ворота твердыни Колдера.

— И это можно сделать? — спросил капитан Стимкр, но в его голосе не было сомнений. Салкар слишком много знал о могуществе волшебниц Эсткарпа. Только фальконеры держались настороже, не слишком доверяя волшебству. Они считали, что власть женщин не может привести ни к чему хорошему, так как в крови у них было непреодолимое брезгливое отношение к слабому полу.

— Мы можем попытаться, — сказал Саймон и посмотрел на Джелит, которая ответила ему едва заметным кивком.

Из-за спин воинов появилась еще одна фигура в стальной кольчуге и шлеме, как все остальные. Но поверх кольчуги был накинут серый плащ, на котором переливался и сиял волшебный камень — знак волшебницы Эсткарпа.

Она вышла вперед и пытливо оглядела Саймона и Джелит.

— Вы считаете, что сможете это сделать? — сомнение прозвучало в ее тоне.

— Мы можем это сделать! — голос Джелит зазвенел. — Мы сделали намного больше за последние дни, сестра!

Волшебница нахмурилась. Было видно, что ей пришлось не по душе сообщение Джелит. Но она была готова ждать и увидеть, как они потерпят неудачу, подумалось Саймону. Такое отношение вызвало у него в душе такой же протест и возмущение, которое слышалось и в тоне Джелит. Может быть, именно это возмущение даст им новые силы при этой попытке.

Он вызвал в своем воображении картину той комнаты в крепости, в которой разговаривал с двумя колдерами... Потом сосредоточился только на колдере в металлическом шлеме. И воля его стала могучей, неодолимой. Он собрал ее в кулак, нацелив туда, куда хотел! И сразу же убедился, что страх его был напрасен. Колдер в шлеме был жив. Жив, но от него уже осталась только пустая оболочка, ибо разум покинул его тело. Но и пустую оболочку можно использовать в планах Саймона! Воля Саймона влилась в тело колдера, и сразу же Саймон ощутил,

что возможности его становятся все больше, что воля его крепнет, силы растут — это пришла на помощь Джелит.

Саймон больше не замечал ни скал, ни людей, столпившихся вокруг него, ни презрительного лица волшебницы, ни даже Джелит. Сейчас для него существовало только одно: войти вместе с Джелит в тело колдера, превратить его в послушное орудие — сделать его таким же «одержимым», как те многие десятки пленных, которых колдеры захватили в набегах на Горм и Карс, на корабли салкаров.

Где-то в глубине крепости колдер уже задвигался, повинуясь мысленным приказам Саймона. Отвори ворота... Впусти в крепость осаждающих... И это было очень просто — колдер больше не был колдером, он был одержимым и он повиновался.

Перед мысленным взором Саймона мелькали залы и переходы, лестницы и комнаты — колдер спешил выполнить приказ. Кто-то ему попался на пути, попытался удержать его и тут же упал замертво.

И вот наконец Саймон увидел пульт со множеством кнопок с мерцающими сигнальными огоньками. Руки колдера торопливо двигались, нажимали кнопки, прикасались к рычагам. И, подчинясь этим движениям, защита крепости нарушилась и... исчезла совсем.

И сразу же на Саймона навалилась холодная тьма и пустота, а когда он пришел в себя, над ним было облачное небо, они с Джелит держались за руки, и оба еще не оправились от ужаса погружения в небытие.

— Он мертв. — Это сказала не Джелит, а волшебница. На лице ее тоже отразился ужас. Но она медленно подняла руку, приветствуя их. — Вы сделали то, что обещали.

Саймон едва шевельнул сухими губами.

— Этого было достаточно?

— Сал! — раздался крик с наблюдательного пункта. — Демоны зашевелились!

Они и впрямь зашевелились, ибо в стене крепости теперь зияло отверстие. И в этот проход один за другим ныряли живые

скелеты, пришедшие из-за Врат. Они не издали ни звука, просто молча двинулись вперед. Но прошло внутрь меньше половины — вдруг сверху на брешь стала спускаться стальная завеса, придавив тех, кто оказался под ней. Но не успела завеса коснуться земли, как те привидения, у которых были ружья, принялись стрелять в нее. И стальная заслонка задрожала и рассыпалась в прах. А остальные демоны продолжили свой путь внутрь твердыни.

— Вниз и в крепость! — это крикнул один из капитанов-салкаров. — Сал! Сал!

И, подхватив его клич, лавина эсткарпских воинов хлынула вниз.

Трудной и отчаянной была эта битва в стенах крепости, похожая больше на охоту. Неведомое и страшное оружие равно поражало и привидения, и настоящих людей. А потом вдруг все прекратилось, словно крепость колдеров сдалась, словно сердцу крепости не хватило энергии.

А когда Саймон во главе своих пограничников вместе с отрядом фальконеров-сокольничих ворвался в центральный зал, сердце крепости уже замерло. Ибо в зале сидели шесть колдеров в металлических шлемах, подключенных к пульту. И все они сразу умерли, а вместе с ними умерло и сердце крепости.

И тогда началась новая битва, ибо привидения из-за Врат обратили всю свою ярость на воинов Эсткарпа. Воины умирали в муках, но их стрелы и мечи разили без промаха.

Снаружи, за стенами крепости, бушевал шторм, а в стенах ее бушевала не меньшая буря. Мужчины, уставшие разить и убивать, мужчины, которые в эти часы потеряли многих из тех, с кем были в родстве и боевой дружбе, мужчины, которые сами не верили, что уничтожили твердыню колдеров с помощью мечей, стрел и топоров — собрались наконец в центральном зале.

— Колдеры мертвы! — Саймон высоко вскинул свой топор и восторженно потряс им. Позади него воины сделали то же самое, ибо они понимали, что свершилось в этот великий день, несмотря на тяжелые потери.

— Колдеры мертвы! — эхом откликнулась Джелит. Она вошла вместе с волшебницей и Лойз в зал вслед за воинами. — Но зло, которое они посеяли, все еще живо. И вот это... — Она кивнула на пульт. — Возможно, придут другие и воспользуются этим.

— Нет, — волшебница сняла с шеи камень и поднесла его к панели управления. — Это не так, сестра. Мы с тобой позаботимся об этом!

Обычно бледные щеки Джелит порозовели, она подошла к волшебнице, встала рядом с ней, плечом к плечу. Вместе они устремили пристальный взгляд на волшебный камень. Свет в зале начал постепенно тускнеть, и вскоре стало полутемно.

На пульте управления вдруг вспыхнули крохотные огоньки, в тишине раздались негромкие хлопки взрывов. Искры побежали по всему пульту, вызывая все новые и новые взрывы. В комнате запахло горелой изоляцией, металлические детали стали плавиться на глазах. Энергия, вызванная обеими женщинами, быстро уничтожала созданное колдерами сооружение, разрушая пульт и все, что было к нему подключено. И возможно, эта разрушительная энергия достигла большего, уничтожая ту паутину, что колдеры сплели за морями.

Саймон так и сказал, когда вместе с Ингвальдом и капитанами выслушал рапорты тех, кто осматривал самые дальние щели и переходы крепости, удостоверяясь, что никто из врагов не остался в живых.

— Паутина останется, — волшебница сидела немного поодаль, лицо ее было усталым, а глаза ввалились — напряжение оказалось огромным. — Ведь, хотя соткали ее колдеры, но то, из чего она соткана — ненависть и зависть — все это было в нашем мире прежде, чем колдеры воспользовались всем этим, чтобы соткать свою сеть против нас. Карстен охвачен смятением... Некоторое время этот хаос был нам на пользу, ибо великие лорды в тех краях заняты Карстеном и отвратили от нас свои взоры. Но это не может продолжаться вечно.

Саймон кивнул:

— Да, не может. Из такого хаоса непременно появится какой-то более могущественный вожак, который вполне может объединить всех остальных лордов против Эсткарпа. А возможно и другое: остальные лорды будут так заняты постоянной войной с ним, что им будет не до нас.

Джелит и волшебница согласно кивнули.

— А Ализон? — впервые за все это время подала голос Лойз. — Как идет война с Ализоном?

— Сенешаль сражается, словно лев. И дела у него идут лучше, чем мы могли ожидать. Но все же мы не сможем усмирить Ализон, равно как и Карстен — слишком велика там ненависть к нам. Но нам, Эсткарпу, это вовсе не нужно — пусть только оставят нас в покое мирно доживать свой вечер. Ибо мы знаём, что для нас наступает вечер, который постепенно перейдет в ночь, а после нее не будет нового утра. Но ни одно живое существо не захочет добровольно расстаться с жизнью — велик инстинкт самосохранения, он заложен в нас с рождения от природы. И поэтому наш вечер может стать вечером огней и пожарищ, мучений и смерти. И если нам предстоит ночь, полная сражений... — Она торжественно подняла руку. — Что ж, мы будем драться до конца.

— Так не должно быть! — сама натура Саймона противилась столь мрачной картине будущего.

Волшебница посмотрела на него, потом перевела взгляд на Джелит, с нее — на капитанов и Ингвальда и улыбнулась:

— Я вижу, все в вас противится этому... Что ж, хотя мы сейчас и пробудили в нашем мире неведомые ранее силы, но все равно — настало время великих перемен. И, может быть, из посеянных нами семян, вырастут новые могучие плоды. Во всяком случае, скажу вам, товарищи по оружию: то, что вы сделали сегодня, это великий подвиг, и барды станут прославлять его, и на многие тысячелетия будут славны ваши имена! Нелегко достаются нам победы, и мы гордимся ими! А потому не будем думать о возможных будущих поражениях!

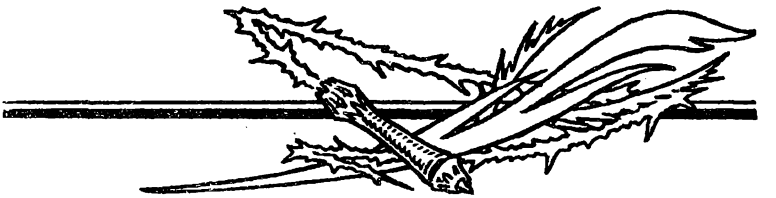
— И все же, колдерам конец! — воскликнул Ингвальд.

— Колдерам конец! — согласился Саймон. — У нас впереди еще немало битв, как сказала Мудрая, но и побед будет тоже немало!

Он протянул руку, и Джелит сделала движение навстречу ему. В этот час Саймон не мог ни о чем думать и не видел ничего — ни возможного поражения Эсткарпа, ни его заката. Ибо сейчас во всей Вселенной для него было только одно — то, что принадлежало только ему одному...

Трое против Колдовского мира

Глава 1

Вряд ли мои слова помогут отважным салкарам атаковать вражеские корабли или закалят мечи бесстрашных воинов Эсткарпа, защищающих Древнюю расу от набегов многочисленных врагов. Мои слова не помогут и тем, кто создает неприступные форты, чтобы спасти свою землю от набегов кровожадных соседей. Но каждому хочется оставить свой, пусть и незначительный, след в истории, чтобы начатое дело не пропало даром, чтобы те, кто придет за тобой, продолжили его, подхватили твой меч, разожгли огонь в родном очаге и смогли понять, во имя чего жили, боролись и погибали их предшественники. Именно поэтому я и решился поведать вам всю правду о Троих против Эсткарпа, о том, как, задумали они сломить колдовскую силу, которая оказывала влияние на Древнюю расу более тысячи лет, затуманивая настоящее и вычеркивая из памяти прошлое. Я расскажу вам о тех великих событиях, в которые мне довелось принимать участие.

Итак, в самом начале нас было трое, только трое — Кемок, Каттея и я, Киллан. Мы не принадлежали Древней расе полностью, и в этом заключалось как наше горе, так и наше спасение. Нас отвергли сразу же после рождения, потому что мы из рода Трегарта. Нашей матерью была госпожа Джелит, обладательница колдовского Дара, которая могла вызывать, посылать и применять силы, не подвластные простым смертным. И даже после того, как она стала женой Саймона Трегарта, Хранителя Границы, и родила ему троих детей, она не утратила своего Дара, что не соответствовало никаким прежним представлени-

ям о колдовстве. Хотя Совет и не вернул ей колдовской Камень, на который она потеряла право в момент замужества, им все же пришлось признать, что она по-прежнему оставалась колдуньей.

А тот, кто был нашим отцом, тоже не соответствовал всем прежним представлениям о Даре. Ведь он пришел в Эсткарп через Врата из другого мира и из другого времени. В том мире он был командиром воинов — отдавал приказы другим, но попался в ловушку злой судьбы, и враги загнали его в угол. За ним стали охотиться, и ему пришлось скрываться, уходить от погони. Саймона Трегарта спасли только Врата, через которые он попал в наш мир, где присягнул на верность Верховной Властительнице и стал воином Эсткарпа, и с чистым сердцем сражался против колдеров. Победу над этой нечистью одержали во многом благодаря ему и нашей матери. Саймон и госпожа Джелит закрыли Врата, через которые колдеры проникли в наш мир. После этого род Трегарта стали высоко почитать. Подвиг наших родителей воспели во многих песнях.

С колдерами было покончено, но Эсткарп продолжал бороться за свое существование, так как окружавшие его со всех сторон враги постоянно покушались на истерзанное в сражениях государство. Древний Эсткарп переживал период заката, и утро могло не наступить никогда. Мы были рождены в сумерках.

До нас Древняя раса не знала рождения тройни. Когда моя мать слегла в постель в последний день уходящего года, она пела заклинания воинов, чтобы подарить Эсткарпу настоящего защитника. Так я и появился на свет, с плачем, словно надо мной сгустились все беды мрачного будущего. Но мучения моей матери на этом не закончились. Все вокруг были обеспокоены ее состоянием, поэтому меня быстро запеленали и отложили в сторону. Родовые муки продолжались долгие часы, и казалось, что ни госпожа Джелит, ни новая жизнь внутри нее не в состоянии больше бороться за свое существование.

В это время к Хранителю Границы пришла какая-то босая странница, проделавшая, как позднее выяснилось, дальний путь

по пыльной дороге. Во внутреннем дворе она громко заявила стражам, что за ней прислали, и она должна увидеть госпожу Джелит. Отец был так напуган состоянием жены, что приказал ее впустить. Из-под плаща она вытащила меч, острие блеснуло на свету и убийственный холод сковал окружающих. Подняв меч перед лицом моей матери, женщина начала что-то напевать, и все присутствующие почувствовали, что связаны невидимыми нитями воедино по воле незнакомки. Госпожа Джелит вдруг поднялась из моря забытья и боли и заговорила словно в бреду:

— Воин, мудрец, колдунья — трое — едины! В единстве их сила!

И во втором часу наступившего года на свет друг за другом появились мои брат и сестра, словно связанные между собой. Наша мать была слишком слаба после родов, и жизнь ее висела на волоске. Женщина, колдовавшая при рождении брата и сестры, убрала меч и взяла детей на руки, будто имела на них полное право. И никто не посмел возразить ей. Мать лежала на постели в полном изнеможении. Так Ангарт из селения фальконеров стала нашей кормилицей и приемной матерью и ввела нас в этот мир. Оказалось, что она воспротивилась суровому закону фальконеров и среди ночи ушла из родной деревни, в которой жили одни женщины. У этого странного воинственного народа существовали свои обычаи, неприемлемые для Древней расы, где женщины обладали большой силой и властью. Традиции и обычаи фальконеров вызывали у колдуний Эскарпа такое отвращение, что они отказали им в земле в пределах государства, когда те несколько веков назад пришли откуда-то из-за моря. Поэтому владения этого народа находились высоко в горах, между Эскарпом и Карстеном. Их мужчины жили отдельно от женщин, в боевых отрядах. Смысл жизни фальконеров заключался в войне и набегах, в женщинах они видели лишь бездуховную плоть, непригодную ни на что, кроме рождения детей. Между мужчиной и женщиной по их понятиям не существовало любви или страсти. С любовью мужчины отно-

сились только к своим соколам. А женщины жили в долинах, и несколько раз в году избранные мужчины отправлялись в женские поселения, чтобы зачать новое поколение. Что касалось рождения детей, то здесь существовал жесткий отбор, и новорожденного сына Ангарт убили только за то, что у него была повреждена ножка. Женщина покинула свой дом и отправилась в Южный Форт. Но никто так никогда и не узнал, почему она выбрала именно тот день и тот час и каким образом узнала о том, что нашей матери нужна помощь. Да никто и не осмеливался спросить ее об этом, потому что она смотрела на всех угрюмым, тяжелым взглядом. Нас она окружила теплом и любовью, которую не в состоянии была нам дать родная мать, госпожа Джелит. С того часа, как на свет появились Кемок и Каттея, она погрузилась в некий транс и так проводила день за днем — ела то, что клали ей в рот, не ведая, что творится вокруг.

Мой отец обратился за помощью к колдуньям, но получил в ответ следующее — Джелит всегда шла своей дорогой, и они не собираются вмешиваться в игры судьбы и не будут догонять того, кто по собственной воле ушел от них так далеко. После этих слов отец стал мрачным и молчаливым. В ратных подвигах он пытался заглушить свое горе. Стали поговаривать, что он упорно ищет дорогу, ведущую к Черным Вратам. До нас ему не было дела, лишь изредка он справлялся о нашем здоровье. Не волновало его и то, что нас воспитывает чужой человек.

Госпожа Джелит поправилась лишь через год, но была еще настолько слаба, что быстро уставала, и ее постоянно клонило в сон. Она казалась омраченной чем-то, словно ее разум был охвачен непонятной печалью. Наконец беды и тревоги остались позади и наступили светлые времена. В канун нового года в Южный Форт прибыл сенешаль Корис со своей женой, леди Лойз, чтобы немного отдохнуть после того, как благодаря огромным усилиям удалось добиться перемирия в нескончаемой войне. И впервые за многие годы вдоль границ Эсткарпа не было огня и погонь — ни на севере, где рыскали ализонские

волки, ни на юге, где все кипело от бесконечных набегов. Но не успели жители древнего Эсткарпа вздохнуть с облегчением, как через четыре месяца нависла новая угроза, исходящая от Пагара.

В то время Карстен представлял собой огромное поле битвы для многочисленных лордов, рвущихся к власти, так как герцог Ивьян был убит в войне с колдерами. Леди Лойз тоже имела все права на это разваливающееся на глазах герцогство. Выданная замуж за герцога насильно — это был ритуальный брачный договор на топоре — она никогда не претендовала на то, чтобы стать властительницей Карстена, но после смерти супруга она, по закону, могла вступить на престол. Однако ничто не связывало ее с этой страной, кроме перенесенных там страданий. Горячо любя Кориса, она с легким сердцем отказалась от прав на Карстен. Ее вполне устраивала политика Эсткарпа, которая заключалась в том, чтобы сохранить и укрепить древнее королевство, а не идти войной на своих соседей. И Корис с Саймоном, энергично поддерживающие гаснущую мощь Древней расы, были против ссор на границе и уповали на то, что распри в герцогстве отвлекут их внимание от соседей.

Но настали другие времена. Пагар, который начинал мелким арендатором на юге, чтобы прийти к власти, стал набирать в свои войска кого попало. Сначала он завладел двумя южными провинциями, затем стал владыкой Карса — разорившиеся местные торговцы готовы были провозгласить своим повелителем кого угодно, кто пообещал бы им восстановить мир. К концу того года, когда мы появились на свет, Пагар был уже достаточно силен, чтобы рискнуть выступить против объединенных сил противника. А еще через четыре месяца его провозгласили герцогом. Он пришел к власти в государстве, раздираемом на части войнами, междоусобицами, распрями. Его окружение состояло из всякого сброда, главным образом из наемников, которых под знамена Пагара привела лишь жажда наживы. Удержать их можно было только обещая легкую наживу, иначе они в любой момент сами отправились бы на разбой. И Пагар сделал то, чего ожидали и опасались мой отец и

Корис: он устремил свой взор за пределы герцогства в поисках доступной добычи. И смотрел он на север. Эсткарп стоило потрясти хорошенько. Ивьян, под воздействием колдеров, изгнал и уничтожил тех людей Древней расы, что давным-давно основали Карстен, так давно, что никто и не помнит точной даты. Они погибали в мучениях или их изгоняли далеко в горы. За их спинами остался лишь страх и унижение. В Карстене были уверены, что в один прекрасный день Эсткарп потребует расплаты за эти жертвы. Теперь Пагару оставалось лишь слегка подыграть таким настроениям, выступить против Древней расы и тем самым сплотить герцогство. Но Эсткарп был грозным противником, и Пагару нужно было еще кое в чем убедиться — дело было не столько в непреклонных и достойных воинах Древней расы, сколько в колдуньях Эсткарпа, которые обладали Силой, не подвластной никаким объяснениям. Выступать против них было опасно. К тому же между Эсткарпом и салкарами существовал прочный и нерушимый союз, а салкары были бесстрашными мореходами, вынудившими Ализон пойти на перемирие после тяжких сражений. В любой момент они могли повернуть свои корабли на юг, и тогда не защищенному со стороны моря Карстену было бы не сдобровать, а это грозило восстанием торговцев Карса. Поэтому Пагар начал готовиться к войне тайно.

В то лето все началось с небольших набегов на Эсткарп — то там, то тут — достаточно осторожных, чтобы фальконеры и стражи границы, которыми командовал мой отец, не заподозрили приближение войны. Набеги эти без труда отражали, и похожи они были на укусы комара — потери в несколько человек. Было ясно, что это делалось, чтобы незаметно истощать силы Эсткарпа. Мой отец предупреждал об этом. В ответ Эсткарп обратился за помощью к флоту салкаров, что заставило Пагара призадуматься. Остоврул выставил против него двадцать кораблей, благополучно перенесших шторм благодаря отличной морской практике, и нанес сокрушительный удар по патрульно-сторожевой службе карстенцев, что вывело из строя

войско герцога на целый год. За этим последовал мятеж на юге, в тех местах, где когда-то правил Пагар, под предводительством его единокровного брата — так что Пагару пришлось бросить все силы на подавление повстанцев. Таким образом, три года, а может и больше, были отвоеваны и угрозы хаоса удалось избежать, а закат Эсткарпа не завершился вечной ночью, чего так боялась Древняя раса.

Во время военных действий нас увезли из форта, но не в Эс, так как мать и отец держались подальше от того города, где правил Совет. Леди Лойз перебралась в небольшое поместье в Эстфорде и взяла нас к себе. Ангарт по-прежнему заменяла нам родную мать, и с хозяйкой Эстфорда у них установились отношения, основанные на взаимной заботе и уважении. Ведь когда-то леди Лойз, переодевшись в платье наемника, отважилась вместе с моей матерью пробраться в самое логово врага, в Каре, и противостоять там герцогу Ивьяну и его силам.

Наконец, после затяжного выздоровления госпожа, Джелит совсем поправилась и начала помогать моему отцу, приняв на себя обязанности вице-хранителя границы. Вместе они управляли Силой, но не так, как это делали колдуньи. И теперь я знаю, что колдуньи с подозрением и завистью относились к их единому Дару, хотя он был направлен только на благо Древней расы и Эсткарпа. Колдуньи утверждали, что мужчина не может обладать колдовским Даром, и к тому же втайне недолюбливали мою мать за то, что она связала свою судьбу с Саймоном, человеком из другого мира и времени. В то время Совет не проявлял к нам, их детям, никакого интереса. Скорее всего, они просто игнорировали факт нашего существования. Каттею даже не подвергли проверке на обладание Даром, что проделывали со всеми девочками Древней расы по достижению ими шестилетнего возраста.

Я смутно помню нашу мать в те годы. Изредка она появлялась в поместье в окружении стражей границы — с интересом наблюдала за тем, как я ползаю по полу, клала мою детскую ручонку на гладкую рукоять меча. Но такое случалось очень

редко, отца же мы почти совсем не видели. Охрана южной границы отнимала у родителей все время. Со всеми вопросами и проблемами мы обращались к Ангарт и были очень привязаны к леди Лойз. К матери и отцу мы относились с уважением и почитанием, но и только. Отец был не тот человек, что умеет ладить с детьми, и мне кажется, в глубине души он считал нас причиной тех страданий, что выпали на долю его жены при родах, а она была для него самым дорогим человеком на свете. Итак, с родителями нас не связывали тесные родственные узы, но зато втроем мы были словно одним целым, хотя и сильно отличались друг от друга. По воле моей матери в этой жизни у меня было предназначение воина, у Кемока — мудреца, а у Каттеи — колдуньи. Кемок, к примеру, столкнувшись с проблемой, не действовал решительно и поспешно; он все обдумывал и взвешивал и только после этого приходил к какому-либо решению. С ранних лет он начал задавать много вопросов, и если не получал вразумительного и обстоятельного ответа на некоторые из них, сам погружался в глубокие раздумья и докапывался до сути.

Каттея обладала Даром. На ней лежала печать исключительности — не только по отношению к нам, но и ко всему окружающему: животным и людям. Очень часто ее Сила подавляла мои действия или решения Кемока. Не помню точно, когда мы впервые осознали, что обладаем Силой. Втроем мы были одним целым: я — это действие, Кемок — ум, а Каттея — сердце и наши эмоции. Но из какой-то непонятной нам самим осторожности мы ни с кем не делились нашей тайной, хотя не сомневаюсь, что Ангарт было хорошо известно о нашей единой Силе.

В шесть лет нам с Кемоком подарили маленькие, специально для нас сделанные, мечи и дротики, и мы приступили к освоению искусства владения оружием — все представители Древней расы должны уметь постоять за свою землю в трудные времена. Нашим наставником стал салкар по имени Откелл. Его направил к нам отец, чтобы мы получили настоящее боевое

образование. Откелл владел в совершенстве почти всеми видами оружия, а во время нападения на Карс он был одним из офицеров Остоврула. Несмотря на то, что никому из нас не пришлась по душе секира, что очень разочаровало нашего наставника, мы с Кемоком в совершенстве освоили другие виды оружия, заслужив одобрение Откелла, весьма требовательного к ученикам.

Нам шел двенадцатый год, когда представилась первая возможность проявить на практике боевое искусство. К тому времени Пагар навел порядок в своем герцогстве и решил еще раз попытать счастья на севере. Флот салкаров доблестно сражался с Ализоном, и разведчики, должно быть, сообщили об этом герцогу. Он направил лучшие отряды на север, в горы, чтобы те одновременно атаковали противника в пяти различных местах.

Фальконеры приняли на себя один из таких ударов, а две оставшиеся шайки добрались до той долины, где до этого не ступала вражеская нога. Отрезанные с тыла, они дрались как безумные, стремясь во что бы то ни стало уничтожить все на своем пути. Горстка этих дикарей добралась до реки Эс, захватила одно судно, предав команду мечу, и направилась вниз по течению, задумав, вероятно, добраться до моря. Их удалось выследить, и в устье реки пришельцев поджидал военный корабль. Они сошли на берег в пяти милях от Эстфорда, и все мужское население с окрестных ферм устроило на них охоту. Откелл запретил нам следовать за ним, и мы не посмели настаивать на своем. Но не прошло и часа после того, как его вооруженный отряд покинул Эстфорд, как Каттея получила послание. Оно так резко вошло в нее, что она схватилась за голову и вскрикнула от неожиданности, стоя между нами на сторожевой башне. Это было послание колдуньи, предназначавшееся не маленькой девочке в нескольких милях от нее, а опытным колдуньям Древней расы. Но часть этой мысленной мольбы о помощи попала к нам через нашу сестру.

Некогда было задумываться, имеем ли мы на это право: мы поспешили на помощь, оседлав тайком своих коней. Не разду-

мывая мы взяли с собой Каттею — она была не просто нашим проводником, мы были одним неделимым целым. Трое детей, но не обычных, а наделенных Силой, поскакали прочь от Эстфорда. Мы помчались к тому месту, где укрылись дикие волки из Карстена, взяв в плен заложницу-колдунью.

В сражении все решает счастливый случай или судьба. Говорят, например, что вот, мол, этому командиру везет, потери у него всегда незначительные, и всегда-то он оказывается в нужном месте в подходящий или самый решающий момент сражения. В чем-то, конечно, это заслуга того, что превосходит обычное умение пользоваться оружием, а именно стратегии и опыта, ума и сноровки. Но почему-то другим, обладающим теми же качествами, при подобных обстоятельствах никогда не везет. В этот день именно удача сопутствовала нам. Мы обнаружили логово врага и убили охрану — пятерых хорошо обученных и отчаянных бойцов — так что раненая, истекающая кровью, но при этом гордая колдунья была спасена. Мы почему-то почувствовали себя неловко под ее властным взглядом, и наше единство распалось. Только потом я понял, что мы с Кемоком словно и не существовали для нее: она была полностью сосредоточена на Каттее, и от ее изучающего взгляда исходила некая непонятная нам угроза. Мы были беззащитны перед ней.

За неповиновение Откелл сек нас с Кемоком несколько дней подряд, несмотря на то, что мы так отличились. Но мы были полны радостью из-за того, что колдунья снова исчезла из нашей жизни, проведя в Эстфорде всего одну ночь. Намного позже, потерпев первое поражение, мы узнали наконец, что последовало за ее визитом — оказывается, колдуньи приказали подвергнуть Каттею проверке на обладание Даром, но наши родители отказали им в этом, и Совету пришлось на какое-то время смириться. Колдуньи не потерпели поражение, нет, они никогда не полагались на опрометчивые поступки и считали, что время их союзник. И время работало на них. Спустя два года Саймон ушел в море на корабле салкаров, чтобы проверить сообщение о том, что ализонцы сооружают какие-то

странные укрепления на островах. Подозревали, что колдеры снова дали о себе знать. Больше ни о нем, ни о корабле ничего не слышали. Из-за того, что мы так мало знали о своем отце, его исчезновение не внесло в нашу жизнь каких либо существенных изменений. Вскоре в Эстфорд вернулась наша мать, на этот раз это был не просто короткий визит. Она прибыла в сопровождении личного эскорта и осталась с нами. Говорила она мало, и взгляд ее часто устремлялся куда-то вдаль. В течение нескольких месяцев они с леди Лойз каждый день на несколько часов запирались в одной из башен. С тех пор леди Лойз изменилась: она побледнела и исхудала так, словно ее покидала жизненная сила. Моя мать тоже таяла на глазах; черты ее лица обострились, взгляд стал отсутствующим. Потом она вдруг потребовала, чтобы мы втроем пришли к ней в комнату. Там царил полумрак, хотя день был солнечный и все три окна были раскрыты. Она указала пальцем на портьеры, и они опустились, подчинились ее воле. Открытым осталось лишь одно окно, выходившее на север. Джелит начертила какие-то линии на полу, и они вдруг задрожали и словно ожили, превратившись в замысловатый узор. Потом, не проронив ни слова, она приказала нам встать на него, а сама бросила сухие травы на небольшую жаровню. Повалил дым и заслонил нас друг от друга. И в тот же миг мы снова стали едины, как тогда, до встречи с колдуньей.

А потом — трудно передать словами то, что мы ощутили — нас метнули словно стрелу. И в тот же миг я утратил чувство времени, пространства и своего «я» — существовала только цель и воля, они поглотили меня целиком. И мы снова стояли перед нашей матерью. Теперь она была уже не той чужой и далекой женщиной, как раньше. Она была живой, близкой. Она протянула к нам руки, слезы бежали по ее впалым щекам.

— Мы дали вам жизнь, — молвила она наконец, — а вы вернули мне Дар, дети мои!

Она взяла со стола маленький пузырек и вылила его содержимое на те угасающие угольки, что остались на жаровне.

Вспышка — и все изменилось. Но невозможно объяснить, что именно. Я моргнул и снова стал самим собой, а не частью кого-то. Мать уже не улыбалась, она была полна решимости. И решимость эта передалась нам.

— Да будет так! Я иду своей дорогой, вы выбираете свою. Я сделаю то, что будет в моих силах — верьте мне, дети мои! И в том, что судьба разъединяет нас, никто не виноват. Я отправляюсь на поиски вашего отца — если он все еще жив. Вам уготована другая участь. Воспользуйтесь тем, что в вас заложено. Пусть меч никогда не подведет вас, а щит всегда сохранит! Быть может когда-нибудь в конце пути наши дороги сольются. И вопреки всему и всем судьба улыбнется нам!

Глава 2

Итак, в то летнее утро мать умчалась прочь из наших жизней; желтая пыль вздымалась из-под копыт ее коня, и небо над головой было безоблачным. Со сторожевой башни мы провожали ее взглядом, пока она не скрылась вдали. Она оглянулась два раза и на прощанье подняла руку — мы отсалютовали в ответ, клинки наших мечей грозно блеснули на солнце. Но Каттея, стоявшая между нами, неожиданно вздрогнула, словно от прикосновения прохладного ветра, неизвестно откуда налетевшего в такой жаркий день. Рука Кемока нашла и накрыла ее руку, вцепившуюся в парапет.

— Я видела его, — сказала она, — обращаясь к нам мысленно, — я видела его — совсем одного... Среди скал, высоких скал и бурлящей воды... — На этот раз ее била крупная дрожь.

— Где? — властно спросил Кемок. Сестра покачала головой.

— Не могу сказать где, но очень далеко — дальше, чем море и суша вместе взятые.

— Этого недостаточно для того, чтобы заставить мать прекратить поиски, — заметил я, сжимая меч. Я ощутил чувст-

во утраты, но как измерить потерю того, чем никогда не обладал? Мои отец и мать, в отличие от многих семей, построили собственный мир. Для них он был всем, и никто не смел в него вторгаться. Ничто — ни Сила, ни добро, ни зло — не могли удержать госпожу Джелит от поисков мужа, разве что ее собственная смерть. И предложи мы ей свою помощь в поисках, она бы отвергла ее.

— Мы вместе. — Кемок подхватил мою мысль, словно я произнес ее вслух.

— Надолго ли? — Каттея снова вздрогнула, и мы обернулись и посмотрели на нее. Я опять сжал рукоять своего меча. Кемок положил руку сестре на плечо.

— Что ты имеешь в виду? — спросил он, но я почувствовал, что ответ мне известен.

— Обладающие Даром Провидения скачут с воинами. Тебе не надо оставаться здесь, когда Откелл позволит нам присоединиться к стражам границы!

— Обладающие Даром Провидения! — воскликнула она. Кемок еще крепче вцепился в ее плечо.

— Колдуньи не возьмут тебя к себе на обучение! Наши родители запретили!

— Наших родителей нет с нами, чтобы отказать им! — резко ответил мне Кемок.

Нас вдруг охватил страх. Ведь колдунью учат совсем другому, не тому, как владеть мечом, стрелами или топором. Она уходит от тех, кто близок ей по крови, удаляется в мир волшебства на многие годы. А когда возвращается, то никакие узы родства для нее уже не существуют, она подвластна только зову тех, в чьих руках сокрыто обладание Даром. Возьми они Каттею к себе и облачи ее в серые безликие одежды, мы потеряем сестру навсегда! И Кемок прав: Саймона и Джелит нет с нами, а кто кроме них сможет воздвигнуть непреодолимый барьер между нашей сестрой и волей Совета?

Итак, с того самого часа над нашей жизнью нависла угроза. И страх еще больше укрепил наше единство, словно сжал

нас в тугое кольцо. Мы читали мысли друг друга, хотя я владел этим умением в меньшей степени, чем Кемок и Каттея. Но жизнь шла своим чередом, и мы понемногу успокоились, так как страх питают сигналы беды, а их не было. Тогда мы еще не знали, что мать боролась за нас изо всех сил до тех пор, пока не покинула Эсткарп. Она пошла к Корису и заставила его поклясться на топоре Вольта — наделенном сверхъестественной силой оружии, которое подчинялось только ему и досталось из мертвой руки того, кто был меньше, чем Бог, но больше, чем человек — поклясться в том, что он защитит нас от ухищрений Совета. Он дал клятву, и мы жили в Эстфорде как и прежде.

Шли годы, набеги со стороны Карстена становились все более настойчивыми. Пагар возобновил прежнюю политику постепенного ослабления Эсткарпа. В ту весну, когда мы насчитывали за своими спинами по семнадцать зим, он потерпел крупное поражение, понеся тяжелые потери. В том сражении мы с Кемоком тоже принимали участие, нас даже хвалили за храбрость. И хотя война оказалась делом темным и грязным, Эсткарпу угрожала опасность, а если выбора нет, то берутся за меч.

В полдень, когда наш отряд шел легким галопом, напав на след неприятеля, мы неожиданно получили послание. Каттея словно наяву стояла передо мной и плакала в отчаяние. И хотя я видел ее не глазами, но чувствовал, как ее голос болью отдается не только в моих ушах, но и во всем теле. И я услышал, как вскрикнул Кемок, пришпоривая коня. Командиром у нас был Дермонт, беженец из Карстена, примкнувший к стражам границы, когда мой отец организовывал первые отряды. Он преградил нам дорогу. Его смуглое лицо ничего не выражало, но он так решительно встал на нашем пути, что мы остановились.

— Куда? — спросил он.

— Нам нужно уехать, — ответил я, зная, что меня уже ничто не остановит. — Мы получили послание — наша сестра в опасности!

Он изучающе посмотрел мне в глаза и понял, что я говорю правду. Затем отошел влево, освободив проход.

— Скачите! — это был одновременно приказ и разрешение. Знал ли он, чем рискует? Если бы знал, наверняка не отпустил нас. А быть может, он дал нам возможность попытать счастья, ведь мы были молоды и выносливы, и хотя бы поэтому у нас были шансы добиться успеха. Мы помчались во весь опор. Дважды меняли лошадей в лагерях, говоря, что должны передать срочное сообщение. Галоп, шаг, опять галоп... Дремали в седле по очереди, когда лошади шли шагом. Казалось, прошло много времени — целая вечность. Наконец среди бескрайней равнины впереди показался Эстфорд. Больше всего мы боялись встретить налетчиков, но их не было. Огонь и меч не дошли до этого места. Но от этого бремя нашей тревоги не стало легче.

В ушах звенело от усталости, но уже стали различимы звуки рога со сторожевой башни, и мы пришпорили своих уставших лошадей, чтобы поспеть на помощь сестре. Белая пыль покрывала нас с ног до головы, но гербы нашего рода на груди были различимы, поэтому мы беспрепятственно преодолели колдовской барьер, и в крепости уже знали, что приближаются свои.

Моя лошадь споткнулась, как только мы въехали во двор, и я едва успел вытащить онемевшие ноги из стремян и соскочить на землю, как она упала на колени. Кемок к тому времени уже спрыгнул со своего коня и помчался в дом. Перед нами стояла, удерживаясь на ногах лишь благодаря последнему усилию воли, не Каттея, а Ангарт. И, заглянув в ее глаза, Кемок остановился, как вкопанный. Я встал рядом с ним и опустил руку на его плечо. Первым заговорил мой брат:

— Ее нет — они забрали ее!

Ангарт кивнула — очень медленно, словно малейшее движение причиняло ей нестерпимую боль. Ее длинные косы расплелись, в темных волосах блестела седина. А ее лицо! — она стала старухой, из которой вырвали желание жить. Проклятие

Силы — вот что это было! Ангарт встала между своей воспитанницей и колдовской Силой, она противопоставила всю свою человеческую силу той страшной Силе, что во много раз превышала мощь любого оружия.

— Они — забрали — ее... — в словах ее не было плоти, это были лишь серые призраки человеческой речи, звучавшие будто из уст самой смерти. — Они отделили ее от вас стеной. Гнаться за ней — это — смерть.

Мы не хотели верить, но это была правда. Колдуньи забрали нашу сестру, и, последуй мы за ней, их преграда убьет наше тело и дух. И смерть наша не спасет Каттею. Кемок так крепко вцепился в мою руку, что его ногти впились в кожу. Так захотелось ответить ему болью на боль, причинить ему физические страдания... В тот миг нас скорее всего спасло полное изнеможение после долгой и утомительной дороги. И когда Кемок схватился руками за голову и зарыдал, а потом бросился ко мне, мы оба упали на землю без сил. Ангарт умерла через час. Мне кажется, она последними усилиями воли цеплялась за жизнь только потому, что ждала нас. Но перед тем как навсегда покинуть этот мир она снова заговорила, и, успев немного прийти в себя после огромного потрясения, мы внимательно вслушивались в ее слова.

— Вы — воины, — она перевела взгляд с Кемока на меня, потом снова посмотрела на убитое горем лицо брата. — Колдуньи считают, что воины сильны лишь действиями, а потому смотрят на них свысока. И сейчас они думают, что вы будете приступом брать их ворота, чтобы высвободить свою дорогую сестру. Но — сейчас сделайте вид, что вы смирились, и со временем они поверят в это.

— А сами в это время сделают с Каттеей все, что им нужно, и она станет одной из них — обладательницей Дара, колдуньей. Они лишат ее даже имени! — с горечью воскликнул Кемок.

— Вы недооцениваете свою сестру, — нахмурилась Ангарт. — Она не какая-нибудь послушная девочка, с которой

можно сделать все, что угодно. По-моему, этим колдуньям она доставит много неприятностей. Сейчас они не ожидают этого.

Мы с детства считали Ангарт женщиной мудрой, к ее словам следовало прислушаться. Но в нас бушевала такая ненависть к проклятой Силе, что мы не могли смириться. В те часы разорваны были последние нити, которые связывали нас с Советом. В тот вечер мы получили еще одно печальное известие — сенешаль Корис, который все эти годы был для Эсткарпа символом непобедимости и нерушимости границ, истекал кровью на юге. Леди Лойз поспешила к своему раненому мужу, тем самым лишив Каттею последней защиты. И теперь все то, что поддерживало наш маленький собственный мир, исчезло без следа.

— Что нам делать? — задавал Кемок один и тот же вопрос на протяжении всей ночи, когда мы предали прах Ангарт земле и остались одни в комнате.

— Вернемся назад...

— В отряд? Чтобы защищать тех, кто все это сделал?

— Пусть все так думают, ведь в их глазах мы еще зеленые юнцы. Ангарт сказала, что от нас ждут решительных действий, а значит ловушка для нас готова. Но...

Глаза его вдруг блеснули.

— После таких слов, брат, никогда не говори, что ты не способен на глубокие мысли. Ты прав, абсолютно прав! Для них мы дети, а дети слушаются старших. Подыграем им. И еще... — он задумался, потом продолжил, — нам нужно еще кое-чему поучиться у колдуний...

— Но ведь мы мужчины, а Даром обладают только женщины.

— Ты прав. Но Сила может быть разной. Разве наш отец не доказал это? Как бы колдуньи ни хотели того, но отрицать его Дар они не могли. Им не принадлежат все знания. Ты слышал что-нибудь о Лормте?

Сначала это название показалось мне незнакомым. Но потом я вспомнил, как однажды случайно услышал разговор

между Дермонтом и одним человеком. Лормт, где ведется Летопись.

— Но что мы можем узнать из старых бумаг? — Кемок улыбнулся.

— Кое-что может нам пригодиться, Киллан, — твердо ответил он. — Восток, брат мой, восток!

Я недоуменно уставился на него. Восток — зачем нам восток? Восток... Восток, — я пожал плечами. Восток... На севере Ализон, готовый вцепиться нам в горло, на юге Карстен со своими нескончаемыми набегами, на западе корабли салкаров бороздят бушующее море, а за горизонтом какие-то острова и неизведанные земли, именно там Саймон и Джелит обнаружили гнездо колдеров. Но на востоке пустота — там ничего нет...

— А теперь скажи, почему! — потребовал Кемок. — Ведь у Эсткарпа есть граница и на востоке, но слышал ли ты когда-нибудь хоть малейшее упоминание о ней? Теперь подумай, что может быть там?

Я закрыл глаза и представил карту Эсткарпа, которую часто изучал во время военных действий. Горы?..

— Горы? — нерешительно повторил я.

— А за ними?

— Одни горы, на всех картах — и ничего больше! — я говорил уже уверенно.

— А почему?

Почему? Действительно, почему? На картах подробно изображали земли за границами Эсткарпа и на севере, и на юге, и на западе. У нас были и морские карты, нарисованные салкарами. Но ничего, абсолютно ничего на востоке. И это «ничего» в действительности должно было означать что-то очень важное.

— О востоке даже не задумываются, — продолжил Кемок.

— Как?

— Спроси кого угодно о востоке. О нем не говорят.

— Может быть, но почему?

— Сознание людей заблокировано. Готов поклясться.

— Но зачем?

— Вот это мы и должны узнать. Разве ты не понимаешь, Киллан, нам нельзя оставаться в Эскарпе, если удастся освободить Каттею. Колдуньи никогда добровольно не выпустят ее из своих рук. А куда мы можем уйти? Где спрятаться от них? Ализон или Карстен будут только рады принять нас... но в качестве пленников. Род Трегарта слишком хорошо известен. И салкары не помогут нам, когда колдуньи станут нашими врагами. Но представь, что мы скроемся в той стране или том месте, существование которых отказываются признавать...

— Конечно! Но не так же все просто на самом деле! Для того, чтобы заблокировать сознание людей, причина должна быть очень серьезной.

— Этого я не отрицаю. И мы откроем эту тайну, чтобы воспользоваться ею в своих целях.

— Но почему же мы?.. — начал было я, а затем сам ответил на собственный вопрос новым вопросом: — Из-за того, что мы не чистокровные?

— Скорее всего. Давай попытаемся выведать все в Лормте.

Я встал. Нужно было действовать, и немедленно.

— Ты думаешь, нам удастся? Неужели Совет позволит вторгаться в то, чего нам знать не положено? Я подумал, что ты согласился разыгрывать из себя послушных их воле, вернуться в отряд и вести себя так, будто мы признали свое поражение.

Кемок вздохнул.

— Ты не находишь, что быть молодым трудно, брат? — спросил он. — За нами безусловно будут наблюдать. Нам неизвестно, насколько они осведомлены о нашем мысленном контакте с Каттеей. Конечно, они догадаются о нем, ведь мы появились в Эстфорде по первому ее зову. Но... после этого случая контакта с ней почему-то не было. — Он не смотрел на меня, потому что знал: я не буду ему возражать. Мы никогда не обсуждали это, но знали, что между Каттеей и Кемоком существовала более тесная связь, чем со мной. Казалось, что несколько часов между нашим появлением на свет отдалили меня от них.

— Кемок! Та комната в башне, где наша мать...

Но он покачал головой.

— Наша мать много лет изучала колдовство. У нас же нет опыта, нет знаний и силы, чтобы идти этой дорогой, по крайней мере сейчас. Будем опираться на то, чем владеем в совершенстве. Что касается Лормта... знаешь, я уверен, что при желании можно открыть любые ворота. Или хотя бы подобрать к ним ключи. Мы...

Что заставило меня поправить его? Вспышка предвидения?

— Ты сделаешь это, Кемок. Я уверен, Лормт покорится тебе.

В Эстфорде нас больше ничто не удерживало. Откелл возглавил небольшой отряд, который доставил леди Лойз в Южный Форт. И никто из горстки оставшихся не возражал, когда мы заявили, что возвращаемся в свой отряд. На следующий день мы покинули Эстфорд, совершенствуя по дороге свои способности — старались общаться, посылая друг другу мысленные сигналы с настойчивостью, которую никогда не проявляли в подобных упражнениях раньше.

Месяц за месяцем мы тренировали себя, скрывая от товарищей свои занятия. От Каттеи по-прежнему не поступало никаких сообщений, хотя мы уже знали, что она находится в абсолютно уединенном месте для новообращенных. Некоторые стороны нашего таланта проявились сами по себе. Так, Кемок обнаружил, что после наших занятий он может легко запоминать очень многое из однажды услышанного или увиденного и вбирать в себя информацию из сознания окружающих. Допросы всех пленников теперь стали доверять только ему. Возможно, Дермонт догадывался о способностях Кемока, но ни о чем не спрашивал. Со своей стороны, не обладая таким талантом, но всем сердцем желая внести свой вклад в побег за горы, я начал медленно осознавать, что от родителей тоже унаследовал некоторые способности. Оказалось, что я могу воздействовать на животных. Я знал лошадей так хорошо, как никто среди воинов. Мог укротить их злой норов или направить в нужном направлении одним лишь усилием воли.

Казалось, до Лормта добраться невозможно. Схватки на границе становились все более частыми, и мы с головой ушли в тактику ведения партизанской войны. Над Эсткарпом сгущались тучи, и мы знали, что наш побег из опустошенной земли — вопрос времени. Корис остался жив, но из-за увечий топор Вольта ему стал не под силу. Рассказывали, как он отправился на юг, к морским скалам, и вернулся оттуда без своего сверхсильного оружия. С того самого момента удача отвернулась от него, и его люди терпели одно поражение за другим.

Месяцами Пагар водил нас за нос, словно и не собирался наносить решающий удар, а просто получал удовольствие от своих маневров. Говорили, что корабли салкаров отправились в неизвестном направлении с представителями Древней расы на борту. Я был уверен, что причиной задержки финального удара являлся давний страх перед Силой и незнание в полной мере того, на что она окажется способна, когда колдуньи объединят всю свою мощь в борьбе с противником. Эсткарп может сгореть дотла, а может поработить весь мир.

Шел второй год, как забрали Каттею. Наконец-то Кемоку удалось открыть путь к Лормту, но не совсем так, как мы это себе представляли. Он попал в засаду и ему покалечили правую руку. Было неясно, сможет ли он свободно владеть ею в дальнейшем. Перед тем, как его отправили на лечение, мы успели поговорить:

— Рана скоро заживет, надо только очень захотеть. Ты тоже приложи свои усилия, брат, — проговорил он, хотя в глазах его застыла печаль. — Очень скоро я буду здоров, и тогда...

Слов больше не требовалось.

— Время в любой момент обернется против нас, — предупредил я его. — Карстен может напасть совершенно неожиданно. Сколько часов у нас в распоряжении?

— Не знаю. А надо делать то, в чем уверен! Будем надеяться на успех!

Мы расстались, но наши сердца были по-прежнему вместе. Расстояние лишь чуть-чуть ослабило нашу связь, заставив нас

прикладывать новые усилия. Я знал, когда он отправился к Лормту. Затем он сообщил мне, что мы должны на время прервать контакт, так как он обнаружил, что с Лормтом связаны какие-то ухищрения Силы, а это опасно. Потом — на несколько месяцев — тишина.

На границе было по-прежнему неспокойно, и несмотря на то, что я был совсем молод, мне доверили небольшой отряд. Нас объединяла постоянная опасность, мы были друзьями. Но я знал, что другое единение сильнее, и если я потеряю Кемока или Каттею, то потеряю все. Я не позволял себе расслабляться и продолжал работать над собой. Я ждал... и казалось, что ждать придется намного дольше, чем я способен выдержать.

Глава 3

Мы исхудали и озлобились, став похожими на ализонских собак, которых специально натаскивали для охоты на людей, и носились по долинам и горам, каждую ночь удивляясь тому, что все еще сидим в седле, а утром, после короткого сна, снова приветствуем рассвет живыми и невредимыми. Объединись Ализон и Карстен в борьбе против нас, Эсткарпу придет конец, его растопчут и проглотят. Но, похоже, Пагар не желает праздновать победу вместе с Фасилианом из Ализона — у него, видимо, были свои причины действовать в одиночку. Возможно, мы даже не догадывались о том, на что способна Сила. Но мы знали наверняка, что колдуньи во главе с Верховной Властительницей способны управлять по-своему некоторыми людьми. На тот случай, если Сила потеряет свою мощь и влияние на события, в критический момент потребуются люди, которых колдуньи смогут использовать в своих целях.

В конце второго лета, после того, как Кемок покинул нас, они задумали предпринять решающий шаг. На все посты были разосланы сообщения, а затем поползли слухи. Мы должны были отступить, спуститься с гор и сгруппироваться в долинах

Эсткарпа, забрав с собой с тех земель, что так долго защищали, всех представителей Древней расы, носящих на своей груди гербы Эсткарпа. Для сторонних глаз все это было просто безумием, но слухи сделали свое дело — мы якобы устраиваем ловушку, да такую, что наш мир никогда не видывал; будто колдуньи, встревоженные постоянным истощением наших сил в этой войне, задумали сконцентрировать всю свою мощь и либо преподнести Пагару урок, который ему не забыть вовеки, либо похоронить всех нас на поле битвы. Нам было приказано отступить так незаметно и быстро, чтобы противник не сразу обнаружил, что в горах никого нет и все дороги открыты. И мы исчезли, отряд за отрядом, группа за группой, под надежным прикрытием. Потребовалось чуть больше недели для того, чтобы вся Древняя раса собралась в долинах.

Сначала люди Пагара насторожились. Слишком уж часто они попадались в наши ловушки и засады. Но вскоре они начали просачиваться через горы. Флот салкаров выстроился в той бухте, где в море впадала река Эс, некоторые из кораблей встали на якорь даже около пустынного Горма, где никто не жил после того, как оттуда изгнали колдеров, другие — в самом устье реки. Был пущен слух, будто в случае провала всей операции остатки Древней расы поднимутся на борт этих кораблей для того, чтобы скрыться за морем. Не было сомнений в том, что все эти сплетни предназначались для ушей шпионов Ализона и Карстена, которые, вероятно, были среди нас. Иначе все это действительно походило на безумие, а в Совете не было глупцов. Возможно, поверив в наши замыслы, армия противника поспешила в горы, и вскоре все там кишело воинами Карстена.

По воле случая мой отряд оказался в нескольких милях от Эстфорда, где мы разбили лагерь и выставили пикетчиков. Лошади были неспокойны, и, проходя мимо них, стараясь понять причину их беспокойства, я тоже ощутил, что над нами сгущается какая-то сила, что все в природе начинает смещаться, терять равновесие. Словно все вокруг, земля и то, что на ней

находится — люди и звери — оказалось под воздействием какой-то внутренней энергии... И вдруг меня осенило. Вся жизнь в Эсткарпе словно собиралась вокруг некой сердцевины... и готовилась...

Я старался успокоить лошадей силой своей воли, и теперь убедился, что нас вбирают в себя... Гнетущую тишину не нарушало ни пение птиц, ни дуновение ветерка; жара становилась невыносимой. Некая мертвая тишина ожидания. Все чувства обострились, и меня вдруг пронзила мысль. Киллан — Эстфорд — немедленно! И эта мысль была такой же сильной, как зов о помощи Каттеи несколько лет тому назад. Я отвязал неоседланную лошадь, которую держал за гриву, вскочил на нее и помчался во весь опор в замок, который служил нам домом. Позади что-то кричали мне вслед, но я не оглянулся. Я направил послание:

Кемок — что случилось?

Скорее! — прозвучал приказ.

Чувство потери жизненной энергии во всем, что я видел вокруг, охватило меня. Настораживало то, что природа не издавала ни малейшего звука, казалось, мир замер.

Впереди появилась сторожевая башня замка, но флага над ней не было. Я не увидел ни часовых, ни каких-либо признаков жизни у стен. Наконец я добрался до ворот, открытых как раз настолько, что мог въехать всадник.

Кемок ждал меня там, где мы когда-то увидели умирающую Ангарт. Но он не был раздавлен Силой, он был жив. Причем его жизненная сила кипела и передавалась мне, словно оказавшись вдруг один на один с врагом, я услышал воинственный клич товарища по оружию. Нам не требовались слова. Мы — как передать это чувство? — словно слились в один сильный поток.

— Вовремя... — он пошел к дому.

Я спрыгнул с лошади, и она сама направилась в конюшню, словно за конюхом. Я снова оказался под сводами замка Эстфорда. Теперь это было пустынное место, исчезли те мелочи,

что свойственны ежедневному быту. Я знал, что леди Лойз живет в Южном Форте вместе с Корисом. Я еще раз огляделся вокруг, словно искал что-нибудь родное среди вещей. У большого стола стояла скамья, на нее Кемок выложил галеты и фрукты. Но я не чувствовал голода.

— Потребовалось много времени, — громко сказал брат. — Подобрать ключ к такому замку не так-то легко.

Я не стал спрашивать его, достиг ли он успеха: глаза его блестели от радости.

— Сегодня ночью колдуньи выступают против Карстена, — Кемок ерзал на скамье, словно не мог сидеть спокойно. — А через три дня, — он посмотрел на меня, — Каттея должна принять колдовскую Клятву!

У меня перехватило дыхание. Либо мы вырвем сестру из их пут, либо навсегда потеряем ее, и она станет одной из них.

— У тебя есть план. — Я не спрашивал. Он пожал плечами.

— И, по-моему, преотличный. Мы вызволим ее из Места Власти и отправимся на восток!

Так все просто на словах, но на деле... все обернется по-другому. Забрать ее из Места Власти равносильно тому, чтобы пробраться незамеченными в Карс и выкрасть Пагара.

Кемок улыбнулся, прочитав мои мысли. Он показал мне свою руку — грубый шрам рассекал ее, и когда он попытался согнуть пальцы, то два из них остались неподвижны.

— Вот мой ключ к Лормту. К тому же мне пригодилось то, что находится здесь. — Он постучал негнущимися пальцами по лбу, на который ниспадали непослушные черные кудри — все мы унаследовали их от своих родителей. — Мне удалось узнать в Лормта то, что держалось в тайне ото всех. Они даже не представляют, какое направление мы выберем для побега. Ведь Место Власти...

Я горько усмехнулся.

— Да? А что ты скажешь о стражах, расставленных вокруг него? Попади мы самовольно в их владения, нас ничто не спа-

сет. И говорят, это не обычные люди, против которых можно идти с оружием в руках.

— В чем-то ты действительно прав, брат. Стражи может быть и не люди, и это так. Но и мы не безоружны. А завтра они могут потерять былую силу. Знаешь ли ты, что произойдет под покровом темной ночи?

— Совет выступит против...

— Да, но каким образом? Говорю тебе, они используют всю Силу, которая накапливалась несколько поколений. Они обратятся к востоку!

— К востоку? И что тогда?

— Они заставят горы и землю прийти им на помощь. Это будет финальный удар в битве против угрозы смерти.

— Но... смогут ли они сделать это? — Власть может создавать иллюзии, может усилить свое влияние... Но то, о чем так самоуверенно заявил Кемок... что-то не верится.

— Однажды им это удалось, и они попытаются еще раз. Но для того, чтобы осуществить задуманное, они должны собрать такой запас энергии, что на некоторое время наступит истощение. Не могу сказать, умрет ли кто-нибудь из них. Возможно, многие выживут после подобного опустошения, но им потребуется время, чтобы восстановить былую мощь. Значит, все их стражи будут бессильны, и нам удастся победить.

— Да, Древняя раса зародилась не в Эсткарпе — они пришли оттуда, из-за гор, так много лет назад, что никто не помнит об этом. Они бежали от какой-то опасности, и за их спинами Сила воздвигла горы, изменила ландшафт, отрезала их от прежнего мира. Сознание заблокировали, внушая людям на протяжении нескольких поколений, что их родина здесь. Скажи, ты хоть раз слышал, чтобы кто-нибудь говорил о востоке?

С тех пор, как Кемок высказал свое предположение относительно востока, я стал прислушиваться к разговорам в отряде, но ни разу не услышал ни слова, ни намека, а стоило мне попытаться навести воинов на подобную тему, я ощущал, что

натыкаюсь на пустоту, словно этой стороны света не существовало вовсе.

— Если они бежали от такой опасности, что им пришлось прибегнуть к... — начал было я.

— Между тем временем и днем настоящим пролегает пропасть в тысячу лет, а может и больше. Древняя раса сегодня уже не та, какой была раньше. Всякий огонь когда-либо гаснет. Я уверен, что за нами будут охотиться не так, как за шпионами Карстена или налетчиками из Ализона, даже не так, как за колдерами, если кто-то из них все еще живет в этом времени и в этом мире. Мы для них опаснее. Но никто не последует за нами на восток.

— Мы не чистокровные, не принадлежим к Древней расе полностью — сможем ли мы преодолеть их заграждения?

— Этого мы не узнаем до тех пор, пока не попробуем. Но ведь мы можем думать и говорить о востоке в отличие от остальных. В Лормте мне удалось узнать, что даже сами летописцы не верят в эти легенды. Они не догадались, что я прочитал все манускрипты.

Кемоку удалось убедить меня. Другого плана действий у нас не было. Нам уже надо было отправляться в путь, ведь Место Власти и Эстфорд разделяют многие мили. Я сказал об этом Кемоку.

— У меня есть пять скакунов торских кровей, — ответил он. — Двое из них здесь и готовы для дальней дороги, остальные спрятаны в надежном месте. На них мы отправимся на восток.

Он заметил в моих мыслях восторг и уважение и улыбнулся.

— Да, нелегко было их достать. Их покупали по одному в течение года под вымышленными именами.

— Но откуда тебе было известно, что произойдет?

— Я просто верил, что нас ждет успех и мы должны быть готовы ко всему. Ты прав, брат, пора в путь, чтобы гнев колдуний не успел выбить нас из седла.

Торских скакунов вывели в высокогорных районах, поросших вереском, скрывающих своими вершинами Болота

торов. Их отличают выносливость и скорость — те качества, которые не всегда встретишь у лошадей. И они так высоко ценятся, что приобрести сразу пять скакунов было практически невыполнимо, тем более для одного человека. К тому же, сенешаль самолично следил за ними и все они были наперечет. С виду они были неприметными, серовато-коричневыми, с темными гривами и матовой шерстью, которая не блестела, как бы ее ни чистили. Но в смелости, выносливости и скорости они не имели равных. Седла на обоих скакунах были легкими — такие обычно использовали при объездах морского побережья. Под воздействием этой жуткой ночи они возбужденно пританцовывали, чего обычно не делали. Мы вывели их во двор, вскочили верхом и покинули стены замка. Солнце уже почти опустилось за горизонт, но на небе сгустились пурпурно-черные тучи причудливой формы... Надвигалась опасность... Земля же словно притаилась в угрожающей тишине.

Мой брат продумал все, определив в том числе кратчайший маршрут. Но в эту ночь даже торские скакуны не неслись как обычно. Казалось, что мы пробираемся сквозь вязкий песок, и вместо того, чтобы идти галопом, мы плелись почти шагом. Тучи заволокли все небо, не стало видно ни звезд, ни луны. Какая-то неведомая сила подчинила себе природу. Однажды мне приходилось проезжать мимо Болот торов и наблюдать некое жуткое свечение в полумраке. На этот раз такие же тусклые огоньки стали появляться то там, то тут вокруг нас — на ветках деревьев, на кронах кустарников, на плюще, обвивающем стену. Нас постепенно охватывало какое-то мрачное предчувствие. Лошади тоже ощущали приближение чего-то неведомого и жуткого — они стали пофыркивать и вставать на дыбы. Я обратился к Кемоку:

— Надо их успокоить!

Последние полмили я изо всех сил пытался их усмирить мысленно, но тщетно. Мы остановились, спрыгнули на землю, и я встал между двумя скакунами, положив руки на их могучие шеи и стараясь успокоить. Кемок тоже присоединился ко мне, и

совместными усилиями нам удалось добиться результата. Хотя они продолжали храпеть и дрожать всем телом, но встали неподвижно.

Сконцентрировавшись на лошадях, я и не заметил, что все вокруг стремительно менялось. Меня вдруг ослепила яркая вспышка на небе. Потом раздался зловещий грохочущий звук, не похожий на гром. Он исходил не сверху, а откуда-то из-под земли, которая внезапно пришла в движение. Лошади заржали, но по-прежнему стояли на месте. Они прижались ко мне, словно в нашем единстве пытались найти якорь спасения в обезумевшем мире. Жуткие вспышки мелькали со всех сторон, озаряя небо. И снова раскаты грома из-под ног. Потом полная тишина, и неожиданно на нас обрушился такой шквал ярости, который невозможно вообразить. Земля стала уходить из-под ног, словно под ее поверхностью по направлению к горам прокатилась огромная волна. Ветер, с утра притаившийся где-то, вдруг обезумел, вырывая с корнем деревья и кустарники, вбирая в себя воздух из наших ноздрей. Бороться с этим было бесполезно — это безумство природы лишало нас даже возможности двигаться. Нам оставалось только выстоять и не терять надежду, очень слабую, что нам удастся спастись и пережить схватку земли, огня, воздуха, а потом и воды — начался дождь, если, конечно, можно назвать дождем такие хлесткие удары воды. Если сила этой бури лишала нас возможности мыслить, то что тогда творилось там, наверху? Этой ночью горы пришли в движение, теряясь в огромных волнах земли, пожирающих их склоны, превращающих равнины в холмы, сдвигающие все на своем пути... Барьер, устроенный природой между Эсткарпом и Карстеном, который мы укрепляли на протяжении многих лет, рассыпался у нас на глазах, исчезал под воздействием неведомой разрушительной силы, которой ничто не могло противостоять.

Рука об руку, единые духом, мы с Кемоком стали одним целым, пережив весь этот кошмар. Мы соединились. Конец света — вот что это было такое. Из нас вырывали слух и зре-

ние, из последних сил мы бились за то, чтобы не потерять осязание, ведь потеряв способность чувствовать, мы утратим все остальное, перестанем быть самими собой.

Наступил конец привычного мира — мы уже не смели надеяться на спасение. И тут сумрак ночи стал сменяться тусклым рассветом, верхушки деревьев посеребрились, буря понемногу утихла. Мы все еще стояли на дороге, прижавшись друг к другу — Кемок, я и лошади — и не могли поверить тому, что остались живы. Земля больше не уходила из-под ног, разум стал постепенно возвращаться к нам, словно выползая откуда-то из укрытия, где пытался схорониться во время кошмара ночи. К нашему удивлению следов шторма мы почти не обнаружили — лишь несколько сломанных веток, чуть влажная дорога. Мы посмотрели на юг. Там по-прежнему нависали тучи, рассвет не сменил ночь, и мне показалось, что на горизонте еще появлялись вспышки. Было ясно, что Совет пустил в ход невиданную до сих пор в Эсткарпе силу. И я почти не сомневался в том, что Пагара наконец остановили. Находиться в горах в такую ночь! Я пригладил мокрую взъерошенную гриву своего коня. Он фыркнул, переступил с ноги на ногу, словно пробуждаясь после какого-то ужасного сна. Вскочив в седло, я все еще не мог поверить в наше спасение, оно казалось призрачным.

Кемок уже был на коне.

Вот наш час!

Мысленный контакт был более разумным, словно все то, что мы будем предпринимать теперь, сможет пробудить неведомые силы. Мы слегка пришпорили торских скакунов, и на этот раз они рванули с места и помчались словно по ветру с привычной для них скоростью. Занималась заря, неожиданно утреннюю тишину нарушило пение птицы. Напряжение ночи спало. Мы свободны, перед нами только дорога, а время теперь — наш злейший враг.

С основной дороги Кемок свернул на узкую тропу, и здесь нам пришлось перейти на шаг, так как пробираться

сквозь завалы, образовавшиеся после бури, было не так-то просто. Но мы упорно двигались вперед, компенсируя задержки на открытых пространствах. То ли мы скакали по тайной дороге, то ли весь Эсткарп в тот день был не в силах опомниться от потрясения, но на пути мы не повстречали ни души, даже около ферм. Мы ехали по опустошенной земле. Удача сопутствовала нам.

К закату мы добрались до заброшенной усадьбы, пустили коней пастись и оседлали тех трех скакунов, что Кемок припрятал до решающего часа. По очереди мы вздремнули, и когда взошла луна, прикосновение брата разбудило меня.

— Час настал, — полушепотом произнес он.

А потом, когда мы соскользнули с седел и заглянули в лощину, где роща окружала старинный темный замок, ему можно было и не добавлять:

— Вот это Место!

Глава 4

Чем дольше я смотрел на замок, тем больше ощущал некую вибрацию — словно перед нами висел невидимый занавес. Почти неуловимые искажения тени и света вытянули дерево, удлинили куст, заставили камень дрожать... В следующий миг все встало на свои места. Кемок протянул мне свою изувеченную руку, я сжал ее. И тут я проник в его мысли так, как никогда ранее. Он направил послание в самое сердце Места Власти! Но попав в невидимое заграждение, оно отлетело назад, как стрела, пущенная в крепостную стену Эса. Кемок снова направил всю свою силу и попытался проделать то же самое во второй раз, вобрав одним глотком и мою энергию. На этот раз мы пробили стену, прошли сквозь нее! А потом... Словно в огонь бросили сухую ветку — вспышка, неистовство, радость — Каттея! Если бы я хоть на секунду предположил, что она могла измениться, что ей может не понравиться наше вмешательство,

я бы не пытался спасти ее. Она узнала нас, обрадовалась, я ощутил ее безмерное желание стать свободной... Затем, вслед за радостью наступило мрачное предчувствие и предупреждение. Она не могла сказать нам, что разделяет нас, из ее послания мы лишь поняли, что стражи не являются воинами-людьми. Она не могла пойти нам навстречу и предупреждала, что наш мысленный контакт может привлечь внимание охраны. Внезапно она прервала нить нашего общения.

— Пусть будет так, — тихо произнес Кемок. Я разжал руку и опустил ее на рукоять меча, хотя понимал, что в эту ночь сталь не поможет нам в бою.

— Налево, под деревья, потом быстро добежать до стены вон туда... — Моя военная выучка взяла верх, я обследовал каждый уголок этого странного искаженного места.

— Да...

Кемок полностью положился на мои навыки разведчика, но он и сам не был новичком в подобных делах, и мы спустились со склона по всем правилам военного искусства. Я обнаружил следующее — если быстро посмотреть вперед, а затем, секунду спустя, оглянуться, то искажение вокруг становилось заметно меньше. Мы добрались до рощи, и снова столкнулись с внешней защитой Места. Как будто мы с размаха ударились лицом о стекло. Его не было видно, даже ощутить его было нельзя, но мы и шага не могли ступить дальше.

— Усилием воли — заставим барьер исчезнуть! — сказал Кемок, обращаясь не ко мне, а как бы подбадривая самого себя.

Переключиться на работу мысли было не так-то легко, но я заставил себя и сказал, что перед нами нет никакой стены, ничего. Кроме земли, растущих на ней деревьев, ночи...

Медленно мы начали продвигаться вперед, пробивая барьер волевым усилием. Теперь я поверил в то, что Сила ослабела, сдвигая прошлой ночью горы, Кемок оказался прав. Невидимая стена неожиданно отступила, мы словно прорвали плотину и по инерции пробежали вперед.

— Это только начало...

Я и сам понимал то, о чем хотел предупредить меня Кемок. Все заграждения и ловушки, устроенные колдуньями вокруг самого сердца Власти, должны быть неожиданными и непредсказуемыми. И, одержав первую победу, нельзя расслабляться, глупо радоваться — главное впереди.

Среди деревьев возникло какое-то движение. Моя рука снова опустилась на рукоять меча. Это было нечто осязаемое — я видел блеск металла в лунном свете, слышал шаги. Стража? Здесь?.. Шлем фальконера, потом салкара... Потом возникли лица. Знакомые черты... Дермонт, Никон... Я знал их всех, воевал с ними бок о бок. Делил с ними скудный паек. А теперь от их лиц исходила угроза, ненависть. Я понимал их, они исполняют свой долг, а мы предатели... Рука моя соскользнула с меча и я чуть было не рухнул перед ними на колени и...

— Киллан!

Сквозь накатившую волну вины и стыда я услышал этот крик. Логика взяла верх над чувствами. Их же нет здесь, всех этих товарищей по оружию, чуть не погубивших меня. Я снова обрел ту решительность, с которой пробивал невидимую стену. Передо мной стоял Дермонт. Глаза его блестели от гнева, стрела его была направлена прямо на меня. Но — Дермонта здесь нет — на самом деле это всего-навсего дерево или кустарник. Сила направила против меня мое собственное сознание. Я увидел, как он выстрелил. Его здесь нет! Все исчезло — стрела, люди, блеск металла! Я услышал приглушенный голос брата.

— Мы миновали второе заграждение.

Мы направились дальше. Интересно, насколько хорошо эти стражи изучили нас, если выставляют передо мной призраки знакомых мне людей? Кемок вдруг засмеялся.

— Разве ты не понимаешь, брат? — он услышал вопрос в моих мыслях и ответил вслух. — Ты же сам подыгрываешь им.

Как же я не догадался! Галлюцинации! Колдуньи любят эти штучки, и человек сам помогает им, порождая в своем мозгу образ.

Мы очутились под стенами замка. Настоящий камень — можно было ощутить его влажность и прохладу. Интересно, что еще приготовили колдуньи? А может это все?

— Их так легко не победить, — снова раздался смех Кемока. — Я знал, что ты недооценишь их, Киллан. Худшее — впереди.

Я встал лицом к стене, а Кемок взобрался мне на плечи и подтянулся. Потом я ухватился за его руку и тоже оказался наверху. Мы заглянули в сад. С одной стороны его окружала стена, на которой мы стояли, с трех других сторон — дом. Было тихо. В лунном свете сад казался сказочным. Музыкальный фонтан, бассейн овальной формы, благоухание цветов и трав... Этот запах, что-то знакомое... Я вспомнил — травы с таким запахом способны усыпить человека, одурманить его...

— Не думаю. — Снова Кемок отвечал на мои мысли. — Они живут здесь, совершенствуют свою Силу. Они не должны устраивать здесь такое. — Он осторожно наклонил голову и глубоко вдохнул этот волшебный аромат.

— Нет, не надо бояться.

Мы спрыгнули на землю. Где теперь искать Каттею? В доме темно — еще разбудим кого-нибудь...

— Может, обратиться к ней?

— Нет! — сердито воскликнул Кемок. — Никаких посланий — они сразу же перехватят их. Это тоже их оружие!

Но он не был уверен в том, что предпринять дальше. Здание было погружено в темноту. Мы не знали, в какой комнате находится наша сестра. Теперь... Опять движение, чья-то легкая тень. Кто-то вышел в сад — уверенно, не чувствуя опасности. Только счастливая случайность не позволила мне вскрикнуть, когда я увидел ее в лунном свете. Темные волосы, распущенные по плечам, лицо повернуто к свету, словно она желала, чтобы мы увидели ее черты. Девичье лицо, но повзрослевшее, с печатью того опыта, который был ей неведом, когда я видел ее в последний раз. Каттея разрешила нашу загадку — она сама идет нам навстречу! Кемок подался вперед, раскрыв для объя-

тий руки. Настала моя очередь предупредить его, заставить не поддаваться эмоциям. Инстинкты бывалого разведчика подсказывали мне: здесь что-то не так. Сначала Дермонт, теперь Каттея — она может оказаться таким же миражом, как и те воины. Разве не о ней мы думали, и наши мысли без труда могли использовать колдуньи? Она улыбалась, и красота ее могла растопить сердце любого мужчины. Стройная, высокая, шелковистые темные волосы оттеняли ее бледную кожу, такая изящная походка... Она протянула руки, глаза ее блестели, она радовалась нашей встрече. Я оттолкнул Кемока. Он даже не оглянулся на меня: все его внимание было приковано к ней.

— Кемок! — голос ее был тихим, чуть громче шепота, и таким манящим, ласковым...

Я схватил брата, он сердито глянул на меня.

— Каттея! Пусти меня, Киллан!

— Каттея... быть может. — Не знаю, что удерживало меня от того, чтобы поверить своим глазам. Но брат либо не слышал меня, либо не хотел понимать.

Она была уже близко, и цветы склонили свои головки, когда она коснулась их подолом своего серого одеяния. Но я до сих пор слышал звук металла и шаги в роще. Как проверить, мираж это или реальность?

— Кемок... — тот же полушепот. Но я ведь тоже был рядом, почему она зовет только брата? Конечно, связь между ними всегда была более тесной, и теперь ее глаза видели только его, произносила она только его имя — казалось, она вовсе не замечала меня. Почему?

— Каттея? — я понизил голос тоже почти до шепота. Она не отвела глаза от брата, как будто я не существовал для нее. И тот же миг Кемок вырвался из моих рук, ринулся к ней и обнял. Она глянула поверх его плеча, но по-прежнему не замечала меня, и губы ее расплывались все в той же улыбке. Я все больше сомневался. Если это женщина, а не галлюцинация, то она затеяла какую-то игру. Когда мы мысленно искали нашу сестру, она могла перехватить наш контакт. И то послание, что дошло

до нас от сестры, было полно радости от предстоящей встречи. Разве можно лгать в мыслях? По-моему, я бы не смог, хотя кто знает, на что способны колдуньи...

— Пойдем! — обняв девушку за талию, Кемок подтолкнул ее впереди себя к стене. Может, я совершаю ошибку, но лучше узнать сейчас, чем потом, когда будет слишком поздно.

— Послушай, Кемок! — я схватил его за плечо, применив гораздо больше силы, чем хотел.

Он попытался вырваться и выпустил ее из рук. Его охватила ярость.

— Не думаю, что это Каттея, — медленно проговорил я, вложив в эти слова всю свою волю. А она стояла чуть поодаль и улыбалась, она видела только его, словно я был невидимым.

— Кемок... — опять она произнесла его имя, ни слова протеста в мой адрес.

— Ты сошел с ума! — лицо моего брата стало белым как мел. Он готов был разорвать меня на куски.

Смогу ли я убедить его сейчас, когда он в таком состоянии? Я заломил его руку за спину, а затем развернул лицом к девушке. Он пытался вырваться, но я держал его мертвой хваткой. Я снова обратился к нему.

— Да посмотри на нее! Посмотри на нее хорошенько!

Ему пришлось повиноваться. Он посмотрел на ту, что выдавала себя за Каттею. Постепенно он перестал сопротивляться, по-моему, я победил. Каттея, улыбаясь, как ни в чем не бывало, продолжала твердить его имя, словно знала одно единственное слово.

— Кто... кто она?

Я отпустил его. Теперь и ему было ясно, что это не наша сестра. Но если это мираж, то где настоящая Каттея? И девушка не исчезла после того, как мы узнали правду. Я дотронулся до ее руки — под пальцами я ощутил плоть, человеческое тепло. Если это галлюцинация, то такой нам еще видеть не приходилось.

— Не знаю, кто это — но не та, кого мы ищем. А если бы мы забрали ее и ушли... — Кемок не договорил...

— Ты прав. Колдуньи одержали бы победу. Но если это двойник, то где наша сестра?

Кемок постепенно приходил в себя после того, как чуть было не совершил ошибку.

— Эта — эта пришла оттуда. — Он указал на дверь. — Значит вон там, в противоположной стороне находится та, которую мы ищем.

Похоже, он прав, по крайней мере другой идеи у меня не было.

— Кемок... — она снова протянула к нему руки. Она смотрела на него и звала к стене, показывая, куда нужно бежать. Он вздрогнул, отвернулся.

— Киллан, скорее — нужно спешить!

Повернувшись к ней спиной, брат побежал к дому, я — следом, с ужасом представляя, как в любой момент раздастся за нашими спинами крик той, что выдавала себя за нашу сестру, и все проснутся. Вот она, эта дверь. Кемок первым коснулся ее. Я представил, какие крепкие засовы должны быть на ней. Как нам с ними справиться? Но дверь легко поддалась, и Кемок заглянул в темноту.

— Держись за мой пояс, — приказал он. — И в его голосе прозвучала такая настойчивость, что я подчинился. Соединившись, мы нырнули в кромешную тьму.

Кемок продвигался быстрыми, решительными шагами, словно знал дорогу. Мое плечо задело косяк еще одной двери. Кемок свернул налево. Я протянул свободную руку в сторону и коснулся стены — наверное, коридор. Затем брат остановился, резко повернул направо, раздался звук открываемой двери. Свет, тусклый и еле различимый, но свет. Мы стояли на пороге маленькой комнаты, похожей на келью. Я выглянул из-за плеча Кемока. На краю узкой кровати сидела она и ждала нас. В ней не было той свежести, улыбчивости, нетронутой красоты, что у той, в саду. Опыт тоже отложился на лице этой девушки, но иначе. Красота ее не была похожа на оружие, она словно и не догадывалась о ней. Губы ее разомкнулись и безмолвно произ-

несли два имени. После этого Каттея вскочила на ноги и побежала к нам, протянув руки к обоим.

— Быстрее, о, быстрее! — шепот ее был еле слышен. — У нас так мало времени!

На этот раз никаких сомнений не было. Я схватил Каттею за руку, никаких галлюцинаций! Наша сестра! Затем мы втроем нырнули в темноту, выбрались на свежий воздух ночного сада. Той, второй Каттеи, не было. «К стене, в рощу» — она все время мысленно поторапливала нас. Каттея подобрала длинный подол платья, с треском отдирая его от кустарников, за которые он цеплялся, словно хотел задержать беглянку. Теперь мы уже ни от кого не прятались, главное — скорость. Задыхаясь от усталости, мы добежали до того места, где спрятали своих торских скакунов. Как только мы оседлали лошадей, раздался глухой звук колокола. Чем-то он напоминал те раскаты, что мы слышали прошлой ночью во время движения гор. Лошади наши заржали, будто испугались повторения кошмара. Мы поскакали прочь от этого места, и я прислушивался ко всем посторонним звукам — но гром не грянул, земля была спокойна. На всякий случай я спросил Каттею:

— Какая будет погоня?

Волосы ее развевались, глаза блестели. Она повернулась ко мне.

— У них есть другие слуги, но сегодня их нет...

Даже торские скакуны еле выдерживали ту скорость, с которой мы неслись по долине. Я знал, что они волнуются и могут встать на дыбы. И на то были свои причины. Я вложил все свое умение обращаться с животными в то, чтобы успокоить их, восстановить равновесие.

— Отпустите поводья! — приказал я. — Они пойдут сами — отпустите поводья!

За наших с Кемоком лошадей я не боялся, но в той, на которой скакала Каттея, уверен не был. Торские скакуны подчинились не сразу. Сначала они продолжали нестись во весь опор, но, почувствовав мой приказ, начали успокаиваться, а

затем перешли на шаг. Над головами вдруг раздался режущий ухо вой — услышав хоть раз в жизни голос снежного барса, никогда его не забудешь. Они, безусловно, некоронованные владыки гор. Но непонятно, что ему нужно в здешних краях, так далеко от тех мест, где он привык охотиться. Может быть, тот зов, что заставил нас покинуть границу, услышали животные и покинули привычные места обитания?

Мой конь встал на дыбы, заржал, словно барс очутился перед его мордой. Кемок тоже с трудом справился со своей лошадью. Но скакун моей сестры как ветер пронесся мимо нас, и остановить его, как я ни старался, было невозможно. Его переполнял ужас. Вероятно, он представил, что снежный барс приготовился к прыжку и выбрал его своей жертвой. Необходимо было укротить скакуна Каттеи — я связался мысленно с сестрой и попытался усмирить ее коня. Это оказалось нелегким делом, так как мне нужно было удерживать собственного. Наконец удалось приказать ему пересилить страх перед барсом.

Я оглянулся на Кемока и произнес сквозь стиснутые зубы:

— Мы можем не справиться с лошадьми!

— Была ли это уловка колдуний? — спросил он.

— Наверняка. Будем скакать, сколько сможем.

И мы помчались дальше, с Кемоком во главе, по той дороге, что он выбрал заранее. Я держался чуть поодаль на случай нападения. Лишь усилием воли я удерживал себя в седле, валясь от усталости и напряжения, я, который верил, что силен настолько, что в состоянии выдержать все, особенно в последние дни существования Эсткарпа. Каттея ехала молча, она давала нам силы двигаться к цели.

Глава 5

Свет! Может быть, занимается заря? Нет, не похоже... Огонь! Прямо перед нами! Кемок натянул вожжи, Каттея поравнялась с ним, чуть позже я встал рядом. Зловещая огненная

стена преградила нам путь. Лошади под нами опять забеспокоились, начали пофыркивать, мотать головами! Заставить их пройти сквозь эту стену невозможно. Каттея медленно оглянулась по сторонам, словно искала ворота среди огня. Затем она издала звук, похожий на смех.

— Неужели они решили, что я так глупа? — властно спросила она, но не у нас, а у самой природы. — Не верю! Ничему этому не верю!

— Иллюзия? — спросил Кемок.

Да, но я ощущал запах дыма, слышал, как потрескивают языки пламени. Сестра кивнула. Теперь она смотрела на меня.

— Мне нужен факел!

Лошадь чуть не сбросила меня, потом понеслась прочь. Я с трудом заставил ее остановиться, успев сорвать на ходу сухую ветку. Отдав ее Кемоку, я достал из поясной сумки спички и запалил. Ветка загорелась не сразу, словно не хотела подчиняться моей воле. Наконец она вспыхнула, Каттея выхватила ее из руки Кемока и начала размахивать ею в воздухе, чтобы получился настоящий факел. Затем она поскакала вперед. Я заставил ее скакуна ринуться прямо к огню. Каттея размахивала своим необычным оружием из стороны в сторону, и вскоре появилась новая, созданная сестрой, стена пламени. Две огненные преграды шли друг на друга, словно их притягивала какая-то неведомая сила. Но как только яростный огонь столкнулся с тем, что зажгла наша сестра, он моментально исчез!

Продолжал гореть лишь факел... Каттея снова засмеялась, и на этот раз в ее голосе звучало удовлетворение.

— Детские игры! — закричала она. — Не могли придумать что-нибудь получше, колдуньи?

Из горла Кемока вырвался крик протеста, он поскакал к ней, протянув свою несгибающуюся руку вперед.

— Не дразни их! — приказал он. — Нам повезло.

Когда она посмотрела на него, а потом перевела свой взгляд на меня, глаза ее светились, но лицо приняло какое-то отчужденное выражение.

— Вы не понимаете, — холодно повторила она. — Лучше сейчас сразиться с ними, когда они слабы: потом, когда мы устанем, они наоборот соберутся с Силой. Нельзя ждать того момента, когда они сами захотят сразиться с нами!

Она была права. Боюсь, что Кемоку так не казалось. Он, вероятно, решил, что наша сестра, вырвавшись после долгого заточения на свободу, опьянела от нее. Она заговорила снова.

— Нет, братья, свобода не опьянила меня, как того салкара, что сошел на берег после долгого плавания и на радостях выпил много вина! Хотя так вполне могло быть. Доверьтесь мне: я узнала достаточно хорошо тех, с кем прожила все это время. Нам бы не удалось спастись сегодня ночью, не потеряй они так много Силы. С ними надо сразиться сейчас, когда они слабы — иначе потом они уничтожат нас.

Она начала напевать какие-то заклинания, опустив поводья. И странно было наблюдать за торским скакуном, который стоял под ней как вкопанный, словно его лишили жизни. Некоторые из слов, которые она напевала, были мне знакомы, имели смысл, другие были непонятными и чужими. Но они значили многое. Я с ужасом ждал чего-то страшного — на вражеской территории, где за каждым камнем нас поджидала смерть, могло произойти все, что угодно. По спине пробежал холодок — нервы были на пределе. В другой ситуации я бы знал, как действовать, но сейчас приходилось сидеть и ждать, а ждать неизвестное — это так ужасно! С каждым моментом напряжение нарастало.

Каттея вызывала Силу, притягивая ее невидимыми нитями к себе, как магнитом, чтобы поглотить ее нашей совместной Силой так, как это сделал наш огонь с их иллюзией. Но удастся ли нам победить их на этот раз? Я знал, колдуньи способны на многое, и начал сомневаться в том, что Каттея пересилит их. Вот-вот весь мир восстанет против нас. Но в ответ на заклинания моей сестры не разразилась буря, сметающая все на своем пути, не появились галлюцинации и иллюзии. Внешне ничего не произошло. Но появился... страх. Черный, сковывающий

страх — самое опасное оружие против разума, способное уничтожить все, что живет в душе человека.

Киллан! — Кемок!

Немного помедлив, я ответил на послание.

Нас было трое, но мы были одним целым, пусть чуть неуклюжим и потрепанным, но целым — против скольких? Но с чувством единения пришла и поддержка Каттеи — нам не нужно нападать, нам придется лишь защищаться. Если мы выстоим, продержимся, не сдадимся, то у нас остается надежда на победу. Это было похоже на схватку борцов, когда один противопоставляет другому всю свою силу. Я утратил чувство собственного «я». Киллан Трегарт, капитан разведотряда, стал частью нас троих и ждал... Вдруг, после вечности ожидания, пришло сообщение:

Расслабься.

Я подчинился безоговорочно. Потом неожиданно, откуда-то сверху — резко, со всего маха:

Объединиться — держись!

Мы чуть не упали. Но как борец может применить какое-то неожиданное движение, для того, чтобы свалить противника с ног, так и Каттея выбрала подходящее время и тактику. Она лишила противника равновесия. Еще одно усилие, мы опять устояли на ногах; волна ударов, один за другим, но я чувствовал, что с каждым разом они становились медленнее и слабее. Потом все исчезло. Мы посмотрели друг на друга, оглядели себя с ног до головы — трое людей, три человеческих тела — целы и невредимы. Первым заговорил Кемок.

— На какое-то время... — Каттея кивнула.

— На какое-то время — но на сколько, не могу сказать. Будем надеяться, что мы выиграли достаточно времени.

Мы отправились дальше, и настоящее утро приветствовало нас рассветом. Торские скакуны устали, и мы не подгоняли их. Перекусили на ходу тем, что осталось от пайков. Мы почти не разговаривали, берегли силы для того, что могло быть впереди.

На горизонте стали вырисовываться восточные горы, темные и мрачные. И я знал, что впереди нас ждет последняя стена между Эскарпом и Неизвестностью. Что лежит там? Из того, что удалось выведать в Лормте, было ясно, что за горами ждала какая-то опасность. А может, время уменьшило ее? И лучше ли мчаться от того, что мы знали, в неизвестность, которая может оказаться во много раз опаснее?

Наступил день. Мы старались держаться подальше от селений. На наше счастье ферм здесь почти не было. Многие поля поросли лесом. Все реже встречались признаки человеческого вмешательства в природу. Горы стали принимать угрожающие размеры. И хотя мы почти приблизились к их склонам, сами они были далеко. Казалось, что они покоятся на некой огромной платформе, которая движется со скоростью, равной нашей, и уносит их вперед. Весь день я ожидал следующего проявления Силы, пытаясь разглядеть хоть какие-нибудь признаки охоты на нас. Я не верил, что она была до такой степени истощена, что не в состоянии нас перехватить, не дать уйти на восток. Но мы ехали без чьего-либо вмешательства. Мы остановились, чтобы дать лошадям передохнуть, а самим поспать по очереди, и снова отправились в путь. Все вокруг дышало ожиданием, вдруг мимо нас пробежала какая-то странная зверюшка и скрылась в зарослях. Чутье подсказывало мне: опять что-то не так. Нас поджидает опасность...

— Может быть, — ворвался в мои мысли Кемок, — они не понимают, что мы не заблокированы против востока, и до сих пор верят в то, что мы направляемся прямиком в ловушку, и спасения для нас нет — вернемся обратно к ним в руки.

Возможно, брат прав. Но я не мог полностью согласиться с ним. И, устроившись на ночлег, не разжигая огня, на берегу горного ручья, я продолжал всматриваться в ночь с таким чувством, что придет облегчение, если они атакуют нас.

— Думать так, Киллан, — прозвучал голос Каттеи, которая склонилась к ручью, чтобы умыться, — значит открыть себя

для атаки. Нерешительность человека — это тот рычаг, при помощи которого они могут сломить его.

— Не приняв мер предосторожности, мы не можем ехать дальше, — возразил я.

— Да, но они всегда будут держать открытой маленькую дверь. И эту дверь нам никогда не закрыть, брат. Скажи мне, где находится то место, где мы должны укрыться от них?

Каттея удивила меня. Она что, думает, что мы вызволили ее из Места Власти только для того, чтобы вслепую скакать по стране, не имея никакого плана действий?

Она рассмеялась.

— Нет, Киллан, я высоко ценю ваши умственные способности. Я знала, что у вас есть определенный план действий с того самого момента, как вы позвали меня из-за крепостной стены Места. Я знаю, все дело в этих горах, к которым мы так стремились. Но теперь настало время мне обо всем узнать.

— Идея принадлежит Кемоку, пусть он...

Она стряхнула капли воды с руки на высохшую под солнцем траву.

— Тогда пусть Кемок расскажет обо всем.

И мы уселись рядом перекусить, и Кемок поведал ей всю историю с самого начала, рассказал о том, что ему удалось узнать в Лормте. Она внимательно слушала, не прерывая его вопросами, потом, когда он закончил, кивнула.

— Я могу продолжить твой рассказ, брат. До последнего часа, до того, как добрались до этого места, я ехала вслепую...

— Что ты имеешь в виду? — Она посмотрела на меня.

— Я уже сказала, Киллан. Я ехала сквозь мглу. О, иногда я различала дерево, или куст, или камни. Но в основном это был туман.

— Но ты ничего не сказала!

— Нет, потому что понимала, что это иллюзия, которая не коснулась вас. — Она завернула часть пирога в салфетку и положила его в сумку. — И это подстроили не они. Вы говорите, что наше сознание не заблокировано против востока, пото-

му что мы не чистых кровей. Я согласна с этим. И мне кажется, что на меня повлияло обучение у колдуний, а если бы я приняла Клятву, я бы стала полностью принадлежать им...

— А если ты и дальше не будешь видеть так, как мы? — взволновался я.

— Тогда вы поведете меня, — тихо ответила она. — Если это вызвано какой-то прежней пустотой, пробелом в сознании, то не верю, что это надолго — надо только преодолеть барьер, пройти через горы. Но теперь я с тобой полностью согласна. Кемок. Они успокоятся, прекратят охоту на нас, так как убеждены, что мы вернемся назад. Они не понимают, что по крайней мере двое из нас могут свободно пройти в Никуда!

Я не мог полностью разделить ее убежденности, но из опыта Стража Границы знал: от того, что будешь гадать о будущем, твоя жизнь не продлится ни на секунду, и ход событий тоже не изменится ни в плохую, ни в хорошую сторону. Ее объяснения по поводу того, что вокруг нее словно туман, были мне понятны. Но сможем ли мы без труда пробраться на свободу? Идти через горы вслепую — поступок отчаянный. Кемок задал вопрос, который крутился у меня в голове.

— Этот туман — какой он? Ты сказала, что видишь какие-то предметы?

— Не знаю. — Каттея покачала головой. — По-моему, это зависит от воли. Стоит мне сосредоточиться на чем-нибудь, чего почти не вижу, на размытых очертаниях, и заставить себя всмотреться, очертания становятся четче. Но это требует концентрации, которая может сработать против нас.

— Каким образом? — спросил я.

— Потому что я должна слушать...

— Слушать? — я тоже поднял голову и напряг слух.

— Не при помощи ушей, — быстро ответила она, — а внутренним слухом. Сейчас они не надвигаются на нас, они предпочитают выжидать. Но думаете, они будут вести себя так и тогда, когда мы отправимся на восток, и они узнают, что их границы нас не удерживают? Думаете, они отступят?

— Интересно, кто-либо раньше отказывался от колдовства? — поинтересовался Кемок. — Совет должно быть так удивился, узнав, что ты сбежала, как если бы против них восстал один из камней городской стены Эса. Но зачем им было удерживать тебя против воли?

— Это довольно просто объяснить — я оказалась не совсем такой, как они. Поэтому сначала они не проявляли ко мне особого интереса. Некоторые в Совете считали, что я подорву их авторитет, если окажусь в их рядах. Потом, когда угроза из Карстена стала нарастать, они готовы были на любую дополнительную силу, чтобы их общая Сила приумножилась. Итак, они решили учить меня своему ремеслу, чтобы с моей помощью их Сила, накапливаемая веками, обогатилась. Но до тех пор, пока я не приняла Клятвы и не стала одной из них, подавив свое «я», они не могли использовать меня в своих целях. Я откладывала этот момент как могла. Но при этом... — Она замолчала, скрыв лицо в руках, лежащих на коленях. Она сцепила пальцы, словно боясь уронить голову. — Я хотела... ну, узнать то, что знают они! Каждой клеточкой своего организма я стремилась впитать все их знания, ведь я была уверена, что тоже могу творить чудеса. Но потом я вдруг вспомнила о том, что, выбрав их путь, я потеряю часть своей жизни. Как вы считаете, тот, кто был частью трех, сможет ли быть счастлив один? И я замкнулась, не отвечала на их вопросы. И наконец пришло то время, когда они решились выступить против Карстена. Они объясняли мне — применение Силы с использованием энергии людей означает, что многие погибнут, они послужат сосудами, из которых будут черпать энергию. Им потребуется замена, поэтому выбора у меня не было. А теперь, после полного истощения, они тем более не позволят мне уйти, если у них хватит сил. И еще... — Она подняла глаза и посмотрела на нас. — С вами обоими они обойдутся безжалостно. Они всегда в глубине души не доверяли нашему отцу и боялись его — я узнала об этом, когда попала к ним. Для них противоестественно то, что муж-

чина может обладать, пусть и частично, Даром. И еще больше они не доверяли нашей матери за тот талант, который она обрела с помощью отца, тогда как по всем их правилам она должна была утратить колдовской Дар, отдав свою жизнь мужчине. Они даже испытывали отвращение к этому, так как считали это противоестественным. Они знают, что вы тоже обладаете неким Даром. И после прошедшей ночи и дня они еще больше озлобятся — и на то у них будет основательная причина. Ни один мужчина не может войти в Место Власти и, тем более, выбраться оттуда. Их охрана, безусловно, была истощена, но любой ценой они должны были убить любого мужчину, проникнувшего в замок. Итак, вам нельзя доверять, вы враги, вас следует уничтожить!

— Каттея, что за девушка была там, в саду? — неожиданно спросил Кемок.

— Девушка?

— Ты, и в то же время не ты, — ответил он. — Я поверил ей — чуть не забрал ее и не ушел. Киллан не позволил мне сделать это. Почему? — Он повернулся ко мне. — Почему ты не поверил ей?

— Сначала мне просто показалось. Потом... Она словно была запрограммирована. Она так вцепилась в тебя, будто перед ней была поставлена задача — удержать тебя...

— Она была похожа на меня? — спросила Каттея.

— Как две капли воды — такая же нежная, улыбалась. Но... теперь я понял — ей не хватало человечности.

— Призрак, мое подобие! В таком случае, они ждали вас, знали, что вы попытаетесь прийти мне на помощь и вызволить оттуда! Но для того, чтобы создать такого двойника, требуется очень много времени. Интересно, кто из новообращенных это был на самом деле?

— Перевоплощение? — спросил Кемок.

— Да. Но еще сложнее, ведь они должны были сделать ее такой, чтобы вы ничего не заподозрили. К тому же мы общаемся мысленно — они узнали и об этом? Да, скорее всего! И это

многое доказывает — теперь они более чем уверены, что вы враги. Интересно, когда они догадаются, что мы не в ловушке, и кинутся за нами?

На этот вопрос ответа у нас не было. Но на душе стало как-то неспокойно. Ручей журчал в темноте, лошади мирно жевали траву, а мы всматривались в темноту, но ничего подозрительного не видели.

Наступило утро, и для нас с Кемоком оно было солнечным, Каттея же видела сплошной туман перед глазами. Она почти не ориентировалась, когда мы стали взбираться на лошадях на склон горы. Наконец она попросила привязать ее к седлу и вести ее лошадь — она боялась, что желание повернуть назад станет таким сильным, что захлестнет ее, и она не сможет контролировать себя. Мы тоже чувствовали себя неуютно. Иногда что-то странное начинало твориться с нашим зрением, и нам казалось, что мы смотрим вниз и видим там Место Власти. Возникало такое чувство, будто мы скачем в темноту, но мы упорно пробирались вперед. Мы сделали так, как попросила нас Каттея, и иногда она пыталась вырваться, один раз закричала, что прямо перед нами притаилась смерть — бездна, хотя на самом деле ничего подобного мы не видели. Наконец она закрыла глаза и заставила нас завязать их платком, сказав, что, погрузившись в себя таким образом, она сможет справиться с приступами страха.

Еле заметная горная тропа вскоре исчезла, и нам пришлось пробираться сквозь настоящие дебри. Я долгое время жил в горах, но меня поразила неестественность природы в здешних местах. Мне показалось, что я понял причину этого. Горы на юге сдвинули с места, перетрясли; наверное, то же самое проделали и с этими горами.

Наступил вечер второго дня с того момента, как мы покинули привал у ручья, когда мы наконец добрались до того места, где лошади уже не могли идти. Стало ясно, что наверх придется взбираться пешком. Мы опечалились.

— Почему мы остановились? — спросила Каттея.

— На лошадях дальше не пройти, придется подниматься без них.

— Подождите! — она вытянулась как струна. — Развяжите мне руки!

В ее голосе и движениях была такая решимость, что Кемоку пришлось подчиниться. Словно в состоянии видеть, несмотря на слепоту, ее пальцы коснулись его бровей, потом глаз, которые он закрыл. Она долго держала на них свои руки, прежде чем проговорила:

— Повернись лицом туда, куда следует идти.

Не раскрывая глаз, брат медленно повернул голову налево, в сторону отвесной скалы.

— Да, да! Теперь вижу! — в голосе Каттеи чувствовались радость и надежда одновременно. — Этой дорогой нам и нужно идти!

Но каким образом? Мы с Кемоком еще могли справиться с таким подъемом, хотя меня и волновала его поврежденная рука. Но Каттея — ничего не видящая, да к тому же связанная — это невозможно.

— Не думаю, что меня придется тащить на себе, — возразила Каттея в ответ на мои безмолвные сомнения. — Пусть пройдет эта ночь, дайте мне собрать всю свою силу, а потом, с рассветом, попробуем. Я уверена: мы пройдем.

Я не разделял ее уверенности. Скорее всего, с рассветом, нам придется не взбираться на гору, а отступать назад и искать другой путь среди кошмарных дебрей древнего поля битвы.

Глава 6

Спать я не мог, хотя понимал, что для тела это необходимо — но разум противился. В конце концов я встал и направился туда, где неподвижно сидел Кемок.

— Ничего, — ответил он, хотя я и не успел задать свой вопрос вслух. — Может быть, мы уже на неведомой земле, и нам не надо больше бояться преследования.

— Хотел бы я знать сейчас, на чьей границе мы находимся. — Я посмотрел на вершины, которые завтра нам предстоит покорить.

— Друзья или враги? — он протянул руку к своему мечу, блеснувшему в лунном свете.

— Стрелы тоже нам пригодятся. — Кемок поднял свою поврежденную руку.

— Если ты думаешь об этом, брат, не стоит меня недооценивать. Я научился многому за это время. Если человек настойчив, он может овладеть и левой рукой в совершенстве. Завтра я перевешу клинок на другую сторону.

— У меня такое чувство, что нам придется пробивать себе дорогу мечом.

— Возможно, ты прав. Но лучше меч там, чем то, что осталось за нашими спинами.

Я огляделся. Ярко светила луна. Так ярко, что становилось не по себе. Мы находились в долине между двумя скалами. Кемок занял свой пост на выступе чуть выше человеческого роста. Оттуда можно было видеть то, что находилось над нами и ниже, откуда следовало ждать погони.

— Поднимусь повыше и посмотрю оттуда, — сказал я Кемоку.

При ярком свете луны я хорошо ориентировался. Склон был довольно каменистым, со множеством выступов, и я без особого труда стал взбираться наверх. Наконец остановился и посмотрел на запад. Весь день мы потратили на то, чтобы подняться к этому месту. Теперь дебри уже казались редкими рощицами, все было видно. Я вытащил из-за пояса бинокль и стал внимательно осматривать местность.

Я увидел костры! Они даже не пытались спрятаться, а может, их зажгли специально, чтобы мы знали, что нас ждут. Я насчитал около двадцати костров и ухмыльнулся. Да, высоко нас ценят те, кто направил за нами такую орду. По опыту службы на границе я знал, что там должно быть больше ста человек. Интересно, а сколько среди преследователей тех, с кем мы

воевали бок о бок? Есть ли кто-нибудь из моего небольшого отряда? На юге теперь делать особо нечего, и их могли послать сюда. Но в ловушку мы еще не попали. Я стал изучать отвесную стену над собой. Подъем будет нелегким. А те, кто ждет нас, останутся ли у той линии, что проведена для Эскарпа, или пойдут за нами?

Я спустился к Кемоку.

— Итак, они там...

Мысленный контакт моментально передал новость.

Около сотни воинов, если не больше.

— Интересно, сунутся ли они за нами?

— Лучшего места для подъема я не нашел.

Мне не пришлось выразить свои опасения вслух: Кемок уже услышал меня.

— Поверь Киллан, она сможет забраться наверх.

— Но как, она ведь не видит?

— Нас двое, у нас есть веревки, и не забывай о мысленном контакте, он будет служить ей вместо зрения. Будем продвигаться вперед медленно. И забудем о дороге назад, ее для нас нет.

Я улыбнулся.

— Зачем мы тратим слова? Ты ведь читаешь мои мысли...

Он прервал меня:

— А ты мои?

Я задумался. У нас с ним был контакт, я мог общаться с ним и Каттеей, но только в тех случаях, когда нужно было что-то спросить или ответить, либо если дело касалось нас обоих. Но если он не хотел, я не мог прочитать его мысли.

— Я тоже, — добавил он. — Когда требуется, мы можем быть одним целым, но мы три разных человека — каждый со своими мыслями, чувствами, проблемами, а возможно и судьбами.

— Но ведь это здорово! — воскликнул я, не раздумывая.

— Иначе и быть не может, не то мы были бы одержимыми — ходячими мертвецами, которых колдеры использовали для того, чтобы те работали и воевали за них. Тела их были

послушны, а душа и сознание мертвы. Достаточно того, что мы можем раскрыть часть своих мыслей друг другу, если нужно, но что касается остального — это личное.

— Завтра Каттея будет все видеть, даже если пойдет вслепую?

— Надеюсь. Но дело в том, брат, что открытые для другого мысли должны иметь поддержку воли, тогда мы преодолеем подъем. Не думаю, что ты один справишься с этим, мы разделим усилия воли поровну между собой. И... — он снова протянул к свету свою покалеченную руку, — не верь в то, что это будет мешать мне. Я приучил свое тело и плоть подчиняться духу!

В этом я не сомневался. Кемок встал, пристегнул оружие, и я занял его место, чтобы он немного отдохнул. Мы договорились, что Каттея не будет бодрствовать в эту ночь, ведь ей надо справиться с внутренней преградой, которая возникла во время ее пребывания у колдуний. Чем больше я всматривался в темноту, тем сильнее притягивала меня долина. Мертвенно-бледный свет действовал ослепляюще — появилось то искажение, что мне уже доводилось видеть. Еще немного, и я поддамся действию чар, затеряюсь среди этих видений. Надо взять себя в руки и не обращать внимания на долину.

Немного погодя я спрыгнул с выступа и начал ходить взад-вперед, стараясь не смотреть ни на камни, ни на кустарники, ни на участки открытой земли. Я подошел к тому месту, где паслись торские скакуны. Двигались они медленно, и я ощутил, что их сознание притуплено. Такого раньше не случалось — и дело не в том, что они были сильно переутомлены. Наверное, на животных тоже действовал в какой-то мере тот запрет, который мешал Древней расе даже думать о востоке. Мы не можем взять их с собой. Но они могут послужить нам еще немного. Я быстро развязал путы, затем оседлал и обуздал коней. Они понемногу приходили в себя. Когда я собирался отдать им последние приказания, за моей спиной раздались какие-то странные звуки. Я резко повернулся, схватившись за оружие. Позади стояла Каттея — она срывала повязку с глаз. Последний рывок,

и она идет ко мне, вглядываясь в темноту и силясь разглядеть меня сквозь пелену тумана.

— Что... — начал было спрашивать я, но она остановила меня нетерпеливым движением руки.

— Для того, чтобы твой план сработал, — тихо произнесла она, — на лошадях должны быть всадники, брат.

— Чучела? Да, я думал об этом, но под рукой нет никакого подходящего материала.

— Чтобы создать иллюзию, он не обязателен.

— Но ведь у тебя нет колдовского Камня, — возразил я. — Разве без него ты сможешь создать подобную иллюзию? — она нахмурилась.

— Может быть, и не смогу, но убедиться в этом надо, попробовав свои силы. Наша мать утратила свой Камень в день замужества, но многого смогла добиться и без него. Возможно, Камень и не является средоточием Силы, как нас заставляли думать колдуньи. Конечно, у меня нет их опыта, но я уверена, что невозможно измерить то, чего можно добиться усилием воли, желания и Силы. Если привыкаешь пользоваться чем-либо, то кажется, что без этого уже не обойтись. Теперь... — она сорвала серебристый листок с ближайшего куста. — Положи сверху несколько волосинок со своей головы, Киллан, но вырви их с силой, чтобы они были с корнем — живыми. И смочи их своей слюной.

Тон ее не допускал возражений. Я снял шлем, прикрывавший лоб и шею, ощутил прохладу ночного ветерка. Вырвал несколько волосков, положил их на листок, затем плюнул сверху.

Каттея направилась к спящему Кемоку, разбудила его и заставила проделать то же самое. Потом повторила все сама. Держа на ладони три листочка, она пошла к лошадям. Правой рукой она скрутила первый листок и начала бормотать какие-то непонятные заклинания. Потом она сунула его между завязанными поводьями и седлом. И то же самое проделала с оставшимися двумя листками. Затем она отошла в сторону, поднесла руки ко рту — получилось что-то вроде рупора. И в этот живой

рупор она запела, сначала полушепотом, потом все громче и громче. И ритм этих звуков стал частью меня, и я почувствовал их в биении своего сердца, пульсации жил. Лунный свет осветил место, на котором мы стояли, яркой вспышкой. Каттея неожиданно оборвала свое пение.

— Теперь прикажи им, брат! Пусть они скачут прочь!

Я направил приказ в затуманенные головы торских скакунов, и они поскакали по долине, в сторону разожженных костров. И вдруг я увидел, что они несут в своих седлах трех всадников... Невероятно!

— Похоже, сестра, мы не знаем и половины из того, на что способны колдуньи, — заметил Кемок.

Каттея покачнулась и ухватилась за его руку. Он успел поддержать ее.

— Колдовство имеет свои преимущества. — Она устало улыбнулась. — Мы наверняка выиграли время — ночь, а может и больше. И теперь мы можем спокойно отдохнуть.

Мы донесли ее до импровизированной постели, которую устроили для нее заранее. Когда она закрыла глаза, Кемок оглянулся и посмотрел на меня. Даже мысленного контакта не потребовалось для того, чтобы понять друг друга — завтра не стоит рисковать и подниматься в гору. Если те, кто направил за нами погоню, обмануты, то у нас есть время.

Я встретил рассвет на своем сторожевом посту, на выступе скалы. Костры все еще горели, хотя и не так выделялись с восходом солнца. Я искал глазами лошадей. Казалось, что прошла целая вечность, пока я разглядел их в бинокль — они мчались по лощине. Я опешил — всадники на них были словно живыми, и будь я на месте ожидавших нас, то поверил бы в их существование. Они наверняка их увидели, обрадовались, что те возвращаются. Не буду гадать, насколько реальна иллюзия вблизи. Но на какое-то время мы в безопасности. Кемок присоединился ко мне, и мы по очереди стали следить за лошадьми до тех пор, пока они не скрылись за одним из холмов. Затем мы спустились вниз и стали осматривать скалу. Выступов на ней

было много, а недалеко от вершины можно было устроить небольшой привал. Но мы не знали, что нас ждет потом, какие препятствия и какие трудности.

Весь день мы отдыхали, собирались с силами, спали по очереди крепким сном — даже сны не тревожили нас. Каттея окрепла за это время, восстановила силы, потраченные на создание иллюзии. Под покровом ночи я снова взобрался на скалу. На этот раз костров я не увидел. Это могло означать одно из двух: либо они приняли иллюзии, созданные Каттеей, за реальных людей, либо разгадали нашу уловку, покинули место стоянки и теперь движутся к нам. Но тщательно обследовав каждый уголок местности при помощи бинокля, я не обнаружил ни единого признака погони.

— Я думаю, они действительно ушли, — уверенно сказала Каттея, словно стараясь убедить меня. — Но дело не в этом. Утром мы тоже выступаем, но вверх, в горы.

С рассветом мы отправились в путь. Провизию, оружие и пледы мы упаковали и взвалили на плечи. Каттею обвязали веревкой — она будет идти между нами — оставив руки свободными; поклажи у нее не было. Она сняла повязку с глаз, но по-прежнему не открывала их, стараясь «смотреть» только при помощи мысленного взора, так как туман все еще застилал ей глаза. Мы медленно начали взбираться на скалу — все осложнялось еще и тем, что приходилось концентрироваться не только на собственных усилиях, но помогать сестре. Она проявляла удивительную сноровку — несмотря на свою полуслепоту, ни разу не оступилась и точно выполняла все мои мысленные указания. Добравшись до одного из выступов, я почти обессилел и понял, что не смогу дальше подниматься за двоих. Кемок вслед за Каттеей взобрался на выступ и опустил руку на мое трясущееся колено.

— Отдых, — приказал он тоном, который не допускал возражений.

Я не мог рисковать их безопасностью, потеряв много сил. Поэтому, отдохнув, мы с Кемоком поменялись местами —

теперь он пошел впереди, лицо его стало сосредоточенным, должно быть, у меня было такое же: я вдруг ощутил, как ломит все тело... Кемок пошел первым, и это нас спасло, потому что оставшийся участок подъема оказался просто кошмаром. Я заставлял свое дрожащее тело подчиниться силе воли, прекрасно представляя себе, что может случиться — когда идешь в связке и оступаешься, тянешь за собой впереди идущего. Но наконец мы добрались до вершины, которая оказалась чем-то вроде большого плато.

Здесь дул холодный ветер — он осушил наши потные лица, взбодрил нас. Мы поспешили к расселине между двумя остроконечными вершинами. Каттея вдруг откинула голову назад и открыла глаза, вскрикнув от радости. Нам не потребовались слова, чтобы понять: ее слепота исчезла. Стало заметно холоднее. Кемок поддел носком сапога что-то белое — оказалось, это снег, несмотря на то, что стояло лето и внизу все изнывало от жары. Мы остановились, чтобы достать пледы и накинуть их на плечи. Это немного согрело нас, и мы двинулись дальше, и, дойдя до обрыва, заглянули вниз — в неведомый мир.

Мы глазам своим не поверили. Перед нами предстала искромсанная чужая земля, уходящая далеко вниз, в туман — и нельзя было разглядеть, что там — земля, вода или и то, и другое. Увиденное было похоже на какую-то тряпку, которую сначала изваляли в грязи, потом скомкали и дали высохнуть, и теперь все это было перепутано, смято, расходилось тысячью трещин во все стороны... Раньше я думал, что повидал горы, но представшая перед нашим взором земля была не похожа ни на что из ранее увиденного, а склоны, которые мы преодолели до этого, казались просто игрушкой. Каттея глубоко вдыхала незнакомый воздух — не потому, что задыхалась — она словно хотела выделить какой-то один запах из множества других, опознать его, как гончая или снежный барс, напавшие на след.

— Здесь есть... — начала было она, но затем передумала, — нет, я ничего не могу сказать. Но эта земля перенесла сильную

боль по воле или вине человека, а не природы. Только было это давным-давно, и сейчас она понемногу оживает. Давайте уйдем отсюда: я ужасно замерзла.

С одной стороны, испещренная трещинами местность была нашей союзницей — гора уходила вниз огромными каменными ступенями. Каттея обрела зрение, и спускаться будет намного легче, чем подниматься. Но ведь то, что находилось внизу, было окутано туманом, и это не придавало нам уверенности. И вот еще что: на преодаленном нами склоне горы была жизнь. Я видел свежие следы животных, пролетела какая-то птица... Но здесь признаков жизни не ощущалось. Мы спустились пониже и увидели первую растительность на этой земле — выглядела она, правда, как-то странно. Узкие листья кустарников были намного светлее тех, к которым мы привыкли у себя на родине, да и вид у них был какой-то болезненный, словно выросли кустарники из пораженных непонятным недугом семян. Мы вышли к скале над долиной и там решили остановиться на ночлег. Местность внизу казалась отсюда еще более неправдоподобной, чем сверху. Сначала вообще было трудно сказать, что это такое. Затем, внимательно оглядевшись вокруг, я понял, в чем дело. Скорее всего, это были деревья, потому что ни один кустарник не вырастает до такой высоты, но деревья странные. Им наверняка по несколько сотен лет — они заполнили всю долину, верхушки их почти касались наших ног. Когда-то в далеком прошлом это были обычные саженцы, но достигнув высоты приблизительно в десять футов, они вдруг резко отклонились вправо или влево. Развиваясь в новом направлении несколько футов, они снова устремлялись вверх, и так продолжалось бесчисленное количество раз — получились такие многоуровневые скрещенные гиганты, а той земли, на которой они стояли, даже не было видно. Чтобы преодолеть эту долину, нам придется идти по этим веткам-стволам, как канатоходцам: поскользнешься — и либо сломаешь себе шею, либо сядешь на кол — вершину растущего ниже дерева. Я покинул наш наблюдательный пункт.

— Нам потребуется целый день...

Каттея заслонила глаза рукой от последних солнечных лучей, отражающихся от скал.

— Ты прав. Но здесь холодно — где мы укроемся?

Кемок нашел подходящее укрытие в скале — небольшую расщелину, которую мы загородили камнями и протиснулись в нее. Огонь мы решили не разжигать. Кто знает, чьи глаза увидят костер там, где его не должно быть, и что может случиться? Мы легли на землю, Каттея между нами, и укрылись сверху пледами. Если в дневное время горы казались безжизненными, то ночью они ожили — неожиданно раздался рев снежного барса, упустившего свою добычу, потом крик совы откуда-то из долины. Но никто и ничто не потревожило наш сон. Мы часто просыпались, прислушивались, потом засыпали снова — так прошла ночь. На этой стороне гор она была намного длиннее.

Глава 7

Рано утром мы доели последние крошки хлеба, у нас осталось лишь по несколько глотков воды во фляжках, которые мы заполнили у горного ручья. Кемок встряхнул свою пустую сумку.

— Похоже, теперь у нас есть еще одна причина для того, чтобы продвигаться вперед, — заметил он.

Я провел языком по пересохшим губам и попытался вспомнить, когда в последний раз наедался досыта. Это оказалось делом нелегким, так как я перебивался на сухом пайке с тех пор, как по зову Кемока покинул свой отряд. Следы какой-либо дичи нам не попадались — лишь снежный барс выл в ночи, а там, где рыщет этот охотник, должна быть добыча. Я представил огромный кусок мяса на вертеле, стекающие с него капли жира... И это дало мне стимул — желание переступить опасную черту и идти в неизвестность...

Мы приняли необходимые меры предосторожности — обвязались веревкой, чтобы в том случае, если кто-либо из нас

поскользнется, подстраховать его. Но переход через эту долину деревьев-уродов не вселял в нас оптимизма. Нашей целью был не противоположный склон, нам нужно было спускаться вниз, держа курс все время на восток. Туман по-прежнему застилал все внизу, и нам оставалось лишь надеяться на то, что там есть равнина. Мне всегда казалось, что я неплохой скалолаз, но, лазая по горам, я обычно имел дело с камнем и землей. Теперь же под ногами были раскачиваемые ветром и прогибающиеся при каждом шаге гладкие стволы деревьев. И пройдя всего несколько шагов по этому лабиринту, я обнаружил, что кошмарная долина обитаема.

Раздался резкий стрекочущий крик, и с верхней ветки, за которую я только что ухватился, внезапно устремилось вниз какое-то крылатое существо, затем оно снова взмыло вверх и исчезло среди листвы. Каттея вскрикнула, а меня спасло от падения лишь то, что я держался за верхнюю ветку. Наше продвижение еще более замедлилось. Три раза мы отмахивались от этих летающих тварей. Нам пришлось даже сделать крюк в одном месте, когда мы увидели еще одного обитателя здешних мест — более уродливого — чешуйчатый, с узким длинным языком, дрожащим в зеленой пасти, кончик которого разделялся на три части; сам серебристо-зеленый, цвета той листвы, среди которой притаился, он смотрел на нас немигающими глазами. Не змея, нет — у него были небольшие конечности и когтистые лапы, которыми он цеплялся за ствол; тело вытянутое — в нем было что-то зловещее, но он не причинил нам зла.

Но всему приходит конец. Изможденные, истекающие потом, готовые упасть от усталости, мы шагнули с неустойчивой ветки на каменистый склон. Каттея, тяжело дыша, словно подкошенная рухнула на землю. Тела наши горели от множества царапин и следов хлестких ударов веток. Наша военная форма была достаточно крепкой, чтобы выдержать такой переход, но платье Каттеи порвалось во многих местах, а в ее волосах, выбившихся из-под платка, запутались сломанные веточки.

— Я похожа на жительницу Страны Мха, — проговорила она, осмотрев себя с ног до головы, и неопределенно улыбнулась.

Я оглянулся на проделанный нами путь.

— Да, больше эта страна ни на что не похожа, — усмехнулся я. Тишина, повисшая над нами, заставила меня повернуться к своим спутникам. Они оба уставились на меня так, будто я сказал что-то очень важное, сам того не понимая.

— Страна Мха, — повторила Каттея.

— Кроганы, тасы, люди Зеленой Тишины, фланнаны... — добавил Кемок.

— Но ведь это все легенды, предания — сказки, которые рассказывают детям, пугают тех, кто не слушается... — возразил я.

— Да, все это чуждо Эсткарпу, — сказала Каттея. — Но что ты скажешь о Вольте? Ведь до тех пор, пока Корис не нашел Пещеру и его самого, сидящего там, все считали, что это выдумка, небылицы. И топор Вольта, который Корис прихватил с собой, разве не из легенды?

— А женщины-моховицы, которые просят матерей понянчить детей и платят им за это золотом и наделяют удачей? А летающие существа, предающие пыткам тех, кто пытается проникнуть в их тайны? Создания, живущие в сумрачном подземелье, и заманивающие к себе людей, а люди, похожие на деревья... — Я вспоминал всякие обрывки из старых сказок, от которых становилось то смешно, то так страшно, что мороз пробегал по коже. Их рассказывали, собравшись у камина, в замке.

— Истории эти такие же древние, как Эсткарп, — сказал Кемок, — и вероятно имеют под собой реальную основу.

— Нам и так хватает всяких ужасов — давайте хоть сказки оставим в покое, — проворчал я. — А то будут мерещиться за каждым кустом всякие призраки!

Но воображение уже работало, да и сама эта земля действительно напоминала старые предания и легенды. Ведь Вольт оказался не выдумкой, а реальностью — Корис доказал это. И

чем дальше мы углублялись в эту страну, тем чаще вспоминались фантастические существа из детских сказок.

Мы добрались до нижнего склона, но характер местности не изменился, оставался изрезанным. Главное сейчас — найти воду. И хотя растительность стала значительно богаче, мы не встречали ни ручейка, ни родника, а жара становилась все нестерпимей. Туман не исчез, и мы видели перед собой лишь небольшой участок пути. Этот туман больше напоминал пар. Нам пришлось снять с себя шлемы и кольчуги. Не знаю, в какой момент я осознал то, что мы не одни в этом диком мире, окутанном туманом. Наверное, усталость и жажда притупили во мне навыки разведчика. Но ощущение того, что за нами постоянно наблюдают, становилось все отчетливее. Теперь я был уверен в этом, и приказал своим спутникам спрятаться в зарослях, а сам стал пристально всматриваться во все стороны, держа наготове оружие.

— Это где-то там... — Кемок тоже взял в руки меч. Каттея сидела, закрыв глаза, чуть приоткрыв рот, и вслушивалась в окружающее, но она слушала не ушами, а всем телом, всем своим нутром.

— Не могу понять, — шепотом произнесла она. — Контакта нет...

— Ушел! — я был уверен, что видел, как притаившееся существо, похожее на то, крылатое, что мы видели в долине, улетело прочь. Надо было продвигаться вперед, подальше от этих тварей. И мы стали спускаться в низину. Туман наконец-то рассеялся. Высокие деревья и кустарники сменились огромной поляной, покрытой густым, пружинящим под ногами серовато-мхом. Идти по нему было приятно, ноги утопали словно в мягком ковре. Раздавалось пение птиц, то там, то тут пробегали какие-то мелкие зверюшки. Так, дичь мы нашли, но воды по-прежнему не было видно. Затем мы наткнулись на первые следы человека — полуразрушенную стену, служившую, как мы решили, заграждением, так как за ней находилось по всей вероятности поле, заросшее высокой травой, среди которой можно

было заметить чахлые колоски пшеницы. Когда-то здесь была ферма. Мы пошли вдоль этой стены и вскоре вышли на открытое пространство. Солнце палило нещадно, и мысли о воде вытесняли все остальное. На ферме могла быть вода. Каттея споткнулась и ухватилась за стену.

— Извините, — тихо произнесла она. — Но я не могу идти дальше.

Я прекрасно ее понимал, но оставить ее одну в таком опасном месте, а самим идти на поиски воды... Кемок подхватил ее под руки.

— Вон туда, потерпи немного. — Он указал на деревья, под которыми можно было передохнуть в тени. Добравшись до них, мы огляделись по сторонам, и увидели, что удача сопутствует нам — стена в этом месте была увита виноградом. Спелые красные ягоды свисали огромными гроздьями — я знал этот сорт, его сочные плоды были терпкими и вяжущими на вкус, но хорошо утоляли жажду, и мы начали собирать их и отдавать Каттее.

— Где-то поблизости должна быть вода. — Я взял с собой оружие и фляжки.

— Киллан! — Каттея быстро проглотила полную горсть винограда. — Будь осторожен! Не теряй с нами контакт!

Кемок покачал головой.

— Мысленной связью надо пользоваться только в случае необходимости. Не стоит привлекать к себе внимание.

Значит, он тоже чувствует, что мы пробираемся не сквозь пустой мир, что вокруг нас ощущается чье-то присутствие — за нами наблюдают, нас изучают, выжидают момент...

— Я буду думать только о воде, ни о чем больше. — Не знаю, почему я прибег к таким заверениям, но они казались мне необходимыми. И я пошел, сконцентрировавшись на мыслях о ручье, на каком-нибудь роднике, рисуя в уме живую картину того, что я должен найти.

За этим полем, отгороженным стеной, и за участком, бывшим когда-то дорогой, я увидел другое поле. Присмотрелся

повнимательней и увидел пасущихся там антилоп. Самец был крупнее тех, что обитали у нас в Эсткарпе — его замысловато перекрученные рога отливали красным на солнце. Рядом с ним паслись три самки с небольшими блестящими черными рожками, четверо «подростков» и один годовалый детеныш. Вот онто и будет моей добычей. Стрелы — оружие бесшумное, лишь чуть свистят в воздухе при выстреле. Моя жертва дернулась и рухнула на землю. Секунду иди две его спутники удивленно смотрели на упавшего, изогнув шеи, затем их охватил страх, и они помчались в другой конец поля. Я перелез через стену и направился к добыче, свежеубитому животному. И услышал журчание воды — где-то поблизости есть ручей! Завернув теплое мясо в содранную шкуру, направился на этот звук. Не ручей, а целая река открылась моему взору. Я кубарем скатился с высокого берега к воде. Течение было быстрым, дно — каменистым. Я подбежал к воде, опустился на колени и стал жадно пить, черпая воду ладонями. Она была холодной, наверное, река текла с гор, и, утолив наконец жажду, я стал плескать воду на голову и лицо. Я никак не мог оторваться от живительной влаги, потом наполнил обе фляжки до краев и плотно закрыл их крышками, чтобы не потерять ни единой капли. Еда и вода — Каттея и Кемок ждут и то и другое. Нужно было возвращаться. Но в том месте, где я скатился к воде, берег был слишком крутым, чтобы забраться на него с тяжелой поклажей — мясом и увесистыми фляжками. Я пошел вдоль берега в поисках более пологого склона. Выйдя к тому месту, где река делала поворот, я обнаружил еще одно подтверждение тому, что земля эта была когда-то обжитой. Это были не развалины дома, но какое-то неизвестное мне строение — платформа из массивных блоков, заросшая травой и мхом, какие-то странные колонны, стоявшие не рядами, а концентрическими кругами. Интересно, над ними когда-нибудь была крыша? Из чистого любопытства я шагнул с земли на эту платформу и прошел между двумя колоннами.

Потом... Я прошел медленным размеренным шагом по одному кругу, и не смог остановиться. Круг за кругом, по спи-

рали, в глубь лабиринта, откуда исходило — не приветствие, а злорадное предвкушение того, что я иду прямо в пасть, в ненасытную утробу. Все во мне противилось этому, но я уже ощущал чье-то мерзкое дыхание, меня словно облизывали... Черное зло... Я закричал что есть силы, как голосом, так и мысленно, моля о помощи... И она пришла — я не был больше одинок. Силы вернулись ко мне, соединили меня с общей силой, теперь я не был один на один с этим чудищем — обитателем каменной паутины. Еще одно послание, и черное зло огрызнулось, обозлилось. Я ухватился за колонну, подался назад, нарушив механическое продвижение по спирали. Так, опираясь о колонны, я шел обратно, веря с каждым шагом в то, что имею защиту против этого мерзкого существа, которое я даже не видел. Оно потерпело поражение, это выводило его из себя. Добыча была совсем рядом, сама шла в руки. Оно почувствовало сопротивление, мою силу. Я добрался до последнего круга, когда оно снова напало на меня. Черное существо — я видел, как налетает что-то мерзкое и черное. Мне показалось, что я снова закричал, бросившись к выходу, собрав остатки сил. Я упал — в темноту, во мрак, в полную противоположность того, что значила для меня жизнь.

Я страшно болен — первая мысль, которая пришла мне в голову, когда я опомнился. Меня выворачивало наизнанку. Я открыл глаза — Кемок поддерживал меня под руки, потом положил на землю. Я приподнялся на локте и осмотрелся вокруг, боясь увидеть каменные колонны. Но вокруг было только поле, а над ним солнце, и ни облачка на небе — никакой угрозы. Каттея склонилась надо мной и приложила к моим губам фляжку с водой. Я попытался поднять руку, но у меня не хватило сил даже на это. Лицо ее было суровым и несколько отчужденным, рот плотно сжат. Кемок опустился на колено рядом с сестрой, глаза его горели.

— Зло... — Каттея обхватила мою голову обеими руками. — Но благодаря Силе, оно ушло к себе в нору! На этой земле существует опасность. И ее зловоние должно предупредить нас...

— Как я сюда попал? — прошептал я.

— Когда тебя забрали — или хотели забрать — ты позвал нас. И мы пришли. Ты, шатаясь, выбрался из этой ловушки, и мы утащили тебя подальше от гиблого места, ведь его сила может выходить за границы холодной паутины... — Она подняла руку, посмотрела по сторонам, глубоко вдыхая теплый ветер. — Никого нет, нам ничто сейчас не угрожает, мы в безопасности. Но ты вступил на место зла, очень древнего зла, а там, где есть одно зло, наверняка найдется и другое.

— Какое зло? — спросил я. — Колдеры? — произнося имя нашего старого заклятого врага, я был уверен, что наткнулся у реки на нечто совсем другое.

— Я никогда не видела колдеров, но не думаю, что это имеет к ним какое-нибудь отношение. Это зло, как... зло Силы! — она посмотрела на меня, словно сама не верила в то, что только что выпалила.

— Но такого не может быть! — воскликнул Кемок.

— Я тоже была уверена в этом до сегодняшнего дня. Но говорю вам, что породила это не какая-то посторонняя сила, а то, что мы знали всю свою жизнь, но в искаженном виде. Разве можно не узнать то, что я изучала, мое собственное оружие, пусть его и изменили? Но опасность таится именно в том, что вид его нам незнаком, в нем лишь крупица того, к чему мы привыкли. Но что все-таки произошло здесь, почему все так изменилось?

Ответа на ее вопрос не последовало. Она приложила ладонь к моему лбу, пристально посмотрела мне в глаза. И снова начала напевать что-то, вытягивая из меня, из тела и из души, оставшуюся тошноту и ужасные спазмы — осталось лишь чувство опасности и желание, чтобы случившееся со мной не повторилось в дальнейшем. Постепенно я пришел в себя, набрался сил, и мы двинулись дальше. Открытое поле было своего рода защитой, но приближалась ночь, и нужно было искать какое-нибудь убежище. Пройдя вдоль стены еще немного, мы увидели груду камней, бывших когда-то углом некоего строе-

ния. Мы с Кемоком соорудили подобие баррикады, а Каттея собрала немного хвороста. Вернувшись, она положила на камни какие-то травы.

— Здесь нет плохих запахов — когда-то здесь жил целитель, выращивал травы. Посмотрите, что я нашла. Вот это, — она прикоснулась к каким-то листочкам, — камнеломка, отличное средство от лихорадки, снотворное. А это, — она дотронулась до тонкого стебелька, — трехлистник, проясняет ум и обостряет все чувства. Наверняка здесь растут и другие целебные травы, доказательство тому вот эта — дурман, очень сильное снадобье...

Я знал, что по очень старому обычаю весной это растение высаживали у дома, а осенью собирали белые цветы, сушили и вывешивали над дверью и над входом в конюшню. Согласно поверью, это приносило удачу, оберегало от зла — их дурманящий запах отпугивал нечистую силу. И если сорвать или разломить это растение, то его резкий запах надолго сохранялся.

Каттея разложила костер. Я хотел было возразить — ведь мы могли привлечь чье-нибудь внимание — но Кемок покачал головой, приложив палец к губам. Затем она растерла между пальцами камнеломку и трехлистник и бросила получившийся порошок на хворост. Потом осторожно оторвала несколько цветков с дурмана и положила их сверху. Взяв ветку с оставшимися на ней цветками, она начала ходить вдоль нашей баррикады и обмахивать ею камни, затем воткнула ветку в землю, как флаг.

— Разжигайте костер, — приказала она. — Он только поможет нам этой ночью. Темным силам преградят дорогу дым и пламя.

Я поджег сухие ветки. К запаху дыма примешивался терпкий аромат трав. А немного погодя мы почувствовали еще один чудесный запах — жареного мяса. Каттея, наверное, на самом деле отпугнула всех обитателей — я больше не чувствовал на себе чьего-либо взгляда, никто не прислушивался к нам, не изучал нас...

Глава 8

Мы спали как убитые всю ночь — даже сны не приходили к нам — и проснулись бодрыми и полными сил, помня лишь о том, что надо быть начеку. Когда я открыл глаза, Каттея уже всматривалась в утреннюю даль, облокотившись на тот барьер, что мы соорудили вечером. Солнце не выглядывало из-за облаков, и в эти ранние часы над землей еще стоял туман. Сестра обернулась, услышав, что я проснулся.

— Киллан, как ты думаешь, что это такое?

Я проследил взглядом за движением ее руки. Чуть вдалеке, за небольшой рощицей, я увидел зарево — но не красное, как отблеск пожара или костра, а какое-то зеленоватое, таинственное.

— Оно не меняется — не ослабевает и не усиливается.

— Может быть, сигнальный огонь? — предположил я.

— Может быть. Указывающий путь или предупреждающий — для чего он?! Я не помню, чтобы мы видели его вчера вечером. Слушала — ничего, тихо.

Я знал, что, слушая, она напрягала все свое внутреннее чутье.

— Каттея...

Она обернулась и посмотрела на меня.

— Эта земля может быть полна тех ловушек, в которую угодил я. Наверняка она была закрыта для всех — да и сейчас по какой-то серьезной причине в нее не проникнуть тем, кто одной крови с нашей матерью.

— Ты прав. Я думаю, что нас сюда направила неизвестная внешняя сила, не только ваша воля, Киллан. Если судить по тем злым местам, одно из которых ты обнаружил, это волшебная страна. Оглянись вокруг. Разве ты не замечаешь, что эти поля притягивают к себе, облака манят?

Действительно, хотелось идти и идти по этим древним заросшим полям, погрузить руки в эту землю, ожидающую

прикосновения, переполняло желание стащить тяжелые шлем и кольчугу и бежать вприпрыжку, налегке, ощущая ветер и тепло под ногами... как в детстве... У меня не появлялось таких желаний с тех пор, как нас начал обучать Откелл.

Каттея кивнула.

— Видишь, брат? Разве можем мы отвернуться от той земли, что страдает от непонятной болезни? Мы знаем, что здесь есть места зла, но должны узнать и добро. Уверяю тебя, те травы, что я нашла вчера вечером, не могут расти там, где правят только Темные Силы.

— Дело не в том, волшебная это земля или нет, — раздался голос Кемока за нашими спинами, — у человека должно быть две вещи — убежище и запас еды. Не думаю, что мы сможем жить в этих руинах без крыши и стен. И на какое-то время нам придется стать охотниками, чтобы раздобыть себе пропитание. Да и о соседях следует узнать побольше.

Я согласился с ним. Всегда лучше быть уверенным в том, что тень, отбрасываемая деревом — всего-навсего тень, а не хитрая неприятельская уловка. Мы съели по куску мяса и гроздь винограда и приготовились к дальнейшему путешествию.

Перед тем, как покинуть наше убежище, Каттея сорвала еще немного трав и завернула их в лоскут, который оторвала от подола своего платья — теперь оно было чуть ниже колен.

Солнце по-прежнему едва проглядывало из-за облаков, и мы шли осторожно, стараясь держаться поближе к лесу. Каттея не чувствовала никаких посторонних запахов, лес жил своей обычной жизнью — пели птицы, пробегали какие-то зверюшки. Вскоре лес кончился, и мы вышли на открытое пространство. Перед нами заблестела река, над которой возвышалось первое настоящее строение, которое мы встретили на этой стороне гор. Оно напоминало те замки, что строили у нас в Эсткарпе — строгих пропорций, со сторожевыми башнями. Из узких оконщелей лился свет — там кто-то жил. Рассматривая замок, я поймал себя на мысли, что никакого желания разведать, что там внутри, не возникало. От него не исходило такое зло, как от

каменной паутины, в которую я попал... но явное предупреждение — совать в него свой нос чужаку не стоит. Возможно, там живут не враги, но там не будут рады пришельцам. Я и не могу объяснить, почему так подумал. Кемок согласился со мной.

Каттея погрузилась в себя, потом тряхнула головой.

— Туда не проникнуть даже мысленно... Не стоит пытаться узнать, что там. Всегда существовали силы, которые в действительности не добрые, но и не злые — они могут как убить, так помочь. Но иметь с ними дело рискованно, лучше не будить их.

Мне показалось, что за нами все-таки наблюдают со сторожевой башни. Мои спутники согласились с тем, что лучше вернуться в лес и под его прикрытием выйти к реке. Мы двинулись вниз по течению. Каттея все время принюхивалась к ветру, прислушивалась в постоянном ожидании сигналов опасности. Дождя не было, но тучи сгущались. Стало пасмурно. Я увидел свежие следы крупной лесной птицы, которая считалась отличной добычей у охотников Эсткарпа. Птицы эти очень осторожны, охотиться на них лучше в одиночку. Пообещав соблюдать осмотрительность и не попасть в очередную ловушку, я снял с себя шлем и кольчугу, чтобы бесшумно подкрасться к добыче, отвязал флягу. Птицы продолжали спокойно прохаживаться вдоль реки, я спрятался в камышах. Но вдруг я почувствовал опасность. Из-за реки ко мне подкрадывались какие-то черные существа — проворные, стремительные — не похожие на знакомых мне зверей. Они продвигались осторожно, их становилось все больше. Словно почувствовав мою нерешительность, они ринулись ко мне, нырнув в реку, рассекая воду узкими мордами. Скоро они выйдут на берег. Они охотятся не на птиц, на меня!

Опасность — голова не защищена шлемом — к ближайшему полю! После этого предупреждения я вскочил и рванулся к открытому пространству. Там с ними можно сразиться, а здесь будут мешать камыши! Кемок подсказал мне бежать направо. Я последовал его совету, и вовремя, так как несколько секунд спустя первая черная стая появилась из-за кустов у ог-

ромного поваленного дерева. Я продирался сквозь колючий кустарник — преотличное место для засады. Животные! Наверное, я все еще не мог прийти в себя после тех кошмарных колонн. Ведь я могу управлять животными, почему бы не попробовать сейчас. Я направил пробную мысль тем, что скрывались за деревом. Нет, это не животные — по крайней мере, не обычные животные! Тогда кто? От них исходило лишь кровожадное стремление убивать, раздирать на куски и пожирать — это не животные, но кто? Они неуправляемы — по отношению к ним только отвращение и страх... Я снова допустил ошибку — мой контакт разъярил их еще больше, подзадорил их аппетит. Их было много, очень много... Я хотел бежать, прорваться сквозь кустарник, который стал моей тюрьмой, не выпускал из своих зарослей, но продвигался медленно. Я приготовил стрелы, чтобы в случае нападения отбиться... Кустарник стал реже, наконец-то я на свободе, на открытом месте. Вдалеке я увидел Каттею и Кемока — они направлялись ко мне. Но за мной гонится целая стая... Сможем ли мы выстоять? Я споткнулся и упал. Каттея вскрикнула — я приподнялся и увидел, что черные твари несутся прямо на меня, безмолвно, не так как гончие, подающие голос на охоте, и эта тишина была такой жуткой, сверхъестественной. Коротконогие, но при этом быстрые, гибкие и проворные, гладкошерстные, с узкими головами и заостренными мордами; желтые клыки выделялись на фоне темной шкуры. Маленькие глазки горели злобным огнем. Не теряя времени и не вставая, я выстрелил. Вожак стаи закружился на месте, яростно кусая стрелу, вонзившуюся в его плечо. Но даже от боли эта тварь не закричала, не издала ни единого звука. Выстрел заставил всю стаю сначала остановиться, а затем отползти обратно в укрытие. Вожак остался лежать на земле, извиваясь в предсмертной агонии, потом затих. Я побежал к тому месту, где стояли Каттея и Кемок. Кемок держал оружие наготове.

— Охотники, — сказал он. — Откуда они взялись?

— Переплыли через реку, — ответил я. — Никогда не видел таких...

— Разве? — Каттея прижимала к груди пучок трав, словно все эти листочки, веточки и цветы служили защитой от опасности. — Ведь это *расти*.

— Расти? — Как можно сравнить грызунов величиной с палец с этими хищниками? Хотя, конечно, если не обращать внимание на их размеры, они похожи на этих грызунов. Ну, может, не совсем расти, но из того же семейства, и при этом гигантских размеров, еще более злобные, чем их меньшие собратья. Наверное, мутанты. Подумав так, я немного успокоился, чувство страха перед чем-то неизвестным прошло.

— А расти не так-то просто отказываются от своей добычи, — добавил Кемок. — Ты видел когда-нибудь, как они задирают домашнюю птицу?

Действительно, однажды мне довелось быть свидетелем такой схватки. Стало как-то не по себе. Окружали... да, они стали нас окружать, как тогда, на птичьем дворе. Они выползали из укрытия, прижимаясь животами к земле, как змеи...

Кемока предупреждать не надо — он выстрелил. Три черных твари подлетели в воздух, перевернулись и рухнули на землю. Надолго ли нас хватит? Сколько стрел понадобится? У нас есть мечи, но нельзя допустить, чтобы эти мерзкие существа подступили к нам так близко — тогда против них не выстоять.

— Не могу — Сила не действует на них! — взволнованно проговорила Каттея. — В них нет ничего из того, на что я могу воздействовать!

— Будем действовать вот этим! — Я снова выстрелил. Похоже, природа ополчилась против нас. Резко стемнело, и хлынул ливень, такой сильный, что нас словно били хлыстом. Но враг не отступал.

— Стойте — посмотрите вон туда!

Я промахнулся, оборачиваясь на крик Кемока, и зарычал на него, как снежный барс, упустивший свою добычу. Потом только я заметил, кто приближается к нам. Лошадь — по крайней мере в такой мгле это было похоже на лошадь — мчалась прямо на нас галопом. На ней всадник. Лошадь проскакала

между нами и стаей расти. Потом нас ослепило вспышкой молнии. Наверное, всадник призвал на помощь небесные силы, чтобы избавиться от ползущих тварей. Трижды молния ослепляла нас. Затем я увидел, что всадник на лошади удаляется — вскоре они скрылись в лесу, а с земли, опаленной грозным оружием, поднимались струйки дыма. Не проронив ни слова, мы с Кемоком подхватили Каттею и побежали прочь — подальше от этого места и от дождя. Мы укрылись под деревом и тесно прижались друг к другу. Каттея тихо произнесла:

— Это... это была Сила — не злая, добрая. Но она не откликнулась на мой зов! — В голосе ее прозвучала обида. — Послушайте, — ее пальцы вонзились в наши руки, — я вспомнила кое-что. Бегущая вода — если мы найдем такое место среди бегущей воды, и поблагодарим его, то мы спасены!

— Но эти расти хорошо плавают, — возразил я.

— Да, но мы будем среди бегущей воды. Надо быстрее найти это место.

У меня не было никакого желания возвращаться к реке. Похоже, все зло исходит именно от нее. Лучше попытать счастья, направившись вслед за всадником...

— Пошли! — Каттея потянула нас под хлесткие струи воды. — Поверьте, этот мрак, ветер и вода могут высвободить другие силы — нам нужно найти безопасное место.

Ничто не могло остановить нашу сестру, да и Кемок не противился ей. Мы вышли из укрытия, ливень обрушился на нас с тем же неистовством, с каким всадник метал молнии в кровожадных тварей. По крайней мере, мне удалось убедить Каттею в том, что надо идти в том направлении, в котором исчез всадник. Лес словно расступился, наверное мы вышли на какую-то дорогу или тропу, которая вскоре вывела нас к реке. Каттея стала пристально всматриваться сквозь пелену дождя в бурлящую воду и наконец увидела небольшой каменный островок. На нем можно было найти укрытие.

— Надо добраться до него сейчас, пока вода не поднялась, — сказал Кемок.

Сможем ли мы перебраться туда с оружием и поклажей на плечах? Каттея, не раздумывая, кинулась в воду. Она была уже по пояс в воде и боролась с течением, когда мы настигли ее. Мы добрались до островка и заползли на него обессиленные. Природа соорудила на острове отличное укрытие от дождя и некое подобие сторожевой башни. Попасть на берег можно было только с одной стороны, с других мы были надежно защищены отвесными скалами и рифами. Если расти сунут сюда свой нос, то для нападения они могут выбрать только одно место и не смогут окружить нас.

— Это место не подвластно злу, — сообщила нам Каттея. — Я тоже сооружу защиту. — Она достала из узелка веточку дурмана, крепко сжала ее в кулаке и прижала к губам. Затем она начала напевать заклинания. Опустившись на колени, она стала водить травой по тому месту, откуда мы вышли из воды, потом вернулась к нам, прислонилась к камню без сил, словно трудилась несколько часов подряд.

Ливень понемногу стихал, хотя вода вокруг нашего островка все еще бурлила. Продолжало моросить, потом все стихло.

Наши мысли занимал тот всадник, что пришел к нам на помощь. Каттея заявила, что он один из тех, кто использует Власть по назначению, хоть и не так, как она. Он не откликнулся на зов моей сестры, но и не проявил к нам враждебности. То, что нам оказали такую услугу, говорило о добрых намерениях. Всадник был первым жителем этой страны, с кем нам довелось встретиться, если, конечно, не считать обитателя каменной паутины и тех, кто жил в замке. Да и самого всадника мы не успели рассмотреть как следует из-за мрака и пелены дождя, хотя было очевидно, что это человек, что у него не было злобных намерений и что он знал, как справиться с расти. Больше о нем мы ничего не знали. Присутствие же лошадей в этой стране заставило меня задуматься. С тех пор, как я объездил своего первого пони — а было мне тогда всего четыре года — заставить меня ходить пешком было почти невозможно. Всю свою жизнь я провел в седле. Когда нам пришлось оставить торских

скакунов на той стороне горного перевала, я испытал чувство огромной потери. А теперь — если здесь есть лошади, то чем скорее мы их раздобудем, тем лучше! На конях нам нечего бояться расти! Завтра отправимся по следу этого всадника, выследим его, узнаем, что за люди живут в этих местах...

Посмотрите! Осторожно...

Два приказа, отданные Кемоком один за другим. На поверхности бурлящего потока появилась птица. Ее крылья блестели неестественно ярко — мне никогда не доводилось видеть подобное. Она нырнула, снова появилась на поверхности воды и направилась в сторону нашего прибежища.

Еда...

Мысль Кемока отозвалась во мне чувством голода. Воды теперь хоть отбавляй, но еды у нас нет — во время схватки с расти мы потеряли последние запасы мяса. Конечно, можно поймать какую-нибудь рыбу, но птица вот она, рядом... Крупная — мы можем неплохо поужинать сегодня вечером. Но стрелять сейчас рано — ее унесет течением. Брат приготовил оружие, но Каттея перехватила его руку.

— Нет! — громко крикнула она.

Птица была уже совсем близко, она снова нырнула и выбралась на берег, потом отряхнулась и заковыляла в нашу сторону. Вблизи ее оперение озаряло все вокруг своим блеском, излучало сверхъестественное сияние. Клюв и ноги были ярко красными, глаза большими и темными. Птица остановилась и сложила крылья, потом стала внимательно разглядывать нас, словно ждала с нашей стороны каких-то действий. Моментально расхотелось охотиться на нее. Каттея пристально смотрела на птицу, изучала ее. Затем она осторожно подняла правую руку, протянула ее к птице и вырвала блестящее перышко. Наша крылатая гостья вытянула шею и заглянула Каттее в глаза. Сияние стало еще ярче. Моя сестра произнесла какие-то слова — похоже, команду — и хлопнула в ладоши. Перед глазами появился мерцающий туман, затем он рассеялся. Птица исчезла — на каменном выступе покачивалось невиданное существо — ни птица, ни человек.

Глава 9

— Фланнан! — прошептал я, не веря собственным глазам. Существо, стоявшее перед нами, было точь-в-точь из сказки, которую нам рассказывали в детстве — человек-птица... С красными лапами и ногами, как у птицы, но больших размеров; человеческое тело, руки, но и крылья над ними и маленькие пальчики-коготки. Шея длинная и гибкая, но голова как у нас, хотя на лице вместо носа клюв. Вместо одежды — ослепительно белое оперение, по всему телу, за исключением рук и ног. Фланнан быстро заморгал и протянул к Каттее руки. Фланнан, крылатый человек... Я стал припоминать множество сказок и легенд, в которых упоминалось это крылатое племя. По отношению к людям они дружелюбны. По характеру очень подвижны, им быстро все надоедает, они не умеют на чем-либо долго сосредотачиваться, не доводят до конца ни одно из начинаний. Многие герои и героини в разных историях терпели неудачу, положившись на фланнана и приняв его помощь. Однако он никогда не вступал в союз с темными силами. Каттея начала бормотать, напевать что-то по-птичьи. Фланнан придвинулся к ней поближе, вытянул шею. Затем клюв его открылся, и он стал ворковать что-то в ответ. Сестра моя нахмурилась, задумалась ненадолго, потом ответила — фланнан защебетал громче. Снова пауза, еще какое-то щебетание — в его голосе чувствовалось нетерпение.

— Он отвечает, — сказала нам Каттея, — на мой зов. Но я не могу понять его. Не думаю, что он меняет облик по собственной воле.

— Он послан для того, чтобы следить за нами? — поинтересовался Кемок.

— Возможно.

— Тогда он может вывести нас на тех, кто направил его! — я по-прежнему думал о всаднике. Каттея засмеялась.

— Только в том случае, если он сам этого захочет — у тебя ведь не вырастут крылья, и ты не полетишь вслед за ним.

Она развязала узелок с травами, достала из него дурман и протянула его фланнану. Он вопросительно посмотрел сначала на траву, потом на Каттею. Сестра заметно повеселела.

— По крайне мере старые сказки нас не обманывают. Это не посланник какой-либо злой силы. Поэтому... — Она снова запела что-то — медленно, с расстановкой.

Фланнан завертел головой. Когда он защебетал в ответ, даже я смог разобрать некоторые звуки. Несколько раз Каттея одобрительно кивала, словно понимала то, о чем он хочет ей поведать.

— Он прислан, чтобы наблюдать за нами. В этой стране зло и добро существуют бок о бок, и иногда зло может даже захлестывать добро. Он говорит нам, чтобы мы возвращались туда, откуда пришли.

— Кто направил его? — резко спросил я.

Каттея проворковала что-то. Длинная шея фланнана изогнулась, он посмотрел на меня безучастно и ничего не ответил. Каттея повторила свой вопрос, на этот раз в более резкой форме. Ответа не последовало. Тогда она начертила в воздухе перед собой какой-то знак. Реакция на это действие оказалась неожиданной. Раздался треск, и человеческая часть фланнана как бы испарилась, мы снова увидели перед собой птицу. Она расправила крылья и взмыла в воздух, потом облетела три раза наш островок и каждый раз пронзительно выкрикивала что-то, пролетая над нашими головами. Глаза моей сестры заблестели, она проделала какие-то непонятные движения руками и пропела несколько слов гортанным голосом. Птица зависла в воздухе, потом крикнула и полетела как стрела на север.

— Что ж... ладно, не получится! — заговорила Каттея. — Я не дала Клятвы, не стала настоящей колдуньей, но у меня хватит Силы для того, чтобы не подчиниться им!

— А что он пытался сделать? — спросил я.

— Да так, элементарное колдовство. — Моя сестра издала звук, близкий к презрительному фырканью. — Облетел нас три раза для того, чтобы пригвоздить к этому месту. Если те, кто направил его, способны лишь на такую магию, то мы с ними справимся без труда.

— Он полетел на север, наверное, направился к ним? — Кемок произнес вслух тот вопрос, что крутился у меня в голове.

— Думаю, что так оно и есть. Он полетел к ним, чтобы рассказать о нас.

— Тогда на севере находится то, что мы ищем.

— И всадник ускакал в том же направлении, — добавил я.

— А на севере нам может встретиться и каменная паутина, и стража, и всевозможные ловушки. Должно пройти какое-то время, прежде чем мы разберемся... — В ее голосе послышалась неуверенность. Мы посмотрели на нее. Каттея уставилась на свои руки, словно пыталась прочитать там будущее — похоже, оно не было у нас счастливым...

— Быть лишь наполовину кем-либо не так-то легко, — продолжила она. — Это всем известно. Я не присягала на верность колдуньям, никогда не носила на груди колдовской Камень. Но несмотря на это я — колдунья. И хотя я не имею на это права, я могу предпринять еще один шаг. Это наверняка поможет нам, даже спасет!

— Нет! — Кемок уже понял, на что она намекала, я еще нет. Он обхватил своими руками ее голову, притянул к себе, пытаясь встретиться с ней глазами. — Нет! — повторил он, и это прозвучало громко, как боевой клич.

— Если мы будем продвигаться дальше по этой таинственной стране, что сможет направлять нас по верному пути, вести нас? — спросила она.

— И ты сделаешь это, несмотря на ту опасность, что нам может грозить? Разве ты уверена в успехе? Скольким колдуньям удавалось сделать это, Каттея? И они всегда прибегали к помощи общей Власти...

— Да, Власти!.. — прервала она его. — Неужели ты веришь всему тому, что они говорят, Кемок? Они держат власть над теми, кто не обладает Даром, любой ценой. Кое-кто из колдуний в Эсткарпе действительно пользовался этим, но сейчас им нечего изучать. Они знают свою собственную страну от и до. На протяжении нескольких сотен лет они не вторгались в чужие земли, а следовательно, им не требовался их посланник. И против колдеров выступили не колдуньи, а наши отец и мать. Именно они, а не Совет, уничтожили их на Горме. Но здесь властвует не одна Сила. Мы знакомы лишь с ее частью, да и она могла претерпеть большие изменения. Значит, нам нужно прибегнуть к...

— О чем она говорит? — обратился я к Кемоку.

— О создании посланца, — ответил он. Лицо его было таким же суровым, как в тот момент, когда мы скакали в Место Власти, чтобы спасти нашу сестру.

— Посланца? — переспросил я, ничего не понимая. — Какого посланца?

Каттея властным движением отстранилась от Кемока. Она не смотрела на меня, только на него, словно направляя на брата всю свою волю и подчиняя его себе.

— Я должна создать посланца, Киллан. Именно он сможет изучить эту страну, но не так как мы видим, понимаем и чувствуем ее сейчас, нет. Наш посланец сможет вернуться в прошлое и выяснить, что произошло здесь и что может спасти нас сейчас.

— И как это сделать? — воскликнул Кемок. — Так же, как женщина, рождающая ребенка? Возьмешь и создашь существо усилием воли и духа, но не из плоти! Но ведь это будет нечто неживое!

— При родах всегда есть доля риска, — произнесла Каттея спокойно. — И если вы оба захотите, то наше усилие утроится. Ведь никогда в Эсткарпе не знали такой тройной Силы, как у нас. Разве я не права? Мы можем слиться воедино в случае необходимости. Если вы объединитесь со мной сейчас, то вероятность риска будет минимальной. Я бы и не пыталась пред-

принять ничего подобного одна, клянусь вам. Только в том случае, если вы по своему желанию и по своей воле захотите помочь мне, тогда у меня все получится.

— А ты уверена, что делать это необходимо? — спросил я.

— У нас есть выбор — мы можем идти вслепую, как при переходе через перевал, или все видеть и понимать. Семена Зла в этой стране посеяли в далеком прошлом, и время взлелеяло их и видоизменило. И стоит нам только выкопать эти семена и понять причину их возникновения и развития, мы сможем найти защиту от того, что из них выросло за такое время.

— Я не хочу! — закричал Кемок.

— Кемок... — Она не выпускала из рук его ладони, все крепче впиваясь в них пальцами. — Разве ты говорил: «Я не хочу», когда тебе нужно было идти воевать?

— Но это совсем другое дело! Я был воином, мужчиной... Я видел своих противников в лицо...

— Почему ты меня так недооцениваешь? — спросила она. — Мои сражения не выиграть при помощи меча и стрел, но я многому научилась за те шесть лет, что мне довелось провести в Месте Власти. И мне пришлось сталкиваться с такими врагами, которых ты себе и представить не можешь. И я не говорю, что справлюсь с этим делом одна. Я призываю вас помочь мне, поддержать меня в моей битве, это намного легче, чем заставлять вас стоять в стороне и наблюдать, как рискуют жизнью другие.

Он не разжимал губ, но уже не возражал, и я понял, что она одержала победу. Возможно, я не был на его стороне, потому что не знал, что за опасность поджидает ее. Но мое незнание было ей на руку. В такие минуты она не была молодой неопытной девушкой — она словно надевала на себя одеяния власти и становилась старше нас.

— Когда? — Кемок сдался, произнеся это слово.

— Лучше всего здесь и сейчас. Но сначала нам следует подкрепиться. Сила тела поддерживает силу духа и воли.

— Вода-то есть, но еда... — Кемок приободрился, будто нашел в земных потребностях тот аргумент, что сможет опровергнуть все задуманное.

— Киллан позаботится об этом. — Она опять даже не посмотрела в мою сторону. Но я знал, что делать, хотя никогда раньше не стоял перед столь сложной задачей, не считая ситуации с торскими скакунами.

Если кто-либо обладает Даром или хотя бы частицей Власти, тот знает, что есть предел возможностям. Но стоит лишь раз попробовать преступить эти границы и одержать победу, как оказывается, что ты способен на большее, и тогда начинаешь верить в собственные силы. С тех пор, как я понял, что могу управлять животными на расстоянии, подчинять их своей воле, я ни разу не пользовался этим для охоты на них. У меня был опыт с торскими скакунами, несколько раз мне удавалось заставить диких животных отступить, но чтобы умертвить животное — в этом было что-то запретное.

Но сейчас я должен сделать именно это. Я понимал, что полностью отвечаю за свой поступок. Я заставил себя настроиться на добычу, которую мне придется заманить. Мозг рыб и рептилий, насколько мне известно, сильно отличается от человеческого, поэтому на них воздействовать не стоит. То, что нам требуется, это млекопитающее. Антилопы умеют плавать... Мысленно я как бы нарисовал антилопу, представил, как она пасется. Держа в уме эту картину, я стал вести поиск. Никогда раньше мне не доводилось заниматься подобным делом — я либо видел животных перед собой, либо знал, что они где-то близко. Такого рода поиск — не определенного животного, а одного из них — может провалиться.

Но к моему собственному удивлению, все получилось. Я почувствовал ответную реакцию — инстинктивно я напряг волю, стараясь не спугнуть животное. И немного погодя на берег выскочила молоденькая антилопа. Я заставил ее ринуться в реку в том месте, где перебирались мы, чтобы течением ее вынесло прямо на наш островок.

— Нет! — я запретил Кемоку стрелять. За убийство несу ответственность только я один, вина не должна переходить на другого. Я дождался, когда антилопу настигнет смерть — я мог обеспечить ей только быстрый конец, без мучений.

Каттея пристально наблюдала за тем, как я вытаскиваю мертвое животное на берег. Я спросил ее мысленно:

— Это в какой-то мере уменьшит Силу?

Она тряхнула головой, но в глазах ее была тревога.

— Нам нужна только сила тела, Киллан. Хотя, конечно, ты взвалил на себя эту ношу... И я не могу сказать, чем тебе придется отплатить за это...

Наверное, это отразится на снижении моих способностей, но я решил, что не стоит расстраиваться раньше времени, к тому же это не Эсткарп, и правила, которые существуют в этом колдовском мире, могут сильно отличаться от привычных нам. Мы разожгли костер и поджарили мясо, потом сытно поужинали.

— Приближается ночь, — заметил Кемок. — Лучше подождать следующего дня. Наша сила питается светом. Ночью мы можем вызвать Силу тьмы.

— Напротив, то, что мы задумали, лучше всего начинать с закатом. Если создать посланца в полночь, то он попадет в более раннее время. И не всегда свет и тьма враждуют, Кемок. А теперь слушайте внимательно, я не могу сказать и объяснить вам все. Мы должны взяться за руки и мысленно слиться воедино. Не обращайте внимание на меня, главное не разжимать рук. И... что бы ни случилось, оставайтесь со мной!

Обещаний с нашей стороны не требовалось. Я, как и Кемок, боялся сейчас за нашу сестру. Она слишком неопытна для подобного дела. И хотя она так уверена в успехе и в своей силе, она напоминала мне воина, который еще ни разу в жизни не попадал в засаду.

Тучи, нависавшие над нашими головами целый день, расступились, небо прояснилось, закат полыхал вовсю. Мы увидели горы, через которые попали в эту загадочную страну. Взявшись за руки, мы объединили наши мысли. Возникло такое же

ощущение, как в тот миг, когда наша мать призвала нас троих к себе в комнату. Тогда мы впервые потеряли самих себя, растворились друг в друге, зная, что нельзя бороться против этой потери. После этого нас качнуло из стороны в сторону... волна... чего? Не знаю, как долго все это длилось, но я вдруг очнулся, рука моя сильно дергалась. Каттея тяжело дышала, вскрикивала, то и дело ее колотила крупная дрожь. Я схватил ее за плечо свободной рукой, стараясь успокоить. Потом я услышал, как застонал Кемок. Он стал помогать мне. Она вскрикнула от боли. Потом стала вырываться так настойчиво, что мы еле сдерживали ее, помня о том, что не должны выпускать друг друга из рук. Я валился с ног от усталости и изнеможения, мне с трудом давалось каждое движение. Глаза Каттеи были закрыты. Я подумал, что она сейчас где угодно, но только не с нами. Тело сестры боролось с ее волей. В свете гаснущего костра лицо ее было не только бледным, но и немного светилось, и мы стали свидетелями всех ее мучений. Наконец она вскрикнула в последний раз и выгнулась всем телом. Мне вдруг почудилось, что из нее вылетело пламя — размером с мою ладонь, оно зависло в воздухе, излучая яркий свет, затем качнулось из стороны в сторону, словно огонь свечи на легком ветерке. Каттея снова вздрогнула и открыла глаза, чтобы посмотреть на то, что явилось на свет. Пламя постепенно стало приобретать форму жезла, освещенного ореолом яркого света, напоминающим крылья. Каттея вздохнула и устало произнесла:

— Это не похоже на...

— Зло? — резко спросил Кемок.

— Нет. Форма не совсем та. Хотя она не имеет особого значения. Теперь...

Она потянулась к крылатому жезлу, как тогда, при разговоре с фланнаном. Мы поддерживали ее под руки, чтобы она не упала. Мысленно мы услышали, что она начала произносить какие-то непонятные слова. Она повторяла древнее заклинание для того, чтобы этот ребенок, или больше, чем ребенок, слушался ее, понял то, что ему нужно сделать. Она раскачивалась

из стороны в сторону, произнося старые слова, которые подхватывал ветер. Потом вдруг смолкла и выпрямилась. Последнее слово прозвучало, как выстрел стрелы:

— Лети!

Все исчезло, и мы оказались в темноте. Каттея освободилась от нашей поддержки и прижала к себе руки, словно пытаясь заглушить боль. Я подбросил хворост в огонь. В отблесках пламени костра я вдруг заметил, что лицо ее осунулось, постарело, на нем появилась печать страданий — мне доводилось видеть подобное у раненых воинов. Кемок вскрикнул и прижал ее к себе, по щекам ее струились слезы. Она медленно подняла руку и дотронулась до своего лица.

— Все кончено! Мы хорошо поработали, братья мои! Наше дитя отправилось на поиски времени и места, ничто не может помешать ему, и то, что оно узнает, поможет нам, спасет нас. Я знаю наверняка. А теперь давайте спать...

Каттея уснула, Кемок тоже рухнул на землю без сил. Но, несмотря на то, что я смертельно устал, что-то не давало мне покоя. Страх за Каттею? Нет — она выполнила то, что задумала, выстояла в своей битве. Ожидание немедленного нападения? Вряд ли: мы в безопасном месте, можем спать спокойно. Моя собственная вина? Скорее всего. Но из-за этого не стоит будить остальных. Когда-нибудь я расплачусь за то, что совершил, а сейчас лучше выкинуть это из головы. Я лег на плед, закрыл глаза, и задремал. Неожиданно приподнялся на локте, отогнал от себя сон — я услышал протяжный, очень знакомый звук в ночи. Недалеко заржала лошадь!

Глава 10

Я услышал стук копыт. И на том берегу реки я вдруг увидел — а может, мне показалось — вспышку молнии, как тогда, в схватке с расти... Я напряг свою волю и стал думать только о лошади. Интересно, что это означает для нас? Во мне росло

чувство уверенности — с рассветом отправлюсь на поиски... Такая мысль словно разрешила все мои волнения, и я уснул. Звуки охоты стихли, если это вообще была охота, и нежный шепот реки убаюкал меня. Я уснул последним, но проснулся раньше всех. От костра остался один только пепел, утро было прохладным и пасмурным, рассвет только-только занимался. Я разложил оставшийся хворост и развел огонь. И, наклонившись, увидел его — он шел к воде...

Торские скакуны безусловно самые лучшие в Эсткарпе, но в них нет красоты. Их шкура никогда не блестит, сколько ее не холить, да и сами они мелковаты. Но этот... О таком жеребце я мечтал всю свою жизнь! Он приподнял морду от воды — могучий, с изящными ногами и благородной шеей, вороной; его шерсть блестела как начищенное острие меча, грива и хвост струились как волосы у девушки...

И стоило мне увидеть этого красавца, как я понял, что завладею им во что бы то ни стало. Он посмотрел на меня, приподняв голову от воды. Без страха, да, скорее с любопытством. Дитя природы, он наверняка не знал, что такое подчиняться чьей-то воле. Он стоял так какое-то время, изучая меня. Я медленно направился к воде. Он снова начал пить — значит, не боится — зашел в воду, словно ему доставляло удовольствие чувствовать, как вода обтекает его ноги. Я потерял голову, любуясь его красотой, благородством и независимостью. Попытался мысленно связаться с ним, заставить его подождать меня, вслушаться в мои желания. Он поднял голову, фыркнул, сделал несколько шагов из воды, чуть насторожился. Я попытался коснуться смутных воспоминаний о всаднике, которого он нес... Он стоял на берегу и наблюдал за тем, как я зашел в реку, сбросив с себя шлем, кольчугу и оставив на берегу оружие. Я поплыл к нему — жеребец по-прежнему стоял на месте и от нетерпения бил землю копытом, чуть наклонив голову, так, что его шелковистая грива струилась на легком ветерке, а длинный хвост слегка развевался. Он ждал меня! Я победил — он мой! Глупо было думать, что я утратил свой дар, никогда еще мое

общение с животными не было столь близким и успешным. С таким конем весь мир принадлежит только мне! В это раннее утро мы были с ним одни, ничего больше не существовало...

Я выбрался на берег, не обращая внимания на промокшую одежду и прохладный ветер; я видел перед собой только могучее и прекрасное животное, которое ждало меня — только меня! Он склонил свою благородную голову и фыркнул в ладонь, которую я протянул ему. Затем позволил мне положить руки ему на спину. Он принадлежал мне, словно я воспользовался очень древним приемом приманки, когда животному дают овсяное печенье, которое три дня носят под одеждой, а потом смачивают своей слюной. Нас уже никто и ничто не разлучит. Это было так очевидно, что я без колебаний вскочил на него — он не воспротивился. Он пошел рысью, и я восхищался мощью его тела, грациозностью движений. За всю свою жизнь мне ни разу не доводилось сидеть верхом на таком изящном, сильном, гордом скакуне. Я опьянел больше, чем от любого вина. Это... это был король, полубог, явившийся откуда-то из небытия.

Река осталась позади, перед нам расстилался весь мир. Нас было двое, свободных и независимых. Двое? Река позади? Что-то важное оставалось там, но что? Могучий круп подо мной напружинился, мы пошли галопом. Я крепче ухватился за развевающуюся гриву, которая хлестала меня по лицу, и все внутри меня ликовало...

Солнце поднималось над нашими головами, а жеребец скакал все дальше и дальше по долине, казалось, он не знает, что такое усталость. Он мог скакать так часами. Но мое ликование понемногу сменилось тревогой. Река... Я оглянулся через плечо — вон та узкая полоска вдали... Река... а на ней... Что-то щелкнуло в моем мозгу. Каттея! Кемок! Почему, зачем я покинул их? Назад — я должен повернуть назад. Я смогу повернуть жеребца усилием воли, без хлыста и поводьев. Я стал приказывать ему... Не действует. Могучее животное продолжало мчаться все дальше и дальше от реки, в неизвестность. Я попробовал еще раз, более настойчиво, так как чувство беспокойства сме-

нилось страхом. Но он не сбавил скорости, не повернул назад. Тогда я решил приложить все свои силы, как тогда, с торскими скакунами или антилопой, которую умертвил. Я словно шел по насту, под которым бурлила совершенно иная субстанция. И стоит наступить чуть посильней на этот хрупкий слой, как ты провалишься в то, что там, под ним. И в эти секунды я узнал правду. Я сел на то, что внешне являлось жеребцом, но не заглянул внутрь, и в действительности оказалось, что подо мной совершенно другое существо. Я не мог сказать, кто это, но оно было противоположным тому, что я знал или хотел знать. Теперь я понимал, что имею над ним такую же власть, как над рекой, которую мне никогда не повернуть вспять и не заставить течь в обратную сторону. Я не управлял конем, а попался в очередную ловушку, потеряв голову при виде этого животного. Может быть, попробовать спрыгнуть с него на ходу? Но я наверняка разобьюсь насмерть — с такой скоростью он несется в неизвестном направлении. Куда он несет меня и зачем? Я попытался заглянуть в его мысли. Меня завлекают в ловушку, а что потом?

Я допустил страшную ошибку. Но могу навлечь беду и на остальных. Вдруг те, кто заманил меня в свои сети, воспользуются нашим мысленным контактом? Через меня они смогут воздействовать на Каттею и Кемока. Они — кто это или что это? Кто правит этой землей и чего они хотят от нас? Я не был знаком с той силой, что обманула меня подобным образом. Я уже попадался в западню — в каменную сеть... Скорее всего, это взаимосвязано. И теперь я не должен просить помощи у брата с сестрой, чтобы не причинить им вреда.

Равнина, по которой мы мчались, наконец-то кончилась. Впереди появилась темная полоса деревьев, с каждым шагом вырастающая все выше из земли. Деревья показались мне очень странными — с поблекшей листвой, серыми ветками и стволами, казалось, что-то вытягивает из них последние соки. И от этого мрачного леса исходило какое-то зловоние — некое зло, очень старое и дряхлое, как будто испускало тяжкие вздо-

хи. Жеребец поскакал через этот лес по дороге, которая звенела под его копытами так, словно была сделана из стали. Он бежал неровно, меня подбрасывало из стороны в сторону, и теперь уже не было никакого желания слететь на землю, так как я был уверен, что в таком случае меня ждет верная погибель, стоит лишь коснуться этой проклятой дороги. А конь все скакал и скакал вперед. Я уже не пытался заглянуть в его сознание. Мне казалось, что лучше приберечь свои силы для борьбы с неизвестностью, для последней битвы за собственную свободу. И я попробовал создать некую оболочку вокруг себя, своего рода панцирь отчаяния, чтобы те, кто захочет прочитать мои мысли, наткнувшись на этот заслон, решили, что сломали меня. Я всегда полагался больше на тело, чем на разум, и поэтому подобные занятия требовали от меня огромного напряжения. Сейчас я должен приложить всю свою волю, спрятать вглубь желание воспротивиться той силе, что поджидает меня, сохранить способность бороться до того момента, когда у меня появится шанс на спасение.

Мы миновали лес, но дорога не кончилась. Она вела нас прямиком к городу — башням, стенам... Это был город безжизненный, если считать жизнью то, что знал я. От него исходила аура холода, полного отвращения к моему существованию. Как только я взглянул на этот город, я понял, что стоит мне, Киллану Трегарту, попасть в его серые стены, как наступит конец. В этот момент я думал не только о себе, но и о тех, кого я мог вовлечь в беду. Я должен предпринять сейчас неимоверное усилие — именно сейчас! Я бросился сквозь ту преграду, что создал сам, внутрь себя, воспротивился воле тех, что поймали меня в свои сети. Моя воля — вот что сейчас самое главное! Спастись можно только так, нельзя позволить затащить себя в ту ловушку, что разверзла зловонную пасть...

Наверное, мне удалось обмануть их. Может быть, они плохо разбираются в таких, как я. А может быть, они расслабились, решили, что без труда завладеют мной. Жеребец свернул с дороги. Я чувствовал, как закипела позади меня их воля —

спину обдало такой вспышкой ярости, что мне даже показалось, что слышу, как мне вслед, кричат проклятия с городских стен. Отлично, если мне удалось спастись на этот раз, возможно, не все потеряно... Еще один сердитый отголосок, но уже поражения...

Жеребец шел ровно — он опять несет меня к месту смерти. Но человек не умирает покорно, и я буду бороться до последнего. Вдруг я заметил вспышку на небе — появилась какая-то птица. Сияние... Фланнан! Тот, кто прилетал к нам на островок? Но почему? Он ринулся вниз, и жеребец метнулся в другую сторону, издав при этом злобный крик, и помчался, не сбавляя шага. Вновь и вновь птица кидалась вниз, чтобы сбить животное с дороги — наконец мы взяли курс на север, оставив позади себя мертвый город, туда, где возвышался темный лес — настоящий, зеленый — не изрыгающий зло. Как только жеребец поскакал в этом направлении, фланнан стал сопровождать нас сверху, внимательно следя за животным. И в душе у меня появилась слабая надежда, огонек, который в любой момент может задуть ветер... Фланнан помогал мне, был союзником, и значит на этой земле есть другая Сила. Ко мне относятся с добром, спасают от зла.

Так хотелось заговорить со своим незнакомым другом, мысленно обратиться к нему. Но я не изучал колдовство, и вряд ли у меня это получится. Потом я испугался за тех, кто — как я надеялся — еще жив. Но перед тем как задуматься, что же мне делать дальше, рискнул и обратился к жеребцу. Проникнув в его сознание, я обнаружил пустоту и один лишь приказ — бежать и бежать — который мне не под силу было изменить. Мы очутились среди ущелий и скал — чем-то местность напоминала изрезанный ландшафт на западе. Жеребец мчался без устали — вот-вот мы свалимся в одно из ущелий — вот она смерть...

Мы оказались на самом верху, узкая тропинка пролегала между отвесной скалой и бездонной пропастью. Моя надежда угасла, как только фланнан ринулся на нас — конь споткнулся и мы начали падать...

Каждый человек рано или поздно задумывается о смерти. Наверное, когда молод, такие мысли редко его посещают, но будучи воином нельзя забывать о том, что в любой момент тебя может настигнуть смерть в бою. И меч может открыть последние ворота в твоей жизни — а что там, за ними? Некоторые верят в то, что за этими вратами им уготован другой мир, где ждет расплата, где придется выложить на весы все добро и зло, все содеянное тобой в той, прежней жизни. Другие убеждены, что наступит вечный сон и благодать, и ни за что уже не придется платить. Но я и представить себе не мог, что умирать так мучительно больно — казалось, я вобрал в себя грехи всего этого воинственного мира и буду расплачиваться за них один. Боль... дикая боль... у меня больше не было тела, его сжигал огонь... Я превратился в факел... Потом я открыл глаза — надо мной небо, голубое, как в той жизни, и горы. Но боль не стихала, заслоняла собой все вокруг... Боль... и вдруг я понял, что смерть не настигла меня, что она еще впереди, и страдаю я в этой жизни. Закрыл глаза, чтобы не видеть ни это голубое небо, ни вершины гор, и желал только одного — скорее бы наступила смерть. Немного погодя боль стихла, и я открыл глаза, надеясь на то, что смерть уже близко, ведь перед самым концом агония сменяется иногда таким вот затишьем. Увидел птицу на скале — но не фланнана, а настоящую птицу с блестящим изумрудным оперением. Она смотрела на меня, потом подняла голову и позвала — да-да, я не ослышался, она позвала меня. Разве такая сказочная птица может поедать падаль, как зловещее черное воронье на полях сражений? Я попытался повернуть голову, но тело не слушалось меня. Небо, скалы, сказочная птица — вот мой мир. Но небо такое голубое, и птица такая красивая, да и боль уходит... И так же отчетливо, как я слышал зов птицы, я услышал другие звуки. Топот копыт! Конь! Но на этот раз им не удастся заманить меня — я больше не сяду на него... Топот копыт смолк. Послышались другие звуки... Теперь ничего не имеет значения. Уже не было так больно... Я заглянул в лицо, склонившееся надо мной. Этого не опишешь сло-

вами. Доводилось ли вам видеть когда-нибудь существа без плоти, состоящие лишь из облака легкого тумана? Что это, дух, явившийся незадолго до смерти? Видение? Боль, неожиданная и острая, пронзила все мое тело. Я вскрикнул и услышал, как мой собственный крик зазвенел в ушах. Почувствовал чье-то холодное прикосновение и провалился в темноту. Но отсрочка оказалась недолгой. Я опять пришел в себя. На этот раз не увидел над собой ни вершин гор, ни птицы — только голубое небо. Боль продолжала мучить мое истерзанное тело. В меня словно вонзались со всех сторон посланные стрелы.

Я застонал. Голову мою приподняли; я заставил себя открыть глаза и силился рассмотреть того, кто причиняет мне столько мучений. Скорее всего, боль размывала то, что было у меня перед глазами — картина получалась смазанной и зыбкой. Я лежал, лишенный тела, и видел то, что было когда-то моей плотью — сломанные кости, красное месиво...

Я с трудом разглядел своих мучителей. По крайней мере, двое из них были животными — они месили красную вязкую жижу передними лапами, черпали ее и вываливали на мои беспомощные и сломанные кости. Другой был весь покрыт чешуей, которая переливалась на солнце. Но четвертый... Дух, явившийся за мной в виде тумана? Он казался то облаком, то вдруг становился реальным, непрозрачным, потом неожиданно таял на глазах, растворяясь в зыбкой дымке... И я не знаю, то ли мое воображение делало его таким, то ли он сам менял свой облик. Но я чувствовал, что от видения исходит добро, а не зло по отношению ко мне.

Они работали сосредоточенно, в полной тишине, возились со сломанными костями и израненным телом. Так не хоронят... Никто из них не смотрел мне в глаза, не обращал внимание на то, что я вижу их действия. Спустя некоторое время мне надоело смотреть — может быть, все это галлюцинации... Только после того, как вся эта престранная четверка закончила колдовать надо мной, а призрачная незнакомка, видение, оказалась женщиной, провела по моему подбородку рукой, я встретил ее

взгляд... Она по-прежнему казалась нереальной, менялась на глазах — то ее волосы были темными, то вдруг она становилась блондинкой, менялся цвет глаз, овал лица. Казалось, что в одной женщине существует множество других, и в ее власти принимать нужный ей облик. Вид ее меня так поразил, что я вновь закрыл глаза. Почувствовал прохладное прикосновение к щеке, затем кончики пальцев коснулись моего лба. Я услышал тихое пение — голос был похож на голос моей сестры, потом изменился, стал напоминать пение птиц. От ее прикосновения по телу моему разлилась приятная прохлада, которая заглушила боль — я чувствовал, как страдание покидает меня. И слушая ее волшебный голос, я думал уже, что не лежу в страшном месиве, а плыву вне времени и пространства в неизвестность. Там парили силы, неподвластные человеческому восприятию. Дважды я словно возвращался к своему телу, открывал глаза и вглядывался в лицо, склонившееся надо мной — оно постоянно менялось. Сначала ночное небо и лунный свет, потом опять голубое небо, легкие белые облака... И каждый раз я возвращался в то место, за пределы привычного мира, слыша ее пение. Я знал, что это не смерть, скорее — вторая жизнь, второе рождение.

Потом я очнулся — я был один. Голова моя была ясна, как раньше, до рассвета, до того, как я увидел жеребца на берегу реки. Посмотрел на свое тело — оно было покрыто какой-то коркой, сухой и местами потрескавшейся. Я прикован к земле. Но никто не поет над моей головой, не прикасается ко мне. Это обеспокоило меня. Я с невероятным трудом повернул голову.

Глава 11

Склон, напоминающий по форме блюдце, чуть в стороне — резервуар с той же самой красной жижей, что затвердела на моем теле. Я медленно повернул голову: снова склон и еще один резервуар с густой булькающей субстанцией. Был день —

не пасмурный, хотя облака затянули все небо. Я слышал, как булькают и лопаются пузыри в резервуарах. Потом раздался еще один звук — кто-то стонал от страшной боли. Я сразу вспомнил то, что мне довелось пережить самому. Увидел: какое-то существо с трудом пробирается по краю склона-блюдца, изгибаясь, прилагая неимоверные усилия. Я понял, что оно серьезно ранено. Опять резкий вопль. Снежный барс! Его прекрасная белая шкура в крови — на боку зияла глубокая рваная рана. Мне даже показалось, что я вижу обнажившуюся белую кость. Барс полз к ближайшему резервуару, издавая мучительные и леденящие кровь стоны. Собрав последние силы, он скатился в тягучую жижу, которая тут же облепила его тело. Затем он замер, тяжело дыша и высунув набок язык, и больше не издавал никаких звуков. Казалось, он умер... Нет, я отчетливо слышал его тяжелое дыхание.

Я огляделся вокруг и увидел в ложбине еще много таких резервуаров, в которых покоились раненые. Потом вдруг ощутил, что моя боль стихла. У меня не было никакого желания двигаться, сломать засохшую корку, сковывающую меня. Потому что я почувствовал себя легко, ничто не болело, а тело наполнялось силой. На засохшей жиже остались кое-какие следы. Я присмотрелся к ним повнимательней. Значит, это не сон — я действительно был смертельно ранен, а создания в облике животных, одно из которых было покрыто чешуей, трудились надо мной под руководством меняющего свой облик духа? Эта женщина оставила отпечаток руки — такой отчетливый — над моим сердцем. Длинные тонкие пальцы, узкая ладонь — след человеческой руки, а не лапы животного. Я попытался вспомнить ту, которая меняла свои обличья...

Глаза снежного барса были закрыты, но он дышал. Жижа вокруг его тела уже почти застыла и образовала защитную корку. Как давно я здесь? В первый раз я подумал о времени. Каттея... Кемок! Сколько часов прошло с тех пор, как я покинул их, ускакав на дьявольском коне-приманке?

Надо действовать! Я попытался пошевелиться — застывшая масса не поддавалась. Я был беспомощным пленником, закованным в каменные кандалы. Что делать? Не знаю, почему я не закричал вслух. Мысленно обратился — не к тем, кого оставил на островке, нет — я позвал духа, которого могло вовсе и не существовать в этом мире: «Зачем я вам нужен»?

Что-то мелькнуло — что-то блестящее, переливающееся всеми цветами радуги, легко и быстро пронеслось над ложбиной, приземлилось на задние лапы и уставилось на меня яркими глазами-бусинками. Я не видел подобных существ в Эсткарпе, оно не напоминало никого из легенд. Ящерица? Конечно, только намного больше, чем обычное золотисто-зеленое пресмыкающееся. По-своему красивое. Существо остановилось у моих ног, дотронулось до них и подбежало на задних лапах к моей голове. Здесь оно снова замерло и стало внимательно изучать меня. И я был уверен, что в его узкой заостренной голове есть разум.

— Приветствую тебя, брат по мечу. — Слова эти вылетели из меня сами по себе.

Он отпрянул назад, из чешуйчатого горла вылетел странный звук. Затем он исчез. Странно, но его приход дал мне почувствовать, что я не пленник. Ящер вовсе не имел по отношению ко мне злобных намерений — как и те, что оставили меня здесь. Ведь я отлично себя чувствую, боль ушла, да и снежный барс приполз сюда не зря. В этом месте лечат раненых животных. И меня тоже спасли от смерти... Но кто? Ящер, другие животные... дух... да, конечно, дух!

И хотя я не умел определять колдовство по запаху, как Каттея, я был уверен, что здесь нет места злу — это оазис некой Силы. И я выжил только благодаря ей. Теперь я ощущал каждой клеткой кожи, всем своим существом: что-то должно произойти.

В ложбине появилось несколько ящеров, за ними следом шли два пушистых зверя, задние лапы которых тоже отливали зеленым цветом. Их узкие головы и хвосты-завитки напомнили

мне древесных животных, но они были намного крупнее своих собратьев из Эсткарпа. Шествие завершала она. Ее темные волосы ниспадали до пояса — но темные ли? Не отливали ли они красным? Или все это игра света и волшебство? На ней была зеленая туника, плотно облегающая ее тело; руки и ноги были открыты. Это одеяние было подпоясано широким изумрудным поясом, украшенным бледно-золотистыми драгоценными камнями. Тонкие запястья украшали широкие браслеты с такими же камнями, а через плечо был перекинут колчан со стрелами, с голубовато-зелеными блестящими перьями на концах, и лук бледно-золотистого цвета. Ее одеяния вроде бы не менялись, и я сосредоточился на лице, на этом развевающемся облаке волос, и не был уверен, что вижу что-либо отчетливо. Она опустилась передо мной на колени.

— Кто ты? — спросил я, так как ее изменчивость начала меня раздражать.

К собственному удивлению, я услышал смех. Она дотронулась до моей щеки, потом лба, и после этого прикосновения мое зрение прояснилось. Я увидел ее лицо — или одно из ее лиц — отчетливо и ясно.

Черты Древней расы не спутать ни с чем: утонченные, с заостренным подбородком, небольшим ртом, огромными глазами, дугообразными бровями. Все это делало ее такой красивой, что могло заставить любого мужчину испытать к ней настоящее влечение. Но было в ней и нечто такое, что отличало ее от людей. Но это казалось несущественным. Воин разбирается в женщинах. Я не фальконер, который свысока смотрит на женщин, не чистокровный представитель Древней расы, чтобы воспринимать их только как носителей Дара и ставить себя ниже их, не отношусь к ним и так, как это делают многие салкары, проводя час-другой с вольной спутницей. И теперь, глядя в ее лицо, я испытывал какое-то странное, непривычное чувство — сильное волнение, трепет, ощущая рядом ее присутствие. Она улыбнулась, потом снова стала серьезной, не отрывая от меня взгляда, и я понял, что она слышит мои мысли. Я смутился.

— Лучше так — кто ты? — ее вопрос прозвучал мягко, но требовательно.

— Киллан Трегарт из Эсткарпа, — ответил я формально. Что возникло между нами? Я не мог понять. — А ты? — спросил я во второй раз, более настойчиво.

— У меня много имен, Киллан Трегарт из Эсткарпа. — Она подсмеивалась надо мной, но я сделал вид, будто не замечаю этого.

— Назови одно из них, или два, или все.

— А ты смелый мужчина, — мягко ответила она. — В нашем мире ко мне не обращаются опрометчиво по имени. — Она снова засмеялась.

— А я и не собираюсь обращаться к тебе опрометчиво. — Я повторил это странное слово.

Она промолчала. Пальцы ее затрепетали, я испугался, что она уберет руку с моего лба — тогда лицо ее может снова стать размытым или измениться.

— Меня зовут Дахаун, а также Морквант, некоторые называют меня леди Зеленой...

— Тишины, — закончил я за нее. Легенда... Нет! — она настоящая, живая — я чувствовал прохладу и упругость ее плоти на своем лице.

— Тогда мы знакомы, Киллан Трегарт.

— Я знаю тебя по старым преданиям...

— Преданиям? — снова раздался переливчатый смех. — Но предание — это сказка, которая может и не быть правдой. А я живу здесь и сейчас. Эсткарп... храбрый воин, где находится Эсткарп, который знает Дахаун по старым легендам?

— На западе, за горами...

Она убрала руку, словно прикосновение обожгло ее. Ее облик снова расплылся перед моими глазами.

— Я вдруг превратился в чудовище? — прервал я внезапно нависшую тишину.

— Не знаю... — она снова положила руку мне на лоб, и я опять мог видеть ее отчетливо. — Нет... хотя не знаю, кто ты на

самом деле. Те, Кто Живут Отдельно, хотели, чтобы тебя забрал к ним кеплианец, но тебе удалось спастись. Ты боролся неизвестным мне способом, незнакомец. И потом, я вижу, что в тебе присутствует сила добра, а не зла. Но горы и то, что лежит за ними, это тот барьер, через который может просочиться только зло —по крайней мере, так говорится в наших легендах. Почему ты пришел к нам, Киллан Трегарт из Эсткарпа?

Не было смысла обманывать ее — между нами должна быть только правда.

— В поисках убежища.

— А от чего ты бежал, незнакомец? Какое зло оставил ты позади себя, почему тебе пришлось бежать через горы?

— Потому что отличался от других...

— Да, но ты не один, вас трое — но при этом, как один...

Ее слова отозвались во мне болью.

— Каттея! Кемок? Что...

— Что случилось с ними после того, как ты ускакал на кеплианце, так глупо попавшись на уловку? Они пошли своей дорогой, Киллан. Твоя сестра сделала то, чего ей не следовало делать. Мы не любим чужих колдуний, воин. В прошлом это приносило нам зло. Будь она более опытной в колдовстве, она бы не стала тревожить силы, которые дремлют во Тьме. Она еще не столкнулась с тем, на что не действует ее оружие и защита. Но долго так длиться не может — это Эскор.

— Но ведь ты колдунья. — Я был уверен в этом, хотя не видел на ее груди колдовского Камня — я знал, что она того же происхождения, что и обладательницы Дара в Эсткарпе.

— Существует много видов колдовства, о чем ты, наверное, уже знаешь. Давным-давно в Эскоре дорога раздвоилась, и мы, зеленое племя, выбрали свой путь. Некоторые из нас ушли друг от друга очень далеко, но мы пронесли сквозь годы умение противопоставлять добро злу; нам не требовалось прибегать к новым колдовским хитростям. Потому что в противном случае при малейшем сдвиге можно потревожить те силы, что дремлют веками, но могут проснуться, и тогда зло победит

добро. Именно это попыталась сделать твоя сестра — словно наивный ребенок, который ударяет по поверхности пруда палкой и радуется кругам на воде, разбудив при этом то чудовище, что притаилось в глубине. — Она поджала губы, словно собираясь выносить приговор, и этим полудетским движением растопила отчужденность между нами, она напоминала теперь девушку, такую, как Каттея. — Конечно, мы не можем отнять у нее право на то, что она делает, но мы хотим, чтобы это совершалось не у нас! — Дахаун снова улыбнулась. — А теперь, Киллан Трегарт, сделаем вот что.

Ее рука скользнула с моего лба на грудь, покрытую запекшейся коркой. Там она начертила ногтем линию, потом продолжила ее по моим рукам и ногам. Существа, сопровождающие ее, приступили к работе, раздирая корку вдоль этих линий быстро и аккуратно — было видно, что они привыкли к такой работе. Дахаун поднялась и направилась к снежному барсу, дотронулась до засохшей жижы, провела рукой между его глазами и за ушами.

Наконец слуги Дахаун освободили меня от покрова и помогли выбраться из углубления, повторяющего форму моего тела. От переломов не осталось и следа, а раны зажили — без помощи Дахаун и этих существ мне бы не выжить.

— Смерть теряет свою силу в этом месте, если ты доберешься до него, — сказала она.

— А как я попал сюда, госпожа?

— Благодаря огромным усилиям, воин. Так что теперь ты в долгу.

— Признаю все долги, — ответил я, как и полагается в таких случаях. Но чувствовал себя при этом несколько неловко, так как на мне ничего не было одето. Интересно, я так и буду ходить голым?

— За тобой еще один долг, воин. — Она засмеялась. — То, что ты ищешь сейчас, ты найдешь вон там.

Она не оставила раненого барса, но показала рукой наверх, на край ложбины-блюдца. Земля под ногами была мягкой — я

поспешил на склон в сопровождении двух ящеров. Трава на склоне была по колено, мягкая и сочная, около каменной колонны я нашел зеленый сверток. Развязал его и увидел перед собой новую одежду. Сначала я решил, что она сделана из тонкой кожи, но, присмотревшись повнимательней, понял, что материал мне совершенно незнаком. В свертке я нашел зеленый плащ, странного покроя брюки, куртку с металлической пряжкой, на которой красовался изумруд, похожий на тот, что носила Дахаун. На поясе висел не меч, а какая-то металлическая плеть длиной в локоть и еще одно непонятное оружие — с таким иметь дело мне не приходилось.

Одежда сидела на мне отлично — она давала телу полную свободу действий, чего нельзя было сказать о кольчуге и кожаном обмундировании Эсткарпа. Но рукам моим было непривычно без меча и стрел, которые сопровождали меня все прошедшие годы. Перекинув плащ через руку, я направился обратно к ложбине. Оказалось, что это место намного просторнее, чем я представлял. Больше десятка резервуаров, и почти все они не пустовали — я видел в них животных и птиц. Дахаун, сидя на корточках, поглаживала барса по голове. Она подняла глаза, посмотрела на меня и помахала свободной рукой. Затем встала и пошла навстречу, разглядывая меня с нескрываемым интересом.

— Да ты настоящий зеленый человек, Киллан из рода Трегарта.

— Зеленый человек?

Теперь было нетрудно различать ее черты, но я по-прежнему не мог определить цвет ее волос и глаз.

— Зеленое племя. — Она показала на плащ, который я держал. — Это цвет их одежды, наружность у них другая. Но тебе поможет этот цвет. — Она поднесла руку к губам, как моя сестра при заклинаниях, но издала при этом призывный звук, похожий на звук рога.

Послышался топот копыт — моя рука потянулась за мечом, которого больше не было. Чутье подсказывало мне, что это не тот жеребец, что нес меня на себе, но по телу пробежали

мурашки. Животные выбежали из зеленой тенистой рощи, плечо к плечу, двигаясь легко и непринужденно. Без седел и уздечек — только в этом напоминали они того жеребца. Они не были похожи на настоящих лошадей, больше походили на антилоп, да и то не совсем — размером они были с обычную лошадь, но хвосты плотно прижаты к телу. У них не было гривы — вместо нее торчал распушенный хохолок, прямо над изящным гнутым рогом, отливающим красным. Сами они были чалыми, гладкошерстными. И, несмотря на их непривычный вид, я нашел их красивыми. Остановившись перед Дахаун, они чуть склонили головы и посмотрели на меня огромными желтыми глазами. Как и ящер, они обладали интеллектом.

— Сабра, Сабрина, — представила Дахаун своих слуг, и они гордо посмотрели на меня.

Из травы выскочил один из ящеров, подбежал к Дахаун. Она взяла его на руки. Он перебрался с рук на плечо.

— Поскачешь на Сабре. — Одно из рогатых существ подошло ко мне. — Не надо бояться этих лошадей.

— Ты направляешь меня к реке?

— К тем, кто ищут тебя, — ответила она. — Удача будет сопутствовать тебе — добрая, не злая.

Не знаю почему, но я хотел, чтобы она отправилась со мной. Я просто не представлял, как расстаться с ней. Это было равносильно тому, когда обрывается веревка, а ты идешь в связке в горах.

— Ты... ты не поедешь со мной?

Она уже сидела верхом на своей лошади. Она одарила меня долгим многозначительным взглядом.

— Почему?

Ничего кроме правды я не мог ей сказать.

— Потому что мне тяжело расстаться с тобой...

— Ты чувствуешь, что долг передо мной давит на тебя?

— Если считать долгом то, что я должен тебе свою жизнь, то да. Но... даже если бы не мой долг, я бы хотел, чтобы ты была рядом. Если нет, я буду искать тебя.

— Ты не волен поступать так.

Я кивнул.

— Не стоит напоминать мне об этом, госпожа. В этом я действительно не волен. За тобой нет долга — выбирать тебе.

Она закрутила на палец завиток своих длинных волос, ниспадающих до пояса.

— Хорошо сказано. — Что-то рассмешило ее в моем ответе, хотя мне не хотелось, чтобы она смеялась в такой момент. — Мне даже начинает казаться, что, узнав одного из Эсткарпа, я узнаю намного больше. Но твоя сестра может причинить нам много неприятностей... Хорошо, я еду с тобой... на этот раз. — Эй! — Ее лошадь рванула вперед.

Я вскочил на Сабру и, вцепившись за подобие гривы, устремился за Дахаун. Солнце выглянуло из-за облаков и, коснувшись ее своими лучами, превратило развевающиеся по ветру волосы Дахаун в золотистый поток — цвета ее драгоценных камней. От нее исходила энергия света и жизни.

Глава 12

Навстречу нам кто-то неуклюже передвигался то на трех ногах, то на негнущихся передних, потом снова спотыкался и бежал на трех. Дахаун осадила свою лошадь и подождала, пока это существо приблизилось. Поравнявшись с ней, оно подняло узкую голову, оскалило клыки. На черных губах выступила пена, пятнистые шея и плечи взмокли. Когда я догнал Дахаун, то испытал чувство отвращения и ужаса одновременно. Перед нами было не животное, а нечто среднее между зверем и человеком — оборотень. Волк-человек зарычал на меня.

— Согласно договору. — Слова его больше напоминали хриплый кашель. Он приподнял раненую руку-лапу.

— Согласно договору, — ответила Дахаун. — Странно, Фиккольд, что ты рыщешь в наших краях. Что, дела так плохи, что Тьма ищет помощи у Света?

Страшное существо снова зарычало, глаза его сверкнули злобным огнем — желто-красные вкрапления зла, против которого восставало все человеческое — плоть и дух.

— Придет время... — злобно рыкнул он.

— Да, придает то время, Фиккольд, когда мы померимся силами, и не так, как сейчас, а в открытом бою. Но, похоже, ты уже проиграл сегодня.

Желто-красные глаза оборотня не смогли выдержать властного взгляда Дахаун, и, уставившись на меня, он сердито рыкнул и передернул плечами, словно хотел кинуться и разорвать меня на куски. Рука моя дернулась к мечу, которого не было.

Дахаун резко заговорила.

— Ты потребовал законного, Фиккольд. А теперь ты переступаешь через запретную черту?

Полуволк-получеловек обмяк, облизал красным языком пену с губ.

— А ты связалась с одним из них, Морквант? — спросил он в свою очередь. — Серые существа и Те, Кто Живут Отдельно, будут рады услышать такое. Нет, я не переступил черты, скорее всего ты сама перешла через барьер, и если ты имеешь дело с ними, не медли, Зеленая Леди, им срочно требуется помощь.

Рыкнув на меня на прощание, Фиккольд заковылял дальше, по направлению к целительным резервуарам, прижав раненую лапу к груди.

Значит, Каттея и Кемок, если верить его словам, в опасности. Нужно мчаться по его следу.

— Нет! — Дахаун схватила меня за плечо. — Нет! Никогда не двигайся вдоль следа оборотня. Иначе ты сам оставишь свой след открытым для них. Нужно пересекать его, вот так...

Она поскакала зигзагом, перепрыгивая то и дело через кровавый след, оставленный раненым Фиккольдом. И хотя мне казалось, что тратить драгоценное время на подобные маневры бессмысленно — ведь мой брат с сестрой нуждаются в помощи — я подчинился ей.

— Он сказал правду? — спросил я, поравнявшись с ней.

— Да, в данном случае Фиккольду лучше было говорить правду. — Она нахмурилась. — И если они почувствовали себя достаточно сильными для того, чтобы противостоять в открытую Силе, которой обладает твоя сестра, то равновесие действительно нарушено, и силы, дремавшие на протяжении долгого времени, пробудились! Сейчас мы узнаем, кто или что действует...

Она поднесла руки к губам, как тогда, когда звала своих рогатых слуг. Но сквозь пальцы не проник ни один звук. Я услышал его внутри себя — полный отчаяния, боли. Наши лошади высоко подняли головы и захрапели. Я не удивился, увидев в небе сияние — фланнан в облике птицы летел к нам. Он опустился рядом с Дахаун. Она слушала его какое-то время, потом обернулась ко мне, лицо ее выражало тревогу.

— Фиккольд сказал правду, но на самом деле все значительно хуже, Киллан. Люди твоей крови попали в одно из Мест Тишины, и вокруг них наложено тройное кольцо, которое не сломить никаким колдовством — твоя сестра бессильна сделать что-либо. Там они будут до тех пор, пока смерть не настигнет их тела...

Я уже видел смерть. Но Каттея и Кемок! Нет, пока я дышу, двигаюсь, пока у меня есть руки для того, чтобы держать оружие или сражаться без него, я не допущу их смерти. Я ничего не сказал Дахаун, меня переполняли гнев и решимость. Я бросил их тогда у реки, и теперь должен действовать немедленно.

— Я знала, что ты захочешь поступить именно таким образом, — сказала она. — Но, не считая силы телесной, воли, присутствия духа и зова сердца, тебе потребуется еще кое-что. Где твое оружие?

— Найду! — процедил я сквозь стиснутые зубы.

— Вот одно из них. — Дахаун показала на металлическую плеть, которая свисала с моего пояса. — Не знаю, подойдет ли оно тебе. Его делали для другой руки и другого восприятия действительности. Попробуй. Это сильное оружие — действуй им, как хлыстом.

Я вспомнил те молнии, что неизвестный всадник посылал в расти. Я стегнул плетью по земле — мелькнула вспышка огня, и земля обуглилась и почернела. Я вскрикнул от радости. Дахаун улыбнулась.

— Похоже, ты вовсе не отличаешься от нас, Киллан Трегарт из Эсткарпа. Теперь ты сможешь драться не голыми руками, но тебе придется сражаться одному. Звать подмогу некогда. Тебе надо спешить на помощь. Мы расстанемся здесь, воин. Иди по кровавому следу, и делай то, что задумал. У меня свои дела.

Она с места пошла галопом и ее рогатый скакун сразу исчез из виду — я не ожидал от него такой прыти.

Я последовал дальше, по следу оборотня, исполняя наставления Дахаун и постоянно пересекая эту кровавую дорожку. Мы спустились с того места, куда примчал меня жеребец. Я не увидел ни мертвого леса, ни города — лишь слева от меня вдалеке мелькнуло серое облако. Сабра избегала и многие другие опасные места, огибая нагромождение камней, бесцветное скопление растительности и тому подобное. Я полностью полагался на лошадь в принятии таких решений, потому что это место было в руках незнакомых мне сил. Сабра сбавила скорость. Я подумал о том, как удалось Фиккольду преодолеть такое расстояние с поврежденной лапой. Стая черных крылатых существ поднялась из зарослей кустарника и начала кружить над нами, хрипло крича.

— Хлыст!

Откуда пришло это предупреждение? Затем я увидел, что Сабра повернула голову. Я понял: та, что несла меня на себе, спасла меня от беды. Я ударил плетью. Яркая вспышка... одна из тварей перевернулась в воздухе и рухнула на землю. Остальные разлетелись в стороны и образовали кольцо. Три раза они пробовали атаковать нас, и каждый раз их останавливал удар хлыста. Потом они улетели вперед, решив, наверное, устроить засаду. Мы продолжали спускаться со склона. Трава была гуще и темнее, чем в горах. Местами она была сильно примята,

словно здесь прошло какое-то войско. Навыки разведчика заставили меня насторожиться. Скакать прямиком в лапы неведомой силы неразумно, когда требуется твоя помощь. Я мысленно обратился к Сабре.

— Они знают, что ты приближаешься. Ты не спрячешься от тех, кто правит здесь.

Ответ прозвучал отчетливо и вовремя. Я принял во внимание совет лошади. Она перешла на шаг. Затем Сабра высоко задрала голову, ноздри ее сильно раздувались — казалось, что по запаху она пытается определить, что ждет нас впереди. Кровавый след вел нас прямо, но лошадь повернула направо.

— Вдоль колонн. Здесь перемирие.

Объяснения Сабры были мне непонятны, но я ничего не имел против нашего маршрута. Я не чувствовал в воздухе каких-либо особых запахов. Но что-то заставляло насторожиться — давило на душу, затемняло сознание, и мрак этот нарастал с каждой минутой...

Мы добрались до вершины другого склона, и перед нами открылась равнина, вдали блестела река. Я увидел колонны-менгиры, но расположенные не по спирали, как в каменной паутине, а образующие одну кольцевую линию колонн, две из которых упали. Они словно охраняли каменное возвышение — платформу голубоватого цвета. И на этом возвышении были те, кого я искал. Вокруг них кишела стая всяких тварей — они ползали, рыскали вокруг менгиров, втягивали носами воздух. Черные своры расти шныряли туда-сюда среди примятой травы. Несколько оборотней бегали мимо каменного возвышения, то на четырех лапах, то на задних. Черные птицы рассекали небо. Какой-то чешуйчатый монстр то и дело поднимал уродливую голову и вытягивал лапы. Собирались и сгущались белые шары тумана. Но все это двигалось за кольцом из камней, не достигая того места, где лежали две колонны. От кольца расходились две каменные линии из колонн — одна к реке, другая на склон холма, чуть правее от нас. Многие колонны упали, некоторые были сломаны, почернели, словно в них по-

пала молния. Сабра поскакала рысью к ближайшим менгирам. Она опять начала петлять — сломанные и почерневшие камни она перепрыгивала или обегала, около остальных ускоряла шаг. Так мы продвигались к осажденному кругу.

— Киллан! — приветствие от тех, кого я искал. Затем: — Будь осторожен! Слева...

Среди тварей возникло замешательство, потом один из монстров неуклюже побежал к нам. Он раскрыл пасть, чтобы обдать огнем и паром. Я стегнул его хлыстом — молния мелькнула над головой чешуйчатого чудища. Но это не остановило его. Следующий удар пришелся ему по голове, между глазами. Он издал дикий вопль, но все-таки ринулся на нас. — Держись! — Не Кемок, не Каттея — Сабра предупреждала меня.

Животное подо мной напружинилось, прыгнуло и приземлилось у вертикальной колонны. Монстр со всего маха ударился о камень, взвыл еще громче, пытаясь настигнуть нас. К нему присоединились другие атакующие. Оборотень, пожирающий нас своими желто-красными глазами, шипящие расти, туманный шар...

— Держись!

Я ухватился свободной рукой за шею лошади, держа наготове хлыст. Она проскочила через одну из разрушенных колонн, в то время как я стегнул по туману, пытающемуся нас окутать. Яркая вспышка огня. То, что было туманом, исчезло. Расти заверещали и бросились врассыпную, когда плеть настигла двух из них. Мы добрались до следующего безопасного места у колонны. Впереди нас поджидали расти и оборотни. Туман сдался, не хотел больше связываться с моим грозным оружием.

— Вперед — сейчас!

Это Каттея. Она стояла на голубом камне, прижав руки к губам и напевая заклинания. И хотя я не слышал того, что она пела, но почувствовал, как все мое тело откликается на ее голос, наполняется силой. Мой рогатый друг помчался еще быстрее. Я размахивал плетью по сторонам, прокладывая дорогу. Я

услышал, как взвыл человек-волк. Он кинулся на меня, пытаясь сбросить с Сабры. Я опалил его ударом хлыста — удача сопутствовала мне — но он успел разодрать мне руку. Я умудрился не свалиться с лошади и не выронить свое оружие. Наконец-то мы добрались до круга. Снаружи эти твари завопили от досады и поражения.

Сабра поскакала к голубому каменному возвышению. Кемок полулежал, облокотившись на свернутый плед. Шлема на нем не было, рука перевязана. В другой руке он сжимал меч с обломанным концом. Каттея стояла рядом, прижав руки к груди. Она превратилась в собственную тень, как после многих месяцев тяжелой болезни, ее красоту сменила усталость — я боялся взглянуть ей в глаза. Спрыгнув с лошади, я подошел к ним, бросил хлыст, распахнул для объятий руки — пусть берут всю мою силу, любовь, все, что у меня есть. Кемок приветствовал меня чуть заметным движением губ, слабым подобием своей прежней улыбки.

— Добро пожаловать обратно, брат. Я должен был знать, что бой — это то, что вернет тебя, когда ничто другое уже не подействует.

Каттея подошла к краю камня и упала мне в руки. Она прижалась ко мне — не колдунья, а сестра, которая страшно напугана и ждет сочувствия. Она подняла голову, не открывая глаз.

— Сила. — Она беззвучно произнесла это слово — только губами. — Ты был во власти Силы. Когда? Где? — Любопытство побороло ее усталость.

Кемок приподнялся, стиснув зубы, и медленно встал. Он осмотрел меня с ног до головы, дотронулся до шрамов, которые уже зарубцевались.

— Похоже, это не первая твоя битва, брат. Но... у тебя рана... — Он показал на разорванный рукав, на то место, за которое меня ухватил оборотень. Каттея взволнованно посмотрела на меня.

Я не чувствовал боли. Наверное, те резервуары давали некий запас целительных сил на будущее, потому что пока

Каттея осматривала рану, края ее зарубцевались и она перестала кровоточить.

— Кто помог тебе, брат мой? — спросила она.

— Леди Зеленой Тишины.

Сестра подняла на меня удивленные глаза, словно искала намека на шутку.

— Ее также зовут Дахаун и Морквант, — добавил я.

— Морквант! — воскликнула Каттея. — Зеленое племя, жители лесов! Мы должны узнать больше!

— Вам что-нибудь удалось узнать? — я надеялся, что посланник, которого мы сотворили, уже передал что-либо. — Что случилось на этой земле? Как и почему вы попали сюда?

Первым ответил Кемок.

— Отвечаю на твой первый вопрос, брат. Где-то рядом беда. Мы покинули остров, потому что... — Он замолк, отвел глаза.

Я закончил за него:

— Потому что отправились на поиски того, кто стал легкой добычей для врага? Разве я не прав?

И он уважал меня достаточно, чтобы не лгать мне.

— Да. Каттея... Когда мы проснулись, она поняла, что тебя забрало к себе зло.

Каттея тихо спросила:

— Разве не ты открыл ворота, используя свой дар, даже во имя добра? Мы не знаем, как тебя забрали к себе. Только то, что мы должны были найти тебя.

— Но посланец... вы должны были ждать его возвращения.

Она улыбнулась.

— Не совсем так. Он явится туда, где я... хотя этого еще не произошло. Мы нашли твой след — по крайней мере, след зла. Но куда он ведет... — Она вздрогнула, — нам туда нельзя, у нас нет защиты. Потом явились эти, и мы убегали от них. Сюда им не проникнуть. И мы укрылись здесь, а потом поняли, что сами загнали себя в ловушку — они поджидают нас снаружи, а мы окружены двумя стенами, одна из которых вражеская.

Она вздохнула и покачнулась — я успел подхватить ее. Каттея закрыла глаза. Я положил ее на плед.

— У тебя наверняка нет с собой еды, брат? Мы три дня не видели ни крошки. Сегодня утром мы утолили жажду росой. Но такое количество влаги не спасет от пустого желудка!

— Зато у меня есть вот что, — я коснулся хлыста ногой. — Он выведет нас из этого места...

Кемок покачал головой.

— У нас нет сил на такой рывок сейчас. К тому же, стоит только Каттее попытаться выбраться отсюда, как она потеряет свой Дар.

Я не хотел соглашаться с ним. — Каттею посадим на Саббру, а сами побежим рядом — стоит попробовать! — Но я уже знал, что он прав. Вне защиты этих камней мы не сможем противостоять своре, рыскающей, ползающей и вынюхивающей все вокруг и поджидающей нас. Вдобавок ко всему, Кемок и Каттея заперты здесь злыми чарами.

— Ох! — Каттея вдруг вздрогнула, потом ее начало трясти, как в ту ночь, когда она выпустила нашего посланца. Она открыла глаза и уставилась невидящим взглядом куда-то вдаль.

— На камень, рядом с ней! — закричал Кемок. — Там самое безопасное место.

Мы перенесли Каттею на это место, подложили под ее истерзанное тело плед, а затем сели рядом с ней. Она стонала, размахивала руками, иногда поднимала их вверх и пыталась что-то поймать.

Мощный гул голосов, сопровождавший меня при входе в круг, стих. Дикие твари выстроились в ряд вокруг нас, не проронив ни звука. Каттея ухватилась за руку Кемока, крепко сжала ее. Мысли брата передались мне, и я взял ее за другую руку. Теперь мы слиты воедино, как в ту ночь.

Наступило ожидание. Потом в воздухе появилось какое-то свечение. Оно разрасталось, становилось все ярче, принимало знакомые очертания — крылатый жезл! На некоторое время он завис в воздухе над нашими головами, а потом вдруг стреми-

тельно метнулся вниз и превратился в белое пламя. Каттея изогнулась, потом громко закричала — посланец вернулся к той, что дала ему жизнь. Вслух она ничего не произносила, но мысленно мы слышали ее слова. Потом все исчезло.

Глава 13

Вдруг мы увидели все как бы двойным зрением. Сначала мы зависли в воздухе над этой землей — такой, какой она была в прошлом: под нами раскинулись поля, леса и горы. Прекрасная страна — без намека на царство Тьмы, без Мест Зла. И населяли ее прекрасные люди. Мы увидели цветущие сады и красивые замки, мирные города. На склонах гор разместились высокие башни. Люди Древней расы жили беспечно и радостно.

Другой народ, населявший эту землю, был более древнего происхождения и обладал Даром, за что удостаивался особого почитания. Повсюду лился золотистый свет — казалось, что мы скачем сквозь сумерки вопреки ветру и темноте, а впереди нас ждут гостеприимные огни замков — там живут друзья. Но между нами лежал временной барьер. Потом все стало меняться. Здесь тоже были колдуньи, но они не обладали столь могучей Силой, как в Эсткарпе. В этой стране Дар был не только у женщин, но и у некоторых мужчин.

Откуда же пошло Зло? Из добрых побуждений, не из злых умыслов. Горстка исследователей решила поэкспериментировать с Силами, которые, как они считали, понятны и подвластны контролю. И их открытия, в свою очередь, еле заметно изменяли дух, ум, а иногда и тело. Они искали новые способы применения Силы, а получили Силу ради Силы; но они не остановились на этом, а продолжали свои опасные опыты.

Годы пролетали перед нашими глазами как мгновения. Появилось множество всяких братств и обществ, сначала тайных, потом легальных, которые занимались подобными экспериментами — сначала с добровольцами, затем по принужде-

нию. Дети, животные, другие существа рождались непохожими на своих родителей. Некоторые были еще красивее и обладали какими-то особыми ценными качествами. Но таких с каждым разом становилось все меньше и меньше. Сначала тех, кто рождался с какими-либо тяжкими отклонениями, уродствами, уничтожали. Затем предложили оставлять их для дальнейшего изучения и исследования. Позже их выпустили на свободу, чтобы наблюдать за ними в естественной обстановке. А потом этих уродов, чудовищ, мутантов стали использовать в корыстных целях — зло растекалось по всей земле. Их создатели стали целенаправленно производить таких слуг — оружие Зла. И началась борьба за выживание Света. Часть представителей Древней расы не попала под это зло. Они попытались собрать под свои знамена войска против страшного врага. Но было слишком поздно — они оказались лишь горсткой храбрецов против полчищ нечисти. Войска Древней расы терпели поражение за поражением, их ряды на глазах таяли, и вот-вот они могли окончательно затеряться в этом океане грязи и злобы, утонуть в жутком болоте, в которое превращалась их земля. Шансов на спасение не оставалось.

Некоторые считали, что лучше погибнуть в бою, чем жить под игом врага, способного растоптать все доброе на своем пути — лучше смерть, чем такое рабство. У них нашлось много сторонников. Мы видели, как они собирают гвардию, держат оборону в замках, а потом на них обрушивается страшная сила...

Другие решили, что не стоит хоронить себя заживо или идти на верную смерть в бой с неравным противником. Среди этой малой части людей были те, кто обладал Даром и кого побаивался враг. И они объединили своих сторонников, выбрали собственную дорогу. И вот часть Древней расы, уходившей глубокими корнями в эту землю, покинула ее, вырвав из земли и забрав с собой жизненные силы и энергию. Им никогда не приходилось странствовать, скитаться по чужим землям, но они смело отправились навстречу неизвестности. Им было страшно покидать эту землю, но они были полны решимости и надежды.

Они двинулись на запад, к горам. Их преследовали слуги Зла, заставляли повернуть назад. Они теряли мужчин, женщин, целые семьи... но не сворачивали со своего пути, прокладывали дорогу через горы. Наконец они переступили вековой барьер, и горы закрылись за ними на многие столетия.

Оставшись хозяйничать на этой земле, Зло упивалось своей свободой. Но оно не являлось полноправным владельцем мира, хотя то, что притаилось в глубине, еще не давало о себе знать. Древняя раса не взяла с собой ни одного мутанта — ни доброго, ни злого. Некоторые незлые существа отделились и заселили огромные пространства. Остались и те люди, что не принадлежали к Древней расе и жили на этой земле с незапамятных времен. Они были так привязаны к родине, что не смогли покинуть ее.

Были и другие представители Древней расы, которых новые правители остерегались: несмотря на то, что они не выступали против Зла, не помогали активно Добру, эти люди владели той Силой, что не подвластна Злу. Они тоже удалились в уединенные места. Но на большинстве территории всецело правило Зло.

Время текло как быстрая река. Те, кто упивался своей властью, стали использовать ее все более расточительно. Они ссорились, грызлись друг с другом, так что страну раздирали почти беспрерывные ужасные войны с демоническими существами. И так продолжалось столетиями; одни силы поглощали другие, злоба пожирала свои жертвы, не задумываясь. Потом многие опомнились, создание новых чудовищ прекратилось. И лишь годы, века спустя на измученной земле наступил покой. Силы Зла продолжали существовать, но большинство из них под воздействием многочисленных экспериментов и опытов погрузились в некое странное бездеятельное бытие. И те, кто удалился в свое время от Зла, стали понемногу набирать силу, истощенную многими столетиями самообороны. Они выжили, потому что не сражались со Злом в открытую. Со временем они вновь стали управлять половиной страны, не вступая в прямую

конфронтацию со Злом, иногда показывающим зубы. И это длилось так долго, что стало общепринятой нормой жизни.

Потом... в этот уравновешенный мир пришли мы. Мы увидели кое-что из того, что натворили. Колдовство пробудило дремавшие злые силы. И против них мы были так же беспомощны, как пылинка на ветру. Ведь Зло жило на этой земле с давних пор, имело здесь прочные корни. Будь мы сильнее — хоть ненамного — нам бы удалось выгнать Зло из этого мира, закрыть за ним двери, освободить страну и наполнить ее только добром.

Я открыл глаза и посмотрел на Кемока.

— Ну вот, теперь мы все знаем, — спокойно ответил он. — И нам не стало лучше от этого. Совет, будь он на нашем месте, справился бы со Злом. Но мы не сможем! Эта земля осталась такой же загадочной.

Я разделял ностальгию по той сказочной земле, которая явилась нам вначале. Всю свою жизнь я видел только войны и беды. И с раннего детства знал, что это закат страны и надежда на выживание ничтожно мала. Но, увидев, как можно было бы жить в мире и согласии, мы омрачились еще больше, так как были не в силах что-либо изменить, спасти эту землю — мы не могли спасти даже собственные жизни...

Каттея зашевелилась и открыла глаза. Слезы текли по ее впалым щекам.

— Как прекрасно! Как хотелось бы там жить! — прошептала она. — Ах, если бы только у нас была Сила, мы бы вернули все это!

— Будь у нас крылья, — сказал я, — мы бы улетели отсюда! — Я посмотрел через плечо на тех, кто притаился за нашими спасительными камнями. Создания Тьмы по-прежнему рыскали кругом. И я знал, что так будет продолжаться до тех пор, пока нас не станет — они дождутся нашей смерти.

Темнело, и хотя в этом месте мы были в безопасности, становилось не по себе от одной только мысли, что ночью наступит их время, и они наберутся сил. Я почувствовал, что

проголодался, — представляю, как голодны Каттея и Кемок. Оставаться здесь и ждать смерти — нет, я не согласен! Я снова подумал о Сабре. Она доставила меня живым и невредимым сюда — сможет ли она выбраться обратно? Сможет ли послужить нашим посланцем? А Дахаун — захочет ли она помочь нам на этот раз? И сможет ли? Прошло уже несколько часов, а ее все нет... Ведь одним нам не справиться. Опять я подумал о том, что можно посадить Каттею на Сабру, самим бежать рядом... Раздался слабый голос сестры:

— Разве ты забыл, брат? Они поставили колдовской заслон. Но, может, вы с Кемоком — может быть, вас это не касается...

Втроем мы подумали об одном и том же — либо вместе, либо никто.

— Может быть, их все-таки удастся побороть нашей Силой?

Она покачала головой.

— Я и так натворила слишком много неразумного. Пробудила злые силы — они сейчас охотятся на нас. Ребенок, который играет с мечом, обязательно поранится, потому что у него нет ни навыков, ни силы для того, чтобы им пользоваться. Остается одно, братья мои: черные твари не могут добраться до этого места. Благодаря такой защите нам грозит обычная смерть, а не та, что уготовили нам они.

Вспомнив свои ощущения в тот момент, когда жеребец нес меня прямиком в город мертвой тишины, я принял окончательное решение. Я не собираюсь ждать смерти, какой бы она ни была, буду сопротивляться. Все мои надежды были обращены к прекрасному духу, к той, что спасла мне жизнь и ускакала от меня...

Я закрыл глаза и попытался сосредоточиться на ее лице, хоть как-нибудь добраться до нее мысленно, узнать, стоит ли мне надеяться. Если нет, то остается только один отчаянный и, безусловно, последний в моей жизни рывок. Но не так-то просто было представить ее в воображении — слишком изменчивым был ее облик — я видел то неясное лицо, то сразу несколько лиц. Дахаун то походила на Древнюю расу, то причудливо

менялась. Она наверняка более древних кровей, и человеческого в ней мало.

Сабра привлекла мое внимание ржанием. С наступлением вечера менгиры начали тускло светиться. Казалось, они обвиты светом, как виноградом. И голубой камень, на котором мы расположились, тоже излучал таинственный свет. В отблесках я увидел, как Сабра оглядывается по сторонам, задирает голову, раздувает ноздри. Ее рог засиял красным огнем, потом вдруг лошадь закричала. Что это — вызов невидимому врагу?

Я уже приготовился увидеть черное мерзкое создание, затащившее меня в свои каменные сети, среди окружавших нас тварей. Но в ответ на голос Сабры появилось нечто другое — на склоне замерцали огоньки и стали спускаться вдоль колонн. Сомнений не было — удары волшебного хлыста!

— Дахаун! — я вложил в этот безмолвный призыв всю свою надежду.

Ответа не последовало. Потом еще один удар хлыста, вспышка молнии в небе. Загорелся кустарник. И за нашим кругом вдруг раздался дикий вой — подали голос те, кто сторожил нас.

— Сабра... — я попробовал связаться мысленно с лошадью. — Кто это?

— Тише! Разве ты хочешь, чтобы Тьма узнала? — раздалось в ответ.

Я удивился. Получалось, что лошадь разговаривает со мной на равных, даже поучает меня, как ребенка. Это непохоже просто на контакт с животным. Значит, Сабра — не просто лошадь... Я уловил довольную нотку в ответ на мое удивление. Потом вдруг она словно отгородилась от меня, контакт прекратился.

Каттея взяла меня за руку, потом ухватилась за Кемока и с трудом приподнялась.

— Приближаются силы, — молвила она еле слышно. Но свечение колонн мешало нам рассмотреть то, что двигалось к нам. Мы слышали гул злобных голосов. Удары хлыста смолкли.

— Ты можешь связаться?.. — потребовал Кемок.

— Нет, нельзя. Я могу потревожить, разбудить... — Каттея чуть помедлила. — Наша Сила — это своего рода смесь. Официальное колдовство, обрядовое, постигается в процессе учебы. Настоящая магия намного древнее, примитивнее, связана тесным образам с природой. Она не разделяется, как это принято у нас, на черное и белое, на добро и зло. В Эсткарпе используют и то, и другое, но больший упор делают именно на колдовство, не на магию. Здесь же царит магия, но она претерпела столько изменений, стала как бы нечистой, дьявольской. А колдовство отступило и приняло древнее обличье. Поэтому я всколыхнула своим колдовством неведомые нам силы. Сейчас нам может помочь только магия, а в ней я не сильна. Скажи нам, Киллан, кто она такая, эта леди Зеленой Тишины, и как ты с ней познакомился?

Продолжая внимательно следить за тем, что происходит вокруг, я рассказал то, что со мной приключилось, особенно подробно описав события после моего пробуждения в целебном резервуаре.

— Природные силы, — прервала меня Каттея. — Изменение облика... Она обладает Силой, которая приспосабливается...

— Что ты имеешь в виду? — интересно, как моя сестра, ни разу в жизни не видев Дахаун, сможет объяснить какие-то ее тайны.

— Зеленая Тишина — страна лесов... их населяют люди зеленого племени. И их колдовство буквально произрастает из ветра, воды, неба и земли. Совсем не так, как мы применяем силы природы, создавая иллюзии, разрушая что-либо, нет — они чувствуют ритм и настроение природы. Они используют, например, бурю, не вызывая ее, бурлящий поток реки — но в его пределах. И все животные и птицы, даже растения, могут им подчиняться — если только они уже не подчиняются силам Зла... Они принимают тот цвет, что их окружает в природе. Ты можешь не заметить их среди листвы, в воде, даже на открытом месте. Но они не могут жить среди каменных стен, среди привычной нам обстановки — там зеленые люди погибнут. Они —

сами жизнь. И они слишком осторожны, чтобы рисковать всерьез. В чем-то они, действительно, сильнее нас, хотя мы и занимаемся искусством колдовства на протяжении многих веков; а в чем-то более уязвимы. Подобных им нет в Эсткарпе, они бы никогда не смогли покинуть ту землю, в которую глубоко вросли своими корнями. Но в наших легендах о них говорится...

— Легенды — это было давным-давно, — прервал я сестру. — Дахаун... она не может быть той леди...

— Но, послушай, Морквант — это одно из имен, которым мы, колдуя, вызываем ветер, а ты говоришь, что она представилась еще и так. Не забывай и о том, что, несмотря на клятву, она безбоязненно знакомится с тобой, значит, не боится, доверяет тебе. Ей не грозят чужие заклинания...

Над нашими головами раздалось щебетание. Удивленные, мы посмотрели на зеленую птицу — я уже видел ее, когда меня мучила боль. Три раза она прокружила над нами, издавая красивые трели. Каттея побледнела, вцепилась мне в плечо.

— Они... они действительно всемогущи! Меня заставили... замолчать! — прошептала она.

— Замолчать? — переспросил Кемок.

— Я не могу использовать свой Дар. При любой попытке колдовства я не смогу произнести ни одного заклинания! Почему, Киллан? Зачем они сделали это? Они желают нам зла, брат! Они объединились со Злом!

Она отпрянула от меня и бросилась к Кемоку. Он посмотрел на меня враждебно, как никогда раньше. Не отрицаю, у него были для этого все основания. Я вернулся к ним при помощи этой силы, а она направлена против Каттеи, забирает у нее единственную защиту. И я не принес им спасения, лишь навлек новую беду. Я не хотел верить в то, что нам желают зла, не терял надежды на помощь. Твари продолжали сновать вокруг. На фоне мерцающего менгира появилась вытянутая голова волка — огромная лапа, растопыренные когти... Каттея убрала руку с плеча Кемока. В глазах ее появился страх.

— Огни... Посмотрите на эти огни!

Я и не заметил, что произошли изменения. Когда мы очнулись после путешествия во времени, воздух был такой же голубой, как каменная платформа. Теперь все вокруг было окутано желтоватым дымом, вселявшим в душу тревогу. Кольцо нечисти вокруг нас начало сужаться. То там, то тут вырисовывались их морды и лапы.

Сабра нетерпеливо забила копытом по земле — почудилось, что бьют в барабаны. Каттея силилась что-то сказать, но не могла. Она размахивала руками, словно пыталась воспротивиться невидимым силам, не подчиниться их воле. Я знал, она отстаивает право использовать собственную силу...

Лошадь понеслась вдруг рысью по кругу, огибая голубую платформу, потом перешла на галоп. Она громко заржала, и в желтой дымке появилось еще больше обличий зла. Потом я заметил то, что привело меня в замешательство — Сабра бежала уже не по примятой траве, а по стремительному зеленому потоку. Под ее ногами он бурлил и образовывал водовороты. Не свет, не туман — именно поток, но чего, я не мог понять. И голубой камень под нами вдруг начал нагреваться, голубоватые струйки с четырех сторон изгибались и сливались с зеленым потоком, принимая его цвет. И все это стало надвигаться на желтый туман. Сабра продолжала идти по кругу галопом. У меня закружилась голова от ее стремительного бега. Зеленый поток охватил менгиры — последовала вспышка света, напомнившая мне тот момент, когда я ударил хлыстом по туманному шару. На мгновение меня ослепило, я невольно прикрыл глаза руками. Менгиры превратились в зеленые свечи. Не было видно стражей с их жадными глазами. Колонны начали покачиваться, свет поднимался все выше. Дальше мы ничего не видели, лишь слышали — сначала крик, потом, судя по всему, кто-то побежал... Твари кинулись врассыпную! Я вскочил на ноги, спрыгнул с платформы, нашел свой хлыст.

Колдовство! Может быть, не то, что мы знали, но колдовство пришло к нам на помощь. С хлыстом в руке я всматривался вдаль.

— Дахаун! — прошептал я, и был почти уверен, что она ответит мне.

Глава 14

Они появились неожиданно между двух свечей-менгиров — словно возникли из воздуха. Дахаун — не призрачная, настоящая, в ореоле зеленых волос, точно таких же, как поток под копытами Сабры, с отливающей зеленью кожей. Ее спутники были того же цвета. Они лениво помахивали хлыстами, Дахаун держала свое грозное оружие наготове, потом стеганула им по небу.

Мы ничего не увидели, только услышали, как все выше и выше уносится пение птицы, потом оно смолкло в ночном небе, чтобы уже не вернуться. Потом откуда-то сверху хлынул огненный дождь, разбрасывающий зеленые блестящие брызги между нами и звездами. Эти блестки медленно падали, мерцая в воздухе. Трое всадников по-прежнему сидели верхом и задумчиво смотрели на нас.

Дахаун сопровождали двое мужчин, внешне похожих на людей, если не считать небольших изогнутых рожек, не таких, как у их лошадей, а цвета слоновой кости. На них была такая же одежда, как и на мне, но плащи были пристегнуты на плечах и развевались за их спинами. В их облике не было ничего изменчивого, как у Дахаун, но какое-то отчужденное выражение их лиц ставило между нами барьер.

— Идите! — ее зов прозвучал властно и настойчиво. Я чуть было не поддался без раздумий. Но другая половина моего «я» удержала меня на месте. Я обернулся и протянул руку Каттее. Теперь они стояли рядом со мной, мои брат и сестра, и смотрели на тех, что ждали нас между менгиров и не делали навстречу ни шага. Я понял, что они не могут — это место не пускало их. Один из спутников Дахаун нетерпеливо ударил хлыстом о землю — посыпались искорки.

— Идите! — на этот раз она позвала нас вслух. — У нас мало времени. Свора отступила ненадолго.

Подхватив Каттею под руки, мы направились к ним. Я вдруг заметил, что взгляд Дахаун обращен не ко мне, а к моей сестре. Каттея тоже пристально смотрела на Дахаун.

Всадница подалась вперед. Она протянула руку, и та засветилась зеленым огнем, потом осторожно начертила какие-то линии в воздухе, и они тоже засветились. Каттея с трудом подняла руку. Мы с Кемоком мысленно помогали ей, вливая в нее новые силы. Пальцы ее двигались медленно, очень медленно, но чертили в ответ какие-то линии, которые мерцали голубым светом, а не зеленым, как у Дахаун.

Я услышал, как воскликнули от удивления всадники.

— Иди... сестра... — Дахаун протянула руку Каттее. И я услышал, как с облегчением вздохнула моя сестра.

Мы прошли через освещенные зеленым сиянием камни, чувствуя, как пощипывает кожу. Маленькие искорки стали отлетать от нас. Я ощутил, как встают дыбом волосы.

— Она поедет со мной! — распорядилась Дахаун, подавая руку Каттее. — Нужно уезжать немедленно!

Я вскочил на Сабру, Кемок уселся за мной. И мы помчались прочь от этого места. Впереди скакала Дахаун со скоростью ветра, Кемок и я — за ней, завершали шествие два всадника, размахивающие своими хлыстами. Мы миновали мерцающие менгиры — нас сопровождал зеленоватый туман, застилавший все вокруг. Я пытался разглядеть хоть что-нибудь, но тщетно. Что же, будем полностью полагаться на Дахаун. Она мчалась уверенно, не сбиваясь с темпа. Я удивлялся выносливости ее скакуна.

— Куда мы едем? — спросил Кемок.

— Не знаю, — ответил я.

— Может быть, нам грозят еще большие неприятности, — заметил он мрачно.

— Кто знает, хотя сомневаюсь. Здесь нет зла...

— Что-то не верится. Посмотри на тех, кто скачет сзади — не очень-то они расположены к нам.

— Они пришли, чтобы спасти нас.

В чем-то брат был прав. Дахаун вызволила нас из убежища, которое стало нашей тюрьмой, — оказала нам услугу. Но что ждет нас впереди? Неизвестно.

Я не видел дороги, но мне казалось, что мы скачем в горы, к целебным резервуарам — наверное, там живут те, кто сопровождает нас.

— Не нравится мне ехать вот так, ничего не видя, вслепую, — проворчал Кемок. — Но не думаю, что они используют такое прикрытие, чтобы сбить нас с толку. Эта земля, которую мы воспринимаем по-своему, словно ослеплена неведением. Киллан, если мы нарушили равновесие мира, то должны ответить за это — поплатиться жизнью?

Заглядывая в глубь веков, я не мог найти, как можно было бы что-либо изменить — наши знания ничего не давали для спасения этой земли. Я услышал приглушенный смех брата.

— Отлично, Киллан, предлагаешь прийти на помощь, этому миру? Разве не наши родители выступили против колдеров вслепую, обладая лишь внутренней силой? Чем мы хуже их? И нас трое, а не двое. По-моему, мы скачем к неприятелю — но втроем мы выстоим.

Мы не сбавляли шага, и туман стирал ощущение времени и пространства. Наверное, уже утро. Туман медленно таял, мы начали различать деревья, кустарник, траву. А потом нас озарил рассвет. И с первыми лучами солнца мы въехали в узкий проход между двумя скалами. Дорога под ногами наших рогатых лошадей стала ровной, а на скалах я увидел некие символы, которые показались знакомыми, хотя разобрать их я не мог. Я услышал, как Кемок за моей спиной присвистнул.

— Эйтаян!

— Что?

— Слово Власти — я встречал его в древних свитках в Лормте. Должно быть, это хорошо защищенное место, Киллан. Ни одна злая или вражеская сила не может проникнуть через такую преграду!

Символы кончились, и вскоре перед нашими взорами предстала прекрасная долина с лесами, равнинами, серебряной извивающейся полоской реки... Сердце мое затрепетало от радости. Такая же картина возникла перед нашими глазами, когда мы увидели эту страну в далеком прошлом — сказочная золотистая земля, которая не знает Зла... Пьянящий воздух, свежий ветер, — добрая страна, свободная от нечисти, полная сердечности и миролюбия.

И этот мир был реальным. Над нами парила птица с изумрудным оперением, сияющий на солнце фланнан; на камне я заметил двух ящериц, сидящих на задних лапках и провожающих нас взглядом. Рогатые кони мирно паслись на лугах. И над всем этим ощущалась аура такого покоя и благодати, которых я не испытывал за всю свою жизнь.

Мы пошли легким шагом, минуя новый коридор каких-то знаков. По обе стороны дороги благоухали цветы, словно садовники соткали богатый гобелен по случаю праздника. Потом мы выехали к реке и увидели замок. Нет, это было не здание в привычном для нас смысле слова — он вырастал из земли словно специально для того, чтобы стать пристанищем для его обитателей. Стены его — не из камня, не из мертвого леса. Это деревья или мощные высоченные кусты неизвестных нам пород образовывали крепкие перекрытия, поросшие виноградом, цветами, листвой.

Не было ни привычных крепостных стен, ни внутреннего двора. Широкий свод входа обвивал виноград. Но больше всего меня поразила крыша, пронзающая острием небо, она вся была словно соткана из перьев — изумрудных перьев тех птиц, которых мы уже видели.

Мы спешились, и наши рогатые скакуны помчались по своим делам — а для начала к ручью, напиться воды. Дахаун обняла мою сестру за плечи и повела к двери. Мы с Кемоком пошли следом, изрядно устав после длинной дороги. За виноградным занавесом нас ждал зал, устланный упругим мхом. Ширмы, сплетенные из перьев и увитые виноградом, образо-

вывали всевозможные навесы и ниши. И везде мягкий зеленый свет.

— Проходите... — обратился один из стражей к нам с Кемоком. Дахаун и Каттея успели уже скрыться за одной из ширм. Мы направились в противоположном направлении и вышли к тому месту, где пол переходил в бассейн. Я увидел густую красную жижу — знакомый запах — как в тех резервуарах. Разделся, Кемок последовал моему примеру. Мы погрузились в бассейн — постепенно вся наша усталость и волнения куда-то ушли, наступил покой и благодать как для тела, так и для души.

Потом мы как следует подкрепились тем, что поставили перед нами на гладких деревянных подносах. Наконец глаза наши закрылись, и мы уснули на кушетках, покрытых сухим мхом. И мне приснился сон.

Опять золотистая страна. Не та, в которую привели нас спасители, а та, что существовала когда-то давным-давно, увиденная глазами нашего посланника. Я смотрел на замки, такие знакомые, словно я сам жил в них. Я ехал в окружении других мужчин — тех, чьи лица были мне хорошо известны — стражей границы из Эсткарпа, людей Древней расы, с которыми мне доводилось пировать в редкие минуты перемирия, и даже тех, кого я знал в Эстфорде. И, как обычно бывает в снах, реальность и вымысел переплелись, прошлое и настоящее слились воедино, мои детские страхи исчезли, и народ наш был сильным, жизнерадостным, не знал опасностей вражеских нашествий и заката цивилизации. Но в памяти всплывала какая-то война, принесшая нам много страданий и поражений, но выигранная. И эта страшная война стоила всего, чем мы владели.

Потом я проснулся и открыл глаза — надо мной нависла полупрозрачная пелена. Я не мог опомниться после увиденного во сне — казалось, в нем заключалось что-то важное для меня... Я понял в эту минуту, что мне делать!

Кемок безмятежно спал на соседней кушетке. Я даже позавидовал ему, потому что его в данный момент ничто не

тревожило. Я не стал будить брата, оделся в ту одежду, что приготовили для нас хозяева, и прошел в зал. Четыре ящерицы сидели вокруг плоского камня, передвигая что-то маленькими лапками — наверняка играли во что-то занимательное. Они повернули головы в мою сторону и приветствовали меня немигающим взглядом. Были в зале еще двое. Они тоже посмотрели на меня. Я поднял руку, приветствуя ту, что сидела, скрестив ноги, на большой подушке; рядом с ней стоял кубок.

— Киллан Трегарт из Эсткарпа, — произнесла Дахаун. — Эфутур из Зеленой Тишины, — представила она другого.

Тот, кто сидел рядом с ней, привстал. Он был одного роста со мной, темноглазый. На нем были такие же куртка и брюки, как на мне, но помимо этого он носил украшенные драгоценными камнями пояс и браслеты, как Дахаун. Несмотря на то, что у него были рожки чуть побольше, чем у тех, что сопровождали нас от кольца менгиров, он был похож на представителя Древней расы. Я не мог сказать ничего определенного об его возрасте. Может быть, он чуть постарше меня; но, встретив его взгляд и увидев, что скрыто в их глубине, я засомневался. Он обладал властью того, кто привык командовать людьми — или силами — на протяжении многих лет, принимать решения и приказывать, спрашивать с подчиненных по всей строгости. Он походил на полководца, такого, как Корис или мой отец, Саймон Трегарт, насколько я его помню. Он оценивающе оглядел меня с ног до головы. Я выдержал его тяжелый властный взгляд. Затем он протянул ко мне руки, ладонями вверх. Не зная смысла этого жеста, я тоже протянул в ответ свои руки, ладонями вниз. Наши ладони соприкоснулись. Что-то возникло между нами — не тот контакт, что у нас был с Кемоком и Каттеей, нет — какое-то другое непонятное единство. Он принял меня.

Дахаун перевела взгляд с меня на него, затем улыбнулась. Имело ли для нее значение то, как пройдет наша встреча, не знаю, но она жестом пригласила меня присесть на соседнюю подушку и налила золотистую жидкость из сосуда в кубок.

— Каттея? — спросил я до того, как прикоснулся к напитку.

— Она спит. Ей требуется отдых, она устала не только телом. Она сказала мне, что не давала клятву колдуньи, но она не уступает им ничуть! Она обладает волей и Силой!

— Но не всегда пользуется ими правильно, — промолвил Эфутур.

Я поглядел на него поверх края кубка.

— Она никогда не пользовалась им неправильно, — возразил я возмущенно.

Он улыбнулся, и снова показалось, что он молод, а не умудрен опытом ведения войн.

— Я имел в виду нечто другое, — мягко сказал он. — Наша страна отличается от вашей — течение здесь опасно и полно неожиданностей. Ваша сестра поймет сама, что новое следует сначала изучить. Однако... — Он помедлил, потом снова улыбнулся. — Вы на самом деле не догадываетесь, что значит для нас ваше появление? Мы прошли по очень узкой тропе между кромешной Тьмой по одну сторону и Хаосом по другую. Сейчас силы тянут нас к опасной черте. Все решит случай — либо мы обретем нечто новое, либо наступит конец. Сегодня мы взвешиваем все свои возможности, Киллан. Здесь, в долине, мы в безопасности, так сложилось веками. У нас есть союзники, но нас очень мало. Возможно, враг тоже немногочислен, но тех, кто служит ему, гораздо больше.

— А если ваши ряды пополнятся? — он поднял свой кубок.

— Может быть, вам неизвестно, но мы не берем к себе тех, кто существует в других измерениях. Это корень всех нынешних бед!

— Да нет. Что если вашими союзниками станут другие люди — из Древней расы? Испытанные в боях воины?

Дахаун приблизилась ко мне.

— Они могут поддаться влиянию Сил... А о каких людях ты говоришь? Все живущие в Эскоре уже давным-давно сделали свой выбор. Горстка тех, что присоединились к нам, совсем

иссякла, а наша кровь перемешалась, так что чистой Древней расы здесь не найти.

— Вы забываете о западе.

Я заставлю их поверить в то, что задумал. И хотя их лица не выражали эмоций, а мысли были упрятаны далеко от меня, они внимательно слушали.

— Запад закрыт.

— Но мы втроем прошли.

— Вы нечистокровные! Для других этот путь закрыт.

— Но если вести их будет тот, кому дорога открыта?

— Каким образом? — вяло спросил Эфутур.

— Послушайте, возможно, вы не догадываетесь. Мы тоже, подобно вам, шли узкой тропой, но у себя в Эсткарпе... — Я рассказал им о закате Эсткарпа и о том, что это может означать для тех, кто одной крови со мной.

— Нет! — Эфутур с размаха ударил по столику, так что даже кубки подпрыгнули. — Нам не нужны колдуньи! Колдовство откроет двери колдовству. Мы и сами можем покончить жизнь самоубийством!

— А кто говорит о колдуньях? — спросил я. — Я не хочу искать с ними встречи — я поплачусь за это своей жизнью. Но воины Эсткарпа не всегда одного мнения с Советом. Колдуньи живут своей жизнью, в их сердцах нет места для простого воина. — Я пытался убедить их. — Браки там стали редки: колдуньи не хотят лишаться своего Дара, а значит, рождается совсем мало детей. Многие мужчины так и живут всю жизнь без жен и очага...

— Но если там война, то все они на службе, и тебе не найти добровольцев, — возразил Эфутур. — Либо это будут те, кому ты не сможешь доверять...

— Война скорее всего кончилась — по крайней мере, на время. Удар, нанесенный по Карстену, наверняка остановил Ализон. Но я смогу узнать это, увидев Эсткарп собственными глазами.

— Почему? — на этот раз вопрос задала Дахаун, и я ответил откровенно:

— Не знаю, почему, но я должен это сде́лать. И с этого пути не сверну...

— Да! — она поднялась и встала передо мной на колени, обняв меня за плечи, словно удерживала меня. Она заглянула мне в глаза, стараясь разглядеть мои помыслы. Потом она встала. Повернувшись к Эфутуру, Дахаун проговорила:

— Он прав.

— Но, леди! — Эфутур вскочил, глаза его заблестели. — Кто знает, что произошло, когда нарушили равновесие? То, что оно нарушено, несомненно. Но... справишься ли ты, Киллан Трегарт из Эсткарпа?

— Думаю, да, — ответил я.

Глава 15

Мы скакали по опустошенной земле. Никаких признаков тех, кто держал осаду нашего убежища из менгиров, даже следов на земле не осталось. Но я чувствовал, что за нами продолжают следить, что пустота вокруг — всего лишь короткое затишье...

Люди Эфутура ехали позади, а рядом, как я не отговаривал ее, — Дахаун. Перед нами лежали западные горы, и где-то там впереди был проход между двумя мирами...

Мы почти не разговаривали — за всю дорогу обменялись лишь несколькими незначительными словами, фразами. Дахаун иногда показывала мне некоторые ориентиры, по которым легко найти путь. Она была убеждена, что я обязательно вернусь и мне пригодится знание дороги. Но по мере того, как приближались горы, моя уверенность таяла. Я уже не понимал, почему я выбрал для себя такой путь. Я уехал тайком, не разбудив Каттею и Кемока — их жизни не должны подвергаться той опасности, что поджидает меня.

На ночь мы расположились под деревьями, которые хотя и не были такими красивыми и высокими, как те, что росли в

Зеленой Долине, но были одной с ними породы, а значит, от них исходило добро. На этот раз никаких снов я не видел — а может быть просто не запомнил... — но утром я еще сильнее поверил в то, что мне предназначено идти вперед. Дахаун ехала справа от меня и что-то тихонько напевала — и ей отвечали изумрудные птицы, а возможно фланнан в облике птицы. Она посмотрела на меня краешком глаз и улыбнулась.

— У нас тоже есть свои разведчики, воин. Они хорошо справляются со своими обязанностями. Скажи мне, Киллан, что движет тобой? Почему ты решился на это?

Я пожал плечами.

— Надеюсь, мне удастся найти тех, кто пойдет за мной.

— Ты уверен, что на твой зов откликнутся?

— Я постараюсь их убедить. Стражи Границы, которых я знаю, остались без земли и крова. В Карстене их объявили вне закона, и они бежали, прихватив с собой лишь оружие. Их мечи могут послужить вашей земле.

— Эти воины, должно быть, сильно отчаялись, если поддадутся на твои уговоры. Впрочем, большинство людей ищет место, где можно пустить корни и посадить свое дерево. Но ведь вместо покоя их ждет здесь новая война. Да... ты руководствуешься в данном случае лишь догадками, а это вещь ненадежная.

Я не смотрел на Дахаун. Я не хотел спорить с ней, и чем ближе был час расставания, тем сильнее я сомневался в собственном предназначении. Почему я? У меня нет дара слова и убеждения, нет особых заслуг на полях сражений. Почему я взвалил на себя непосильную задачу?

— В этом твое предназначение... — Она читает мои мысли? Я смутился. — Ты поможешь нам выстоять.

— Конечно! Но справлюсь ли я?

— Если только избавишься от сомнений, — сдержано заметила она. — Удача сопутствует тем, кто верит в свои силы. И хотя дорога твоя не из легких, я верю, что ты справишься. Правда, я не знаю... — Она внезапно замолчала. Потом загово-

рила снова, словно торопилась сказать все, что хотела. — Я не знаю, какие силы смогут помочь тебе там, за горами. Но здесь ты оставляешь тех, кто желает тебе удачи. Мы сделаем все от нас зависящее. Если тебя настигнет беда, вспомни об этом. Я не могу ничего тебе обещать; то, за что ты взялся, неподвластно нашим силам. Но помни: я сделаю все возможное, чтобы прийти к тебе на помощь! О брате и сестре не волнуйся...

Потом она начала рассказывать о себе, о своей жизни — передо мной открылся ее мир, тот, в котором она жила до нашего появления в Эскоре. Казалось, она взяла меня за руку и провела по огромному залу своей жизни, позволила заглянуть в потайные комнаты своей души... Из таинственной властительницы неких сил она превратилась просто в девушку, какой была моя сестра до того, как ее забрали у нас колдуньи, задумав переделать на свой манер. Потом Дахаун захотела услышать мои воспоминания. Я рассказал ей об Эстфорде, о нашей жизни там, о тех трудных годах, когда мы с братом несли службу на границе. И от того, что мы поделились с ней самым сокровенным, личным, я успокоился.

— Ах, Киллан Трегарт, — воскликнула она. — Мы ведь понимаем друг друга. Тебе тоже нравится это?

Я почувствовал, как кровь прилила к моим щекам.

— Я не могу спрятать от тебя свои мысли, леди... — мой голос сорвался.

— А разве это нужно делать? — улыбнулась она. — Ведь с первой минуты нашего знакомства все было ясно.

Она произнесла то, о чем я подумал. Меня охватил жар, я хотел сжать ее в объятиях. Но нужно держать себя в руках, я не смею... Надо сосредоточиться на предстоящем...

— Да! Да! Да! — воскликнула она. — Но только будь осторожен, и расскажи мне подробно, как вы шли сюда! Какой дорогой ты пойдешь?

Я вспомнил наш путь во всех деталях.

— Там ты будешь пешим, — Дахаун настраивала меня на те трудности, что поджидали впереди.

На мне был шлем и кольчуга Кемока, его стрелы — мой собственный меч и стрелы остались на островке. Да, я буду без лошади, почти без оружия...

— Для нас это будет испытанием — проверить, как можно проникнуть через горы, — Дахаун вскинула голову и запела. Горы были совсем близко. Зеленая птица пролетела над нашими головами. Она прощебетала что-то в ответ на пение Дахаун и взмыла высоко в небо, взяв курс на запад. Мы наблюдали за ней, пока она не скрылась из вида. Но Дахаун и после этого продолжала смотреть в ту сторону. Наконец она радостно воскликнула:

— Там нет барьера! Она над проходом. Посмотрим, сможет ли она сделать еще что-нибудь.

Наступил тот момент, когда мне пришлось спрыгнуть с Сабры, Дахаун и ее слуги остались в седлах. Дахаун молча проводила меня взглядом, потом подняла руку, как при первой встрече с Каттеей, и начертила в воздухе какой-то знак. Он ослепил меня — черты ее лица снова стали расплывчатыми, изменчивыми...

Я поднял руку, стиснул кулак, потом развернулся и начал взбираться на вершину, зная, что лучше не оглядываться, не медлить, иначе уверенность пропадет, а удача, как сказала Дахаун, сопутствует только тем, кто верит в свои силы.

Я ни разу не оглянулся; лишь добравшись до долины деревьев, по веткам-стволам которых мне предстояло пробираться, я обернулся, чтобы запечатлеть в памяти эту землю, словно перед ссылкой в неведомое. Я не чувствовал себя таким оторванным от чего-то родного, когда покидал Эскарп. Но туман закрыл пеленой все, что лежало за моей спиной. Я ничего не увидел, но даже обрадовался этому. Ночь я провел в горах, а с рассветом начал спускаться вниз там, где мы вели ничего не видевшую Каттею. На этот раз все оказалось намного проще, потому что мне приходилось думать только о себе. Однако пробираться дальше пешком не хотелось. Я задумался. Те, кто мне нужен, могут быть все еще в том лагере, где я оставил их,

когда помчался на зов Кемока. Но прошло столько времени, что все могло измениться.

К фальконерам лучше не обращаться. Они живут обособленно, поставляют наемников для Эсткарпа и моряков для салкаров. Они привязаны к своим горам, у них свои устоявшиеся традиции и обычаи. В Эскоре для них не найдется места.

Салкары не представляют себе жизни без моря, они никогда не променяют его на то место, где не бушует шторм, не бьются о берег волны. Значит, вся надежда только на представителей Древней расы, которых вытеснили с юга. Лишь немногие из них просочились в Эсткарп, остальные скитаются вдоль границы, пытаясь отомстить за ту резню, что учинили в Карстене их враги. С тех пор прошло уже четверть века, но они не забыли ужасных дней. В Карстен дорога для них закрыта. Они это понимают. Но если я предложу им пойти со мной на новые земли, прихватив с собой мечи, они могут прислушаться к моим словам. Остается только найти их и не попасть при этом к тем, кто предаст меня в руки Совета.

Я забрался на тот выступ, с которого видел костры наших преследователей, и дождался ночи — впереди лишь темнота, но это вовсе не означает, что там нет патрульных. Выдумка Каттеи с торскими скакунами — какую службу она нам сослужила? Я вздрогнул. Колдовство — не мое оружие. У меня есть стрелы, разум и опыт разведчика. Утром посмотрим, на что я способен. Я поймал себя на том, что в последних лучах заходящего солнца ищу глазами птицу, которую Дахаун направила через горы. Что она сможет сделать для меня, я не знал, но ее присутствие означало бы для меня в ту минуту многое. Но среди птиц, обитающих на этой земле, я не увидел ни одной с изумрудным оперением.

Рано утром я отправился в путь — шел той же дорогой, которая привела нас в Эскор. Так хотелось прибавить шаг, но я сдерживал себя, продвигался медленно, осторожно. Иногда останавливался, чтобы утолить жажду из фляги. Никаких искажений предметов, мешавших нам, когда мы шли в прошлый

раз, — наверное, они существуют только для тех, кто движется на восток. Я дошел до того места, где когда-то разжигали костры. Лишь пепел и следы людей, ничего больше; преследователи ушли. Здесь мне ничто не угрожает.

Следующую ночь я провел, укрывшись под кряжами. Я долго не мог уснуть, рисуя в своем воображении карту местности. Сюда нас вел Кемок, но я внимательно следил за дорогой, примечая детали. Я надеялся, что мне не составит труда проложить путь по этой земле, где я знал каждое поле, лес и холмы. Впереди раскинулась окраина заброшенного селения, там я смогу, наверное, найти пристанище.

Неожиданно в ухе как будто из-под земли отозвался стук копыт — я приподнял голову. Патруль? Но почему всадник один? Я спрятался за кряжами. Но лошадь шла прямо на меня. Что это, злой рок? Я выполз из своего укрытия и метнулся вправо, в кустарник, приготовил стрелы. Лошадь заржала — как-то заунывно. Я вздрогнул. Лошадь изменила курс и опять пошла прямиком в мою сторону, словно всадник видел меня при лунном свете! Развернуться, бежать, спрятаться? Нет, лучше встретить силу лицом к лицу... Странно, что всадник скачет в мою сторону, не скрывая своих намерений. Я притаился за кустом, приготовившись к выстрелу. Увидел седло и уздечку, запекшуюся пену на груди и морде коня, но всадника не было. Испуганное животное! Я вышел из укрытия, лошадь отпрянула назад, но я успел установить с ней контакт. Ее охватила паника, но я не мог определить причину страха. Теперь лошадь стояла с опущенной головой. Я ухватился за вожжи. Возможно, это ловушка — но тогда я бы уловил это в ее мыслях... Я почувствовал, что опасность мне не угрожает. Я смогу быстрее продвигаться по стране, да и чувствую себя верхом намного увереннее.

Я оседлал коня, и мы поехали на юг. Я видел, что мое присутствие по душе животному, страх его постепенно уходил прочь. Мы не мчались во весь опор, соблюдали осторожность, держались поближе к лесу. Я не терял с лошадью мысленного

контакта, чтобы быть уверенным, что не являюсь добычей колдуний. На ночь снял седло и уздечку с лошади, стреножил ее и пустил пастись, а сам устроился под кустом. Под голову я подложил седло и стал гадать, откуда и почему прибежала эта лошадь. Потом вспомнил о крылатом посланце Дахаун, и как ни странно, мысли эти переплетались. Но в памяти лошади я не нашел никакого воспоминания о птице.

Мой новый друг совсем не походил на торского скакуна, хотя его легкое седло с замысловатым серебристым гербом было таким же, как у стражей границы. Гербы салкаров обычно простые — голова животного, пресмыкающегося или птицы, иногда — некоего чудища из легенд. Фальконеры, не признающие семей, изображали только соколов и символы своих отрядов. Герб на седле моей лошади явно принадлежал одному из родов Древней расы, и так как в Эсткарпе они вышли из употребления, то упряжь, вероятно, принадлежала тому, кого я искал, — беженцу из Карстена.

Проверить мои догадки не составляло особого труда. Завтра утром мне нужно будет лишь оседлать своего нового друга, который пасется на лунной опушке и заставить его вернуться к хозяину... Конечно, рискованно ехать на пропавшей лошади в незнакомый лагерь. Но, приблизившись к нему, можно отпустить животное, будто оно только что вернулось назад, а я буду мысленно следовать за ней.

Просто? Безусловно, но что я скажу им? Незнакомец, пришедший из ниоткуда и зовущий присоединиться к нему, покинуть Эсткарп и отправиться в чужие, неведомые земли — поверят ли они мне? Начало простое, но следом возникает куча проблем. Если бы я смог установить контакт с теми, кого я знал, они бы прислушались к моим словам, даже в том случае, если я объявлен вне закона. Дермонт и те, с кем мне доводилось вместе воевать и нести службу. Но где искать их сейчас — вдоль всей границы? Может быть, выдумать какую-нибудь правдоподобную историю? Но вдруг я встречу кого-либо из старых знакомых?

Любой самый гениальный план военных действий может провалиться из-за какой-нибудь мелочи. Такая вещь, как упавшее после бури дерево, может свести на нет работу многих дней — это я знал по собственному опыту. «Удачливый» командир тот, кто способен принимать моментальные решения и вырывать победу из рук противника, когда, казалось бы, поражение неизбежно. Мне не доводилось командовать большим отрядом разведчиков, принимать решения, подвергающие опасности жизни многих. Как заставить умудренных опытом воинов поверить мне? Сомнения не покидали меня, когда я пытался заснуть, чтобы набраться сил перед новым днем.

Наконец я уснул, но сон был таким тревожным, что я почти не отдохнул за ночь. И тогда пришло простое решение: вернуться в тот лагерь, откуда прискакала испуганная лошадь, отпустить животное, самому спрятаться и понаблюдать за теми, кто там хозяйничает. Что я и сделал, направив лошадь на юг. Мы шли рысью, избегая открытых пространств, держась поближе к естественным укрытиям. Я всматривался в небо и искал глазами зеленую птицу. Меня не оставляла надежда — посланник Дахаун где-то поблизости.

Мы покинули Эсткарп в разгар лета, с тех пор прошло не так много времени, но все вокруг сильно преобразилось, веяло осенней прохладой. И ветер скорее напоминал зимний. Пурпурный цвет листвы, незнакомые горы — мне казалось, что я хорошо знал раньше эту местность. Несомненно, Сила изменила все вокруг. Лошадь шла на юг, и вскоре мы приблизились к возделанным полям. Я увидел недавно выкорчеванные деревья, кострища. Спешился, так как лошадь могла, оступившись, легко поранить ногу. Я опустил руку в золу и начертил на своем лбу и груди древний знак. Никогда еще мне не доводилось применять эту колдовскую хитрость — таким образом отпугивать от себя зло. Лошадь подняла голову, и я уловил ее мысль. Она дома. Я отпустил поводья, похлопал животное по крупу и отправил на поиски хозяина. Сам же под прикрытием деревьев стал пробираться к краю холма.

Глава 16

То, что я увидел с холма, не было военным лагерем. Посередине сооружено нечто вроде убежища — не на день, не на неделю, а по крайней мере на сезон — обнесенного частоколом. Несколько бревен валялось рядом — ограду достраивали.

В загоне я насчитал около двадцати лошадей, теперь к ним присоединился и мой скакун — остальные лошади приветствовали его негромким ржанием. От группы людей, занимающихся строительством убежища, отделился мужчина. Он поймал лошадь за поводья и что-то закричал.

Из укрытия показалась женщина в ярко-желтом платье. Мужчины побросали орудия труда и собрались вокруг лошади. Древняя раса! Правда более светловолосые — наверное, в их крови есть примесь салкарской крови. Все они были одеты в кожаные формы воинов. Готов держать пари, что все они в недавнем времени служили на границе. Как разведчик, я знал: такая мирная картина свидетельствует о том, что где-то поблизости есть часовые и охрана. Если они обнаружат, что я выслеживаю их, мне несдобровать, но идти в открытую, не зная их намерений...

На стене убежища я увидел свеженарисованный герб — такой же замысловатый, что и на седле лошади. Те, что поселились здесь, наверняка не ждут опасности с юга — а значит, Карстен потерпел поражение. Но зачем тогда сооружать частокол? Причем в первую очередь — ведь жилье они только начали строить? Может быть, причина кроется в том, что они слишком долго жили в страхе и не представляют жилище без подобного сооружения? И что мне теперь делать? Наверняка они выбрали это место сами, именно таких людей я ищу. Впрочем, уверенности у меня не было. Они продолжали осматривать лошадь, словно она только что возникла из воздуха, сняли с нее седло и тщательно обследовали его. Потом начали что-то горячо обсуждать, резко повернули головы в мою сторону — они не

поверили, что лошадь вернулась сама по себе. Женщина в желтом платье скрылась в убежище, потом появилась снова. Она несла кольчугу, следом за ней шла девушка в розовом платье, в руках у нее были шлемы. Четверо мужчин облачились в доспехи, пятый поднес пальцы ко рту и пронзительно свистнул. Ему ответили по меньшей мере с пяти точек — одна из них прямо за моей спиной, другая слева! Я прижался к земле. Неужели они уже заметили, где я? Если да... почему не набросились на меня? Если не заметили, то малейшее движение может меня выдать. Я принял рискованное решение: лучше самому встать и направиться в лагерь, чем быть пойманным в качестве шпиона. Я поднялся, подняв руки, подальше от пояса с оружием. И начал спускаться с холма. Они сразу развернулись ко мне.

— Давай, смельчак, пошевеливайся! — раздался резкий голос за моей спиной. — Мы не любим тех, кто приходит без предупреждения!

Я не стал поворачивать голову.

— Вы видите, что в руках у меня нет оружия. Между нами не брошена перчатка...

— Как сказать, воин. Но друг не ползет на животе, как тот, что является за головой противника и покоряет дух сраженного пулей.

За головой противника! Наверное, этот часовой один из тех фанатиков, что славились в битвах своей свирепостью. Они родом из Карстена, пережили слишком много, и поэтому придерживаются теперь варварских обычаев. Свирепый народ!

Я спускался, не торопясь. Опытным глазом я оценил местоположение их укрепления. Как только они завершат строительство частокола, их жилище превратится в надежную и неприступную крепость. Они поджидали меня в недостроенной части частокола — с оружием в руках, в шлемах и кольчугах... У того, кто стоял в центре, на шлеме были знаки отличия, выложенные желтыми драгоценными камнями. Он был средних лет, как мне показалось, хотя у людей Древней расы трудно

определить возраст. Я остановился в нескольких шагах от него и снял шлем, чтобы они видели мое лицо.

— Роду вашему приветствие, принадлежащим роду — удачи, дню — хорошего рассвета и заката, усилиям — поддержку. — Я произнес древнее официальное приветствие и стал ждать ответа. От него зависело во многом то, кем я буду для них — гостем или пленником.

Последовала пауза. Подбородок их предводителя рассекал длинный шрам от удара меча, а на кольчуге виднелась вмятина. Тягостно тянулись минуты ожидания. За моей спиной раздалось покашливание — наверное, по первому же приказу своего хозяина караульный кинется на меня. Я беззащитен перед ними, и руки подняты — я, Киллан Трегарт, жду решения!

— Род Дульмата открывает свои ворота кому?

Я услышал недовольный вздох караульного и опять встал перед сложной дилеммой. Назвать свое настоящее имя и род, к которому я принадлежу — более чем опасно; это может меня погубить, если я объявлен вне закона, а наверняка так и обстоят дела. Называя себя вымышленным именем, можно навлечь еще больший гнев, потому что, минуя их ворота, я наверняка подвергнусь проверке на ложь при помощи специального приспособления. Остается использовать очень старый обычай, сохранившийся со времен войны. Но не знаю, поможет ли это мне здесь и сейчас.

— Род Дульмата, которому солнца, ветра и богатого урожая желаю, открывает свои ворота посланнику. — Я сказал правду, и в далеком прошлом это означало, что я не могу раскрыть своей тайны, и никто не смеет выспрашивать ее у меня, иначе меня покарает Сила. Я ждал, пока хозяин примет решение.

— Ворота открыты для того, кто клянется, что не несет беды Дульмату, его людям, дому, урожаю, лошадям... — Он произносил слова медленно, с расстановкой, словно доставал их из глубин своей памяти.

Я вздохнул с облегчением. Такую клятву я могу дать. Он протянул мне свой меч — это означало, что в случае нарушения клятвы меня ждет смерть от этого оружия. Я преклонил колено и прикоснулся губами к холодному металлу.

— Я не несу беды Дульмату, его людям, дому, урожаю, лошадям!

Он подал еле заметный знак, и женщина в ярко-желтом платье принесла кубок, наполненный смесью воды, вина и молока — так обычно встречали гостя. Они действительно придерживаются очень древних обычаев, наверное, потому, что оторваны от того, что давным-давно было их домом.

Хозяин сделал несколько глотков, потом протянул кубок мне. Я немного отпил, уронив по обычаю по несколько капель направо и налево — дому и земле — потом передал по кругу кубок, который переходил от воина к воину, и, наконец, дошел до караульного, который стоял теперь рядом со мной и косился на меня с явным подозрением. Он походил на поджарого волка, выносливого и упрямого, как сталь, из которой сделан его меч. Знавал я таких. Итак, меня приняли в доме Дульмата — в неком подобии крепости. Хозяина звали лорд Хервон, и хотя он не говорил об этом, я догадывался, что когда-то он владел огромным поместьем. Леди Криствита, его вторая жена, вела хозяйство. Его первая семья погибла во время резни в Карстене. Леди Криствита подарила ему двух дочерей и сына. Дочери выбрали себе в мужья тех, у кого не было земли, и пополнили род Дульмата. Люди эти пришли сюда и начали устраивать свою жизнь в новых краях.

— Мы приметили эту долину, когда служили на границе, — сообщил мне Хервон, когда передо мной поставили еду, — и разбивали здесь лагерь много раз, возводя постепенно вот это укрепление. Может быть, в твоем возрасте не понять этого, но человеку необходимо место, куда он может вернуться, и мы нашли его. Когда горы сдвинулись, а служба наша на границе подошла к концу, мы решили обосноваться здесь.

Я порывался расспросить его о том, что случилось с Эсткарпом за то время, что нас здесь не было. Но понимал, что это невозможно.

— Карстен действительно не опасен? — я рискнул задать только такой вопрос.

Тот, что вел меня с холма, хмыкнул. Его звали Годгар. Хервон улыбнулся.

— Похоже на то. Ничего нового пока не слышно, но если после такого поражения кто-либо из людей Пагара выжил, то он не человек, а дьявол. Потеряв всю армию, не имея прохода в Эсткарп, они придут в себя не скоро. Фальконеры по-прежнему несут службу в горах — вдруг остались какие-нибудь отряды — и их соколы следят за малейшим движением с южной стороны.

— Но Ализон ведь не побежден? — спросил я. На этот раз рассмеялся Годгар.

— Ализон? Эти собаки попрятались в своих конурах. Не думаю, что им придется по нраву что-либо наподобие того удара по Карстену. И раз Сила...

Я заметил, как Хервон метнул в его сторону недовольный взгляд, и Годгар сразу затих, смутившись.

— Да. Сила поработала что надо, — вставил я. — Благодаря колдуньям мы теперь можем вздохнуть свободно.

— Но сами колдуньи при этом пострадали, — раздался голос леди Криствиты, сидевшей рядом с мужем. — Они лишились своей мощи — многие погибли, другие истощены. Знай Ализон об этом, нам несдобровать.

Хервон кивнул.

— Так что правы те, молодой человек, кто называет это перемирие лишь вздохом. — Он опустил глаза. — Возможно, мы зря тратим свои силы, воздвигая все это. Но так трудно терять все...

Рука женщины легла на плечо Хервона. Затем ее глаза обратились к дочерям, стоявшим поодаль. Я заколебался. Если каким-то чудом мне удастся уговорить этих людей следовать за

мной на восток, что предложу я им, кроме новых опасностей и трудностей? Возможно, бедствия хуже тех, от которых бежали они из Карстена. Оставить их в этом маленьком, с таким трудом завоеванном мире? Я вспомнил золотистую землю. Ничто не остановит меня, я должен исполнить свой долг.

Годгар кашлянул.

— Молодой человек, куда ты едешь или идешь? Ведь несмотря на то, что на тебе обувь всадника, тебе пришлось пробираться и пешком.

И тогда я решился открыть им свою тайну, рассказать, зачем явился к ним, преодолев горы, хотя чувствовал, что там, где только-только наступил долгожданный мир, говорить о новых войнах неуместно.

— Я ищу людей...

— Людей, а не человека? — Хервон приподнял брови. Мне показалось, что им движет желание мстить, уходящее корнями в его прошлое.

— Да, людей. Тех, кто захочет попытать счастья на новой земле... — Как заставить их поверить мне, какие слова найти и как при этом не сказать лишнего?

Годгар нахмурился.

— Ты не похож на салкара, набирающего рекрутов. Глупо было бы проникать в глубь страны вместо того, чтобы собрать добровольцев вдоль рек и в портах. Если ты затеваешь что-то против Ализона, то знай: сенешаль запретил кому бы то ни было заниматься этим...

— Нет. Я не призываю вас сражаться ни на море, ни в северных краях. Я предлагаю вам землю — хорошую землю — которую нужно отстоять с мечом в руках.

Леди Криствита пристально посмотрела на меня. Она подалась вперед, не отрывая глаз, словно была колдуньей и могла разгадать, правду я говорю, или лгу.

— И где находится эта твоя земля, странник?

Я провел языком по пересохшим губам. Настало время испытания.

— На востоке, — ответил я.

Недоумение отразилось на лицах окружающих. Неужели их сознание так заблокировано, что я не могу заставить их даже подумать о переходе в Эскор?

— На востоке, — повторила леди Криствита недоуменно, будто я произнес слово, не имеющее абсолютно никакого смысла. — Восток? — снова переспросила она, но на этот раз резче.

Я рисковал, но вся моя жизнь прошла в постоянных опасностях. Именно сейчас надо узнать, смогу ли я убедить этих людей. Рассказать им все, что знаю сам? Может быть, эта правда освободит их от пут, что одели на их сознание давным-давно?

И я поведал им о том, что удалось узнать Кемоку в Лормте, о том, что увидели мы за горами, закрытыми для Эсткарпа. Но при этом я не раскрыл своего настоящего имени. Меня прервала леди Криствита.

— Если бы это была правда, то каким образом вам удалось проникнуть через эти горы, которые мы не помним, о которых нам не дозволено даже знать, и которые были закрыты для нас на протяжении веков? — подозрительно спросила она.

Но теперь заговорил хозяин, словно не услышав слова жены:

— Действительно, я никогда не слышал о востоке. В Карстене — да, но здесь — ни разу. Словно это направление вовсе не существует.

— Леди задала вопрос, который требует ответа, — рыкнул Годгар с другой стороны. — Я бы тоже хотел услышать его.

Выхода нет. Чтобы доказать свою правоту, мне придется рассказать им все — раскрыть причину, по которой я ушел на восток.

— Я направился туда по двум причинам. Я объявлен вне закона, — скорее всего так оно и есть, — и я не чистокровный представитель Древней расы.

— Я так и знал! — Годгар сжал кулак. — Вне закона, и он хитростью заставил нас считать его своим гостем. Хозяин! Но

он не смеет являться таковым! Его надо убить, иначе он принесет нам много неприятностей!

— Возьми себя в руки! — прервал его Хервон. — Как зовут тебя, объявленный вне закона? Тебе придется открыть свое имя!

— Киллан из рода Трегарта.

На какое-то мгновение мне показалось, что мое имя ничего им не говорит. Но Годгар вдруг взревел и бросился на меня с кулаками — в голове у меня зазвенело. Шансов на спасение нет — вон их сколько против меня! Еще один удар — темнота, голова раскалывается, тело гудит, опять темнота...

... Еле различимые очертания двери или ворот прямо надо мной, земля под ноющим телом, руки крепко связаны веревкой — наверное, я в каком-то подвале. Я представил подобное сооружение — глубоко под землей, выложенное камнем или глиной, сверху лаз.

Но почему я до сих пор жив? Почему они не убили меня на месте? Годгару мое имя известно. Но они оставили меня в живых, значит, решили передать в руки Совета — а это похуже любой смерти. Я потерпел поражение. Свои ошибки начинаешь понимать уже после того, как допустишь их — они словно щиты завоевателей на стенах побежденного замка. Впрочем, я не рассчитывал самонадеянно на победу. Сколько мне здесь еще находиться? Наверняка, до властей добираться больше дня, ведь это окраина страны — даже если они отправились на самых быстрых скакунах. Если только поблизости нет того, кто может общаться с колдуньями на расстоянии.

Я попытался шевельнуться — малейшее движение доставляло нестерпимую боль, раскалывалась голова, подступала тошнота. Тот, кто связывал меня, знал толк в этом деле. Мне не хватит сил выпутаться. Стоит ли надеяться на помощь? Если я попаду в руки Властительниц, то должен кое-что сделать для других. Обратят ли колдуньи взор на восток? Могут. Я не умею заглядывать в будущее. Но я должен предупредить тех, кто ждет меня с той стороны гор... Я сосредоточился, представил в

своем воображении Каттею, пытаясь мысленно найти ее, где бы она ни находилась в настоящий момент. Слабый, слишком слабый отголосок... Тонкая нить... Кемок? Я напрягся — нет, я не слышу его. Наш талант не развит до такой степени. Дахаун ошибалась, говоря, что в экстренных ситуациях я могу общаться подобным образом. Дахаун? Я представил ее такой, какой видел в последний раз. Лишь намек на контакт — не тот, что существовал между мной и Кемоком или Каттеей, когда слова и мысли переходят друг к другу, но достаточный для того, чтобы предупредить об опасности. В ответ раздалось нечто неясное — словно кто-то пытался докричаться до меня, но на чужом языке — я не понимал этого послания. Я почувствовал, как от напряжения выступила испарина на лбу. Потом контакт прервался.

Я тяжело дышал, сердце мое билось, словно я убегал от врага. Раздался какой-то звук — словно из другого мира, издалека. Неожиданно глаза ослепил луч света — открыли лаз. За мной пришли. Я приготовился к самому худшему. Шелест платья. Я высоко поднял голову. Почему леди Криствита пришла одна? Дверь за ней захлопнулась, наступила кромешная тьма. Она подошла ко мне. Я уловил запах сладкой травы, которую женщины обычно кладут между свежевыстиранным бельем. Она приблизилась ко мне вплотную.

— Скажи мне, почему ты бежал из Эсткарпа?

Ее вопрос прозвучал властно. Но почему она решила спросить меня об этом? Какое теперь имеет значение причина нашего бегства? Я рассказал ей обо всем, что знали мы трое. Она слушала меня, не перебивая.

— Для той земли это шанс на спасение? Кто будет править ей?

— Добро вместо Зла, но этому будет предшествовать война, — озадаченно ответил я. — Но почему это вас так заинтересовало, леди?

— Это может значить многое или абсолютно ничего. Они отправили гонца в Эс-Касл... Скоро... за тобой придут.

— Я так и думал. — Голос мой не дрогнул. Снова шелест платья. Она покидает меня. Но, поднявшись по лестнице, она заговорила вновь:

— Не все думают одинаково. Вне закона можно оказаться потому, что не всем законам можно подчиняться.

— Что вы имеете в виду?

Она не ответила на мой вопрос, лишь проговорила:

— Пусть удача сопутствует тебе, Киллан Трегарт. Ты заставил о многом задуматься.

Я слышал, как она ступила на последнюю перекладину, увидел, как открывается дверь. Опять темнота. Я остался наедине со своими мыслями.

Глава 17

Они пришли за мной утром, когда небо заволокли серые облака и чувствовалось приближение дождя. Годгар и еще трое, но к моему удивлению, без стражников Совета. Они развязали меня. Не знаю, сколько я пролежал в этом подземелье. Они принесли мне еду и воду, но проделали всё это молча, не проронив ни слова. Я не задавал вопросов. За те проведенные здесь часы я о многом думал. Снов не видел, только утром, проснувшись, продолжал видеть перед собой золотистую страну.

Снаружи меня ждал конь — наверное, самый худший из всего табуна — они привязали меня к седлу, словно боялись, что у меня вдруг вырастут когти и клыки человека-волка. Кроме этих четверых вокруг не было ни души. Мне стало не по себе — быть может, Годгар задумал что-то скверное, ведь с первых минут нашего общения было ясно, что он отнесся ко мне крайне подозрительно. Он возглавил шествие, чуть поодаль от меня ехал один из сопровождающих, другие двое держались позади. Все они были среднего возраста и суровостью походили на своего вожака. Они не выражали явной враждебности, но никакой надежды на спасение у меня не

оставалось. Мы повернули на север — перед нами раскинулась истерзанная земля. Годгар задавал неторопливый, ровный темп. Я оглянулся на крепость. Из головы не выходили слова леди Криствиты. Зачем она посетила меня? Я не верил в то, что это поможет. Но верил, что там, за оградой, меня кто-то понимает и не осуждает. Но крепость словно вымерла. Ехали молча, и мне не хотелось задавать вопросы. Тучи сгущались, потом начал, накрапывать дождь — казалось, спутникам моим все равно: что солнце, что непогода. Несмотря на безвыходность своего положения, я продолжал изучать сопровождающих и местность, запоминая все детали, которые могли бы мне пригодиться в случае побега. Но руки мои были привязаны к седлу, ноги — к стременам, а поводья держал тот, что ехал впереди. Шлема на мне не было, лишь кольчуга. На поясе — никакого оружия. Да и лошадь мою догонит любой из их скакунов.

Мы ехали по открытому пространству, где невозможно укрыться. Пожелтевшая трава по обочинам дороги доходила до стремян. Дождь моросил по-прежнему. Кроме антилоп, скачущих вдали, никакой живности не было. И птицы... Не знаю, почему я начал всматриваться в небо и искать там изумрудную птицу. Вряд ли фланнан неожиданно опустится передо мной. Но каждый раз, стоило только увидеть птицу, как я начинал напрягать зрение.

Годгар остановился и дождался, пока тот, что ехал рядом со мной, не догонит его. Затем он что-то тихо сказал, перехватил вожжи моей лошади и поравнялся со мной. Глаза злобно сверкали сквозь металлическую сетку шлема.

— Кто прислал тебя, нарушающий клятву? Кто направил для того, чтобы причинить неприятности роду Дульмата?

Я не понимал, чего он добивается.

— Я не нарушал клятвы и не желал роду Дульмата зла.

Я был привязан и не смог увернуться от его удара, последовавшего в ответ на мои слова — в глазах потемнело, я покачнулся в седле.

— Ты знаешь, как можно заставить человека говорить, — рявкнул он. — Карстен многому научил нас!

— Наверное, ты можешь заставить человека говорить, — выдавил я, — но только если тому есть что сказать.

На мое счастье, кроме жестокости он обладал в определенной степени и умом, хотя привык полагаться на силу. На этот раз он задумался.

— Ты отправляешься в Совет. Если ты тот, за кого себя выдаешь, то знаешь, что тебя ждет.

— Да. — Годгар — воин до мозга костей, а значит верит в неотвратимость судьбы. Мне оставалось лишь надеяться на чудо.

— Они вытянут из тебя все, что тебе известно, и мы рано или поздно узнаем то, что хотим знать. Почему бы не рассказать это сейчас? Кто направил тебя к Хервону, чтобы очернить его имя?

— Никто. Я пришел для того, чтобы...

— Прискакал на одной из наших лошадей — той, что умчалась вдруг в неизвестном направлении и вернулась через два дня и ты вслед за ней? Судя по твоим словам, ты тоже обладаешь частично колдовским Даром, нарушитель клятвы, значит, ты мог подстроить все это. Но зачем? Почему ты хочешь Хервону зла? Кровная месть? Но мы не враждовали. Кто заставил тебя?

— Я не выбирал вашу крепость преднамеренно, — устало произнес я. Переубедить его невозможно. Он уверен, что я желаю его хозяину только зла. То, что среди представителей Древней расы до сих пор существует кровная месть, удивило меня. Но Годгар ждал объяснений.

— Я понял, что должен помочь Эскору. И отправился сюда для того, чтобы набрать добровольцев, которые пожелали бы освободить ту землю, что когда-то была их родиной, от власти Зла.

Я ожидал очередного удара, требований говорить ту правду, которую он ждал от меня. Но к моему удивлению Годгар повернул голову и посмотрел на восток. Потом он засмеялся, что больше походило на хриплый лай.

— И ты думаешь, что твой рассказ поможет тебе набрать воинов и отправиться с ними в никуда, объявленный вне закона? Да я могу придумать кучу всяких слов, которые сослужили бы тебе верную службу!

— Думай, что хочешь, — ответил я, устав спорить. — Но вот как все было. Мою сестру силой увезли в Место Власти. Она, как и мой брат и я, обладает Даром. И благодаря тому, что ей удалось мысленно связаться с Кемоком и позвать его на помощь, она не успела дать клятву колдуньи. Мы забрали ее из Места Власти, так как колдуньи были истощены после того, как закрыли горы. Отвоевав ее свободу, мы направились на восток, в неизвестность. Мы прошли через горы, там оказался Эскор, который населяют как враги, так и друзья. Там очень нужны люди, чтобы одержать победу над Злом в очень древней войне. Не то, чтобы я сам того пожелал — могу поклясться своим гербом или именем — но на меня словно возложили эту миссию некие силы. И вот я здесь, ищу тех, кто пойдет со мной через горы. Больше никакая сила ничего не вытянет из меня, так как это чистая правда!

Годгар уже не смеялся. Напротив, он очень внимательно смотрел на меня.

— Я слышал о Хранителе Границы, Саймоне Трегарте...

— И о госпоже Джелит, — добавил я. — И ни для кого не секрет, что он чужестранец и владеет некой Силой — разве я не прав?

Он неохотно кивнул.

— Так можешь ли ты поверить в то, что мы, плоть от их плоти, тоже обладаем Даром, который не присущ другим? Мы рождены вместе, и всегда едины духом, а иногда и мыслями. Когда Каттея позвала нас из Места Власти, мы услышали ее и пришли ей на помощь. Если за это мы заслужили смерть от меча, что ж...

На этот раз Годгар промолчал, потом рванул вперед. Мы шли рысью по каменистой дороге. Дождь не прекращался. За все длинное утро он больше не проронил ни слова. Днем мы

сделали привал среди камней, там, где выступ скалы образовывал естественное укрытие от непогоды, а рядом с почерневшим кольцом камней были приготовлены дрова. Место стоянки.

Я с трудом размял затекшие ноги, когда они спустили меня с лошади. Но, развязав ноги, они оставили руки связанными. Они достали хлеб, вяленое мясо, фрукты, потом освободили мои руки, чтобы я смог поесть, но один из них встал при этом за моей спиной; потом меня снова связали. Но, к моему удивлению, они не оседлали коней, а разложили костер, тщательно укладывая дрова. Но для чего? Ведь мы уже поели! Затем Годгар разжег огонь, отошел вправо и стал размахивать своим плащом. Подает сигнал! Влево, вправо, вперед, назад, опять вперед... Я всматривался сквозь пелену дождя, пытаясь разглядеть что-либо вдали в ответ на эти позывные. Безрезультатно.

Однако мои стражи, казалось, были довольны. Они не стали гасить огонь, а разложили вокруг него свои промокшие плащи. Я не отрываясь смотрел вдаль — кого они ждут и зачем?

Годгар кашлянул — звук гулко отозвался среди камней, ведь после того, как мы спешились, никто не проронил ни слова.

— Мы ждем тех, кто передаст тебя в руки Совета, — обратился он ко мне. — Никто из них не знает, что ты укрывался у Хервона.

— Но ты же сам говорил, что если они захотят, они узнают, все, что им надо. — Я не понимал, к чему все эти условности, какие-то слова при прощании.

— Может быть.

И тут до меня дошло: из меня не вытянут ни слова только в том случае, если я буду мертв! Они даже не узнают, что это имеет какое-либо отношение к Хервону.

— Зачем кому-то другому перерезать мне горло? — спросил я. — У тебя у самого в руке меч.

Он не ответил, и я заговорил вновь:

— Или твой меч вспыхнет синим огнем, как только его озарит кровь и все поймут, что это сделал ты? Твой хозяин наверняка не способен убить человека, когда тот связан, а ты?

Годгар замешкался. Глаза его вспыхнули, он соображал, как поступить. Старые обычаи все еще имели влияние на этих людей. В моем сознании вдруг мелькнуло что-то — словно чей-то голос подсказывал мне слова клятвы, против которой не устоит ни один воин, способный держать в руках меч.

— Ты знаешь меня — я Киллан Трегарт. Я служил разведчиком на границе, верно? Слышал ли ты что-нибудь плохое о нашей службе?

Он не понимал, к чему я клоню, и ответил вполне искренне:

— Я слышал, что ты был разведчиком. Ты был воином... и неплохим... но это было давно.

— Тогда слушайте меня внимательно, ты, Годгар, и вы... — Я помолчал, затем медленно и с расстановкой, как сестра, когда произносила свои заклинания, начал говорить. — Пусть меня сразит собственный меч, пронзят собственные стрелы, если я когда-либо замышлял зло против рода Дульмата или кого-либо из жителей Эсткарпа.

Они удивленно смотрели на меня. Смогу ли я убедить их? Они переступали с ноги на ногу, переводя взгляд с меня друг на друга. Годгар сорвал с себя шлем, как будто снова собирался заняться едой.

— Ты хотел зла! — сердито воскликнул он.

— Зла? — резко переспросил я. — Какого зла, Годгар? Я поклялся на мече, что не желаю зла ни тебе, ни кому-то другому. О каком зле ты говоришь? — я повернулся к другим.

— Вы верите мне?

Они пожали плечами, потом тот, что стоял в центре, заговорил:

— Верим, потому что должны верить.

— Тогда в чем заключается мое зло?

Годгар сделал несколько шагов взад-вперед, потом остановился и взглянул на меня.

— Мы служим им. Ты не наш, ты пришел из ниоткуда. Но почему из-за тебя у нас должны возникать неприятности с Советом? Что за колдовство ты применил, объявленный вне закона?

— Никакого колдовства, кроме того, что нас с вами объединяет, — я показал на каждого из них, — с тобой, с тобой и с тобой, Годгар. Я воин, я выполнял свой долг честно. Но Совет объявил меня вне закона. Я пришел сюда, потому что некая сила заставила меня. Но никто не докажет, что я пришел к вам со злыми намерениями, потому что это не так.

— Слишком поздно. — Один из моих стражников махнул рукой.

К нам приближались всадники. Пять... нет, шесть. Годгар кивнул в их сторону.

— Они наши должники за один бой. Раз ты говоришь, что попал к Хервону случайно, клянешься на мече... ладно, ты останешься живым, тебя не убьют. С колдуньями разбирайся сам, хотя не думаю, что тебе повезет. Но это... уже не мое дело, воин!

— Да, не твое дело, — согласился я.

— Подожди!

Он заговорил резко.

— Что там?

Со всадниками нас разделяло лишь поле, поросшее высокой травой. Он показал на траву, которая вдруг затрепетала, стала похожей на неспокойное море. И сквозь него шло такое войско, какого никто из нас никогда не видывал. На нас надвигались антилопы, неуклюжий медведь, барс, еще какие-то звери, которых трудно было различить из-за вздымающейся волнами травы... все они шли прямо на нас!

— Что они собираются делать? — растерянно спросил Годгар, словно никогда не видел перед собой атакующего противника. Все это шествие было сверхъестественным, жутким.

Я подался вперед, и никто из них не остановил меня, они стояли как зачарованные. И также, как заволновалась трава, пришло в движение небо — вдруг налетели и стали собираться стаями птицы. Они пикировали вниз, галдели и пытались достать нас под навесом. Эти люди видели в своей жизни многое, участвовали во многих сражениях, но подобное им довелось испытать впервые. Я старался мысленно связаться с животны-

ми. Я установил с ними контакт, прочитал в их мыслях решимость — но не мог управлять ими каким-либо способом. Я отошел от своих спутников, которые прижались к скале. Птицы кружились вокруг меня, били крыльями, щебетали, но не атаковали. Войско животных ходило вокруг, но смотрело не на меня — а на тех, кто привел меня сюда. Я пошел от Годгара и его людей в поле, под дождь.

— Стой! Буду стрелять!

Я оглянулся. Он навел на меня стрелу. Вдруг я увидел то, что искал в небе — изумрудную птицу. Она ринулась прямо на Годгара. Он вскрикнул и едва успел увернуться от ее удара. Я прошел мимо барса, сердито помахивающего хвостом и рыкающего — он смотрел не на меня, а на тех, кто стоял за моей спиной; мимо антилопы, выбивающей из камня искры, мимо всего этого мохнатого и разномастного войска. Я старался найти того, кто направил эту силу, управлял ею. И я был уверен, что этот кто-то существует. Лошади, на которых мы прискакали сюда, фыркнули, заржали и умчались, испугавшись этой сверхъестественной мощной атаки. Я услышал за спиной крики, но на этот раз решил не оборачиваться. Если мне суждено умереть от стрелы Годгара, то зачем подставлять ей лицо? Лучше идти навстречу свободе. Но со связанными руками двигаться не так-то просто. Земля под ногами была скользкой от дождя, я боялся упасть, и поэтому приходилось смотреть под ноги. Затем я услышал позади какие-то странные звуки, заставившие меня оглянуться. Когда я пошел прочь от укрытия, за мной поплелись и мои стражники — не по собственному желанию, по принуждению. Их вели животные и птицы. Что стало с их оружием, не знаю, но шли они с пустыми руками. Было непривычно видеть их безоружными и беспомощными. Они шли, отбиваясь от птиц, словно в каком-то кошмарном сне. Я держал курс на восток, так мы и шли гурьбой — над головами птицы, вокруг — войско животных, больших и поменьше. Они ревели, рычали, выли, хрипели, словно выражали протест против той силы, что их вела. Я

посмотрел в ту сторону, откуда появились всадники Совета. Никого! Испугались этой дикой орды? Это было самое странное шествие, которое я видел за всю мою жизнь. Звери шли кто рядом, кто чуть поодаль от меня. Потом маленькие зверюшки отстали, продолжали путь только крупные. Птицы собрались в стаи, громко кричали. Но моя изумрудная птица исчезла.

Мы брели и брели по полю, не имея перед собой цели, но явно шли не к крепости Хервона. Снова и снова я пытался установить мысленный контакт с этой природной силой, чтобы как-то управлять ею. Потом вдруг вспомнил старую-престарую походную песенку:

— На суше, на море
Настигнет любого
Наш меч суровый!

Потом оказалось, что пою ее во весь голос. Рев вокруг меня постепенно стих, птицы тоже замолчали. Так они и шли в полной тишине, сами не понимая, куда идут.

Я повернул голову и посмотрел на людей, идущих следом за мной. Лица их потемнели. Они холодно смотрели на меня, не понимая, что за сила ведет их в неизвестном направлении против их воли.

— Годгар! — я повысил голос, чтобы вывести его из оцепенения. — Годгар, иди своей дорогой. Она ведет к роду Дульмата. Говорю тебе, между нами нет кровной вражды, я не держу на тебя зла и за сегодняшний день. Был бы у меня меч, мы бы обменялись с тобой оружием в знак перемирия.

Он помедлил.

— Капитан, — обратился он ко мне почтительно, — если ты предлагаешь мир, мы согласны. Но те, что ведут нас, позволят ли они?

Этого я не знал.

— Попробуйте, — ответил я.

Затем, внимательно следя за флангами, Годгар и его люди повернули на юг. Медленно и неохотно звери расступи-

лись. Увидев это, Годгар распрямил плечи. Он снова посмотрел на меня.

— Об этом придется сообщить, — сказал он.

— Что ж, — ответил я.

— Подожди! — он направился ко мне. Барс оскалил клыки, зашипел. Годгар остановился чуть поодаль. — Я не желаю тебе зла. Но идти с завязанными руками трудно. Я развяжу тебя.

Но барс не позволил ему приблизиться ко мне.

— Похоже, наши клятвы здесь недейственны, Годгар. Иди с миром и сообщи о случившемся, как полагается. И повторяю — я не держу зла ни на тебя, ни на твоих людей.

Он вернулся к своим воинам, и они пошли на юг в сопровождении животных. Я понял: их доведут до места. Но мне уготована другая дорога — изумрудная птица снова появилась в небе, призывая меня следовать за ней.

Глава 18

Постепенно сопровождающих меня зверей становилось все меньше. Когда Годгар и его люди скрылись из вида, я огляделся вокруг — оскалившийся барс, фыркающая, бьющая копытом антилопа. В прошлом враги, теперь их объединила одна цель. Барс зарычал; я посмотрел на восток — он затих. Войско таяло на глазах, но я чувствовал, что еще кто-то ведет меня к цели.

Пение птицы над головой — посланник Дахаун предупреждает меня о чем-то. Я свернул с дороги в мокрую траву, больно хлеставшую по рукам и ногам, и скрывавшую иногда моих спутников. Птица все время летела впереди. Дахаун — она прошла через горы? Вряд ли — слишком тесными узами она связана с Эскором, чтобы проникнуть сюда. Кемок? Но я чувствовал, что животными и птицами управлял не Кемок, не Каттея, не чья-то другая колдовская сила, рожденная в Эсткарпе.

Впереди возвышались темные горы. Этой дорогой я выйду к их склонам. Я попытался освободить руки от веревки. Там, в

горах, без помощи рук мне не обойтись. Веревки врезались в кожу, из ран сочилась кровь. Как избавиться от них? Превозмогая страшную боль, я наконец высвободил одну руку, потом другую, поднял опухшие руки вверх и пошевелил пальцами.

Дождь кончился, но небо не просветлело, наступили сумерки. Меня не столько пугала тьма, сколько то, что из-за дикой усталости я продвигаюсь слишком медленно. Я оглянулся. Антилопа приподняла голову, глаза барса сверкнули злобой. Я сделал шаг или два по направлению к ним. Рычание и шипение — предупреждение. Из травы показались другие звери. Дорога на запад для меня закрыта. Они не пошли за мной дальше, остались стоять в траве — словно перед тем барьером, что разделяет эти земли, за которыми я найду себе подобных. То нас преследовали люди, то изгоняли из Эсткарпа звери. Я добрался до большого камня и присел отдохнуть. Ноги гудели: сапоги для верховой езды неудобны при пеших переходах. Я посмотрел на животных — неуклюжий медведь исчез, остальные внимательно следили за мной. Похоже, кто-то или что-то хочет, чтобы я вернулся в Эскор. Все во мне восстало против подобного насилия. Сначала направили в Эсткарп с бесполезной миссией, теперь тащат обратно. Какой смысл? Не очень-то приятно ощущать себя пешкой в чьей-то игре, которой двигают туда-сюда с непонятной целью.

Дермонт как-то рассказывал мне об очень древнем обычае в Карстене, который прекратил свое существование, когда Древняя раса перестала править там, а землю захватили пришельцы с далекого юга. Раз в десять лет устраивали такую игру. На доске расставляли вырезанные из дерева фигурки. По одну сторону доски садился тот, кто считался великим лордом, по другую — тот, у кого не было ни земли, ни слуг, ничего, но кто хотел испытать свои силы в игре. Этот игрок олицетворял силы разрушения и неудачи, а лорд — силы согласия и успеха. И они начинали игру — на кон ставилось не только все то, чем владел лорд, но и благополучие его земель. И в том случае, если безземельный игрок одерживал победу над лордом, в зем-

лях наступал хаос и раздор. Может быть, сейчас играют именно в эту игру, а меня — живого человека — используют вместо пешки? С одной стороны — Эсткарп, с прочными традициями, крепко стоящий на ногах после победы над Карстеном, с другой стороны — Эскор, с давними проблемами и сложностями. И возможно за этой древней игрой скрыта некая вечная истина, то колебание весов, в котором одна сила побеждает другую. Так можно додуматься неизвестно до чего, решил я. Интересно, есть ли в моих догадках хоть доля правды? Меня определенно направили в Эсткарп, так же, как теперь выпроваживают. Я покачал головой — только животные могли видеть меня в этот момент — и стал рвать траву для ночлега. Одно ясно — сейчас я никуда не пойду.

Этой ночью я спал крепко. Наверное, слишком устал, а может быть, мой покой кто-то охранял. Если я и видел сны, то, проснувшись рано утром, ничего не вспомнил. Поднявшись с примятой травы, я посмотрел на горы. Да, если я действительно всего-навсего пешка в чьей-то игре, то надо идти на восток. С пустыми руками, без оружия, без еды — мне предстоит взобраться по этим скалам. Дважды я оглядывался. Наверное мой сон охраняли животные, но теперь они исчезли. Однако желания возвращаться в Эсткарп не возникало.

В течение всего дня кто-то постоянно управлял моими действиями — не могу передать словами свои ощущения, но это так. Моей целью были только горы. Бессмысленно, бессмысленно — повторяла одна половина моего «я». Заставить меня проникнуть туда, потом забрать — чего я добился? Встретил всего-навсего одну крепость, да и там произвел отрицательное впечатление. Если моей задачей было набрать добровольцев, привести их в Эскор, я провалил дело. У края скалы я остановился — зачем меня вернули в Эсткарп? Для чего? Пнул камешек — он полетел вниз, гулко отзываясь в полной тишине.

Какова их цель? Для чего меня использовали? Я не находил ответа. Оставалось одно — идти и идти вперед, вернуться к тем, кто ждет меня за горами. Я сорвался и побежал, как безум-

ный, испугавшись собственных мыслей и не находя ответа на свои вопросы.

Наконец упал без сил. Я не смогу убежать от тех страхов, что терзают меня. В отчаянии я стал бить руками о землю, пока не довел себя до изнеможения и не успокоился. И как только кровь перестала стучать у меня в висках, я услышал журчание воды, пошел на этот звук и увидел горный ручей. Начал жадно пить холодную воду, потом плескать ее в лицо. Я приходил в себя. Страх — не помощник, лучше прислушаться к чьим-то таинственным приказам, может, тогда узнаю, в чем дело. Возле ручья я обрел некую уверенность. Все это исходит только из Эскора. Войско животных — дело рук не колдуний Эсткарпа. Значит, чем скорее я попаду в Эскор, тем быстрее узнаю, какое место мне отведено во всей этой игре.

Я страшно проголодался. Прошло много времени с тех пор, как я доел последние крошки, оставшиеся от взятых с собой запасов еды. Но здесь никакого пропитания не найти. Что ж, мне часто доводилось голодать, надо продвигаться дальше. Горы — найду ли я ту долину, что вела к перевалу? Иногда, оглядываясь по сторонам, я ничего не узнавал, словно действовали те же силы, искажающие все вокруг, как тогда, когда мы шли с Кемоком и Каттеей в Эскор, а может, причиной тому был голод.

Сумерки не остановили меня, так как мной двигала лишь одна цель — скорее попасть в Эскор. Я не знал, верно ли выбираю дорогу. И вдруг... огонь впереди! Я остановился, как вкопанный, и протер глаза. Боялся, что все это плод моего воображения, галлюцинации, а, может быть, это враги — меня схватят...

Я перебрал в воображении все возможные варианты поведения — обратной дороги нет, возвращаться никак нельзя...

— Брат!

Я был так занят своими мыслями, что не сразу понял значение этого слова. Потом... Кемок! Не знаю, закричал ли я его имя во весь голос, когда побежал к костру — но меня переполняла радость от того, что меня ждут.

Он пришел, чтобы встретить меня, но мои силы ушли, и я не мог бежать. Он подхватил меня и дотащил до оазиса света и тепла, потом прислонил к кустарнику и поднес к моим губам чашу. Я почувствовал руками тепло ее содержимого и припал к ароматному тягучему напитку.

Кемок — в одежде людей Дахаун — даже хлыст за поясом, но такой же родной, как раньше, когда мы вместе объезжали границу. И то, что меня окружало нечто знакомое, притупило ощущение беспомощности, давления извне, так же как напиток утолил чувство голода.

— Ты знал, что я иду? — я первым нарушил тишину, он словно дал мне время, чтобы успокоиться, прийти в себя.

— Она знала... Леди Зеленой Тишины. — В его голосе чувствовалось напряжение. — Она сказала нам, что тебя забрали...

— Да.

— Они не позволили Каттее помогать тебе, поставили мысленный заслон. — Он сердито насупился. — Но они не смогли удержать меня. Они позволили мне прийти сюда и проверить, как сработало их колдовство.

Интересно, Кемок тоже чувствует, что его привела сюда чья-то воля?

— Их колдовство. — Животные... конечно, это колдовство Дахаун.

— Они не были уверены, что их ждет удача в Эсткарпе. Но похоже, все получилось, ведь ты вернулся, Киллан. Но почему ты пошел туда? — он вопросительно посмотрел на меня.

— Потому что я должен был это сделать. — И я рассказал ему обо всем, начав с того самого момента, когда проснулся в Зеленой Долине. Не скрыл от него мыслей о том, что меня использует какая-то неведомая сила в неизвестных для меня целях.

— Дахаун? — спросил он. Я покачал головой.

— Нет, это была не ее воля. Поверь мне, Кемок, мы участвуем в некой игре, где не в праве что-либо выбирать или понимать. Не знаю, зачем меня отправили туда, а потом приказали вернуться.

— Говорят, что в Эскоре сгущаются тучи, зло пришло в движение, и им тоже нужно собирать свои силы. Время перемирия прошло, теперь и те, и другие готовятся к схватке. И поверь, брат, я приветствую это, как бы трудно ни пришлось. Не хочу быть просто наблюдателем, я приму участие в этой игре.

— Каттея... ты сказал, что они поставили ей мысленный заслон.

— До тех пор, пока она не согласится отказаться от применения своей Силы. Они говорят, что в противном случае она разбудит то, чего следует бояться. Она ждет нас вместе с остальными, вон там. — Он показал на скалу позади себя. — Днем мы встретимся.

Той ночью я видел сон. Я ехал верхом по полям Эскора — облаченный в кольчугу, вооруженный, готовый сразиться на мечах. За мной следовали те, кого я знал когда-то. Среди них я увидел леди Криствиту, в боевом одеянии, с оружием в руках, как было принято в периоды великой опасности. Она улыбнулась мне, проезжая мимо, за ней следовали другие люди Древней расы. Мы скакали то вправо, то влево, охваченные тревогой и отчаянием. Над нами развевалось знамя в виде огромной зеленой птицы (а может быть, это была настоящая птица, только в несколько раз больше обычной?), и ветер трепал его так, что оно хлопало словно крыльями. По пятам за нами шла смерть — наши жизни могли потребоваться в виде дани некоему владыке.

— Киллан! — я проснулся и почувствовал руку брата. Он тряс меня за плечо. — Тебе приснился плохой сон?

— Как знать, хороший или плохой. Нам предстоит сражаться, Кемок. Мы либо очистим землю от Зла, либо погибнем... — я пожал плечами. — Так или иначе, у нас есть руки, способные держать мечи. И кто знает, может быть, на этот раз удача не отвернется от нас...

Мы стали медленно подниматься на скалу. Оказавшись наверху, я обернулся. Кемок тоже. Он поднес к глазам бинокль и вдруг весь напрягся — он что-то увидел.

— Что там?

Вместо ответа он протянул мне бинокль. Деревья и кустарники замелькали перед глазами. И среди них — люди. Снова идут по моим следам? Но они не смогут пройти, их остановит барьер. Большой отряд... погоня? Потом я навел резкость — один всадник, другой, третий... Не веря своим глазам, я оглянулся и посмотрел на Кемока. Он кивнул, с лица его тоже не сходило удивление.

— Твое зрение тебя не обманывает, брат! В основном это женщины!

— Но почему? Колдуньи сами решили поймать меня.

— Какая колдунья может везти с собой ребенка?

Я снова посмотрел в бинокль — действительно, поперек седла на одной из лошадей была прикреплена люлька, а всадница была одета в походные брюки — значит, отправилась в долгий и трудный путь.

— Силы вторжения... За ними наверняка кто-то гонится... — Я не мог собраться с мыслями.

— Не думаю. Они едут с юго-запада. А вторжение можно ожидать только с севера, из Ализона. Нет, наверняка это добровольцы, за которыми тебя направляли, брат.

— Не может быть... женщины, дети? Я звал только людей из крепости Хервона, но там меня не стали слушать, узнав, кто я такой. Они не могли...

— Это ты считаешь, что не могли, — поправил он. Не знаю почему, но в этот момент на меня нахлынули детские воспоминания. В Эстфорд приехал наш отец, что случалось редко. Да, именно тогда он привез с собой Откелла для того, чтобы тот начал обучать нас боевому искусству. И он рассказывал о том, что произошло когда-то в Горме. Корабль салкаров принесло течением в бухту, вся команда оказалась мертвой. Но они успели написать на бревне, что с ними произошло. Так дошла до других правда о случившемся с ними. Оказалось, что всех их сразила чума, которую они подхватили в далеком порту. Корабль отбуксировали подальше в море, подожгли и зато-

пили вместе с мертвыми. Эта беда случилась из-за одного человека, вернувшегося с берега с семенем смерти.

Наверное, и я был послан в Эсткарп для того, чтобы бросить там какое-то семя — но не смерти и болезни — хотя кто знает, чем все это кончится. И я заразил их необходимостью отправиться вслед за мной в Эскор? Странно, но это, наверное, и дает ответы на все мои многочисленные вопросы. Кемок услышал мою мысль, взял у меня бинокль и еще раз внимательно посмотрел на тех, кто шел к нам с определенной целью.

— Они не похожи на заколдованных или затуманенных, — сообщил он. — Твоя «чума» подействовала на них.

Женщины и дети... нет! Ведь мне нужно было набрать воинов, привыкших держать в руках оружие. Но женщины и дети в мире, полном опасностей, в Эскоре — нет!

— Похоже, кто-то решил обновить нацию, — Кемок опустил бинокль.

— Что они задумали, в какую игру играют? — возмущенно воскликнул я, отстраняясь от бинокля, который протянул мне брат. Нет, все это моя вина, и мне одному придется отвечать за случившееся.

— Они не смогут провести с собой лошадей, — сказал Кемок. Меня поразило то, как быстро он сориентировался в ситуации. — Но их упряжь можно поднять при помощи веревок, а там, за долиной деревьев, их пересадят на рогатых скакунов...

— Ты так уверен? Они идут к нам? — спросил я.

— Да, Киллан, он прав...

Каттея! Она подбежала к нам, схватила меня за руку, потом взяла руку Кемока и мы, трое, вновь соединились.

— Почему? — спросил я, надеясь, что у нее есть ответ на мой вопрос.

— Почему они пришли? Не все захотели, лишь те, кто может услышать зов. Почему тебя послали к ним, Киллан? Потому, что ты один из нас, способных донести семя этого зова. Но во мне слишком много осталось от колдуний Эсткарпа, я бы не справилась, Кемок слишком тесно связан со мной.

Поэтому именно тебе пришлось стать посланцем, сеятелем... И вот он — урожай!

— Они пришли за своей смертью!

— Некоторые из них действительно умрут, не скрою, — согласилась моя сестра. — Но разве не все живые существа в конце концов находят свою смерть? Ни один человек не может предсказать заранее, когда наступит его последний час. Все мы подвластны воле случая и многого не понимаем. Разве можно винить меч за то, что он убивает? За ним всегда стоит рука, его держащая, и помыслы, ответственные за смерть!

— По чья рука и чьи помыслы стоят за нами?

— Разве можно назвать имена тех, Кто Вечен?

Ответ ее меня озадачил. Я знал, что некоторые до сих пор верят в сверхъестественные силы, стоящие выше природы, человека и мира. Какое-то колдовство?

— Да, Киллан. Я не знаю, под чьим знаменем мы идем сейчас. Вполне возможно, что впереди нас поджидают большие опасности. Но пути назад нет!

Так говорит она — чужестранка в Эскоре. И я, тот, кто привык к звону мечей в битве, снова возьмусь за оружие. И пусть впереди нас ожидает неизвестность, неведомая нам магия, мы сделали свой выбор. Это лишь начало новой страницы в нашей жизни, семя, которое даст урожай намного позже. И об этом — следующий рассказ.

СОДЕРЖАНИЕ

Колдовской мир 5
Паутина Колдовского мира . . 203
Трое против Колдовского мира . 377

ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ ПРЕДЛАГАЕТ

ЛУЧШИЕ КНИЖНЫЕ СЕРИИ

СЕРИЯ "КООРДИНАТЫ ЧУДЕС"

Лучшие из лучших произведений мировой фантастики, признанные мастера, живые классики жанра и талантливые новые авторы последнего поколения фантастов, буквально ворвавшиеся в литературу...
Величайший фантастический шедевр нашего времени — трилогия Дэна Симонса "Гиперион", "Падение Гипериона" и "Эндимион", неподражаемо оригинальные романы Дугласа Адамса из цикла "Автостопом по Галактике" и остросюжетный, полный приключений сериал Лоис М. Буджолд о космическом герое Майлзе Форкосигане, великолепные Грег Бир, Конни Уиллис, Джонатан Летем, Джордж Мартин и многие другие...

Книги издательства АСТ можно заказать по адресу: 107140, Москва, а/я 140 АСТ – "Книги по почте". Издательство высылает бесплатный каталог.

ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ ПРЕДЛАГАЕТ

ЛУЧШИЕ КНИЖНЫЕ СЕРИИ

СЕРИЯ "ЗВЕЗДНЫЙ ЛАБИРИНТ"

Лучшие произведения отечественных писателей-фантастов! Признанные мастера: Андрей Лазарчук, Евгений Лукин, Сергей Лукьяненко - и молодые, но не менее талантливые авторы: Владимир Васильев, Александр Громов и многие другие. Глубина мысли, захватывающий сюжет, искрометный юмор - все многообразие фантастики в новой серии нашего издательства.

Книги издательства АСТ можно заказать по адресу: 107140, Москва, а/я 140 АСТ - "Книги по почте".

Издательство высылает бесплатный каталог.

ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ ПРЕДЛАГАЕТ

ЛУЧШИЕ КНИЖНЫЕ СЕРИИ

Век Дракона

СЕРИЯ "ВЕК ДРАКОНА"

В серии готовятся к выпуску произведения признанных мастеров жанра фэнтези — Анджея Сапковского, Роберта Джордана, Лоуренса Уотт-Эванса, Кристофера Сташефа, Глена Кука, Терри Гудкайнда, Дэйва Дункана, а также талантливых молодых авторов: Мэгги Фьюри, Марты Уэллс, Грегори Киза и других.
"Век Дракона" — это мастера мечей и волшебства, войны с кровожадными чудовищами и ошеломляющие поединки, великие герои и отважные воительницы, невообразимые страны и невероятные приключения...

Книги издательства АСТ можно заказать по адресу: 107140, Москва, а/я 140 АСТ –"Книги по почте".

Издательство высылает бесплатный каталог.

ЛУЧШИЕ КНИГИ
ДЛЯ ВСЕХ И ДЛЯ КАЖДОГО

✦ **Любителям крутого детектива** – романы Фридриха Незнанского, Эдуарда Тополя, Владимира Шитова, Виктора Пронина, суперсериалы Андрея Воронина "Комбат", "Слепой", "Му-му", "Атаман", а также классики детективного жанра – А.Кристи и Дж.Х.Чейз.

✦ **Сенсационные документально-художественные произведения** Виктора Суворова; приоткрывающие завесу тайн кремлевских обитателей книги Валентины Красковой и Ларисы Васильевой, а также уникальные серии "Всемирная история в лицах" и "Военно-историческая библиотека".

✦ **Для увлекающихся таинственным и необъяснимым** – серии "Линия судьбы", "Уроки колдовства", "Энциклопедия загадочного и неведомого", "Энциклопедия тайн и сенсаций", "Великие пророки", "Необъяснимые явления".

✦ **Поклонникам любовного романа** – произведения "королев" жанра: Дж.Макнот, Д.Линдсей, К.Коултер, Б.Смолл, Дж.Коллинз, С.Браун, Б.Картленд, Дж.Остен, сестер Бронте, Д.Стил – в сериях "Шарм", "Очарование", "Откровение", "Страсть", "Интрига", "Обольщение", "Рандеву", "Классика любовного романа".

✦ **Полные собрания бестселлеров** Стивена Кинга и Сидни Шелдона.

✦ **Почитателям фантастики** – циклы романов Р.Асприна, Р.Джордана, А.Сапковского, Т.Гудкайнда, Г.Кука, К.Сташефа, Л.Буджолд, С.Лукьяненко, а также самое полное собрание произведений братьев Стругацких.

✦ **Любителям приключенческого жанра** – "Новая библиотека приключений и фантастики", где читатель встретится с героями произведений А.К. Дойла, А.Дюма, Г.Манна, Г.Сенкевича, Р.Желязны, Р.Шекли, М.Дрюона.

✦ **Популярнейшие многотомные детские энциклопедии:** "Всё обо всем", "Я познаю мир", "Всё обо всех".

✦ **Уникальные издания** "Современная энциклопедия для девочек", "Современная энциклопедия для мальчиков".

✦ **Лучшие серии для самых маленьких** – "Моя первая библиотека", "Русские народные сказки", "Фигурные книжки-игрушки", а также незаменимые "Азбука" и "Букварь".

✦ **Замечательные книги известных детских авторов:** Э.Успенского, А.Волкова, Н.Носова, Л.Толстого, С.Маршака, К.Чуковского, А.Барто, А.Линдгрен.

✦ **Школьникам и студентам** – книги и серии "Справочник школьника", "Школа классики", "Справочник абитуриента", "333 лучших школьных сочинения", "Все произведения школьной программы в кратком изложении".

✦ Богатый выбор учебников, словарей, справочников по решению задач, пособий для подготовки к экзаменам. А также разнообразная энциклопедическая и прикладная литература на любой вкус.

Все эти и многие другие издания вы можете приобрести по почте, заказав

БЕСПЛАТНЫЙ КАТАЛОГ

по адресу: 107140, Москва, а/я 140. «Книги по почте», а также посетив фирменные магазины в Москве: Звездный бульвар, д.21. Тел. 974-1805.

2-я Владимирская, д.52. Тел. 306-1898. **Арбат, д.12. Тел. 291-6101.**
Татарская, д.14. Тел. 959-2095. **Б.Факельный пер., д.3. Тел. 911-2107.**
Каретный ряд, д.5/10. Тел. 299-6584. **Луганская, д.7. Тел. 322-2822**

Эти книги вы можете приобрести за рубежом, заказав бесплатный каталог по адресам:

в США – 58 AVE O BROOKLYN NY, 11204, USA, ph.: 718-2346998
в Германии – EXPRESS KURIER GmbH, ZUNFTSTRASSE 26, 77694 Kehl-Marlen, ph.: 0180/5236210, 07854/966411
в Израиле – 2, MENAHEM STREET, HAIFA, ISRAEL, 33505, ph.: 04-8664969, ADAR

Литературно-художественное издание

Нортон Андрэ

Колдовской мир
Паутина Колдовского мира
Трое против Колдовского мира

Художественный редактор О. Н. Адаскина
Технический редактор О. В. Панкрашина

Подписано в печать с готовых диапозитивов 3.08.99.
Формат 84×108 $^{1}/_{32}$. Усл. печ. л. 28,56.
Тираж 8 000 экз. Заказ № 746.

Налоговая льгота — общероссийский классификатор продукции
ОК-00-93, том 2; 953000 — книги, брошюры

Гигиенический сертификат
№ 77.ЦС.01.952.П.01659.Т.98. от 01.09.98 г.

ООО «Фирма "Издательство АСТ"»
ЛР № 066236 от 22.12.98.
366720, РФ, Республика Ингушетия,
г. Назрань, ул. Московская, 13а
Наши электронные адреса:
WWW.AST.RU
E-mail: astpub@aha.ru

Отпечатано с готовых диапозитивов
в ОАО «Рыбинский Дом печати»
152901, г. Рыбинск, ул. Чкалова, 8.

Андрэ Нортон — одна из самых популярных писательниц за всю историю мировой фантастики, более того, один из тех редких авторов, таланту которых в равной степени подвластны как жанр научной фантастики, так и жанр фэнтези, первая и пока единственная женщина, удостоенная Американской ассоциацией писателей-фантастов высокого титула Великого Мастера.

Однако в ряды классиков фантастической литературы нашего столетия Нортон вошла именно благодаря фэнтези — благодаря своей знаменитой эпической саге о Колдовском мире, мире могучих героев и могущественных волшебников, уникальном, бесконечно оригинальном мире, полюбившемся миллионам читателей...

ISBN 5-237-03206-0

9 785237 032062